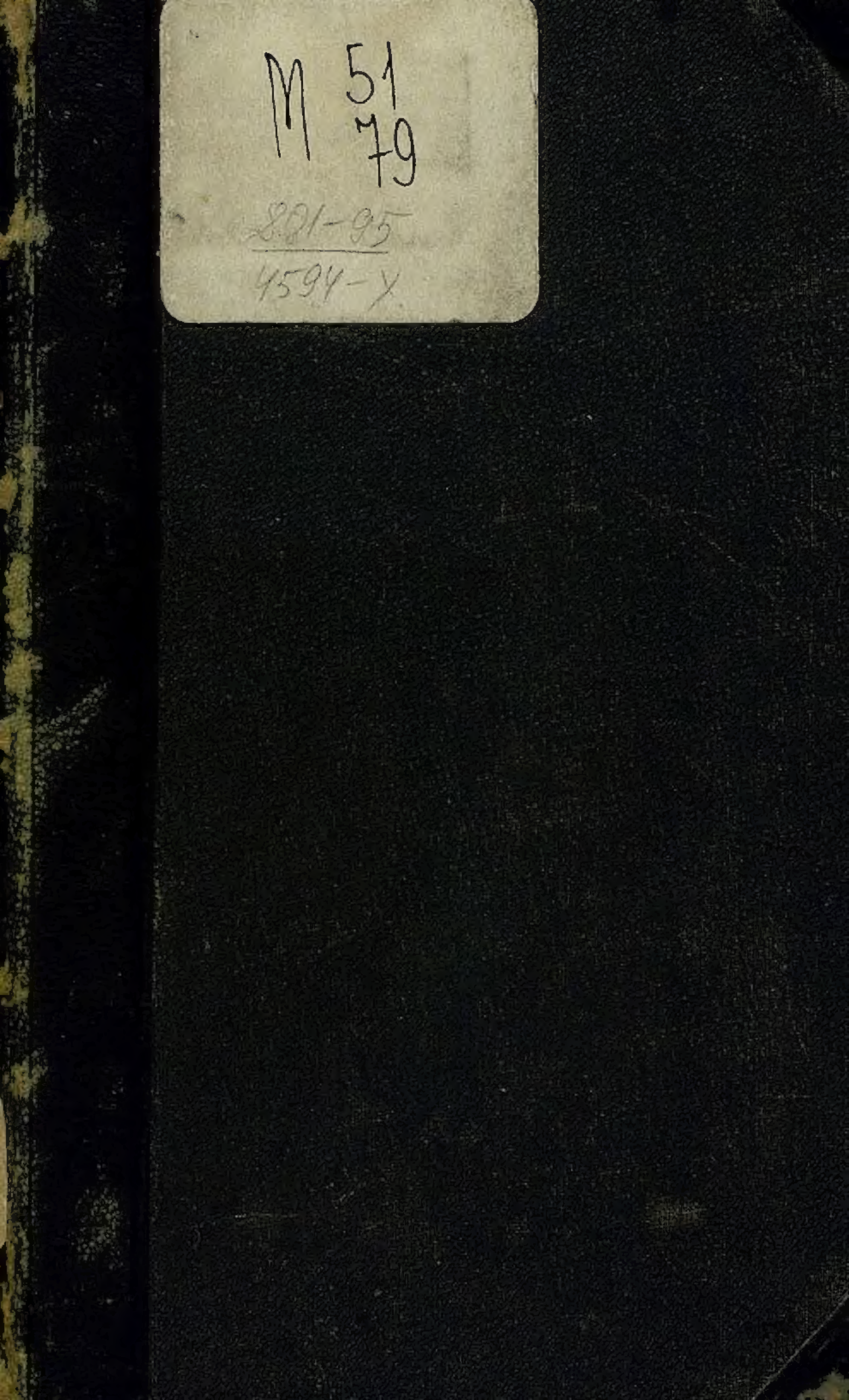

M 51
79
801-95
4594-Y

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

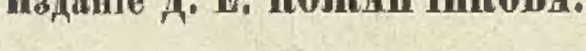
ГРАФЪ Н. С. МОРДВИНОВЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

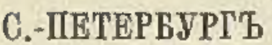
СОСТАВЛЕННАЯ ПО ПЕЧАТНЫМЪ И РУКОПИСНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

В. С. ИКОННИКОВЫМЪ

ПРОФЕССОРОМЪ Университета св. Владиміра.

Изданіе Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и Литографія А. Траншеля, Стремянная улица, д. № 12.
1873

«Всевышній Создатель не сотворилъ меня «равнодушнымъ къ общественному благу, и «всякое побужденіе къ личнымъ выгодамъ «и собственнымъ пользамъ исторгъ изъ мысли «и сердца моего».

Изъ письма Н. С. Мордвинова къ графу Аракчееву находящагося въ рукописномъ Собраніи мнѣній Мордвинова, томъ VI (см. въ настоящей монографіи, стр. 337).

«Мы не паши, засѣдающіе въ Диванѣ, «но члены законодательнаго сословія, гдѣ «изреченія законовъ строго должны быть «соблюдаемы и гдѣ частной волѣ нашей нѣтъ «мѣста».

Изъ письма Н. С. Мордвинова къ графу Аракчееву, напечатаннаго въ Чтен. Моск. общ. исторіи и древностей Россійскихъ, 1858, IV, смѣсь, стр. 113.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее царствованіе разработка русской исторіи получила новое направленіе: для нея сталъ доступнымъ и новѣйшій періодъ нашего прошлаго. Вслѣдствіе этого въ нашей исторической литературѣ появился уже значительный запасъ матерьяловъ, относящихся непосредственно къ послѣднему. Еще въ 1858 году, старѣйшее изъ русскихъ историческихъ изданій: «Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», замѣненное нѣкогда «Временникомъ», совершенно преобразовалось, удѣливъ на своихъ страницахъ значительное мѣсто памятникамъ новой русской исторіи. Затѣмъ явились спеціальныя періодическія изданія, посвященныя позднѣйшему періоду русской исторіи и литературы: «Русскій Архивъ», съ отдѣльными сборниками, «Восемнадцатый» и «Девятнадцатый» вѣка, и «Русская Старина». Русское историческое общество, образовавшееся въ 1866 году, подъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича, успѣло уже втеченіи семи лѣтъ издать десять полновѣсныхъ томовъ весьма драгоцѣнныхъ матерьяловъ. И въ

другихъ литературно-историческихъ журналахъ стали появляться не менѣе важные историческіе источники того же рода (въ Вѣстникѣ Европы, Русскомъ Вѣстникѣ, Зарѣ, и др. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые изъ издателей приступили къ разбору семейныхъ архивовъ (Воронцова, Голенищева-Кутузова, Суворова-Рымникскаго, Румянцова, и др.), а правительство обратило вниманіе на приведеніе въ извѣстность матерьяловъ, хранящихся въ оффиціальныхъ архивахъ (государственномъ, государственнаго совѣта, синодальномъ, министерства юстиціи, и друг.). Изданіе мемуаровъ и писемъ XVIII и XIX вв. дополняетъ это движеніе въ русской исторической литературѣ, а оно, въ свою очередь, не могло не вызвать не менѣе серьозной обработки самаго матерьяла.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже нѣсколько дѣльныхъ монографій и трудовъ, посвященныхъ критическому изслѣдованію позднѣйшей эпохи. Нельзя, однако, не замѣтить, что въ этой обработкѣ болѣе всего посчастливилось времени Александра I [2]). Изданіе матерьяловъ подобнаго рода и обработка ихъ въ этомъ направленіи убѣждаютъ, что новѣйшій періодъ русской исторіи, по своему интересу, заслуживаетъ не меньшаго вниманія, какъ и исторія прочихъ евро-

---

[1]) Отдѣльно изданные матерьялы послѣдней образовали три тома «Памятниковъ новой русской исторіи».

[2]) Таковы сочиненія объ этой эпохѣ графа Корфа: Жизнь графа Сперанскаго; Богдановича: Исторія царствованія Александра I; Сухомлинова: Матерьялы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I; Пыпина: Общественное движеніе при Александрѣ I; его же: О библейскихъ обществахъ въ Россіи; Ковалевскаго: графъ Блудовъ, и др.

пейскихъ народовъ, и что иностранныя изданія о Россіи по той же эпохѣ, появляющіяся время отъ времени, далеко не могутъ удовлетворить серьозныхъ требованій читателя, будучи лишены въ своей обработкѣ самыхъ капитальныхъ матерьяловъ. Вотъ почему въ интересахъ науки желательно, чтобы изданіе послѣднихъ было ведено на возможно-широкихъ началахъ, чтобы оно продолжало развиваться въ строгой системѣ и съ полнымъ довѣріемъ къ наукѣ, которая, въ обработкѣ ихъ, можетъ руководствоваться лишь однимъ побужденіемъ—разъясненіемъ истины... Неполнота, отрывочность и временные перерывы могутъ привести лишь къ одностороннимъ выводамъ. Приэтомъ даже тѣ доводы, что пока идетъ изданіе матерьяловъ и мы не имѣемъ достаточно полнаго собранія ихъ по извѣстнымъ вопросамъ, разработка послѣдняго должна быть предоставлена будущему, не имѣютъ строго-научнаго основанія. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ наша отечественная исторія. Вслѣдствіе того, что въ ней долгое время были доступны изслѣдователю лишь нѣкоторые періоды и вопросы, она не представляетъ строго-систематической обработки. Притомъ, если матерьялъ издается, но не обработывается, то въ дальнѣйшемъ будущемъ онъ всегда потребуетъ вдвое болѣе силъ, будучи лишенъ тѣхъ опорныхъ пунктовъ, которые создаются послѣдовательнымъ развитіемъ науки и служатъ, такъ сказать, основаніемъ для послѣдовательнаго ряда трудовъ.

Нашъ трудъ былъ вызванъ отчасти желаніемъ воспользоваться вновь изданными матерьялами, для обра-

ботки одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ новѣйшей русской исторіи; отчасти трудами, посвященными той же эпохѣ, но мало затронувшими избранный нами предметъ. Мы собрали все, что позволяли наши средства, въ русской и иностранной литературѣ по настоящему вопросу. Съ другой стороны, намъ удалось познакомиться съ рукописнымъ собраніемъ мнѣній Н. С. Мордвинова, благодаря участію внука его, графа А. А. Мордвинова, а также съ перепискою Николая Семеновича, хранящеюся въ Рѣшетиловскомъ архивѣ, принадлежащемъ наслѣдникамъ В. А. Попова.

Въ то время, когда въ нашей исторической литературѣ на царствованіе императора Александра I обращено серьозное вниманіе, и когда на долю одного изъ главныхъ его сотрудниковъ, графа М. М. Сперанскаго, выпало особенное вниманіе нашихъ изслѣдователей, намъ казалось, что настала пора и для оцѣнки другаго дѣятеля русской исторіи, принадлежащаго, главнымъ образомъ, той же эпохѣ и стоящаго въ непосредственной связи съ дѣятельностью Сперанскаго. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на весьма подробную обработку матерьяловъ, относящихся къ послѣднему, на эту связь почти не было обращено вниманія; между тѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками, относящимися къ біографіи Мордвинова, она рѣзко бросается въ глаза, не говоря уже о томъ, что они сами по себѣ даютъ обширный запасъ фактовъ для новѣйшаго періода русской исторіи. Въ этой связи Сперанскій иногда является какъ органи-

заторъ и исполнитель, а Мордвиновъ какъ начинатель и неутомимый преслѣдователь разъ созданной цѣли. Наконецъ, появленіе подробной біографіи Мордвинова не менѣе важно и по отношенію къ нашему времени: по своимъ проектамъ, планамъ и желаніямъ, онъ смѣло можетъ быть названъ провозвѣстникомъ благихъ реформъ настоящаго царствованія, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Въ самомъ способѣ изложенія и пріемахъ защиты извѣстныхъ положеній, мнѣнія Мордвинова рѣзко выдаются изъ ряда оффиціальныхъ бумагъ. На нихъ лежитъ особый литературный отпечатокъ, къ которому какъ нельзя болѣе идетъ извѣстное опредѣленіе: «le style c'est l'homme». Мнѣнія Мордвинова—вмѣстѣ съ тѣмъ и его мемуары. Съ другой стороны, на нихъ вполнѣ лежитъ отпечатокъ того бурнаго духа времени, какимъ была преисполнена эпоха Екатерины II и Александра I: языкъ, обороты и самый способъ выраженій Мордвинова могутъ быть разсматриваемы только въ связи съ эпохою. Такимъ языкомъ писали Державинъ, Трощинскій, Шишковъ и др. современные ему дѣятели. Въ то время, когда оффиціальный слогъ не сложился еще въ опредѣленную форму, писали и говорили, какъ чувствовали. На нашъ нѣсколько изнѣженный слухъ, подобный способъ изложенія можетъ иногда дѣйствовать импонирующимъ образомъ, но авторъ не рѣшился прикасаться къ нему, такъ какъ это значило бы стирать черты времени и замѣнять нарочно придуманными опредѣленіями то, что въ біографіи должно говорить само за себя. Вотъ почему

въ настоящей монографіи мы отдаемъ значительное мѣсто самымъ мнѣніямъ Н. С. Мордвинова. Авторъ считалъ только нужнымъ сдѣлать эту оговорку.

Въ заключеніе намъ остается указать на рукописныя собранія матерьяловъ, изданіе которыхъ должно современемъ пополнить свѣдѣнія, сообщенныя нами въ настоящей монографіи. Сюда относятся:

1. Собраніе мнѣній графа Н. С. Мордвинова (13 томовъ, in folio), принадлежащее внуку покойнаго, графу А. А. Мордвинову. Это собраніе тщательно исправлено рукою самого Николая Семеновича. Въ концѣ нѣкоторыхъ томовъ встрѣчаются разныя замѣчанія и наброски проектовъ и мыслей, имѣющіе отношеніе къ вопросамъ, которыхъ касаются самыя мнѣнія, но иногда полнѣе развивающіе ихъ основныя положенія. Редакція «Русской Старины» приступила къ изданію этого собранія; но, къ сожалѣнію, ведетъ его отрывочно, отчего замедляется самое появленіе въ свѣтъ замѣчательныхъ мнѣній графа Мордвинова [1]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что адмиралъ Шишковъ также имѣлъ собраніе его мнѣній, которое въ богатомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и собственноручною надписью Шишкова: «Золотые голоса Мордвинова», постоянно лежало на письменномъ столѣ хозяина (Аксаковъ, Семейн. Хроника и воспоминанія,

[1]) Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что еще прежде стали появляться у насъ мнѣнія Мордвинова въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, какъ напр. въ Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи (гдѣ напечатано значительное количество важнѣйшихъ его мнѣній) и Сборникѣ Русскаго историческаго общества. Въ своемъ мѣстѣ мы указываемъ, какія мнѣнія были уже напечатаны.

1870, 543). Гдѣ находится это собраніе въ настоящее время, намъ неизвѣстно.

2. Переписка графа Николая Семеновича, хранящаяся у графа А. А. Мордвинова. Она весьма обширна, и тѣмъ болѣе заслуживаетъ изданія, что она могла бы значительно уяснить общественныя и частныя отношенія графа Н. С. Мордвинова [1]). Часть его переписки, хранившаяся въ Москвѣ, сгорѣла во время пожара 1812 г.

3. Коллекція писемъ Мордвинова къ статсъ-секретарю Екатерины II, В. С. Попову, и переписка его же съ князьями Долгоруковымъ и Потемкинымъ, въ Рѣшетиловскомъ архивѣ. Изданіе этой переписки имѣется нами въ виду, если архивъ Попова, какъ предполагается, будетъ пріобрѣтенъ Кіевскимъ университетомъ; нѣкоторыми же мѣстами изъ нея мы воспользовались въ нашей монографіи.

4. Описаніе архива государственнаго совѣта (начатое Н. В. Калачовымъ и г. Чистовичемъ), за время царствованія императора Александра I. Оно дастъ весьма важный матерьялъ для исторіи мнѣній Мордвинова, безъ чего они иногда оказываются отрывочными и неполными.

Намъ извѣстно также, что одно изъ лицъ, весьма близкихъ къ покойному графу Николаю Семеновичу, занято въ настоящее время составленіемъ записокъ объ его жизни, а потому желательно, чтобы имъ также суждено было выйти въ свѣтъ [2]).

[1]) Мы надѣялись ею воспользоваться, но, не смотря на наше желаніе, это дѣло несостоялось.

[2]) Кромѣ того, недавно въ Русской Старинѣ появилось заявленіе о предполагающемся, на страницахъ этого журнала, изданіи «Воспоминаній о Н. С. Мордвиновѣ» М. Н. Похвиснева.

Издатель мнѣній Николая Семеновича въ «Русской Старинѣ» справедливо замѣчаетъ, что «до сихъ поръ дѣятельность послѣдняго извѣстна почти только по разсказамъ и легендамъ, уже успѣвшимъ сложиться, или по нѣсколькимъ спискамъ его мнѣній и записокъ» (Русск. Стар., 1872, т. I, 35). Но желательно, чтобы эти разсказы и легенды, тщательно провѣренные, нашли свое мѣсто въ печати, иначе характеристика Николая Семеновича Мордвинова не будетъ вполнѣ вѣрною. Нѣкоторые изъ нихъ приведены нами въ своемъ мѣстѣ.

Издавая настоящій трудъ, намъ остается пожелать, чтобы онъ успѣлъ вызвать всѣхъ, обладающихъ матерьялами, относящимися къ Н. С. Мордвинову, или знающихъ разсказы о немъ—къ изданію ихъ. Еще живы нѣкоторые изъ членовъ семейства Николая Семеновича, и потому отъ нихъ болѣе всего можно ожидать сообщенія обстоятельныхъ свѣдѣній объ его жизни.

Издатели нашихъ спеціальныхъ историческихъ журналовъ безъ сомнѣнія охотно примутъ подобные матерьялы на страницы своихъ изданій, какъ это было сдѣлано ими относительно другихъ замѣчательныхъ дѣятелей русской исторіи XVIII и XIX столѣтій. Если это желаніе автора будетъ достигнуто, то цѣль настоящаго труда въ значительной степени будетъ удовлетворена.

Пребываніе Н. С. Мордвинова въ Англіи съ научною цѣлью; время служенія его на югѣ Россіи, при Потемкинѣ; жизнь въ Петербургѣ и Москвѣ въ

началѣ царствованія Александра I; пребываніе его за границею въ 1818—1820 годахъ; отношенія къ иностраннымъ ученымъ и русскимъ государственнымъ дѣятелямъ; домашняя жизнь; отношенія къ крестьянамъ; домашнія занятія (описаніе библіотеки, и т. д.), и другіе подобные вопросы, требуютъ обстоятельнаго разъясненія и дополненія. Свѣдѣнія автора не всегда могли удовлетворить его въ этомъ отношеніи, но, постановкою самыхъ вопросовъ, онъ надѣется вызвать другихъ къ участію въ пополненіи неизбѣжныхъ вначалѣ пробѣловъ. «Полное знаніе самыхъ мелкихъ обстоятельствъ жизни историческихъ дѣятелей разомъ ставитъ послѣднихъ въ положеніе совершенно не такое, въ какомъ мы привыкли ихъ разсматривать. Положимъ, что истина ограничиваетъ иногда число идоловъ, но въ тоже время она уменьшаетъ и количество обвиненій» (Сборн. Русск. историч. общ., IX, 195—196).

Наконецъ, намъ остается сдѣлать замѣчаніе о внѣшней сторонѣ настоящаго труда.

Не смотря на порядочный запасъ уже изданныхъ матерьяловъ по новѣйшему періоду русской исторіи, обработка послѣдняго составляетъ пока у насъ новость. Это обстоятельство, въ связи съ недостаткомъ подробныхъ свѣдѣній о замѣчательныхъ дѣятеляхъ и другихъ необходимыхъ подготовительныхъ средствъ, а нерѣдко и справочныхъ указаній, дѣлаетъ на первыхъ порахъ неизбѣжными ошибки и промахи, которыхъ, конечно, не могъ избѣжать и авторъ настоящей монографіи. Вотъ почему онъ желалъ бы, чтобы его трудъ встрѣтилъ замѣчанія со стороны тѣхъ лицъ,

которымъ ближе знакомы частности и факты, не входящіе въ кругъ чисто научной повѣрки. Такія указанія будутъ приняты авторомъ съ благодарностью, и онъ воспользуется ими при слѣдующемъ изданіи, если ему суждено будетъ явиться. Съ другой стороны, авторъ проситъ исправить предварительно погрѣшности, особенно отмѣченныя курсивомъ, какъ нарушающія иногда смыслъ рѣчи или невѣрныя исторически.

Авторъ.

Гейдельбергъ, $\frac{26}{14}$ іюля, 1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Родъ Мордвиновыхъ происходитъ отъ подручной Россіи Мордвы. Отецъ Николая Семеновича Мордвинова, адмиралъ Семенъ Ивановичъ, оставившій послѣ себя записки о своей дѣятельности (изд. морск. министерств., Спб., 1868), говоритъ, что его предки вступили въ подданство Россіи при Василіѣ Ивановичѣ, а въ 1546 г. одинъ изъ нихъ былъ взятъ заложникомъ въ Россію. То былъ Муратъ Мордвиновъ, получившій помѣстье близь Копорья, родоначальникъ русской фамиліи Мордвиновыхъ. Въ смутное время Мордвиновы получили помѣстья въ Обонежской пятинѣ. Съ тѣхъ поръ фамилія Мордвиновыхъ встрѣчается въ числѣ служилаго дворянства. За вѣрную службу царямъ, Михаилу Ѳедоровичу, Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу, Мордвиновы были награждены землями въ новгородскомъ уѣздѣ, и потому называются въ тогдашнихъ актахъ новгородцами. Въ борьбѣ Петра В. съ Софіею, Мордвиновы были на сторонѣ перваго. Дѣдъ Николая Семеновича участвовалъ въ крымскихъ походахъ, а отецъ, по указу Петра В., былъ отправленъ, въ 1715 г., въ Петербургъ для обученія, и самимъ Петромъ назначенъ въ новгородскую цифирную школу, а оттуда былъ переведенъ въ нарвскую школу, для обученія ариѳметикѣ; но уже въ октябрѣ того же года мы встрѣчаемъ его въ морской академіи. Съ 1716 г. начинается дѣятельность Семена Ива-

новича на море. Въ 1717 г. онъ былъ отправленъ, въ числѣ 20 молодыхъ людей, для изученія морскаго дѣла, во Францію, гдѣ служилъ на флотѣ въ Брестѣ. Тамъ онъ пробылъ около 6-ти лѣтъ, послѣ чего, посѣтивъ важнѣйшіе города Голландіи, онъ вернулся въ Россію. Въ 1723 г. Семенъ Ивановичъ представился Петру въ Москвѣ, во время возвращенія его изъ персидскаго похода, и затѣмъ былъ назначенъ на службу въ Кронштадтъ, гдѣ съ 1724 г. состоялъ адъютантомъ и переводчикомъ при вице-адмиралѣ Гордонѣ, «незнавшемъ по русски ни одного слова» [1]). Семенъ Ивановичъ благоговѣлъ передъ Петромъ, какъ передъ образователемъ, «основателемъ флотовъ и адмиралтействъ, регулярныхъ войскъ и законовъ учредителемъ, отцомъ отечества и безпримѣрнымъ государемъ» [2]).

Въ 1727 г. Семенъ Ивановичъ сопровождалъ герцога голштинскаго и цесаревну Анну Петровну въ Голштинію, и привезъ оттуда письмо послѣдней къ Елисаветѣ Петровнѣ. Эти отношенія сблизили Семена Ивановича съ дворомъ. Во время годоваго отпуска, въ 1728 г. онъ женился на Ѳеодосіи Саввишнѣ Муравьевой, а въ 1731 г. былъ пожалованъ лейтенантомъ. Въ другой разъ Семенъ Ивановичъ былъ женатъ на Наталіи Ивановнѣ Еремеевой (1752), отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія, по своей дѣятельности, два старшіе: Александръ (род. 1753 г.) и Николай (род. 1754 г. 17 апрѣля). Въ это время Семенъ Ивановичъ отправлялъ разныя порученія по адмиралтейству: въ Казани, Астрахани и Новгородѣ, и крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1754 г. предсѣдательствовалъ въ коммиссіи разсмотрѣнія законовъ. Въ 1759 г. онъ состоялъ членомъ адмиралтейской коллегіи; но въ 1760 г., за дѣло подъ Кольбергомъ, онъ былъ отданъ, вмѣстѣ съ другими, подъ судъ (за безпорядокъ, происшедшій во время нападенія прус-

[1]) Записки, стр. 15

[2]) ibid., стр. 16.

саковъ на русскія войска, потерпѣвшія было тамъ неудачу), однако вскорѣ былъ прощенъ Елисаветою Петровною. При Петрѣ III Мордвиновъ состоялъ членомъ коммиссіи для приведенія флота въ лучшее состояніе, и тогда же возведенъ въ званіе вице адмирала. Екатерина II пожаловала его адмираломъ и вѣрила ему начальство надъ кронштадтскимъ флотомъ. Въ 1777 г. Семенъ Ивановичъ вышелъ въ отставку, и въ томъ же году умеръ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ авторъ сочиненій: «Каталогъ, содержащій о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, а также полномъ въ знатныхъ мѣстахъ, заливахъ и рѣкахъ, наводненіи, и прочая къ мореплаванію надлежащая, въ разныхъ, по с. петербургскому меридіану, таблицахъ»; «Книга полнаго собранія о навигаціи» (4 части); «Толкованіе о геометріи»; «Книга полнаго собранія о эволюціи или объ экзерциціи флота на морѣ» (рукопись). Кромѣ того, Семенъ Ивановичъ составилъ книжку морскихъ сигналовъ и представилъ въ коллегію модель баркаса, для линейныхъ кораблей и флотовъ, и компасъ, стрѣлка котораго патерта была искусственнымъ магнитомъ, и который оказался на практикѣ лучше и полезнѣе до того употреблявшихся компасовъ [1]).

При восшествіи на престолъ Екатерины II, второй сынъ Мордвинова, Николай, изъ уваженія императрицы къ отцу его, былъ взятъ ко двору для воспитанія вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ [2]). Но въ 1766 г. оба брата, Александръ и Николай, были записаны въ гардемарины и посланы въ море, а въ 1768 г. пожалованы мичманами [3]). Въ 1770 г. старшій сынъ Семена Ивановича состоялъ

[1]) Записки Мордвинова; Словарь достопамятныхъ людей, Бантышъ-Каменскаго, т. III; Энциклопедическій Словарь, Старчевскаго, т. VIII. По поводу собранія извѣстной Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія, Михаилъ и Семенъ Ивановичи Мордвиновы были избраны въ повѣренные для выбора головы и депутатовъ города Петербурга. Сборникъ Русск. историческ. общ. Спб., т. IV, стр. 12—13.

[2]) Старчевскій, VIII, 241, и біографія Мордвинова въ изд. Мюнстера.

[3]) Записки Мордвинова, 39, 40; Веселаго, Очерки истор. морскаго корпуса, въ прилож. Списокъ воспитанниковъ за сто лѣтъ.

генераль-адъютантомъ, а второй адъютантомъ при отцѣ; но уже въ 1771 г. Николай Мордвиновъ былъ назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Ноульсу, управлявшему дунайскою флотиліей. Въ 1773 г. мы его встрѣчаемъ вмѣстѣ съ братомъ въ кронштадтскомъ флотѣ, гдѣ Николай Семеновичъ занемогъ сильною горячкою [1]). Впослѣдствіи Александръ Семеновичъ былъ повѣреннымъ отъ русскаго правительства въ Генуѣ (съ 1781—85 г.) и Венеціи (съ 1785 г.) въ званіи министра [2]). Съ нимъ-то переписывалась императрица Екатерина II (1790 и 1791 гг.) о приглашеніи въ Россію извѣстнаго французскаго эмигранта Сенакъ-де-Мельяна, который имѣлъ намѣреніе писать исторію Россіи въ XVIII вѣкѣ [3]).

Между тѣмъ, Н. С. Мордвиновъ, въ январѣ 1774 г., былъ посланъ въ Англію, по распоряженію великаго князя Павла Петровича [4]), для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, гдѣ пробылъ три года [5]), совершивъ въ это время нѣсколько плаваній по разнымъ морямъ и побывавъ въ Америкѣ. Но пребываніе въ Англіи имѣло и другое, важное значеніе для Мордвинова: онъ проникся тамъ духомъ англійской науки и уваженіемъ къ учрежденіямъ этой страны. Еще въ Россіи Николай Семеновичъ питалъ расположеніе къ финансовой наукѣ [6]), а во время его пребыванія въ Англіи

---

[1]) Записки С. Мордвинова, 41, 42. Николай Семеновичъ былъ любимымъ сыномъ отца и, говорятъ, по характеру во многомъ походилъ на него.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 45.

[3]) Переписка въ статьѣ кн. Оболенскаго: Сенакъ-де-Мельянъ, въ Русск. Архивѣ, 1866 г., стр. 422—460.

[4]) Записки Мордвинова, стр. 43 и біогр. у Мюнстера.

[5]) Старчевскій, Энциклопедическій Словарь, 241.

[6]) Въ своемъ письмѣ къ императору Николаю I, Мордвиновъ говоритъ, что онъ занимается финансовою наукою впродолженіи 60 лѣтъ, а подаетъ мнѣнія съ перваго года царствованія Александра I, втеченіи 30 лѣтъ, слѣдовательно это письмо писано около 1830 г., а начало занятій Мордвинова финансами относится къ началу 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. къ ранней молодости. Чтен. моск. общ. истор., 1863, III, письмо къ императору Николаю I, стр. 150, 151.

вышло знаменитое произведеніе Адама Смита: «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ» (Лондонъ, 1776 г. Геттнеръ, Ист. англійск. литер. XVIII вѣка, стр. 325), которое оказало вліяніе на Мордвинова на всю жизнь, такъ что и въ своихъ позднѣйшихъ мнѣніяхъ о финансовыхъ вопросахъ онъ, по большей части, является послѣдователемъ Адама Смита. Въ Россію Николай Семеновичъ возвратился съ отличнымъ аттестатомъ въ знаніи морскаго дѣла, и вскорѣ послѣ этого былъ сдѣланъ флагманскимъ генералъ-адъютантомъ капитанъ-лейтенантскаго ранга, а затѣмъ пожалованъ капитаномъ 2 ранга. Въ 1783 г. Н. С. командовалъ кораблемъ, участвовавшимъ въ плаваніи до Ливорно, въ секретной экспедиціи адмирала Чичагова (см. у Мюнстера). Тамъ Н. С. сошелся съ дочерью англійскаго консула, Генріэтою Александровною Кобле, и женился на ней по увлеченію, которому онъ оставался вѣренъ всю жизнь (сообщено). Родной братъ жены Н. С. былъ при Александрѣ I одесскимъ градоначальникомъ [1]), и къ его-то дочери присватывался тогда извѣстный лейбъ-медикъ Виллье [2]).

Въ царствованіе Екатерины II и Павла I дѣятельность Мордвинова была посвящена исключительно флоту. 27 сентября 1785 г., въ Херсонѣ, благодаря стараніямъ Потемкина, было открыто черноморское адмиралтейское правленіе; но еще 11 сентября, по его же *лестному ордеру*, былъ приглашенъ туда, въ званіи старшаго члена, капитанъ 1 ранга, Н. С. Мордвиновъ, какъ офицеръ «отличнѣйшихъ познаній въ морскомъ дѣлѣ», причемъ ему поручено было составленіе *правилъ* для сооруженія парусныго и гребнаго флота [3]). Во время второй турецкой войны, Мордвиновъ участвовалъ

[1]) Семейная Хроника Аксакова, 542.

[2]) Воспоминанія Тарасова, Русская Старина, 1871 г., 249.

[3]) Скальковскій, Истор. Новороссійск. края, I, 176. Изъ одного письма Потемкина къ Мордвинову (отъ 4 августа, 1790 г.), хранящагося въ бумагахъ Рѣшетиловскаго архива (наслѣдниковъ Попова), видно, что въ выборѣ Мордвинова играло также не послѣднюю роль и уваженіе Потемкина къ отцу Николая Семеновича.

въ дѣйствіяхъ черноморскаго флота: имя его встрѣчается въ числѣ награжденныхъ (Анною 1-й ст.) за сраженіе въ Лиманѣ, происходившее 7 іюня 1788 г. [1]). Тогда онъ былъ въ званіи контръ-адмирала. При осадѣ же Очакова (въ октябрѣ и ноябрѣ 1788 г.) Н. С. командовалъ русскою флотиліей [2]). Въ этихъ случаяхъ онъ заявилъ себя какъ храбрый и распорядительный начальникъ, а потому Екатерина II предполагала назначить его и въ шведскій походъ, о чемъ замѣчено въ Запискахъ Храповицкаго: «Вице адмиралъ Крюзъ прислалъ письмо, что считаетъ себя обиженнымъ противъ Мордвинова, не бывъ наряженъ въ шведскій походъ. Сказано въ отвѣтъ: «онъ несчастливъ на морѣ» (стр. 189). Тѣмъ не менѣе, Крюзъ былъ назначенъ въ походъ, а Мордвинову пришлось подвергнуться непріятностямъ на югѣ.

Вскорѣ послѣ своего назначенія въ черноморское правленіе, въ письмахъ къ своему покровителю и другу, извѣстному секретарю Потемкина и статсъ-секретарю Екатерины II, Попову, Мордвиновъ сталъ жаловаться на интриги противъ него. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ оказался нѣкто Клаверъ, одинъ изъ членовъ правленія, упрекавшій Мордвинова за то, что онъ не всегда обращается къ членамъ правленія за совѣтомъ и позволяетъ себѣ заключать подряды независимо отъ нихъ. Въ оправдательномъ письмѣ къ Попову Мордвиновъ отвергаетъ эти навѣты и указываетъ на стачку Клавера «съ плутами секретарями» [3]). Какъ видно, Поповъ совѣтовалъ Н. С. держаться политики въ отношеніи къ окружающимъ, такъ какъ въ письмѣ отъ 1 іюня 1788 г. Мордвиновъ пишетъ ему: «не научайте меня притворству.... у меня враговъ оказалось много». Далѣе онъ говоритъ, что любовь Попова онъ заслужилъ откровенностью,

---

[1]) Храповицкій, 71.—Въ 1793 г., за турецкую же войну, Мордвиновъ получилъ Владиміра 1-й степени.

[2]) Замѣтки Одесск. Общ. истор. и древност., II, кн. 2, стр. 763; IV, 599, 600.

[3]) Письмо отъ 8 авг. 1786 г., въ Рѣшетиловскомъ архивѣ.

«по противнымъ образомъ больше заслужилъ бы наградъ»; однако, онъ прибавляетъ: «виды собственной моей пользы никогда въ сердцѣ моемъ не вмѣщались; обидъ я получалъ много, благодарностей никогда; но ревностенъ я былъ и буду». И тутъ же онъ высказываетъ свое недовольство распоряженіями Каховскаго (екатеринославскаго губернатора) и принца Нассау-зигена (командовавшаго флотиліею въ Лиманѣ), «надѣлавшаго много глупостей», а также заявляетъ о своихъ несогласіяхъ, уже тогда возникшихъ, съ де-Рибасомъ. Здѣсь же мы узнаемъ, что доносы на него (вѣроятно Потемкину) начались съ 1787 г., а потому взаключеніе онъ проситъ защиты у Попова (ibid). Въ письмѣ же отъ 6 іюня 1787 г. онъ проситъ Попова быть покровителемъ флота передъ высшими; а годъ спустя (въ письмѣ отъ 23 іюля 1788 г.), не смотря на награду за лиманское дѣло, сообщаетъ Попову о слухѣ, по которому будто бы его хотѣли удалить. Дѣйствительно, подозрѣнія Мордвинова стали оправдываться. Въ письмѣ къ Попову отъ 29 іюля 1789 г. онъ уже заявляетъ о сильномъ негодованіи на него Потемкина и мнимомъ заступничествѣ Войновича, «сего гнуснаго для меня человѣка», прибавляетъ Н. С. [1]). И здѣсь онъ повторяетъ, что отъ него желали отставки. «Есть ли человѣкъ, который столь сильно и много обиженъ былъ, какъ я?» замѣчаетъ Мордвиновъ. «Объявленъ я былъ воромъ; описанъ раздирателемъ всякаго порядка, расточителемъ казны, глупымъ невѣждою, неради-

---

[1]) Графъ Маркъ Воиновичъ Войновичъ, черногорскій уроженецъ, род. октября 1750 г. Въ 1770 г. онъ явился волонтеромъ къ контръ-адмиралу Арфу, и былъ принятъ въ русскую службу. Въ 1771 г. онъ командовалъ фрегатомъ «Слава», а въ 1781 г. былъ посланъ на Каспійское море для заведенія тамъ русской колоніи, гдѣ попался было въ плѣнъ къ персамъ. Въ 1786 г. онъ имѣлъ сраженіе съ турецкимъ флотомъ близь острова Фидониси, а въ 1789 г. сдалъ начальство надъ Черноморскимъ флотомъ Ушакову и вышелъ въ отставку; но вскорѣ снова былъ принятъ на службу адмираломъ (Арх. Госуд. Сов. I, ч. 1, VII). Графское достоинство онъ себѣ выпросилъ, когда при представленіи къ наградѣ, случайно или съ умысломъ, онъ былъ названъ графомъ.

вымъ, злымъ духомъ, вращающимся въ хаосѣ, хуже сатаны». Его контракты уничтожались; его счеты переизслѣдовались; его удаляли прежде отставки, не щадили его жены... Потемкинъ возвратилъ было ему должность и обѣщалъ свое заступничество. Тѣмъ не менѣе 7 мѣсяцевъ Мордвиновъ оставался ни при чемъ, а его мѣсто было занято даже его противникомъ, Войновичемъ (30 декабря 1788 г.), который оказался болѣе расточительнымъ, чѣмъ самъ Мордвиновъ [1]).

Не на долго впрочемъ остался Мордвиновъ на югѣ послѣ этихъ продолжительныхъ размолвокъ. Какъ видно, довѣріе къ нему Потемкина было постоянно подрываемо, хотя послѣдній продолжалъ интересоваться его дѣятельностью. Горячность же самого Мордвинова не менѣе, чѣмъ зависть его враговъ, вредила ему въ этихъ столкновеніяхъ. 4 августа 1790 г. Потемкинъ писалъ къ нему: «Вы еще молоды, а потому *и споры*. Поступокъ вашъ меня построщать былъ излишній, и если бы я не столь былъ къ вамъ доброхотенъ, то бы смѣялся угрозою отставки.... Отчетъ былъ нуженъ не по сумнѣнію на васъ, но для того, чтобъ безъ васъ многаго несогласнаго на васъ не свалили». Затѣмъ онъ обѣщалъ Мордвинову начальство надъ флотомъ въ греческомъ Архипелагѣ [2]). Но Мордвиновъ остался при своемъ желаніи.

Оставивъ службу на югѣ, Н. С. поселился въ своихъ бѣлорусскихъ деревняхъ, гдѣ и прожилъ до смерти Потемкина, впрочемъ не безвыѣздно. Въ началѣ 1791 г. мы его встрѣчаемъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ. Оттуда онъ писалъ Попову, 15 января 1791 г., прося его похлопотать, въ случаѣ представленія къ награде, о назначеніи ему деревеньки поближе къ теплому солнцу, указывая притомъ на монастырскую землю въ Ахтырскомъ уѣздѣ; а 24 мая того же года онъ снова хло-

---

[1]) По письмамъ Рѣшетиловскаго архива.

[2]) Рукоп. пис. Рѣшет. библіотеки.

поталъ черезъ Попова о пожалованіи земли уже въ Крыму, причемъ заявлялъ о своей несостоятельности (онъ получалъ всего 2000 р. дохода) и обремененіи большимъ семействомъ [1]) (кромѣ собственной семьи, при немъ жили двѣ сестры).

Въ февралѣ 1792 г., въ государственномъ совѣтѣ разсматривался докладъ о состояніи черноморскаго флота и тамошняго управленія, съ цѣлью болѣе широкаго развитія ихъ, а потому члены совѣта сочли нужнымъ выслушать мнѣніе Мордвинова. И хотя Мордвиновъ отказался отъ сообщенія положительныхъ данныхъ, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія своего изъ тамошняго края, тѣмъ не менѣе тогда же состоялось его назначеніе предсѣдателемъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія, въ званіи вице-адмирала, причемъ ему поручено было составить новый штатъ русской флотиліи [2]). Но его предложеніе объ увеличеніи содержанія для нея было тогда же отвергнуто.

Еще Потемкинъ, желая расширить кораблестроеніе, велѣлъ въ 1789 г. заложить новую верфь на Ингулѣ, которую переименовалъ въ городъ Николаевъ (въ память дня взятія Очакова, 6-го декабря), куда было перенесено адмиралтейское правленіе. Въ 1792 г. въ Николаевѣ было всего 3,300 жителей. Мордвиновъ на первыхъ порахъ озаботился заселеніемъ города и заготовленіемъ для топлива земляного угля [3]). По пріѣздѣ въ Николаевъ, онъ принялъ подъ свое покровительство вновь открывшееся тамъ земледѣльческое училище, которымъ завѣдовалъ пока Ливановъ, предполагавшійся въ профессоры сельскаго хозяйства въ проектированномъ тогда екатеринославскомъ университетѣ. За открытіе угля, Мордвиновъ хлопоталъ о назначеніи пенсіи и награды Ливанову и объ отпускѣ его на теплыя воды для леченія. Мысль объ

---

[1]) Письма въ Рѣшет. библіотекѣ.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, ч. 1, стр. 137, 138, 151.

[3]) Скальковскій, Истор. Новорос. края, I, 213; Записки Одесск. Общ. истор., II. 172—173.

основанія на югѣ университета не осуществилась, и Ливановъ умеръ (въ 1800 г.) въ Николаевѣ, подъ кровомъ Мордвинова. Для развитія въ тамошнемъ краѣ земледѣлія, Мордвиновъ выписалъ изъ Англіи 1,000 плуговъ и большой запасъ озимой пшеницы, а чтобы доставить новому городу топливо, онъ самъ объѣхалъ Донецкій уѣздъ и закупилъ заразъ 60,000 пудовъ угля (въ сентябрѣ 1792 г.). Тогда же Н. С. сознаіъ важность Таганрога и необходимость устройства на югѣ хорошей гавани, причемъ обратилъ вниманіе П. А. Зубова, замѣнившаго въ тамошнемъ краѣ Потемкина, на недостатокъ въ краѣ русскихъ купцовъ. О Николаевѣ уже въ сентябрѣ 1792 г. Мордвиновъ писалъ Зубову (всегда жившему въ Петербургѣ; онъ былъ тогда въ случаѣ), что греки, служившіе въ черноморскомъ флотѣ, изъявили желаніе поселиться въ Николаевѣ и выписать изъ Турціи свои семейства, «къ населенію новаго города, который предрекаетъ быть вскорѣ новыми Аѳинами», прибавляетъ онъ [1]. И «Мордвиновъ сдѣлался вторымъ или, лучше сказать, настоящимъ основателемъ Николаева», говоритъ авторъ «Записки о Керчѣ» [2]; «въ рукахъ такого человѣка этотъ городъ не могъ не увеличиться, не усилиться, не украситься». Въ окрестностяхъ города онъ развелъ сады и дачи [3]). Постройкою порта и города завѣдовалъ тогда русскій инженеръ, Князевъ, о награжденіи котораго деревнею Мордвиновъ хлопоталъ еще въ августѣ 1792 г. у Попова [4]). Вскорѣ послѣ своего назначенія въ Николаевъ, Мордвиновъ получилъ уже отъ Екатерины II знаки одобренія [5]).

Уѣзжая изъ Петербурга, Мордвиновъ, по указанію извѣстнаго писателя Петрова, съ которымъ онъ былъ друженъ, взялъ

---

[1]) Письмо Мордвинова къ П. А. Зубову въ библ. Рѣшет. архива.

[2]) Чтен. Моск. Общ. истор. 1864 г. I, 49.

[3]) Воспоминанія Вигеля, VI; 80.

[4]) Письмо объ этомъ въ Рѣшет. архивѣ.

[5]) 24 ноября 1792 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ Александра Невскаго.. Зап. Храповицкаго, 279.

съ собою въ Николаевъ типографщика Селивановскаго, съ помощью котораго устроилъ при своемъ управленіи типографію [1]). Здѣсь, между прочимъ, была напечатана поэма Боброва «Таврида» (1798 г.), посвященная Мордвинову, и сочиненіе Ливанова «О земледѣліи, скотоводствѣ и птицеводствѣ» (1799 г.) [2]). Сюда же Мордвиновъ взялъ съ собою и Захарьина, автора романа «Арфаксадъ», нарочно отыскавъ его въ Москвѣ, по прочтеніи его сочиненія [3]). По смерти Потемкина Мордвиновъ обратилъ вниманіе и на Крымъ. Онъ приглашалъ сюда иностранныхъ путешественниковъ. Двѣ путешественницы—англичанка Кравекъ и француженка Гютри поспѣшили извѣстить Западную Европу о достопримѣчательностяхъ Тавриды [4]).

Въ Николаевѣ Мордвиновъ жилъ открыто; по временамъ у него собиралось городское общество. Подъ его начальствомъ служилъ здѣсь извѣстный силачъ Лукинъ, будучи тогда въ званіи капитана корабля [5]).

Военною частью на югѣ завѣдовалъ тогда Суворовъ, который вмѣстѣ съ Мордвиновымъ строилъ планы объ изгнаніи турокъ. Извѣстно, что этотъ вопросъ серьезно занималъ Екатерину II, которая выразила свои стремленія къ осуществленію его и возстановленію Греціи какъ въ имени вел. кн. Константина и его обученіи греческому языку, такъ и въ учрежденіи греческаго кадетскаго корпуса и основаніи херсонской епархіи. Были даже выбиты медали, въ память предполагавшагося завоеванія Турціи [6]). Во многихъ мѣстахъ дневныхъ записокъ Храповицкаго разсѣяны замѣтки, какъ думала Екатерина устроить этотъ вопросъ (года 1787—1792). Пылкому Мордвинову осуществленіе этого проекта казалось весьма легкимъ. Храповицкій замѣчаетъ о немъ съ нѣкоторою проніей:

---

[1]) Записки Селивановскаго, Библіограф. Зап. I, 519.
[2]) Записки Одесск. Общ. истор. II, 216.
[3]) Сочиненія Державина, изд. Гротомъ, III, 344.
[4]) Записки Одесск. Общ. истор. II, 218.
[5]) Записки Селивановскаго, 519—520.
[6]) Записки Сушкова, Русскій Архивъ, 1865, стр. 612.

«Тутъ разсказалъ я графу Безбородку, для смѣха, разговоръ со мной Попова, который радовался, что французы хотѣли поджечь турокъ; а Суворовъ и Мордвиновъ и спятъ, и видятъ, чтобъ войти въ Царьградъ: турки тотчасъ убѣгутъ, тамъ останется 30,000 грековъ, и вотъ наслѣдство вел. кн. Константину Павловичу» (стр. 279).

Нельзя однако сказать, чтобы отношенія Мордвинова и Суворова были вполнѣ искренни, хотя Суворовъ и считалъ долгомъ передавать черезъ де-Рибаса свои поклоны Мордвинову и выражался о немъ, какъ о другѣ [1]), и причиною неудовольствій между ними чуть ли не былъ тотъ же де-Рибасъ, который впослѣдствіи такъ явно велъ интригу противъ Мордвинова.

Интрига въ правленіи черноморскаго адмиралтейства давно пустила глубокіе корни. Еще въ іюнѣ 1792 г. (слѣдовательно вскорѣ по принятіи должности), Мордвиновъ писалъ Попову, что его собственноручное донесеніе о недостаткѣ на судахъ и въ магазинахъ такелажа передѣлано секретаремъ. С. И. Аѳанасьевымъ, причемъ онъ указываетъ на интригу и замѣчаетъ: «я уже истощилъ всѣ способы благонравія» [2]). Съ Поповымъ Мордвиновъ былъ на дружеской ногѣ; не разъ онъ пересылаетъ ему съ юга виноградъ и апельсины; изъ его же писемъ къ Попову мы узнаемъ и объ его отношеніяхъ къ окружающимъ лицамъ, и его мнѣнія о нихъ. Въ письмѣ къ Попову отъ 17-го декабря 1792 г. (изъ Херсона) Мордвиновъ заявляетъ, что онъ готовъ служить съ Александромъ Васильевичемъ (Суворовымъ), но боится его двусмысленныхъ представленій двору. «Онъ завистливъ къ славѣ», прибавляетъ Мордвиновъ, и тутъ же заявляетъ, что его успѣхъ на флотѣ можетъ возбудить ненависть въ Суворовѣ, хотя онъ и просиживалъ съ нимъ цѣлыя ночи надъ общимъ дѣломъ, какъ самый близкій человѣкъ. Ровно два мѣсяца спустя (15-го февраля 1793 г.),

[1]) Русскій Архивъ, 1866 г., 983, 1024.

[2]) Письма въ Рѣшет. архивъ.

Мордвиновъ писалъ уже Попову слѣдующее: «Узнавъ, что Александръ Васильевичъ пишетъ не то, что показываетъ и въ чемъ мы условливаемся, осторожность и довѣренность моя къ вамъ обязываютъ меня о семъ васъ предувѣдомить. Сказываютъ, писалъ онъ великую ложь о городѣ Николаевѣ, который онъ не видалъ, потому что проѣхалъ во время сильной метели, и увѣдомлялъ также о перемѣнѣ намѣренія моего строить канонирскія лодки въ Аджиберѣ, и будто *наклоняю ясно* построенія сіи перенести въ Дубоссары. Сіе совсѣмъ не такъ. Онъ меня уговаривалъ сдѣлать сію перемѣну; присылалъ нѣсколько разъ курьера убѣждать, и настоялъ, чтобы я сдѣлалъ представленіе ко двору согласно бы его предложенію; но я не перемѣнилъ первыхъ моихъ мыслей и догадался о хитрости его, чтобы лишить меня войскъ, которыя нужны для успѣшнаго произведенія сей работы. *Старыми ухватками онъ подкупаетъ. Его намеки, недомеки, экивоки, всегда бывали опасны и зловредны.* Впрочемъ, мы цѣлуемся, обнимаемся по старому, какъ и прежде бывало, когда писывалъ онъ противъ меня къ князю (Потемкину). Я поручаю себя дружескому вашему предохраненію отъ тайныхъ всѣхъ его внушеній. Наружной враждой не опасайтесь; онъ будетъ всегда милъ и привѣтливъ; себя называть будетъ Тюреномъ, а меня Рюйтеромъ и Тромномъ [1]). О Дубоссарѣ писалъ онъ Турчанинову» [2]).

Гораздо опаснѣе для Мордвинова было столкновеніе съ другимъ лицомъ, уже въ это время соперничавшимъ съ нимъ на югѣ и безъ вліянія котораго не обошлось какъ въ предъидущихъ недоброжелательствахъ къ нему, такъ и въ послѣдующихъ притязаніяхъ. Мы говоримъ о де-Рибасѣ, который требуетъ особенной характеристики для полнаго пониманія возникшихъ отношеній, а потому мы нѣсколько остановимся на немъ.

———

[1]) Рюйтеръ и Тромъ — голландскіе адмиралы, участвовавшіе въ войнѣ Голландіи съ Англіею при Карлѣ II.

[2]) Письма Рѣшет. архива.

Осипъ Михайловичъ Рибасъ, по происхожденію испанецъ, родился въ Неаполѣ. Онъ отличался быстрымъ соображеніемъ и обширною памятью. Предпріимчивый по натурѣ, онъ не удовлетворялся своею дѣятельностью въ Италіи, и потому, воспользовавшись пребываніемъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова въ Ливорно (1772 г.), которому онъ прислуживался при поимкѣ Таракановой, онъ обратился къ нему за покровительствомъ и успѣлъ получить рекомендательныя письма въ Петербургъ. Тамъ, при посредствѣ Бецкаго, Рибасъ получилъ чинъ майора и сдѣланъ былъ воспитателемъ молодаго графа Бобринскаго, женившись притомъ на побочной дочери Бецкаго [1]). Съ тѣхъ поръ онъ сталъ извѣстенъ императрицѣ, и хотя уже пользовался многими выгодами своего положенія, но его безграничное честолюбіе заставляло его искать новыхъ способовъ возвышенія. Онъ обратился къ Потемкину, въ то время занимавшемуся заселеніемъ южнаго края. На югѣ Рибасъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ турокъ (1789—1791), за что получилъ чинъ генералъ-майора, шпагу, осыпанную алмазами, и 800 душъ крестьянъ въ Полоцкой губерніи. При его участіи былъ взятъ приступомъ укрѣпленный замокъ Гаджибея, на мѣстѣ котораго, по его же мысли, возникла въ скоромъ времени Одесса. Какъ успѣвалъ онъ обдѣлывать свои дѣла въ самыя критическія минуты, мы скажемъ ниже, а теперь замѣтимъ, что характеръ Рибаса не терпѣлъ совмѣстничества и преградъ; его злоязычіе не знало предѣловъ, а его хитрость рѣдко могла быть предупреждена. Когда Суворовъ хотѣлъ похвалить политическій тактъ Голенищева-Кутузова, онъ обыкновенно говаривалъ: *«его и Рибасъ не проведетъ»* [2]). Екатерина II съумѣла разгадать этотъ харак

[1]) Близко знавшіе ее называютъ ее просто «дьяволомъ», «фуріей», и говорятъ о ея страсти къ интригамъ. (Воспом. Вревской, Русск. Арх., 1871 г., № 1, стр. 27, 32). Благодаря своей женитьбѣ, де-Рибасъ наслѣдовалъ порядочное состояніе отъ Бецкаго. (Его завѣщаніе, Чт. Моск. Общ. истор., 1863 г., IV).

[2]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятн. людей Русск. земли, т. IV. Біографія Рибаса написана «по разсказамъ достовѣрныхъ людей».

теръ. Въ Запискахъ Храповицкаго, отъ 19-го марта 1789 г., замѣчено: «Читалъ письмо къ графу А. М. Дмитріеву-Мамонову отъ прежняго вице-канцлера, князя А. М. Голицына, что сынъ его Де-Лицынъ умеръ, бывъ обманутъ и обыгранъ; но какъ въ имѣніи долженъ онъ былъ наслѣдовать послѣ смерти его, а не прежде, то и приложилъ прошеніе, дабы сдѣлать первыми пріобрѣтателями онаго имѣнія дѣтей, отъ Де-Лицына оставшихся, сына и дочь. Прошеніе конфирмовано. Былъ вопросъ: «кто обыгралъ?» Спрашивали у П. И. Турчанинова: тотъ не знаетъ, но слышалъ, что долгу до 70,000, и сіе есть смерти причиною. «*Не Рибасъ-ли?* М. С. Потемкину кажется *нельзя было* обыграть?...» (стр. 179).

Но Рибасъ умѣлъ польстить славолюбію Екатерины II и удостоился славы основателя Одесы. «На пересохшемъ нынѣ заливѣ Тилигулѣ и рѣчкѣ этого имени, въ древности былъ маленькій греческій городокъ Ордиссасъ или Одиссосъ, построенный въ честь Одиссея-Улисса, въ долгихъ странствованіяхъ посѣтившаго будто бы эти мѣста. Этого было достаточно, чтобы плѣнить, даже въ старости, еще пылкое и цвѣтущее воображеніе императрицы. Рибасъ зналъ это и поспѣшилъ предложить основаніе Одессы на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шанецъ Гаджибей и которое было свидѣтелемъ его славы» [1]).

Успѣхи Рибаса на морѣ доставили ему званіе вице-адмирала и начальство надъ черноморскимъ гребнымъ флотомъ [2]), а это поставило его въ непосредственное подчиненіе Мордвинову. Зная характеръ Рибаса, легко понять какъ подобное подчиненіе было ему тягостно. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ между ними начались пререканія. «Между адмиралами—русскимъ и неаполитанцемъ, было какое-то соперничество, какія-то несогласія... Рибасу стало завидно, онъ началъ выдумывать, какъ ему помрачить Мордвинова, и наконецъ затѣялъ большой городъ», говоритъ авторъ Записки о Керчи

[1]) Записки о Керчи, 49.

[2]) Бантышъ-Каменскій. IV, 312.

(стр. 49) [1]). Постройка Одессы могла удовлетворить честолюбіе Рибаса, а отъ успѣха ея онъ всегда могъ ждать благихъ для себя результатовъ. Быть можетъ онъ думалъ затмить этимъ главный городъ черноморскаго управленія—Николаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его строителя, распоряженія котораго не всегда, можетъ быть, совпадали съ его желаніями. Съ другой стороны, Рибасъ могъ думать, что, ставъ самъ во главѣ этого управленія, онъ скорѣе достигнетъ своей цѣли. Постройка Одессы дѣйствительно шла медленно, пока въ 1795 г. число рабочихъ не было увеличено нѣсколькими полками [2]). Иногда Рибасъ любилъ обращатьcя за распоряженіями помимо Мордвинова. На это есть намекъ въ одномъ изъ писемъ (дек. 1793 г.) Суворова къ Рибасу: «Объ исправленіяхъ во флотѣ, пишетъ онъ, вы узнаете изъ прилагаемой у сего росписи, которую я сообщаю вамъ на тотъ конецъ, если вы ее не имѣете, *нисколько не желая, впрочемъ, черезъ это ссориться съ Ник. Сем., дорожа скромностью»* [3]).

Происки Рибаса, повидимому, шли успѣшно. Съ назначеніемъ Платона Александровича Зубова екатеринославскимъ и таврическимъ генералъ-губернаторомъ (1793 г.), ему было подчинено и управленіе черноморскими флотами, а 19 іюля

---

[1]) По мнѣнію самого Мордвинова, Херсонъ и Николаевъ были недостаточными военными портами, «по излишнему ихъ отдаленію отъ моря и загражденію мелководными устьями»; онъ называлъ ихъ *приморскими депотами.* Поэтому еще въ 1792 г., увидѣвъ, на основаніи вычисленій Пустошкина, сдѣланныхъ въ 1783 г., положеніе мелей по Днѣпровскому лиману и узкому проходу между Очаковомъ и Кинбургомъ, онъ предложилъ вырыть возлѣ этой крѣпости каналъ съ бассейномъ для помѣщенія гребнаго флота, который служилъ бы и убѣжищемъ для военныхъ кораблей во время войны. Его предложеніе не было приведено въ исполненіе, но было причиною созданія Одессы, проектъ котораго былъ составленъ де-Рибасомъ и одобренъ Зубовымъ и императрицею. (Скальковскій, I, 214 — 219, 227; Чтен. Одес. Общ. ист. III, 344—346).

[2]) Бантышъ-Каменскій, 312.

[3]) Русскій Архивъ, 1866, с. 975 .

1796 г. онъ былъ даже освобожденъ и отъ зависимости отъ адмиралтейской коллегіи [1]). Шишковъ прямо говоритъ: «*По козням Рибаса, Грибовскаго* (авторъ извѣстныхъ записокъ о Екатеринѣ, служившій при Державинѣ, Потемкинѣ и Зубовѣ; съ 1795 г. статсъ-секретарь) и *другихъ* противъ адмирала Мордвинова, начальствовавшаго въ Крыму, князь Зубовъ названъ главнымъ начальникомъ надъ черноморскимъ флотомъ». Происки Рибаса направились теперь въ эту сторону. Въ распоряженіи черноморскаго управленія состоялъ инженеръ де-Воланъ, строитель укрѣпленій на Днѣпрѣ и въ Одессѣ, пользовавшійся въ то время извѣстностью. Рибасъ старался заподозрѣть въ его глазахъ Мордвинова; онъ увѣрилъ де-Волана, что Мордвиновъ нерасположенъ къ нему и вредитъ ему передъ Зубовымъ, отдавая предпочтеніе другому строителю—Князеву, а это такъ подѣйствовало на де-Волана, что онъ принужденъ былъ обратиться къ Зубову за разъясненіемъ. Но интрига была такъ ловко направлена, что Зубовъ не подозрѣвая въ этомъ дѣлѣ Рибаса, просилъ его даже принять участіе въ примиреніи обѣихъ сторонъ. Письмо Зубова, писанное по этому поводу къ Рибасу, сохранилось. и, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ положеніе настоящаго дѣла, а потому мы приводимъ его здѣсь вполнѣ. «Милостивый государь мой, Іосифъ Михайловичъ!» пишетъ Зубовъ Рибасу. «Съ огорченіемъ узналъ я, что между людьми извѣстныхъ мнѣ достоинствъ произошли недоразумѣнія, клонящіяся къ нарушенію между ними не только добраго согласія, но и полезнаго для дѣлъ по службѣ сношенія. Я разумѣю здѣсь Николая Семеновича и господина де-Волана. *Неизвѣстно, кто предуспѣлъ послѣдняго увѣрить*, что *будто* первый ему не доброхотствуетъ и что *будто*, въ бытность свою здѣсь, старался разстроить мои объ немъ выгодныя заключенія и лишить той довѣренности, которой онъ по службѣ

[1]) Бантышъ-Каменскій, II, 411, и Записки Шишкова, I, 5, изд. въ Берлинѣ, 1870 г.

и дарованіямъ своимъ имѣлъ право отъ меня ожидать. *Клеветникъ* простеръ свое попеченіе разстроить ихъ до того, что пересказалъ Волану нѣкоторыя слова, говоренныя здѣсь относительно его Н. С., давъ онымъ только превратный оборотъ, что Воланъ совершенно удостовѣреннымъ въ недоброхотствѣ противу него Мордвинова остался, а черезъ то и произошла между ними настоящая остуда. По усердію моему къ пользѣ дѣлъ, по уваженію къ Н. С. и доброжелательству къ де-Волану, не могъ я оставить безъ вниманія ни *безпокойства перваго*, ни *сомнѣній послѣдняго*. И для того *прошу васъ покорнѣйше* принять трудъ увѣрить господина де-Волана, что *сказанное ему о сдѣланныхъ будто* противу него Николаемъ Семеновичемъ внушеніяхъ *есть сущая ложь*, и *что сей никогда объ немъ иначе ко мнѣ не отзывался, какъ съ особливою похвалою*. Знаю я, сколь прискорбно для человѣка, ищущаго заслужить черезъ службу доброе отъ начальства мнѣніе и имя, быть въ опасеніи потерять и то, и другое; однакоже и то справедливо, что съ разборчивостью *надо принимать внушенія*, *рожденныя по большей части завистью и недоброхотствомъ къ общей пользѣ*; ибо прошу *васъ* сказать г. Волану, что *Николай Семеновичъ не только не искалъ меня съ нимъ поссорить, но, напротиву того, при всякомъ случаѣ старался дать о немъ наилучшія заключенія*. Князева хвалилъ онъ не съ тѣмъ, чтобы унизить Волана. Онъ отдавалъ справедливость достоинствамъ каждаго изъ нихъ, не умаляя и не возвышая одного передъ другимъ, ибо оба они могутъ быть очень достойны, и оба могутъ быть похвалены безъ предосужденія другъ другу. И такъ, по всему здѣсь изъясненному, видно, что не было ни малой причины г. де-Волану усумниться въ доброхотствѣ и въ уваженіи къ нему Николая Семеновича, и что пересказанное ему *изобрѣтено клеветникомъ, котораго надобно бы открыть*. Для меня же очень пріятно будетъ, естьли г. де-Воланъ, вышедъ изъ своего предубѣжденія, ко многимъ похвальнымъ качествамъ своимъ при-

совокупитъ твердость *противу всякихъ наговоровъ и внушеній*; ибо доколѣ онъ продолжать будетъ служеніе свое съ тѣмъ усердіемъ, съ каковымъ нынѣ служитъ, не токмо не можетъ опасаться никакихъ отъ стороны моей неудовольствій, но паче долженъ ожидать всякаго отъ меня покровительства и одобренія» (1794 г. 15 іюля).

Въ заключеніе письма Зубовымъ сдѣлана собственноручная приписка на французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: «Прошу васъ убѣдительно, сведите ихъ, и постарайтесь, чтобъ они объяснились; и дайте мнѣ знать, *кто это можетъ быть ссорящій двухъ столь почтенныхъ людей*, созданныхъ для взаимнаго уваженія» [1]).

Такимъ образомъ, посредничество Зубова было направлено совершенно въ противоположную сторону. Его постоянное пребываніе въ Петербургѣ мѣшало ему знать настоящія причины указанныхъ отношеній и, кромѣ того, давало большой просторъ постороннему вліянію. Поѣздка Мордвинова въ столицу, о которой упоминается въ письмѣ, конечно имѣла связь съ подчиненіемъ черноморскаго флота Зубову, а Рибасъ воспользовался этимъ случаемъ для возбужденія негодованія въ средѣ его подчиненныхъ. Однако, какъ ни хлопоталъ Зубовъ о примиреніи двухъ сторонъ при посредствѣ Рибаса, послѣдній не унимался, и только искалъ случая, чтобы окончательно столкнуть Мордвинова. Отъ послѣдняго требовали отчета за 1794 г., когда не кончился еще установленный десятимѣсячный срокъ, а между тѣмъ враги его пользовались случаемъ для распространенія ложныхъ слуховъ: «Прежде ругали за порядокъ, теперь за безпорядокъ». И Мордви-

[1]) Русскій Архивъ, 1871, № 9 стр. 1524—1526. К. Ф. П. Массонъ, десять лѣтъ пробывшій при русскомъ дворѣ (1786—1896), въ своихъ Запискахъ (Mémoires secrets sur la Russie, Paris, 1859, 393) упоминаетъ объ этихъ отношеніяхъ. Говоря о Рибасѣ, какъ о плохомъ морякѣ, но хитромъ интриганѣ и безмѣрномъ честолюбцѣ, онъ замѣчаетъ: «Après la mort de Potemkin, il sut s'introduire chez Zoubow, qui le protégea et l'opposa à l'amiral Mordwinow, homme probe et excellent marin, qui ne s'humiliait point devant le favori.»

новъ жалуется «на бездну коварствъ и нечестія»; но, кажется, онъ сталъ понимать откуда идутъ навѣты. «Вы знаете, пишетъ онъ Попову (6 іюня 1795 г.), человѣка, остроту его разума (ср. выше характеристику Рибаса) и проворство въ обманахъ и притворствахъ. Не послѣднее сіе будетъ, *доколѣ вмѣстѣ пребываемъ*; не пощадилъ онъ ничего къ совершенію желанія своего. Я же взираю на Ялтинскую гору, гдѣ дыханіе неба и людей есть найчистѣйшее» [1]).

Союзъ Рибаса съ Грибовскимъ былъ вѣрно разсчитанъ. Грибовскій состоялъ въ это время правителемъ дѣлъ при Зубовѣ и пользовался особеннымъ довѣріемъ его [2]), а когда правителемъ канцеляріи Зубова по черноморскимъ дѣламъ былъ назначенъ А. С. Шишковъ, то оба неблагопріятеля Мордвинова старались сблизиться и съ нимъ. «Новое званіе, говоритъ Шишковъ, налагало на меня долгъ сблизиться и познакомиться съ тѣми, которые давно уже находились при князѣ или имѣли особенный къ нему доступъ, какъ-то правитель дѣлъ его, полковникъ Грибовскій и вице-адмиралъ Рибасъ. Я посѣтилъ перваго изъ нихъ, съ которымъ никогда не былъ прежде знакомъ. Онъ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, началъ тотчасъ говорить о черноморскомъ флотѣ, о Крымѣ, о *великихъ денежныхъ издержкахъ, о безпорядкахъ, тамъ существующихъ, и проч.* Я слушалъ съ терпѣливостью и молчалъ, почитая за ненужное и несовмѣстное защищать *Мордвинова* противъ человѣка, *повидимому весьма къ нему нерасположеннаго*, но не столь хитраго, чтобъ много повредить ему могъ; ибо, мнѣ казалось, что онъ избралъ ненадежное, скорѣе противъ него самого дѣйствующее средство,— при первомъ свиданіи *увѣрять меня о корыстолюбивомъ и худомъ правленіи того, кто знаніями и достоинствами своими былъ извѣстенъ*, и котораго, сверхъ сего, я почиталъ другомъ и благодѣтелемъ.

[1]) Письма Рѣшет. архива.

[2]) Шишковъ, I, 6.

Совсѣмъ противно тому поступилъ Рибасъ, когда я въ первый разъ пріѣхалъ къ нему: онъ началъ мнѣ говорить о Мордвиновѣ *съ такою похвалою, съ такимъ къ нему уваженіемъ*, что, при всемъ знаніи *существовавшаго между ними несогласія, трудно было усомниться въ его чистосердечіи*. Напослѣдокъ, по долгихъ разсказахъ о *глубокихъ свѣдѣніяхъ Мордвинова, о кротости нрава его, справедливости и рѣдкой честности, онъ со слезами сказалъ мнѣ*: «Вы не можете себѣ представить, до какой степени почитаю я за несчастіе, что *не могъ снискать его дружбы. Онъ отказалъ мнѣ въ ней*, сказавъ, что никогда не будетъ мнѣ врагомъ, но что и другомъ быть не можетъ. *Онъ писалъ къ императрицѣ письмо*, въ которомъ говорилъ обо мнѣ, *что я съ большими дарованіями и способностями, но что мнѣ важныхъ дѣлъ, касающихся до блага отечества, ввѣрять и поручать не должно*. Я самъ письмо сіе читалъ, и хотя оно не перемѣнило моего къ нему почтенія, однакожъ *я послѣ сего не могъ оставаться подъ его начальствомъ и просилъ объ отзывѣ меня изъ Крыма. Сей случай*, конечно, долженъ былъ произвесть нѣкоторое взаимное между нами неудовольствіе. Я знаю, что вы съ нимъ дружны. Не подумайте, чтобъ я искалъ разрушить вашу съ нимъ пріязнь или бы досадовалъ на нее. *Напротивъ*, вы вашею къ нему привязанностью умножите мое къ вамъ уваженіе. Я прошу только объ одномъ, чтобы дружба ваша къ нему не препятствовала вамъ и ко мнѣ ее имѣть. Вы теперь опредѣлились къ князю Зубову: *онъ со мною весьма хорошъ*; я могу быть сколько нибудь полезенъ; и думаю, что и самъ Мордвиновъ, по доброжелательству своему къ вамъ, *не захотѣлъ бы, чтобы мы съ вами были въ какомъ либо несогласіи*». Я поблагодарилъ его за сдѣланную мнѣ откровенность и толь лестный для меня вызовъ, обѣщая съ моей стороны приложить всякое стараніе, чтобъ сдѣлаться достойнымъ его ко мнѣ благорасположенія. Между тѣмъ, идучи отъ него, думалъ я: *этотъ гораздо смѣтливѣе и опаснѣе пер-*

ваго! Тутъ вспомнилъ я слова Суворова, который, сказываютъ, говаривалъ о Михаилѣ Ларіоновичѣ Кутузовѣ: «*Его и Рибасъ не обманетъ.*

«Черезъ нѣсколько потомъ дней, нѣкоторая особа, разговаривая со мною, дала мнѣ, *подъ видомъ усердія*, знать, что хотя я и взятъ къ князю, но *не буду пользоваться его довѣренностью*, и едва ли останусь при немъ, если не сдѣлаюсь *единодушенъ съ Грибовскимъ, а особливо съ Рибасомъ*, *и не отрекусь отъ дружбы съ Мордвиновымъ. Я зналъ, что это ихъ вопросъ*... Вскорѣ послѣдствіе показало мнѣ, что неподатливость моя къ симъ предложеніямъ не могла мнѣ быть полезна: князь хотя и приказалъ мнѣ къ себѣ ходить, и сначала сталъ было поручать нѣкоторыя маловажныя дѣла, но послѣ, впродолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, почти никогда не удостоивалъ меня какимъ либо своимъ приказаніемъ или разговоромъ, такъ что я, при разстроенномъ здоровьѣ моемъ, видя себя неупотребляемымъ, часто увольнялъ себя отъ поѣздокъ къ нему» [1]).

Изъ этого разсказа можно заключить, что клеветы Рибаса на Мордвинова касались распоряженій послѣдняго по черноморскому флоту и что Мордвиновъ вынужденъ былъ обратиться къ императрицѣ съ просьбою объ отозваніи Рибаса. Просьба его была исполнена, но только ухудшила ихъ отношенія. Находясь въ Петербургѣ, Рибасъ успѣлъ вполнѣ сблизиться съ Зубовымъ и Грибовскимъ [2]), а это не могло не отразиться на положеніе Мордвинова. Въ годъ смерти Екатерины II (1796 г., 6 ноября) предварительныя работы по постройкѣ Одессы были приведены къ концу—и Рибасъ могъ разсчитывать на новыя милости. Но, по смерти ея, онъ снова

---

[1]) Записки Шишкова, I, 6—7.

[2]) На службѣ у Зубова, Грибовскій получилъ 650 душъ въ Подольской губ., жилъ въ дворцовомъ домѣ, а наканунѣ смерти Екатерины II былъ пожалованъ домомъ Сузерланда, по Англійской набережной, но такъ какъ указъ объ этомъ не былъ подписанъ, то Павелъ I не утвердилъ его. (Зап. Грибовскаго, Москва, 1864, 92).

долженъ былъ отправиться въ Херсонъ, какъ начальникъ гребной флотиліи, хотя и не на долго.

Въ день коронаціи императора Павла, (5 апрѣля 1797 г.) въ спискѣ «безчисленнаго множества милостей, объявленныхъ государемъ», Мордвинову была назначена 1,000 душъ крестьянъ [1]), но вскорѣ послѣ того «Мордвинова и Рибаса вызвали въ Петербургъ: перваго, какъ полагали, для возложенія на него какой нибудь важной должности, а второго для того только, чтобы посадить въ крѣпость» [2]). Но въ царствованіе Павла I положеніе людей было измѣнчиво, какъ время: въ одинъ моментъ человѣкъ могъ также высоко подняться, какъ и низко пасть [3]). Съ прибытіемъ Рибаса и Мордвинова въ Петербургъ, и ихъ положеніе стало колебаться. Сначала «Рибасъ былъ посаженъ членомъ въ адмиралтейскую коллегію (2 января 1798 г.), а Мордвиновъ задержанъ въ домѣ подъ стражею, преданъ суду, и, хотя *не могъ быть обвиненъ*, говоритъ Шишковъ, однакожъ не допущенъ былъ до свиданія съ государемъ и отправленъ въ томъ же званіи на прежнее свое мѣсто». Но и это рѣшеніе просуществовало не долго. Вскорѣ потомъ, *безъ всякихъ проступковъ ихъ, оба они были отставлены*», замѣчаетъ Шишковъ [4]), а Мордвиновъ,

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. истор. 1867, I, смѣсь, стр. 136.

[2]) Шишковъ, I, 68. Не стояло-ли это въ связи съ отобраніемъ бумагъ у Зубова, въ числѣ которыхъ были и по дѣламъ черноморскаго флота, и по устройству порта въ Одессѣ (Зап. Грибовскаго 89—90)? 20 января 1797 г. былъ отправленъ въ Николаевъ инспекторомъ черноморскаго флота контръ-адмиралъ Карцовъ, который требовалъ отъ черноморскаго правленія подробную вѣдомость о контрактахъ, заключенныхъ правленіемъ, и состояніи флота. Но результатовъ его ревизіи не видно. Запис. Одеск. Общ. истор. II, 783.

[3]) По словамъ Стурдзы (Зап. современника), вслѣдствіе указовъ импер. Александра I, изданныхъ въ первые дни его правленія, послѣ кратковременнаго царствованія Павла I, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права, простиралось до 12,000 человѣкъ (Пыпинъ, Обществ. движеніе при Александрѣ I, 59). Ср. Повелѣнія импер. Павла въ Русск. Старинѣ 1872, февраль; Записки Саблукова (въ Русск. Арх.) Зап. Мертваго, Шишкова, и др.

[4]) Записки Шишкова, I, 68.

какъ увидимъ, лишенъ даже возможности оправдаться. Не знаемъ, что побудило императора Павла измѣнить участь Мордвинова [1]), но о Рибасѣ извѣстно слѣдующее: Въ 1799 г. (8 мая) онъ былъ возведенъ въ званіе адмирала, а затѣмъ сдѣланъ управляющимъ лѣснымъ департаментомъ, впрочемъ не на долго: при опредѣленіи смѣты дохода, онъ назначилъ въ лѣсной доходъ цѣны на смолу ниже представленныхъ архангельскимъ губернаторомъ, за что былъ отставленъ отъ службы 1 марта 1800 г. [2]). Но и это не удержало Рибаса отъ дальнѣйшихъ честолюбивыхъ цѣлей. Покровительствуемый графомъ Кушелевымъ, любимцемъ Павла, онъ снова былъ принятъ на службу, и, по поводу предполагавшагося разрыва съ Англіею, посланъ съ порученіями въ Кронштадтъ. «Я предвидѣлъ, говоритъ Шишковъ, что изъ сего произойдутъ нѣкоторыя послѣдствія; ибо зналъ, что Рибасу весьма хотѣлось добиться до того, чтобъ наединѣ поговорить съ государемъ; и хотя, при всей моей увѣренности въ хитрыхъ его замыслахъ, не ожидалъ я, чтобъ изъ того могло произойти что нибудь чрезвычайное, однакожъ, по великому домогательству его быть послану въ Кронштадтъ, думалъ, что можетъ быть симъ средствомъ достигнетъ онъ до желанія своего увидѣться съ его величествомъ, и что въ семъ свиданіи конечно себя не уронитъ» [3]).

Такъ и случилось. Возвратившись изъ Кронштадта, Рибасъ представилъ Павлу планъ укрѣпленій (30 окт. 1800 г.),

[1]) Говорятъ, что удаленіе Мордвинова было результатомъ нелѣпаго доноса на него, состоявшагося въ томъ, что онъ будто-бы питалъ нерасположеніе къ новому правительству, причемъ даже такой фактъ, какъ помѣщеніе пушекъ вокругъ его дома, былъ истолкованъ въ неблагопріятномъ смыслѣ. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго разсказа, это было вполнѣ въ духѣ де-Рибаса. Оставивъ служебное поприще, Мордвиновъ поселился въ своемъ Крымскомъ имѣніи, въ Байдарской долинѣ, которое онъ купилъ въ 1795 г. у наслѣдника Потемкина, генералъ-майора Высоцкаго, всего 15,150 десятинъ. Чтен. Моск. Общ. исторіи, 1868, III, смѣсь, 141.

[2]) Бантышъ-Каменскій, IV, 313.

[3]) Записки Шишкова, I, 68.

но при этомъ съумѣлъ внушить императору подозрѣнія на счетъ тайнаго нападенія англичанъ и содѣйствія имъ русскихъ офицеровъ, служившихъ на тамошнемъ флотѣ, за которыми стали съ тѣхъ поръ зорко слѣдить. Послѣ этого Рибасъ былъ сдѣланъ, за болѣзнію Кушелева (начальствовавшаго въ адмиралтейской коллегіи), докладчикомъ по адмиралтейской части, что еще болѣе упрочило его положеніе. Онъ съумѣлъ выполнять всѣ малѣйшія требованія императора: такъ, когда Павелъ пожелалъ знать, съ возможною точностью, повышеніе воды въ Невѣ, то Рибасъ каждые полчаса измѣрялъ воду и посылалъ донесенія императору. Но есть указаніе, что отношенія Рибаса къ Павлу I были неискренни, и онъ скрывалъ подъ ними свои личныя цѣли. Въ декабрѣ 1800 г. Рибаса уже не стало [1]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что, вскорѣ послѣ первой опалы, Рибасъ до 1 марта 1800 г. пользовался расположеніемъ Павла и жилъ въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ Мордвиновъ былъ опять отставленъ, вскорѣ послѣ возвращенія къ управленію черноморскимъ флотомъ. И очень вѣроятно, что это паденіе было результатомъ навѣтовъ Рибаса [2]).

Но въ защиту Мордвинова поднялся голосъ, слишкомъ близкій императору Павлу. Это былъ голосъ Е. И. Нелидовой. Вотъ какое письмо отправила она къ нему въ половинѣ 1798 г. (а это показываетъ, что Мордвиновъ былъ уже лишенъ своего положенія):—«*Чего хочешь ты, мое сердце?* Государь! окажите мнѣ милость, которою я несказанно дорожу, пишетъ Нелидова. У васъ есть подданный *безукоризненно честный, всѣми уважаемый*, но который имѣлъ несчастіе *вамъ не угодить*; это человѣкъ, котораго *вы всегда*

---

[1]) Записки Шашкова, I, 68—78.

[2]) Въ современной «Краткой исторіи Елисаветы Алексѣевны Таракановой» о Рибасѣ замѣчено: «Умеръ 1800 г. отъ яда, даннаго ему докторомъ, при отъѣздѣ его во дворецъ, въ С.-Петербургѣ, вмѣсто лекарства, гдѣ его и вынули изъ кареты мертваго.» Чтен. Москов. Общ. исторіи, 1867, II, 156, примѣчаніе 5.

уважали, который умретъ, быть можетъ, отъ отчаянія, причиненнаго ему вашею немилостію, тѣмъ, что онъ даже не имѣлъ, какъ остальные ваши подданные, счастія повергнуться къ вашимъ ногамъ (намекъ на недопущеніе Мордвинова къ государю). Государь, ради Бога, возвратите вашу милость несчастному и интересному Мордвинову: достаточно вы его наказали, утѣшьте эту уязвленную душу. Признакъ конца вашего гнѣва возвратитъ жизнь этому человѣку. Предлагаю вамъ, дорогой государь, если вы сочтете это нужнымъ, любое утѣшеніе, которое вы найдете умѣстнымъ. Смѣю напомнить вамъ, что такъ какъ всѣмъ извѣстна его личная привязанность къ вамъ, вы произведете *всеобщую радость*, возвращая ваши милости тому, кто такъ долго пользовался ими. Орденъ, знакъ почтенія, даръ (*ибо онъ очень бѣденъ*), и вы, по истинѣ, осчастливите ту, которую вы называете своимъ другомъ и которая, по истинѣ, другъ вашей славы и всего того, что можетъ ее умножить» [1]).

По видимому, просьба Нелидовой имѣла успѣхъ. Послѣ этого мы встрѣчаемъ Мордвинова въ званіи адмирала и членомъ адмиралтейской коллегіи, въ которой его застало новое царствованіе [2]). Нельзя однако не замѣтить, что въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ, Мордвиновъ былъ обойденъ, въ особенности если принять во вниманіе, съ одной стороны, дальнѣйшіе успѣхи Рибаса, а съ другой — бывшія до того близкія отношенія Мордвинова къ императору Павлу.

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, Бартенева, III, 443.

[2]) Шишкинъ, I, 87. Мордвиновъ переведенъ былъ въ балтійскій флотъ въ началѣ 1801 г., а на мѣсто его назначенъ вице-адмиралъ фонъ-Дезинъ (Чт. Одесск. Общ. ист., V, 893), слѣдовательно, до того онъ управлялъ еще нѣкоторое время адмиралтейскою частію на югѣ.

ГЛАВА II.

Вступленіе на престолъ Александра I обѣщало Россіи свѣтлое будущее. Уже въ началѣ мая 1801 года онъ имѣлъ совѣщанія съ близкими людьми о необходимости преобразованія политическаго строя государства, а въ іюнѣ того же года открылись засѣданія «неоффиціальнаго комитета» по разнымъ вопросамъ предполагаемой реформы [1]). Членами означеннаго комитета были: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцевъ, князь Адамъ Чарторижскій и гр. П. А. Строгановъ [2]). Съ этого же времени начинается новая дѣятельность Мордвинова [3]).

---

[1]) Извлеченіе изъ засѣданій неоффиц. комитета въ примѣчаніяхъ къ I тому Исторія царств. Александра I, Богдановича, 38—91.

[2]) Новосильцевъ былъ вызванъ изъ Лондона, Чарторижскій изъ Италіи, а Кочубей изъ своего имѣнія, въ которомъ онъ жилъ, находясь въ опалѣ при Павлѣ. Всѣ они получили солидное образованіе за границею, и преимущественно въ Англіи (Новосильцевъ и Кочубей). Значеніе первыхъ реформъ императора Александра I обстоятельно указано въ трудахъ графа Корфа и гг. Богдановича и Пыпина.

[3]) Александръ вступилъ на престолъ, будучи отлично знакомъ съ тою средою, въ рукахъ которой находилось въ послѣднее время правленіе. Въ интимномъ письмѣ къ графу В. П. Кочубею, писанномъ всего за 6 мѣсяцевъ до смерти Екатерины II, онъ съ поразительною откровенностью передаетъ свои придворныя впечатлѣнія. «Придворная жизнь не для меня создана, писалъ онъ, я всякій разъ страдаю,

«По составленіи общаго плана занятій комитета, говоритъ гр. Строгоновъ въ своей запискѣ о засѣданіяхъ комитета, въ первое же засѣданіе коснулись разсмотрѣнія одного изъ отдѣловъ первой части работы, именно защиты страны съ моря, т. е. флота. Дурное состояніе нашихъ морскихъ

когда долженъ явиться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З., П., Б., оба С., М., и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть, и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣми, кого боятся... Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ кажется изгнанъ отовсюду, а имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей, возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія,—это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, и я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно» (отъ 10 мая 1796 года). Поэтому, онъ предполагалъ даже отказаться отъ престола и поселиться съ женою на берегахъ Рейна (гр. Корфъ). Восшествіе на престолъ императора Николая, изд. 3, стр. 30—34).

Въ тоже время (11 февр. 1796 г.), и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, Александръ I описывалъ состояніе страны своему наставнику, Лагарпу: «Любезный другъ! писалъ онъ, какъ часто я вспоминаю о васъ и обо всемъ, что вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ! Но это не могло измѣнить принятаго намѣренія отдѣлаться со временемъ отъ моего бремени. Оно, день ото дня, мнѣ становится все болѣе невыносимымъ, по всему что́ я вижу вокругъ себя. *Непостижимо, что происходитъ*: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно». А вскорѣ по вступленіи на престолъ онъ снова писалъ тому же Лагарпу (9/21 мая 1801 г.): «Объ одной милости прошу васъ — давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ постѣ, какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія. Почему вы не можете быть здѣсь, чтобы руководить меня вашею опытностью и оградить отъ ловушекъ, въ которыя я могу впасть по милости, и, можетъ

силъ наиболѣе приписывали тому, что морское вѣдомство находилось въ рукахъ такого человѣка, какъ Кушелевъ, не имѣвшій, по мнѣнію самого государя, никакихъ достоинствъ, кромѣ того что былъ лично угоденъ императору Павлу. Его Величество полагалъ, что надлежало уволить его отъ зани-

---

быть, по невѣдѣнію *черноты испорченныхъ душъ*. Скажу вамъ только, что *болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти, и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ*». (Сборн. Русск. истор. общества, V, 23, 30).

О времени ближайшемъ къ своему вступленію на престолъ, императоръ Александръ I, въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ (1819) отзывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дѣла были тогда крайне запутаны, *по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи*: ибо хотя въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины порядку было и мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленіемъ же на престолъ родителя, *вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожить все дотолѣ существовавшее*, и остальной порядокъ былъ разрушенъ, *безъ замѣны другимъ*». (Корфъ, стр. 10).

Выборъ новыхъ людей, нерѣдко враждебныхъ прежнему порядку вещей, лучше всего показываетъ, что Александръ I вездѣ отыскивалъ людей способныхъ къ совершенію предполагавшихся реформъ. Достаточно сказать, что даже А. Н. Радищевъ, получивъ возвращеніе всѣхъ своихъ правъ (еще въ мартѣ 1801 г.), былъ помѣщенъ въ коммиссію составленія законовъ. Онъ составилъ проектъ гражданскаго уложенія и мечталъ о поѣздкѣ въ Англію, съ цѣлью изученія суда присяжныхъ. Извѣстный А. Р. Воронцовъ, покровительствовавшій Радищеву даже во время преслѣдованія его (интересные матеріалы объ ихъ отношеніяхъ изданы недавно въ V томѣ Архива кн. Воронцова), при всѣхъ называлъ его не иначе, какъ «monsieur le démocrate». По образъ мыслей Радищева не соотвѣтствовалъ взглядамъ предсѣдателя коммиссіи, гр. Завадовскаго, который напомнилъ даже ему о Сибири, что, говорятъ, было причиною извѣстной катастрофы. Императоръ же Александръ, и въ послѣднія минуты жизни Радищева, и потомъ въ отношеніи къ его семейству, выразилъ вполнѣ искреннюю заботливость. Равенство передъ закономъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, введеніе суда присяжныхъ, вѣротерпимость, свобода печати, освобожденіе крестьянъ, замѣна подушной подати поземельною — вотъ главныя положенія, которыя проводилъ Радищевъ. Въ царствованіе же императора Александра I появилось и собраніе его сочиненій (1806—1811 г. 6 частей), за исключеніемъ только «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». См. его біографію въ Русскомъ Вѣстникѣ.

маемой имъ должности, соблюдая при назначеніи ему преемника, *чтобы хорошъ былъ выборъ. Кончили тѣмъ, что остановились въ выборѣ на Мордвиновѣ, какъ человѣкѣ, который долго управлялъ прибрежьемъ Черного моря, представилъ нѣсколько проектовъ по этому предмету и былъ извѣстенъ своими свѣдѣніями по морской части; но, прежде всего, предположили навести о немъ справки у опытныхъ моряковъ.* Этотъ вопросъ казался на столько важнымъ, что о немъ нѣсколько разъ подымали разговоръ въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ комитета. Въ отчетѣ о засѣданіи 29 іюня читаемъ: «Кочубей разсказалъ, какъ неудачна была попытка его склонить Кушелева къ добровольному выходу въ отставку. Кушелевъ не хотѣлъ понимать намековъ графа Кочубея, а Кочубей не хотѣлъ говорить прямо отъ имени государя. Начался споръ, какимъ образомъ выжить Кушелева; императоръ не рѣшался на то, чтобы не высказать въ своихъ дѣйствіяхъ произвола, но наконецъ поручилъ Кочубею переговорить съ Кушелевымъ отъ его имени. А въ отчетѣ о засѣданіи 5 августа говорится: «Въ концѣ совѣщанія члены комитета просили государя дѣйствовать рѣшительно съ Кушелевымъ, все еще не подававшимъ въ отставку. Императоръ обѣщалъ послать своего флигель-адъютанта, князя Петра Долгорукова, спросить у Кушелева—скоро ли онъ представитъ просьбу объ отставкѣ?» [1]).

Какъ видно, послѣ этихъ настояній, Кушелевъ дѣйствительно подалъ въ отставку, такъ какъ въ августѣ того же года Александръ отправился на коронацію въ Москву, и ему долженъ былъ сопутствовать Мордвиновъ, заступившій, по докладамъ, мѣсто Кушелева [2]). Но болѣзнь помѣшала Мордвинову быть при докладахъ въ Москвѣ, и потому они вре-

---

[1]) Все это показываетъ, что Кушелевъ вовсе не добровольно оставилъ службу при Александрѣ, будучи вѣренъ своему девизу: «единому преданъ», какъ утверждаютъ издатели Записокъ Шишкова, I, 4, примѣчаніе 2.

[2]) Шишковъ, 87.

менно поручены были Шишкову. Выборъ Мордвинова въ виду приведенныхъ заявленій и послѣ справокъ у опытныхъ людей, притомъ когда Александръ готовился обновить весь административный составъ, лучше всего свидѣтельствуетъ, какъ цѣнили его лучшіе люди того времени и какъ несправедливы были всѣ происки Рибаса [1]). Нѣсколько важныхъ дѣлъ, поднятыхъ вскорѣ по иниціативѣ Мордвинова, лучше всего оправдываютъ этотъ выборъ. Будучи докладчикомъ по дѣламъ своего вѣдомства, Мордвиновъ не могъ не обратить на себя вниманія Александра, тѣмъ болѣе, что его многосторонняя образованность была хорошо извѣстна. И дѣйствительно, государь не разъ бесѣдовалъ съ нимъ о вопросахъ, входившихъ въ обсужденіе совѣщательнаго комитета, а потомъ совѣтовалъ даже членамъ послѣднаго обращаться къ его содѣйствію точно также, какъ и къ совѣтамъ Лагарпа. Такое сопоставленіе этихъ двухъ лицъ опять показываетъ, какимъ довѣріемъ пользовался тогда Мордвиновъ.

Участіе Мордвинова въ дѣлахъ комитета обнаружилось съ перваго же засѣданія послѣ возвращенія Александра въ Петербургъ, когда начались пренія о крестьянскомъ вопросѣ. «Въ послѣднее время, говоритъ Строгоновъ (засѣд. 4 ноября), многія лица, *и въ особенности гг. Лагарпъ и Мордвиновъ, преимущественно же послѣдній*, говорили императору о необходимости сдѣлать что нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго положенія, не имѣя никакого гражданскаго существованія. Это могло быть исправлено не иначе, какъ постепенно, незамѣтно, и первымъ шагомъ къ тому, по мнѣнію Мордвинова, могло быть позволеніе тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

---

1) Морской департаментъ ввѣренъ теперь человѣку, который въ состояніи держать часть сію въ порядкѣ, говоритъ гр. А. Р. Воронцовъ въ своихъ «Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, представленныхъ императору Александру I въ ноябрѣ 1801 г.» Чтен. Моск. Общ. истор., 1859, III, 100.

«Императоръ былъ согласенъ съ нимъ, но желалъ, чтобы эти люди имѣли право покупать не только земли, но вмѣстѣ съ землями крестьянъ, и чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись постановленіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію. Такимъ образомъ, государь шелъ далѣе Мордвинова, дозволяя мѣщанамъ покупать крестьянъ». Строгоновъ не ожидалъ никакой пользы отъ мѣры, предложенной государемъ. Потомъ читался проектъ князя Зубова, который, предлагая запретить продажу людей безъ земли, совѣтовалъ начать освобожденіе съ *дворовыхъ*, посредствомъ выкупа ихъ и внесенія въ цехи. Новосильцевъ же, въ засѣданіи 11 ноября, предложилъ переселить дворовыхъ людей на свободныя земли; но подобныя переселенія были признаны неудобными, «по причинѣ плохихъ чиновниковъ», которымъ приходится повѣрять это дѣло. Въ концѣ концовъ государь выразилъ желаніе, чтобы Новосильцевъ посовѣтовался съ Мордвиновымъ и Лагарпомъ о приведеніи этого вопроса въ извѣстную форму. Они же совѣтовали разрѣшить сначала разночинцамъ право покупки земель, какъ первый шагъ къ личному выкупу, отложивъ на время выкупъ дворовыхъ людей, который, въ виду надеждъ, можетъ возбудить и неудовольствіе дворянства, и ожиданія перемѣны въ крестьянахъ. Но члены комитета, исключая Новосильцева, считали эти доводы напрасными. Строгоновъ съ своей стороны заявилъ, что опасность можетъ быть развѣ со стороны крестьянъ, но дворянство должно будетъ уступить правительству (18 ноября). Государь однако рѣшился раздѣлить обѣ предложенныя мѣры. Въ засѣданіи 2 декабря читался проектъ указа о крестьянскомъ дѣлѣ. «Императоръ не хотѣлъ допустить въ манифестѣ выраженія: «*наши подданные*», котораго, по словамъ его, избѣгалъ онъ во всѣхъ своихъ указахъ, и изъявилъ намѣреніе замѣнить его словами: «*русскіе подданные*». Мордвиновъ настаивалъ, «чтобы указъ о

крестьянскомъ дѣлѣ былъ обнародованъ въ видѣ манифеста, обычнымъ торжественнымъ словомъ; но члены комитета, напротивъ того, думали, что не слѣдовало придавать слишкомъ значительную гласность реформамъ. На этомъ основаніи было опредѣлено внести проектъ указа въ совѣтъ, не допуская никакихъ измѣненій ни въ содержаніи, ни въ формѣ, а только для редакціи». Такъ кончилось это великое дѣло, заключаетъ гр. Строгоновъ [1]).

Но оно все-таки принесло въ началѣ свои плоды. Помѣщики, обезчестившіе себя безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ крестьянами, подвергались лишенію имущества, заключенію въ монастыри и строгому надзору [2]). На просьбу одного государственнаго сановника о пожалованіи его населеннымъ имѣніемъ, Александръ отвѣчалъ: «Я далъ обѣтъ не увеличивать числа несчастныхъ, и принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано вамъ въ аренду, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы, подобно животнымъ». Затѣмъ послѣдовали частныя сдѣлки владѣльцевъ съ крестьянами, которыя охотно утверждались правительствомъ и клонились къ освобожденію крестьянъ отъ личной зависимости и надѣлу ихъ землею, на основаніи выкупа или отпущенія на волю: таковы условія Петрово-Соловово, князя А. Б. Куракина, С. П. Румянцева, и др. [3]). Наконецъ, эти условія послужили основаніемъ для извѣстнаго указа о свободныхъ хлѣбо-

---

[1]) Извлеч. изъ засѣданій неоффиц. комитета, 38—56. Указъ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ крестьянамъ пріобрѣтать покупкою земли изданъ 12 декабря 1801 года (Полн. собр. зак., т. XXVI, № 20,075.)

[2]) Дѣла Орлова, Яцыны, Побѣдинскаго, Русская Старина, 1870, № 1. Интересный проектъ указа губернаторамъ объ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами, отъ 1802 г., см. въ Русской Старинѣ 1872, сент., 281—283.

[3]) Богдановича, Исторія Александра I, 96—99; Чтен. Моск. Общ. истор. 1860, I, смѣсь, стр. 65—74.

пашцахъ (20 февраля 1803) [1]), имѣвшаго цѣлью устроить крестьянскій вопросъ на законныхъ основаніяхъ, по которымъ дозволялось освобожденіе крестьянъ не иначе, какъ послѣ обоюднаго согласія ихъ съ владѣльцами [2]). Далѣе этого законодательство Александра I по крестьянскому вопросу не пошло, но о дальнѣйшихъ перипетіяхъ его намъ придется сказать еще ниже. Теперь же укажемъ на тѣ ближайшія причины, которыя на первыхъ порахъ такъ вредили крестьянскому дѣлу. Напрасно увѣрялъ графъ Строгоновъ, что рѣшительный шагъ со стороны государя въ этомъ дѣлѣ заставитъ заинтересованную сторону снести свою участь покорно. Противъ этого говоритъ собственное описаніе гр. Строгонова— засѣданія комитета 9 ноября 1803 года. «Въ продолженіе этого совѣщанія, говоритъ онъ, члены комитета старались убѣдить государя, что всѣ толки (о крестьянскомъ вопросѣ), поселявшіе въ публикѣ *неудовольствіе*, исходили *изъ петербургскихъ кружковъ* (les coteries de la ville de Pétersbourg), и что *въ губерніяхъ* господствовалъ *иной духъ*. При этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе *ближайшіе къ государю люди*». По свидѣтельству гр. Строгонова, «эти господа старались выказать *все въ мрачномъ видѣ*, и даже убѣдить самого государя, будто бы у насъ въ Россіи *господствовало общее неудовольствіе*». Нѣкоторые (въ томъ числѣ подозрѣвали и Державина) [3]) воспользовались даже волненіемъ въ Малороссіи

---

[1]) По инициативѣ гр. С. П. Румянцова; Чтен. Моск. Общ. ист. 1860, I, смѣсь, 65—67; Русскій Архивъ, 1869, с. 1953—1966 (нѣнія записки» и переписка гр. Румянцова съ императоромъ Александромъ I).

[2]) Полное собр. закон., т. XXVII, № 20,620.

[3]) Державинъ проектъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ считалъ выдумкою Румянцова, внушенною ему «подлой трусостью» и желаніемъ угодить государю, воспитанному въ такомъ духѣ Лагарпомъ. Членовъ комитета Державинъ называетъ «якобинскою шайкой». Государственный совѣтъ, по его словамъ, находилъ этотъ проектъ безполезнымъ, но одобрилъ изъ той же угодливости. Самъ Державинъ полагалъ, что нашей непросвѣщенной черни опасно твердить много о вольности, которой она въ прямомъ ея смыслѣ не понимаетъ и понять не мо-

«для оправданія своего предсказанія»..... «Императоръ, говоритъ гр. Строгоновъ, повторилъ свои обычныя слова, что слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною. *Ему отвѣчали, что не слѣдовало бы слишкомъ обижать дворянъ*, составлявшихъ также значительную массу, весьма легко могшую пріобрѣсть вліяніе, что общественное мнѣніе шатко, *и что не слѣдуетъ нарушать ничьихъ интересовъ*. При этомъ говорили ему о содѣйствіи выкупу помѣщичьихъ крестьянъ ссудами изъ казны, и проч. Государь повторилъ свою любимую идею—опредѣлить повинности крестьянъ въ отношеніи къ ихъ владѣльцамъ, *на что со стороны членовъ были сдѣланы многія возраженія*, и наконецъ, когда онъ завелъ рѣчь о пріобрѣтеніи населенныхъ имѣній купцами, рѣшили, что какъ это дѣло уже отдано на разрѣшеніе въ сенатъ, то, на основаніи сенатскаго доклада, сдѣлать постановленіе по сему предмету» [1]). Послѣ этого понятно, почему Мордвиновъ, такъ горячо взявшійся съ Лагарпомъ за крестьянскій вопросъ, стоялъ потомъ за его постепенное развитіе, и мы далѣе увидимъ на сколько его ожиданія оправдались.

Между тѣмъ, еще въ засѣданіи комитета 31 марта 1802 г. разсматривался вопросъ, въ которомъ Мордвинову также пришлось принять дѣятельное участіе. Это было знаменитое дѣло графа Кутайсова объ Эмбенскихъ водахъ.

Еще при Екатеринѣ II, фельдмаршалу графу Николаю Ивановичу Салтыкову достались земли на берегу Каспійскаго моря, близъ устья рѣки Эмбы, на протяженіи 600 верстъ, заключавшія въ себѣ 200,800 десятинъ земли, при кото-

---

жетъ. Зап. Державина, изд. Гротомъ, 811—817. Гр. Ростопчинъ писалъ кн. Циціанову: «Румянцову вѣрно захотѣлось или въ четвертый разъ въ службу, или двухъ аршинъ голубой ленты. Но увы отправленъ табакеркою! Ты представить себѣ можешь, что за волненіе все сіе произвело *въ Москвѣ: и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича*». Девятнадцатый Вѣкъ Бартенева, II, 4—6.

[1]) Извлеченія изъ засѣданій неоффиц. комитета, 90—91.

рыхъ только 800 десятинъ были годны къ земледѣлію. Салтыкову эти земли были отведены областнымъ начальствомъ, генераломъ Гудовичемъ, который имѣлъ право раздавать имѣнія въ опредѣленномъ количествѣ, но въ этомъ случаѣ онъ превысилъ свою власть, отведя вмѣстѣ съ 800 десятинъ удобной земли, огромное безплодное пространство, а тѣмъ болѣе вопреки распоряженію о раздачѣ земель для развитія земледѣлія и хлѣбопашества. Такимъ образомъ, Салтыковъ пріобрѣлъ право пользоваться рыбными промыслами, благодаря тому, что его земли тянулись узкою полосою вдоль моря. Вслѣдствіе такой шаткости правъ гр. Салтыкова, при императорѣ Павлѣ, его любимцу, гр. Кутайсову, удалось получить земли и принадлежащія къ нимъ рыбныя ловли [1]); но,

[1]) Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, уроженецъ турецкаго города Кутая, взятый въ плѣнъ русскими еще въ малолѣтствѣ, былъ отданъ Екатериною II вел. кн. Павлу Петровичу, который посылалъ его, для обученія фельдшерскому искусству, въ Берлинъ и Парижъ, а потомъ опредѣлилъ къ себѣ камердинеромъ. «Соединяя съ ловкимъ, оборотливымъ умомъ, проворство и искусство угождать», Кутайсовъ успѣлъ въ короткое царствованіе Павла I пройти всѣ почести отъ гардеробмейстера до барона и графа Россійской Имперіи. «Живу однимъ и для одного», былъ девизъ Кутайсова (Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей. Дополнительная часть, т. II, 236—37). Но при этомъ онъ обнаруживалъ безпредѣльную страсть къ обогащенію, часто соединявшуюся съ неразборчивостью средствъ. При помощи евреевъ и откупщиковъ, онъ хотѣлъ получить богатое Шкловское имѣніе извѣстнаго любимца Екатерины II—Зорича, находившееся, вслѣдствіе жалобъ евреевъ, подъ опекою Державина. Послѣднему Кутайсовъ предлагалъ, за уступку его, выгодную сдѣлку, и когда тотъ отказалъ, то онъ сталъ преслѣдовать его. Точно также, получивъ отъ государственнаго казначея Васильева отказъ въ деньгахъ, Кутайсовъ добился увольненія его отъ службы (Зап. Державина, академ. изд. VI, 719, 730,732. О Зоричѣ и его жизни въ Шкловѣ см. статью: «Шкловскіе авантюристы» въ «Памятникахъ новой русской исторіи», издан. редакц. Зари, II). Отъ императора Павла Кутайсовъ получилъ 5,000 крестьянъ, изъ которыхъ болѣе 2,000 находилось въ Тамбовской губерніи (на 24,606 десят. земли), 36,000 десят. въ Курляндіи и богатыя рыбныя ловли на Волгѣ, приносившія ему до полумилліона ежегоднаго дохода. Его мукомольная мельница на рѣкѣ Цнѣ стоила ему болѣе милліона рублей и приносила ежегодно 70,000 рублей дохода, (Бантышъ-Каменскій, ibidem, 237—38).

по смерти императора Павла, Салтыковъ сталъ домогаться, чтобы онѣ были возвращены ему, какъ прежнему владѣльцу.

Тяжба ихъ была перенесена въ совѣтъ [1]), въ которомъ голоса раздѣлились, но вообще преобладало мнѣніе, что фельдмаршалъ Салтыковъ получилъ земли отъ лица, не имѣвшаго права давать ихъ, и что, напротивъ того, онѣ пожалованы гр. Кутайсову высочайшимъ указомъ императора Павла. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ пришелъ къ заключенію о необходимости вознаградить семейство Кутайсова другими землями или деньгами [2]).

Это рѣшеніе вызвало со стороны Мордвинова (какъ члена непремѣннаго совѣта) особое мнѣніе, въ которомъ онъ, выходя изъ главнаго положенія, высказаннаго совѣтомъ, пришелъ къ другимъ заключеніямъ. Уже здѣсь Мордвиновъ съ поразительною ясностью высказалъ мысль о неприкосновенности частной собственности, которая постоянно повторяется во всѣхъ его мнѣніяхъ, касающихся этого вопроса. Но это мнѣніе, называемое обыкновенно мнѣніемъ объ Эмбенскихъ водахъ, замѣчательно еще по многимъ частнымъ мыслямъ автора. Мы его помѣщаемъ здѣсь, такъ какъ оно не появлялось еще въ нашей литературѣ.

«Если объ Эмбинскихъ рыбныхъ ловляхъ, пожалованныхъ гр. Кутайсову, разсуждать по одному только отношенію къ самодержавной власти, говоритъ Мордвиновъ, конечно весьма легко рѣшить все дѣло. Неограниченною волею государя воды сіи отданы частному человѣку; неограниченная воля другого государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно; опредѣлить за нихъ вознагражденіе большее или меньшее или не опредѣлять никакого—зависитъ отъ его хотѣнія.

---

[1]) Непремѣнный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ государя, былъ учрежденъ Александромъ I-мъ 30 марта 1801 года, по плану Трощинскаго. Онъ состоялъ изъ 12 членовъ, и предназначался для разсмотрѣнія всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ и постановленій, замѣнивъ собою бывшій до того временный совѣтъ при дворѣ, который рѣдко занимался существенными вопросами.

[2]) Извлеч. изъ проток. неоффиц. комитета, I.

«Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано, и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость; въ семъ понятіи не было бы никакой нужды спрашивать у совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ, какимъ образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть въ немъ видомъ общественной пользы [1]).

«*Но какъ я думаю и думать не перестану*, что государь, предлагая дѣло сіе совѣту, вопрошаетъ его не о благовидности, *но о справедливости, и слѣдовательно желаетъ, чтобы вопросъ сей былъ изслѣдованъ въ понятіяхъ правленія монархическаго*, то и должно, кажется мнѣ, прежде всего согласиться въ слѣдующихъ началахъ:

1) Владѣніе Эмбенскихъ водъ, и всего, что въ указѣ 1799 г. означено, есть собственность гр. Кутайсова Совѣтъ призналъ сію истину въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ.

2) Законъ собственности признается въ Россіи вообще непоколебимымъ, слѣдовательно и собственность гр. Кутайсова должна быть неотъемлема.

3) Если бы сія неотъемлемость ограничивалась только тѣмъ, чтобы частные люди не могли на нее дѣлать притязаній, то былъ бы законъ достаточный въ турецкихъ областяхъ, но весьма несправедливый въ Россіи, гдѣ и правительство не можетъ отнять имѣнія ни у кого безъ суда и закона.

4) Изъ сего слѣдуетъ: на собственность частныхъ лицъ въ Россіи правительство не больше имѣетъ права, какъ и всякій частный человѣкъ [2]).

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ Мордвиновъ указываетъ только на характеръ *произвольнаго, деспотическаго* правленія, въ отличіе отъ *монархическаго*, о которомъ говоритъ непосредственно за этимъ. Это замѣчаніе необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно понять основную мысль автора мнѣнія.

[2]) Въ предъидущемъ пунктѣ Мордвиновъ ясно опредѣлялъ, что онъ разумѣетъ здѣсь «отнятіе безъ суда и закона».

5) Посему, *сколько бы исключительное владѣніе какимъ либо имѣніемъ ни оказывалось противнымъ общему благу, не можно для сего его взять въ общее употребленіе*, да я и не знаю, чтобы гдѣ нибудь былъ такой законъ терпимъ или полезенъ, ибо никогда общее благо не зиждется на частномъ разореніи.

6) Лишить собственности, по общему понятію сего слова, есть взять имѣніе безъ согласія лица, которое имъ владѣетъ. А посему взять Эмбенскія воды у Кутайсова, безъ согласія его, есть лишить его собственности, есть нарушить первый законъ, коимъ благоустроенное правительство отличается отъ насильственнаго.

7) Замѣнъ, хотя бы онъ и дѣйствительно былъ соразмѣренъ отбираемому имѣнію, не есть однакожь согласіе, если онъ опредѣляется тѣмъ самымъ лицомъ, которое отбираетъ. Правительство не можетъ на собственность больше имѣть права, какъ и всякое частное лицо (сіе выше доказано); но какому частному лицу позволяется быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ [1])?

8) И такъ, судя по строгой справедливости, по которой единственно совѣтъ судить долженъ, не можно Эмбенскихъ водъ взять у гр. Кутайсова и опредѣлить замѣнъ безъ его согласія.

9) Скажутъ, что сіе согласіе получить отъ него не возможно, но предлагали ли ему о семъ? Почему необходимо должно изъяснять намѣреніе людей въ худую сторону, и для чего въ дѣлѣ закона принимать вѣроятныя предположенія за достовѣрные опыты? Полагая однакожь, что и дѣйствительно требованія его будутъ неумѣренны, что онъ пожелаетъ, напримѣръ, тотъ же самый доходъ деньгами, который теперь получаетъ отъ своего промысла, я вмѣстѣ съ симъ спрашиваю: справедливо ли поступитъ правительство, удовле-

[1]) Ниже Мордвиновъ указываетъ на возможный выходъ въ этомъ случаѣ.

творивъ его требованіямъ? Если справедливо, то вмѣстѣ съ тѣмъ и для общаго блага выгодно, ибо нѣтъ въ свѣтѣ безполезной справедливости, и та самая ложная государственная экономія, которая на счетъ твердости закона думаетъ сберечь нѣсколько тысячъ рублей. Твердость закона, и особливо закона столь существеннаго, какъ собственность, никакими милліонами оцѣнить неможно. *Экономія есть часть государственнаго блага, а законъ его основаніе*; часть развалившуюся можно поправить, но потрясенное основаніе рушитъ все зданіе. Если нужно, чтобы законъ былъ врѣзанъ въ сердцахъ народныхъ (а въ Россіи это нужно, ибо сіе есть единый способъ къ лучшему), то надобно начать съ того, чтобы правительство не дѣлало ни малѣйшаго отступленія ни для кого, ни для чего. Дабы истребить пренія о несправедливости, надобно начать съ того, чтобы ихъ вновь не дѣлать; иначе силы произволенія будутъ поправляться силою. Вѣчно будетъ сила и никогда не будетъ закона [1]).

10) Скажутъ, что указы, на которыхъ основано право гр. Кутайсова, составлены подлогомъ. Но если государственныя постановленія въ Россіи позволять признать за истину, не должно послѣ сего говорить ни о собственности, ни о вознагражденіи, а должно судить того, кто сдѣлалъ сей подлогъ. Но, какъ думаю я, указы у насъ не могутъ быть ни выпрошены, ни подложны: то и возраженіе сіе неумѣстно; оно только вводитъ замѣшательство въ частный случай и простыя понятія.

11) По всѣмъ тѣмъ причинамъ мое замѣчаніе есть: что не можно во первыхъ взять у гр. Кутайсова Эмбенскихъ ловель безъ его согласія, и сіе примѣчаніе относится равно ко всѣмъ проектамъ указовъ. Вторая часть мнѣнія моего состоитъ въ томъ: если у него ихъ возьмутъ, то не должно

[1]) Это желаніе Мордвинова вполнѣ соотвѣтствовало и требованіямъ открыто заявленнымъ импер. Александромъ I, который реформою сената хотѣлъ создать противовѣсъ произволу администраціи. См. Проток. неоффиц. комитета у г. Богдановича.

на нихъ совершенно и земель по берегамъ оставлять въ общемъ и независимомъ владѣніи. Доказательства на сіе суть слѣдующія:

1) Рыбныя ловли вообще раздѣляются на два рода: однѣ суть подвижныя, на лодкахъ и судахъ производимыя, другія неподвижныя—извѣстныхъ зданій, на самыхъ водахъ устроенныхъ общими силами. Первыя должно всѣмъ позволить; но послѣднія или никогда въ Россіи существовать не будутъ, или должны принадлежать исключительно тѣмъ, кои ихъ устроятъ. Мысль, что ихъ теперь нѣтъ, не доказываетъ, что ихъ никогда не будетъ. Промышленности народной не возможно назначить предѣловъ, а законъ общій долженъ обнимать не только настоящее, но и все что будущее открыть можетъ; иначе будущаго никогда не будетъ и мы останемся въ настоящемъ.

2) Общее есть правило, что земли общія суть земли дикія. Одна увѣренность, что труды и капиталы, полагаемые на удобреніе земли, на различныя заведенія, суть неотъемлемая собственность, превратила пустыни въ плодоносныя поля, и всегда ихъ превращать будетъ, доколѣ человѣкъ повиноваться будетъ единому безпрестанному, всѣхъ обществъ началу собственной пользы каждаго и наслажденія.

3) Посему я мыслю, что какъ на водахъ морскихъ неподвижныя строенія должны принадлежать неотъемлемо и исключительно ихъ хозяевамъ, такъ и берега и острова должны быть розданы для заведенія частнымъ людямъ на томъ же правѣ собственности. Скажутъ, что прочность сихъ заведеній обезпечена быть можетъ полицейскимъ распорядкомъ; но если сіи части должны быть собственностью, то необходимо должно основать ихъ на законѣ, а не на полицейскомъ распорядкѣ, который не установляетъ собственность, но охраняетъ ее и ограждаетъ въ существованіи.

4) Скажутъ еще съ большею силою, что это бы значило взять у одного, чтобы отдать другому. Не другому, но *многимъ*, а въ этомъ-то и состоитъ первый законъ исторіи

государственной экономіи. Монополія, по самому слову, значитъ, когда одинъ захватилъ нужное всѣмъ имущество, покоривъ все своей волѣ и корыстолюбію, но когда одною вещью владѣютъ многіе, тогда не все покорено одному, тогда есть соревнованіе въ продажѣ, и цѣна устанавляется числомъ требователей и количествомъ вещей.

5) Скажутъ, что малые участки легко могутъ быть скуплены однимъ, и тогда монополія возникнетъ во всей своей силѣ. Сіе заключеніе справедливо, но есть весьма простое средство предупредить его. Постановить сіе закономъ, такъ какъ сіе постановлено въ англійскихъ и американскихъ колоніяхъ, чтобы частное лицо не могло владѣть болѣе извѣстнаго пространства, ни берега, и все, что найдено будетъ превосходящимъ сію мѣру, отбираемо будетъ въ казну, съ отдачею четвертой части тому, кто докажетъ.

«Если не благоугодно будетъ принять примѣчаній моихъ относительно согласія гр. Кутайсова, тогда сей проектъ представитъ, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что удалится лично отъ государя мысль нарушенія собственности, и что судьею и опредѣлителемъ имѣнія постановится посредствующее мѣсто—правительствующій сенатъ. Вѣроятно предположить можно, что онъ не болѣе опредѣлитъ Кутайсову возмездія, сколько и совѣсть полагаетъ; но, по крайней мѣрѣ, пусть лучше на сіе поступитъ тотъ, кто исполняетъ законъ, нежели тотъ, кто ихъ создаетъ. Что принадлежитъ до примѣчанія, что, при общемъ семъ указѣ, споры гр. Кутайсова съ гр. Салтыковымъ останутся нерѣшенными, я мыслю, что ихъ и рѣшать не нужно, ибо найдено уже и доказано, что гр. Салтыковъ отыскиваетъ того, что ему никогда не принадлежало; а Кутайсовъ—владѣнія, что ему отдано въ собственность,—и дѣйствительно, рѣшеніе все должно состоять въ отказѣ первому, а отказъ и молчаніе въ подобныхъ случаяхъ всегда равно принимались» [1]).

---

[1]) Истор. Сборн. II, 159—165, и въ 1-мъ томѣ собранія рукописныхъ мнѣній Николая Семеновича Мордвинова.

Въ такомъ видѣ это дѣло перешло въ неоффиціальный комитетъ. Здѣсь гр. Строгоновъ и кн. Чарторижскій предлагали отвести Кутайсову взамѣнъ спорныхъ земель такое же пространство земли въ другихъ мѣстахъ, выходя изъ той мысли, что императоръ Павелъ очевидно былъ обманутъ въ этомъ дѣлѣ. Но императоръ Александръ I, полагая, что въ такомъ случаѣ пришлось бы отвести гр. Кутайсову слишкомъ обширныя земли, рѣшилъ выдать ему денежное вознагражденіе, въ размѣрѣ 150,000 руб, а Салтыкова вознаградить другими землями. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало постановленіе о свободномъ пользованіи морскими рыбными промыслами. Потомъ, однако, за прежними владѣльцами были оставлены нѣкоторые участки каспійскаго побережья [1]).

Мнѣніе Мордвинова объ Эмбенскихъ водахъ, по отзывамъ современниковъ, составило его славу и обратило на него вниманіе даже внѣ столицы [2]). Но этимъ далеко не ограничилась его дѣятельность. «Извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, живымъ воображеніемъ и притязаніями на добродушіе, Николай Семеновичъ Мордвиновъ, говоритъ Вигель, болѣе нежели когда кипѣлъ въ это время

---

[1]) Протоколы засѣданій неоффиціальнаго комитета; у Богдановича, I, прилож. стр. 76; Полн. Собр. Закон., т. XXVII, №№ 20,388 и 20,933. Графъ Н. И. Салтыковъ былъ воспитателемъ импер. Александра I. Графъ О. П. Толстой, въ своихъ недавно изданныхъ запискахъ (см. Русск. Стар., 1873 г. январь, с. 39—40), даетъ слѣдующую характеристику его: «Чтобы представить себѣ личность гр. Н. И. Салтыкова, надо вообразить себѣ маленькаго роста старичка, худощаваго, сгорбленнаго, съ длиннымъ носомъ, и въ мундирѣ. Онъ ходилъ всегда, поддергивая штаны, какъ будто боясь, что онѣ свалятся; это было очень смѣшно и каррикатурно. Н. И. отличился въ семилѣтнюю войну при осадѣ Кольберга, велъ войну въ Молдавіи, путешествовалъ по Европѣ при Екатеринѣ II, въ званіи воспитателя вел. кн. Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ большой ханжа, носилъ на шеѣ, кромѣ креста, множество маленькихъ финифтяныхъ образковъ, носилъ ихъ даже во всѣхъ карманахъ; впрочемъ, былъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, и въ свое время игралъ большую роль».

[2]) Записки С. Н. Глинки, въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1865 г., іюль, 216.

проектами. Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Катономъ и Сенекой [1]). Уже съ перваго года царствованія Александра I, говоритъ о себѣ Мордвиновъ, я излагалъ мои мысли по управленію финансами» [2]). Въ 1801 году онъ представилъ императору Александру проектъ *«трудопоощрительнаго банка»*, переданный на разсмотрѣніе непремѣннаго совѣта, но тамъ заглохшій [3]).

«Уставъ государственнаго трудопоощрительнаго банка, составленный Мордвиновымъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по широтѣ основной мысли, такъ и по своимъ подробностямъ, и можно смѣло сказать, что и въ настоящее время планъ Мордвинова далеко не потерялъ своего значенія [4]).

По мысли Мордвинова, трудопоощрительный банкъ долженъ былъ удовлетворять финансовымъ, образовательнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ страны. Онъ раздѣлялся на пять отдѣленій, завѣдующихъ земледѣліемъ, скотоводствомъ, рукодѣліями, рудокопствомъ и рыболовствомъ. Цѣль такого банка, по словамъ составителя устава, заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ «всѣми образами вспомоществовать, поощрять и возбуждать охоту къ трудолюбію, какъ источнику, изъ котораго проистекаетъ богатство, изобиліе, сила и благоденствіе народное, а потому всякій, искусный въ хозяйственныхъ заведеніяхъ, но не имѣющій довольнаго достатка къ произведенію умозрѣній своихъ въ дѣйство, прибѣгаетъ съ просьбою къ главному правленію, и получаетъ отъ него руку помощи». Для того же, чтобы правленіе банка могло вполнѣ удовлетворять такимъ требованіямъ, то въ числѣ его членовъ должны были состоять физикъ, химикъ, ми-

---

[1]) Воспоминанія, т. I, ч. II, стр. 12.

[2]) Письмо адмирала Мордвинова къ импер. Николаю I, Чтен. Моск. Общ. истор. 1860, I, смѣсь, 150.

[3]) Мнѣніе адмирала Мордвинова о причинахъ разстройства финансовъ нашихъ. Чтен. Моск. Общ. ист. 1860, III, смѣсь, стр. 37.

[4]) Уставъ банка находится въ рук. собр. мнѣній Мордвинова, т. I, и напечатанъ въ Русской Старинѣ, 1872 г., январь.

нералогъ, механикъ, агрономъ и заводчикъ. Приэтомъ Мордвиновъ обращаетъ вниманіе на тѣ предметы, которые заслуживали особеннаго вниманія банка, а именно: осушеніе болотъ, удобреніе земли, введеніе лучшаго способа земледѣлія, постройка сельскохозяйственныхъ зданій, изобрѣтеніе удобнѣйшихъ хозяйственныхъ и ремесленныхъ орудій, развитіе скотоводства, постройка мельницъ, устройство фабрикъ и заводовъ, распространеніе рыбныхъ промысловъ, и т. п. Лицо, желавшее получить пособіе отъ банка, обязывалось представить планъ своего предпріятія, засвидѣтельствованный губернаторомъ и двумя или тремя дворянами своей губерніи. Количество процентовъ съ ссуды и льготы для заемщика были поставлены въ зависимость отъ достоинства самаго предпріятія. Точно также, при залогѣ имѣній, обращалось вниманіе введено-ли въ нихъ оспопрививаніе или нѣтъ — одинъ изъ важныхъ вопросовъ, на который, какъ увидимъ, Мордвиновъ обращалъ постоянно вниманіе и правительства, и общества, и частныхъ лицъ. Заемщикъ, получавшій капиталъ безъ залога, а по одному поручительству, обязывался обучить, при своемъ заведеніи, нѣсколькихъ учениковъ изъ русскихъ. Правленіе банка должно было заботиться о распространеніи трудопоощрительныхъ обществъ по губерніямъ, а также объ устройствѣ полезныхъ предпріятій. О новыхъ изобрѣтеніяхъ банкъ доводилъ до свѣдѣнія русскихъ предпринимателей посредствомъ печатныхъ извѣстій, для чего при немъ полагалась типографія. При банкѣ же слѣдовало устроить библіотеку, по всѣмъ отраслямъ его дѣятельности, и кабинеты по естественной исторіи и рукодѣльямъ. Правленіе должно было содержать при банкѣ механиковъ и художниковъ, и рекомендовать ихъ на случай требованія. Точно также оно обязывалось брать на себя выписку скота, книгъ, сѣмянъ, инструментовъ, и т. п.; при банкѣ же полагалось училище съ кругомъ наукъ, соотвѣтствующихъ означеннымъ потребностямъ. Правленіе должно было озаботиться приготовленіемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ; его вѣдѣнію подчинялись иностранцы, селив-

шіеся на казенныхъ земляхъ, съ обязательствомъ упражнять русскихъ молодыхъ людей (до 22 лѣтъ) въ сельскомъ хозяйствѣ, которые, въ свою очередь, послѣ получали надѣлы казенныхъ участковъ, съ пособіемъ отъ банка, съ цѣлью развитія въ Россіи землевладѣнія и постепеннаго уничтоженія общиннаго владѣнія и чрезполосныхъ хозяйствъ. Церковные участки должны были служить образцами земледѣлія для крестьянъ, и въ каждомъ уѣздѣ правленіе должно было озаботиться устройствомъ нѣсколькихъ образцовыхъ фермъ. Ежегодно банкъ отпускаетъ правленію по 100,000 р. для наградъ за усовершенствованіе указанныхъ отраслей промышленности; кромѣ того, банкъ могъ присуждать награды книгами, инструментами, скотомъ, и т. п. Для оцѣнки произведенныхъ усовершенствованій, при правленіи полагались особые опытные инспекторы. Капиталъ банка, въ размѣрѣ 2.000,000 р., назначался ежегодно изъ ассигнаціоннаго банка, а для расхода на награды—изъ государственнаго казначейства. Банкъ былъ поставленъ подъ непосредственное вѣдѣніе государя. Въ заключеніе Мордвиновъ присоединяетъ таблицу наградъ за усовершенствованія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности. Вполнѣ надѣясь на осуществленіе своего проекта, онъ составилъ даже проектъ манифеста, имѣющій характеръ воззванія къ русскому обществу, которое необходимо было поднять изъ продолжительнаго экономическаго усыпленія указаніемъ «что деньги не имѣютъ иной цѣны, кромѣ относительной къ народному труду; что если трудъ въ цвѣтущемъ состояніи и количество денегъ въ государствѣ соразмѣрно количеству вырабатываемыхъ въ немъ чрезъ одинъ годъ произведеній, то золото, серебро и всякая другая металлическая и бумажная монета имѣютъ истинную и настоящую свою цѣну; а ежели напротивъ, то золото и всякая монета унижена въ своемъ достоинствѣ; но единое трудолюбіе народное и безуспѣшность въ произведеніи веществъ, къ естественнымъ потребностямъ и услажденію человѣческому относящихся, суть прямыя богатства и мѣра

величія державъ; ибо гдѣ только сіи послѣднія преуспѣваютъ, тамъ, во первыхъ, всѣ собственные предѣлы и всѣ сословія народныя во всемъ нужномъ изобилуютъ; а сверхъ того, отдѣляя избытки свои въ продажу другимъ землямъ, стяжаютъ и безъущербно у себя удерживаютъ золото и другія драгоцѣнности. Многія страны, какъ то извѣстно, не имѣвъ достаточно золота и серебра, изобиловали во всемъ для жизни и были дѣйствительно богаты; другія же, напротивъ, изобилуя и золотомъ, но нуждаясь въ житейскихъ потребностяхъ, не иначе какъ скудными почесться должны».

Устранить всѣ эти невыгоды для Россіи и долженъ былъ трудопоощрительный банкъ. Уставъ его составленъ Мордвиновымъ въ 1801 г. и тогда же подписанъ государемъ; проектъ же манифеста помѣченъ 1802 г. Но первоначально, какъ мы сказали, уставъ былъ отданъ на разсмотрѣніе совѣта, который, принявъ во вниманіе его сложность, рѣшилъ разсмотрѣть порознь каждому члену. Нѣсколько разъ Мордвиновъ настаивалъ потомъ на приведеніе его въ исполненіе; но объ этомъ никто и не думалъ, на что авторъ устава жаловался въ 1825 г. [1]), не зная даже куда онъ дѣвался. Конечно, причиною застоя этого дѣла были какъ частыя перемѣны, постигавшія самого Мордвинова, такъ и наступившія вскорѣ политическія затрудненія Россіи.

Государственный трудопоощрительный банкъ, по мысли Мордвинова, долженъ былъ дать новое экономическое бытіе всей Россіи. Въ мнѣніи своемъ, представленномъ (1802) комитету по черноморской коммерціи [2]), Мордвиновъ старался указать, какимъ образомъ обезпечить за Россіею вѣрное торговое значеніе южнаго края, недавно вошедшаго въ ея составъ. «Скорое и точное правосудіе и личная неприкосновенность, говоритъ онъ, есть первѣйшій залогъ благосостоянія обществъ и спокойной каждаго жизни. Сіи начальныя уваже-

¹) Чтен. Моск. Общ. истор. 1860, III, смѣсь, 37.
²) Русская Старина 1872 г., февраль.

нія должны предшествовать всѣмъ прочимъ правамъ и выгодамъ, которыя даруемы бываютъ приводимымъ въ лучшее состояніе, или вновь основываемымъ городамъ и провинціямъ, особенно же твердость оныхъ благополезна и необходима для тѣхъ мѣстъ, куда принято намѣреніе привлечь жителей изъ чужихъ краевъ».

Разсматривая современное состояніе Крыма и другихъ южныхъ предѣловъ Россіи, лежащихъ по Черному и Азовскому морямъ, Мордвиновъ находитъ его далеко отстоящимъ отъ той степени совершенства, какая возможна по ихъ естественному положенію. Вслѣдствіе этого онъ настаивалъ, чтобы комитетъ обратилъ особенное вниманіе на устраненіе тѣхъ условій, которыя служатъ задержкою для естественнаго развитія тамошней коммерціи. Обезпеченіе правъ торговаго класса и гарантія его правымъ судомъ могли, по мнѣнію Мордвинова, служить надежнымъ ручательствомъ улучшенія тамошней торговли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, экономическаго состоянія края. Съ этою-то цѣлью онъ предлагалъ ввести въ южныхъ городахъ коммерческіе суды, члены которыхъ (по три) на первый разъ должны быть избраны инспекторами коммерціи, съ тѣмъ, что ежегодно одинъ изъ нихъ будетъ замѣняться новымъ лицомъ, а по прошествіи 6 лѣтъ судьи будутъ уже избираться институтомъ прежнихъ членовъ. Коммерческіе суды должны имѣть право непосредственнаго сношенія съ министрами; они обязаны давать защиту и покровительство всякому гражданину, даже противъ насилія властей, и разбирать какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла по части коммерціи. Коммерческій судъ долженъ быть независимъ какъ отъ администраціи, такъ и отъ обыкновенныхъ судовъ, и апелляція на его рѣшенія переносится прямо въ коммерцъ-коллегію. Въ дѣлахъ, не требующихъ предварительнаго изслѣдованія, рѣшеніе постановляется немедленно; въ остальныхъ случаяхъ— судъ прибѣгаетъ къ третейскому разбирательству. Никто не можетъ отказаться отъ выбора въ судьи, которые однако не получатъ за отправленіе обязанностей никакого возна-

гражденія. Подъ защитою суда, личность, имущество и интересы торговаго класса обезпечиваются на самыхъ широкихъ основаніяхъ.

Предложеніе Мордвинова было уважено. Пока состоялось постановленіе [1]) о рѣшеніи въ южныхъ городахъ торговыхъ дѣлъ не иначе, какъ съ участіемъ посредниковъ, но въ тоже время, для составленія устава коммерческихъ судовъ, былъ назначенъ особый комитетъ, который, въ основаніи своего проекта, принялъ лучшія изъ положеній, существовавшихъ на западѣ по этой части. Такимъ образомъ, съ марта 1802 г. стали вводиться на югѣ коммерческіе суды (въ Одессѣ, Ѳеодосіи, Таганрогѣ, и др.). Впрочемъ, вслѣдствіе заявленія тогдашняго одесскаго градоначальника, Дюка де-Ришелье, что въ томъ краѣ мало найдется лицъ, способныхъ занять соотвѣтствующія должности, выборное начало было сохранено только на половину, и суды не получили такихъ широкихъ правъ, какія предлагалъ въ своемъ мнѣніи Мордвиновъ (относительно взысканій и гарантіи гражданскихъ правъ торговаго сословія). Градоначальнику былъ порученъ административный надзоръ за дѣйствіями судовъ, а высшею инстанціею для нихъ былъ назначенъ сенатъ [2]).

Крымъ нуждался въ коренномъ устройствѣ, и положеніе его на первыхъ же порахъ занимало новое правительство [3]).

Съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи, правительство стало заселять его русскими поселенцами, а земли отдавать русскимъ помѣщикамъ. Но въ большинствѣ случаевъ, по словамъ Мертваго [4]), онѣ достались любимцамъ и угодникамъ Потемкина и Зубова, которые управляли одинъ за другимъ тамошнимъ краемъ. Заботясь, какъ можно болѣе, объ увеличеніи своихъ участковъ, новые владѣльцы нерѣдко посягали на участки сосѣднихъ татаръ и обременяли тѣхъ нихъ, которые

[1]) Полн. собр. закон., XXVII, № 20,755 и XXVIII, № 21,172.

[2]) Полн. собр. закон., XXX, № 22,888

[3]) Протов. засѣд. неоффиц. комит. у Богдановича.

[4]) Зап. Мертваго, изд. Бартеневымъ, гл. IV.

жили по найму на ихъ земляхъ. Вслѣдствіе этого, переселеніе татаръ изъ Крыма получило обширные размѣры. Съ другой стороны, плохой составъ администраціи и суда вредно вліялъ на отношенія оставшихся на мѣстѣ, такъ какъ чиновники, питавшіеся, главнымъ образомъ, плодами рукъ своихъ, нерѣдко сами содѣйствовали возникновенію многочисленныхъ тяжебъ между туземцами и поселенцами. Это особенно усилилось въ царствованіе имп. Павла, когда Таврическая губернія была уничтожена, а Крымъ былъ присоединенъ къ Екатеринославской губерніи (названной Новороссійскою). «Уничтоженныя присутственныя мѣста, говоритъ Мертваго, оставя многое число въ чины выведенныхъ негодяевъ, составили корпусъ нищихъ, въ странныхъ намѣстническихъ мундирахъ. Ябедничество оставалось имъ средствомъ къ содержанію себя». Суровость правленія сдерживала пока эти тяжелыя отношенія; но, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I, число жалобъ и тяжебъ разраслось до громадныхъ размѣровъ. На это было обращено вниманіе и въ неоффиціальномъ комитетѣ, и въ совѣтѣ, а 19 мая 1802 г. состоялся указъ объ образованіи новой, спеціальной коммиссіи для разбора возникшихъ столкновеній въ Крыму, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ извѣстный сенаторъ П. В. Лопухинъ [1]). «Причиною учрежденія сей коммиссіи, говоритъ самъ Лопухинъ, были жалобы татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ. Однимъ словомъ, сія коммиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды» [2]).

---

[1]) Указъ въ Полн. собр. закон., № 20,270; подробности дѣла въ Зап. Мертваго, гл. IV, и Зап. Лопухина, 117—129.

[2]) Зап. Лопухина, 117.—Изъ мнѣній Мордвинова видно, что тяжбы между татарами и русскими поселенцами возникли въ 1794 г., а въ 1796 г. послѣдовалъ указъ о возвращеніи всего, неправильно захва-

Однако интригамъ и тяжбамъ не было конца, и втеченіе трехъ лѣтъ Лопухинымъ не было рѣшено ни одного дѣла, а когда вступилъ въ управленіе губерніею Мертваго, то оказалось, что ябедничество въ Крыму было такъ распространено, что многіе изъ просителей-татаръ и не знали о содержаніи просьбъ, которыя они подавали. Вслѣдствіе этого Мертваго долженъ былъ перемѣнить весь составъ администраціи и судебныхъ мѣстъ. Члены коммиссіи, по словамъ Мертваго, обезпеченные хорошимъ содержаніемъ, старались оттягивать дѣла; а какъ ихъ было много, видно изъ того, что при Мертваго уже съ сентября 1806 г. по мартъ 1807 г. было рѣшено 105 тяжебъ, еще разсматривалось—106 и оставалось вовсе неразобранными 173. Улучшеніе административнаго состава и повѣрка тяжебъ личными показаніями на мѣстѣ, съ цѣлью сокращенія безплодной переписки, по мнѣнію Мертваго, были лучшими средствами противъ возникшихъ столкновеній, которыя и удалось ему отчасти привести въ исполненіе, когда ему поручено было завѣдованіе означенною коммиссіею.

Мнѣніе Мордвинова по настоящему вопросу, написанное еще въ 1802 г., представляетъ собственно разборъ доклада комитета, составленнаго вслѣдствіе возникшихъ затрудненій въ Крыму [1]). Онъ выходитъ изъ той мысли, какимъ путемъ достались крымскія земли русскимъ владѣльцамъ? По присоединеніи Крыма къ Россіи, большая часть мурзъ и татаръ, удаляясь за границу, оставила свои земли, которыя поступили въ казенное вѣдомство, вмѣстѣ со многими ханскими удѣлами и участками выведенныхъ въ Россію грековъ и армянъ. Число выѣхавшихъ за границу татаръ было болѣе $^2/_3$, а переселенныхъ въ Россію христіанъ считали до 30,000 человѣкъ. Оставшіеся въ Крыму татары, при отобраніи поки-

ченнаго, и удовлетворенія обиженныхъ. Такимъ образомъ, втеченіи 5 лѣтъ (до 1802 г.) русскіе владѣльцы, въ ожиданіи рѣшенія, были лишены всѣхъ своихъ доходовъ. Русск. Старина, 1872 г., февраль, 199.

[1]) Русская Старина, 1872 г., февраль.

путыхъ владѣній въ казну, служили отводчиками границъ послѣднихъ, слѣдовательно не могли показывать противъ себя; но, при возникновеніи тяжебъ, тѣ же самые татары являются претендентами на владѣнія, отведенныя новымъ поселенцамъ, и часто даже на земли, купленныя у нихъ послѣдними. Многіе изъ татаръ жили на отведенныхъ русскимъ владѣльцамъ участкахъ, за наемную плату, но теперь они же являются претендентами на эти участки въ своихъ тяжбахъ. Допуская возможность захвата земель со стороны русскихъ владѣльцевъ, Мордвиновъ не соглашается только отрицать ихъ права на розданныя имъ земли, и потому особенно вооружается противъ записки военнаго губернатора Михельсона, поданной въ комитетъ, въ которой онъ предлагалъ отнять у всѣхъ русскихъ владѣльцевъ земли и раздать ихъ татарамъ. Допуская возможность подобной мѣры на будущее время (именно прекращеніе раздачи земель русскимъ владѣльцамъ), Мордвиновъ возмущается распространеніемъ ея на существующія уже отношенія, и въ особенности на тѣхъ владѣльцевъ, которые пріобрѣли тамъ земли куплею. «Собственность, говоритъ онъ, есть первый камень. Безъ оной и безъ твердости правъ, ея ограждающихъ, нѣтъ никому надобности ни въ законахъ, ни въ отечествѣ, ни въ государствѣ. Отъ сего единственнаго источника и связь обществъ воспріяла свое начало... Самый верховнѣйшій и съ благосостояніемъ государствъ нераздѣльный законъ есть тотъ, чтобы всѣ коренные уставы пребыли тверды, непотрясаемы и не толкуемы различно... Нужны они какъ для богатыхъ, такъ равно и для бѣдныхъ. Для всякаго состоянія людей должны они быть непоколебимы. Если нарушить или ослабить права собственности въ отношеніи къ владѣльцамъ-дворянамъ, то что же будетъ увѣреніемъ въ ненарушимости оныхъ впредь относительно владѣльцевъ-простолюдиновъ. Незыблемость и точность въ опредѣленіи правъ собственности сдѣлались особенно нужными и важными въ имперіи Россійской *съ 12 декабря*, сего знаменитаго дня, съ котораго право владѣнія землями рас-

пространено *на нижній родъ людей. Для сихъ самыхъ, менѣе покровительствуемыхъ, должно бы сдѣлать право собственности такъ твердымъ и священнымъ, что никакая власть, никакія толкованія, ни примѣры, сего мудраго, и во благо Россіи поставленнаго права ни ослабить, ниже въ маломъ чемъ отмѣнить могли»*. Относительно же Крыма подобное нарушеніе ему кажется тѣмъ болѣе опаснымъ по своимъ послѣдствіямъ, что тамъ многіе свободные участки достались иностраннымъ поселенцамъ, нарочно вызваннымъ для заселенія края.

Далѣе, обращаясь къ частнымъ положеніямъ доклада, Мордвиновъ считаетъ опаснымъ уравненіе свидѣтельскихъ показаній по землевладѣнію съ документальными. «Таковое постановленіе низвести можетъ ко временамъ VII вѣка», говоритъ онъ. «Первый шагъ просвѣщенія и благоустроеннаго образованія государствъ въ Европѣ ознаменовался изданіемъ закона: «чтобы въ дѣлахъ, до собственности принадлежащихъ, не были принимаемы гласныя свидѣтельства, коль скоро только тяжба свыше 25 франковъ составляетъ. Всѣ народы приняли сіе кореннымъ закономъ; и у насъ, по уложенію, вершенія дѣлъ по свидѣтельскимъ сказкамъ только до 50 р. ограничены». Онъ указываетъ на примѣръ же Крыма, гдѣ на одинъ участокъ являлось по нѣскольку претендентовъ, и у каждаго были свои свидѣтели. «Всѣ законодатели и политическіе писатели единообразно представляютъ, замѣчаетъ Мордвиновъ, что собственность должна быть утверждена на мѣди и на камнѣ». Онъ возражаетъ противъ обязательства восьмидневной работы со стороны татаръ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. «Повинность восьмидневной работы на помѣщика со стороны татаръ сколь ни кратковременна впрочемъ, но будучи установлена властью, *оскорбляетъ свойство правъ личной свободы*. Работать по долгу и работать по доброму согласію—не есть одно. Въ первомъ случаѣ—неволя, въ послѣднемъ — исполненіе уговора. *Между 365 и 8 днями рабства есть только различіе во времени»*.

Указавъ вредныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ опредѣленія взаимныхъ условій правилами, Мордвиновъ замѣчаетъ: «Добровольный уговоръ есть всегда самый угоднѣйшій, самый легчайшій, самый естественнѣйшій».

Принимая во вниманіе, что татары всегда занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, и неспособны заниматься садоводствомъ, Мордвиновъ предлагаетъ поселить ихъ на поляхъ и въ степяхъ, а не въ гористой мѣстности, которую они заняли впослѣдствіи. Въ эту послѣднюю онъ совѣтуетъ привлекать иностранцевъ. «Крымъ пришелъ въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ вывели изъ горной части христіанъ, и татары вошли въ ихъ сады и мѣста... Еще и понынѣ у многихъ въ свѣжей памяти содержится, что въ прежнее время, когда татары жили въ плоской части Крыма и прилежали къ сродному ихъ хозяйству земледѣлія и скотоводства, не только вся страна тамошняя изобиловала во всѣхъ жизненныхъ произведеніяхъ, но и Константинополь, въ великомъ множествѣ, довольствовался оттуда пшеницею и баранами. Теперь же сколь противоположно тому состояніе Крыма содѣлалось. Онъ снабжается нынѣ хлѣбомъ изъ Россіи» [1]).

Въ заключеніе, Мордвиновъ предлагаетъ свои соображенія, на основаніи которыхъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ устроить отношенія въ Крыму: 1) всѣхъ татаръ, имѣющихъ письменныя доказательства на владѣніе занятыми участками, утвердить во владѣніи ими; 2) татаръ, живущихъ на чужихъ земляхъ, обязать платежемъ или работою по добровольному соглашенію съ владѣльцами, засвидѣтельствованному въ судѣ; но съ тѣмъ, что и они могутъ оставлять владѣльца, и послѣдній можетъ удалять ихъ, объявивъ другъ другу объ этомъ за 4 мѣсяца впередъ; 3) такихъ выхо-

[1]) По словамъ Мертваго,—«по переселеніи изъ Крыма армянъ и грековъ, многолюдныя селенія, имѣющія большое садоводство, начали быть обитаемы малымъ числомъ несмысленно лѣнивыхъ татаръ, неразумѣющихъ содержать деревья, изъ южныхъ странъ перевезенныя и съ большимъ тщаніемъ выращеваемая» — и садоводство упало. (стр. 177).

цевъ поселять въ плоской части Крыма, удобной для хлѣбопашества и скотоводства, и 4) уничтожить существующую коммиссію о разборѣ земель.

Нѣкоторые тогда же подозрѣвали, что въ такой рѣшительной защитѣ правъ русскаго землевладѣнія въ Крыму Мордвиновъ руководствовался личными интересами [1]). Но мы видѣли, что Мордвиновъ пріобрѣлъ земли въ Байдарской долинѣ, въ количествѣ 15,150 десят. (изъ которыхъ 13 тысячъ десятинъ признаны были удобными, а 2,150 дес. неудобными), у племянника князя Потемкина, генералъ-майора Высоцкаго, по купчей крѣпости, слѣдовательно онъ находился въ особенномъ положеніи сравнительно съ другими тамошними владѣльцами. Эти земли первоначально принадлежали турецкому султану, а по завоеваніи Крыма достались въ надѣлъ Потемкину, и были утверждены за нимъ Екатериной II. Тѣмъ не менѣе, татары, жившіе на этихъ земляхъ, заявили претензіи на владѣніе ими. Дѣло это тянулось до 1810 г. Коммиссія по разбору споровъ о земляхъ въ Крыму признала въ 1809 г., что Байдарскія земли «составляютъ принадлежность адмирала Мордвинова», на основаніи чего государственный совѣтъ въ 1810 г. постановилъ: «Земли, заключающіяся въ Байдарской долинѣ, утвердить въ неотъемлемую собственность адмирала Мордвинова, какъ имѣніе ему по купчей крѣпости дошедшее и состоявшее въ безспорномъ его владѣніи болѣе 15 лѣтъ» [2]). Не смотря, однако, на это, тяжба Мордвинова съ татарами тянулась по прежнему, и въ царствованіе Александра I, и при Николаѣ I, такъ какъ жалобы не переставали возникать. И Мордвиновъ представлялъ новыя мнѣнія [3]), въ которыхъ то повторялъ прежнія предложенія, то жаловался на неполученіе доходовъ съ имѣній и притѣсненія коммиссіи [4]).

1) Проток. засѣд. неоффиц. комитета.

2) Чтен. Моск. Общ. ист., 1868, III, 140—141.

3) Въ ноябрѣ 1816 г., въ маѣ 1818 г.; въ 1821 г. два мнѣнія. Въ рукописномъ собр. его мнѣній, томы III, IV и V.

4) И онъ говоритъ, что «голодные писцы, отставленные въ один-

Изъ мнѣнія его, поданнаго въ 1816 г. [1]), видно, что на 66,000 десятинъ въ перекопскомъ уѣздѣ, на 6,000 дес. въ мелитопольскомъ уѣздѣ и на 4,000 дес. въ бахчисарайскомъ округѣ, у него вовсе не было татаръ. Въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ онъ имѣлъ 6,000 дес., на которыхъ жило всего 60 человѣкъ татаръ. При покупкѣ же имъ Байдарской долины тамъ всего было до 600 татаръ, а отсюда ясно, что вопросъ о татарахъ для него не составлялъ существенной части спора [2]). Въ его защитѣ правъ русскихъ владѣльцевъ въ Крыму, кромѣ защиты своихъ личныхъ правъ, есть другая сторона, постоянно обнаруживающаяся въ его мнѣніяхъ. Въ этой защитѣ слѣдуетъ видѣть вообще защиту правъ частнихъ лицъ, разъ признанныхъ и утвержденныхъ закономъ, а защита частной собственности, на самыхъ широкихъ основаніяхъ, составляетъ постоянный мотивъ въ мнѣніяхъ Мордвинова, касающихся вопроса о частной собственности, какъ мы уже имѣли случай указать выше.

Въ 1803 г. Мордвиновъ, какъ крымскій землевладѣлецъ, содѣйствовалъ заведенію тамъ „тонкорунпаго овцеводства" [3]), и ему же вмѣстѣ съ Воронцовымъ, Рудзевичемъ, Бороздинымъ и нѣкоторыми другими принадлежали тамъ первыя разсадки лучшихъ сортовъ винограда [4]).

Уже въ первыхъ засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета (1801 г.) былъ возбужденъ вопросъ о расширеніи правъ сената, положеніе котораго въ послѣднее время низошло до полной зависимости отъ произвола генералъ-прокуроровъ, какъ

вадцати уѣздахъ бывшей Крымской губ., сдѣлались стряпчими ябеды, напавъ въ Крыму на всѣ собственности христіанъ: на купчую крѣпость мною полученную, облеченную во всѣ законныя формы, и на коммиссію, бывшую въ Крыму для изслѣдованія правъ собственности, на государственный совѣтъ», и т. д. Чтен. Моск. Общ. истор., 1869, III, 127.

[1]) Рукописн. мнѣнія Мордвинова, т. III.

[2]) Чтенія, 1868 г., III, 132.

[3]) Его біографія въ изд. Мюнстера.

[4]) Отеч. Зап., 1825 г., ч. XXVII. №№ 57, 76. Описаніе Судакской долины и винодѣлія въ Крыму.

видно изъ записки графа Кочубея объ образованіи министерствъ (составленной въ 1806 году [1]). «Императору, по словамъ протоколовъ засѣданія комитета, больно было видѣть сенатъ впавшимъ въ унизительное состояніе, въ какомъ онъ находился при покойномъ государѣ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть, желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ это было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ». Съ этою цѣлью, указомъ сенату поручено было составить докладъ о своихъ правахъ, который произвелъ въ публикѣ самое благопріятное впечатлѣніе [2]). При слушаніи этого указа въ сенатѣ, по словамъ Державина, со стороны графовъ Воронцова и Завадовскаго слышны были даже намеки на прежнее правленіе, словами Тацита, «что говорить было опасно, а молчать бѣдственно»; они хотѣли присвоить сенату побольше правъ, какъ-то: чтобы располагать доходами, приговаривать къ смертной казни безъ конфирмаціи государя, и проч. Сенатъ составилъ свой докладъ; но были и отдѣльныя мнѣнія. Зубовъ предполагалъ обратить сенатъ въ законодательное собраніе. Державинъ раздѣлялъ его на правительствующій и судебный, раздѣленные въ свою очередь на департаменты, въ которыхъ соединялось бы все управленіе отдѣльныхъ министерствъ, такъ что министры были поставлены въ зависимость отъ департаментовъ сената, а генералъ-прокуроръ отъ общаго собранія сената [3]). Докладъ сената подвергался разсмотрѣнію Новосильцова, который однако

---

[1]) Объ этомъ униженіи правъ сената въ ближайшее къ Александру I время, и именно благодаря властолюбію отдѣльныхъ лицъ и произволу генералъ-прокуроровъ, говорятъ и Трощинскій и П. И Дмитріевъ. Чтен. Моск. общ. истор., 1864, I, смѣсь, 103. Взглядъ на мою жизнь. 138..

[2]) Storch, Russland unter Alexander dem Ersten, I, 20.

[3]) Зап. Державина, изд. Гротомъ, стр. 761—64. и Записка Завадовскаго, Чтен. Моск. общ. ист., 1864. I, смѣсь

устранялъ отъ сената всякое правительственное значеніе, какъ учрежденія зависимаго отъ воли государя, назначающаго его членовъ, но за то расширялъ судебныя права сената. Воронцовъ, главнымъ образомъ, распространился «о предѣлахъ, которые необходимо положить произвольной власти» [1]), противовѣсъ которой авторъ также думалъ создать въ сенатѣ, сосредоточивъ всю власть въ немъ. Не смотря на такія заявленія, «императоръ, по словамъ протоколовъ, не могъ не высказать, съ нѣкоторою грустью, той мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной цѣли его—обуздать деспотизмъ нашего правленія (de mettre un frein au despotisme de notre gouvernement). И не смотря на убѣжденія Новосильцова, Строгонова и другихъ членовъ неоффиціальнаго комитета, а также Лагарпа, въ неудобствахъ предоставленія сенату законодательной власти, государь все-таки остался при мысли, что сенату должны принадлежать нѣкоторыя функціи исполнительной власти и право наблюденія и контроля надъ всѣми судебными и административными властями. Въ такомъ духѣ былъ составленъ проектъ указа о сенатѣ гр. П. А. Строгоновымъ и Новосильцовымъ, и, по одобреніи его, изданъ 4 сентября 1802 года.

Мордвиновъ, къ которому императоръ Александръ I совѣтовалъ своему комитету обращаться въ важныхъ случаяхъ, оставилъ намъ также свое мнѣніе о сенатѣ, написанное современно возбужденному вопросу (1802). Указавъ на необходимость строгаго разграниченія между тремя отраслями власти: законодательною, судебною и исполнительною, и затѣмъ, разсмотрѣвъ дѣйствительныя права сената, онъ говоритъ: «Права въ отношеніяхъ къ государственному благу, для твердости ихъ, должны имѣть опору, un grade, а не должны быть основаны на нѣкоторыхъ малочисленныхъ лицахъ; ибо таковое основаніе легко можетъ быть отмѣнено, уничтожено, ибо: какую опору можетъ составлять малое число лицъ? Доколѣ сенатъ не

[1]) Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій комитета у Богдановича.

будетъ *избранный*, то въ настоящемъ положеніи онъ не имѣетъ достаточной власти и силы. Но желательно, чтобы сенатъ сдѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны *на знатномъ сословіи*, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли такое же уваженіе». По его плану, сенатъ долженъ былъ состоять изъ лицъ назначаемыхъ государемъ и избираемыхъ отъ губерній (по 2) губернскими собраніями. Послѣднія состоятъ въ сенатѣ безъ жалованья, и избираются на три года, по примѣру выборныхъ судей въ другихъ государствахъ [1]).

Члены сената изъ губерній должны заботиться объ интересахъ послѣднихъ, которые не могутъ быть хорошо извѣстны лицамъ, незнакомымъ съ мѣстными нуждами и обстоятельствами той или другой части государства. Относительно сената, какъ собранія законодательнаго, Мордвиновъ замѣчаетъ, что, при изложеніи законовъ, сенатъ долженъ сообразоваться болѣе съ нравственностью, нежели съ политикою [2]).

Вопросъ о выборномъ началѣ, въ примѣненіи къ сенату, дѣйствительно разсматривался въ засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета, но утвержденіе его было устранено вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими проектированными правами сената [3]). Но этотъ вопросъ, какъ увидимъ далѣе, былъ снова поднятъ въ 1811 г., и уже по иниціативѣ Сперанскаго.

Будучи постояннымъ защитникомъ коллегіальнаго управленія въ Россіи и поклонникомъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго [4]), Мордвиновъ по вступленіи въ

---

[1]) Такимъ образомъ, Мордвиновъ собственно точнѣе опредѣлялъ права губернскихъ коммиссаровъ, учрежденныхъ еще Петромъ Вел., по указу отъ 22 февраля 1711 года.

[2]) Рукоп. собр. мнѣній Мордвинова, т. VII.

[3]) Напр. о высшемъ надзорѣ за администраціею, за дѣйствіями министровъ, и т. п. Проток. засѣд. неоффиц. комитета, 1802, январь и мартъ.

[4]) Мнѣніе Мордвинова о коллег. управл. Россіею. Чтен. Моск. Общ. ист., 1864, смѣсь, 154.

управленіе морскимъ вѣдомствомъ, постарался немедленно возстановить баллотировку при производствѣ въ чины, введенную Петромъ Великимъ и уничтоженную императоромъ Павломъ. На этомъ основаніи, никто изъ служащихъ во флотѣ, за исключеніемъ адмираловъ и вице-адмираловъ, не могъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ, если имѣлъ треть черныхъ или болѣе половины сомнительныхъ шаровъ, которые допускалось класть, если избираемое лицо казалось, мало извѣстнымъ избирающему. Поэтому, для облегченія избирателей, предварительно сообщались свѣдѣнія о достоинствѣ баллотируемымъ лицъ [1]). Избиратели назначались совѣтомъ адмиралтейства изъ разныхъ чиновъ флота, въ количествѣ не менѣе 15 человѣкъ. При Чичаговѣ были уничтожены сомнительные шары, и опредѣлено производить въ чины частью по баллотировкѣ, а частью по высочайшему повелѣнію [2]).

Разсужденія неоффиціальнаго комитета о правахъ сената привели къ сознанію необходимости поручить разныя части управленія отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ была возложена отвѣтственность за ихъ дѣйствія.

Мысль объ учрежденіи отвѣтственныхъ министровъ впервые была высказана Лагарпомъ. Въ это время, разсказываетъ А. И. Тургеневъ, со словъ самого Лагарпа, государь раза два въ недѣлю хаживалъ къ нему (Лагарпу) ввечеру, часто заставалъ его въ шлафрокѣ и говорилъ иногда о трудностяхъ правленія, и разъ сказалъ: «я бы желалъ броситься въ Неву, такъ тяжело и грустно мнѣ». Отчего же? спросилъ Лагарпъ. «Я узналъ, отвѣчалъ Александръ, что въ Сибири умерло съ голоду нѣсколько тысячъ, и не могу добиться ни отъ кого, нѣсколько дней уже, объясненій по сему дѣлу». Лагарпъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы представить ему снова о необходимости учредить министерство и

---

[1]) Зап. Шишкова, I, 90.
[2]) Богдановичъ, I, 221—223.

отвѣтственность министровъ. Онъ былъ главною сему причиною, замѣчаетъ Тургеневъ. Я это и прежде зналъ по его бумагамъ» [1]). Это признаетъ и самъ императоръ Александръ въ письмѣ къ Лагарпу, отъ 25 октября 1802 г., замѣчая: «мѣра, о которой *мы такъ часто говорили, въ полномъ дѣйствіи:* министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, *и я знаю тотчасъ съ кого взыскать*, если что нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ» [2]).

Эту реформу Мордвиновъ ставилъ весьма высоко и понималъ ее въ самомъ широкомъ смыслѣ слова [3]). На основаніи указа 8 сентября 1802 г., министерства были поставлены подъ непосредственный контроль сената, которому министры представляли отчетъ по своему управленію. Впрочемъ, зависимость ихъ была вскорѣ ослаблена, какъ личными докладами, такъ и тѣми полномочіями, какія они иногда получали для себя. Вотъ почему защитники коллегіальной системы, какъ Державинъ и Трощинскій, явились такими горячими противниками новаго учрежденія, опираясь въ этомъ случаѣ преимущественно на силу личнаго вліянія [4]).

Съ образованіемъ министерствъ, по указу 8 сентября 1802 г., Мордвиновъ былъ назначенъ министромъ морскихъ силъ [5]).

---

[1]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу. Лейпцигъ, 1872, стр. 186.

[2]) Сборн. Рус. истор. общ., V, 35.

[3]) Tourgueneff, La Russie et les Russes, II, 201.

[4]) Записки Державина, изд. Гротомъ, 778—798. Записка Трощинскаго о министерствахъ въ Сборникѣ Русскаго историческаго общ., III. О дѣйствіяхъ Чичагова, приведенныхъ въ примѣръ Державинымъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

[5]) Однако министерство досталось Мордвинову съ большими затрудненіями. Въ письмѣ къ Попову, отъ 6 сентября 1802 г., онъ пишетъ: «Министерство наше устрояется, и нѣтъ еще размолвки. Добрые, согласились жить миролюбиво, и, по числу оныхъ, можно надѣяться, что польза отъ сего новаго порядка воспослѣдуетъ. Передъ тѣмъ временемъ, какъ открыться должно было министерству, старались, чтобы я не попалъ въ число избранныхъ и *принудили* меня

Другія отрасли управленія были распредѣлены такъ: военное министерство досталось генералу отъ инфантеріи Вязмитинову; иностранныя дѣла—Воронцову; юстиція—Державину; внутреннія дѣла—Кочубею; финансы—Васильеву; министерство коммерціи—графу Румянцову; народное просвѣщніе—графу Завадовскому. Кромѣ того, нѣкоторые изъ министровъ получили помощниковъ, въ званіи товарищей министровъ. Такими помощниками были назначены: по министерству иностранныхъ дѣлъ—кн. Чарторижскій; по министерству внутреннихъ дѣлъ—гр. П. Строгоновъ; по министерству финансовъ—Гурьевъ; по министерству народнаго просвѣщенія—т. сов. Муравьевъ, а въ скоромъ времени по министерству морскихъ силъ—Чичаговъ, сынъ адмирала Чичагова, прославившагося при Екатеринѣ въ войнѣ противъ шведовъ [1]). Всѣ министры были вмѣстѣ съ тѣмъ членами непремѣннаго совѣта и присутствовали въ сенатѣ.

«Новыя министерства, говоритъ И. И. Дмитріевъ, находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучше-

просить отставки; но послѣ многихъ переговоровъ и переписокъ принужденъ я былъ остаться въ службѣ. *Однако стараются тѣ же самые люди новыя козни сплетать: я буду бороться съ ними.* Д. П. Т. (Трощинскій) борется со своими обстоятельствами; неизвѣстно еще, чѣмъ кончится его борьба (Собраніе пис. Мордвинова къ Попову въ Рѣш. архивѣ). О постоянныхъ несогласіяхъ первыхъ министровъ импер. Александра I упоминаетъ Ростопчинъ. Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, II, с. 51, 78, 92.

[1]) Полн. собр. зак., XXVII, № 20,809; Зап. Державина и Дмитріева.— Въ министерствахъ: иностранныхъ дѣлъ, военныхъ и морскихъ силъ было сохранено коллегіальное устройство. Богдановичъ, Истор. царств. Александра I, т. 1, 72.

ній» (стр. 180). Дмитріевъ, разумѣется, не вполнѣ сочувственно относится ко второй категоріи, называя членовъ ея верхоглядами (180), и умалчиваетъ о главномъ противникѣ министерской системы—Державинѣ, который органически не выносилъ ея [1]). Мордвиновъ, какъ и слѣдовало ожидать по направленію его мыслей, примкнулъ «къ молодымъ законодателямъ» [2]). Но онъ всего три мѣсяца пробылъ министромъ, и еще ранѣе задумалъ оставить свой постъ. За это время мы встрѣчаемъ два важныя распоряженія по морскому вѣдомству: постановленіе объ обшивкѣ всѣхъ, вновь строющихся, кораблей мѣдью [3]) и освобожденіе матросовъ отъ тяжелой обязательной работы. По послѣднему предмету состоялось постановленіе, «чтобы во всѣхъ командахъ, въ вѣдомствѣ адмиралтействъ-коллегіи находящихся, при распредѣленіи людей по разнымъ казеннымъ работамъ, наблюдаема была какъ между трудностью работы и силою человѣческою, такъ между послѣднею и суровостью климата совершенная соразмѣрность; чтобы всѣ тѣ работы, которыя требуютъ одной силы, по возможности отправляемы были на лошадяхъ; а когда бы и случилось, что, по недостатку лошадей въ адмиралтействѣ или портахъ, нужно было привезти какую нибудь тяжесть на людяхъ, то чтобы непремѣнно были взяты всѣ предосторожности, дабы перевозка этихъ тяжестей была сдѣлана легчайшимъ образомъ. Притомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы бревенъ и никакихъ тяжестей не волочили по землѣ, но чтобы онѣ перевозимы были зимою на саняхъ, а лѣтомъ на телѣгахъ. Во время жестокихъ морозовъ, когда болѣе 16 градусовъ, а также во время вьюгъ и ненастья, слѣдуетъ увольнять людей отъ всѣхъ надворныхъ работъ. По воскресеньямъ же и другимъ праздникамъ, когда вольные люди не работаютъ, и казенныхъ людей въ работы не посылать, развѣ

[1]) Зап. Державина, 776—781.
[2]) Вигель, I, ч. II, 12.
[3]) Полн. собр. зак., XXVII, № 20,510, отъ 14 ноября 1802 г.

если они сами согласятся за извѣстную плату. Въ экстренныхъ же случаяхъ доносить объ этомъ государю, и не прежде посылать людей на работу, какъ получивъ отъ него на то разрѣшеніе [1]).

Въ то же время, когда Мордвиновъ, по естественному теченію обстоятельствъ, какъ вице-президентъ и управляющій адмиралтейскою коллегіей, долженъ былъ стать, по новому преобразованію, во главѣ морскаго министерства, уже имѣлся въ виду его близкій совмѣстникъ. То былъ Павелъ Яковлевичъ Чичаговъ. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе императора Александра, еще въ бытность его наслѣдникомъ, умѣньемъ отстоять себя передъ императоромъ Павломъ [2]), не смотря на то, что Чичаговъ не пощадилъ своего заступника, гр. Кушелева. Подвиги его отца помогли его возвышенію, которое началось вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ. Уже по дѣламъ оффиціальнаго комитета (о преобразованіи флота), императоръ Александръ I считалъ нужнымъ прибѣгать къ совѣтамъ Чичагова [3]). Онъ отличался замѣчательнымъ умомъ, и былъ поклонникомъ Бентама, а воспитаніе его и женитьба въ Англіи сдѣлали его англичаниномъ до презрѣнія всего русскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ упрямъ, высокомѣренъ и недоступенъ [4]). «Чичаговъ, говоритъ де-Местръ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ головъ въ этой странѣ. Рѣчи его отличаются смѣлостью, которую можно было бы назвать инымъ именемъ. Такъ какъ онъ очень уменъ, то его тонкія и мѣткія остроты уязвляютъ глубоко... Можетъ быть въ Петербургѣ нѣтъ дома, въ который труднѣе было бы проникнуть, какъ къ нему». Съ высшими онъ былъ

---

[1]) Полн. собр. зак., XXVII, № 20,515.

[2]) Шишковъ, I, 84.

[3]) Извлеченіе, стр. 64, и Зап. Шишкова, I, 84.

[4]) Письма де-Местра, Русск. Арх., 1871, № VI, 121—122; Шишковъ I, 67; Русскія отношенія Бентама, статья Пыпина въ Вѣстникѣ Европы, 1869, февраль, 818.

фамильяренъ [1]); съ равными и низшими—гордъ и неудержимъ. Будучи потомъ министромъ морскихъ силъ, Чичаговъ заключалъ контракты на цѣлые милліоны безъ всякихъ докладовъ и публикацій, а когда въ комитетѣ министровъ спросили у него, по какой причинѣ онъ уничтожилъ прежній флотъ, а новаго не сдѣлалъ, то онъ и отвѣчать не хотѣлъ, а вышелъ изъ засѣданія съ презрѣніемъ [2]). «Гордость, чувство своего превосходства, отдалили его отъ многихъ, еще болѣе отъ меня, говоритъ Ермоловъ; высокія степени, занимаемыя имъ въ государствѣ, никогда не могли его сблизить со мною. Въ 1812 г. нѣкоторое время былъ я вмѣстѣ съ нимъ... и не могъ не видѣть превосходства ума его, точности разсужденій

---

[1]) «Однажды, послѣ страшной сцены между нимъ и императоромъ, говоритъ де-Местръ, Павелъ сказалъ ему, что въ немъ нѣтъ больше надобности и что онъ уволенъ. Адмиралъ тотчасъ раздѣлся при государѣ и оставилъ дворъ въ рубашкѣ» (ibid.).—Кажется де-Местръ иначе передаетъ здѣсь дѣйствительный случай: Когда Чичаговъ не захотѣлъ служить подъ начальствомъ Кушелева, ссылаясь на свое прежнее старшинство, то импер. Павелъ велѣлъ на мѣстѣ же сорвать съ него мундиръ и посадить въ крѣпость (Шишковъ, I, 66.) Въ повелѣніяхъ импер. Павла петербургскому военному губернатору, графу фонъ-деръ-Палену, есть нѣсколько предписаній, отлично характеризующихъ Чичагова въ томъ же смыслѣ: «Якобинскія правила и противные власти отзывы посылаемаго Чичагова къ вамъ (21 іюня 1799 г.), принудили меня приказать запереть его въ равелинъ подъ вашимъ смотрѣніемъ». Или: «Извольте навѣстить г. контръ-адмирала Чичагова и объяснить ему мою волю, чтобъ онъ избралъ любое: или служить такъ, какъ долгъ подданническій требуетъ, безъ всякихъ буйственныхъ требованій, и идти на посылаемой къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или остаться въ равелинѣ; и обо всемъ, что отъ него узнаете, донесите мнѣ» (1 іюля 1799; Русская Старина, 1872, февраль, 248, 249). О близкихъ отношеніяхъ Чичагова къ Александру можно судить по слѣдующему случаю: «Однажды, говоритъ Шишковъ, государь собрался изъ петергофскаго дворца ѣхать на стоящія противъ него яхты. Для государя подана была открытая коляска, а для Чичагова и генералъ-адъютанта—линейка. Лишь только государь сѣлъ въ свою коляску и поѣхалъ, какъ Чичаговъ крикомъ своимъ остановилъ его и, подойдя къ нему, сказалъ: «мнѣ должно съ вами сѣсть». Государь усмѣхнулся и посадилъ его съ собою» (I, 111—112).

[2]) Зап. Державина, 780—785.

и совершеннаго знанія обстоятельствъ. Упругій нравъ его, колкій языкъ и оскорбительная для многихъ прямота—сдѣлали ему много непріятностей; происки двора охладили къ нему государя, и, окончивъ отечественную войну, онъ удалился [1]). «Чичаговъ для меня неразрѣшимая загадка, и я не встрѣчалъ никого, кто бы могъ мнѣ ее разъяснить», писалъ де-Местръ въ 1808 г. «Онъ другъ французовъ, бюстъ Бонапарта стоитъ на его бюро; онъ цѣлый день злословитъ англичанъ, и нѣтъ здѣсь англичанина, который бы ему не представлялся. Французы, напротивъ того, къ нему ни ногой, развѣ по служебной надобности. Вотъ скоро семь лѣтъ я слышу его безконечныя насмѣшки надъ Англіею, и никогда его жена (англичанка до мозга костей) не отвѣчала на нихъ ничѣмъ, кромѣ улыбки, которая часто, казалось мнѣ, выражала: «говори, говори, другъ мой, вѣдь я знаю въ чемъ дѣло» [2]). Съ такою-то личностью, безъ сомнѣнія имѣвшею много достоинствъ, пришлось столкнуться Мордвинову на первыхъ порахъ своего управленія морскимъ вѣдомствомъ. Еще до назначенія своего министромъ морскихъ силъ, Мордвиновъ помѣшалъ производству Чичагова въ вице адмиралы, такъ какъ оно было бы въ ущербъ правамъ Шишкова и основывалось на несправедливомъ показаніи Чичагова, увѣрившаго государя въ своемъ старшинствѣ. Производство его было отмѣнено, но объ этомъ уже успѣли разгласить. Понятно, какъ это должно было подѣйствовать на Чичагова. Однако, вскорѣ послѣ этого, онъ былъ все-таки произведенъ въ вице-адмиралы и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ товарищемъ министра морскихъ силъ, котораго, по первоначальнымъ штатамъ, даже не полагалось. Затѣмъ, съ докладами къ государю велѣно ходить не министру, а Чичагову [3]).

---

[1]) Зап. Ермолова, I, 110.
[2]) Письма де-Местра въ Италію, Русск. Арх., 1871, № VI, стр. 122.
[3]) Зап. Шишкова, I, 87—88.

Весьма естественно, что исключительное положеніе Чичагова ставило въ весьма затруднительныя отношенія Мордвинова, дѣятельность котораго была какъ бы подъ надзоромъ другаго лица, пользовавшагося притомъ такимъ же интимнымъ довѣріемъ государя, какъ и его тріумвиратъ [1]). И можно было предсказать, что Чичаговъ постарается свое номинальное значеніе обратить въ дѣйствительное. Вотъ почему, въ томъ же мѣсяцѣ, когда состоялось утвержденіе министерствъ (въ сентябрѣ 1802 г.), Мордвиновъ написалъ уже къ государю письмо, съ просьбою объ отставкѣ [2]). «Дознавъ, пишетъ онъ тамъ, что служеніе мое вашему императорскому величеству неблагоугодно, и всѣ часы дня, посвященные мною на пользу и славу вашу, *не могли поставить меня на ту степень довѣрія*, каковая бы довлѣла пламенѣющему усердію, будучи единая оному награда,—съ благоговѣніемъ повергаю себя къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ и всеподданнѣйше прошу приказать уволить меня отъ всѣхъ дѣлъ и препорученій» [3]). Тѣмъ не менѣе, Мордвиновъ былъ оставленъ на службѣ, пока другой случай не заставилъ его принять прежнее рѣшеніе. «Мордвиновъ, говоритъ Шишковъ, весьма несправедливымъ образомъ былъ оскорбленъ еще новою непріятностью: въ Кронштадтѣ недоставало съѣстныхъ припасовъ, которые надлежало немедленно туда доставить, потому что ожидаемое со дня на день пресѣченіе сообщенія съ берегомъ могло на нѣсколько недѣль произвесть тамъ *голодъ*. Мордвиновъ, по полученіи о семъ донесенія, *не упуская ни часа времени*, поручилъ генералъ-кригсъ-коммиссару Кушелеву отыскать подрядчика и заключить съ нимъ договоръ о доставленіи туда, *непремѣнно прежде, нежели прервано будетъ сообщеніе*, условнаго

[1]) «Чарторижскій, Строгоновъ, Новосильцовъ, Чичаговъ, сдѣлались его наперсниками», говоритъ Шишковъ, I, 84.

[2]) Въ вышеприведенномъ письмѣ Мордвинова къ Попову, быть можетъ также рѣчь идетъ о Чичаговѣ.

[3]) Чтен. Моск. Общ. ист., 1861, II, смѣсь, 200.

количества хлѣба, *по петербургской цѣнѣ, и не возвышая оной въ Петербургѣ.* Договоръ былъ заключенъ и *исполненъ.* Такимъ образомъ, безъ ущерба казны, *отвращенъ былъ въ Кронштадтѣ голодъ. По государю было это представлено въ видѣ самовольнаго дѣйствія, учиненнаго безъ доклада о томъ и безъ наблюденія должныхъ формъ,* (чрезъ которыя, какъ думалъ Мордвиновъ, могло быть упущено время къ предупрежденію наступающаго зла); *почему и потребовали отъ него отвѣта. Онъ такъ этимъ огорчился, что не хотѣлъ болѣе оставаться въ службѣ и вышелъ въ отставку»* [1]). Первое время послѣ этого, Мордвиновъ считался въ качествѣ больнаго [2]), и оставался членомъ комитета, составленнаго для улучшенія флота [3]), а между тѣмъ управленіе морскимъ министерствомъ перешло къ Чичагову, который однако завѣдовалъ имъ въ званіи товарища министра до половины 1807 г. [4]), и причиною того вѣроятно было нерасположеніе къ нему общества [5]).

---

[1]) Шишковъ, I, 88—89.—Вигель замѣчаетъ: «Не болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ онъ морскимъ министромъ. Онъ вообразилъ себѣ, что у насъ подлинно парламентъ; мнѣнія, имъ подаваемыя, были столь смѣлы, что черезъ два года послѣ Павла казались даже мятежными, и онъ долженъ былъ оставить мѣсто товарищу своему, Чичагову, (I, ч. II, 12, и рукоп. импер. публичн. библіот., ч II, стр. 28). Но едва ли это справедливо при извѣстномъ направленіи самого правительства въ то время и только что указанныхъ нами отношеніяхъ Мордвинова. Очевидно, Вигель переноситъ сюда нѣкоторыя позднѣйшія обстоятельства, окрашивая ихъ притомъ собственнымъ заключеніемъ.

[2]) Комитетъ этотъ, составленный «для приведенія флота въ надлежащій видъ, сообразно съ состояніемъ европейскихъ флотовъ», былъ образованъ 24 авг. 1802 г., подъ предсѣдательствомъ сенатора гр. А. Р. Воронцова. Членами его были: адмир. фонъ-Дезинъ, адм. Мордвиновъ, адм. Болле, адм. Макаровъ, вице-адм. Карцовъ, контръ-адм. Чичаговъ и капитанъ 1 ранга Грейгъ. Доклады отъ комитета поручены были тому же Чичагову. Полн. собр. закон., XXVII, № 20,383.

[3]) Полн. собр. закон.; распоряженія по морскому министерству.

[4]) Еще въ 1808 г., де-Местръ писалъ: «Чичагова боятся, потому что онъ настаиваетъ на порядкѣ, и ненавидятъ его, потому что онъ не позволяетъ, чтобы крали въ его вѣдомствѣ. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ молва пророчитъ ему отставку, а между тѣмъ онъ посто-

Новое правительство, въ своихъ стремленіяхъ къ общественнымъ реформамъ, искало опоры въ долговременномъ опытѣ западной Европы и результатахъ тамошней науки. Законодательство и административныя преобразованія стояли у него на первомъ планѣ, а ближайшіе совѣтники молодаго императора были проникнуты уваженіемъ къ англійскимъ учрежденіямъ и англійской наукѣ. Въ то время, когда задумывалась въ Россіи обширная кодификація, а въ средѣ главныхъ дѣятелей этой реформы господствовало стремленіе доставить странѣ счастье посредствомъ законодательства, вполнѣ естественно было обратиться къ содѣйствію лица, стоявшаго во главѣ современной юридической науки, и думавшаго, что

явно завоевываетъ себѣ почву, смѣясь надо всѣмъ. Императоръ знаетъ слова и мнѣнія министра не хуже пишущаго эти строки; однако же онъ удерживаетъ его и постоянно возвышаетъ. Мнѣ сдается, что онъ вѣритъ въ его безкорыстіе и считаетъ полезною для дѣла его горячую голову» (Русск. Арх., 1871, № VI, стр. 121—122). Противоположный взглядъ на безкорыстіе Чичагова встрѣчается въ Запискахъ Анастасевича (Рукоп. импер. публичн. библіот. Ср. Іезуиты въ Россіи, Морошкина, II, 248, въ примѣчаніи) и «Письмахъ» А. И. Тургенева (Лейпцигъ, 1872, 234).—Вполнѣ благопріятный взглядъ на дѣятельность и отношенія Чичагова высказанъ въ Запискахъ гр. О. П. Толстаго (Русская Старина, 1873, январь). Чичаговъ оставилъ министерство въ ноябрѣ 1809 г. (См. Списки замѣчательныхъ лицъ, Карабанова и кн. Долгорукова въ Чтен. Моск. Общ. истор., 1860, I, 121) Въ 1812 г. Чичагова обвиняли въ оплошности дѣйствій противъ Наполеона на Березинѣ, помѣшавшей будто бы ему захватить послѣдняго въ свои руки (Шишковъ, 1, 163). Съ оправдательною цѣлью, Чичаговъ написалъ сочиненіе: Campagnes de la Russie en 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France (изданное недавно за границею, извлеченія изъ котораго напечатаны въ Русск. Архивѣ). По поводу этого сочиненія Чичаговъ обращался за совѣтомъ къ Бентаму, который предлагалъ ему также написать мемуары о современныхъ событіяхъ въ Россіи; но Чичаговъ отказался. Онъ весьма скептически и желчно отзывался тогда (1815) о положеніи русскихъ дѣлъ и «рабскомъ ничтожествѣ» общественнаго мнѣнія въ Россіи. Въ это время Чичаговъ жилъ въ Англіи (См. Русск. отношенія Бентама, Вѣстн. Евр., 1869 г., февраль, 88). По поводу же назначенія *адмирала* Чичагова начальникомъ *сухопутнаго войска* въ 1812 г., Крыловъ написалъ извѣстную баснію о пирожникѣ (Вигель, IV, 73).

единственною цѣлью законодательства можетъ быть лишь счастье общества. Это былъ—Бентамъ.

Будучи послѣдователемъ Монтескье, Барингтона, Беккаріи, и особенно Гельвеція, Бентамъ старался создать такую теорію юридическихъ отношеній, которая, будучи примѣненною къ жизни, могла бы доставить *величайшее возможное счастье для величайшаго возможнаго числа людей.* Поэтому, полагая въ основаніе своей теоріи принципъ *пользы*, какъ такой принципъ, который уравновѣшиваетъ самые разнообразные интересы и служитъ сильнѣйшимъ стимуломъ самосохраненія на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни (начиная съ отвлеченныхъ желаній аскета, до чисто-практическихъ цѣлей), Бентамъ считаетъ его лучшимъ мѣриломъ человѣческихъ побужденій. Въ примѣненіи къ дѣйствительности, онъ требуетъ изученія всѣхъ условій борьбы человѣка въ обществѣ, чтобы отсюда заключать уже о настоящихъ мотивахъ его стремленій. Онъ представляетъ возможно полную систему самыхъ мотивовъ, по которымъ возможно то или другое направленіе человѣческой воли. Тутъ уже нѣтъ рѣчи ни о врожденныхъ идеяхъ, ни о роковой судьбѣ, а вездѣ видно лишь одно научное изслѣдованіе психологическихъ, экономическихъ и физіологическихъ причинъ, приводящихъ человѣка къ извѣстному результату. При такой постановкѣ вопроса, только извѣстная часть дурныхъ послѣдствій можетъ ложиться на человѣка, другая часть ихъ должна пасть на общество, на окружающія обстоятельства. А, выходя изъ такой точки зрѣнія, законодательство должно заботиться болѣе о предупрежденіи преступленій, нежели о караніи ихъ; оно должно болѣе исправлять, нежели уничтожать. Съ другой стороны, законодательство должно употребить всѣ средства, чтобы создать наилучшія условія для возможнаго счастья общества. Имѣя же такія цѣли, законодательство должно быть результатомъ свободнаго обсужденія гражданъ, а не канцеляр-

свою тайною, и вообще Бентамъ является защитникомъ почти безусловной свободы слова [1]).

Такимъ образомъ, примыкая непосредственно къ философскому ученію XVIII в., Бентамъ оказывается однако чуждымъ той крайней идеализаціи, которая породила тогда такъ много чисто утопическихъ теорій и трактатовъ. Распространителемъ идей Бентама по Европѣ былъ Дюмонъ, французскій переводчикъ его сочиненій и бывшій сотрудникъ Мирабо. Къ Бентаму обращались за совѣтами изъ Италіи, Франціи, Швейцаріи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ, въ лучшія времена политическаго движенія въ этихъ странахъ; Дюмонъ же, какъ членъ представительнаго совѣта въ Женевѣ, послѣ паденія Наполеона, старался проводить взгляды Бентама въ швейцарское законодательство. Вліяніе Бентама не миновало и Россіи. Слѣдя съ большимъ вниманіемъ за возбужденною дѣятельностью новаго правительства съ перваго года царствованія Александра I, Бентамъ надѣялся и тамъ достигнуть вліянія своихъ идей. Съ этою цѣлью, еще въ 1802 г., Дюмонъ отправился въ Петербургъ, а въ 1808 г. онъ уже извѣщалъ Ромильи, что тамъ «его, Бентама» (т. е. его перевода сочиненій Бентама), было продано столько же экземпляровъ, какъ и въ Лондонѣ. Въ другомъ письмѣ онъ извѣщаетъ о своемъ успѣхѣ у Сперанскаго, который чувствовалъ, что «реформа юстиціи есть изъ всѣхъ благъ главнѣйшее благо». Они «обращались къ нѣмецкимъ юристамъ и одному англійскому, прибавляетъ Дюмонъ, и не были удовлетворены... Но съ тѣхъ поръ, какъ они открыли Бентама, они думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ, и теперь почти рѣшено, что обратятся прямо къ нему». Одинъ изъ поклонниковъ Бентама, Н. А. Саблуковъ, много путешествовавшій по Европѣ и женатый на англичанкѣ, надѣялся даже, что Бентамъ составитъ для Россіи весь кодексъ.

Старанія Дюмона, какъ видно, не пропали даромъ. Уже

[1]) Избранныя сочиненія Бентама, Спб., 1867.

въ 1804 г. былъ начатъ русскій переводъ сочиненій Бентама, въ которомъ, кажется, участвовалъ Сперанскій, служившій тогда при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которымъ управлялъ Кочубей [1]). Отдѣльныя статьи этого перевода помѣщались тогда въ оффиціальномъ органѣ, «С.-Петербургскомъ Журналѣ», издававшемся при томъ же министерствѣ. Только передъ статьею о безусловной свободѣ слова издатели помѣстили оговорку, смягчающую мнѣнія автора. Рядомъ съ Бентамомъ, въ томъ же журналѣ, печатались извлеченія изъ Бэкона, Фергюсона, Адама Смита, и др. Наконецъ, втеченіе 1805—6 годовъ появились два тома сочиненій Бентама, изданные по высочайшему повелѣнію [2]), подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи» (съ прибавленіями Дюмона) [3]). Но и здѣсь статья Бентама о цензурѣ значительно сокращена. Вмѣстѣ съ переводомъ Бентама былъ сдѣланъ переводъ другаго знаменитаго произведенія англійской литературы «Изслѣдованіе свойствъ и

---

[1]) Въ это же время Сперанскій писалъ къ Дюмону, уже въ Лондонъ, по поводу образованія коммиссіи законовъ: «Я убѣжденъ, что совѣты и взгляды такого человѣка, какъ Бентамъ, имѣли бы здѣсь существенную важность. Его аналитическій и глубокій умъ долженъ имѣть высокое значеніе вездѣ, гдѣ идетъ дѣло объ установленіи законодательства, основаннаго *на истинныхъ принципахъ пользы*. Я вполнѣ раздѣляю съ вами убѣжденіе въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія порождаетъ эта идея». (Русск. отношенія Бентама, Вѣстн. Европы, 1869, апрѣль, стр. 735). Замѣчательно, что въ Германіи, даже нѣсколько позже, не считали нужнымъ говорить о Бентамѣ въ наукѣ, и даже въ такой библіотекѣ, какъ университетская въ Геттингенѣ, не было его сочиненій. Tourgueneff, La Russie, I, 390.

[2]) III томъ изданъ въ 1811 году.

[3]) Какъ интересовались въ это время въ Россіи законодательною областью, видно изъ того, что снова были изданы два перевода сочиненій Беккаріи «Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (1803 и 1806 гг.) и переводъ соч. Монтескье «О существѣ законовъ», съ предисловіемъ Д'Аламбера и примѣчаніями Гельвеція. 1809 и 1814 гг. (См. у Сопикова, Россійск. Библіогр., ч. II и III.) Тогда же было напечатано и соч. Делольма «Конституція Англіи».

причинъ богатства народовъ, Адама Смита [1]), на изданіе котораго переводчикъ Политковскій получилъ отъ правительства 5,000 рублей [2]). Въ это время идеи Адама Смита были въ Россіи такими же авторитетными по вопросамъ экономическимъ, какъ идеи Бентама по вопросамъ юридическимъ [3]). Въ сферѣ административной прямымъ послѣдователемъ ихъ былъ Сперанскій, а это, какъ нельзя болѣе, благопріятствовало сближенію его съ Мордвиновымъ, который независимо отъ него является поборникомъ тѣхъ же идей [4]).

Къ этому именно періоду относятся первыя сношенія Мордвинова съ Іереміей Бентамомъ, имѣющія видъ обмѣна мыслей и научныхъ интересовъ. Посредникомъ между ними служилъ братъ Бентама, Самуилъ, управлявшій нѣкогда имѣніями Потемкина въ Бѣлоруссіи, а теперь возвратившійся въ Англію. Онъ былъ «старый знакомый» Мордвинова, и потому, отправляясь на родину, взялся передать отъ него брату экземпляръ французскаго перевода сочиненія дона Ховелланоса: «Identité de l'intérêt general avec l'intérêt individuel», изданнаго въ Петербургѣ въ 1806 г., по приказанію Кочубея [5]). Мордвиновъ нашелъ, что оно имѣло много общаго

---

[1]) 4 части, Спб., 1802—1806.

[2]) Русскія отношенія Бентама, Пыпина, Вѣстн. Европы, 1869 г., февраль.

[3]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 189—196.

[4]) ibid.

[5]) Донъ Гаспаръ-Мельхоръ де-Ховелланосъ, родомъ астуріецъ, принадлежалъ въ Испаніи къ небольшому кружку преобразователей въ царствованіе Карла III (во второй половинѣ XVIII в.). По окончаніи курса въ университетѣ въ Алкалѣ, онъ посвятилъ себя сначала юридической дѣятельности, во время которой не запятналъ себя ни одной взяткой. Независимо отъ этого, онъ хлопоталъ объ улучшеніи тюремъ и ослабленіи пытокъ, а его квартира всегда была открыта для рабочихъ и мастеровыхъ, нуждавшихся въ его совѣтѣ. Свободные же часы онъ посвящалъ поэзіи и наукѣ (онъ сочинялъ оды, сатиры, трагедіи и комедіи). Кампоманесъ ввелъ его въ «историческое общество», а министерство никогда не оставляло его совѣтовъ. Но въ без-

съ идеями Бентама, изложенными въ его «Защитѣ Роста» и потому полагалъ, что Бентаму будетъ пріятно видѣть эту книгу. Повидимому, Мордвиновъ думалъ сдѣлать какое-то предпріятіе для распространенія вліянія идей Бентама. «Я держу въ запасѣ нѣкоторую сумму съ цѣлью распространенія того свѣта, который исходитъ изъ сочиненій Бентама», пишетъ онъ къ его же брату. Но, борьба Мордвинова съ препятствіями въ его дѣятельности, заставляла его помышлять о другомъ, болѣе далекомъ предпріятіи. «Я желаю поселиться въ Англіи, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ (1806), и, поселясь тамъ, быть знакомымъ съ вашимъ братомъ. *Въ моихъ глазахъ, онъ есть одинъ изъ четырехъ геніевъ, ко-*

отрадное царствованіе Карла IV и управленіе грубаго временщика Годоя, Ховелланосъ принужденъ былъ оставить Мадридъ и вернуться на родину, гдѣ посвятилъ себя вполнѣ ученымъ занятіямъ и астурійскому институту, основанному имъ возлѣ Бискайскаго залива, для развитія реальныхъ наукъ въ странѣ, школа которой была подавлена средневѣковою схоластикой. Завѣдуя этимъ заведеніемъ и преподавая въ немъ разные предметы, Ховелланосъ такъ проникся своимъ дѣломъ, что самъ составилъ «Курсъ гуманныхъ наукъ», грамматику и христоматію испанскаго языка. Тогда же онъ составилъ извѣстную «Записку о полевыхъ законахъ», въ которой старался доказать «нелѣпость» общиннаго быта, о которомъ тогда мечтали въ Испаніи, и «преимущества личной собственности и труда, личныхъ интерессовъ, благотворную силу которыхъ неразумно думали замѣнить законами и предписаніями». Сочиненіе это было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Въ минуту кризиса, послѣ сильныхъ настояній, Ховелланосъ попалъ было при Карлѣ IV въ министры юстиціи, но вскорѣ вынужденъ былъ оставить министерство, «чтобы спасти свою жизнь», и затѣмъ еще перенести, по милости Годоя, заключеніе на островѣ Майоркѣ. Съ утвержденіемъ, въ 1808 г., въ Испаніи французскаго владычества, Ховелланосъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но никакія убѣжденія друзей не могли заставить его принять участіе въ политическихъ дѣлахъ. За то, когда ему досталось въ хунтѣ мѣсто выборнаго депутата отъ Астуріи—онъ не замедлилъ явиться туда, уже почти слѣпой. Но тамъ онъ былъ одинокъ съ своими стремленіями, а въ концѣ 1811 г. его не стало. Трачевскій, Испанія девятнадцатаго вѣка, I, 18, 77—79, 85—86, 124.

торые сдѣлали и сдѣлаютъ всего болѣе для счастія человѣчества — Бэконъ, Ньютонъ, Смитъ и Бентамъ: каждый основатель новой науки, каждый творецъ» [1]). Самъ же Бентамъ писалъ о немъ въ октябрѣ 1808 г., къ лорду Голланду слѣдующее: «Въ числѣ его странностей есть та, что онъ нѣчто въ родѣ сектатора, стараго пустынника Квинъ-скверъ-Плеса, будущія изліянія бредней котораго *онъ предложилъ переводить на русскій языкъ»*, намекая этимъ на себя, какъ ведущаго уединенный образъ жизни и живущаго въ Queen-Square-Place [2]). Такъ цѣнилъ Мордвиновъ значеніе англійской науки, и въ особенности труды Бентама. Въ его взглядѣ на эту науку выразился вполнѣ его свѣтлый, практическій смыслъ, незатемненный средневѣковою схоластикою. Впослѣдствіи, между Мордвиновымъ и Бентамомъ завязались болѣе оживленныя отношенія, а пока онъ вынужденъ былъ удалиться со сцены.

Впрочемъ, выходъ Мордвинова изъ министерства только возбудилъ къ нему вниманіе и расположеніе въ кружкѣ съ извѣстными стремленіями. «Послѣ того, какъ онъ оставилъ этотъ постъ, говоритъ Бентамъ въ письмѣ къ лорду Голланду, онъ сталъ главой нѣкотораго рода оппозиціи» [3]). Онъ удалился въ Москву, и въ 1806 г. былъ избранъ тамъ предво_

---

[1]) Вѣстн. Евр., 1869, февраль, 816.

[2]) Насколько Мордвиновъ проникся взглядами англійской науки видно не только изъ его мнѣній и самаго отношенія къ дѣлу (въ особенности по вопросамъ о земледѣліи и государственной экономіи), но даже и изъ частныхъ его воззрѣній. Такъ, въ его набросках разныхъ афоризмовъ, разсѣянныхъ въ нѣкоторыхъ томахъ полнаго собранія его мнѣній (рукописныхъ), и не менѣе послѣднихъ заслуживающихъ вниманія, встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: «Нужна метода для примѣненія хорошихъ правилъ, иначе оныя будутъ безплодны. Метода, говоритъ Бэконъ, замѣняетъ геній и утверждаетъ успѣхъ операцій, большихъ и малыхъ. Все, что ни сдѣлано долговѣчное отъ созданія міра, не иначе учинено, какъ усовершенствованіемъ методы» (X, 293).

[3]) Вѣстн. Евр., 1869, февраль, 817.

дителемъ народнаго ополченія Московской губерніи, формировавшагося на случай вторженія Наполеона въ Россію [1]), а Бентамъ утверждаетъ, что этимъ онъ обязанъ былъ именно своей дѣятельности—извѣстіе вполнѣ подтверждающееся и однимъ русскимъ свидѣтельствомъ.

С. Н. Глинка, въ своихъ Запискахъ [2]) оставилъ намъ описаніе дворянскихъ выборовъ, бывшихъ въ Москвѣ въ концѣ 1806 года. «Вотъ зала дворянскаго собранія наполнилась избирателями, пишетъ онъ, и начались выборы. Всѣ глаза были устремлены на два лица: на Николая Семеновича Мордвинова и на князя Дашкова. Николай Семеновичъ Мордвиновъ возбудилъ вниманіе государственными бумагами, а въ особенности голосомъ объ Эмбенскихъ водахъ, подаренныхъ Павломъ I гр. Кутайсову. Улыбалось счастье и кн. Д. М. Дашкову: до 1805 г. московскимъ дворянствомъ онъ единодушно былъ избираемъ въ губернскіе предводители. Но прежній попутный вѣтеръ отклонился отъ него и подулъ на сторону моряка Н. С. Мордвинова. Борьба кипитъ въ обществѣ человѣческомъ. Покойный Николай Васильевичъ Обресковъ, личный непріятель кн. Дашкова, человѣкъ красивый собою, баловень роскоши и нѣги, умомъ гибкій и рѣчистый въ русскомъ словѣ, сильно возсталъ, когда нѣкоторые изъ дворянъ произнесли на выборахъ имя кн. Дашкова. Избранъ былъ Н. С. Мордвиновъ» [3]). Слова Обрескова сильно взволновали честолюбіе кн. Дашкова: онъ схватилъ горячку и вскорѣ умеръ. Это былъ сынъ Е. Р. Дашковой, учившійся въ Эдинбургскомъ университетѣ въ то время, когда ректоромъ его былъ извѣстный Робертсонъ и когда были тамъ Адамъ Смитъ,

---

[1]) Старчевскій, Энциклоп. Лексик., біографія Мордвинова, 241, Богдановичъ, Ист. царств. Алек. I, т. II, 145.

[2]) Русскій Вѣстникъ, 1865, іюль, 216.

[3]) Избраніе Мордвинова, на вечерѣ у сенатора И. С. Захарова въ Петербургѣ (16 февраля 1807 г.), привѣтствовалось нарочно написанными на этотъ случай стихами. Жихаревъ, Дневникъ чиновника, Отеч. Зап., 1855, I, 144.

Фергюсонъ и Блеръ, посѣщавшіе Дашкову во время пребыванія ея въ Эдинбургѣ [1]).

Мордвиновъ до конца своей жизни высоко цѣнилъ этотъ выборъ, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ не былъ даже московскимъ дворяниномъ, и въ самую залу дворянскаго собранія попалъ случайно приглашенный однимъ изъ своихъ пріятелей [2]). Затѣмъ, до 1809 г., какъ видно изъ писемъ Н. С. къ Попову (въ Рѣшетил. архивѣ), онъ жилъ въ Москвѣ, побывавъ, впрочемъ, въ 1807 году на югѣ Россіи. Во время проѣзда его черезъ Кіевъ, къ нему обращались съ ходатайствомъ объ одномъ разжалованномъ въ солдаты, о которомъ онъ и хлопоталъ черезъ Попова, по пріѣздѣ въ Москву (письмо отъ 26 сент. 1807 г.) [3]). Но уже въ 1809 году мы встрѣчаемъ Мордвинова въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ Сперанскаго по составленію плана системы финансовъ. Первоначальная записка по этому предмету была написана профессоромъ петерб. университета, Балугьянскимъ, но передѣлана Сперанскимъ, и въ такомъ видѣ поступила на разсмотрѣніе довѣреннаго кружка лицъ, собиравшагося по преимуществу на обѣденныхъ совѣщаніяхъ у Северина Потоцкаго, и состоявшаго, кромѣ Сперанскаго, изъ Мордвинова, Кочубея, Кампенгаузена и Балугьянскаго. Выработанный такимъ образомъ проектъ поступилъ на разсмотрѣніе комитета, собиравшагося у Гурьева, и затѣмъ, съ образованіемъ государственнаго совѣта, переданъ былъ на его заклю-

---

[1]) Записки Дашковой, Лондонъ, стр. 136—140.

[2]) Біографія Мордвинова, въ изд. Мюнстера.

[3]) Въ Москвѣ Мордвиновъ былъ членомъ англійскаго клуба, съ директоромъ котораго, Приклонскимъ, онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а также любилъ посѣщать французскій театръ, изъ труппы котораго ему особенно нравилась игра актрисы Ксавье, дебютировавшей, въ началѣ 1807 года, въ роли Вольтеровой «Меропы» и «Малабарской вдовы», но другимъ ея игра не нравилась, и она не имѣла успѣха. Жихаревъ, Дневникъ чиновника, Отеч. Зап. 1855 года, CI, стр. 731.

ченіе. Проектъ, выработанный коммиссіей, въ которой участвовалъ Мордвиновъ, состоялъ изъ 238 статей, и главная цѣль его заключалась въ томъ, чтобы вывести Россію изъ несчастнаго финансоваго положенія, посредствомъ строгой бережливости, безусловной вѣрности предполагаемой смѣтѣ расходовъ и необходимой при этомъ экономіи—положенія, которыя такъ рѣзко и неуклонно развивалъ Мордвиновъ въ своихъ частныхъ мнѣніяхъ: такъ близки были его взгляды на эти вопросы къ взглядамъ Сперанскаго [1]).

---

[1]) Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, 1, 192—194.

ГЛАВА III.

Перваго января 1810 года былъ объявленъ манифестъ объ образованіи государственнаго совѣта, такъ неожиданно поразившій защитниковъ старой системы управленія [1]. Государственный совѣтъ былъ объявленъ такимъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ должны были сходиться всѣ части управленія и которое, посредствомъ всесторонняго обсужденія вопросовъ, должно было давать имъ наиболѣе соотвѣтствующее направленіе, устраняя произволъ частныхъ вѣдомствъ. При образованіи государственнаго совѣта членами его были назначены 35 лицъ, и въ томъ числѣ и Мордвиновъ. Сперанскій былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Совѣтъ былъ раздѣленъ на 4 департамента: 1) законовъ, 2) военныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, и 4) государственной экономіи. Въ первые три предсѣдателями были назначены бывшіе министры: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и графъ Завадовскій, въ департаментъ же государственной экономіи—Н. С. Мордвиновъ [2]. Говорятъ, что на вопросъ государя Аракчееву: «чѣмъ хочетъ быть графъ—министромъ или предсѣдателемъ

---

[1]) Проектъ устройства государственнаго совѣта, составленный Сперанскимъ, былъ предварительно сообщенъ на обсужденіе только кн. Лопухину и графамъ: Солтыкову и Кочубею. Послѣдній, въ письмѣ къ Сперанскому, возлагалъ большія надежды на преобразованіе этого учрежденія (Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 115). Но Мордвиновъ, въ своихъ замѣткахъ для памяти (т. X, рукоп. собр. мнѣній, стр. 274), намекаетъ «на искаженіе государственнаго совѣта Кочубеемъ» (?).

[2]) Богдановичъ, II, 485—487.

департамента?» онъ отвѣчалъ, что «лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку» [1]). Но Аракчеевъ ошибся: министры остались въ прежней силѣ и съ правомъ докладовъ [2]). Образованіе департаментовъ дало возможность, подъ благовиднымъ предлогомъ, удалить бывшихъ министровъ, Завадовскаго и Лопухина, въ такомъ же смыслѣ Вигель выражается о Мордвиновѣ: «для занятія должности предсѣдателя департамента экономіи *вырыли вѣчнаго Николая Семеновича*» [3]). Но онъ ошибается. Назначеніе Мордвинова въ этотъ департаментъ основывалось конечно на его послѣднихъ занятіяхъ по вопросу о системѣ финансовъ и близкихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, вліянію котораго, быть можетъ, слѣдуетъ приписать и самый вызовъ Мордвинова [4]).

На первыхъ порахъ было однако затрудненіе, какъ размѣстить предсѣдателей департаментовъ; по этому поводу возникли даже продолжительныя пренія, а затѣмъ нѣсколько пересадокъ, толки о которыхъ послужили Крылову матеріаломъ для его басни «квартетъ» [5]). Подъ мартышкой онъ разумѣлъ Мордвинова; подъ осломъ—Завадовскаго; подъ козломъ—Лопухина; подъ медвѣдемъ—Аракчеева. Нѣтъ сомнѣнія, что при распредѣленіи этихъ ролей были приняты во вниманіе нѣкоторыя дѣйствительныя качества выведенныхъ въ

---

[1]) Изъ Запис. статсъ-секретаря Марченка, въ соч. гр. Корфа, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 116.

[2]) Зап. Мертваго, 291.

[3]) Вигель, III, 83.

[4]) Вызовъ этотъ послѣдовалъ не задолго до открытія совѣта, такъ что Мордвиновъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, первое время жилъ даже въ домѣ Шишкова (I, 114). Въ Москвѣ у Мордвинова былъ свой домъ, въ Новой Басманной, въ который переѣхалъ въ 1810 г. Карамзинъ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, издан. Гротомъ и Пекарскимъ, 133). Уже въ 1813 году, распоряжаясь о высылкѣ своего собранія стихотвореній графу С. П. Румянцову и П. Н. Каверину, Карамзинъ просилъ типографщика Селивановскаго отправить еще экземпляръ и Мордвинову (См. Письма Карамзина къ Селивановскому, Библіографическія Записки, I, 582).

[5]) Графъ Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 118.

баснѣ лицъ, какъ напр. неуклюжесть Аракчеева, недалекость Завадовскаго [1]); воспріимчивость, умъ и подвижность Мордвинова подали Крылову мысль сравнить его съ мартышкой.

Завѣдованіе всѣми дѣлами департаментовъ лежало на Сперанскомъ [2]); но и въ государственномъ совѣтѣ, въ особенности на первыхъ порахъ, онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ и былъ почти руководителемъ его. И. И. Дмитріевъ, вызванный тогда же для занятія званія министра юстиціи, сохранилъ въ своихъ Запискахъ первыя впечатлѣнія о ходѣ дѣлъ въ совѣтѣ и его дѣятеляхъ. «Важнѣйшимъ занятіемъ совѣта, говоритъ онъ, было разсмотрѣніе проекта новаго уложенія... Общее собраніе совѣта засѣдало въ каждый понедѣльникъ, въ присутствіи самого императора [3]). Его величество съ большимъ вниманіемъ слушалъ чтеніе проекта законовъ и замѣчанія членовъ, изъ коихъ болѣе прочихъ бралъ въ томъ участіе гр. Завадовскій; по прочимъ же дѣламъ гр. Румянцовъ, Мордвиновъ и гр. Кочубей. Эти три члена въ образѣ изъясненій своихъ имѣли каждый особенное свойство: Мордвиновъ говорилъ съ живостью, иногда рѣзко, и, въ жару пренія, не всегда соблюдалъ должное вниманіе

[1]) Въ письмѣ къ Лагарпу, Александръ вполнѣ характеризуетъ Завадовскаго съ этой стороны, еще въ бытность его министромъ. «Сожалѣнія ваши, пишетъ онъ, о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія, весьма бы уменьшились, еслибы вамъ извѣстна была организація его министерства. Оно ничтожно. Это совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцова и др., который всѣмъ управляетъ; *нѣтъ бумаги*, которая не была бы обработана ими, *нѣтъ человѣка*, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, *мѣшаютъ министру* ставить какія либо преграды тому *добру*, которое *мы* стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его *снисходительнымъ до нельзя*; *настоящая овца*; словомъ, *онъ ничтоженъ*, и посаженъ въ министерство *только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ.*» Сборн. Русск. ист. общ., V, 39.

[2]) Записки И. И. Дмитріева, 181.

[3]) Понедѣльникъ былъ назначенъ для гражданскаго уложенія; четвергъ — для дѣлъ финансовыхъ и текущихъ. Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 119.

къ тому, съ кѣмъ не соглашался. Графъ Кочубей излагалъ мнѣніе свое довольно стройно, несбивчиво, но, по привычкѣ своей болѣе къ французскому языку, изъяснялся на своемъ съ меньшею легкостью. Канцлеръ же отъ обоихъ былъ отмѣненъ: одаренный голосомъ благозвучнымъ, онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностью; противорѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ иногда былъ колокъ.... Разумѣется, я говорилъ здѣсь о природной только способности къ изъясненію мыслей, а не объ ораторскомъ искусствѣ». Въ послѣднемъ Дмитріевъ отдаетъ безусловное предпочтеніе Сперанскому [1]). Сперанскій же выражался о Мордвиновѣ, какъ о человѣкѣ съ обширнымъ умомъ, «но подавляемымъ забѣгами воображенія» [2])—намекъ на то увлеченіе, которымъ онъ проникался во всякомъ дѣлѣ, за какое бы ни брался, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическое указаніе на противоположность ему самой натуры Сперанскаго, всегда ровной и сдержанной. Тѣмъ не менѣе, Сперанскій всегда питалъ уваженіе къ высокому уму и личнымъ достоинствамъ Мордвинова. «Мало есть людей съ такими добродѣтелями и знаніями, какъ онъ», писалъ Сперанскій изъ Пензы въ интимномъ письмѣ къ извѣстному Столыпину [3]), тогда уже родственнику Мордвинова. Безъ сомнѣнія, что тѣ же достоинства вызывали къ нему и расположеніе публики, со вниманіемъ слѣдившей за первыми шагами новыхъ учрежденій. «Мордвиновъ, говоритъ графъ Корфъ, человѣкъ съ энциклопедическими свѣдѣніями, съ блестящимъ даромъ слова и искуснымъ перомъ [4]), пользовался большою популярностью въ публикѣ за независимость своихъ мнѣній и за безстраш-

[1]) Взглядъ на мою жизнь, Москва, 1866, 182—183.

[2]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 191.

[3]) Русскій Архивъ, 1869, стр. 1690.

[4]) «Мужественная рѣчь Мордвинова, тяжелые, взятые съ латинскаго, обороты, поражаютъ сходствомъ съ государственными мудрецами древняго міра», говоритъ о немъ одинъ изъ строгихъ судей русскихъ дѣятелей.

ное, энергическое предстательство во всемъ, что онъ считалъ общественною пользою, законностью и неприкосновенностью частныхъ правъ. Разныя мнѣнія Мордвинова по государственнымъ вопросамъ, которыя съ недавнихъ поръ стали появляться у насъ въ печати,—новость только для теперешняго поколѣнія. Въ свое время авторъ самъ любилъ распространять ихъ въ публикѣ, между которою они всегда расходились *во множествѣ экземпляровъ*» [1]. Но люди, подобные Вигелю, видѣли въ Мордвиновѣ только «софиста» и «политическаго мечтателя» [2], «съ ложнымъ понятіемъ о пользахъ Россіи», хотя и ихъ поражали въ Мордвиновѣ «богатство ума и бездна познаній» [3]. «Самого Николая Семеновича, прибавляетъ онъ, я всегда слушалъ *съ жаднымъ любопытствомъ*, и, *кажется*, иногда понималъ» (уже въ Пензѣ).

Занятый постоянно дѣломъ, Мордвиновъ велъ обыкновенно уединенную, домашнюю жизнь. «Въ Петербургѣ, говоритъ Вигель [4], отъ Мордвинова зависѣло принадлежать къ высшей аристократіи, но онъ любилъ дѣлать все по своему. Женившись въ Ливорно на скромной дѣвицѣ, дочери англійскаго консула (Генріетѣ Александровнѣ), онъ всегда велъ съ нею жизнь довольно уединенную, въ кругу своего семейства, въ кругу близкихъ и дальнихъ родственниковъ, старинныхъ, просвѣщенныхъ и достаточныхъ дворянъ, которые не думали гоняться за знатностью; охотно онъ принималъ также у себя *ученыхъ, артистовъ и литераторовъ. Оттого* между аристократами прослылъ онъ вольнодумцемъ, республиканцемъ». Замкнутая жизнь, построенная на англійскій манеръ, отразилась и на семействѣ Мордвинова. «Молоденькія миссъ Мордвиновы были отмѣнно дики и, казалось, страшились дуновенія мужчинъ». Семейство Мордвинова въ это время состояло изъ жены, трехъ дочерей (Наталіи, Вѣры и Надежды

---

1) Жизнь гр. Сперанскаго, I, 194.
2) Записки, ч. II, 12—18.
3) ibid., ч. IV, 43.
4) ibid., 42—43.

Николаевнъ) и сына Александра [1]). Ближайшими пріятелями Мордвинова были Сперанскій, Столыпинъ (оберъ-прокуроръ сената, а потомъ сенаторъ), также горячо принимавшій къ сердцу всѣ важнѣйшіе вопросы своего времени, и Шишковъ, принадлежавшій къ старой школѣ, но близкій къ Мордвинову по морскому вѣдомству [2]). Въ домашней жизни Мордвиновъ былъ весьма сообщителенъ и охотно дѣлился своими свѣдѣніями съ окружающими, хотя бы они и далеки были отъ желанія усвоить его взгляды [3]).

Такъ разсказываетъ о Мордвиновѣ Вигель. Послушаемъ разсказъ другаго очевидца, служившаго съ 1808 года въ Петербургѣ, въ коммиссіи составленія законовъ,—С. Аксакова. Онъ познакомился съ Мордвиновымъ въ обществѣ Шишкова, обыкновенными посѣтителями котораго бывали: Бакунины, Мордвиновы, Кутузовы, Турсуковы, и др. Какъ-то у Шишкова

---

[1]) Семейныя отношенія Мордвинова были вполнѣ безукоризненны. Его отношенія къ женѣ основывались на взаимномъ уваженіи, и отличались трогательною мягкостью. Когда бывало какая нибудь знакомая молодая чета (а это бывало обыкновенно) обращалась къ нему за совѣтомъ на счетъ семейной жизни, то онъ рекомендовалъ ей, какъ необходимое условіе, взаимное уваженіе. «Какъ въ трудныхъ, такъ и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни,—я всегда совѣтовался съ женою—и никогда не жалѣлъ послѣ того», говаривалъ при этомъ Николай Семеновичъ. Дѣтей онъ любилъ самъ учить, и обращался съ ними вполнѣ гуманно (сообщено). Сознавая по опыту важность домашняго воспитанія, онъ и въ своихъ мнѣніяхъ настаивалъ на необходимости поднять уровень послѣдняго, и вообще былъ противъ вошедшаго уже тогда въ моду порученія дѣтей исключительно гувернерамъ и иностраннымъ проходимцамъ.

[2]) Близкія отношенія Мордвинова и къ Сперанскому и къ Шишкову подали поводъ Вигелю подозрѣвать его въ нетвердости убѣжденій: «пожалуй, говоритъ онъ, это можно назвать безпристрастіемъ, умѣренностью» (IV, 42,43). Но Мордвинова съ Шишковымъ соединяла прежняя служба во флотѣ. «Оба они были моряки, говоритъ Аксаковъ, и тѣсная дружба соединяла ихъ издавна» (Семейная Хроника, 1870, 544). Впрочемъ, и Шишковъ весьма благосклонно относился къ Сперанскому, что видно изъ его Записокъ. Отношенія Мордвинова къ Сперанскому впослѣдствіи поколебались, и вѣроятно вслѣдствіе того, что, послѣ горькихъ испытаній, Сперанскій старался придерживаться политики.

[3]) Вигель, IV, 43.

родилась мысль устроить сюрпризъ Мордвинову, который состоялъ въ томъ, чтобы разыграть на итальянскомъ языкѣ двѣ сцены изъ трагедіи Метастазія «Александръ Македонскій», состоящія изъ двухъ лицъ: Александра Македонскаго и пастуха. Жена Мордвинова была англичанка, воспитанная въ Италіи, и не знала по русски; самъ Мордвиновъ и все его семейство долго жили въ Италіи и говорили по итальянски, какъ на своемъ языкѣ. Роли были распредѣлены между братомъ Аксакова и племянникомъ Шишкова. Сюрпризъ Мордвиновымъ удался вполнѣ: и Николай Семеновичъ, и его жена, и дочери были поражены звуками итальянскаго языка. Нѣсколько мгновеній они не могли опомниться отъ изумленія, а потомъ плакали отъ удовольствія, какъ дѣти. Никогда я не забуду этой минуты, замѣчаетъ Аксаковъ, когда по окончаніи сценъ изъ Метастазія, Мордвиновъ подошелъ къ Шишкову. Прекрасное лицо этого чуднаго старика сіяло радостью, а глаза блистали благодарностью за нѣжное вниманіе къ его семейству. Молча, но краснорѣчиво, обнялъ онъ своего, на морѣ и на сушѣ, испытаннаго друга. Если бы не было между гостями лишнихъ бревенъ, какъ говорится, т. е. лишнихъ людей, то безъ сомнѣнія общее удовольствіе было бы гораздо теплѣе, живѣе и выразилось бы съ большею искренностью. Никого такъ не любилъ и не уважалъ Шишковъ, какъ Н. С. Мордвинова. Его справедливыя и очень смѣло высказываемыя имъ мнѣнія, подаваемыя иногда въ государственномъ совѣтѣ противъ единогласныхъ рѣшеній всѣхъ членовъ,—въ богатомъ переплетѣ и съ золотымъ обрѣзомъ, съ собственноручною надписью Шишкова: «Золотые голоса Мордвинова»,—постоянно лежали на письменномъ столѣ въ кабинетѣ. Всѣмъ извѣстно, что Н. С. Мордвиновъ былъ замѣчательнымъ и достойнымъ уваженія сановникомъ. Нѣкоторые изъ сослуживцевъ его не любили и даже распускали на его счетъ разныя нелѣпыя клеветы; но въ обществѣ, гдѣ онъ былъ необыкновенно любезенъ, его любили и глубоко уважали. Его старческая красота и благодушная ласковость въ обращеніи имѣли въ себѣ что-то обаятель-

ное. У каждаго, съ кѣмъ говорилъ Мордвиновъ, выражалось на лицѣ удовольствіе. При всякомъ случаѣ, особенно послѣ спектаклей, онъ говорилъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, и они долго и пріятно отзывались у меня въ сердцѣ. Онъ имѣлъ привилегію цѣловать въ губы знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, *и я помню, что онѣ весьма дорожили его поцѣлуями»* [1]).

Въ литературныхъ вечерахъ Шишкова принимали постоянное участіе: Державинъ, И. И. Дмитріевъ, кн. С. Шахматовъ, Кикинъ, Гнѣдичъ, сенаторъ Захаровъ, Висковатовъ, Стурдза, кн. Горчаковъ, Станевичъ, П. Ю. Львовъ и Гераковъ. Иногда бывали на нихъ, какъ простые посѣтители и дилеттанты: Мордвиновъ, М. М. Бакунинъ, гр. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ [2]). Изъ этихъ собраній составилось (въ мартѣ 1811 г.) литературное общество, извѣстное подъ именемъ «Бесѣды любителей русскаго слова», въ которомъ принялъ участіе и Мордвиновъ, по близости къ Шишкову. Оно собиралось въ домѣ Державина, на Фонтанкѣ, и раздѣлялось на 4 разряда, во главѣ которыхъ стояли четыре попечителя (Завадовскій, Мордвиновъ, Разумовскій и Дмитріевъ) и четыре предсѣдателя (Державинъ, Захаровъ, Хвостовъ и Шишковъ [3]). Изъ другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ обществѣ, встрѣчаемъ: И. М. Муравьева-Апостола, А. Ѳ. Лабзина, С. Н. Марина, гр. С. П. Потемкина, Н. П. Судовщикова, Г.Г. и Н. Р. Политковскихъ, П. М. Карабанова, Кутузова, Казодавлева, Сперанскаго, П. С. Молчанова, Озерова, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, Магницкаго, Капниста, Карамзина, Николева, Дмитревскаго, Крылова, Катенина, Жихарева, Уварова, и т. д. Изъ женщинъ: кн. Е. С. Урусову, А. П. Бунину, А. А. Волкову. Собранія общества бывали торжественны, и по вечерамъ; чтенія продолжались

---

[1]) Аксаковъ, Семейная Хроника, 540—544.

[2]) ibid., 556—57.

[3]) Вѣроятно по поводу образованія этого общества, у Державина былъ предварительно обѣдъ, на которомъ присутствовали только: Мордвиновъ, Шишковъ, Дмитріевъ и Оленинъ. — Жихаревъ, Дневникъ чиновника, От. Зап., 1855 г. CI, с. 386.

не болѣе трехъ часовъ и печатались особыми книжками [1]). Попечительство Мордвинова продолжалось до 1813 г., когда, вслѣдствіе его выѣзда изъ Петербурга, мѣсто его заналъ С. П. Вязмитиновъ [2]).

---

[1]) Чтенія въ Бесѣдѣ любит. рус. слова, кн. I; Вигель, III, 150—152. Шишковъ, I, 115—117; Державинъ, VI, 201, 206, 207, 210, 235, 266, 377;

[2]) Переписка Державина, VI, 272 и 363.—Конечно, подъ вліяніемъ Шишкова и его «Бесѣды» Мордвиновъ усвоилъ себѣ нѣкоторые, общіе имъ, взгляды на русскую старину. Такъ, уже въ 30-хъ годахъ, онъ высказалъ однажды мнѣніе, что замѣна церковной азбуки гражданскою была причиной нераспространенности въ русскомъ обществѣ священнаго писанія (вспомнимъ, однако, что попытки библейскихъ обществъ потерпѣли fiasco); а увлеченіе французскими романами породило пренебреженіе и своимъ языкомъ, и своею національностью (Собр. рукоп. мнѣній Н. С. Мордвинова въ концѣ XII тома). Въ 1811 г. государственный совѣтъ поручилъ министру народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскому, составить правила для руководства въ его министерствѣ. Они были составлены В. Ѳ. Тимковскимъ («Нѣкоторыя замѣчанія въ разсужденіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»). Основная мысль этихъ правилъ состоитъ въ устраненіи подражательности иностранцамъ, противъ которой рекомендуются такія средства: примѣръ государя и двора, выведеніе изъ употребленія французскаго языка, удаленіе иностранныхъ гувернеровъ, закрытіе иностранныхъ пансіоновъ; а такъ какъ проводниками этого вліянія служили преимущественно женскія заведенія, то, вмѣсто нихъ, предлагается домашнее воспитаніе съ пособіемъ бѣднымъ. Далѣе, составитель правилъ настаиваетъ на принятіи мѣръ противъ безбожія, распространившагося въ обществѣ. Замѣчательно, однако, что въ томъ же разсужденіи заявляется *о необходимости расширенія правъ университетовъ* (См. рукоп. собр. мнѣній Мордвинова, т. I, куда оно вошло потому, что проходило черезъ департ. экономіи, гдѣ предсѣдательствовалъ Мордвиновъ). Тимковскій воспитывался въ кіевской академіи и московскомъ университетѣ, а потомъ служилъ въ канцеляріи госуд. совѣта при Мордвиновѣ, и жилъ у него два года въ домѣ, откуда въ 1812 г. перешелъ на службу къ государственному секретарю Шишкову и вмѣстѣ съ нимъ сопутствовалъ государю по западной Европѣ (См. замѣтку о немъ Максимовича, въ Русск. Арх., 1871 № II, 118). Въ собраніи же мнѣній Н. С. Мордвинова есть одно, направленное въ защиту домашняго воспитанія и русскихъ воспитателей (томъ VII, статья о домашнемъ воспитаніи). Чтобы настоящимъ образомъ оцѣнить эти взгляды Мордвинова, слѣдуетъ имѣть въ виду тогдашнее воспитаніе высшаго общества и русской аристократіи, о чемъ такъ много интересныхъ подробностей собрано въ соч. Морошкина, Іезуиты въ Россіи, ч. I—II.

Отличаясь практическимъ взглядомъ, Мордвиновъ не любилъ масоновъ и иллюминатовъ [1]).

Не смотря на нерасположеніе къ нему многихъ изъ высшей сферы, Мордвиновъ пользовался тогда вліяніемъ. По поводу стараній Карамзина о кн. П. А. Вяземскомъ, въ письмѣ его къ И. И. Дмитріеву, бывшему министромъ, встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку: «Ты совѣтуешь мнѣ писать о молодомъ князѣ Н. С. Мордвинову; я готовъ; но мнѣ хотѣлось за все благодарить одного тебя» [2]).

Таковъ былъ въ этотъ періодъ Мордвиновъ въ своихъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ. Обратимся къ его государственной дѣятельности.

Департаментъ экономіи, образовавшійся подъ предсѣдательствомъ Мордвинова, на первыхъ порахъ состоялъ изъ гр. Кочубея, Александра Александровича Саблукова, Ивана Васильевича Тутолмина и графа Северина Потоцкаго. Первымъ дѣломъ, поступившимъ на ихъ разсмотрѣніе, былъ извѣстный уже намъ проектъ финансовой системы, переданный императоромъ въ государственный совѣтъ въ самый день образованія послѣдняго. Три члена департамента экономіи—Кочубей, Потоцкій и Мордвиновъ были сторонники системы Сперанскаго, остальные два дѣловые рутинисты, и безъ особенныхъ свѣдѣній въ финансовой наукѣ. Поэтому весь планъ легко прошелъ въ департаментѣ, а въ государственномъ совѣтѣ—онъ прошелъ огромнымъ большинствомъ, и уже ровно черезъ мѣсяцъ послѣ открытія совѣта былъ изданъ манифестъ (2 февр. 1810 г.) о мѣрахъ, которыя намѣрено было предпринять правительство для приведенія финансовъ въ надлежащій видъ [3]).

Положеніе вещей дѣйствительно было безотрадное. Въ 1787 году доходы составляли до 100,000.000 руб. сер., а въ 1809, не смотря на присоединеніе къ Россіи до этого времени

[1]) Чт. Моск. Общ. истор., 1860 г., II, смѣсь, 233.

[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву (1810).

[3]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 195; манифестъ въ Полн. собр. закон., № 24,116.

семи новыхъ губерній и болѣе 10,000,000 народа, доходы составляли всего 60,000,000 р. с. (125,000,000 ассигн. [1]). Громадныя предпріятія, начатыя Екатериною II и продолжавшіяся еще въ началѣ царствованія Александра I, поглощали большую часть доходовъ. Изъ расходовъ, назначенныхъ па 1807 годъ (до 107 милліон. рублей на серебро) и 1808 г. (до 170 мил. руб.), половина пошла на военныя издержки [2]), такъ что вслѣдъ за этимъ едва удалось установить постоянное отпошеніе серебрянаго рубля къ ассигнаціонному, какъ 1 : 4. Обширныя пожалованія имѣніями и казенными крестьянами, а также денежныя награды, разсыпанныя щедрою рукою Екатерины, не могли не отразиться на состояніи государственныхъ средствъ, недостатокъ которыхъ теперь далъ себя почувствовать [3]).

Манифестъ 2 февраля вполнѣ призналъ тяжелое финансовое положеніе Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ тѣ начала, посредствомъ которыхъ предполагалось вывести ее изъ этого затрудненія, на основаніи результатовъ, выработанныхъ уже извѣстнымъ намъ проектомъ. Эти начала были слѣдующія:

1) Всѣ находящіяся въ обращеніи ассигнаціи *признаются дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ на всѣхъ богатствахъ имперіи* [4]).

---

[1]) Письмо Сперанскаго къ государю изъ Перми, въ Письмахъ Сперанскаго къ Масальскому, 32—52, и у Пыпина, 192 — 205. Корфъ, I, 241.

[2]) Богдановичъ, Ист. царств. Александра I-го, III, 46,47.

[3]) Отчетъ Сперанскаго, Корфъ, I, 207.—Гр. А. Р. Воронцовъ, еще въ 1801 г., писалъ объ этомъ импер. Александру слѣдующее: «Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва-ли уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала». Чтен. Моск. Общ. истор., 1859, I, смѣсь, 96. Слова гр. Воронцова подтверждаются тѣми мѣстами писемъ импер. Александра I къ Лагарпу и гр Кочубею, которыя мы привели во II главѣ настоящей монографіи.

[4]) Въ манифестѣ было прибавлено: «*такъ какъ и всегда* онѣ призна-

2) Новый выпускъ ассигнацій пресѣкается.

3) Для удобнѣйшаго обращенія ассигнацій и промѣна ветхихъ на новыя и крупныхъ на мелкія, во всѣхъ губернскихъ и другихъ многолюдныхъ городахъ учреждаются размѣнныя конторы.

4) Когда для уменьшенія количества остающихся ассигнацій и для уплаты государственныхъ долговъ признано будетъ нужнымъ открыть срочный внутренній заемъ, то подробности его возвѣстятся особымъ манифестомъ.

5) Послѣ сдѣланнаго уже на 1810 годъ уменьшенія расходовъ болѣе нежели на 20,000,000 рублей, департаментъ экономіи продолжаетъ пересматривать расходы и наблюдать за сокращеніемъ ихъ во все теченіе года, съ тѣмъ, чтобы сбереженія, имѣющія отъ того произойти, были отложены на уплату государственныхъ долговъ и на непредвидимыя издержки.

6) Впредь, всѣ чрезвычайные расходы разрѣшаются не иначе, какъ по разсмотрѣніи представленій, входящихъ о нихъ отъ министровъ, въ государственномъ совѣтѣ.

7) Всѣ казенныя экономическія суммы, какого бы то ни было вѣдомства, считаются принадлежащими казначейству. и выдачи изъ нихъ производятся не иначе, какъ по представленію министра финансовъ въ государственный совѣтъ.

8) Всѣ статьи казенныхъ доходовъ, въ какомъ бы отдѣльномъ управленіи онѣ ни состояли, считаются также принадлежащими казначейству, и сверхштатныя изъ нихъ назначенія подчиняются тому же порядку.

9) Недостатокъ въ доходахъ, который произойдетъ черезъ отмѣну дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, выполняется опредѣленными въ манифестѣ прибавками къ существующимъ

ваемы были». «Но это правило, замѣчаетъ графъ Корфъ, справедливое въ теоріи, никогда и нигдѣ не было у насъ оглашено правиломъ *законнымъ* и никогда не разумѣлось такъ въ практикѣ. Въ народномъ понятіи ассигнаціи считались не за долгъ, а за деньги». I, 201. примѣч.

податямъ и налогамъ впредь до окончательнаго и лучшаго въ нихъ распорядка и установленіемъ вновь разныхъ другихъ сборовъ.

10) Какъ и этими прибавками, и новыми сборами не могутъ быть вполнѣ покрыты всѣ необходимые расходы 1810 года, а въ такомъ затруднительномъ положеніи потребно пособіе отъ дворянскаго сословія, то, дабы опредѣлить этому пособію точную мѣру, полагается со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, не исключая и удѣльныхъ, и прочихъ, императорской фамиліи принадлежащихъ, собрать единовременно умѣренную часть чистаго ихъ дохода, считая по 50 коп. съ каждой ревизской души.

11) Всѣ прибавки въ податяхъ установляются только на 1810 годъ. Наконецъ,

12) Объявляется, что роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на будущее время, начиная съ 1811 года, будетъ возвѣщаема заблаговременно.

Одновременно съ манифестомъ разослано было сокращеніе изъ плана финансовъ, въ которомъ объяснялось, что истинную государственную монету составляло у насъ всегда серебро, а не мѣдь; что ассигнаціи утратили свою цѣнность отъ излишества ихъ, почему, для возстановленія ея, достаточно ихъ уменьшить, и что это уменьшеніе слѣдуетъ произвесть посредствомъ вымѣна ассигнацій на серебро и уничтоженія вымѣненныхъ.

Многія изъ этихъ положеній, составлявшія общія правила для будущаго руководства, были тогда новизною, но ихъ тогда не хотѣла знать противная партія, изъ-за нерасположенія къ виновнику самой системы и требованію частныхъ пожертвованій. Тѣмъ не менѣе, съ 1810 по 1812 годъ, всѣ дальнѣйшія расположенія по части финансовъ были продолженіемъ этой основной реформы. Такое непосредственное участіе въ созданіи системы финансовъ лицъ, чуждыхъ министерству, не могло не возбуждать противъ нихъ самаго представителя министерства финансовъ, и Гурьевъ, выведен-

ный въ министры Сперанскимъ же, явился потомъ отголоскомъ враждебной партіи и противникомъ его реформъ [1]).

Дальнѣйшія распоряженія, клонившіяся къ упроченію той же финансовой системы, были слѣдующія:

1) Прекращеніе выпуска ассигнацій. Оно было объявлено еще въ 1810 году, но предшествовавшія, неудовлетворенныя вполнѣ, потребности и дефицитъ этого года въ 100,000,000 рублей ассигн., заставилъ отложить самую мѣру до 1811 года. Въ это время вся масса ассигнацій, назначенныхъ къ погашенію, составляла уже 286,000,000 рублей.

2) Съ этою цѣлью полагалось составить капиталъ для погашенія означенной суммы посредствомъ продажи ненаселенныхъ государственныхъ земель и займа въ ассигнаціяхъ. Къ покупкѣ этихъ имуществъ допускались всѣ состоянія и иностранные капиталисты, а для веденія дѣла была составлена особая *коммиссія погашенія долговъ*. Сверхъ того, для погашенія ихъ, былъ объявленъ внутренній заемъ въ 100,000,000 рублей, раздѣленный на пять частей, съ тѣмъ, чтобы поступающія отъ вкладчиковъ ассигнаціи предавались публичному сожженію. Пріемъ капиталовъ для первой части займа былъ объявленъ въ 1810 г., съ платежемъ по 6% на серебряный рубль и съ возращеніемъ въ 1817 г. Въ маѣ 1811 года подписка была окончена и дала по 6½ мил. рублей ассигн. и банковыми билетами. Платежъ былъ опредѣленъ серебряною монетою или золотомъ. Государственныхъ имуществъ до 1811 г. предполагалось продать на 4,429,000 рублей сер. Но ихъ было продано всего на 292,458 рублей сер., на 659,000 облигаціями и на 1,362,000 ассигнаціями. Причиною этого было безпорядочное управленіе казенными имуществами до тѣхъ поръ, заставившее начать продажу не ранѣе марта 1811 г.; высокая цѣна на имущества; назначеніе въ продажу сначала не оброчныхъ статей, а пустопорожнихъ мѣстъ, и т. п.

---

[1]) Корфъ, I, 195—203.

3) Положено было признать законною единицею монеты серебряную монету, почему приступлено было къ замѣнѣ ею мѣдной монеты, допуская оставленіе въ незначительномъ количествѣ. При этомъ предполагалось установить постоянный курсъ ассигнаціями; и

4) Въ виду постояннаго пониженія вексельнаго курса, пришедшаго въ совершенный упадокъ въ 1810 году и приписаннаго въ коммерческомъ мірѣ отчасти общему ходу политическихъ событій, нарушившему довѣріе къ общественной безопасности, отчасти новымъ финансовымъ операціямъ, но болѣе всего невыгодности торговаго баланса, какъ результата колоніальной системы, принятой Россіею со времени тильзитскаго мира (Англія, прежде вывозившая болѣе другихъ странъ сырыхъ матерьяловъ, должна была прекратить этотъ спросъ, а такой внезапный поворотъ въ торговлѣ не могъ не отразиться на всѣхъ промышленныхъ операціяхъ и государственномъ кредитѣ), Сперанскій прибѣгнулъ къ двумъ важнымъ средствамъ: 1) Къ возможно большему сокращенію привоза иностранныхъ товаровъ и 2) къ возможно большему облегченію вывоза русскихъ произведеній. На этихъ основаніяхъ была построена новая система тарифа, облегчавшая доступъ въ Россію болѣе необходимыхъ произведеній, облагавшая болѣе высокою пошлиною менѣе необходимыя и даже запрещавшая совсѣмъ ненужныя (предметы роскоши); съ другой стороны, въ такой же (но только въ обратномъ отношеніи) постепенности были распредѣлены пошлины на вывозимые товары. Съ этою цѣлью, въ виду недостатка русскихъ судовъ, признано было необходимымъ по возможности облегчить доступъ нейтральныхъ судовъ. Эти предположенія были утверждены государственнымъ совѣтомъ на одинъ годъ (1811), а потомъ распространены еще на годъ (1812). Манифестъ, изданный по этому поводу въ концѣ 1810 г., объявлялъ о нейтральной торговлѣ на всѣхъ моряхъ и по западной границѣ Россіи [1]).

[1]) Корфъ, I, 203—223.

Во все это время, Мордвиновъ состоялъ предсѣдателемъ департамента государственной экономіи, которому въ самомъ началѣ былъ порученъ постоянный надзоръ за изысканіемъ средствъ къ сокращенію расходовъ и улучшенію финансоваго дѣла (по манифесту 2 февраля). Между тѣмъ, изъ департамента выбыли оба члена, разсматривавшіе вмѣстѣ съ Мордвиновымъ проектъ системы финансовъ, и были замѣнены двумя новыми—графомъ Литтою, владѣвшимъ громаднымъ богатствомъ, но мало знакомымъ съ государственными дѣлами и вдобавокъ плохо понимавшимъ по русски, и гр. А. Н. Салтыковымъ, «человѣкомъ весьма образованнымъ, но болѣе дипломатомъ» [1]). Такимъ образомъ, все дѣло въ департаментѣ лежало на Мордвиновѣ. И дѣйствительно, онъ вникалъ во всѣ части своего управленія и оставался постоянно вѣренъ разъ принятой программѣ, справедливо полагая, что даже частныя отступленія отъ основныхъ принциповъ могутъ повліять на весь ходъ предпринятаго труда, и едва-ли не самаго шаткаго—исправленія экономическихъ отношеній.

Этимъ, однако, не ограничивалась дѣятельность Мордвинова по финансовой части.

Независимо отъ своего участія въ направленіи принятой системы финансовъ, въ качествѣ предсѣдателя департамента экономіи, Мордвиновъ въ тоже время подалъ нѣсколько мнѣній въ государственный совѣтъ и лично государю, въ которыхъ онъ старался поддержать принятую правительствомъ программу, такъ какъ были люди, стремившіеся подорвать ея значеніе въ глазахъ послѣдняго своими личными вліяніями.

Уже въ октябрѣ 1810 г., при разсмотрѣніи росписи доходовъ и расходовъ на 1811 годъ, онъ настаивалъ на необходимости твердо держаться слѣдующихъ принциповъ: 1) чтобы министры не выходили за предѣлы утвержденной росписи; 2) чтобы экстраординарные расходы не могли быть разрѣшаемы безъ предварительнаго одобренія департамента

[1]) Корфъ, I, 215.

экономіи и государственнаго совѣта; 3) чтобы министру финансовъ было запрещено оставлять запасную сумму въ 500,000 р.; 4) чтобы были приняты всѣ мѣры къ пониженію цѣнъ на вещи и 5) чтобы строго соблюдались контракты между частными людьми и казною. А для улучшенія денежнаго курса и состоянія финансовъ онъ считалъ столь же необходимыми: a) заключеніе мира со всѣми державами; b) уравненіе привоза съ вывозомъ товаровъ; c) привлеченіе металлической монеты изъ-за границы; d) сохраненіе довѣрія народа къ правительству, «не дозволяя ни подъ какимъ предлогомъ нарушать народныхъ правъ для политическихъ, преходящихъ видовъ». Поэтому онъ совѣтовалъ ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать болѣе къ увеличенію налоговъ, а, напротивъ, предлагалъ установить налоги на излишнюю прислугу и лошадей, а также на крымскихъ татаръ, ничего не платившихъ въ казну. Допуская же возможность повышенія подушнаго оклада на 1 р., Мордвиновъ въ тоже время, обусловливаетъ его сокращеніемъ военной службы для солдатъ, до 7—8 лѣтъ, и излишнихъ повинностей для низшаго класса [1]). Въ ноябрѣ 1811 г., когда политическій горизонтъ уже нѣсколько опредѣлился, а между тѣмъ средства страны оставались въ томъ же положеніи. Мордвиновъ предлагалъ озаботиться заблаговременно составленіемъ военнаго капитала, но такъ, чтобы въ обыкновенное время онъ могъ служить для приведенія въ лучшее состояніе финансовъ. Это предпріятіе онъ полагалъ устроить на слѣдующемъ основаніи. Сдѣлавъ необходимыя облегченія при поставкѣ рекрутъ, слѣдовало установить сборъ по нѣскольку рублей съ души, что, на случай войны, могло бы доставить правительству значительный запасный капиталъ, который въ мирное время могъ быть употребленъ на извлеченіе ассигнацій. Въ послѣднемъ случаѣ, по разсчету Мор-

---

[1]) Замѣчанія при разсмотрѣніи росписи доходовъ и расходовъ на 1811 г. въ рукоп. собр. мнѣній Мордвинова, т. I.

двинова, въ 10 лѣтъ правительство могло бы погасить долгъ на 593,754,268 р. ассигнацій [1]).

Послѣднее обстоятельство Мордвиновъ имѣлъ постоянно въ виду. 1) Это онъ высказалъ въ своемъ мнѣніи (декабрь 1811 г.) о безполезности частныхъ мѣръ къ улучшенію финансовъ безъ главной изъ нихъ—уменьшенія ассигнацій, а потому онъ былъ и противъ введенія размѣнныхъ ассигнацій, которыми предполагалось даже замѣнить болѣе крупные билеты. 2) Въ «Запискѣ о пользѣ заключенія контрактовъ на серебрѣ» (1811 г. 4 ноября), представленной государю, онъ настаивалъ на подтвержденіи постановленія департамента экономіи, неисполняемаго министрами, указывая приэтомъ, что процентъ возвышенія ассигнаціоннаго курса, который произойдетъ отъ этой мѣры, будетъ въ пользу казны. 3) По поводу предложенія мин. финансовъ о переименованіи мѣдной монеты въ высшія доли (5 коп. въ 7 1/2), онъ возражалъ въ особомъ мнѣніи, доказывая полнѣйшую безполезность такой операціи, такъ какъ металлическая монета цѣнится по содержанію, а не по н званію. Это мнѣніе (поданное 12 января 1812 г.) было направлено и противъ рѣшенія государственнаго совѣта, согласившагося съ министромъ финансовъ. Департаментъ экономіи, мнѣнія котораго обыкновенно составлялись Мордвиновымъ, полагалъ, не прибѣгая къ указанной мѣрѣ, увеличить количество размѣнной серебряной монеты и уменьшить количество ассигнацій. 4) Съ цѣлью же улучшенія финансоваго положенія Россіи, Мордвиновъ представилъ 12 марта 1822 г. мнѣніе о преобразованіи государственнаго ассигнаціон. банка въ банкъ, основанный на серебрѣ, и объ учрежденіи такихъ же банковъ въ главныхъ торговыхъ городахъ. Для образованія подобнаго банка, Мордвиновъ считалъ достаточнымъ внести 1 милліонъ золотою и серебряною монетою, присоединивъ къ нему суммы, принадлежащія страховымъ конторамъ, приказамъ обществен-

---

[1]) Мнѣніе объ образованіи военнаго капитала, во II томѣ рукоп. собр. мнѣній Мордвинова.

наго призрѣнія и т. п. источники, 3% отъ каждаго министерства и капиталы частныхъ вкладчиковъ. Послѣдніе, за свои вклады, получали бы по 5%, а казна, выдавая ссуды, могла бы пользоваться 8%. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мордвиновъ предлагалъ ввести банковую монету [1]).

Натянутость финансоваго положенія страны въ это время высказалась ясно въ несостоятельности огромнаго числа должниковъ государственнаго банка, вслѣдствіе чего министръ финансовъ предлагалъ отсрочить платежи съ 8 на 12 лѣтъ и отложить пока продажу и конфискацію имущества. Но Мордвиновъ видѣлъ въ этой мѣрѣ замѣшательство для банка и предлагалъ замѣнить ее пособіемъ отъ правительства, ссылаясь при этомъ на серьезныя экономическія затрудненія страны вообще [2]). Въ виду этого обстоятельства, еще въ декабрѣ (21-го) 1811 года, онъ читалъ въ департаментѣ экономіи подробную записку «о необходимости воспринятія новыхъ мѣръ для приведенія въ устройство финансовъ». Важнѣйшею изъ нихъ онъ считалъ сокращеніе расходовъ, строгую экономію и возстановленіе довѣрія къ казнѣ, почему онъ предлагалъ—ввести, на случай тяжебъ частныхъ лицъ съ казною, третейскій судъ; уплатить внутренніе долги (по подрядамъ, и т. п.); устранить препятствія для частнаго кредита; освободить отъ всякихъ стѣсненій внутреннюю торговлю. Въ письмѣ же къ государю, отъ 12 января 1812 г., касающемся устройства финансовъ по мысли департамента экономіи, онъ говорилъ уже о необходимости «сократить зло» винныхъ откуповъ, облегчить личныя повинности, снять пошлины, стѣсняющія промышленность, устроить военный капиталъ, который могъ бы способствовать развитію промышленности, и составить такіе же капиталы по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Грозные симптомы, обнаружившіеся на политическомъ горизонтѣ съ весною 1812 г., заставили Мордвинова, опять

[1]) См. эти мнѣнія въ рукоп. собр., т. II.

[2]) Ibidem.

въ письмѣ къ государю (15 марта 1812 г.), снова настаивать на необходимости образованія военнаго капитала (введеніемъ срочной службы и налогомъ по 4 р.), причемъ онъ указываетъ на грозныя послѣдствія отъ прикосновенія къ капиталу погашенія, на что были заявлены притязанія со стороны министра финансовъ [1]). Вскорѣ однако наступили обстоятельства, которыя не дали не только исполниться, но даже выясниться многимъ изъ тѣхъ настоятельныхъ потребностей, о которыхъ приходилось заявлять и Сперанскому, и Мордвинову. Но, какъ трудно было имъ вообще вести дѣло новаго правленія, можно видѣть на тогдашней практикѣ.

На первыхъ же порахъ Мордвинову пришлось столкнуться съ силою слишкомъ вѣскою—графомъ Аракчеевымъ [2]), при-

[1]) Рук. собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. II.

[2]) Въ какой силѣ былъ уже Аракчеевъ въ это время, можетъ служить доказательствомъ слѣдующій фактъ. Извѣстно, что Александръ I скрывалъ проектъ образованія совѣта отъ Аракчеева до послѣдняго дня, такъ что, въ бытность императора въ Москвѣ, Сперанскій пересылалъ тетради проекта за надписью камердинера Мельникова и не за своею печатью. Аракчеевъ подозрѣвая тайну, говорилъ: «Мельниковъ важный человѣкъ», злился, но не пытался разузнать ее. Государь думалъ однако прочесть ему проектъ въ Петербургѣ, не за долго до обнародованія манифеста. «Графу крайне досадно было, говоритъ статсъ-секретарь Марченко, что новости скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино, но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ образованіе совѣта. Хотя, по словамъ графа, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской части не знаетъ, но примѣтно было желаніе узнать то, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ хотѣлъ государь прислать за нимъ послѣ бани; онъ и дожидался, но вдругъ докладываютъ, что присланъ отъ государя Сперанскій. Не прошло и десяти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Михаилъ Михайловичъ привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи, но онъ не сталъ ничего слушать, отпустилъ его съ грубостью и послалъ письмо къ государю объ отставкѣ. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино; но 30 декабря (1809 г.) графъ пріѣхалъ въ столицу. Сей и послѣдующіе дни прошли въ объясненіяхъ,

томъ по поводу весьма щекотливаго дѣла, относившагося къ провіантскому управленію. Эта часть находилась въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи; въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, представляетъ намъ эту важную отрасль военнаго управленія генералъ-провіантмейстеръ Мертваго, который самъ принималъ участіе въ настоящемъ дѣлѣ. Оно началось еще въ бытность Аракчеева военнымъ министромъ.

«Предъ отъѣздомъ министра въ Тверь, говоритъ Мертваго, призвалъ онъ меня къ себѣ. Цѣлый вечеръ пересматривая вѣдомости о надобностяхъ и спрашивая мнѣніе мое о средствахъ заготовленія, напослѣдокъ спросилъ: какое количество хлѣба и какимъ образомъ считаю я полезнымъ заготовить для С.-Петербурга? Отвѣтъ мой былъ, что ничего ненадобно; ибо у насъ на пути идущаго еще слишкомъ на два года, по числу войскъ послѣ шведской войны (1809 г.) оставшихся повсемѣстно къ сѣверу». Но какъ-же ничего не покупать? онъ спросилъ; стало подумаютъ, что прежде напрасно мы много заготовляли»? На это я отвѣтствовалъ, что прежде была война и много находилось войска; но теперь, когда запасы повсемѣстно наполняются, еще и съ излишествомъ, и когда чрезмѣрная дороговизна, то полезно не

прочитано образованіе совѣта. Затѣмъ, по желанію Аракчеева, онъ былъ сдѣланъ председателемъ военнаго департамента въ совѣтѣ, *«чтобы быть дядькою другихъ*, а не надъ собою имѣть дядьку». Вечеромъ, послѣ сего, 31 декабря, государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей съ саньми, что его крайне порадовало, ибо едва-ли это не первый былъ случай въ столицѣ». (Изъ Записокъ Марченко, у гр. Корфа, I, 114—116). Интересно сравнить это сближеніе съ Аракчеевымъ и затѣмъ полную довѣренность къ нему императора Александра съ откровеннымъ мнѣніемъ его объ Аракчеевѣ въ царствованіе императора Павла (Русская Старина, 1871 г. февраль, 241—242). Когда послѣдній исключилъ Аракчеева изъ службы за обманъ, а вел. кн. Александръ Павловичъ узналъ на парадѣ отъ генерала Туч....., что назначенный на его мѣсто и добрый, и честный человѣкъ, то сказалъ на это: «Ну, слава Богу! эти назначенія настоящая лоттерея, могли бы попасть опять на такого м.....ца, какъ Аракчеевъ». И въ первые два года царствованія Александра I, объ Аракчеевѣ дѣйствительно не вспоминали: онъ принятъ на службу 14 мая, 1803 года.

покупать въ казну, и объявить, что надобности ей нѣтъ, черезъ что, вѣроятно, понизятся цѣны для вольной продажи; небольшое же количество недостающаго въ запасъ овса можно купить чрезъ коммиссіонеровъ, безъ большой огласки. Онъ остался непреклоннымъ, полагая нужнымъ покупать, а я остался резонами его неубѣжденнымъ.

«Будучи въ Твери, исходатайствовалъ онъ отъ государя указы губернаторамъ купить 400,000 муки, съ пропорціею крупъ, и 250,000 четвертей овса для С.-Петербурга. И повелѣно имъ, купя, непремѣнно никого о томъ не спрашиваться, а только увѣдомить военнаго министра о присылкѣ имъ денегъ соразмѣрно надобности, назначенной въ контрактахъ, которые они заключатъ. Получа сіе свѣдѣніе, говорилъ я въ военной коллегіи и всѣмъ, кто ему пересказать могъ, что сія мѣра разстроитъ капиталъ провіантскаго департамента и приведетъ въ невозможность извористься суммами, на первую треть ассигнованными».

Между тѣмъ, состоялось учрежденіе государственнаго совѣта; Аракчеевъ сталъ предсѣдателемъ военнаго-департамента. а военнымъ министромъ былъ назначенъ Барклай-де-Толли. Мертваго объяснилъ ему это дѣло съ тѣмъ, чтобы онъ «не оставилъ доложить государю, не согласится-ли онъ отмѣнить повелѣнія, данныя губернаторамъ, ибо время къ тому еще оставалось, по крайней мѣрѣ нельзя-ли было уменьшить большую половину? Резоны мои, что болѣе милліона четвертей ожидаемаго въ Петербургѣ хлѣба помѣстить будетъ негдѣ; а до 10,000,000 рублей употребиться долженствуемыхъ на ту ненужную покупку, замѣнить будетъ нечѣмъ. Издержка сдѣлаетъ остановку при заготовленіи въ тѣхъ мѣстахъ, куда, по перемѣнѣ политическихъ дѣлъ, войска наши перемѣщаются. Все это довольно важнымъ показалось Барклаю-де-Толли, и онъ мнѣ приказалъ остановить отправленіе денегъ къ губернаторамъ, которыя гр. Аракчеевъ назначилъ, *приславъ заднимъ числомъ предписаніе въ тотъ день, когда онъ*

перестал быть военным министром. Но после Барклай-де-Толли велѣлъ мнѣ отправить сіи деньги».

Тогда взялся за дѣло Мордвиновъ, какъ предсѣдатель департамента государственной экономіи. Онъ нарочно отправился къ Мертваго, чтобы собрать справки — нельзя-ли вообще на наступавшій годъ уменьшить расходы по провіантской части. Мертваго сообщилъ ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ; но хлопоты Мордвинова ни къ чему не привели, а только повредили Мертваго. Барклай-де-Толли, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему, «что непристойно ему, въ его званіи, критиковать чиновника, бывшаго начальникомъ и имѣвшаго довѣренность у государя, и что это весьма прогнѣвляетъ государя». Такимъ образомъ дѣло приняло прежній оборотъ, и губернаторамъ стали высылать деньги на заготовленіе провіанта, хотя въ тоже время приходилось останавливать такія издержки, которыя были настоятельно необходимы. Военный министръ не былъ на столько независимъ, чтобы воспротивиться личнымъ требованіямъ Аракчеева. «Барклай-де-Толли, говоритъ Мертваго, человѣкъ умный, добраго нрава, но былъ похожъ болѣе на министрову вдову, нежели на самого министра. Однимъ словомъ, я видѣлъ слабаго на знатной степени человѣка, интересующаго себя укрепить угожденіемъ всѣмъ слабостямъ государя, слѣдовательно старающемся, чтобы всѣ его окружающіе хорошо о немъ говорили». Послѣ этого Мертваго вынужденъ былъ оставить службу, еще прежде тяготившую его постоянными преслѣдованіями Аракчеева [1]).

Въ своихъ мнѣніяхъ по вопросу объ улучшеніи финансовъ въ Россіи, въ числѣ главныхъ средствъ Мордвиновъ ставилъ—необходимость со стороны казны точнаго соблюденія контрактовъ, заключаемыхъ ею съ частными лицами, чтобы тѣмъ поддерживать въ обществѣ довѣріе къ мѣрамъ правительства, безъ котораго, конечно, немыслимо было и самое

[1]) Записки Мертваго, 290—295.

улучшеніе финансовъ, а особенно при тѣхъ затруднительныхъ экономическихъ условіяхъ, въ какихъ находилась тогда Россія. И когда манифестомъ 1810 г. было признано паденіе ассигнаціоннаго курса и печальное положеніе русскихъ финансовъ, что въ свою очередь отразилось на курсѣ, а лица, заключившія съ казною контракты на прежнихъ основаніяхъ, просили освободить ихъ отъ заключенныхъ обязательствъ, на что не соглашались казенныя вѣдомства, то Мордвиновъ и здѣсь выступилъ въ защиту частныхъ правъ. Свой взглядъ на взаимныя отношенія казенныхъ и частныхъ интересовъ онъ изложилъ въ мнѣніи (1811) «по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по черноморскому флоту» [1]).

«Всѣмъ очевидно, писалъ Мордвиновъ, что вещи возвышаются въ цѣнѣ отъ уничтоженія въ своемъ достоинствѣ ассигнаціоннаго рубля.

«Правительство въ манифестахъ своихъ торжественно признало, что уничтоженіе сіе произошло отъ выпуска имъ чрезмѣрнаго числа ассигнацій.

«Послѣ такого признанія, можетъ-ли оно, безъ нарушенія справедливости, отказывать кому либо изъ частныхъ людей, вошедшихъ въ обязанности съ нимъ до изданія таковыхъ манифестовъ, въ освобожденіи его отъ продолженія оныхъ? Ибо, кто изъ нихъ могъ предполагать, чтобы правительство не удержало въ надлежащей цѣнѣ денегъ своихъ, а и того болѣе, чтобы оное само тому содѣйствовало?

«Отказывать въ столь справедливомъ требованіи значило бы изъявлять желаніе получать вещи на счетъ подрыва и разоренія частныхъ людей, не за истинныя, какъ обходятся въ дѣйствительной покупкѣ, цѣны, но за половинныя, и менѣе, да еще и тогда, какъ происшедшему возвышенію цѣнъ само же оно сдѣлалось причиною. Отказъ таковой не только не былъ бы согласенъ съ правдою, *кото-*

---

[1]) Чт. Моск. Общ. ист., 1859 IV, 92 - 96. Оно было читано въ государственномъ совѣтѣ.

рую паче всего уважать должно, но и было бы противно тѣмъ высокимъ понятіямъ, какія всякъ долженъ имѣть о чести и достоинствѣ правительства.

«Ежели и для всякаго частнаго человѣка предосудительно основывать выигрыши свои на развалинахъ благосостоянія ближнихъ своихъ, то тѣмъ болѣе неумѣстно было бы это въ отношеніи высочайшей особы государя императора, не иначе всѣми понимаемой, какъ за образецъ совершеннаго безкорыстія. честности, правды и всѣхъ добродѣтелей...

«Святость контракта, обязуя одну сторону выставлять какой либо товаръ въ томъ качествѣ и количествѣ, какъ назначено въ условіяхъ, налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на другую непреложный долгъ платить за оный деньги въ положенное время и въ истинной неизмѣняемой ихъ цѣнѣ, платить рублями, а не 25-копѣечниками.

«А такъ какъ общій кредитъ основывается на увѣренности, что всѣ постановленія и обязательства съ обѣихъ сторонъ соблюдаемы будутъ свято и независимо отъ власти, предѣловъ себѣ неимѣющей, для того правительство всякимъ неправильнымъ притязаніямъ къ имѣющимъ съ нимъ дѣла частнымъ людямъ, потрясая эту увѣренность, навлекаетъ для себя вредъ, ничѣмъ не наградимый, и, желая воспользоваться на счетъ ихъ тысячами или десятками тысячъ, ущербляетъ кредитъ свой не тысячами, но милліонами оцѣняемый.

«Правительство, сколь ни много имѣетъ власти надъ частными промышленниками, но оно никакъ не можетъ выйти изъ зависимости отъ нихъ по части снабженія разными потребностями арміи, флота, двора, и проч. Почему всякій, не только несправедливый, но и не благоуважительный съ кѣмъ либо изъ подрядчиковъ поступокъ, никакъ не проходитъ безъ обращенія онаго во вредъ самой казны; ибо промышленники всегда готовы вымѣстить его на возвышеніи цѣнъ вещамъ и вообще на поставляемыхъ съ казною при пріемѣ подрядовъ условіяхъ.

«Въ семъ соображеніи нельзя не признать за точную и

непреложную истину, что обогащенію и твердому возвышенію государствъ ничто столько не содѣйствуетъ, ни сильныя арміи, ни многочисленные флоты, ни изобиліе рудниковъ, ни все прочее подобное, какъ *всегдашнее соблюденіе правды* въ поступкахъ правительства съ частными людьми.

«Ежели же, судя по справедливости, и всякъ вошедшій въ обязанность съ казною до 1810 г. не можетъ быть чуждъ вышеизъясненнаго уваженія, то тѣмъ болѣе поставщикъ пеньки, о которомъ идетъ дѣло и который имѣетъ еще особыя неопровергаемыя причины.

«Во первыхъ, поставляемый имъ товаръ, будучи закупаемъ иностранцами, слѣдуетъ обыкновенно въ цѣнѣ своей серебряному рублю, а потому вмѣсто 45 рублей, въ контрактѣ постановленныхъ, она обходится теперь въ покупкѣ до 80 и 100 рублей за берковецъ.

«Во вторыхъ, подрядчикъ, хотя и вовлеченъ самимъ начальствомъ флота въ эту поставку, и хотя вскорѣ, по вступленіи его въ эту обязанность, вздорожала пенька въ цѣнѣ своей отъ быстраго измѣненія достоинствъ ассигнацій, но онъ назначенную по контракту на первый годъ пропорцію этого товара, 45 тысячъ пудъ, хотя и съ великими для себя убытками, выставилъ во всей исправности; да и въ дальнѣйшей покупкѣ и отправленіи его къ портамъ усиливался до тѣхъ поръ, пока не истощилъ и послѣдняго рубля изъ своего имущества.

«Но человѣка, вовлеченнаго въ обязанность самимъ правительствомъ, усиливашагося къ выполненію ея до послѣднихъ предѣловъ возможности, и, вмѣсто полученія какого либо за труды свои прибытка, пришедшаго въ нищету и разореніе, удручать еще взысканіемъ съ него разницы между контрактною и существенною цѣною пеньки, была бы жестокость, не имѣющая никакой мѣры.

«Разница эта, по примѣрному исчисленію въ поставленныхъ имъ на этотъ годъ 10,000 пудъ, не составляетъ свыше 27,000 руб., и изъ столь маловажной суммы оказывать

несправедливость и жестокость надъ частнымъ человѣкомъ, да еще и подтверждать эту мѣру *отъ лица законодательнаго сословія* [1]), *которое должно судить не по буквальной или общепринятой точности, но по началамъ и самой правдѣ законовъ,* было бы ни съ чѣмъ несообразно.

«Гораздо ближе было бы къ правдѣ и кореннымъ основаніямъ законовъ предоставить поставщику, отъ чрезмѣрной разности въ цѣнѣ ассигнацій противъ серебра, отдавать адмиралтейству пеньку не по 40 фунт. въ пудѣ, но по 20, по 15, или менѣе того, сообразно цѣнѣ денегъ, и ежели бы подрядчикъ рѣшился въ самомъ дѣлѣ произвесть на этомъ основаніи отдачу пеньки въ адмиралтейство, то, слѣдуя строгому правосудію, нельзя было бы и отказывать ему въ томъ».

Мнѣніе Мордвинова было направлено какъ противъ рѣшенія комитета министровъ, такъ и противъ отдѣльнаго мнѣнія члена совѣта, А. А. Саблукова, оспорывавшагося на первомъ и утвержденіи государя. Мордвиновъ согласенъ, что «комитетъ министровъ, какъ представляющій исполнительную власть, не могъ поступить противъ буквы закона»; но «тѣже министры, входя въ сужденіе дѣла въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, могутъ, какъ участники законодательнаго совѣщанія, дать свое мнѣніе и даже противное заключенію министерскаго комитета, безъ всякаго для себя предосужденія». Мнѣніе же Саблукова, по его замѣчанію, «постановляетъ какъ бы правило, что можно правительству брать насильственно деньги въ томъ карманѣ, гдѣ предполагать можно, что онѣ находятся, ибо онъ (Саблуковъ) писалъ, что подрядчикъ имѣлъ въ прежніе годы подрядовъ на 900 т. р., и вѣроятно имѣлъ отъ нихъ хорошій барышъ» [2]).

---

[1]) Такъ понималъ Мордвиновъ значеніе государственнаго совѣта въ смыслѣ рѣчи, сказанной императоромъ Александромъ въ день открытія совѣта (Русская Старина, 1872 г., мартъ, 472—474), и на основаніи манифеста объ образованіи государственнаго совѣта. Полн. собр. законовъ, № 24,064. Съ этимъ взглядомъ мы не разъ будемъ встрѣчаться далѣе.

[2]) Чтен. Моск. Общ. исторіи, 1859, IV, смѣсь, 96. Какъ въ этомъ

Ясно, что взглядъ Саблукова основывался на чисто патріархальномъ представленіи казенныхъ и частныхъ интересовъ, съ которыми не могъ согласиться Мордвиновъ, имѣвшій другія понятія о порядкахъ благоустроенныхъ государствъ. Поэтому, въ интересахъ огражденія частныхъ правъ на случай тяжебъ съ казною, онъ считалъ необходимымъ устройство третейскихъ судовъ. Съ этою цѣлью, въ мартѣ 1812 года, онъ начерталъ «примѣрныя правила для третейскихъ судовъ по спорамъ между казною и частными людьми» [1]). какъ самъ говоритъ, «для возстановленія казеннаго, упадшаго тогда, кредита», и, по его же настоянію, внесена была въ манифестъ статья «о предполагаемомъ учрежденіи такого, между казною и поставщиками, третейскаго суда». Третейскіе суды предполагалось устроить при сенатѣ и присутственныхъ мѣстахъ. Если же съ казны слѣдовало получить вознагражденіе, то дѣло переходило въ департаментъ экономіи. Третейскіе судьи избирались въ присутственномъ мѣстѣ двумя третями голосовъ, но отъ выборовъ устранялись родственники и лица, близкія къ истцу. Отъ выбора же (къ которому допускались и духовныя лица) никто не могъ отказаться. Въ случаѣ разногласія, произшедшаго въ третейскомъ судѣ, дѣло переходило въ верховный третейскій судъ, на который уже не могло быть апелляціи. По присужденіи къ штрафу казны—она платила немедленно [2]).

Въ числѣ финансовыхъ мѣръ, предложенныхъ Сперанскимъ для улучшенія русской финансовой системы, важное мѣсто занимали тарифъ и торговое положеніе 1810 года, ко-

---

мнѣніи, такъ и вообще въ своихъ мнѣніяхъ по финансовымъ вопросамъ, подъ «правительствомъ» Мордвиновъ обыкновенно разумѣетъ казну и казенное управленіе.

[1]) Рукоп. мнѣніе во II томѣ.

[2]) Мордвиновъ предполагалъ измѣнить и систему торговъ на казенныя поставки. Вмѣсто назначенія трехъ сроковъ для заключенія контракта, онъ совѣтовалъ ввести публикацію условій, послѣ чего дѣло должно было рѣшаться посредствомъ закрытыхъ конвертовъ. (Мнѣніе 1811 года, въ I т. рук. собр.)

торые одни не вызвали нареканій на него со стороны современниковъ. «Открывъ снова сѣверные порты для колоніальныхъ товаровъ; давъ истокъ нашимъ произведеніямъ; наконецъ, поразивъ запрещеніемъ лишь одни предметы высшей роскоши, отъ которыхъ многіе у насъ, при общей уже тогда ненависти ко всему французскому, и сами охотно отказывались,—положеніе 1810 года явилось въ то время мѣрою популярною», замѣчаетъ гр. Корфъ [1]). Въ глазахъ русскихъ—это было первое заявленіе независимости со стороны правительства относительно Наполеона, послужившее потомъ однимъ изъ предлоговъ къ войнѣ. Онъ увидѣлъ въ этомъ актѣ нарушеніе союза, расположеніе къ Англіи и подрывъ французской торговли. Его не могли успокоить, а между тѣмъ болѣе 200 англійскихъ судовъ, подъ тенерифскимъ флагомъ, вошли въ русскіе порты, и на первыхъ же порахъ оказали вліяніе на умноженіе капиталовъ, посредствомъ вывоза изъ Россіи значительнаго количества сырыхъ произведеній. Государственный канцлеръ, графъ Румянцовъ, благосклонный къ Наполеону, совѣтовалъ было конфисковать десятка два изъ этихъ судовъ, чтобы прекратить допущенное нарушеніе прежнихъ условій съ Наполеономъ. Но его настоянія вызвали возраженія со стороны Мордвинова и другихъ лицъ. Мнѣніе Мордвинова, въ отношеніи къ современнымъ событіямъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Выходя изъ вопроса о конфискаціи, онъ касается въ немъ значенія континентальной системы для Россіи, и оцѣниваетъ ее въ двухъ отношеніяхъ—политическомъ и экономическомъ [2])

«Предложеніе конфискованія приходящихъ въ порты наши нейтральныхъ судовъ, писалъ онъ, подвигло меня изъяснить

---

[1]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I. 232. -- Мордвиновъ совѣтовалъ даже учредить правильный надзоръ за иностранными магазинами, которые вели тогда контрабанду означенными предметами. См. Мнѣніе о прекращеніи контрабанды, отъ 10 дек. 1810 г., въ рукоп. собр. мнѣній, т. I.

[2]) Чтен. Моск. Общ. ист., 1860, II. 228—234.

дальнѣйшія понятія мои о вредѣ, который отъ употребленія этой мѣры неизбѣженъ для Россіи.

«Всякая конфискація, производимая нами въ настоящее время, есть дѣйствительное признаніе своей слабости. Ни въ какое время не долженствовало бы оказывать себя слабымъ ни врагу, ни пріятелю; ибо такое дѣйствіе, съ одной стороны, ослабляетъ всеобщее довѣріе, благопріятство и уваженіе постороннихъ державъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ отчуждаетъ вспомогательныя силы, а съ другой, очевидно, способствуетъ къ возрастанію надменности и дерзости въ сердцахъ, умышляющихъ въ тайнѣ гибель нашу. Конфискація одного судна въ нынѣшнемъ году есть вреднѣе, нежели ста судовъ въ минувшемъ. Въ прошедшихъ годахъ мы могли извинняемы быть политическими причинами; а продолженіе той же самой мѣры въ настоящемъ справедливо подвергаетъ насъ всеобщему негодованію, пренебреженію и истребленію всякой надежды на постороннее участіе въ помощи.

«*Сила и безопасность царствъ состоятъ не столько въ вещественныхъ, сколько въ нравственныхъ опорахъ, и можно сказать, что великія имперіи никогда не погибали ни отъ мечей, ни отъ ядеръ; сокрушались же онѣ худыми началами, принимаемыми къ ихъ управленію,* лжеумствованіями и коварными совѣтами министровъ. Коль скоро таковыя начала воздѣйствуютъ на потрясеніе государственнаго кредита и первыхъ основаній правосудія, то неминуемо возраждаютъ пагубное недовѣріе въ сердцахъ всѣхъ состояній народныхъ; а тогда само по себѣ должно уже разрушиться все, чѣмъ только управляются, возвышаются и утверждаются имперіи...

«Если Россія помышляетъ о сохраненіи своего благосостоянія и подобающаго ей во владычествахъ земныхъ преимущества, то прежде всего надлежало бы ей рѣшительно отринуть и навсегда остановить ту пагубную мѣру, которая не могла не возродить самаго невыгоднаго въ разсужденіи ея впечатлѣнія въ разныхъ внѣшнихъ народахъ. Надлежало бы разъ навсегда откло-

нить всѣ, случающіяся у насъ, превратныя умствованія, *представленія мнимыхъ страховъ и опасностей*, и всѣ вообще ухищренныя, ни съ прямымъ существомъ истины, ни съ высокими добродѣтелями престола несовмѣстныя сужденія и совѣты. Надлежало бы точнымъ и постояннымъ соблюденіемъ народныхъ правъ и несовратимымъ шествіемъ по началамъ строгой справедливости, постараться утвердить въ мысляхъ всѣхъ, какъ внутреннихъ, такъ и постороннихъ народовъ, то вожделѣннѣйшее понятіе, что «*жезлъ царствія есть жезлъ правости*».

«Хотя, по стеченію обстоятельствъ, и заставлена Россія принять участіе въ континентальной системѣ, но согласіе ея на это участіе не могло быть иное, какъ только условное и имѣющее въ виду единственный вредъ Англіи, для усмиренія владычества ея на моряхъ. Обстоятельства наши не могли тогда быть иныя, какъ только временныя, и предѣлъ ихъ не долженъ простираться далѣе достиженія ослабленія Англіи. Но когда опытъ доказалъ, что совсѣмъ противное тому сбылось, и что весь вредъ, вмѣсто Англіи, обратился на самую Россію, то естественно слѣдуетъ, что съ обращеніемъ цѣли и сущность обязательствъ сама по себѣ уничтожается.

«Извѣстно, что, по введеніи континентальной системы, кругъ англійской торговли столь обширно распространился, что на другой затѣмъ годъ вывозъ внутреннихъ произведеній ея 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ пріумножился; равно и торговля чужестранными товарами отъ 25 до 35 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ возрасла. Государственныхъ долговъ, по генварь мѣсяцъ нынѣшняго года, заплачено свыше 200 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что, по нашему бѣдственному курсу, не менѣе какъ четыре тысячи милліоновъ рублей составляетъ.

«Самый опытъ послужилъ къ нашему удостовѣренію, что невозможно привесть въ зависимость такого народа, который преисполненъ и любовью къ отечеству, и обладаетъ

обширными капиталами, и имѣетъ глубокое свѣдѣніе о разныхъ хозяйственныхъ и художественныхъ предметахъ, и довелъ земледѣліе до совершенства, и имѣетъ множество рукъ для произведенія съ превосходнымъ искусствомъ всего, что бы ни пожелалъ.

«Если Англія и покупала прежде у насъ многіе товары, то это случалось потому только, что сама незанималась произращеніемъ оныхъ и находила за выгоднѣйшее для себя обмѣнивать избытки нѣкоторыхъ своихъ издѣлій на наши произведенія. Но когда мы заставили ее отыскивать въ нѣдрахъ своихъ желѣзо, включить въ число посѣвовъ своихъ и коноплю, обращать болотныя и низменныя мѣста подъ ленъ, заводить парусныя фабрики, и проч., тогда нельзя полагать уже надежды, чтобы она и на будущее время стала продолжать по прежнему заимствоваться отъ насъ этими веществами. Не говоря уже о возникшемъ у нихъ послѣ перваго разрыва съ нами великомъ числѣ желѣзныхъ заводовъ чрезъ самое короткое время, извѣстно, что Ирландія производитъ теперь все то количество, которое прежде выходило изъ Россіи, и что изъ 22 милліоакровъ пустопорожней у нихъ земли, отдѣлено подъ пеньку самой выгодной 125 милліоновъ участковъ, столь ни ограниченной, но достаточной для произращенія ея на столько, чтобы замѣнить весь вывозъ ея изъ Россіи. Не можетъ же быть при томъ никакого сомнѣнія, чтобы народу, изобилующему и въ капиталахъ, и въ знаніяхъ, и въ способныхъ производителяхъ работъ, не обходились вещи въ цѣнахъ гораздо сходнѣе противъ народовъ, лишенныхъ такихъ удобствъ.

«Въ виду такого домашняго изобилія во всемъ, искусства и удобства, купцы главнѣйшихъ городовъ Англіи, торговавшіе прежде съ Россіею, и настаивали, какъ извѣстно, у своего министерства о прекращеніи впредь всякихъ съ нами торговыхъ сношеній.

«Справедливость требуетъ признать, что учредитель континентальной системы долженъ имѣть весьма проницательное

предусмотрѣніе; ибо онъ, конечно, предвидѣлъ все, что въ будущіе годы совершиться должно. Онъ, безъ сомнѣнія, напередъ зналъ, что водвореніемъ этой системы англичапамъ доставлено будетъ преобладаніе всѣми морями и нераздѣльное надъ тремя частями свѣта владычество; но такая жертва ему нужна была, чтобы достичь ему владычества надъ всею Европою.

«А такъ какъ въ достиженіи столь лестной для него цѣли противустоятъ ему важныя затрудненія со стороны Россіи, пространство которой, непроходимость лѣсныхъ мѣстъ, дикость степей, а болѣе всего мужественный духъ народа, при всей его воинственности и предпріимчивости, жестоко смущаютъ мысли его, то для предварительнаго разслабленія державы этой во внутреннихъ силахъ ея, и, конечно, разрушенія всѣхъ, имѣвшихся у нея связей съ сосѣдними и другими державами, и придумалъ онъ, силою ума своего, континентальную систему. Въ установленіи системы этой онъ поставляетъ безпрестанно Англію; но только для одного наружнаго призрака; въ тайныхъ же мысляхъ его, Англія не что иное значитъ, какъ Россія...

«Первѣйшій шагъ къ воспрещенію ему въ достиженіи своей цѣли, казалось бы состоять долженъ въ томъ, чтобы уничтожить всѣ стѣсненія судамъ, приходящимъ въ наши порты, и чтобы въ дѣлахъ правительства слово «конфискацію», кромѣ случаевъ о запрещенныхъ тарифомъ товарахъ, сдѣлать впредь неумѣстнымъ и неупотребительнымъ; при томъ же, чтобы приняты были найтщательнѣйшія мѣры къ укрѣпленію внутреннихъ силъ нашихъ, къ заключенію мира съ турками и персіанами, и къ возстановленію всѣхъ прежнихъ союзовъ. Россія, тщательно удерживая приличное ей въ европейскихъ державахъ преимущество, можетъ единовременно находиться въ мирѣ и съ Франціею, и съ Англіею. Степень величія и могущества ея есть совсѣмъ отличная отъ прочихъ государствъ. Но удерживаемый донынѣ ею образъ поступковъ и поведенія, причиняя ей и во внутреннихъ си-

лахъ, и во внѣшнихъ отношеніяхъ ощутительное разслабленіе, тѣмъ самымъ споспѣшествуетъ къ постепенному совершенію враждебныхъ противъ нея замысловъ. И, слѣдовательно, вмѣсто удаленія, приближаетъ еще открытіе непріязненныхъ на предѣлы ея покушеній. Противныя же тому мѣры могли бы дѣйствительно не только поколебать всѣ планы и предположенія, ко вреду нашему клонящіеся, но и положить совершенную преграду къ начатію противъ насъ военныхъ дѣйствій» [1]).

Это мнѣніе было отправлено Мордвиновымъ, при особомъ письмѣ, къ государю 25 сентября 1811 года, и имѣло полный успѣхъ, найдя поддержку въ душахъ сторонникахъ нейтралитета, съ которыми согласился императоръ. Но даже такой противникъ системы Сперанскаго, какъ баронъ Розенкампфъ, сознается, что положеніе 1810 года составило новую эру въ движеніи русской промышленности, и что съ этого собственно времени должно полагать истинное начало у насъ мануфактуръ и фабрикъ [2]).

Вопросъ о развитіи промышленности въ Россіи Мордвиновъ принималъ весьма близко къ сердцу.

Такъ, 16 декабря 1810 года, онъ поднесъ государю мнѣніе объ образованіи изъ остатковъ отъ расходовъ и опредѣленной части капитала, назначаемаго для погашенія долговъ, особаго капитала, для вознагражденія за трудъ, по плану трудопоощрительнаго банка 1802 года. Уже въ 1811 году у него созрѣлъ планъ устройства частныхъ по городамъ банковъ, который онъ нѣсколько разъ обработывалъ, а потому мы скажемъ о немъ въ своемъ мѣстѣ [3]). По поводу объявленнаго 12 декабря 1810 г. манифеста (№ 24,464)

---

[1]) Въ дополнительныхъ статьяхъ къ этому мнѣнію, Мордвиновъ указываетъ еще на произволъ «нейтральной коммиссіи» при конфискаціи, на подрывъ довѣрія къ правительству вслѣдствіе этого и на ущербъ, происходящій отъ того для финансовой системы Россіи вообще. Рукоп. собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. II.

[2]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 233.

[3]) Рукоп. собр. мнѣн. Н. С. Мордвинова, т. I.

объ устройствѣ частныхъ фабрикъ, съ цѣлью уменьшенія ввоза иностранныхъ товаровъ, Мордвиновъ снова хлопоталъ (въ мартѣ 1811) о составленіи капитала для пособія частнымъ лицамъ, желающимъ содѣйствовать распространенію разныхъ рукодѣлій въ Россіи, и особаго капитала для устройства фабрикъ, чтобы избавить русскихъ предпринимателей отъ зависимости отъ иностранныхъ промышленниковъ. Необходимость такихъ ссудъ онъ подтверждалъ тѣмъ, что вообще трудно было тогда достать въ частныхъ рукахъ капиталъ менѣе, чѣмъ за $1^1/_2$ — $2^0/_0$ въ мѣсяцъ. Военный капиталъ, по его мнѣнію, также могъ бы служить пособіемъ въ такихъ случаяхъ [1]).

Защита частныхъ интересовъ и возможно полнаго развитія ихъ, съ цѣлью общественной пользы, составляетъ отличительную черту мнѣній Мордвинова, касающихся народной дѣятельности. Когда въ 1810 году, вслѣдствіе войны съ Турціей, было объявлено запрещеніе на выпускъ хлѣба изъ черноморскихъ портовъ, то Мордвиновъ открыто возсталъ противъ такой мѣры, какъ вредной для Россіи, особенно въ такомъ финансовомъ положеніи, въ какомъ она находилась въ то время. Безуспѣшность въ достиженіи той цѣли, какая имѣлась въ виду этимъ распоряженіемъ, онъ доказываетъ примѣромъ Наполеона относительно Англіи. И запрещеніе русскаго правительства снабжать хлѣбомъ Турцію вредитъ только самой Россіи: «Отнимать у народа способы къ выгодной продажѣ произведеній своихъ есть тоже, что лишать оный доходовъ его; лишая же доходовъ, умножать между тѣмъ число податей и взыскивать съ него бездоимочно налоги, была бы явная жестокость, было бы дѣяніе, несообразное тѣмъ благо-

[1]) 27 января 1811 г. состоялось заключеніе на опредѣленіе комитета по мануфактурной части, объ образованіи вспомогательнаго капитала, для развитія промышленности,—изъ 114,248 р., остававшихся въ банкѣ вслѣдствіе прежнихъ назначеній на эту статью, съ присоединеніемъ къ нимъ суммъ, опредѣленныхъ для пособія городамъ (П. С. З., XXXI; № 24,501). Но Мордвиновъ мечталъ о болѣе широкомъ планѣ.

сердным правиламъ Вашего Величества, о которыхъ я столь высокое имѣю понятіе», писалъ онъ государю. «Устранивъ же это умноженіемъ частныхъ доходовъ, Вы привьете, заключаетъ онъ, въ сердца подданныхъ отраду и въ высокой степени подкрѣпите ослабшую довѣренность къ правительству».—Наконецъ, въ декабрѣ 1811 года, онъ представилъ подробный планъ, въ которомъ излагаетъ главныя основанія, необходимыя для улучшенія и русскихъ финансовъ, и промышленнаго состоянія Россіи. Эти основанія слѣдующія: 1) расширеніе внѣшней торговли; 2) просвѣщеніе; 3) устройство каналовъ; 4) заведеніе земскихъ дорогъ (по образцу Финляндіи); 5) огражденіе поселянъ отъ произвольныхъ поборовъ, работы, и т. д.; 6) развитіе народнаго труда; 7) улучшеніе суда; 8) сокращеніе роскоши; 9) распространеніе машинъ; 10) сокращеніе расходовъ на войско, причемъ Мордвиновъ особенно указываетъ на дорогую кавалерію [1]).

Програма желаній Мордвинова относительно экономическаго переустройства Россіи впослѣдствіи получила еще болѣе широкіе размѣры; но вопросъ о военной части уже въ это время сложился у него вполнѣ. Убѣдившись въ напрасныхъ требованіяхъ сокращенія войска, Мордвиновъ представилъ государю записку (10 іюня 1810), въ которой, въ финансовыхъ интересахъ, совѣтовалъ отвести во всѣхъ губерніяхъ земли для обработки ихъ солдатами, полагая на 1000 человѣкъ по 2000 десятинъ, а въ полковой составъ по 50 пахарей. Въ мнѣніи же «о комплектованіи арміи и флота» (январь 1811) онъ заявляетъ, что настоящій способъ комплектованія тягостенъ для народа и безполезенъ для государства. Тягость военной службы и ея безсрочность ужасаютъ народъ, и потому всякій стараетя избѣжать ея: состоятельные нанимаютъ за себя другихъ, а бѣдные—калѣчатъ себя. Слишкомъ строгія требованія физическихъ достоинствъ отъ рекрута служатъ главною причиною измель-

[1]) Собр. рукоп. мнѣній Мордвинова, тт. I, II, и VII.

чанія крестьянскаго сословія (такъ, напр., ростъ въ $6^1/_2$ вершковъ—уже рѣдкость). Отчаяніе же, при одной мысли о предстоящей службѣ, пораждаетъ болѣзни и слабость силъ. Такъ, полки, сформированные въ 1807 г., потеряли за одинъ годъ $^2/_3$ своего состава. Въ виду всего сказаннаго, Мордвиновъ предлагаатъ слѣдующія преобразованія по набору войскъ: 1) по возможности сократить срокъ службы (въ дѣйствующихъ войскахъ достаточно 8 лѣтъ и 4 года въ резервныхъ; для флота—16 лѣтъ); 2) прослужившихъ опредѣленный срокъ возвращать на прежнія мѣста жительства; 3) раненныхъ и искалѣченныхъ назначать на инвалидное содержаніе; 4) разборъ недостатковъ при пріемѣ дѣлать членамъ отъ дворянства съ военными чиновниками; 5) изъ набора исключать старшихъ сыновей и хозяевъ, а потому составить новые списки и воспретить дѣлежъ участковъ въ селеніяхъ; 6) въ дворовые не брать лучшихъ, а въ солдаты брать и купцовъ 3-й гильдіи; 7) евреевъ помѣщать въ нестроевыя части; 8) составить списки рекрутъ въ порядкѣ лѣтъ, отъ 22 до 32, для постепеннаго пополненія военныхъ частей, а старыхъ воиновъ замѣнить теперь же; 9) дѣтей солдатъ обратить въ прежнее состояніе. Въ заключеніи Мордвинова объ этомъ мнѣніи сказано, что 17 января 1811 г. оно было поднесено государю, и затѣмъ разсматривалось въ особомъ комитетѣ изъ предсѣдателей совѣта (т. е. отъ департаментовъ) и было одобрено; но какъ и многимъ тогдашнимъ проектамъ, получившимъ даже высшую санкцію, ему не удалось оправдаться на дѣлѣ.

Въ дополнительныхъ статьяхъ къ этому мнѣнію, у Мордвинова высказано еще желаніе, чтобы войска составлялись изъ мѣстныхъ рекрутъ и облегчены были отпуски для солдатъ, чтобы тѣмъ самымъ *поддержать въ войскахъ нравственный духъ землячества*. А когда военный министръ предложилъ навербовать 25,000 солдатъ въ Молдавіи, Валахіи и губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, то Мордвиновъ, съ своей стороны, поспѣшилъ заявить, что,

вслѣдствіе этой мѣры, открывается для казны возможность пріобрѣсть 70 мил. руб. за выкупъ отъ рекрутства, которые онъ совѣтовалъ употребить на возстановленіе курса (мнѣніе отправленное въ октябрѣ 1811 г. къ государственному секретарю [1]).

Конечно, всѣ эти предложенія могли имѣть мѣсто лишь тогда, когда страна не имѣла бы въ виду военныхъ предпріятій. Но, вплоть до 1812 г., Россія вела рядъ войнъ съ Франціей, Турціей, Швеціей и Персіей, а потому интересно обратить вниманіе, какъ смотрѣлъ Мордвиновъ на осуществленіе своихъ проектовъ при столь неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ страны. Въ самый разгаръ турецкой войны, Мордвиновъ представилъ государю письмо о необходимости ускорить миръ съ турками [2]), мотивируя его какъ неизбѣжными, въ противномъ случаѣ, затрудненіями въ будущемъ, такъ и другими политическими соображеніями.

«Благосостояніе имперіи Россійской, писалъ онъ государю, — единый предметъ, достойный отеческаго попеченія государя императора, не требуетъ пріобрѣтенія Молдавіи и Валахіи. Не завоеваніе новыхъ земель, но сохраненіе въ цѣлости древняго достоянія можетъ только доставить истинную славу и хвалу вѣковъ обладателю половины двухъ частей міра, и питать къ нему любовь и благоговѣніе народное.

«Пространство имперіи Россійской столь уже обширно, что самое то расширеніе сдѣлаетъ ее слабою противъ ополченія соединенныхъ силъ Европы.

«Присоединеніе Молдавіи и Валахіи, распространяя границу, сдѣлаетъ невозможнымъ охранять оную. Пріобрѣтеніе сихъ двухъ земель долженствуетъ, слѣдовательно, послужить только къ скорѣйшему паденію. Обладаніе же сими двумя землями будетъ только кратковременно; ибо, при возстановленіи всѣхъ державъ противъ Россіи, должно будетъ оныя упразднить. Тогда сдѣлаются онѣ добычею непріятеля и при-

[1]) Собр. рукоп. мнѣній Н. С. Мордвинова, тт. I и II.

[2]) Собр. мнѣній, т. I (отъ 25 августа 1810 года).

дадутъ новыя силы и способы ему дѣйствовать. Пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи возродитъ ненависть въ австрійскомъ дворѣ, разорветъ совершенно всякую связь съ онымъ и 300,000 усилитъ готовящихся напасть на Россію.

«Турецкая имперія, могущая быть союзницею Россіи, огорченная потерею двухъ пропитывающихъ ея провинцій, соединится съ непріятелями Россіи... Независимость Сербіи можетъ быть только полезною для Россіи.

«Происшедшее на дняхъ въ Швеціи, угрожающія другія перемѣны и быстрое паденіе ассигнацій, вопреки всѣмъ усиліямъ, до нынѣ сдѣланнымъ, ясно указываютъ опасное положеніе...

«Состояніе Россіи не зависитъ отъ внутреннихъ хозяйственныхъ мѣръ и совѣщаній въ нынѣ устроенномъ совѣтѣ. Зависитъ оно отъ благоразумія и провидѣнія управляющаго внѣшними политическими дѣлами. Опытъ 8 мѣсяцевъ доказалъ, что принимаемыя мѣры остаются недѣйствительными отъ внѣшняго преодолѣнія оныхъ».

Мордвиновъ принадлежалъ къ политикамъ мира; онъ желалъ, чтобы внѣшнія предпріятія не подавляли внутреннихъ интересовъ страны, которые могли быть забыты за первыми. Въ этомъ отношеніи весьма интересны—его мнѣніе о политическомъ равновѣсіи (1811) [1]) и другое письмо къ государю, въ которомъ онъ приводитъ параллель между внѣшними предпріятіями правительства и внутреннимъ состояніемъ страны [2]).

Для приведенія въ исполненіе плана политическаго равновѣсія, Мордвиновъ предлагаетъ устроить «союзъ мира и спокойствія». Въ виду постоянныхъ притязаній Франціи, онъ долженъ озаботиться образованіемъ общей коалиціи, изъ

---

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. I.

[2]) Этого письма нѣтъ въ собр. мнѣній Мордвинова, хотя тамъ помѣщены вообще письма, имѣющія оффиціальное значеніе. Намъ оно извѣстно изъ бумагъ Колокольцова (по указанію Н. С. Стромилова), хотя и здѣсь оно безъ подписи; съ именемъ же Мордвинова оно напечатано въ Историч. Сборникѣ, I, 9—17.

которой исключаются государства, сопротивляющіяся союзу и потому подлежащія раздѣленію. Планъ же политической системы Европы состоитъ въ слѣдующемъ: Баварія присоединяется къ Австріи, Ганноверъ къ Англіи; герцогство Варшавское раздѣляется между Россіей и Пруссіей; Саксонія получаетъ часть Вестфаліи; Голландія и Швейцарія объявляются независимыми; ганзеатическіе города получаютъ прежнія права; Сербія становится королевствомъ, главою котораго объявляется Георгій Черный; Италія образуетъ одно государство, съ наименованіемъ королевства; Россія должна заключить миръ съ Турціей, принявъ границею р. Прутъ, а также прекратить войну съ Персіей; наконецъ, для Англіи открываются всѣ европейскіе порты.

Въ письмѣ къ импер. Александру I, Мордвиновъ является защитникомъ національной политики. Отстаивая преимущества мирнаго развитія страны, онъ особенно возражаетъ противъ продолжительнаго союза съ Наполеономъ, поставившаго Россію въ невыгодныя условія къ другимъ государствамъ, которыя то считаютъ себя обманутыми въ своихъ надеждахъ, то опасаются положиться на новый, возможный союзъ съ Россіей. Между тѣмъ, внѣшнія предпріятія совершенно отвлекли правительство отъ начатыхъ такъ рѣшительно внутреннихъ реформъ. Представивъ рядъ совершенныхъ преобразованій, Мордвиновъ переходитъ далѣе къ изображенію настоящаго положенія вещей въ отношеніяхъ: экономическомъ (состояніе финансовъ, упадокъ курса, застой въ торговлѣ), военномъ (большая потеря людей, обращеніе милиціи въ дѣйствующія войска, упадокъ флота) и гражданскомъ. Здѣсь онъ особенно останавливается на уклоненіи отъ первоначальнаго образованія министерствъ; но «опытъ показалъ, говоритъ онъ, сколь нужна *твердость въ государственныхъ постановленіяхъ*, и сколь опасны въ такихъ случаяхъ неполныя мѣры, которыя несогласіями, недостаткомъ соображеній и средствъ не соотвѣтствуютъ болѣе первому предмету». Наконецъ, признавая извѣстныя политическія отношенія уже

совершившимся фактомъ, Мордвиновъ предлагаетъ вполнѣ положиться на патріотическія чувства націи и заключаетъ такъ: «Вы ни отъ кого не должны ожидать хорошаго, какъ отъ истинно-русскихъ! Сблизьтесь съ Вашей націей; будьте сильны ея силою; мужественны ея мужествомъ; гордитесь ея славою, и признательное потомство причислитъ Васъ къ числу великихъ государей» [1]).

Между тѣмъ, дѣятельность Мордвинова по «внутреннимъ дѣламъ» не прекращалась.

Уже въ своемъ уставѣ трудопоощрительнаго банка онъ вмѣнялъ въ обязанность правленію банка содѣйствовать распространенію въ Россіи оспопрививанія, и отдавать, при выдачѣ ссудъ изъ банка, преимущество тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ оно введено, за что даже полагались награды. Въ октябрѣ (10) 1810 г., Мордвиновъ представилъ подробный планъ «о повсемѣстномъ употребленіи прививанія дѣтямъ оспы», сообщенный министру полиціи, и который состоялъ въ слѣдующемъ: 1) для правильной организаціи оспопрививанія, слѣдовало устроить по губернскимъ городамъ и уѣздамъ специальные комитеты изъ представителей администраціи, духовенства и членовъ врачебной управы; 2) составить списки дѣтямъ до 5 лѣтъ, которымъ еще не была привита оспа, и снабдить селенія знающими оспопрививателями и матеріей, необходимой для оспопрививанія; 3) во всякомъ губернскомъ городѣ устроить заведеніе для приготовленія матеріи, и школу (на 30 мальчиковъ или дѣвочекъ) для приготовленія оспопрививателей, причемъ приходящіе должны пользоваться даровымъ оспопрививаніемъ; 4) селенія обязаны присылать въ города, для обученія на счетъ обществъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, по одному съ тысячи человѣкъ (такимъ образомъ, въ годъ можетъ обучиться 180 мальчиковъ); 5) обучившіеся, въ свою очередь, по возвращеніи въ уѣзды, обязываются обучить каждый еще двухъ мальчиковъ

[1]) При этомъ Мордвиновъ имѣетъ въ виду многочисленность иностранцевъ, служившихъ тогда въ Россіи.

(такимъ образомъ, въ 14 мѣсяцевъ было бы обучено 540 человѣкъ въ каждой губерніи); 6) дѣйствовать убѣжденіями противъ предразсудковъ относительно оспопрививанія, и, наконецъ, 7) ввести вѣдомости объ уменьшеніи смертности по полугодіямъ. Объ успѣхѣ этого дѣла министръ полиціи обязанъ былъ докладывать государю, а лицъ, заслуживающихъ поощренія, представлять къ наградѣ. Правительство же, съ своей стороны, должно было назначить трехлѣтній срокъ, втеченіи котораго оспопрививаніе должно быть введено повсемѣстно. Поэтому Мордвиновъ совѣтовалъ послать въ каждую губернію до 300 экземпляровъ правилъ объ оспопрививаніи, по 1000 рисунковъ и по нѣскольку сотъ аппаратовъ. Сумма, собранная за нихъ, предназначалась въ пользу оспопрививателей. По возможности, въ народѣ слѣдовало распространять наиболѣе простые инструменты, чтобы устранять боязнь самой операціи.

Относительно примѣненія этого проекта къ дѣлу, у Мордвинова сохранилась слѣдующая замѣтка: «Часть сего проекта принята была; но та, которая могла выполнить дѣйствительно благое намѣреніе сіе, упущена была, т. е. размноженіе по селамъ оспопрививальщиковъ, употребленіе ручныхъ орудій, вмѣсто ланцетовъ, и учрежденіе губернской прививальной больницы для содержанія всегда свѣжей матеріи».

Не менѣе заслуживаетъ вниманія въ отношеніи къ благоустройству и другой проектъ Мордвинова, поданный имъ 6 декабря 1810 г., «объ осушеніи болотныхъ мѣстъ». Чтобы облегчать пріобрѣтеніе рукъ для этой цѣли, онъ совѣтовалъ употребить въ дѣло войска, по найму, на счетъ землевладѣльцевъ, допуская разсрочку въ платежѣ. Самое же осушеніе болотъ онъ рекомендовалъ произвесть по системѣ Элькингтона [1]).

Нельзя не замѣтить всей обширности государственной дѣятельности Мордвинова за этотъ короткій періодъ. Вы-

---

[1]) Рук. собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. I.

званный къ новой дѣятельности, благодаря государственнымъ преобразованіямъ, начатымъ Сперанскимъ, онъ, можно сказать, служилъ необходимымъ и, по большей части, независимымъ дополненіемъ его дѣятельности, то поддерживая своимъ авторитетомъ и независимостью мнѣній значеніе основныхъ положеній реформы (особенно по части финансовъ), то обращая вниманіе на отдѣльныя, еще нетронутыя части ея, гдѣ онъ уже не имѣлъ соперника.

Но государственная реформа Сперанскаго далеко еще не была окончена. Въ созданіи государственнаго совѣта, финансовой отчетности, и т. п., только были заложены тѣ основы, на которыхъ предполагалось перестроить все зданіе государственнаго управленія. Такимъ образомъ, снова были подняты прежніе вопросы о сенатѣ и министерствахъ.

Въ своемъ планѣ министерствъ, Сперанскій указывалъ на необходимость *дѣйствительной отвѣтственности министровъ*, точнаго распредѣленія дѣлъ между министерствами и правильнаго устройства этого учрежденія. Его планъ былъ приведенъ въ исполненіе манифестомъ 25 іюля 1810 и 25 іюня 1811 года. Очередь стояла за реформою сената. Въ этомъ отношеніи Сперанскій высказался ясно, что смѣшеніе правительственной части въ сенатѣ съ судебною не можетъ быть терпимо болѣе, и потому предлагалъ раздѣлить сенатъ на правительственный (составленный изъ министровъ, ихъ товарищей и начальниковъ отдѣльныхъ управленій) и судебный, который долженъ состоять изъ сенаторовъ отъ короны и сенаторовъ по выбору отъ дворянства (имѣющій мѣстопребываніе въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани). Эти проекты подверглись сначала разсмотрѣнію особаго комитета (Завадовскій, Лопухинъ и Кочубей), а въ іюнѣ 1811 г. были внесены въ государственный совѣтъ, гдѣ разсмотрѣніе ихъ продолжалось до сентября [1]). Въ это же время Мордвиновъ снова представилъ (16 іюня 1811 г.) извѣстное уже намъ мнѣніе о сенатѣ, которое такъ близко подходило къ плану

[1]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, гл. 2.

Сперанскаго. И быть можетъ, что, при тогдашней близости Мордвинова къ послѣднему, оно имѣло нѣкоторое вліяніе на организацію сената, предложенную Сперанскимъ [1]).

Но въ государственномъ совѣтѣ учрежденіе Сперанскаго встрѣтило сильную оппозицію со стороны консервативной партіи. Сторонники ея указывали на силу времени, втеченіи котораго существовало такое важное учрежденіе, какъ сенатъ; на ослабленіе его въ случаѣ раздѣленія; на возможныя опущенія отъ удаленія судебныхъ отдѣловъ его изъ правительственнаго центра; наконецъ, на неизбѣжность бурнаго вліянія богатыхъ помѣщиковъ, при существованіи выборовъ, и отсюда вредныя послѣдствія для суда; на опасность предоставленія сенату окончательнаго рѣшенія тяжебъ, безъ права обжалованія государю; наконецъ были и такіе, которые въ выраженіи проекта: *«державная* власть» увидѣли ограниченіе *самодержавной* власти (въ числѣ возражателей были кн. А. Н. Голицынъ, сенаторъ П. А. Алексѣевъ и И. И. Дмитріевъ [2]). Хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій была извѣстная доля правды, но вообще ими руководили другія соображенія. Не смотря, однако, на видимую оппозицію, проектъ Сперанскаго прошелъ въ совѣтѣ и былъ утвержденъ государемъ [3]). Но необходимость подготовительныхъ работъ и средствъ, а наконецъ имѣвшаяся въ виду война заставили отложить самый проектъ до болѣе благопріятнаго времени, которое однако уже болѣе не наступало [4]).

---

[1]) Въ 1816 году Мордвиновъ снова заявлялъ о необходимости призывать въ департаменты сената и совѣта, а также въ общія собранія ихъ, областныхъ представителей на равнѣ съ дѣйствительными членами, недостатокъ чего, по его мнѣнію, «бываетъ причиною вредныхъ ошибокъ». Но тутъ же онъ прибавляетъ, что обширность имперіи требуетъ самодержавнаго правленія. (Собран. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI).

[2]) Записки Дмитріева, 192.

[3]) Дмитріевъ замѣчаетъ, что большинство составилось потому, что многіе руководились «домашними разсчетами». Записки, 192.

[4]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго. I, гл. 2.

Возвращаясь къ Мордвинову, намъ слѣдуетъ упомянуть, что въ тоже время, когда разсматривались въ государственномъ совѣтѣ проекты о новомъ управленіи, онъ представилъ отъ себя мнѣніе (3 іюля 1811 года), въ которомъ коснулся существенной стороны правительственной системы. Здѣсь онъ настаиваетъ «на необходимости строгой отчетности» и «ограниченія произвола и пристрастія начальствующихъ, какъ министровъ, такъ и другихъ»; онъ не удовлетворяется «огражденіемъ однихъ интересовъ частныхъ лицъ и спокойствія государства», но говоритъ о необходимости «обратить вниманіе на весь составъ имперіи», и именно «политическій строй государства»; онъ возражаетъ противъ таинственности въ иностранной политикѣ, заявляя при этомъ недостаточность въ такомъ вѣдомствѣ одного министра, а потому предлагаетъ избрать для веденія иностранныхъ дѣлъ трехъ или четырехъ лицъ. Мнѣніе это было представлено Мордвиновымъ, чрезъ государственнаго секретаря, государю [1]). Какъ замѣчанія Мордвинова о недостаткахъ управленія были вызваны предполагавшимися преобразованіями въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (а потому и служили собственно отвѣтомъ на предложеніе государя совѣту «относительно новаго образованія правительства»), такъ его замѣчанія относительно таинственности, въ которую стали облекаться тогда внѣшнія отношенія, были возраженіемъ на лишеніе совѣта возможности обсужденія тѣхъ политическихъ вопросовъ, которое предоставлялось ему по самому духу его устава.

Въ планъ преобразованій Сперанскаго входили также «губернское управленіе», «судебный порядокъ» и вообще «государственное устройство» [2]). Страдая излишнею регламентаціею, тѣмъ не менѣе, проектъ Сперанскаго заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ актъ, которымъ предполагалось вызвать русское общество на путь политическаго развитія по-

[1]) Рук. собр. мнѣній Мордвинова, т. II.

[2]) См. проектъ его у Тургенева, La Russie, I, и у Пыпина, 157—179.

-средствомъ самоуправленія, выборнаго начала и соотвѣтствующаго имъ законодательства. И этотъ проектъ былъ одобренъ государемъ, но не приведенъ въ исполненіе, такъ какъ и самая судьба его творца вскорѣ приняла другой оборотъ.

Еще въ февралѣ 1811 г., при отчетѣ государю, онъ выставлялъ ему на видъ свое трудное положеніе, вслѣдствіе столкновенія «съ людскими страстями», «а еще болѣе съ неразуміемъ», и просилъ уволить отъ обычныхъ занятій, предлагая остаться только при коммиссіи законовъ [1]). Но государь его удержалъ. Однако, уже въ августѣ 1811 г. министръ полиціи «получилъ тайное приказаніе примѣчать за поступками Сперанскаго» [2]). Въ это время Сперанскій потерялъ уже всякую вѣру въ осуществленіе своихъ плановъ. «Поѣздка (въ деревню) и паче воздержаніе *отъ излишнихъ затѣй по службѣ*, возвратили мнѣ почти все мое здоровье. «Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе *двинуть грубую толщу*, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно. *Пусть же она остается спокойна;* а я не буду терять моего здоровья въ тщетныхъ усиліяхъ. Вотъ вамъ краткое описаніе физическаго и политическаго моего бытія. Девизъ мой: *хоть трава не рости*» [3]).

При такомъ отношеніи къ дѣлу большинства, онъ положительно считалъ невозможнымъ идти далѣе по пути реформъ, и самъ же совѣтовалъ государю пріостановиться, съ тѣмъ чтобы дать созрѣть недостаткамъ старой системы.

«Изъ хода сего дѣла, писалъ онъ государю уже изъ Перми, всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностью. Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду упоминать о томъ, что въ нихъ было жестокаго и терзавшаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи,

[1]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 4.
[2]) Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 194.
[3]) Русскій Архивъ, 1870, 884.

большею частью, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, *и разумъ людей его составляющихъ не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго порядка вещей*, чтобы признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И, слѣдовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобы наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія. Между тѣмъ, мнѣнія въ пользу проекта были и многочисленны, и уважительны. Съ твердостью и чистотою намѣреній, Ваше Величество не рѣшались еще остановить исполненія. Двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы, *при такомъ расположеніи умовъ*, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, Ваше Величество отложить до времени.

«Дай Богъ, дай Богъ, Всемилостивѣйшій государь, чтобы время сіе настало! Проектъ можетъ быть перемѣненъ людьми, болѣе меня свѣдущими, но я твердо увѣренъ, что безъ сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства» [1]).

Сперанскій долженъ былъ сойти со сцены; но Мордвинову еще не разъ прійдется выступать на защиту тѣхъ началъ, которыя онъ проводилъ вмѣстѣ со Сперанскимъ.

---

[1]) Январь 1813 г. См. у гр. Корфа, I, 131; Пыпинъ, 195 — 196. Дружескія письма Сперанскаго къ Масальскому. Замѣчательно, что почти тѣми же словами говоритъ объ этомъ предметѣ гр. А. Р. Воронцовъ, въ письмѣ къ гр. Ростопчину (Русск. Архивъ, 1872, № XI).

ГЛАВА IV.

Въ образованіи государственнаго совѣта, въ преобразованіи сената, въ отвѣтственности министровъ [1]), въ отчетности управленія, въ требованіи экзамена отъ чиновниковъ, въ сокращеніи придворнаго штата [2]), въ новой финансовой системѣ—защитники стараго порядка увидѣли подрывъ самодержавію и умышленное возбужденіе неудовольствія въ обществѣ. Выразителемъ этихъ мнѣній былъ Карамзинъ, въ своей знаменитой «Запискѣ о древней и новой Россіи», читанной государемъ еще въ 1811 году. На сколько этотъ ультра-гражданскій голосъ имѣлъ успѣхъ у государя, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство. По свидѣтельству гр. Блудова, государь въ 1816 г., возложивъ на Карамзина анненскую ленту, далъ ему знать, что

---

[1]) Хотя она далеко не была совершенною, какъ это блестящимъ образомъ доказано въ запискѣ Трощинскаго о министерствахъ (Сборн. Рус. истор. общ., III, гл. IX), а онъ принадлежалъ къ защитникамъ прежняго коллегіальнаго управленія.

[2]) Со времени Екатерины II званія камергера и камеръ-юнкера, полученныя хотя бы и въ колыбели, давали уже прямо чины 4 и 5 классовъ. Такимъ образомъ, многія лица изъ знатныхъ фамилій, нигдѣ не учась и не служа, могли сразу занять высшія должности въ государствѣ. Указомъ 3 апрѣля 1809 г., рѣшеннымъ между государемъ и Сперанскимъ, эта привилегія была уничтожена: придворное званіе больше не давало чиновъ, а носившіе его должны были въ тоже время и служить.

награждаетъ его не столько за его исторію, сколько за его записку о древней и новой Россіи [1]). Съ другой стороны, нашлись люди, которые, указывая на тѣ же реформы, старались подѣйствовать на самолюбіе императора увѣреніями въ томъ, что Сперанскій думалъ ими создать свою славу, устранивъ въ этомъ дѣлѣ ближайшее участіе государя и во многомъ отступивъ отъ его желаній и программы [2]). Въ дѣйствительности, затруднительное состояніе страны въ экономическомъ отношеніи, и страхъ въ виду возможнаго банкротства давали обильную пищу негодованію на мнимаго виновника подобнаго состоянія. Мы видѣли, что нѣкоторые изъ дѣйствительныхъ мѣръ, предложенныхъ Сперанскимъ, не могли осуществиться, отчасти по недостатку хорошихъ исполнителей, отчасти вслѣдствіе отступленій отъ принятой программы. И хотя 1810 годъ далъ приращеніе доходовъ въ

---

[1]) Гротъ, Торжеств. собр. Акад. наукъ, 1866 г., 1 декабря, стр. 41.—Нерасположеніе Карамзина къ Сперанскому сохранилось надолго. Уже въ 1818 г. Сперанскій писалъ Столыпину: «Пусть Карамзинъ меня бранитъ, сколько угодно; а я хвалить его исторію не перестану. Разность между нами та, что онъ бранитъ меня незная, а я хвалю его съ основаніемъ. Исторія его есть монументъ, воздвигнутый въ честь нашему вѣку и словесности. (Русск. Арх., 1871 г., № III, 434). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ другомъ письмѣ къ тому же Столыпину (отъ 5 марта 1818 г.), Сперанскій, убѣждая его не приставать къ противникамъ исторіи Карамзина, на счетъ направленія послѣдней прибавляетъ: «*Есть точка зрѣнія*, съ коей можно *совсѣмъ иначе* и, можетъ быть, *справедливѣе смотрѣть на нашу исторію* и написать ее, но сей видъ должно предоставить *потомству* и будущимъ томамъ (Русск. Арх., 1869 г., 920). Сначала (1810) Карамзинъ было заискивалъ его покровительства; но, послѣ паденія, Сперанскій уже недовѣрялъ ему и избѣгалъ сближенія съ нимъ (См. письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 129, 305, 310, 313). Сила негодованія Карамзина на реформы Сперанскаго вполнѣ выразилась въ слѣдующихъ словахъ его Записки: «*Новости ведутъ къ новостямъ* и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола. Скажемъ-ли, повторимъ-ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его *къ государственнымъ преобразованіямъ*, которыя потрясаютъ основу имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною».

[2]) Погодинъ, Изслѣд. о Сперанскомъ, въ Русск. Арх., 1871 г., № VI.

100,000,000 р., но прежніе грѣхи и натянутое положеніе въ виду предстоящихъ расходовъ все-таки потребовали сохранить налоги 1810 г. и на 1811 годъ, за исключеніемъ сбора съ помѣщичьихъ доходовъ, отмѣна котораго уже показываетъ, какъ опасались неудовольствія въ случаѣ сохраненія его. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала новая народная перепись, увеличившая число платящихъ подушную подать и возвышеніе пошлины на соль. И не смотря на это, въ виду опасности 1812 г., дефицитъ послѣдняго доходилъ до 106,000,000 руб. Само собою разумѣется, что разстройство финансовой системы, произшедшее отъ слишкомъ глубокихъ и долго дѣйствовавшихъ причинъ, не могло быть исправлено двумя годами, и притомъ въ виду новыхъ громадныхъ пожертвованій. Но этого не хотѣли знать противники новой системы. Не разъ Сперанскій имѣлъ съ министромъ финансовъ, Гурьевымъ, горячія сцены въ государственномъ совѣтѣ. Чичаговъ же прямо указывалъ на неудачные результаты коммиссіи погашенія долговъ и возбужденіе негодованія въ народѣ. «*Отдаленныя внѣшнія причины*, заключаетъ онъ свое особое мнѣніе, хотя и могли имѣть *нѣкоторое* на это вліяніе, но довольно было и своихъ домашнихъ, чтобы произвести дѣйствія, раждавшіяся почти *за каждымъ новымъ постановленіемъ*». Между тѣмъ, обстоятельства были такого свойства, что и самъ Гурьевъ прибѣгнулъ наконецъ къ новымъ налогамъ (на вино, на контрактную бумагу, и др.), изъ коихъ нѣкоторые не согласился однако разрѣшить государственный совѣтъ [1]). Настоянія Гурьева остались тайной, а новые налоги снова возбудили негодованіе на систему Сперанскаго [2]). Прекрасное отраженіе всѣхъ

---

[1]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 211—219.

[2]) Гурьеву не нравилось постоянное вмѣшательство Сперанскаго въ финансовыя дѣла. Но послѣдній и здѣсь былъ почти распорядителемъ, даже въ частныхъ вопросахъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма его къ Гурьеву: «Г. председатель экономическаго департамента (т. е. Мордвиновъ) назначилъ завтра, въ пятницу, собраніе *о мѣдной монетѣ*. Если свѣдѣнія, предположенныя въ минувшемъ за-

нападеній на его дѣятельность представляетъ его письмо къ государю изъ Перми [1]).

Наконецъ масса подозрѣній, возбужденныхъ и въ общественномъ мнѣніи, и въ государѣ, привела къ извѣстному результату. «Сперанскій, говоритъ Нессельроде, былъ жертвою Балашова и Армфельда, воспользовавшихся общественнымъ мнѣніемъ, враждебнымъ къ реформамъ, возлагавшимся на Сперанскаго» [2]). Сперанскій былъ сосланъ (17 марта 1812 г.) сначала въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь, гдѣ пробылъ до августа 1814 года, когда ему разрѣшено было переселиться въ его имѣніе—Великополье, близь Новгорода. Это освобожденіе совпадаетъ со смертью Армфельда, послѣдовавшей 7 августа 1814 г. [3]) Замѣчательно также, что въ годъ паденія Сперанскаго Армфельдъ былъ возведенъ въ графское достоинство [4]).

сѣданіи, не могутъ быть доставлены, то собраніе сіе, мнѣ кажется, будетъ безполезно; посему я бы покорнѣйше просилъ увѣдомить меня, могутъ-ли они быть готовы, чтобы напраснымъ разглагольствіемъ не терять цѣлаго утра.

«Вчера получилъ я повелѣніе, предложить въ экономическомъ департаментѣ, не можно-ли въ новомъ налогѣ на вино допустить нѣкоторое изъятіе въ пользу Курляндіи и Финляндіи, по настоянію Сиверса, и въ пользу литовскихъ губерній, по настоянію гродненскаго маршала. Если завтра пожалуете въ собраніе, то и о семъ можно было бы побесѣдовать». (Въ память гр. Сперанскаго, Спб., 1872, стр. 457). Это письмо отнесено издателемъ сборника «Въ память гр. Сперанскаго», къ 1810 году, безъ означенія мѣсяца и числа. Пренія же о мѣдной монетѣ въ госуд. совѣтѣ шли въ январѣ 1812 г. (Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. II, и у насъ, выше).

[1]) Друж. письма Сперанскаго къ Масальскому. Спб., 1862 г., 32—52, и соч. Пыпина, Общ. движ. при Александрѣ I (въ приложеніяхъ).

[2]) Зап. Нессельроде въ Русск. Вѣстн., 1865 г., октябрь, стр. 548. Ср. Зап. Ростопчина, см. у гр. Корфа, Ж. гр. Спер., II, 10—11.

[3]) Дружескія письма Сперанскаго къ Масальскому, 52.

[4]) Причины означенной катастрофы еще не вполнѣ уяснены. Представивъ въ текстѣ, такъ сказать, историческіе мотивы ея, мы приводимъ здѣсь нѣсколько соображеній, касательно ея истинной стороны. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что, задолго до паденія Сперанскаго, онъ уже предвидѣлъ этотъ печальный исходъ. Изслѣдованіе Погодина о Сперанскомъ (Русск. Архивъ, 1871 г., 1097—1252),

Паденіе Сперанскаго дало поводъ высказаться противъ него даже тѣмъ, кто прежде стоялъ въ близкихъ отноше

написанное, главнымъ образомъ, на основаніи показаній де-Санглена, служившаго тогда у министра полиціи, Балашова, и посвященнаго въ самое дѣло государемъ, вполнѣ подтверждаетъ такую послѣдовательность въ развитіи этой печальной драмы. Балашовъ былъ орудіемъ собственно того настроенія, которое давно обнаружилось и искало только исхода. Онъ съумѣлъ примѣниться и къ обнаружившемуся колебанію государя, и къ желаніямъ придворной среды, обижавшейся вліяніемъ выскочки (котораго она величала даже не иначе, какъ: «ce misérable Speransky»), и къ мнѣнію извѣстнаго направленія, недоброжелательно смотрѣвшаго на его реформы. Какъ оказывается, Балашовъ нарочно вступилъ даже въ сношенія со Сперанскимъ, и затѣмъ выдалъ его, по своему усмотрѣнію. Слова, сказанныя будто бы Сперанскимъ о государѣ: «l'Empereur est trop faible pour régir et trop fort pour être régi», были переданы послѣднему и послужили чуть-ли не первою искрою для возбужденія въ немъ того личнаго неудовольствія, о которомъ мы сказали въ текстѣ. И. И. Дмитріеву (министръ юстиціи), при одномъ изъ докладовъ, государь жаловался, вскорѣ послѣ паденія Сперанскаго, что онъ, въ присутствіи близкихъ къ нему людей, опорочивалъ политическія мнѣнія правительства, ходъ внутреннихъ дѣлъ, и предсказывалъ паденіе имперіи (Взглядъ на мою жизнь, 195). Замѣчательно, что и въ письмѣ изъ Перми, Сперанскій, упоминая о трехъ причинахъ своего удаленія, выставленныхъ ему государемъ, указываетъ на одну съ подобнымъ же характеромъ: 1) финансовыя дѣла, которыми онъ старался разстроить государство, 2) приведеніе налогами въ ненависть правительство и 3) *отзывъ о правительствѣ*... И вотъ, уже въ февралѣ 1810 г., за чтеніемъ отчета, послѣ котораго Сперанскій просилъ объ увольненіи его отъ должности государственнаго секретаря, государь сказалъ де-Санглену: «Не пронюхалъ-ли онъ чего либо? Il a voulu à ce qu'il parait détourner mes conjectures. Впрочемъ, онъ правъ,—il a jété du sable sur ses écrits». Тогда же государь поручилъ де-Санглену разсмотрѣть, насколько Сперанскій держался въ своемъ планѣ о министерствахъ проекта Лагарпа и насколько отступилъ отъ него, и при чтеніи де-Санглена опять воскликнулъ: «Обрусилъ, запуталъ и испортилъ проектъ человѣка, котораго я сердечно почитаю.... *онъ измѣнникъ*». И далѣе: «Сперанскій вовлекъ меня въ глупость. *Зачѣмъ я согласился на государственный совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря. Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства*. Это глупо. *И въ планѣ Лагарпа того не было*». Наконецъ, въ то время, когда разрывъ съ Наполеономъ становился уже очевиднымъ, Сперанскій, познакомившійся съ нимъ еще въ Эрфуртѣ, продолжалъ настаивать на союзѣ съ нимъ и сильно былъ противъ войны (самое рѣшеніе которой онъ полагалъ

ніяхъ къ нему. Кочубей, нѣкогда защитникъ его финансовой системы, теперь написалъ особую записку противъ нея,

---

необходимымъ поручить особой Думѣ), а это конечно не могло не дѣйствовать возбудительно на государя. Самъ же Сперанскій, уже по возвращеніи изъ ссылки, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ о разговорѣ съ государемъ, и съ видимою радостью говоритъ, что отношенія его къ Лористону и Блюму забыты. Но онъ ошибся. Они никогда не были забыты, и Александръ I выставлялъ ихъ каждый разъ, когда нужно было назвать вину Сперанскаго, хотя самъ онъ въ нее не вѣрилъ (т. е. въ смыслѣ измѣны).

Между тѣмъ, въ это время консервативная партія выступила съ своими заявленіями. Карамзинъ, получившій доступъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, черезъ Ростопчина, уже въ мартѣ 1811 г., представилъ свою «Записку о древней и новой Россіи», а она, по справедливому замѣчанію Погодина, начиная съ эпиграфа («нѣсть льсти въ языцѣ моемъ») и кончая заключеніемъ, вся проникнута наставительнымъ тономъ, и явно метила туда, куда авторъ, будто бы, и не предполагалъ попасть. Правда, сначала государь принялъ ее неблагосклонно; но, при неудачахъ во многихъ предположеніяхъ по дѣламъ реформы и критическомъ положеніи Россіи въ финансовомъ отношеніи, «Записка» могла навести Александра на раздумье и привести къ другимъ заключеніямъ, чѣмъ прежде... Замѣчательно, что самъ Карамзинъ не могъ отыскать ее послѣ у государя (по кончинѣ его), и она вышла на свѣтъ изъ кабинета Аракчеева (по смерти графа, см. соч. Ковалевскаго, гр. Д. Н. Блудовъ, стр. 231—232). По показаніямъ де-Санглена выходитъ, что Балашовъ не самъ предпринялъ рѣшительный шагъ въ дѣлѣ удаленія Сперанскаго, а оно было сперва рѣшено государемъ, что подтверждается и извѣстіемъ Дмитріева о надзорѣ за Сперанскимъ еще въ августѣ 1811 года.

Де-Сангленъ не договорилъ вполнѣ о своихъ отношеніяхъ по дѣлу Сперанскаго, сославшись на завѣтъ молчанія. Въ памятныхъ же замѣткахъ В. Д. Давыдова встрѣчается слѣдующее извѣстіе. «Однажды государь, разговаривая съ гр. Закревскимъ, сказалъ ему. «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ отечества, но вина его относилась лично ко мнѣ». По возвращеніи его, государь даже не былъ доволенъ, если кто изъ близкихъ къ нему сходился со Сперанскимъ (Русск. Архивъ, 1871, 963—964). «Сличая отзывы де-Санглена, говоритъ Погодинъ, должно сдѣлать замѣчаніе, что у императора Александра была своя особенная система и въ образѣ дѣйствій, и въ выраженіи своихъ мыслей. Ему приходилось иногда говорить противъ собственныхъ убѣжденій, если онъ въ данную минуту считалъ это полезнымъ для своихъ цѣлей, и послѣ забывалъ о томъ. Онъ слѣдовалъ часто не движенію своего сердца, а рѣшенію своего ума, употреблялъ людей, какъ орудія, по ихъ способностямъ» (статья Пого-

въ которой развиваетъ мнѣніе, что система Сперанскаго отличалась вполнѣ теоретическою непримѣнимостью, а потому была неудачна [1]); въ тоже время онъ какъ-то странно относился и къ паденію Сперанскаго [2]). Впослѣдствіи (въ 30-хъ годахъ) и Розенкампфъ, работавшій у Сперанскаго по составленію законовъ и одно время прикидывавшійся ярымъ поклонникомъ Бентама [3]), написалъ записку о ходѣ финансоваго управленія въ Россіи, въ которой съ желчною ненавистью напалъ на всю систему Сперанскаго, съ видимою цѣлью очернить въ глазахъ потомства всѣ его дѣйствія [4]). Впрочемъ, нерасположеніе послѣдняго къ Сперанскому имѣло чисто личную причину. Онъ былъ недоволенъ назначеніемъ Сперанскаго въ коммиссію законовъ, въ которой Розенкампфъ думалъ быть единственнымъ распорядителемъ, какъ видно изъ его же записокъ [5]).

Но Мордвиновъ остался вѣренъ Сперанскому. Вслѣдъ за его паденіемъ, и онъ сталъ проситься объ увольненіи отъ службы [6]). «*Оба эти случая*, говоритъ Шишковъ, были нѣчто необычайное, наводившее нѣкій страхъ. Заключая изъ того о какихъ нибудь великихъ перемѣнахъ, я усѣлся дома, дабы не показать себя любопытствующимъ». Напрасно, од-

---

дина, с. 1180). Такъ, вскорѣ послѣ паденія Сперанскаго, онъ жалуется Дмитріеву, что его лишили правой руки; но даже передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, на предложеніе Карамзина о Сперанскомъ, заявляетъ, что ему нельзя довѣрять. Онъ негодуетъ на отступленія Сперанскаго отъ его плановъ; но еще рѣзче судитъ о политическомъ устройствѣ въ бесѣдахъ съ Карамзинымъ и madame Сталь; онъ жалуется герц. Веллингтону на окружающую среду, и въ тоже время удерживаетъ Аракчеева (см. у Погодина).

[1]) Гр. Корфъ, I, 231.

[2]) Письма Масальскаго къ Сперанскому, въ Дружескихъ письм., 15.

[3]) Русск. отношенія Бентама, Вѣстникъ Европы, 1869, февраль, 805.

[4]) Гр. Корфъ, I, 231 — 232.

[5]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 144—154.—Ему же приписываютъ и извѣстную записку, направленную противъ Сперанскаго и озаглавленную: «Mémoires de M. le baron *d'Armfeld*, écrit à l'occasion de la disgrâce de M Spergnsky en 1812 Ibid., II, 30—40.

[6]) Записки Шишкова, I, 119.

пако, опасался за себя Шишковъ: наступала война, и его разсужденіе о любви къ отечеству, недавно прочтенное государемъ, доставило ему званіе государственнаго секретаря [1]. Между тѣмъ, передъ отъѣздомъ государя изъ Петербурга, по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій, 3 апр. 1812 г. состоялся указъ о порядкѣ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ на время отсутствія государя, причемъ предсѣдателемъ всѣхъ департаментовъ былъ назначенъ князь Лопухинъ; а для ускоренія дѣлъ, требующихъ отпуска финансовъ, засѣданія департамента законовъ и департамента экономіи были соединены... Мордвиновъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Уже въ августѣ 1812 г. мы встрѣчаемъ семейство Мордвиновыхъ въ Пензѣ. «Наканунѣ Успеньева дня, говоритъ Вигель, пришли мнѣ сказать, что нѣкто Мордвиновъ желаетъ меня видѣть. Я одѣлся наскоро, чтобы къ нему выйти, и, взглянувъ на него, изумился: я не имѣлъ понятія о необыкновенной красотѣ, которую можетъ имѣть старость. Передо мною былъ человѣкъ не съ большимъ лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, одѣтый съ изысканною опрятностью, въ черномъ фракѣ, не новаго покроя, съ расчесанными на обѣ стороны распущенными бѣлыми волосами, съ чрезвычайною живостью во взорахъ, съ удивительною пріятностью въ голосѣ, что-то напоминающій собою вексвильдскаго священника; передо мною былъ прославившійся въ государствѣ, Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Пріѣхавъ наканунѣ вечеромъ въ Пензу, онъ съ семействомъ своимъ, состоящимъ изъ жены, трехъ молодыхъ дочерей и малолѣтняго сына, остановился въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ, въ нижней части города. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, находясь въ службѣ, намѣревался онъ провести у насъ всю зиму, и для того искалъ для себя удобную квартиру. Какъ лучшій домъ былъ занятъ полькою Рыщевской, ему указали на нашъ, который не великъ и не красивъ былъ, однакоже чрезвычайно помѣстителенъ; но мать моя, переѣхавъ изъ него, не хотѣла ни отдавать его въ наймы, ни сама возвращаться

[1] Записки Шишкова, I, 119—123.

въ него, а оставить его въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находился въ минуту кончины отца моего. Смущенный внезапнымъ появленіемъ Мордвинова, я не умѣлъ порядочно съ нимъ объясниться, и почтительно повелъ его показывать ему комнаты. Онъ остался доволенъ, какъ числомъ, такъ и расположеніемъ ихъ, и вдругъ спросилъ меня о цѣнѣ? Еще болѣе смѣшавшись, я запросилъ 1.500 р. въ годъ, сумму тогда необъятную въ провинціи, въ надеждѣ, что онъ начнетъ торговаться, и я могу отослать его къ настоящей владѣлицѣ дома. Но онъ этого не сдѣлалъ и въ мигъ согласился дать мнѣ требуемую сумму...

«Неожиданный пріѣздъ столь знаменитаго человѣка, каковъ Мордвиновъ, бывшаго морскаго министра, настоящаго предсѣдателя одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта, *въ другое время взволновалъ бы* весь нашъ губернскій городъ. *Тутъ этого не было*: спѣсь заставила губернатора оказать пріѣзжему *совершенное невниманіе*; чтобы не совсѣмъ показаться ему неучтивымъ, *поспѣшилъ онъ уѣхать на ярмарку въ Саранскъ... Всѣмъ извѣстны были связи Мордвинова съ Сперанскимъ, и онъ явно и громко порицалъ строгость, употребленную съ этимъ падшимъ временщикомъ*. Неизвѣстно, немилости ли къ нему двора, или его собственное неудовольствіе на правительство заставили его выѣхать изъ Петербурга. Такъ по крайней мѣрѣ казалось; *и это въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ внушеніями губернатора, удержало дворянъ отъ изъявленія знаковъ должнаго къ нему уваженія, отъ которыхъ, впрочемъ, и самъ онъ уклонялся*. За годъ передъ этимъ, разсчитывая на плодородіе Пензенской губерніи, купилъ онъ въ ней *тысячу душъ*; но имѣніе было малоземельное, и онъ никакого почти не получалъ съ него доходу: онъ хотѣлъ накупить земель въ саратовскихъ степяхъ, чтобы переселить туда половину крестьянъ, и, по словамъ его, вотъ была причина появленія его между нами .. По приглашенію Мордвинова, я иногда посѣщалъ ихъ. Су-

пруга его, Генріета Александровна, милая и почтенная дама, въ уединеніи своемъ (*ибо никто къ нимъ не ѣздилъ*[1]) всегда была мнѣ очень рада... Къ несчастью моему, осенью, маленькое семейное его общество умножилось прибытіемъ къ нему одного молодого ученаго, весьма почтеннаго, Гульянова, который впослѣдствіи сдѣлался такъ извѣстенъ соперничествомъ съ Шампольйономъ въ объясненіи гіероглифическихъ знаковъ. Онъ все разсуждалъ со мною о санскритскомъ языкѣ, котораго я даже названія до толѣ не слыхивалъ: не подозрѣвая, что онъ говоритъ со мною о прародителѣ нашего русскаго и всѣхъ славянскихъ языковъ, мнѣ казалось, что дѣло идетъ о священномъ писаніи, sancto scripto, и это недоразумѣніе, обнаруживая все невѣжество мое, совершенно погубило меня въ мнѣніи Мордвинова; я замѣтилъ это и совсѣмъ отсталъ отъ его дома»[2]).

Въ Пензѣ состоялась помолвка извѣстнаго уже намъ Аркадія Александровича Столыпина со второю дочерью Мордвинова, Вѣрой Николаевной. Служа оберъ-прокуроромъ въ одномъ изъ департаментовъ сената, онъ разошелся съ министромъ юстиціи, И. И. Дмитріевымъ, и вышелъ въ отставку, послѣ чего поселился въ своей пензенской деревнѣ[3]). Въ 1813 году онъ участвовалъ въ комитетѣ по формированію ратниковъ, и тутъ же возсталъ противъ злоупотребленій, существовавшихъ въ немъ, за что былъ ославленъ, какъ сторонникъ Сперанскаго, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, послѣ чего вынужденъ былъ оставить и это мѣсто.

[1]) И Мордвиновъ также нигдѣ не показывался, говоритъ Вигель, (Записки, IV, 55). Намъ сообщали, что эти извѣстія Вигеля вообще невѣрны: и губернаторъ, и другія лица бывали у Мордвинова. Но, быть можетъ, извѣстія Вигеля относятся лишь къ первому моменту появленія Мордвинова въ Пензѣ, которое въ связи съ указанными обстоятельствами могло произвести временное замѣшательство...

[2]) Вигель, IV, 41—43.

[3]) См. Записки Дмитріева, 199; Корфъ, Жизнь Сперанскаго, II, 283; Вигель, вѣроятно по забывчивости, говоритъ, что Столыпинъ служилъ въ московскомъ сенатѣ, гдѣ столкнулся съ главнокомандовавшимъ въ Москвѣ, фельдмаршаломъ Гудовичемъ, и весьма рѣзко высказался о немъ въ своемъ протестѣ, почему и былъ уволенъ отъ службы, за полгода до паденія Сперанскаго.

Будучи помолвленъ съ дочерью Мордвинова, онъ отправился въ деревню, гдѣ должна была состояться свадьба и куда переселилось затѣмъ семейство Мордвинова [1]). Лишь только узнали объ этомъ союзѣ въ городѣ, какъ уже порѣшили, даже въ домѣ губернатора, приписать его *«духу революціонной партіи Сперанскаго, не совсѣмъ еще подавленному.* «Сватовство, говоритъ Вигель, происходило въ нашемъ домѣ, занятомъ Мордвиновымъ, который, не смотря на извѣстную скупость, заплатилъ мнѣ за весь годъ, хотя прожилъ въ немъ не болѣе девяти мѣсяцевъ» [2]). Но о скупости Мордвинова напрасно разглагольствуетъ Вигель: мы увидимъ далѣе, какъ относился Мордвиновъ къ общественнымъ нуждамъ. Умѣренность же, при извѣстномъ образѣ жизни, составляла одну изъ похвальныхъ чертъ характера Мордвинова, въ особенности при страсти къ расточительности тогдашняго высшаго круга. Вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что Вигель относится враждебно къ людямъ, подобнымъ Сперанскому и Мордвинову.

Связь Столыпина и Мордвинова со Сперанскимъ дѣйствительно не прерывалась во все время опалы послѣдняго. Они вели между собою переписку, сообщались книгами, газетами, мнѣніями, а Столыпинъ еще въ Нижнемъ-Нов-

---

[1]) Старшая дочь Мордвинова, Наталья Николаевна, была за тайнымъ совѣтн. Александромъ Николаевичемъ Львовымъ. Зап. Шишкова, I, въ поправкахъ, II. Сынъ же его, Александръ, сталъ потомъ замѣчательнымъ русскимъ пейзажистомъ. Лучшіе изъ его видовъ: корабль въ туманѣ у берега Венеціи и два вида Большаго канала въ Венеціи (въ акад. худож. и эрмитажѣ). Онъ умеръ въ 1859 г.

[2]). Записки Вигеля, IV, 82 — 86. Замѣчательно, что въ 1814 году Мордвиновъ былъ обойденъ возведеніемъ въ чинъ 1-го класса кн. П. В. Лопухина (30 августа), стоявшаго ниже его по службѣ; на что жаловался онъ въ письмѣ къ импер. Николаю I, въ апрѣлѣ 1841 г., указывая при этомъ на рядъ невзгодъ, постигавшихъ его. Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII; Ср. Списокъ чиновъ 1-го класса Карабанова, Чтен. Моск. общ. ист., 1860 г., I, стр. 111. На неудовольствіе противъ Мордвинова намекаетъ и Бенгамъ въ своемъ письмѣ къ импер. Александру I, *отъ іюня 1815 года* Вѣстн. Европы 1869, апрѣль, 758.

городѣ (1812 г.) посѣтилъ Сперанскаго два раза [1]). Въ бытность послѣдняго въ Пензѣ и по возвращеніи его съ сибирскаго генералъ-губернаторства въ Петербургъ, дочь его не разъ гостила у Столыпиныхъ, жена котораго очень ее полюбила [2]).

Но и вдали отъ сцены дѣйствія Мордвиновъ не забывалъ интересовъ страны, заявляя о нихъ, не смотря на бурное время, съ тѣмъ же гражданскимъ мужествомъ. Разореніе Москвы французами побудило его, 24 февраля 1813 г., отправить письмо на имя государя «о пособіи разореннымъ въ Москвѣ» [3]). Въ немъ онъ совѣтуетъ, пользуясь сближеніемъ съ Англіей, сдѣлать у ней заемъ въ 20 мил. фунтовъ стерлинговъ, на 6%. Сумма эта, на русскія деньги, составитъ капиталъ въ 320 мил. рублей ассигн., часть изъ

---

[1]) Эти отношенія послужили матерьяломъ въ рукахъ извѣстной партіи, для обвиненія Сперанскаго въ новыхъ замыслахъ. 23 августа 1812 г., графъ Ростопчинъ писалъ государю изъ Москвы: «J'ai envoyé, Sire, au compte Tolstoy (нижегородскій губернаторъ) des avis *sur ce misérable Speransky*. Il fait agir Stolipine et Slobine (онъ былъ женатъ на родной сестрѣ жены Сперанскаго) dans les gouvernements de Penza et de Saratow. Et il est fortement question d'affaiblir le zèle par la crainte. Mais il faut y rémédier au plus vite et empêcher l'effet des desseins pernicieux que l'on trame contre Vous» (Жизнь гр. Сперанскаго, II, 66 – 67). Безъ этого возбудительнаго письма едва-ли возымѣлъ бы дѣйствіе и самый рапортъ нижегородскаго вице-губернатора (отъ 22 августа) о разговорѣ Сперанскаго съ архіереемъ на счетъ Наполеона, о которомъ Сперанскій отозвался, что онъ, при завоеваніи новыхъ областей, щадитъ святыню и покровительствуетъ духовенству (ibid., 56 – 57). Послѣ этого Сперанскій былъ отправленъ въ Пермь.

[2]) См. письмо Сперанскаго къ Столыпину и дочери, въ Русск. Архивѣ, 1868 г., стр. 1109, и 1869 г., стр. 1682, и Жизнь гр. Сперан., гр. Корфа, II, 54 – 56. По временамъ, впрочемъ, она тяготилась своими посѣщеніями; такъ, изъ Иркутска Сперанскій писалъ Столыпину, 18 сент. 1819. г (Русскій Арх. 1869 г., 1978 – 84): «Крайне сожалѣю, что Елисавета рѣдко бываетъ у Вѣры Николаевны, но сего сообразить невозможно. Продолжайте ее любить и не вините неволи, которая есть слѣдствіемъ моего положенія».

[3]) Собран. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

котораго (60 мил.) Мордвиновъ предлагалъ раздать нуждающимся жителямъ Москвы, съ разсрочкою платежа; другую часть (160 мил.) употребить на погашеніе ассигнацій, а изъ третьей, въ 100.000.000 рублей образовать военный капиталъ, который въ мирное время обратить въ трудопоощрительный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тутъ же указываетъ на промахи тогдашней финансовой системы, причемъ особенно возстаетъ противъ предложенія о мандатахъ. Наконецъ, ссылаясь на исторію всѣхъ народовъ, онъ говоритъ: «Тамъ познаютъ, что знающіе управлять спасаютъ, а шарлатаны погубляютъ; но есть время, въ кое и знающіе спасти не возмогутъ... Когда министръ финансовъ показываетъ въ отчетахъ своихъ за прошлый годъ по 3 рубля подушныхъ и $10^0/_0$ съ доходовъ, то обманываетъ и себя и правительство».

Въ Пензѣ Мордвиновъ пробылъ около девяти мѣсяцевъ [1], слѣдовательно до мая 1813 года, послѣ чего онъ отправился съ семействомъ въ имѣніе Столыпина; но въ томъ же году мы его встрѣчаемъ уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ снова хлопочетъ объ улучшеніи состоянія финансовъ въ Россіи.

Съ удаленіемъ двухъ защитниковъ строгаго сбереженія государственныхъ доходовъ и возстановленія нормальнаго курса, прежняя система финансовъ была нарушена въ своемъ основаніи. Два противника этой системы (Армфельдъ и Розенкампфъ) предложили было сдѣлать внутренній заемъ на $6^0/_0$, принимая въ казну: ассигнаціи, звонкую монету, металлы, бриліанты, хлѣбные запасы и надежныя бумаги. Но соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи отклонили эту мѣру, которая, по ихъ мнѣнію, могла произвести въ народѣ самое невыгодное впечатлѣніе [2]. Въ слѣдующемъ же году (1813) было выпущено за границу до 70 мил. руб. ассигнац. (изъ которыхъ было переведено обратно

---

[1]) Вигель, IV, 96.

[2]) Богдановичъ, Ист. Александра I, V, 137

въ Россію 20.000.000), отчего, не смотря на выгодныя обстоятельства тогдашней торговли въ Россіи и на субсидіи, полученныя отъ Англіи, наши ассигнаціи понизились съ 16 до 14 и даже до 12 пенсовъ (фунтъ стерлинговъ съ 15 р. ассигнац. поднялся до 20 руб.). А изъ письма Аракчеева къ Нессельроде видно, что опасались даже пониженія ассигнаціоннаго рубля до 10 к. сер. Результатомъ такого пониженія вещей были: дороговизна, недоимки и т. п. явленія. Тогда Гурьевъ предложилъ замѣнить всѣ ассигнаціи, оставшіяся за границею, процентными бумагами, а именно кредитными билетами въ 100—1.000 талеровъ, выкупая ихъ каждые полгода по 1/12 части звонкою монетою. Но это предложеніе не было одобрено государемъ, такъ какъ отъ него не ожидали счастливыхъ результатовъ [1]).

Мордвиновъ во все это время со вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ финансовыхъ операцій. Онъ былъ противникомъ и предложенія Розенкампфа съ Армфельдомъ, и новаго выпуска ассигнацій, и поземельныхъ облигацій. «Изъ всѣхъ разнородныхъ бумажныхъ монетъ нѣтъ вреднѣйшей, по послѣдствіямъ своимъ, какъ замѣна ассигнацій облигаціями на казенныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ обезпеченными, говоритъ онъ. Франція имѣла у себя такую монету, подъ названіемъ mandats territoriaux, которая существовала нѣсколько только мѣсяцевъ и причинила послѣдній смертельный ударъ ея финансамъ. Съ ними исчезли и цѣна монеты, и способъ исправленія ея. Правительство принуждено было объявить себя банкротомъ, и только воспользовались хитрые выдумщики поземельныхъ мандатовъ къ своему обогащенію, пріобрѣтя по упадшей ихъ цѣнѣ отъ 100 до 3% за малыя деньги великія казенныя имущества. Тѣ облигаціи, которыя предлагаемы были отъ извѣстнаго комитета [2]), подъ названіемъ *облигацій поземельныхъ*, не иное

[1]) Богдановичъ, Исторія Александра I, V, 137—143.

[2]) Вѣроятно Мордвиновъ говоритъ здѣсь о коммисіи, замѣнившей прежнюю коммисію погашенія долговъ, съ прибавленіемъ въ ней трехъ членовъ государственнаго совѣта, шести сенаторовъ и десяти

что было, какъ списокъ мандатовъ поземельныхъ, скрывающихъ всю тонкость выдумки подъ завѣсою перемѣны наименованія.

«Таковыхъ бумагъ предполагаемо было выпустить въ одинъ годъ на 1.000 милліоновъ рублей; налоги же, установленные въ 1812 году, уничтожить, а вмѣсто ихъ недостатки государственнаго дохода впредь дополнять облигаціями». Затѣмъ Мордвиновъ представляетъ примѣрную таблицу финансоваго положенія Россіи, если бы предложенная система была принята. По его разсчету «уже въ концѣ третьяго года, т. е. въ 1814 г., рубль облигаціонный приближался бы къ копѣйкѣ, а вѣроятнѣе упалъ бы и ниже; такъ какъ извѣстно, что государства, которыя имѣли несчастіе доходы свои основывать на выпускахъ бумажной монеты, принуждены бывали всегда выпускать ея въ концѣ года превосходнѣйшее количество, нежели какое было вычислено нужнымъ при началѣ года. Недостатокъ доходовъ увеличивался отъ самаго умноженія монеты; недостатокъ же въ суммахъ, для удовлетворенія расходовъ, принуждалъ еще въ теченіе года усиливать количество ея. Поэтому количество бумажной монеты всегда возрастало быстро и многочисленно и погубляло народы скоро и вѣрно.

«Между ассигнаціями и облигаціями поземельными надлежитъ замѣтить и ту разность, что при первыхъ, по мѣрѣ упадка ихъ, имѣнія возрастаютъ въ цѣнѣ, при послѣднихъ же тѣ имѣнія, на коихъ онѣ основаны, упадаютъ въ своемъ достоинствѣ, соразмѣрно упадку въ немъ и самыхъ облигацій. Изъ чего открывается, что, при искаженіи ассигнацій, искажается только монета, составляющая доходы государственные и частные, а все прочее пребываетъ въ своей существенной и относительной цѣнѣ; но, при искаженіи облигацій, обезпеченныхъ на имѣніяхъ, искажаются притомъ и самыя имѣнія, служащія залогомъ для нихъ.

членовъ по выбору отъ купечества городовъ Петербурга, Москвы и Риги. См. у Богдановича, V, 136—137.

«При послѣднемъ упадкѣ въ цѣнѣ облигацій, онѣ нашлись бы:

а) У изобрѣтателей ихъ, на сколько могли бы они захватить ихъ въ свои руки.

б) У разсчетливыхъ капиталистовъ, готовыхъ пріобрѣсть за безцѣнокъ огромныя казенныя имущества; но подборъ смежныхъ и лучшихъ десятинъ былъ бы для нихъ затруднителенъ. И

в) У разныхъ другихъ людей, по мѣрѣ ограниченія каждымъ дневныхъ и годовыхъ своихъ расходовъ; у многихъ остались бы онѣ совершенно для нихъ безполезными.

«Нѣкоторыя казенныя земли могли бы достаться случайно людямъ, содержащимъ ихъ въ оброкѣ. Такіе пріобрѣли бы ихъ въ собственность: за рѣдьку или кочанъ капусты, на нихъ возращенные; за корзину грибовъ, на нихъ собранную; за нѣсколько пудовъ сѣна, на нихъ скошеннаго; за возъ дровъ, на нихъ вырубленныхъ, и за прочее, тому подобное.

«Но всѣхъ богаче могли бы сдѣлаться предлагавшіе такія облигаціи и *требовавшія настоятельно порученія имъ выпуска этихъ бумагъ, помимо государственнаго совѣта*; ибо за 100.000 рублей пріобрѣли бы въ истекшемъ 1814 г. имѣній столько, что и за 10 мил. купить ихъ на ассигнаціи нельзя было бы; притомъ же могли бы прибрать въ свои руки самыя выгодныя земли.

«Еслибъ бумажная ходячая монета обезпечена была на десятинахъ земли, какъ это предлагаемо было комитетомъ, то, при упадкѣ ея въ достоинствѣ, отъ выпусковъ въ большомъ количествѣ, десятины, показанныя въ надписи, долженствовали бы употребляемы быть ежедневно для самыхъ мелочныхъ покупокъ; почему послѣдовало бы, что за фунтъ мяса, хлѣба, за горсть орѣховъ, за подметку подъ сапоги, за кубарь, за ворожбу цыганки, часто бывали бы обмѣниваемы богатыя десятины Орловской, Полтавской, Волынской губерній; ибо первое и ближайшее употребленіе всякой ходячей монеты есть удовлетвореніе естественнымъ, житейскимъ и прихотливымъ

нуждамъ. Залогъ, ознаменованный въ надписи, будучи въ обращеніи по куплямъ и продажамъ, не могъ бы удерживать достоинства ихъ отъ пониженія, а права на пріобрѣтеніе земель, переходя изъ рукъ въ руки, уничтожались бы по самой необходимости ежечаснаго перехода и употребленія монеты. Но при всемъ пониженіи въ цѣнѣ, правительство находилось бы въ обязанности всякому требующему, какого бы онъ состоянія ни былъ, высокаго или низкаго, имѣющаго право на владѣніе землею или нѣтъ, выдавать крѣпость на десятины, которыя значатся въ надписи предъявляемой облигаціи» [1]).

Мордвиновъ оставался вѣренъ основному положенію той финансовой системы, которая была выработана при его участіи. «Если бы, говоритъ онъ, со времени сознанія излишества бумагъ и вредныхъ послѣдствій его, принято было твердое намѣреніе и соблюдалось строгое постоянство въ совершеніи мѣръ, предпринятыхъ для устраненія этого излишества, то попечительный монархъ нашъ не былъ бы, конечно, заставленъ переносить тѣ недостатки и препинанія, которыя во всѣ почти годы многотруднаго его царствованія дѣлалъ онъ на пути предпріятій и подвиговъ своихъ». Но эти недостатки еще болѣе увеличились бы, «если бы успѣла взять дѣйствіе свое извѣстная система 1812 года, о замѣнѣ ассигнацій облигаціями на казенныя недвижимыя имѣнія» [2]).

Поэтому, когда былъ сдѣланъ новый выпускъ ассигнацій, то Мордвиновъ выступилъ съ особымъ мнѣніемъ въ защиту системы, возникшей при Сперанскомъ.

«Какое количество монеты потребно каждому народу, писалъ онъ, опредѣлить съ точностью невозможно; ибо количество это зависитъ отъ степени просвѣщенія, промышленности, рукодѣлія и торговли; отъ степени взаимнаго довѣрія при куплѣ и продажѣ и отъ совершенства гражданскихъ и торговыхъ узаконеній. Опытъ вѣрнѣе опредѣлить можетъ

---

[1]) Помѣщено въ мнѣніи объ управл. государ. казначейств., 1816 года. Чт. Моск. общ. истор., 1859, IV, смѣсь, 77—80.

[2]) Ibid., 76—77.

потребное количество, нежели догадки и вычисленія. Въ Англіи признано, что она въ обращеніи не имѣетъ болѣе, какъ 12 мил. фунтовъ стерлинговъ, и признано, что въ оной землѣ всѣ отрасли человѣческаго труда и торговля находятся на высшей степени процвѣтанія; но въ послѣдніе годы войны англійское правительство издерживало ежегодно свыше 120 мил. фунт. стерл., т. е. входило въ государственное казначейство ежегодно болѣе 120 мил. ф. стерл., кои составляютъ десять разъ болѣе противъ всей монеты, въ обращеніи находящейся. Это событіе продолжалось нѣсколько лѣтъ, и, вмѣсто оскудѣнія въ обращеніи денегъ, народное богатство увеличилось. Оно такъ и должно быть, когда доходы входятъ въ государственное казначейство малыми частями, уравномѣрenными богатству каждаго подданнаго, и падаютъ болѣе на роскошнаго и избыточнаго, а не на трудящагося: когда довѣріе народное твердо основано и никѣмъ не можетъ быть нарушено; когда права каждаго сословія и каждаго лица свято уважаемы, и когда законы неослабно дѣйствуютъ. При такомъ состояніи, деньги въ государственное казначейство вливаются и изливаются съ великою быстротою, и нигдѣ въ своемъ движеніи не имѣютъ ни остановокъ, ни препятствій. Онѣ исходятъ отъ народа и къ народу же возвращаются. Но возвращеніе ихъ къ народу приноситъ гораздо большую пользу, ибо большая часть ихъ берется изъ рукъ праздныхъ, не трудящихся, не участвующихъ въ приращеніи народнаго богатства; но изъ государственнаго казначейства идутъ онѣ къ купцу, заводчику, фабриканту, промышленнику, къ той части народа, которая трудомъ и дѣятельностью производитъ богатство. Англія эту истину, о которой прежде не догадывались и о которой многіе теперь сомнѣваются, намъ доказала убѣдительно. Но могутъ сказать, что Россія не достигла еще до такого совершенства, чтобы могла подражать Англіи. Въ этомъ слѣдуетъ согласиться. А потому мое предложеніе и заключаетъ ту мысль, что правительство возведеніемъ ассигнаціоннаго рубля въ достоинство серебра въ состояніи будетъ получить превос-

ходнѣйшій доходъ противъ настоящаго, и только тогда въ состояніи будетъ приступить къ уменьшенію налоговъ, податей и благотворить народъ, не только значительными облегченіями, но и устройствомъ всего, что необходимо для его благоденствія. Тогда 150 мил. руб. сдѣлаютъ государственное казначейство богатѣйшимъ, нежели оно теперь, при 300 милліонахъ рублей получаемаго дохода.

«При затруднительномъ положеніи государственнаго казначейства, по недостатку денегъ на предстоящіе расходы и изысканіи мѣръ, могущихъ служить къ устраненію этого недостатка, должно предварительно принять въ соображеніе *слѣдующія начала:*

I.

«Выпускъ новыхъ ассигнацій не только не увеличиваетъ государственнаго дохода, но значительно уменьшаетъ его.

«При количествѣ ассигнацій, въ обращеніи нынѣ находящихся, и при 320 мил. настоящаго дохода, одинъ вновь выпущенный милліонъ рублей можетъ уменьшить достоинство этого дохода на $2^1/_4$ мил. руб. А если выпускъ новыхъ ассигнацій будетъ продолжаться свыше 1 мил., то, съ уменьшеніемъ количества ихъ, каждый вновь прибавляемый милліонъ будетъ увеличивать ущербъ государственнаго дохода съ постепеннымъ приращеніемъ.

II.

«Чѣмъ меньше количество ассигнацій будетъ находиться въ обращеніи, тѣмъ высшую цѣну будетъ имѣть каждый рубль, и напротивъ...

III.

«Съ умноженіемъ количества ассигнацій уменьшается не только казенный доходъ, но и доходы всѣхъ частныхъ людей, доставляющихъ пособіе казнѣ налогами, уменьшаются.

«Выпускъ новыхъ ассигнацій есть налогъ, и налогъ тягчайшій отъ всѣхъ другихъ, какого бы роду они ни были.

«Всякій другой налогъ есть легчайшій въ сравненіи съ основаннымъ на искаженіи монеты.

«Выпусками новыхъ бумагъ казна хотя и дѣлаетъ ущербъ себѣ въ доходѣ, но еще ограниченный, и, можно сказать, самый малый въ сравненіи съ тѣмъ, какому подвергаетъ она весь народъ. Малѣйшая часть, отнятая отъ достоинства рубля, увеличивается числомъ тѣхъ всѣхъ рукъ, черезъ которыя онъ будетъ проходить, почему можетъ случиться, что во время годоваго движенія его всѣ 100 коп. должны уничтожиться изъ круга народнаго богатства.

«Но какъ выпускъ новыхъ бумагъ дѣйствуетъ въ одно время и на все количество рублей, находящихся въ обращеніи, поэтому каждый разъ долженъ исчезать изъ имущества капиталъ, равный всему существующему количеству бумажной монеты. Поэтому ничто такъ быстро не ведетъ государства къ нищетѣ, какъ искаженіе монеты... Отсюда ясно, какую значительную потерю испытываетъ каждое лицо въ государствѣ отъ уничтоженія достоинства монеты и какое чрезъ то громадное причиняется похищеніе изъ народнаго имущества.

IV.

«Выпускъ новыхъ ассигнацій, этотъ косвенный и тайный налогъ, влечетъ за собою въ послѣдствіи прямой и открытый, и тѣмъ только пресѣкается первый.

V.

«Выпуску ассигнацій есть неминуемый предѣлъ, и этотъ предѣлъ означался всегда народными возмущеніями, соединенными съ страшными послѣдствіями.

«Предѣлъ этотъ не отдаленъ многими годами, и потому:

«Чѣмъ грознѣе настанутъ обстоятельства, тѣмъ рѣшительнѣе приниматься должно за благонадежныя мѣры къ исправленію нашихъ финансовъ.

VI.

«Замедленіе въ принятіи мѣръ къ истребленію ассигнацій приготовляетъ тягчайшее бремя для тѣхъ, на кого оно должно пасть.

«Замедленіе это, увеличивая день ото дня бѣдственный вредъ, возводитъ его нечувствительно до самой высшей степени.

VII.

«Успѣшный ходъ къ благоденствію зависитъ не отъ предложенія спасительныхъ мѣръ, *но отъ постояннаго выполненія ихъ*, съ устраненіемъ всѣхъ угрожающихъ опасностей».

Въ виду угрожающаго финансоваго кризиса, Мордвиновъ предложилъ это мнѣніе въ 1813 г. на разсмотрѣніе председателя государственнаго совѣта, князя Николая Ивановича Салтыкова, управлявшаго Россіею въ отсутствіе государя за границею, и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ управленіи, которыя, говоритъ онъ, убѣдясь изложенными въ этомъ мнѣніи истинами, остановили дальнѣйшій выпускъ новыхъ ассигнацій![1])

Вѣрный прежней финансовой системѣ, Мордвиновъ хлопоталъ въ 1815 г. объ основаніи даже особаго учрежденія для погашенія ассигнацій—банка погашенія. Съ этою цѣлью онъ предлагалъ образовать по подпискѣ капиталъ, съ платежемъ однихъ процентовъ, пока не возстановится нормальный курсъ. Капиталъ и остатокъ отъ возвышенія курса могли быть отдаваемы подъ учетъ векселей и другіе обороты. Но, при всѣхъ этихъ спекуляціяхъ, слѣдовало постоянно имѣть въ виду истребленіе ассигнацій. Пока, Мордвиновъ предлагалъ даже удержать суммы, должныя заемному банку и воспитательному дому, уплативъ проценты, чтобы приращеніемъ капитала содѣйствовать возможно большему повышенію курса. Въ составъ капитала погашенія должны были также войти суммы, вырученныя отъ продажи государственныхъ имуществъ, прибавка къ податямъ, не исключая и имѣній императорской фамиліи, суммы, внесенныя должниками заемнаго банка, и остатки отъ расходовъ. Для развитія же оборотовъ въ госу-

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1859, IV, смѣсь, стр. 92.

дарствѣ, Мордвиновъ снова совѣтовалъ завести хоть нѣсколько городскихъ банковъ [1]). Этотъ проектъ не былъ примѣненъ къ дѣлу, хотя нѣкоторыя мысли его, какъ увидимъ, были осуществлены съ новымъ вступленіемъ Мордвинова въ департаментъ экономіи.

Съ перемѣною политическихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ тарифъ 1810 г., правительство приступило, въ началѣ 1815 г., къ отмѣнѣ нѣкоторыхъ его положеній. Съ этою цѣлью былъ составленъ спеціальный комитетъ. Онъ нашелъ возможнымъ значительно сократить количество предметовъ, недопущенныхъ прежнимъ тарифомъ въ Россію, а на другіе понизить пошлины. Новый тарифъ предполагался на 12 лѣтъ. При разсмотрѣніи его въ концѣ 1815 года въ государственномъ совѣтѣ, Мордвиновъ выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ защищалъ необходимость прочности тарифа. Касаясь же положеній самаго тарифа, онъ настаивалъ на возможномъ пониженіи пошлинъ съ предметовъ, невыдѣлываемыхъ въ Россіи, и художественныхъ произведеній; предлагалъ ввести пошлину съ увеселительныхъ книгъ въ пользу академіи наукъ, весьма мало обезпеченной; настаивалъ на разрѣшеніи отпуска за границу металловъ, лошадей, спиртовъ и водокъ (при этомъ онъ указывалъ на притѣсненія со стороны откупщиковъ); наконецъ, возражалъ противъ остатковъ континентальной системы [2]).

Новый тарифъ былъ обнародованъ 31 марта 1816 г. [3]). Изъ металловъ въ немъ дозволенъ былъ вывозъ только золота и серебра, а о винѣ (исключительно хлѣбномъ) замѣчено: «изъ тѣхъ пограничныхъ губерній, гдѣ продажа вина отдается на откупъ отъ казны, отпускъ онаго долженъ быть производимъ съ соблюденіемъ правилъ, какія постановлены на провозъ его внутри имперіи; и чтобы изъ тѣхъ погра-

[1]) Собр. рук. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

[2]) Полн. Собран Закон., т. XXXIII, № 26218, и Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

[3]) П. С. З., ibid., и книга тарифовъ въ П. С. З., т. XXV.

ничныхъ губерній, гдѣ продажа казеннаго вина происходитъ, отпускъ его чиненъ былъ съ дозволенія казенныхъ палатъ».

Частыя столкновенія между казною и поставщиками, не разъ уже побуждали Мордвинова настаивать на необходимости болѣе прочнаго ручательства со стороны казны въ соблюденіи интересовъ частныхъ лицъ, нежели давало его существующее законодательство. Но такъ какъ со стороны послѣдняго не было пока выработано надежныхъ гарантій, то Мордвиновъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно выступалъ защитникомъ безусловнаго исполненія контрактовъ. Въ началѣ 1815 г., въ министерствѣ финансовъ возникъ вопросъ о прибавкѣ соли на утечку, по причинѣ доказанной сырости ея, сверхъ 25 (какъ сказано было въ контрактѣ съ поставщиками Коряковской соли) еще по 50 пудовъ, на 1.000. Въ такомъ видѣ это дѣло поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; но здѣсь Мордвиновъ иначе отнесся къ предложенному вопросу. Сознавая справедливость доводовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на сохраненіи контракта, въ интересахъ непоколебимости довѣрія къ правительству, указывая при этомъ на то невыгодное впечатлѣніе, какое было уже произведено подобнымъ отношеніемъ къ частнымъ интересамъ, по вопросу о поставкѣ пеньки для черноморскаго флота [1]). Рѣшеніе этого дѣла намъ неизвѣстно; но, изъ современныхъ ему постановленій по этому вопросу, видно, что, на основаніи заключенія горнаго департамента, за нормальный учетъ на утечку и усушку соли было принято 25 пудовъ на 1.000 [2]).

Къ тому же роду относится мнѣніе Мордвинова о контрактѣ на поставку вина Полторацкимъ [3]). Дѣло состояло въ слѣдующемъ: Полторацкій заключилъ контрактъ съ казною на поставку вина, и, въ свою очередь, вошелъ въ сношенія съ Шульцемъ и Сухаревымъ, которые обязались доставить

1) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.
2) П. С. З., XXXIII, № 25,970.
3) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

ему определенное количество вина, но съ ними онъ не заключилъ законныхъ условій и не взялъ отъ нихъ залога. Между тѣмъ, получая отъ казны деньги, онъ не платилъ ихъ своимъ поставщикамъ, и тѣ отказались отъ поставки. Тогда противъ нихъ было возбуждено казною преслѣдованіе, и уже шелъ вопросъ о взысканіи съ нихъ. Въ сенатѣ, однако, большинство голосовъ признало Шульца и Сухарева свободными отъ поставки вина. Но въ государственномъ совѣтѣ ихъ дѣло подверглось опять колебанію. Тогда въ защиту ихъ выступилъ Мордвиновъ, исходя изъ той мысли, что это собственно частная тяжба между поставщиками и Полторацкимъ; что казна имѣетъ дѣло только съ послѣднимъ, и для нея нѣтъ основаній касаться его поставщиковъ; что и безъ того никто изъ частныхъ лицъ не довѣряетъ казнѣ въ поставкѣ вина. Наконецъ, обращаясь съ требованіемъ справедливости къ частнымъ лицамъ, Мордвиновъ заключаетъ свое мнѣніе словами: «*Казенная копѣйка должна, какъ и всѣ прочія, по естественному закону, тонуть и горѣть*». Это мнѣніе Мордвиновъ отправилъ къ управлявшему государственною канцеляріею, статсъ-секретарю Оленину, 21 ноября 1815 года; но въ совѣтѣ съ нимъ согласились только Шишковъ, Поповъ, Трощинскій и Балашовъ.

Но еще болѣе обращаетъ на себя вниманія за это время (29 марта 1815 г.) мнѣніе Мордвинова, высказанное имъ по дѣлу оберъ-прокурора Львова [1]). Дѣло состояло въ слѣдующемъ: Нѣкто Чернявскій, служившій секретаремъ въ магистратѣ, по настоянію Львова былъ удаленъ отъ должности за злоупотребленія по опекѣ надъ выморочнымъ имѣніемъ майора Михайлова (приговореннаго къ казенному взысканію). Поступивъ затѣмъ прикащикомъ къ откупщику Чоблокову, онъ донесъ на Львова, обвиняя его во взяткахъ. Министръ юстиціи, Дмитріевъ, принявъ доносъ, отрѣшилъ Львова отъ должности и велѣлъ оберъ-прокурору Хитрово тайно разслѣ-

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

довать это дѣло. Показанія Чернявскаго не оправдались, хотя свидѣтелями были выставлены лица, недовольныя по прежнимъ отношеніямъ на Львова. Тѣмъ не менѣе, сенатомъ было опредѣлено наказаніе, увеличенное департаментомъ гражданскихъ дѣлъ, но замѣненное совѣтомъ оставленіемъ Львова въ подозрѣніи. Тогда защитникомъ Львова выступилъ Мордвиновъ. Указавъ предварительно на весь вредъ доносовъ и обстоятельства, заподозрѣвающія дѣйствительность вины (доносъ со стороны недовольнаго и допущеніе свидѣтельства подобныхъ же лицъ), Мордвиновъ обращается наконецъ къ самому рѣшенію дѣла: «Когда самое правительство, говоритъ онъ, требуетъ довѣренности къ себѣ, и существующую власть основываетъ на оной, то, лишая честнаго имени человѣка такого качества, которое для самого его есть нужно и драгоцѣнно, не налагаетъ ли оно на него тягчайшее наказаніе? Я прошу дозволенія предложить вопросъ гг. членамъ, приговаривающимъ Львова къ подозрѣнію: что больше они цѣнятъ, *доброе ли о нихъ въ обществѣ мнѣніе и довѣріе, или чины, подъ коими ихъ въ обществѣ отличаютъ, и почести, коими они украшаются*»?... Далѣе Мордвиновъ замѣчаетъ, что обязанность приговаривающихъ къ наказанію—опредѣлить виновенъ-ли подсудимый, или нѣтъ, а не уклоняться отъ опредѣленія оставленіемъ его въ подозрѣніи. «Тѣ суды, говоритъ онъ, которымъ дозволялось *подозрѣвать и судить*, всегда признаваемы были неправедными и не были терпимы въ благоустроенныхъ государствахъ [1]). И Львовъ долженъ быть признанъ виновнымъ или нѣтъ. Болѣзненно и мыслить даже, заключаетъ Мордвиновъ, чтобы въ семъ верховномъ государственномъ мѣстѣ невинность не могла оправдаться и клеветы восторжествовали бы надъ оною»! По его мнѣнію, государственный совѣтъ, какъ законодательное сословіе, имѣетъ право не

[1]) Такъ ясенъ былъ у Мордвинова идеалъ настоящаго суда, осуществленнаго у насъ въ послѣднее царствованіе.

опредѣлять наказаніе, а только смягчать его. «*Но рѣдкій злодѣй таковой опалѣ (подозрѣнію) подвергаемъ быть можетъ*» [1]).

Права человѣка, какъ гражданина, Мордвиновъ ставилъ весьма высоко. Это видно изъ его замѣчаній на проектъ гражданскаго уложенія, подвергавшійся въ это время разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ. Остановимся нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Еще въ началѣ царствованія императора Александра начались работы по составленію новаго гражданскаго уложенія. Съ этою цѣлью въ 1803 году была образована коммиссія законовъ, въ которой до 1808 года завѣдовалъ дѣлами баронъ Розенкампфъ, воспитывавшійся въ лейпцигскомъ университетѣ, но вовсе незнакомый ни съ русскимъ бытомъ, ни съ русскимъ языкомъ. Поэтому въ 1808 г. работы въ коммиссіи были поручены Сперанскому (съ званіемъ товарища министра юстиціи), находившемуся тогда подъ сильнымъ вліяніемъ кодекса Наполеона. Сперанскій горячо принялся за составленіе гражданскаго уложенія, вовсе не думая о подготовительной работѣ по непосредственному матерьялу. Съ образованіемъ государственнаго совѣта,

---

[1]) Какъ оставленіе подсудимаго въ подозрѣніи, такъ и принятіе доносовъ за юридическія показанія Мордвиновъ рѣшительно не допускалъ въ юридической практикѣ. Таковы его мнѣнія: 1) Въ защиту гр. Ожаровскаго (16 апрѣля 1817 г.), оставленнаго въ подозрѣніи по управленію царскими вотчинами; хотя тутъ же Мордвиновъ требуетъ строгаго слѣдствія по этому дѣлу за отягощеніе народа; такъ какъ обнаружилось, что ихъ крестьяне платили подушнаго втрое болѣе противъ того, что поступало въ казначейство. 2) Въ защиту пензенскаго вице-губернатора, противъ донесенія предводителя дворянства (Колокольцева), по дѣламъ рекрутскаго присутствія (13 мар. 1816 г.). Въ этомъ случаѣ Мордвиновъ высказался противъ послѣдняго, руководствуясь тѣмъ, что онъ молчалъ въ самомъ присутствіи. 3) Въ защиту маркиза Паулуччи (рижскаго губернатора) обвинявшагося въ корыстолюбіи (16 декабря 1824 г.). Мордвиновъ отвергаетъ обвиненіе, такъ какъ оно представляетъ собою не болѣе какъ *безъименный доносъ* (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, тт. VI и VII).

онъ былъ назначенъ директоромъ коммиссіи, и работы ея должны были поступать на разсмотрѣніе департамента законовъ. Уже въ день открытія государственнаго совѣта, императоръ передалъ первую часть уложенія (права лицъ) предсѣдателю совѣта, а между тѣмъ приготовлялись слѣдующія части (право вещественное, право договоровъ). Въ теченіи 1810 года въ государственномъ совѣтѣ (въ департаментѣ законовъ и полномъ собраніи) было посвящено чтенію проекта 43 засѣданія, причемъ въ полномъ собраніи предсѣдательствовалъ самъ государь. Такимъ образомъ были разсмотрѣны двѣ части. Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній членами совѣта и разрѣшенія возникшихъ разногласій государемъ, онѣ были напечатаны для новаго пересмотра. Но въ отчетѣ своемъ за 1810 г. Сперанскій жаловался на медленность работы вслѣдствіе недостатка рукъ. Между тѣмъ, проекты новаго законодательства распространились въ публикѣ, часть которой, враждебная Сперанскому, не замедлила напасть на его трудъ [1]). Выразителемъ ея въ этомъ смыслѣ былъ тотъ же Карамзинъ, всѣ возраженія котораго сводятся на заимствованіе гражданскаго уложенія изъ наполеоновскаго кодекса (Записка Карамзина о древней и новой Россіи)... Третья часть уложенія была окончена уже послѣ паденія Сперанскаго, и въ концѣ 1813 года была внесена въ государственный совѣтъ и отправлена къ государю за границу. Истолкователемъ этой части въ карамзинскомъ смыслѣ явился тамъ Шишковъ, которому поручилъ государь составить о ней докладъ [2]). Вѣроятно подъ вліяніемъ его, въ іюнѣ 1814 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ всего проекта. Но и этотъ пересмотръ былъ остановленъ въ 1815 году возраженіями Трощинскаго (занявшаго въ то время мѣсто Дмитріева), сущность которыхъ сводится къ тому, что проектъ уложенія есть лишь «испорченный

[1]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 145—165.
[2]) Зап. Шишкова, I, 251—52.

переводъ Наполеонова кодекса». Съ этимъ мнѣніемъ согласилось большинство членовъ совѣта, изъ которыхъ наибольшею ревностью отличался тотъ же Шишковъ. Во главѣ меньшинства стоялъ кн. Н. П. Салтыковъ, но и онъ касался болѣе рѣзкихъ выраженій Трощинскаго, нежели сущности дѣла [1]).

Трощинскій воображалъ себя въ борьбѣ «съ магогами», тщеславился ненавистью противъ него меньшинства совѣта и писалъ (въ письмѣ къ племяннику, въ февралѣ 1819 г.) о совѣтской политикѣ такъ: «Всѣ почти согласны съ нами (съ нимъ и Шишковымъ), *но не смѣли говорить, доколѣ флюгеръ укажетъ имъ* на какую страну обратиться. Между тѣмъ безъ самолюбія скажу, что не только публика, даже дворъ въ восхищеніи. Оказываютъ мнѣ всѣми образами отличія, и я не могу вамъ довольно изобразить изъявленія чувствій всей высочайшей фамиліи, а сіе наиболѣе умножаетъ зависть *низкихъ душъ*»! [2])

На многихъ изъ членовъ совѣта, по словамъ статсъ-секретаря Оленина, дѣйствовалъ даже страхъ, какимъ образомъ можно было написать для Россіи уложеніе всего въ 248 страницъ крупнаго шрифта, когда до тѣхъ поръ они привыкли видѣть русскіе законы въ десяткахъ фоліантовъ и квартантовъ. Послѣ всего этого рѣшено было сличить проектъ уложенія съ существующими законами, но при этомъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду протянуть дѣло [3]).

Намъ необходимо было остановиться на ходѣ его для того, чтобы показать въ какомъ отношеніи стоялъ къ этому вопросу Мордвиновъ. Его замѣчанія относятся къ январю 1815 года, слѣдовательно къ тому времени, когда проектъ вновь пересматривался въ совѣтѣ, и касаются двухъ первыхъ

---

[1]) Зап. Трощинскаго, Сборн. Русск. истор. общ., III, 19.
[2]) Ibid., 19—20.
[3]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, 169—170.

главъ 1-й части, или личныхъ правъ. Въ замѣчаніяхъ на 1-ю главу, Мордвиновъ говоритъ о необходимости точнаго разграниченія правъ политическихъ и гражданскихъ, непонятныхъ для русскихъ; онъ желалъ, чтобы въ постановленія было внесено дозволеніе русскимъ подданнымъ жить и вступать на службу за границею, подобно тому, какъ иностранцы свободно принимаются въ Россіи. Въ запрещеніи этого онъ видѣлъ вліяніе французскаго кодекса. «Но если бы, говоритъ онъ, сверхъ чаянія и оказался кто измѣнникомъ, то таковаго не должно-ли болѣе желать пребывающимъ внѣ отечества, нежели внутрь онаго? Мазепа въ станѣ Карла XII былъ бы менѣе опасенъ, нежели на крылѣ россійскихъ войскъ». Далѣе, Мордвиновъ защищаетъ право преступника—быть въ судѣ истцомъ и отвѣтчикомъ; права дѣтей и женъ преступниковъ, и возражаетъ противъ лишенія имущества оправданнаго. Разборъ второй главы посвященъ такой же защитѣ правъ дѣтей, рожденныхъ отъ матери русскаго происхожденія, но состоящей въ замужствѣ за иностранцемъ; а въ заключеніе своего разбора онъ говоритъ о необходимости предпочитать въ законодательствѣ опытъ теоріямъ! [1])

Въ это время, въ оффиціальной средѣ, Мордвиновъ былъ чуть-ли не единственнымъ, истиннымъ поклонникомъ Бентама.

Внѣшняя политика надолго отвлекла императора Александра отъ внутреннихъ предпріятій; наступавшій миръ подавалъ надежду на возможность осуществленія прежнихъ желаній. Какъ видно, этой надежды не былъ чуждъ и самъ Бентамъ. Уже въ январѣ 1814 года онъ пытался предложить свои услуги Россіи въ составленіи кодекса, и потому препроводилъ Мордвинову письмо на имя государя, предоставляя Мордвинову окончательную редакцію его. Для насъ оно важно, помимо общаго интереса, какъ свидѣтельство самыхъ близкихъ отношеній Мордвинова къ Бентаму.

---

[1]) Собран. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

...«Когда я такимъ образомъ представилъ вамъ, пишетъ Бентамъ, лучшее доказательство, какое въ состояніи дать мои слабыя силы, доказательство той привязанности, которой не можетъ не требовать ваша дружба къ моему брату, позвольте мнѣ упомянуть вамъ объ одномъ дѣлѣ, на которое онъ меня побуждаетъ и которое будетъ не совсѣмъ индифферентно для русскаго государственнаго человѣка, *выразившаго такъ ясно свое одобреніе моихъ принциповъ и моихъ сочиненій*, *какъ я имѣлъ удовольствіе это видѣть*.

«Я беру на себя смѣлость поручить вашей заботѣ прилагаемые при этомъ два экземпляра письма, написаннаго мною къ вашему императору. Въ одномъ изъ нихъ *помѣщенъ* параграфъ, который въ другомъ экземплярѣ *опущенъ*: вотъ вся ихъ разница. То изъ писемъ, которое вы найдете наилучше соотвѣтствующимъ цѣли, я просилъ бы вашей благосклонности—переслать ему, какимъ бы то ни было образомъ, который можетъ оказаться наиболѣе удобнымъ. Разныя лица согласно увѣряютъ меня, что на англійскомъ языкѣ оно будетъ для него столько же понятно, какъ и на французскомъ, и на англійскомъ языкѣ (какъ говорятъ иные) оно можетъ пріобрѣсть болѣе благосклоннаго вниманія и дѣйствовать съ большимъ вѣсомъ, чѣмъ на менѣе дружественномъ и болѣе обыкновенномъ языкѣ...

«Въ томъ видѣ письма, какой оно имѣетъ теперь, я самъ не нахожу ничего въ частности, что бы представляло опасность произвести неудовольствіе, или какимъ нибудь образомъ мѣшать намѣренію. Но если бы вы открыли въ немъ что нибудь подобное, то съ вашей стороны было бы дѣломъ человѣколюбія отдать переписать его, опустивъ осужденное мѣсто, и дать кому нибудь подписать мое имя. И время, и отдаленность вмѣстѣ запрещаютъ пересылку письма взадъ и впередъ, между Лондономъ и Петербургомъ, для такой маловажной цѣли. *Вы—мой уполномоченный*, вы имѣете carte blanche.

«Не можетъ быть, конечно, рѣчи о какомъ нибудь шансѣ принятія подобнаго предложенія (т. е. императору), какъ вы, безъ сомнѣнія, хорошо знаете, еслибы, при всѣхъ усиліяхъ (Розенкампфа), онъ былъ въ силахъ остановить его. Все время какъ Дюмонъ находился въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Traités de législation, Р.... былъ какъ на иголкахъ: уловки и притворства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и волненіе, которое онъ обнаруживалъ, представляли тогда совершенную комедію... Нѣкоторыя черты ея есть гдѣ-то у меня записанныя. Тоже заявленіе, что онъ провелъ цѣлую ночь или двѣ ночи въ чтеніи и размышленіи обо всей книгѣ;. также рѣшительное нежеланіе слышать или сказать хоть слово о какой нибудь одной особенной *части*.

«Все совершенно естественно. Не въ природѣ вещей, чтобы по предмету законодательства *его* идеи и *мои* могли найти одобреніе въ одномъ и томъ же умѣ. Тотчасъ послѣ появленія моихъ (кажется въ 1807 году), его идеи, если мои свѣдѣнія справедливы, были оцѣнены по ихъ настоящему достоинству. «Голова» и «сердце», о которыхъ идетъ рѣчь, были, какъ я предполагаю, въ числѣ тѣхъ, съ которыми вамъ приходилось имѣть дѣло... Если бы онъ дѣйствительно могъ быть удовлетворенъ на такихъ условіяхъ, то онъ на свою долю имѣлъ бы всю *награду*, а я имѣлъ бы на свою долю *трудъ*, онъ и я были бы лучшими друзьями, какихъ только можно себѣ вообразить.

«Другая вещь, какую необходимо, кажется, помнить всякому лицу, которое имѣло бы наклонность дать свою поддержку моему предложенію, есть то, что если бы *здѣшняя администрація* узнала объ этомъ дѣлѣ и если бы въ ея власти было помѣшать ему, она помѣшала бы навѣрное. Хотя я и былъ предметомъ публично заявленнаго уваженія, засвидѣтельствованнаго документально, предметомъ многократныхъ и не встрѣчавшихъ никогда противорѣчія похвалъ, высказанныхъ по разнымъ случаямъ и отъ различныхъ сторонъ

парламента, въ палатѣ общинъ, но для нихъ (т. е. для администраціи) я тѣмъ не менѣе или даже тѣмъ болѣе упорно служу предметомъ *отвращенія* и вмѣстѣ предметомъ *опасеній*, насколько можетъ быть такимъ предметомъ одиноко стоящій человѣкъ, не принадлежащій ни къ какой партіи и не имѣющій никакихъ политическихъ плановъ.

«При такихъ обстоятельствахъ, предположите, что (напр. по внушенію вашего Р...) *нашему* посланнику при *вашемъ* дворѣ сдѣлаютъ вопросъ, что *онъ* знаетъ обо мнѣ. Отвѣтъ, и вѣроятно справедливый, будетъ вѣроятно тотъ, что онъ никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ. Предположите, что такой же вопросъ будетъ обращенъ *вашимъ* посланникомъ *здѣсь* къ лорду Ливерпулю, лорду Батерсту или лорду Кэстльри, отвѣтъ будетъ тотъ, что они никогда меня не видали, но, что я, хотя и благомыслящій человѣкъ, но человѣкъ умозрительный, фантазеръ, утопистъ, полный невозможныхъ плановъ, преобразованій, и самъ человѣкъ невозможный, который надѣлалъ имъ порядочно хлопотъ».

Затѣмъ, указавъ на свое расположеніе къ уединеннымъ занятіямъ, вслѣдствіе чего онъ отказывалъ въ пріемѣ даже такимъ лицамъ, какъ госпожа Сталь, миссъ Эджевортъ, и, напротивъ, принималъ людей, которые готовы были проводить его идеи, Бентамъ продолжаетъ: «Въ васъ я вижу *просвѣщеннаго друга* вашего отечества и испытаннаго друга моего брата. *Я не безъ нетерпѣнія жду того времени, когда я могу надѣяться пожать вашу руку въ этомъ моемъ уединеніи*». Въ заключеніе онъ сообщаетъ о здоровьи Самуила Бентама.

Въ маѣ того же года письмо Бентама было представлено императору; а въ іюнѣ 1815 года онъ написалъ къ нему уже второе письмо. Бентамъ настаивалъ на открытомъ способѣ дѣйствій и всестороннемъ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующихъ успѣху дѣла, не терпящаго канцелярской тайны, и вызывался быть

руководителемъ его. Но оно ограничилось взаимными любезностями, обѣщаніями прибѣгать къ содѣйствію Бентама, въ случаѣ надобности, и подаркомъ ему драгоцѣннаго перстня, который, однако, онъ возвратилъ не распечатывая. Въ то время уже обнаруживался поворотъ въ направленіи внутренней политики императора Александра, и уже близко было время полнаго торжества Аракчеева, а въ законодательныхъ планахъ идеи Розенкампфа замѣнили проекты Сперанскаго. Самъ Бентамъ чувствовалъ это, и во второмъ письмѣ своемъ къ государю уже прямо ставитъ судьбу своихъ идей въ Россіи въ зависимость отъ довѣрія правительства къ Сперанскому и Мордвинову [1]).

[1]) Русскія отношенія Бентама, Вѣстн. Европы, 1869 г., апрѣль.

ГЛАВА V.

По возвращеніи государя въ Петербургъ и возстановленіи прежняго порядка дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ (указомъ 10 января 1816 г.), Мордвиновъ снова былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента государственной экономіи [1]), и въ томъ же году (30 августа) состоялось назначеніе Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу [2]).

Первымъ дѣломъ Мордвинова, по вступленіи въ прежнюю должность, было изложить тѣ начала, которыми онъ намѣренъ былъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ представилъ ихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ особомъ, весьма подробномъ мнѣніи «о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государственнымъ казначействомъ» [3]). Оно было направлено въ защиту той же системы, которой держался Мордвиновъ до выхода своего изъ департамента государственной экономіи въ 1812 году [4]).

---

[1]) По XV статьѣ устава государственнаго совѣта, члены департаментовъ назначаются каждые полгода.

[2]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, II, 118—120.

[3]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859, IV, стр. 57—67.

[4]) 21 февраля 1816 г. Мордвиновъ препроводилъ это мнѣніе и государю, при особомъ письмѣ (Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, томъ III).

«Вступая въ должность, которую я имѣлъ честь исправлять въ 1810, 1811 и въ началѣ 1812 годовъ, говоритъ Мордвиновъ въ предисловіи къ своему мнѣнію, я почитаю первымъ для себя долгомъ обратить вниманіе государственнаго совѣта на ту систему, которой мы слѣдовали и которую всѣми журналами тѣхъ годовъ признавали мы удобнѣйшею для приведенія финансовъ въ цвѣтущее состояніе. Изложенныя мною разсужденія и представляемыя вычисленія, я надѣюсь, что будутъ достаточны къ дальнѣйшему убѣжденію въ истинахъ, нами утверждаемыхъ, и доставятъ намъ довѣріе, неразлучное съ успѣшнымъ управленіемъ.

«Надежнѣйшій способъ для исправленія финансовъ состоитъ *въ уменьшеніи расходовъ*. Сей способъ никогда никѣмъ не былъ оспариваемъ и всѣми народами съ великимъ успѣхомъ былъ употребляемъ. Дозволяютъ-ли настоящія обстоятельства воспользоваться этимъ кореннымъ и благопріятнѣйшимъ средствомъ, утверждать намъ не принадлежитъ; ибо недостаточно для того единой воли нашей. Но и при всѣхъ тѣхъ мѣрахъ потребно излишество въ доходахъ противъ расходовъ, дабы излишество это могли мы употребить на истребленіе великой части бумажной монеты, нынѣ въ обществѣ находящейся. Количество ассигнацій должно быть уменьшаемо, доколѣ не установится по всему государству монетная единица.

«Мы всегда признавали, что нѣтъ бѣдствія для народа опаснѣйшаго въ послѣдствіяхъ своихъ и болѣе враждебнаго благоденствію, какъ недостатокъ въ государственныхъ доходахъ, ибо не одно правительство тогда страждетъ, но и всѣ подданные обнищеваютъ и гибель совокупно всѣхъ постигаетъ.

«Къ общимъ разсужденіямъ, нынѣ предлагаемымъ мною, присоединилъ я и начала, могущія насъ впредь руководствовать и которыми мы только можемъ достигнуть цѣли. Но для этого необходимо нужно, *чтобы исполнительная власть министровъ усердно и постоянно намъ содѣй-*

ствовала, безъ уклоненія отъ началъ, однажды принятыхъ, ибо департаментъ государственнаго хозяйства ни въ чемъ преуспѣть не можетъ, *доколѣ не будетъ совершеннаго согласія между законодательною и исполнительною властями.*

«Излишество бумажной монеты породило скудость и всеобщее томленіе. Уничтоженіе сего излишества можетъ произвести довольство и всеобщее благосостояніе. На этихъ непреложныхъ истинахъ утверждается финансовая система наша».

Обратимся къ самому мнѣнію Мордвинова:

«*Исторія всѣхъ народовъ*, говоритъ онъ, *повѣствуетъ грозно и доказываетъ убѣдительно*, что возвышеніе и упадокъ, богатство и скудость, сила и слабость царствъ зависятъ непосредственно отъ мѣръ, принимаемыхъ по управленію государственнымъ казначействомъ. Съ этимъ *благоденствіе частное и всѣхъ вообще* соединено неразрывно. Никакая мѣра, разстроивающая государственное казначейство, не можетъ истощить надъ нимъ единымъ пагубнаго вреда своего, но выходитъ наружу и дѣйствуетъ на всѣ частныя имущества, въ ущербъ и часто въ самое потребленіе ихъ.

«Злотворное дѣйствіе ея не можетъ удержано быть въ предѣлахъ перваго ея движенія...

«Язва, родившаяся въ сердцѣ, проницаетъ всюду, гноитъ все тѣло и тлѣніемъ истребляетъ. Врачеваніе неблаговременное этой политической болѣзни часто бываетъ мало успѣшно; бореніе же всегда велико, всегда свирѣпо, и наконецъ царствамъ пагубно.

«По этому самому и справедливо, когда утверждаютъ, что первый долгъ правителей государственныхъ состоитъ *въ основательномъ познаніи истинныхъ началъ*, на которыхъ должно быть управляемо государственное казначейство, и въ строгомъ искорененіи всего, что онымъ противно и можетъ впослѣдствіи оказаться враждебнымъ.

«Но изъ всѣхъ наиболѣе государственное казначейство разстроивающихъ мѣръ, признано уже вреднѣйшею излишество бумажной монеты противъ должнаго количества, удерживающаго единство монеты.

«Съ этимъ единствомъ тѣсно соединены: достоинство имуществъ, успѣхъ промышленности, надежный ходъ торговли, взаимное довѣріе, внутренняя тишина, благость нравовъ, довольство частное и богатство общественное. При немъ только силенъ царь, силенъ и народъ. Безъ него весь государственный составъ разрушается, или приближается къ неминуемому и скорому разрушенію.

«Ошибки правительства по другимъ частямъ государственнаго управленія дѣлаютъ ограниченный вредъ, не простирающійся далѣе той части, по которой дѣйствіе совершается; но разстройство монеты обнимаетъ всѣ вообще части, почему и дѣйствія этого вреда бываютъ обширнѣе, безпредѣльнѣе.

«Никакая несправедливость личная, никакое оскорбленіе права общественнаго, какъ бы они чувствительны ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго дѣйствія на умы и сердца подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потеряннаго монетою достоинства. *Рубль есть достояніе каждаго, богатаго и бѣднаго*, и малѣйшая часть, отнятая отъ него, преобразуется въ похищеніе великое, простирающееся на все количество стяжаемаго, наслѣдуемаго, или работою рукъ пріобрѣтаемаго.

«При упадкѣ монеты ропщетъ воинъ, негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судья, охладѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія; благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ.

«Да и можетъ-ли быть иначе, когда достояніе каждаго ежедневно уменьшается? Когда равно страдаютъ богатый и бѣдный, роскошный и умѣренный, терпѣливый и невоздержный, семейный и холостой. Когда передъ глазами каж-

щаго видимо приближается призракъ нищеты,—бѣдствіе тѣмъ несноснѣйшее, что вина его не заключается въ личныхъ поступкахъ и дѣяніяхъ каждаго?

«Тогда и самые законы теряютъ свою силу, добродѣтель лишается твердости, и порокъ извинять и отчасти оправдывать себя можетъ. Самое наказаніе преступникамъ, по строгости законовъ опредѣляемое, дѣлается несправедливымъ, какъ противное уставу природы; ибо *сила и дѣйствіе закона тогда только праведны, когда согласуются съ природою и его могутъ быть оправданы.* Какъ судьѣ не лихоимствовать, когда исторженіе у подсудимаго мзды остается ему, можетъ быть, единымъ средствомъ спасенія отъ глада и нищеты драгоцѣннѣйшихъ сердцу его лицъ: жены, дѣтей, престарѣлыхъ родителей, и *когда монета,* которою вознаграждается его служба, *болѣе его лихоимствуетъ?* ибо не отъ одного, но отъ всѣхъ безпощадно похищаетъ.

«Превышеніе мѣры въ выпускахъ бумажной монеты, по строгой правдѣ, не можетъ иначе быть представляемо, какъ въ видѣ непримѣтнаго похищенія частей изъ имущества каждаго... Поэтому, въ большей почти части, преступленіе виновника искать справедливо не въ лицѣ, совершающемъ преступленіе, но *въ причинѣ,* побудившей или доведшей его къ тому...

«Всѣ извѣстныя революціи послѣдовали *отъ разстройства финансовъ* и уклоненія правительства отъ мѣръ къ благовременному исправленію ихъ. Въ такомъ положеніи государства, всѣ подданные заедино негодуютъ, ропщутъ и возстаютъ единодушно. Эта болѣзнь всѣхъ соединяетъ; нѣтъ состоянія, нѣтъ лица, до котораго бы вредъ отъ разстройства монеты не коснулся. Единая монета, можно сказать, соединяетъ всѣхъ мысли, чувствованія, желанія и права, какъ бы различны они ни были.

«Ниже излагаемыя примѣрныя вычисленія, въ какой мѣрѣ каждогодныя прибавки ассигнацій, для покрытія недо-

статковъ дохода, дѣйствуя на умаленіе цѣны всего прежде выпущеннаго количества ихъ, увеличивать можетъ возрастаніе самихъ недостатковъ, ясно и неопровержимо показываютъ, что возрастаніе такое происходитъ не въ ариѳметической, но въ геометрической пропорціи.

«Положимъ примѣрно, что государственный доходъ состоитъ изъ 100 милліоновъ ассигнаціями рублей и что недостатокъ въ доходахъ простирается до 10 милліон., которые предположено дополнить выпускомъ новыхъ ассигнацій, и въ обращеніи тогда будетъ уже 110 милліоновъ.

«Положимъ примѣрно, что, при 110 милліон. ассигн., рубль серебряный былъ бы въ 4 рубля ассигнаціонныхъ или что 110 милліон. ассигн. равнялись бы 25 милліон. сереб. Согласимся при томъ, что цѣны на вещи пребываютъ постоянными на серебрѣ и возвышаются по мѣрѣ разности, возрастающей въ цѣнѣ бумажнаго рубля съ серебрянымъ. При доходѣ 100 милліон. ассигн. и при цѣнѣ 4 руб. ассигн. въ серебряномъ, казна получаетъ въ доходъ 25 милліон. руб. сереб. и находитъ недостатокъ въ 10 милліон. ассигн., т. е. въ $2^1/_2$ милліон. руб. сереб.; посему количество, потребное на расходы казенные, заключается въ $27^1/_2$ милліон. сереб. руб., но съ выпускомъ новыхъ 10 милліон. ассигн. цѣна серебрянаго рубля сдѣлается по нижеслѣдующей посылкѣ:

$$1 : 4 = \frac{110}{100} : 4{,}40.$$

«Доходъ же казенный, пребывая въ 100 мил. ассигн., при 4 руб. 40 коп. сдѣлается 22,722,272 руб. сереб., а потому недоставать будетъ въ потребныхъ на расходы $27^1/_2$ мил. руб. сереб.,—4,772,728 руб. серебряныхъ. Это недостающее количество, когда умножено будетъ 4 руб. 40 коп., составитъ 21,000,003 руб. ассигнаціонныхъ. Это же количество, когда прибавлено будетъ къ находящимся въ обращеніи 110 мил., составитъ 131,000,003 руб. ассигн., и тогда цѣна серебрянаго рубля будетъ такъ:

$$1 : 4 = \frac{131}{100} : 5,24.$$

«При 5 руб. 24 коп. доходъ 100 мил. руб. ассигнаціонныхъ преобразится въ 19,083,958 сереб. рублей. Недостатокъ въ $27^1/_2$ милліон. сереб. рублей окажется въ 8,416,042 руб. сереб., которые при 5 руб. 24 коп. составятъ ассигнаціонныхъ 44,100,060 руб., коими вновь должно будетъ наполнить казначейство, а потому количество ассигнацій будетъ умножено до 175 милліон., отбрасывая уже тысячи. Тогда цѣна серебрянаго рубля будетъ какъ:

$$1 : 4 = \frac{175}{100} : 7 \text{ руб.}$$

«При 7 рубляхъ доходъ изъ 100 милліон. ассигнаціями сдѣлается равнымъ въ серебрѣ 14,285,714 рублямъ. Исключая эту послѣднюю сумму изъ потребныхъ на расходы $27^1/_2$ милліон. руб. сереб., недостатокъ окажется въ 13,214,286 руб. серебромъ же, которые при 7 руб. составятъ недостатокъ ассигнаціонными рублями въ 92,500,002.

«Слѣдуя тому же правилу, для пополненія недостатка вновь выпускать должно будетъ 92,500,002 руб. ассигн., и количество ихъ сдѣлается въ 267,600,062. При такомъ количествѣ отбрасывая тысячи, цѣна серебрянаго рубля сдѣлается какъ:

$$1 : 4 = \frac{267}{100} : 10 \text{ руб. } 68 \text{ коп.}$$

«При 10 руб. 68 коп. доходъ 10 милліон. руб. ассигн. сдѣлается въ $9,363,295^5/_{10}$ серебр. рублей. Недостатокъ въ $27^1/_2$ милліон. руб. сереб. будетъ въ 18,136,704 серебряныхъ же рубля. Для пополненія ихъ, при курсѣ 10 руб. 68 коп., должно будетъ вновь надѣлать ассигнацій на 193,699,998 руб. При новомъ выпускѣ, количество ассигнацій въ обращеніи увеличится до 461,300,060 руб. А при такомъ количествѣ, отбрасывая тысячи, цѣна серебрянаго рубля будетъ какъ:

$$1 : 4 = \frac{461}{100} : 18 \text{ руб. } 44 \text{ коп.}$$

«При такой цѣнѣ серебрянаго рубля, доходъ 100 миллiон. руб. ассгн. понизится до 5,422,993½ руб. сереб., которые вычтя изъ 27½ миллiон. руб., останется въ недоимкѣ 22,077,006 руб. сереб. А при цѣнѣ ихъ въ 18 руб. 44 к. ассигн., недостатокъ окажется въ 407,099,990 ассигн. руб. Тогда количество ассигн. рублей въ обращенiи будетъ 868,400,650 руб. При этомъ цѣна серебрянаго рубля будетъ какъ:

$$1 : 4 = \frac{868}{100} : 34 \text{ руб. } 72 \text{ коп.}$$

«При такой цѣнѣ серебрянаго рубля доходъ 100 миллiон. руб. ассигн. сдѣлается въ 2,880,184 руб. сереб., вычтя которые изъ 27½ миллiон. руб. останется недостатка 24,619,816 руб. сереб. При цѣнѣ 34 руб. 72 коп. недостатокъ въ ассигн. будетъ 854,800,011 руб. Приложивъ это количество къ прежнему, въ выпускѣ ассигн. находится будетъ на 1.724,200,661 руб. При этомъ количествѣ цѣна серебрянаго рубля будетъ какъ:

$$1 : 4 = \frac{1.724}{100} : 68 \text{ руб. } 92 \text{ коп.}$$

«При такой цѣнѣ серебрянаго рубля доходъ 100 миллiон. руб. ассигн. сдѣлается въ 1,450,958 руб. сер. Вычтя ихъ изъ 27½ миллiон. руб. сереб., недостатокъ окажется въ 26,049,042 руб. сереб. При цѣнѣ 68 руб. 92 коп., недостатокъ въ ассигнацiяхъ будетъ 1.795,299,974 руб. Приложа это количество къ прежнему, въ выпускѣ ассигнацiй находиться будетъ на 3.518,500,635 руб. При такомъ количествѣ цѣна серебрянаго рубля будетъ какъ:

$$1 : 4 = \frac{3.518}{100} : 108 \text{ руб. } 92 \text{ коп.}$$

«Цѣна серебрянаго рубля тогда будетъ въ 108 руб. 9 коп. ассигнацiонныхъ. Это различiе показываетъ, какъ во Францiи, въ малое число лѣтъ, бумажная монета отъ

ежегоднаго пополненія ея недостатка въ государственныхъ доходахъ, въ цѣнѣ своей упала, и изъясняетъ причину бывшей революціи.

«Она показываетъ ясно, какъ пагубенъ способъ покрывать недостатокъ дохода умноженіемъ бумажной монеты.

«Если бы при начальномъ появленіи въ государственномъ казначействѣ недостатка 10 милліон. руб., они были разложены на всѣ 100 милліон. руб., составлявшихъ тогда доходъ, то, конечно, налоги прибавились бы еще $^{1}/_{11}$ частью болѣе; но какъ всякій налогъ отнимаетъ часть только дохода у платящихъ, то такая прибавка составила бы нечувствительный процентъ на весь получаемый каждымъ лицомъ доходъ и съ тѣмъ вмѣстѣ пресѣклось бы дальнѣйшее возвращеніе налоговъ. Напротивъ того, при замѣнѣ такой раскладки новыми выпусками бумагъ, каждый изъ всѣхъ доходовъ своихъ лишается: во второмъ году 24%, въ третьемъ 42%, въ четвертомъ 62%, въ пятомъ 72%, въ шестомъ 88%, въ седьмомъ же болѣе 100%, т. е. рубль ассигнаціонный дѣлается въ своемъ достоинствѣ менѣе копѣйки.

«Когда бумажная монета доходитъ до такого положенія, то правительство, которое ее выпускало, объявляетъ себя банкротомъ и бумажная монета уничтожается. Этого довольно, дабы убѣдиться каждому въ зловредности и опасности того способа наполненія недостатковъ государственнаго дохода, который заключается въ новыхъ выпускахъ бумагъ. Причиняемое этими выпусками разстройство монетѣ не есть-ли *тягчайшій налогъ*, какимъ только народъ до самой высшей степени обременить возможно? И бремя это можетъ-ли равняться съ какимъ ни есть другимъ?»

Отъ теоріи Мордвиновъ обращается къ дѣйствительности.

«До 1810 года, говоритъ онъ, выпущено было у насъ ассигнацій на 550 милліон. руб. Когда все количество ихъ

раздробилось въ обращеніи своемъ и вступило въ мелочные обмѣны на жизненные припасы, на дневныя издержки, на заплату за работы, тогда ассигнаціонный рубль уменьшился до 25 коп., и 4 рубля ассигнаціонныхъ сдѣлались равными одному рублю серебряному.

«Въ 1810 г. государственный доходъ состоялъ въ 100 милліон. руб. ассигн., а потому въ 27½ милліон. руб. серебр. Во время царствованія императрицы Екатерины II, доходъ государственный простирался до 60 милліон., равнявшихся, по тогдашнему курсу ассигнацій, 45 милліон. руб. сереб. Слѣдовательно, доходы государственные, въ началѣ 1810 года, были существенно менѣе тогдашнихъ 17½ милліон. серебряныхъ рублей.

«Но съ 1810 г., по угрожавшимъ уже обстоятельствамъ и необходимости принимать заблаговременныя мѣры къ защитѣ отечества, расходы государственные требовали не менѣе 300 милліон. ассигн., а серебромъ 75 милліон. рублей. При такомъ положеніи, правительство, отвергши прежнюю мѣру пополненія недостатковъ дохода выпускомъ новыхъ количествъ ассигнацій, заблагоразсудило замѣнить ее возвышеніемъ налоговъ.

«Чтобы признать, насколько спасителенъ былъ такой поступокъ правительства, то обозримъ послѣдствія отъ умноженія бумажной монеты, когда она уже превзошла должную мѣру. Слѣдующія вычисленія покажутъ намъ въ несомнѣнномъ ариѳметическомъ изложеніи, во сколько лѣтъ Россія, безъ указанной осторожности, разориться бы могла и правительство долженствовало бы объявить себя банкротомъ.

«Такимъ образомъ, въ 1810 г. потребно было на государственные расходы 75 милл. руб. сереб., доходъ же состоялъ всего изъ 27½ мил. руб. сер., слѣдовательно не доставало 47½ мил. руб., которые, полагая по 4 руб., составляли 200 мил. ассигнаціями. Съ выпускомъ на эту сумму ассигнацій, находилось бы ихъ всѣхъ въ обращеніи 750 м.

рублей. При такомъ количествѣ серебряный рубль сдѣлался бы какъ:

$$1 : 4 = \frac{750}{100} : 5 \text{ р. } 45 \text{ к.}$$

Затѣмъ, повторяя рядъ метаморфозъ этой пропорціи, согласно съ предложенною выше теоріею, Мордвиновъ находитъ, что количество ассигнацій увеличилось бы такъ:

Въ	1811	году	ихъ	было бы	298,754,998
»	1812	»	»	»	447,900,000
»	1813	»	»	»	706.000,101
»	1814	»	»	»	1.090,750,012
»	1815	»	»	»	1.685,500,009
»	1816	»	»	»	2.605,000,001
»	1817	»	»	»	4.025,500,000
»	1818	»	»	»	6.221,500,064.

Въ это время рубль ассигнаціонный слѣдовалъ бы упадку въ обратномъ порядкѣ, какъ:

Въ	1810	г.	»	»	5,45
»	1811	»	»	»	7,14
»	1812	»	»	»	10,88
»	1813	»	»	»	16,01
»	1814	»	»	»	23,94
»	1815	»	»	»	36,20
»	1816	»	»	»	55,14
»	1817	»	»	»	84,42
»	1818	»	»	»	129,67.

«Изъ этого открывается, говоритъ Мордвиновъ, что продолженіемъ выпуска новыхъ количествъ бумагъ и причиненіемъ черезъ то униженія въ цѣнѣ монетъ, имущества и доходы всѣхъ вообще подданныхъ составляющей, правительство налагало бы на всѣ состоянія, на всякую промышленность, трудъ, прибыль и на каждый рубль, въ обращеніи

находящійся, дѣйствительнаго налогу: въ первый годъ по $36^1/_4\%$; во второй 86%, и далѣе, пока, такимъ образомъ, годъ отъ году возвышая его, въ 1818 году довело бы цѣну рубля ниже копѣйки, такъ что каждый лишаясь изъ 100—99 съ дробями, долженствовалъ бы вмѣсто мнимыхъ рублей, оставаться при равномъ числѣ копѣекъ, да и то неполныхъ. Тогда Россія, конечно, нашлась бы въ подобномъ положеніи, *какъ была въ недавнихъ временахъ Франція*, гдѣ бѣднѣйшій человѣкъ принужденъ былъ за самый умѣренный обѣдъ платить 500 ливровъ. Извѣстныя всѣмъ послѣдствія отъ разстройства тамошнихъ финансовъ, послѣдствія бѣдственныя и ужасныя въ слѣдствіяхъ своихъ, могли бы и Россію постигнуть, если бы продолженіе новыхъ выпусковъ бумагъ не было у насъ заблаговременно остановлено.

«По мѣрѣ какъ умножаемо было количество ассигнацій до 1811 г., рубль ассигнаціонный упадалъ; а когда перестали умножать количество ихъ, серебряный рубль остановился на 4 бумажныхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вновь выпускаемыя правительствомъ, въ прибавку къ прежнимъ, ассигнаціи, выходя изъ банка не иначе какъ милліонами или сотнями, а рѣдко десятками тысячъ, доколѣ обращаются въ большихъ количествахъ, уподобляются векселямъ, никакого дѣйствія на цѣны вещей имѣть не могущимъ; переходя же потомъ отъ капиталистовъ малыми частями къ мелочнымъ торговцамъ, фабрикантамъ, ремесленникамъ, и проч., раздробляются въ теченіе времени въ монету, составляющую обыкновенные житейскіе расходы. Такимъ образомъ, дошедъ до раздѣленія въ рублевыя единицы, для дневнаго обихода, особенно низшему, многочисленному сословію людей и для заплатъ ему за дневныя работы употребляемыя, получаютъ наконецъ неизбѣжное дѣйствіе, ударяющее на цѣну вещей. Но, чтобы ассигнаціи, вышедшія изъ казны въ огромномъ количествѣ, могли дойти до такого раздробленія, то потребно довольно времени, такъ что выпущенныя въ 1810 году можетъ быть и до нынѣ еще не успѣли перейти всѣ изъ опто-

ваго въ мелочные торги, а тѣмъ болѣе въ обращеніе, удовлетворяющее дневнымъ житейскимъ потребностямъ, и, что можетъ статься, ознаменуютъ онѣ себя вполнѣ въ настоящемъ и въ послѣдующихъ годахъ.

«*Въ 1810, 1811 и въ началѣ 1812 г.* департаментъ государственной экономіи съ рачительностью изложилъ правила, наставляющія и могущія руководить къ *основательному впредь управленію госуд. казначействомъ*, не только съ сохраненіемъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ доходовъ въ безущербномъ достоинствѣ, но и съ постепеннымъ возвышеніемъ въ этомъ достоинствѣ».

Далѣе Мордвиновъ переходитъ къ изложенію системы, которой слѣдовало бы держаться правительству при извлеченіи Россіи изъ затруднительнаго финансоваго положенія. ✓

«Если бы, говоритъ онъ, не послѣдовало уклоненія отъ предложенныхъ мѣръ, когда доходы государственные были возведены до 320 мил. руб., и изъ нихъ отчислено было бы на первогодичные расходы 310 мил., а 10 мил. обращены были бы къ истребленію, для возвышенія достоинства монеты, въ доходъ получаемой, тогда осталось бы въ обращеніи 540 мил., серебряный же рубль сдѣлался бы какъ:

$$1 : 4 = \frac{540}{550} : 3 \text{ р. } 92 \text{ к.}$$

«При этой цѣнѣ сереб. рубля, 77½ мил. руб. серебромъ потребовали бы въ ассигнаціяхъ 305,800,000 р., вычтя которые изъ дохода 320 мил., осталось бы на потребленіе 16,200,000; а эти вычтя изъ 550 мил. нашлось бы въ обращеніи 523,800,000 р. ассигнац. Въ такомъ случаѣ серебряный рубль сдѣлался бы какъ:

$$1 : 4 = \frac{523}{550} : 3 \text{ р. } 80 \text{ к.», и т. д.}$$

Мордвиновъ представляетъ рядъ таблицъ, показывающихъ постепенное уравновѣшеніе серебрянаго и ассигнаціоннаго рублей, и приходитъ къ такому заключенію:

«Изъ этого вычисленія ясно, что, содержа доходъ въ одинаковомъ достоинствѣ, заключающемся въ 77½ мил. р. сереб., возможно было бы ежегодно прибавлять количество ассигнацій для истребленія, и это истребленіе послѣдовало бы, какъ:

10,000,000
16,200,000
25,500,000
39,450,000
61,925,000
96,800,000
151,050,000.

«Рубль ассигнаціонный приближался бы въ достоинствѣ къ серебряному, какъ:

Въ 1812 году	»	»	»	3, 92
» 1813	»	»	»	3, 80
» 1814	»	»	»	3, 62
» 1815	»	»	»	3, 33
» 1816	»	»	»	2, 88
» 1817	»	»	»	2, 18
» 1818	»	»	»	1 р. 08».

Признавая, что нельзя вполнѣ ручаться за точность такого рода настоящаго вопроса, зависящаго отъ болѣе или менѣе равномѣрнаго обращенія денегъ и т. п. обстоятельствъ, Мордвиновъ приходитъ къ заключенію, что въ общихъ основаніяхъ эта система вполнѣ вѣрна. «Здѣсь принято за основаніе, прибавляетъ онъ, постоянство цѣнъ вещей на серебро, и постоянное количество серебра предложено на всегодные расходы; но можетъ случиться, что униженіе цѣнъ на вещи не послѣдуетъ въ желаемой скорости и въ точной сообразности возвышенія достоинства ассигнаціоннаго рубля. Въ этомъ случаѣ, недостатокъ назначенной на расходъ суммы, долженъ вознаграждаться побочными способами. Исправленіе

финансовъ нашихъ зависитъ единственно отъ воли правительства, *но воли твердой, неизмѣнной и постоянной въ выполненіи.* А чтобы она достигла цѣли, необходима *строгая умѣренность въ распредѣленіи доходовъ.*

«Началомъ къ этому, говоритъ Мордвиновъ, дожно служить то, чтобъ при каждомъ расходѣ, великомъ и маломъ, первое вниманіе обращено было на испытаніе, не можетъ ли онъ измѣненъ быть или произведенъ меньшимъ числомъ суммы, дабы превосходнѣйшіе могли составляться остатки на истребленіе бумажныхъ денегъ? Въ этомъ предположеніи, *всѣ излишества, всякая временная прихоть, и вообще всякая издержка, произведенная безъ строгой необходимости, должны быть признаваемы преступленіемъ противъ государственнаго и народнаго блага*, какъ, напротивъ того, *всякій сбереженный отъ расходовъ* и къ истребленію назначенный *рубль* почитаемъ былъ бы самымъ драгоцѣннымъ и одолжительнымъ, какъ служащій къ возвышенію достоинства всѣхъ остающихся по немъ въ обращеніи рублей, дѣлая чрезъ то государственный доходъ превосходнѣйшимъ, съ возведеніемъ и частныхъ имуществъ въ высшую степень цѣны... Вычисленія очевидно доказываютъ, что 1 мил., въ началѣ года истребленный, пораждаетъ къ концу года его почти 2½ мил., какъ бы очевидною рукою влагаемые въ государственную казну, и что затѣмъ напрасно было бы заниматься отыскиваніемъ другихъ способовъ къ поправленію нашихъ финансовъ, когда этотъ источникъ есть самый богатѣйшій. *Никакая мѣра, никакой налогъ* не могутъ съ нимъ сравниться, и сколько бы въ высокой степени ни было народное богатство, не можетъ оно оказать такихъ значительныхъ вспомоществованій госуд. казначейству.

«Когда грозныя обстоятельства войны миновали, когда всеобщій миръ въ Европѣ получилъ твердое основаніе и способы прочнаго устройства финансовъ зависятъ единственно отъ нашей воли, то испытуемые нынѣ недостатки по госуд. казначейству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и томительное состояніе

всѣхъ подданныхъ, и препятствія въ дальнѣйшемъ возвышеніи народнаго благоденствія, справедливо могутъ быть сочтены произвольными. Каждый день перѣшительности за употребленіе этой спасительной мѣры есть день, утраченный для государства и могущій упрекать въ его небреженіи».

Когда государство достигнетъ такого счастливаго состоянія, то правительство въ состояніи будетъ обратить свое вниманіе на дѣйствительно полезныя дѣла. «Тогда, говоритъ Мордвиновъ, благословенный нынѣ за великіе военные подвиги, Александръ I возможетъ покрыть себя дѣйствительно неувядаемою во вѣки славою отечества; ибо будетъ въ состояніи произвесть слѣдующіе великодушные виды и предположенія:

«1) Уплатить всѣ долги и утвердить довѣріе къ правительству.

2) Возвысить оклады жалованья по всѣмъ частямъ государственной службы.

3) Исключить изъ доходовъ государственныхъ всѣ статьи, соединенныя съ развращеніемъ народной нравственности и слѣдовательно подающія поводъ къ безчисленнымъ злодѣяніямъ, пагубнымъ для лицъ и для общества.

4) Снять налоги съ капиталовъ, служащихъ источниками доходовъ, и уничтожить подати, воспрещающія распространенію полезнаго труда.

5) Устроить повсемѣстно дороги съ гостиницами и прочими удобствами, такъ нужными въ государствѣ, когда правительство заботится о развитіи промышленности и торговли.

6) Размножить водяныя сообщенія соединеніемъ между собою рѣкъ, протекающихъ на всемъ пространствѣ имперіи, и усовершенствовать морскія и рѣчныя пристани.

7) Устроить по городамъ гостиницы, для избавленія жителей отъ постоевъ, препятствующихъ приходить имъ въ цвѣтущее состояніе, и въ каждомъ городѣ соорудить все, что для него необходимо и полезно.

8) Осушить болота, и тѣмъ какъ бы воскресить великія

пространства земли, покрытой нынѣ кочками, безплодным мхомъ и стоячею водою, очистивъ вмѣстѣ съ тѣмъ воздухъ отъ гнилыхъ вредныхъ испареній.

9) Завесть въ разныхъ мѣстахъ общества, могущія способствовать развитію знаній по части сельскаго хозяйства, съ обращеніемъ вниманія на сельскія орудія, зерна и домашнія животныя, по каждому роду ихъ.

10) Усилить *повсемѣстное распространеніе народнаго просвѣщенія* размноженіемъ числа училищъ, *заведеніемъ народныхъ книгохранилищъ*, преподаваніемъ *публичныхъ лекцій* земледѣлія, механики, физики, химіи, минералогіи и металлургіи, какъ наукъ, способствующихъ *существенному просвѣщенію*; и вообще говоря, чтобы составить капиталы для многихъ полезныхъ установленій, не существующихъ нынѣ, но для усовершенствованія благосостоянія народнаго необходимыхъ.

«Съ приведеніемъ столь благотворныхъ видовъ въ дѣйствительное исполненіе, возникнутъ повсемѣстно и благость нравовъ, и честность судей, и вѣрность правителей, и внутренняя тишина, и успѣхъ просвѣщенія, промышленности и торговли, и наконецъ довольство и благоденствіе.

«Томленіе Россіи уже велико, и всѣ состоянія страдаютъ... Ропотъ этотъ распростерся уже по всѣмъ предѣламъ государства: въ каждомъ городѣ, въ каждомъ семействѣ, при каждой встрѣчѣ, посреди бесѣды, о чемъ нынѣ разглагольствуютъ? Чѣмъ рѣчь каждаго растворяется и умы и сердца горечью наполняетъ? Жалобою на дороговизну, на ущербъ капиталовъ, на умаленіе имущества для удовлетворенія необходимо нужнымъ издержкамъ. Богатый жалуется, что сдѣлался бѣднымъ, избыточный недостаточнымъ, довольный нуждающимся, и голосъ многочисленнаго народа громокъ и убѣдителенъ! Такое томительное состояніе убѣждаетъ торжественно къ безотложному принятію мѣръ, *не временныхъ и подверженныхъ измѣненіямъ, но постоянныхъ и дѣйствительныхъ*.

«Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ достоинство монеты не могло

быть исправлено, коль скоро возревнуютъ искренно и постоянно о томъ управляющіе финансами нашими; но за тѣмъ останется еще зло опаснѣйшее, не вещественное, которое всегда преодолѣть возможно, но нравственное, едва побѣждаемое человѣческими силами. При упадкѣ монеты благость нравовъ увядаетъ, и блескъ и красота ея исчезаютъ... Не чувствительно всѣ состоянія, всѣ лица предаются душевнымъ разслабленіямъ; да и кто можетъ противиться тому, когда естественныя нужды къ тому побуждаютъ?

«И такъ, *каждая упускаемая нынѣ минута* къ пресѣченію этого нравственнаго зла уготовляетъ бѣдствіе для государства величайшее и труднѣйшее. Упущеніе тѣмъ болѣе укоряющее, что отъ рѣшимости воли единственно зависитъ возстановленіе прочнаго благоденствія.

«При упадкѣ монеты все мертво, или мятежно; при неизмѣнномъ же достоинствѣ ея все здраво, чинно и благоуспѣшно».

Въ подтвержденіе своихъ положеній о средствахъ къ устраненію разстройства финансовъ, Мордвиновъ прибавляетъ въ заключеніе, что вслѣдствіе остановки выпуска бумажныхъ денегъ въ 1813 году, въ силу представленнаго имъ мнѣнія, къ 1816 году ассигнаціонный рубль приблизился къ постоянной цѣнѣ въ отношеніи серебрянаго рубля. Но положеніе вещей было до того затруднительно, что онъ считалъ пока главною цѣлью; по крайней мѣрѣ, сохранить надолго это отношеніе [1]).

Понятно, что вопросъ, нѣкогда близкій Сперанскому, не могъ не интересовать его теперь, когда шло дѣло о защитѣ той монеты, въ созданіи которой приходилось ему принимать такое участіе. А потому Мордвиновъ, вскорѣ послѣ представленія своего мнѣнія въ государственный совѣтъ, отправилъ экземпляръ его и Сперанскому. Послѣдній же, въ письмѣ къ Столыпину, отъ 22 января 1816 года, поспѣ-

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859 г., IV, стр. 92.

шилъ сообщить о немъ свой отзывъ: «Весьма благодаренъ за мнѣніе Николая Семеновича, пишетъ Сперанскій; я думалъ и кой-что даже написалъ было; о тѣхъ же предметахъ; *теперь все это не годится все у него и глубже и тверже, и вѣрнѣе въ разсчетахъ, хотя основанія одинаки*. Желательно, чтобъ это *подлинно классическое произведеніе было переведено на другіе языки, и особенно на англійскій*. Я увѣренъ, что въ самой Англіи *умные и благомыслящіе люди*, не принадлежащіе къ здѣшней англійской факторіи, *не безъ удовольствія увидятъ, что и у насъ есть такіе люди; увидятъ и, къ стыду нашему, подивятся, когда мнѣнія этого у насъ не послушаютъ*. Пишу вамъ это искренно и, право, не для того, чтобъ вы ему это показали: *ибо онъ и безъ того знаетъ мои къ нему чувства*» (изъ Великополья [1]).

Программа, предложенная Мордвиновымъ, была принята. Въ 1817 году общее количество ассигнацій простиралось до 836 милліоновъ. Для извлеченія ихъ изъ обращенія была назначена ежегодная сумма въ 30,000,000 руб., которою погашалось равное же количество ассигнацій. Кромѣ того, на погашеніе ихъ были назначены остатки отъ платежей по срочнымъ долгамъ и отъ государственныхъ доходовъ, а также суммы, слѣдовавшія коммиссіи за проданныя имущества и по безсрочнымъ займамъ, которыхъ было сдѣлано два, на сумму до 100,000,000 руб. ассигн. Благодаря этимъ средствамъ, втеченіи пяти лѣтъ, съ 1817 года по 1822, было извлечено изъ обращенія ассигнацій на сумму около 240 мил., такъ что въ 1823 г. ихъ оставалось въ обращеніи на сумму 595,776,310 руб. Курсъ нѣсколько поднялся, но государственные расходы увеличились на сумму процентовъ, подлежавшихъ уплатѣ по займамъ [2]).

Съ назначеніемъ Сперанскаго въ Пензу, Гурьевъ сталъ обращаться къ нему по дѣламъ своего министерства. Онъ

[1]) См. письма Сперанскаго къ Столыпину, Русск. Архивъ, 1870, стр. 888—889.

[2]) Богдановичъ, Истор. царств. Александра I, т. V, 319—320.

сталъ пересылать ему проекты министерства о кредитной системѣ, о предполагавшихся внутреннихъ государственныхъ займахъ и введеніи обезпеченныхъ безсрочныхъ долговъ. Бывшій государственный секретарь, въ свою очередь, то отвѣчалъ ему ободреніемъ, то предлагалъ свои разсчеты. «Сіи превосходныя учрежденія, писалъ онъ, ставятъ правительство наше на такой высотѣ финансовыхъ соображеній, къ которой и самая Англія доходила вѣками. Если есть что либо въ предположеніяхъ человѣческихъ достовѣрное, то учрежденія сіи неминуемо должны достигнуть своей цѣли, когда только *съ твердостью* и съ нѣкоторымъ даже упрямствомъ будутъ ихъ держаться. Я называю упрямствомъ сіе пренебреженіе мелкихъ и временныхъ неудобствъ, которое во всякомъ важномъ установленіи необходимо.

«Чтобы возбудить довѣріе къ правительсву, оно обязано прежде всего имѣть довѣріе къ самому себѣ, довѣріе къ собственнымъ своимъ видамъ, довѣріе къ лицамъ и ихъ правиламъ, когда разъ правила сіи приняты. *Всякое колебаніе въ семъ родѣ дѣлъ вреднѣе, нежели самое дѣйствіе.*

«Система кредитная, нынѣ принятая, столь глубоко основана, что ничто ее, въ самой себѣ, поколебать не можетъ. Заемъ для нея есть средство вспомогательное, но не существенное. Она и безъ него найдетъ, лишь бы сила, двинувшая ее, съ твердостью до конца ее сопровождала.

«Мысль, образовавшая систему обезпеченныхъ безсрочныхъ долговъ, хотя въ началѣ произошла отъ нужды, но въ послѣдствіи сдѣлалась кореннымъ началомъ благосостоянія государствъ. Долги сего рода налагаютъ столь крѣпкую связь между пользою правительства и частныхъ людей, что можно и должно до нѣкоторой мѣры заводить ихъ даже и безъ крайней нужды. Ихъ должно учреждать *на досугѣ*, чтобъ ознакомить, пріучить и пріуготовить ихъ *на случай нужды.*

«Содѣйствіе времени и постепенность наипаче нужны въ погашеніи долговъ ассигнаціонныхъ. Если бы какой нибудь

чародѣй (и сколько такихъ чародѣевъ было въ Европѣ !) предложилъ самыя вѣрныя средства вдругъ, въ одинъ годъ, безъ банкротства, чистымъ серебромъ выплатить весь избытокъ ассигнацій и поставить ихъ наравнѣ съ лучшею монетою, то надлежало бы отвергнуть его предложеніе. *Всякое внезапное потрясеніе во взаимныхъ отношеніяхъ имуществъ пагубно*; *быстрое погашеніе произвело бы самое вредное замѣшательство* въ цѣнахъ и многихъ разорило бы до основанія. Опредѣленная сумма, на сіе ежегодно отдѣляемая, дѣйствуя совокупно съ мѣрами, по всѣмъ другимъ частямъ кредита принятыми, вскорѣ произведетъ послѣдствія, тѣмъ болѣе благотворныя, что они будутъ постепенны и единообразны!» [1])

Мордвиновъ же по прежнему строго слѣдилъ за дѣйствіями министерства финансовъ. Въ первомъ же отчетѣ своемъ о государственной росписи (на 1817 годъ) онъ отзывается о ней передъ совѣтомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Представляемую министромъ финансовъ роспись государственнымъ доходамъ и расходамъ на 1817 годъ, департаментъ государственной экономіи не можетъ принять въ видѣ истиннаго отчета, показывающаго состояніе государственныхъ финансовъ; ибо первая и главнѣйшая часть, означающая вѣрность и правильность отчета, въ росписи не существуетъ. *Долговая часть*, на коей основывается государственный кредитъ, въ представленіи министра финансовъ умолчена: ни о количествѣ долговъ, ни о ихъ обезпеченіи въ оной не упомянуто. Столь существенное небреженіе содѣлываетъ роспись порочною, а представленіе оной отъ министра финансовъ несообразнымъ *уставу его министерства*. Равнымъ образомъ, департаментъ государственной экономіи не можетъ признать правильнымъ остатокъ, министромъ финансовъ въ доходахъ показанный; ибо остатокъ можетъ существовать

[1]) Письма отъ 28 мая и 19 іюня 1817 г., въ сборникѣ «Въ память гр. Сперанскаго», стр. 460—469.

только тогда, когда уплачены, или, по крайней мѣрѣ, обезпечены платежемъ долги, согласно съ условіями, при займахъ учиненными. По таковой причинѣ, департаментъ госуд. экономіи, не приступая къ разсмотрѣнію назначенныхъ на расходы суммъ, мнѣніемъ полагаетъ, внести въ общее государственнаго совѣта собраніе роспись, представленную министромъ финансовъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она поступила въ департаментъ государственнаго хозяйства» [1])

И въ то время, когда министерскіе отчеты о состояніи финансовъ въ Россіи становились тайною для общества, Мордвиновъ продолжалъ заявлять о необходимости для нихъ полной гласности. Въ такомъ духѣ написанъ имъ «отзывъ предполагающимъ вредъ и соблазнъ отъ раскрытія народу тайны о состояніи финансовъ Россійскаго государства» [2]). «Люди и народы, говоритъ Мордвиновъ, по мѣрѣ какъ достигаютъ возмужалости и усовершенствованія въ разсудкѣ опытомъ и пріобрѣтеніемъ просвѣщенія—оставляютъ дѣтскія свои сужденія и начинаютъ принимать иныя о вещахъ и дѣлахъ понятія. Въ младенчествѣ народовъ управленіе государственными финансами вездѣ сохраняется въ тайнѣ, и соблюденіе сей тайны было первенствующею государственною обязанностію. Въ Россіи и до нынѣ есть люди, кои смѣло утверждаютъ, что важная сдѣлается погрѣшность чрезъ объявленіе количества выпущенныхъ ассигнацій и признаніе бумажной монеты государственнымъ долгомъ. Напротивъ того, въ Англіи не скрываютъ долга, и почитаютъ тамъ *всякую тайну въ управленіи финансовъ весьма вредною*. Такъ сіе должно быть! Дѣти иждивать могутъ только то наличное, что въ рукахъ своихъ имѣютъ; возмужалые же стяжаютъ превосходныя богатства *отъ довѣрія*, въ обществѣ ими пріобрѣтаемаго. Народы, достигшіе высшей степени просвѣщенія и умудренные въ истинныхъ началахъ

---

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.
[2]) Ibid., т. VII.

науки государственнаго управленія, признаютъ, что тайна и обманъ совокупно съ довѣренностью существовать не могутъ».

Мы видѣли, что Мордвиновъ не одобрялъ главныхъ основаній новаго тарифа и настаивалъ на необходимости расширить кругъ предметовъ вывоза изъ Россіи. Въ 1816 г. онъ напечаталъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуры въ Россіи и о тарифѣ» [1]), посвященную защитѣ запретительнаго тарифа на мануфактурныя произведенія, съ цѣлью поддержки отечественнаго фабричнаго производства, безъ котораго, какъ онъ говоритъ, и просвѣщеніе страны слабо, и она, въ экономическомъ отношеніи, подчиняется чужой зависимости. Онъ замѣчаетъ, что всѣ условія у насъ благопріятствуютъ шерстяной промышленности, развитіе которой, въ свою очередь, благодѣтельно повліяетъ на земледѣліе [2]). Уже здѣсь онъ высказывается противъ толпы дворовыхъ людей, которые лишаютъ страну нерѣдко самыхъ здоровыхъ рукъ, и, замѣчая о ничтожности мѣщанства въ Россіи, какъ городскаго элемента, говоритъ, что оно можетъ подняться только съ развитіемъ капиталовъ въ странѣ. Затѣмъ, обращаясь къ самому тарифу, онъ указываетъ на печальныя явленія, обнаружившіяся немедленно послѣ пониженія его, и вполнѣ соглашается на свободу торговли, но подъ условіемъ *всеобщей свободы*, а не для одной Россіи Тутъ же онъ возражаетъ противъ мысли Шторха, о неизбѣжной зависимости Россіи отъ другихъ промышленныхъ народовъ, высказанной послѣднимъ въ его «Политической экономіи» [3]).

---

[1]) Изд. 2-е, съ дополненіями, Спб., изд. Ив. Глазунова.

[2]) Такъ, въ одномъ изъ своихъ мнѣній онъ указывалъ на выдѣлку хорошихъ шалей въ Пензенской губ., а потому ходатайствовалъ о выдачѣ заводчику вспоможенія въ 100,000 руб., совѣтуя обратить вниманіе на эту отрасль промышленности (Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VII).

[3]) Сочиненіе Мордвинова о тарифѣ помѣщено также въ Собр. его мнѣній, т. III.

При разсмотрѣніи, въ началѣ 1817 г., въ государственномъ совѣтѣ положеній о сборахъ доходовъ съ продажи вина и водокъ, Мордвиновъ сдѣлалъ свои замѣчанія, въ которыхъ снова предлагалъ внести въ винный уставъ право продажи за границу водки *на свободныхъ началахъ* (указывая, что голландцы, покупая хлѣбъ въ Россіи, дѣлаютъ сами водку) и устранить затрудненія для вывоза виноградной водки (изъ Кизляра) и винъ, задерживающія сбытъ этихъ произведеній [1]). Далѣе онъ возражаетъ противъ монополіи богатыхъ капиталистовъ. Затѣмъ такъ заключаетъ свое мнѣніе: «При откупахъ народъ былъ угнетенъ, говоритъ министръ финансовъ; при казенномъ управленіи, свойственномъ оному, присовокупляютъ новыя угнетенія. *Не нужно-ли перемѣнить употребляемую нынѣ отжигательницу*, которая подвергаетъ великимъ обманамъ»?

Эта записка (отъ 5 февраля 1817 г.) была внесена въ журналъ государственнаго совѣта [2]). Между тѣмъ, въ совѣтъ послѣдовало отъ государя предложеніе представить мнѣніе объ уменьшеніи пьянства въ народѣ. Тогда Мордвиновъ составилъ новую записку «о винной продажѣ» (21 марта 1817 г.), въ которой говоритъ о трезвости, какъ основаніи нравственности, а потому требуетъ уже внести въ уставъ о винной продажѣ слѣдующія ограниченія: 1) запретить продажу вина и водки въ праздники; 2) въ простые дни дозволить продажу только отъ обѣдни до вечерни; 3) въ деревняхъ разрѣшить продажу подъ условіемъ согласія землевладѣльцевъ и волостнаго начальства; 4) въ городахъ дозволять заводить кабаки не болѣе какъ въ количествѣ 1-го на 1,000 человѣкъ; 5) не дозволять пить въ питейныхъ домахъ; 6) не дозволять въ нихъ сходокъ, бесѣдъ и удобной

[1]) Въ тарифѣ, изд. 20 ноября 1819 г., объ этомъ было выражено такъ: «Отпускъ за границу вина и спирта позволяется только изъ тѣхъ губерній, которыя пользуются правомъ свободнаго винокуренія». См. книгу тарифовъ, отд. II, стр. 44.

[2]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

для того обстановки; 7) запретить входъ въ кабаки женщинамъ и 8) водку продавать не иначе, какъ въ запечатанныхъ бутылкахъ (т. е. на выносъ).

Въ замѣчаніи Мордвинова объ этой запискѣ сказано, что она не была подана въ совѣтъ, потому что въ манифестѣ о винномъ уставѣ, прочитанномъ въ совѣтѣ, не было изъявлено вниманія къ его предыдущей запискѣ. Но 22 марта Мордвиновъ послалъ вторую записку, съ письмомъ къ государю, въ которомъ выражается о пьянствѣ, *«какъ разслабляющемъ общественныя силы и потому убыточномъ для государственной экономіи»* [1]).

Но взоры Мордвинова не останавливались на однѣхъ «вершинахъ»; они простирались и на далекія окраины.

Страстное увлеченіе Мордвинова вопросами, около которыхъ вращалась его главная дѣятельность, отражалось на всякомъ дѣлѣ, имѣвшемъ къ нимъ то или другое отношеніе. Въ то время, когда кипѣла на Кавказѣ ожесточенная война за укрѣпленіе тамъ русскаго владычества, а въ государственной сферѣ подымался вопросъ о средствахъ подчиненія Россіи Кавказа внутренними мѣрами, Мордвиновъ подалъ 19 іюня 1816 года свое «мнѣніе о способахъ, коими Россіи удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей» [2]). Оно основано на тѣхъ положеніяхъ, которыя постоянно предлагались Мордвиновымъ, какъ pia desideria, для блага Россіи.

«Народы кавказскіе, говоритъ онъ, огражденные твердо быстрыми потоками водъ, утесами горъ, ущельями неприступными, лѣсами непроходимыми, долинами, отъ нападенія безопасными, останутся навсегда и вѣчно въ независимости, доколѣ сохранятъ свои нравы, обычаи, доколѣ довольны будутъ дарами одной природы и внѣ домовъ своихъ будутъ находить все, что умѣреннымъ и обыкновенно при дикомъ

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

[2]) Чтен. Моск. общ. ист., 1858, IV, 109—112.

состоянии малочисленнымъ желаніямъ удовлетворяетъ несбыточно.

«Таковыхъ народовъ оружіемъ покорить невозможно; вѣчная вражда господствуетъ на границѣ ихъ, и часто успѣваетъ въ грабежахъ и разореніяхъ, когда менѣе она ожидаема. Число войскъ, огромные военные снаряды и превосходство въ военномъ искусствѣ не оградятъ съ безопасностью отъ временныхъ ихъ нападеній. Часто будутъ они удачны, всегда будутъ вредны сосѣдственнымъ мирнымъ селеніямъ.

«Необходимость потребуетъ содержать великое число войскъ, истощать великія сокровища денегъ, имѣть повсюду воинскіе отряды, испытывать въ людяхъ великій ущербъ отъ безпрестаннаго бдѣнія, отъ безпрестанныхъ переходовъ, отъ различныхъ недостатковъ, отъ всего, что вредно человѣческому здравію: отъ зноя солнца, отъ вѣтра, отъ испареній влажной земли. И всѣ эти усилія едва доставятъ спокойствіе ограждаемымъ военною стражею селеніямъ.

«Но Россія должна имѣть иные виды, а не одну только временную безопасность и огражденіе сосѣднихъ своихъ нивъ и пастбищъ. Передъ нею лежатъ Персія и Индія. *Къ нимъ должно проложить дороги* и сдѣлать ихъ открытыми во внутренность Россіи. Европа устарѣла и требуетъ мало отъ избытковъ нашихъ; Азія юная, необразованная, тѣснѣе можетъ соединиться съ Россіею, и все, что изящное въ превосходствѣ просвѣщенія и трудѣ заключается, послужитъ къ увеличенію могущества Россіи надъ этою пространнѣйшею и важнѣйшею частью свѣта. Нашему рукодѣлію, промышленности и торговлѣ предстоятъ богатѣйшіе истоки на югъ, нежели на сѣверъ.

«Чтобы покорить народы, кои ближе къ дикому, нежели образованному состоянію, должно *пріучить* къ тому, что Россія производитъ и чѣмъ можетъ ихъ всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, имъ потребныхъ, должно возродить въ нихъ *новыя желанія*, *новыя нужды*, *новыя*

привычки, должно ознакомить ихъ съ нашими услажденіями, нашими увеселеніями, и умягчить суровую нравственность ихъ нашею роскошью, *сблизить ихъ съ нашими понятіями*, вкусами, нуждами, и требованіями отъ насъ домашней утвари, одежды и всякихъ прихотливыхъ издѣлій.

«Тогда не только сдружимся съ ними на границахъ ихъ, но достигнемъ до сокровеннѣйшихъ ущелій ихъ горъ, куда наши ядра и штыки никогда не въ состояніи достигнуть и которыми можно питать только вѣчную вражду.

«Тогда, соединенные нравственно съ жителями кавказскихъ горъ взаимными обмѣнами введенной внутрь земли ихъ торговли, обезпеченные на путяхъ, лежащихъ чрезъ кавказскія горы, въ состояніи будемъ основать наши сообщенія съ сопредѣльными великими державами Азіи.

«Но дабы успѣть въ этомъ великомъ намѣреніи, должно употреблять приличные для вѣрнаго успѣха способы. Первоначальные способы должны быть въ удовлетвореніи первыхъ ихъ нуждъ, а эти нужды состоятъ въ *соли* и *желѣзѣ*.

«Для этого всю соль, заготовляемую отъ казны на кавказской границѣ, должно предоставить въ полное и неограниченное распоряженіе главнокомандующаго. Ему должно предоставить всякіе отпуски, ссуды, способы обмѣна, назначеніе цѣнъ для продажи и употребленіе соли даже въ подарки безотчетно. На такомъ же основаніи снабдить его соотвѣтственнымъ количествомъ желѣза, ежегодно потребнаго для всякаго рода надобностей горскихъ жителей.

«Азіятскіе народы первѣйшею добродѣтелью почитаютъ гостепріимство. Они благоговѣютъ къ этой добродѣтели, и такъ она священна между ними, что гость есть наидражайшая особа въ домѣ, и все семейство обязано въ домѣ раболѣпно служить и жизнью своею охранять его безопасность.

«Должно воспользоваться этою всеобщею народною добродѣтелью и привязать ею себѣ всѣхъ родоначальниковъ, чиновниковъ и старшинъ семействъ.

Поэтому, Мордвиновъ совѣтуетъ устроить *открытые дома* для ихъ пріема, причемъ снабжать ихъ такими вещами, которыя пріучали бы ихъ къ европейской жизни. Предлогомъ для такихъ собраній могли бы служить нарочныя празднества, назначенныя въ опредѣленное время года. Для всего этого слѣдуетъ отпускать въ распоряженіе главнокомандующаго по 100,000 р. въ годъ. Но

«Дабы успѣшнѣе дѣйствовать на нравы ихъ и водворять между ними наши понятія и обычаи, полезно было бы завести въ нашихъ городахъ *школы* для воспитанія молодыхъ князей и дѣтей народныхъ старшинъ. И эти училища устроить такъ, чтобы въ нихъ находили они *свои обряды* и свойственныя горскимъ жителямъ упражненія, какъ то: употребленіе оружія, ристанія на коняхъ, и другія имъ сходныя тѣлодвиженія. Нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекать въ Петербургъ, составить изъ нихъ гвардейскій кавалерійскій отрядъ, съ ограниченіемъ служенія ихъ на четыре года.

«Предполагаемыя здѣсь по полуденному краю издержки основаны на хозяйственномъ разсчетѣ. Издерживая, какъ здѣсь полагается, по 100,000 р., *сберегутся милліоны рублей*, издерживаемые ежегодно на содержаніе огромнаго войска для сохраненія только границы, безъ пріобрѣтенія въ доходъ и одного рубля въ пользу имперіи.

«Къ сторонѣ Бухаріи полезно было бы поставить себя на твердой ногѣ, дабы привести въ зависимость хищные народы, отдѣляющіе Россію отъ этой богатой части Азіи; нужно основать *сильную колонію* на Каспійскомъ морѣ, при заливѣ, называемомъ Красноводскій, смежномъ съ Хоросанскою провинціею. Занятіе этого мѣста, въ видахъ военныхъ и торговыхъ, представляется важнѣйшимъ на Каспійскомъ морѣ. Изъ этого мѣста можно владычествовать на сѣверъ противъ Трухменцевъ и на востокъ противъ Хивинцевъ. Въ немъ можетъ сосредоточиться торговля сухимъ путемъ изъ богатѣйшей восточной части Персіи, Бухаріи и сѣверной Индіи, а можетъ изъ Астрахани и Баку».

И здѣсь Мордвиновъ предлагаетъ дѣйствовать на новый край тѣмъ же способомъ, какъ и на Кавказъ. Такимъ образомъ, постепенно эти народы «пріучатся къ владычеству, *принадлежащему всегда просвѣщеннѣйшему народу надъ дикимъ*». «Успѣхъ этотъ достовѣренъ, заключаетъ онъ, когда никакой съ нашей стороны поступокъ не возмутитъ ихъ довѣрія *къ миролюбивымъ нашимъ видамъ, и когда взаимныя только выгоды* будутъ насъ соединять. Эта златая стезя въ Азію лежитъ до нынѣ безполезно для Россіи, и, напротивъ, увлекаетъ золото Россіи дальнимъ, медленнымъ и опаснымъ путемъ торговли нашей съ Азіею». Въ томъ же духѣ былъ составленъ и журналъ департамента экономіи объ азіятскомъ тарифѣ (въ ноябрѣ 1816 г.), написанный статсъ-секретаремъ департамента, Вигелемъ, по указаніямъ Мордвинова [1]).

Но, указывая для государственной экономіи самые разнообразные способы усовершенствованія, Мордвиновъ въ тоже время былъ далекъ отъ признанія всѣхъ средствъ для ея улучшенія равно достойными и полезными. Мы видѣли, какъ онъ отнесся къ одной изъ главныхъ статей государственнаго бюджета—винному уставу. Съ обезпеченіемъ для Россіи мира, онъ выступилъ (6 августа 1817 г.) и противъ процентнаго сбора съ доходовъ имѣній, который, по его мнѣнію, слѣдовало уничтожить, когда миновали обстоятельства, его вызвавшія. «Это несправедливѣйшій изъ доходовъ, говоритъ Мордвиновъ, требующій строгихъ мѣръ и постояннаго надзора, которые заставляютъ правительство [2]), при каждой частной прибыли, взирать алчнымъ и завистливымъ окомъ на каждое приращеніе благосостоянія народнаго, и ловить для себя корысть насильственно, руками истязующими». И от-

---

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

[2]) Мы уже замѣчали, что, въ своихъ финансовыхъ мнѣніяхъ, подъ «правительствомъ» Мордвиновъ обыкновенно разумѣетъ «казну».

мѣну его онъ считалъ тѣмъ болѣе необходимою, что уже имѣлось въ виду введеніе казенныхъ питей. На сборъ съ доходовъ имѣній, при тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ существовалъ, Мордвиновъ смотрѣлъ какъ на «лихоимство»; но онъ стоялъ за подоходный налогъ вообще, какъ замѣняющій собою всѣ остальные виды налоговъ [1]).

Съ другой стороны, постоянно ратуя за строгую отчетность въ государственной экономіи и необходимость сбереженія, Мордвиновъ вовсе не считалъ соотвѣтствующимъ здравой экономіи щадить государственныя средства, если это влекло за собою другія злоупотребленія. Въ мнѣніи своемъ, отъ 24 мая 1817 г., представленномъ комитету министровъ, Мордвиновъ писалъ: «Все то, что для приличнаго содержанія (служащихъ) недопущено будетъ изъ государственнаго казначейства, доправлено будетъ на судѣ и расправѣ отъ подсудимыхъ, и часто вдова и сирота недостатокъ доплатятъ». Недостаточность содержанія для служащихъ онъ считалъ «несправедливостью». «*Не должно подвергать слабость человѣческую въ состязаніе съ природою*, говоритъ онъ. Отъ судьи на 50 и 150 руб. не можно и не должно ожидать правосудія». Затѣмъ у него слѣдуетъ замѣчательное мѣсто для характеристики времени: «Настоящее несчастное положеніе Россіи, говоритъ Мордвиновъ, когда *почти половина правителей и судей находится подъ уголовнымъ судомъ*, указываетъ прямо на причину повсемѣстно существующую: на дороговизну, послѣдовавшую съ недавнихъ лѣтъ на всѣ жизненные припасы» [2]). Какъ сред-

---

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI. Процентный сборъ съ доходовъ имѣній былъ отмѣненъ въ 1819 году.

[2]) К. Ѳ. Рылѣевъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Булгарину вотъ въ какомъ видѣ представляетъ притѣсненія со стороны тогдашнихъ приказныхъ: «Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы, и, я увѣренъ, ни

ство противъ этого зла, Мордвиновъ предлагаетъ, прежде всего, обезпечить матерьяльный бытъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находится судъ и управленіе. «20—30 милліоновъ, замѣчаетъ онъ, легко отыскать, когда государственные доходы будутъ распредѣлены правильно и судъ правды учрежденъ будетъ между частными людьми и казною, по поставкамъ и подрядамъ». Свое мнѣніе Мордвиновъ внесъ въ комитетъ министровъ, пользуясь представленіемъ его о прибавкѣ жалованья губернаторамъ, состоявшейся также по его настоянію [1]).

Законность въ дѣйствіяхъ правительства, относительно частныхъ лицъ и частныхъ интересовъ, въ глазахъ Мордвинова была главнымъ средствомъ для поддержанія довѣрія къ казнѣ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія его письмо къ графу Аракчееву, по дѣлу о контрактахъ на поставку

хищныя татарскія орды, во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники (т. е. поляки), въ страшную годину междуцарствія не принесли націи столько зла, какъ сіе лютое отродье. Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ (Рылѣевъ писалъ изъ Воронежской губерніи)... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы, а исправники...

«Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
. . . .
. . . .
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ.
Теперь лишь только *при наѣздахъ*
Свирѣпствуютъ исправники въ уѣздахъ».

Сочиненія и переписка Рылѣева, Спб., 1872 г., 245—246.

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ [1]). Аракчеевъ оспаривалъ въ совѣтѣ мнѣніе Мордвинова, раздѣляя его на общую часть, съ которою онъ соглашался, и особенную часть, въ примѣненіи къ данному случаю, которую онъ отвергалъ. Само собою ясно, что въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли приходилось впадать въ противорѣчіе между теоріею и практикою. «Но когда ваше сіятельство, отвѣчалъ ему Мордвиновъ, согласились со мною въ общихъ началахъ, то должны согласиться и въ приложеніи ихъ къ частному контракту, ибо частныя разсужденія мои извлечены изъ тѣхъ общихъ началъ и неразрывно съ ними связаны. Каждая статья частнаго моего разсужденія основана на точныхъ словахъ закона, но ихъ разумъ и велѣніе измѣнять мы не можемъ произвольными мнѣніями нашими. Въ мнѣніяхъ другихъ сочленовъ нѣтъ ни единой строки, ни единаго слова, изъ законовъ выписаннаго; они не содержатъ въ себѣ ничего святаго и убѣдительнаго, и, лишенныя законной правды и силы, не могутъ быть приняты и уважены; на мѣсто ясныхъ и повелительныхъ законовъ помѣщены собственныя умствованія, и самовластное рѣшеніе образовано въ законъ. *Мы не паши, засѣдающіе въ Диванѣ, но члены законодательнаго сословія и гдѣ частной волѣ нашей*

---

[1]) Перетцъ и Злобинъ были откупщики, и первый изъ нихъ пользовался большимъ значеніемъ въ высшихъ кружкахъ петербургскаго общества, вслѣдствіе постоянной необходимости въ содѣйствіи богатаго капиталиста. Онъ же служилъ посредникомъ Кутайсову, желавшему черезъ Державина получить имѣніе Зорича. И Сперанскій былъ близокъ къ нему, но полагаютъ, что Перетцъ служилъ для него совѣтникомъ по части финансовыхъ проектовъ. Державинъ называетъ Перетца «плутомъ»; но и онъ ратовалъ за него (1801), когда, въ собраніи сената, предложили уничтожить заключенный съ Перетцомъ контрактъ, объ отдачѣ въ его руки соляного промысла въ Крыму, хотя Державинъ и не сочувствовалъ этой монополіи (Переписка и Записки Державина, VI, стр. 296, 335, 356, 730, 753, 758). Въ 1813 и 1814 годахъ, Перетцъ нѣкоторое время успѣшно боролся съ сенатомъ и находилъ тамъ защитниковъ по дѣлу о сборѣ недоимокъ по винному откупу (Записки И. И. Дмитріева, 226—231).

нѣтъ мѣста. Я на лицо никому не отвѣчалъ, ибо каждому указалъ на законы, ему соотвѣтствующіе, которые въ этомъ подсудимомъ дѣлѣ ясны, точны, опредѣлительны, и существуютъ въ самыхъ регулахъ, на поставку сухопутнаго провіанта изданныхъ. Намъ грозно воспрещено приводить побочныя обстоятельства при сужденіи о контрактахъ. Небрежность поставщиковъ въ предварительномъ изъявленіи жалобъ своихъ, или неосторожная ихъ довѣренность къ чести и правотѣ адмиралтейской коллегіи не позлащаетъ поступки ея и не даетъ права къ утвержденію насильствія, сю сдѣланнаго, одобряя успѣхъ порочный и предосудительный, хотя и поздно открытый [1]). Съ нѣкотораго времени мы до основанія разрушаемъ финансы наши. Скоро упадутъ они такъ, что никакое усердіе, никакой умъ не возмогутъ возстановить ихъ на вожделенную для благоденствія Россіи степень. Отъ пренебреженія законовъ и шатанія на путяхъ правосудія не возможемъ мы стяжать богатствъ, но еще болѣе оскудѣемъ въ нихъ, и, можно сказать, что частныя разоренія коснулись уже тѣла государственнаго. При недостаткѣ въ доходахъ 112 милліоновъ, безъ вниманія еще къ долгамъ, кажется, что *пора приняться за постъ и молитву*, коихъ начальное правило есть неприкосновеніе къ чужой собственности и неотлученіе отъ себя строгой нравственности, какъ частной, такъ и государственной.

[1]) Изъ журнала департамента экономіи видно, что условія съ Перетцомъ и Злобинымъ состояли въ слѣдующемъ: Они обязались поставлять сухопутный провіантъ въ 6 портовъ на 4 года, по 8 р. за куль (съ $^1/_4$), съ тѣмъ что казна каждый разъ будетъ извѣщать поставщиковъ о необходимомъ количествѣ провіанта за годъ и четыре мѣсяца впередъ, между тѣмъ провіанта не достало, а изъ дѣла оказалось, что адмиралтейская коллегія расходовала его въ десяти мѣстахъ. Подрядъ былъ заключенъ въ 1803 г., а въ 1809 г. къ Россіи были присоединены: Або, Свеаборгъ, куда также потребовался провіантъ. Представляя эти соображенія на видъ совѣту, Мордвиновъ снова настаиваетъ на святости контрактовъ и говоритъ о всеобщемъ недовѣріи къ казнѣ, въ подтвержденіе чего онъ указываетъ на требованіе поставщиками залоговъ *отъ казны* (Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III, отъ 22 января 1816 года).

Доводы, изложенные въ моемъ мнѣніи, заслуживаютъ опровержения, если что ложное или неосновательное въ нихъ находится. Но мнѣнія подаваемыя въ совѣтѣ, не разсматриваются, не опровергаются, и потому никакой пользы не приносятъ, сколько бы они ни касались государственнаго блага. Каждый членъ довольствуется утвержденіемъ прежде поданнаго имъ мнѣнія, съ удержаніемъ права непогрѣшимости» [1]). Вѣроятно результатомъ этого дѣла было образованіе, въ маѣ 1816 года, спеціальнаго комитета, изъ членовъ отъ министерствъ: военнаго, морскаго, финансовъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ, и отъ главнаго управленія ревизіи государственныхъ счетовъ, для составленія общей формы контрактамъ, при заключеніи подрядовъ [2]).

Занятый постоянно мыслью о развитіи экономическихъ силъ Россіи, Мордвиновъ еще въ 1811 году написалъ сочиненіе о заведеніи по городамъ частныхъ банковъ [3]). Въ 1814 году онъ дополнилъ его проектомъ о займѣ въ Англіи 24 мил. фунтовъ стерлинговъ (384 мил. рублей ассигн.) на 16 лѣтъ по 6%, которые предлагалъ отдать въ предполагавшіеся губернскіе банки, также на 6%. И въ этомъ случаѣ Мордвиновъ имѣлъ въ виду погашеніе ассигнацій, полагая производить эту операцію въ размѣрѣ 15 мил. въ годъ [4]). Въ 1816 году онъ напечаталъ свое сочиненіе о городскихъ банкахъ, значительно распространенное, подъ

---

[1]) 2 апрѣля 1816 года. См. Чтен. Моск. общ. истор., 1858 г., IV, 113—114.

[2]) П. С. З., № 26,288.

[3]) Потребность въ частныхъ городскихъ банкахъ была заявлена уже депутатами Екатериненской коммиссіи, побужденіемъ къ чему было то, что богатые дворяне постоянно забирали деньги изъ петербургскаго и московскаго банковъ, такъ что иногда тамъ вовсе не оставалось наличныхъ денегъ. Депутаты коммиссіи желали, чтобы было опредѣлено количество денегъ, свыше котораго онѣ не выдавались бы одному лицу, и чтобы провинціальные банки принимали взносы *отъ всѣхъ сословій* (Матеріалы Екатер. ком., въ Сборникѣ Русск. истор. общ., IV, стр. 202—203).

[4]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. III.

заглавіемъ: «Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ» [1]), вышедшее въ 1817 году вторымъ изданіемъ [2]), а въ 1822 году—третьимъ. Мы познакомимся съ основными принципами труда Мордвинова.

«Бытописанія всѣхъ вѣковъ, говоритъ онъ, свидѣтельствуютъ, что благоденствіе народовъ тѣсно сопряжено съ наукою управленія деньгами... Деньги питаютъ трудъ, промышленность, науки, крѣпятъ и распространяютъ общественныя связи. Деньги поощряютъ оружіе, даютъ крылья флотамъ, шествіе воителямъ, и пѣснь побѣдная стяжается золотомъ».

Переходъ народовъ отъ дикаго состоянія къ гражданскому совершается всегда медленно; но пока не было одной дѣйствующей силы, возбуждающей и управляющей человѣческими дѣяніями съ успѣхомъ и приращеніями, и не знали истинныхъ началъ ея, народное имущество, общественный умъ, частная дѣятельность и личная способность коснѣли. «Царства приходили въ силу по количеству денежныхъ запасовъ, кои въ казначействахъ своихъ имѣли, и насколько познавали, откуда ихъ получать можно, не ущербляя цѣнности государственнаго достоянія». Затѣмъ, для большей ясности, Мордвиновъ переходитъ къ сравненію экономическаго и политическаго состоянія Франціи и Англіи, изъ которыхъ первая отъ природы получила весьма много, а послѣдняя весьма мало; но, не смотря на это, съ теченіемъ вѣковъ, разультатъ оказался въ обратномъ отношеніи.

При всѣхъ естественныхъ неудобствахъ Англіи, ея сельское хозяйство, скотоводство, города, флотъ, порты, внутреннія сообщенія, промышленность, образованность—достигли совершенства. Во время послѣднихъ европейскихъ переворотовъ она одна осталась невредимою; не смотря на громадный государствен-

[1]) Спб., типогр. воспитат. дома, 126 стр.

[2]) Оно посвящено дворянству. См. Собр. мнѣн., Мордв. т. IV.

ный долгъ ея, довѣренность народа къ правительству ни сколько не поколебалась [1]). «Франція, при щедромъ наслѣдіи, всегда являлась слабѣйшею, часто изнемогала, и три раза обнищевала до того, что объявляла себя несостоятельною къ уплатѣ государственныхъ долговъ».

«Но что произвело такое преуспѣяніе Англіи? Во первыхъ, благоуваженіе къ частной собственности, справедливѣе сказать, умѣренность въ прикосновеніи къ оной, *взимая общественные доходы не отъ капиталовъ частныхъ, но отъ доходовъ, получаемыхъ съ капиталовъ;* во вторыхъ, полезная древняя *перемѣна личныхъ повинностей въ денежныя, уравненныя по всѣмъ состояніямъ;* наконецъ, *утвержденіе довѣрія народнаго на неизмѣнной правотѣ*, постоянныхъ правилахъ и строгости законовъ, охраняющихъ всякую собственность.

«Франція признала, но поздно, истинныя начала управленія государственными доходами, и, дознавъ оныя, часто уклонялась, всегда налагала подати на капиталы, всегда ущербляла ихъ достоинство и препятствовала ихъ дѣйствію».

Главными началами для правильнаго управленія государственными доходами, по мнѣнію Мордвинова, служатъ слѣдующія положенія науки государственнаго хозяйства:

1) Что деньги составляютъ малѣйшую часть народнаго хозяйства.

2) Что не количество ихъ, но кругъ обращенія, свобода и скорость ихъ движенія питаютъ и укрѣпляютъ общественную силу.

3) Что усовершенствованіе монетной системы должно состоять не въ размноженіи количества монеты, но въ удобнѣйшемъ направленіи движенія необходимаго ея количества.

---

[1]) «Долгъ Англіи, при умѣренномъ курсѣ 10-ти рублей въ фунтѣ стерлинговъ, превосходитъ число монетъ, протекшихъ отъ созданія міра, по принятому счету. Если же привести оный въ серебр. рубли, по 6 руб. въ фунтѣ стерлинговъ, и рубли положить одинъ подлѣ другаго, то составится цѣпь, которая обниметъ земной шаръ три раза».

4) Что первѣйшій и изобильнѣйшій доходъ пріобрѣтается отъ бережливости и умѣренія расходовъ.

5) Что для побужденія сей бережливости должны существовать общественныя казнохранилища, всегда открытыя къ принятію и немедленному возвращенію приносимыхъ вкладовъ.

6) Что, при существованіи сихъ казнохранилищъ, никакая часть монеты не лежитъ праздною въ сундукахъ; но каждая обращается дѣятельно и увеличиваетъ частную и общественную прибыль.

7) Что таковыя казнохранилища должны быть повсемѣстно размножены.

8) Что народное богатство исчисляется числомъ и обширностью капиталовъ, собранныхъ въ запасы и превращенныхъ въ постоянныя имущества.

9) Что доходы общественные должны быть извлекаемы изъ доходовъ общаго богатства.

10) Что деньги суть главнѣйшее орудіе въ управленіи человѣческими дѣяніями и въ достиженіи народами просвѣщенія и величія.

11) Что чѣмъ болѣе остается денегъ въ рукахъ трудящихся сословій народа, тѣмъ скорѣе возрастаетъ общественное богатство.

12) Что мудрость въ началахъ, относящихся къ управленію деньгами, составляетъ первѣйшую государственную силу, пораждаетъ и устрояетъ благоденствіе народовъ, даетъ крѣпость и вѣка царствамъ.

На этихъ основаніяхъ Мордвиновъ построилъ и свое разсужденіе о частныхъ банкахъ.

Число ихъ должно сообразоваться съ пространствомъ государства, такъ какъ деньги, собранныя со всего государства въ одно мѣсто, содѣйствуютъ только процвѣтанію послѣдняго, притомъ въ ущербъ другихъ. Мало этого: «деньги въ пространномъ и многолюдномъ городѣ большею частью питаютъ забавы и роскошь; проходятъ чрезъ мно-

жество рукъ праздныхъ или производящихъ работу безплодную, ежеминутно исчезающую; приносятся въ обмѣнъ блестящихъ мелочей, не по цѣнѣ достоинства, но по уваженію прихоти, продаваемыхъ въ лавкахъ модныхъ прельстительницъ, часто чужеземныхъ; достигаютъ не всѣ и не скоро до рукъ земледѣльца, ремесленника и купца, торгующаго произведеніемъ и рукодѣліемъ своей земли». Но, деньги, раздѣленныя по всѣмъ частямъ государства, соразмѣрно нуждамъ и потребностямъ каждой, питаютъ равно все тѣло. Одно правительство не можетъ удовлетворить всѣхъ мѣстныхъ нуждъ, а особенно въ Россіи, по причинѣ ея обширности. Поэтому необходима частная инниціатива. «Казначейства правительствъ, при самыхъ благопріятнѣйшихъ временахъ, не могутъ равняться имуществу частныхъ людей». Для Россіи необходимы частные банки по губерніямъ; а потому каждый житель губерніи долженъ участвовать въ составленіи капитала своего банка. Цѣль всѣхъ банковъ состоитъ въ облегченіи денежныхъ оборотовъ; въ Россіи она заключалась въ раздачѣ подъ заемъ денегъ. Но авторъ разсужденія о частныхъ банкахъ въ Россіи «распространяетъ ихъ дѣйствіе на все, что можетъ принести пользу обществу или частнымъ лицамъ.

За вклады онъ назначаетъ по 4% на сто; хотя такой процентъ можетъ показаться малымъ, но, при существованіи банковъ,—4 на сто могутъ быть умножены двойнымъ и тройнымъ числомъ. Если же банки примутъ основаніе на серебрѣ, то вклады будутъ давать и свыше 6%.

Постоянные налоги, войны и т. п. случайности поглощаютъ значительныя суммы, собранныя съ частнаго труда, и перѣдко тяжело ложатся на все достояніе гражданъ. Поэтому Мордвиновъ совѣтуетъ образовать общій капиталъ, составленный изъ налога на доходъ каждаго, на слѣдующемъ основаніи. Получающіе доходъ свыше 1.000 руб. вносятъ 1 рубль; получающіе свыше 10.000 руб. вносятъ по 1%, отъ чего не освобождается *никакое состояніе и*

никакое лицо. «При такомъ сборѣ можно навѣрное разсчитывать по 10% на 100, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановляется, чтобы банки отчисляли въ пользу этого общественнаго капитала полные выигрываемые процены. И если бы сборъ съ доходовъ по всей Россіи не превзошелъ 1,000,000 р., то милліонъ рублей, вносимый ежегодно въ банки, втеченіе 50 лѣтъ дастъ 1.281,301,813 р., съ которыхъ 10% дадутъ сумму 128,130,181 р. Въ 60 лѣтъ капиталъ возрастаетъ въ 3.339,305,319, съ которыхъ 10% дадутъ 333,930,531 рубль. Въ жизни человѣка 50 и 60 лѣтъ долговременны, но въ жизни народовъ они составляютъ только малую часть времени». Втеченіе ихъ накопится богатство, которое въ состояніи будетъ удовлетворить всѣмъ государственнымъ нуждамъ. «Тогда ущербъ каждаго замѣненъ будетъ общимъ богатствомъ, и неравенство въ налогахъ исчезнетъ; тогда не отымется нерѣдко послѣдняя часть отъ стяжаемаго въ потѣ и трудѣ, при солнечномъ зноѣ, и отъ вырабатываемаго замерзлыми руками, среди вихрей и зимнихъ морозовъ; не отрѣжется въ хижинѣ нищаго ломоть отъ хлѣба, едва достаточнаго для вскормленія убогаго, но часто многочисленнаго семейства; не отторгнется платъ отъ пеленъ младенческихъ, необходимый для прикрытія наготы и сохраненія жизни новорожденнаго, и капиталы всѣхъ состояній преобразятся въ изобильные источники доходовъ».

За удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ государственныхъ изъ означеннаго капитала, лишніе проценты могутъ быть употреблены на внутреннее благоустройство и внѣшнее огражденіе имперіи. Война оставляетъ глубокіе слѣды на общественномъ организмѣ. Она заставляетъ приносить въ жертву все, и долго послѣ нея благосостояніе гражданъ не можетъ подняться. Въ предотвращеніе подобныхъ послѣдствій, Мордвиновъ совѣтуетъ образовать военный капиталъ, опредѣляя на него изъ доходовъ по 1 коп. съ рубля, или прибавивъ къ существующимъ налогамъ новый сборъ въ такомъ же размѣрѣ (по 1 коп. съ платимаго рубля). Проценты съ этого капитала, въ мирное время, могутъ быть обращены на внутреннее благо-

устройство. Для возстановленія же упадшей бумажной монеты онъ предлагаетъ продать какъ нѣкоторыя изъ оброчныхъ статей, которыя не могутъ быть хорошо управляемы казенными приставами, такъ и изъ казенныхъ земель (особенно чрезполосно лежащія посреди помѣщичьихъ владѣній), что будетъ способствовать также развитію землевладѣнія. Частные банки своими ссудами могутъ служить въ этомъ случаѣ важнымъ подспорьемъ для казны. Но изъятіе изъ обращенія есть тоже, что истребленіе, а потому предлагается нѣкоторые изъ капиталовъ, находящихся въ банкахъ, не выпускать въ обращеніе, съ тѣмъ чтобы правительство, пока не выкупитъ ихъ, платило банкамъ по 6% въ годъ. Эти проценты суть меньшіе сравнительно съ прежними, а такая мѣра вскорѣ возвыситъ достоинство ассигнаціоннаго рубля до серебрянаго.

Въ Россіи земледѣліе есть основаніе богатства. Земледѣлецъ имѣетъ свое хозяйство, свой участокъ земли; онъ членъ своего общества, имѣетъ свою управу, свой совѣтъ, общественную казну для общихъ, сельскихъ нуждъ [1]). Поэтому Мордвиновъ совѣтуетъ образовать при банкахъ спеціальный *сельскій капиталъ* (вырученный отъ продажи хлѣба), который долженъ быть употребляемъ на *украшеніе храмовъ, на заведеніе училищъ, на устройство гостиницъ, общественныхъ зданій, больницъ; на проложеніе дорогъ*, и т. п. Тогда многія села примутъ видъ городовъ, въ которыхъ будутъ постепенно водворяться и процвѣтать рукодѣлія, промышленность и торговля. Для обезпеченія въ старости и несчастіяхъ, такъ часто постигающихъ ремесленный классъ, и

---

[1]) Само собою разумѣется, что здѣсь Мордвиновъ рисуетъ скорѣе состояніе своихъ крестьянъ и крестьянъ, принадлежавшихъ людямъ, ему подобнымъ, нежели общее всей Россіи. Сельскій уставъ Каразина лучше всего показываетъ, какъ подобное устройство почти всегда зависѣло отъ иниціативы самого землевладѣльца (см. Русск. Старину 1871 г., мартъ, письмо Каразина къ И. И. Бахтину, 335—366).

для предотвращенія отъ соблазновъ, легко увлекающихъ въ городахъ, открываются при банкахъ хранилища, для образованія *ремесленнаго капитала*, съ вознагражденіемъ за трудъ и процентами за вклады. *Дворянскій капиталъ* долженъ спеціально удовлетворять нуждамъ дворянства, въ особенности при раздѣленіи имѣній на части, доставляя младшимъ членамъ возможность пріобрѣтать *новыя земли*. Затѣмъ у Мордвинова идетъ еще статья, о составленіи *особыхъ капиталовъ* для каждой части внутренняго благоустройства, причемъ онъ указываетъ, какъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, частная предпріимчивость доставляетъ могущество и богатство городамъ и государствамъ, каковы наприм. Тиръ, Голландія; какъ открытіе новыхъ путей для народной дѣятельности ведетъ къ развитію благосостоянія (Россія при Петрѣ Великомъ).

Но и этимъ не ограничивается проектъ частныхъ банковъ Мордвинова. Половина выигрываемыхъ ими процентовъ должна идти на составленіе капиталовъ, проценты съ которыхъ предназначаются *на распространеніе наукъ, художествъ и ремеслъ*; на поощреніе трудолюбія посредствомъ *трудопоощрительнаго банка*; на пособіе страждущимъ, на содержаніе больныхъ, вдовъ и сиротъ; на заведеніе *больницъ и аптекъ*; на устройство темницъ и смирительныхъ домовъ *съ исправительною цѣлью*, по примѣру бывшихъ въ Голландіи, *на пути сообщенія*, на составленіе *подземной карты Россіи* и изученіе ея внутреннихъ богатствъ, и т. п.

Обращаясь снова къ бумажной монетѣ, Мордвиновъ говоритъ: «Количество ея должно быть соразмѣрно наличной металлической монетѣ, развитію рукодѣлій, промысловъ и торговли, пространству круга, въ коемъ она обращается, степени довѣренности, взаимной между торгующими, и вѣрности законовъ, охраняющихъ права собственности». Онъ указываетъ, что Екатерина II совершила многія изъ своихъ предпріятій, благодаря введенію бумажныхъ денегъ. И частные банки, когда будетъ уменьшено количество бумажныхъ

денегъ, а серебро выйдетъ наружу, хотя начнутъ принимать образованіе на серебрѣ, станутъ, по мѣрѣ поступленія его въ нихъ, выпускать свои банковые билеты, въ достоинствѣ серебряныхъ рублей. Каждый банкъ будетъ выпускать свои особенные билеты, которые будетъ извлекать изъ обращенія сообразно съ движеніемъ серебрянаго рубля. Банки имѣютъ постоянныя сношенія между собою и выдаютъ переводные векселя требующимъ ихъ.

Учрежденіе частныхъ банковъ въ Россіи возстановитъ достоинство ассигнацій, чрезъ умноженіе денежныхъ оборотовъ, и достоинство государственной монеты вообще, такъ какъ бумажная монета заключается въ предѣлахъ частныхъ банковъ, которые въ выпускахъ ея будутъ сообразоваться съ нуждами страны. Серебро, скрываемое подъ спудомъ, обезпеченное банками, выйдетъ на свѣтъ. Монета равномѣрнѣе распредѣлится въ странѣ; откроется исходъ для частной предпріимчивости, народное богатство возрастетъ; подниmется кредитъ; всякій получитъ поощреніе своему труду; усилятся производство и торговля; разовьется городская жизнь; государственныя потребности будутъ легче удовлетворены и «не будетъ тратиться время на прочтеніе великихъ библіотекъ, писанныхъ съ остроуміемъ и глубокими разсужденіями о родѣ и качествѣ налоговъ и управленіи ихъ»; просвѣщеніе умножится. «Тогда каждая губернія уподобится великому царству; ибо въ предѣлахъ каждой все, что для онаго потребно, находиться будетъ», заключаетъ Мордвиновъ. Въ приложеніяхъ къ разсужденію Мордвинова находятся: 1) Статья о дѣйствіяхъ выкупа налоговъ. Въ ней Мордвиновъ старается опровергнуть теорію, что налоги полезны, какъ средство возбуждающее производительность страны. «Выкупъ налоговъ и податей, говоритъ онъ, при существованіи предполагаемыхъ банковъ, не только ничего не уменьшитъ изъ народной дѣятельности, но еще въ превосходнѣйшей степени, безъ сомнѣнія, увеличитъ ее». 2) Проектъ устава частныхъ банковъ. Капиталъ банковъ

Мордвиновъ раздѣляетъ на невозвратный капиталъ, по $^1/_4$ руб. съ души и временные вклады. Капиталы банковъ ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ конфискаціи правительства. Они могутъ принимать капиталы изъ государственнаго казначейства. При выдачѣ ссудъ землевладѣльцамъ банки должны обращать вниманіе привита-ли оспа въ ихъ деревняхъ (такія деревни оцѣниваются выше въ размѣрѣ 20 рублей на душу) и на какое предпріятіе выдается ссуда. Банки могутъ исходатайствовать для себя право чеканить мѣдную монету. Отчеты банковъ печатаются ежегодно. Банкъ поручается высшему надзору дворянства губерніи, которое каждые три года собирается для выборовъ трехъ членовъ совѣта. Отъ дворянства же и членовъ совѣта зависитъ опредѣленіе администраціи банка.

Но Мордвиновъ не остановился на одной теоріи. Онъ хлопоталъ о распространеніи своихъ взглядовъ и приложеніи ихъ къ дѣлу. Такъ, онъ обращался за содѣйствіемъ и къ Сперанскому, который въ это время былъ губернаторомъ въ Пензѣ. Въ отвѣтъ на предложеніе Мордвинова, Сперанскій писалъ Столыпину, отъ 20 марта 1817 года, слѣдующее: «Я, по истинѣ, не знаю, какъ мнѣ отвѣчать Николаю Семеновичу *на два обязательнѣйшія его письма о банкѣ и о сочиненіи Ганиля*, которое онъ мнѣ прислалъ [1]).

[1]) Ганиль (Charles Ganilh), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ политическихъ писателей, родился въ горахъ Оверни, въ 1760 году. Революція застала его адвокатомъ въ Парижѣ, и его свободный образъ мыслей доставилъ ему званіе депутата въ избирательномъ собраніи. Во время реставраціи (1815) онъ былъ членомъ палаты депутатовъ, въ которой заявилъ себя противникомъ правительственнаго большинства, благодаря чему онъ снискалъ любовь всѣхъ свободомыслящихъ людей Франціи. Его сочиненія пользовались громаднымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе; изъ нихъ болѣе замѣчательны: Des systèmes d'économie politique, de la valeur comparative, de leur doctrine et de celles, qui paraissent les plus favorables aux progrés de la richesse (Paris, 1809, 2-ое увелич. изд., въ 2 том., 1821); 2) Théorie de l'économie politique, fondée sur les faits, resultants des statistiques de la France et de l'Angleterre (2 vol., Paris, 1815 et 1822);

Вы знаете, какъ душевно я его почитаю и къ благородному его образу мыслей привязанъ сердечно. *Но о банкахъ* здѣсь даже и первыхъ двухъ словъ сказать не съ кѣмъ» [1]). Дѣйствительно, при несуществованіи въ то время частнаго кредита въ Россіи и предпочтеніи держать свои капиталы въ собственныхъ сундукахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ же Сперанскій (въ письмѣ къ Гурьеву, отъ 19 іюня 1817 г., по поводу проекта обезпеченныхъ безсрочныхъ долговъ [2]), трудно было разсчитывать на такое обширное предпріятіе, какое предлагалъ Мордвиновъ своимъ уставомъ частныхъ губернскихъ банковъ. Уже въ ноябрѣ 1824 г. авторъ его снова обращался письменно, къ предводителямъ дворянства, съ предложеніемъ своего проекта, причемъ жаловался на полное равнодушіе дворянства (за исключеніемъ харьковскаго) къ этому дѣлу, и указывалъ на тѣ лестные отзывы, какими былъ встрѣченъ его трудъ за границею, и на успѣхъ эзельскаго крестьянскаго банка [2]). Съ такимъ же упрекомъ къ равнодушію общества отнесся Мордвиновъ годъ спустя въ своемъ мнѣніи «о причинахъ разстройства финансовъ нашихъ», представленномъ государю: «Въ Англіи, говоритъ онъ, столь малой державѣ, судя по пространству земли ея въ сравненіи съ Россіею, находится до 1,000 частныхъ банковъ. Недавно сдѣланное о введеніи оныхъ и въ Ирландіи предложеніе—принято было въ великобританскомъ парламентѣ за мѣру самую благотворную для той страны и за самую дѣйствительную къ воздержанію народа отъ существовавшихъ тамъ до нынѣ смятеній, обыкновенно возникающихъ,

---

3) Essai politique sur le revenu publique des peuples de l'antiquité, du moyen âge et des siècles modernes (2 vol., Paris, 1806 et 1823); 4) Dictionnaire analytique de l'économie politique (Paris, 1826) и 5) Principes de l'économie politique (1830). См. о немъ въ Conversations Lexicon (старый, т. IV, 497—498) и Meyer's Conversations-Lexicon.— Мордвиновъ высоко ставилъ сочиненія Ганиля, какъ экономиста-политика, и не разъ въ своихъ мнѣніяхъ ссылался на его авторитетъ.

1) Русск. Архивъ, 1870 г., стр. 1129.

2) Въ память гр. Сперанскаго, стр. 466—69.

если народъ частною своею пользою постоянно не занятъ и малодѣятеленъ.

«Но у насъ, кромѣ двухъ столичныхъ городовъ, нигдѣ ни казенныхъ, ни частныхъ банковъ, исключая приказовъ общественнаго призрѣнія по губерніямъ, не существуетъ, и, слѣдовательно, мало такихъ учрежденій, посредствомъ коихъ дробныя части денегъ, въ рукахъ каждаго находящіяся, у многихъ же и довольно значительныя суммы, по неимѣнію случаевъ къ выгодному и благонадежному употребленію оныхъ, чрезъ долгое время праздно лежащія, могли бы чрезъ временные вклады соединяться въ капиталы, движеніемъ своимъ дѣйствующіе на благо общественное» [1]).

Не менѣе равнодушно къ труду Мордвинова отнеслась и современная русская литература. Рецензія на него была напечатана въ «Духѣ журналовъ» [2]), авторъ которой нашелъ проектъ Мордвинова не только «несбыточнымъ», но «даже пустою игрою воображенія». Вырвавши изъ сочиненія нѣсколько положеній о значеніи денегъ, онъ сдѣлалъ заключеніе, что Мордвиновъ всѣ свои экономическія соображенія о пользѣ банковъ строитъ лишь на денежномъ богатствѣ страны. Мордвиновъ написалъ возраженіе на эту рецензію («Нѣчто о началахъ, принятыхъ въ основаніе сочиненія касательно частныхъ банковъ»), которое, по случаю отъѣзда своего за границу, передалъ для напечатанія Д. Б., а онъ помѣстилъ его въ «Сынѣ Отечества» [3]).

Мордвиновъ обличаетъ своего противника въ извращеніи основной мысли сочиненія, и затѣмъ подробнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, развиваетъ то положеніе, что деньги настолько необходимы, насколько онѣ служатъ, какъ облегчающее средство, для обмѣна и оборотовъ общества, а потому и количество ихъ вполнѣ зависитъ отъ развитія промышленности и частнаго кредита. «Петербургскій банкиръ, гово-

---

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1860, I, смѣсь, 48—49.

[2]) Книжка 16-ая, на 1818 годъ, по поводу 2-го изд. «Разсужденія».

[3]) 1818 года, № XXX.

ритъ онъ, обращающій 100 милліоновъ рублей въ годъ, имѣетъ надобность въ наличныхъ деньгахъ не болѣе полумилліона рублей; въ Лондонѣ же онъ не содержитъ въ наличности и десятой части противу здѣшняго.

«Равномѣрно, чѣмъ какой либо народъ бѣднѣе, тѣмъ болѣе потребно ему наличныхъ денегъ въ отношеніи къ его имуществу, и, напротивъ, чѣмъ богатѣе, тѣмъ менѣе имѣетъ надобности въ оныхъ; ибо съ богатствомъ соединяется кредитъ.

«Въ прошедшую войну англійское правительство издерживало въ годъ по 120 мил. фунтовъ стерлинговъ; наличной же металлической монеты въ обращеніи едва-ли было въ то время и 10 мил. фунт. стерлинговъ...

«У народа, обладающаго великимъ капиталомъ, и гдѣ притомъ взаимное довѣріе укоренясь, не подвержено колебанію,—оптовый торгъ почти не требуетъ металлической монеты, и производящему оный купцу едва-ли потребна $^{1}/_{1000}$ часть ея противъ массы всего его капитала...

«Когда начнутъ учреждаться банковыя по губерніямъ заведенія, то чѣмъ болѣе капиталъ банковый увеличиваться станетъ, тѣмъ менѣе въ соразмѣрности потребно будетъ для обращенія онаго наличныхъ денегъ; ибо, обыкновенно, съ умноженіемъ капитала увеличивается кредитъ, вклады дѣлаются значительнѣйшими и долѣе остаются въ банкахъ, требованія о возвратѣ ихъ рѣже, и билеты банковые, замѣняя ходячую металлическую монету, уменьшаютъ потребность оной.

«По мѣрѣ, какъ банки въ разныхъ предѣлахъ Россіи размножаться могли бы, употребленіе металлической монеты уменьшиться должно и оттого, что вмѣсто пересылки денегъ чрезъ почту и курьеровъ, изъ одного города въ другой, переводные банковые векселя примутъ свое дѣйствіе...

«Другіе опасаются, что частные ихъ капиталы правительство себѣ присвоитъ. Опасеніе таковое неосновательно. Исторія всѣхъ народовъ свидѣтельствуетъ, что общественные

капиталы несравненно болѣе уважаются въ самодержавныхъ правительствахъ, нежели въ республиканскихъ». Въ подтвержденіе чего онъ ссылается также на пониженіе процентовъ въ лондонскомъ банкѣ, по предписанію парламента, и предпочтеніе иностранцевъ, живущихъ въ Россіи, не переводить своихъ капиталовъ въ заграничные банки, а оставлять въ русскихъ банкахъ.

За границею сочиненіе Мордвинова о банкахъ было встрѣчено иначе, чѣмъ въ Россіи.

Оно стало тамъ извѣстнымъ во французскомъ переводѣ (Reflections sur les banque), сдѣланномъ авторомъ со втораго изданія (1817). Помимо этого, Мордвиновъ отправилъ по экземпляру его, съ письмами, къ извѣстнымъ экономистамъ: гр. Александру де-Лаборду, Жану-Батисту Сэю, Мельхіору Джьойа и Ганилю [1]). Въ мнѣніи же, указанномъ нами выше, Мордвиновъ свидѣтельствуетъ о пріемѣ сдѣланномъ его труду иностранными учеными. Изъ *иностранныхъ журналовъ*, говоритъ онъ, усмотрѣть можно, *съ какимъ уваженіемъ эта книга принята въ чужихъ краяхъ.* А какъ

[1]) Къ *Ганилю* Мордвиновъ, между прочимъ, писалъ: «Je ne saurais mieux m'adresser qu'a celui, qui en dégageant la science de l'économie politique de toutes les erreurs, qui y reignaient jusqu'à présent, en a donné la théorie la plus lumineuse et la plus parfaite». *Сэю*: «Les grandes lumières que vous avez repandues sur l'économie politique vous ont acquis des droits sur l'hommage de ceux qui connaissent l'utilité à les bienfaits de la science ... J'ai profité, Monsieur, de vos leçons pour réunir dans un Extrait les principes, qui servent à la création de la richesse, dont la marche et le developpement progréssif dépend du temps, le grand générateur de la prospérité des nations.» Къ графу *де-Лаборду* Мордвиновъ обращается, какъ къ автору сочиненія «Sur l'ésprit des l'associations, въ которомъ онъ нашелъ сходство идей съ своими разсужденіями. Въ письмѣ же къ *Джьойа* онъ заявляетъ, что его трудъ явился нѣсколько лѣтъ прежде сочиненія де-Лаборда, и далѣе говоритъ: «Mais c'est de vous, *mon chèr Gioja*, que je sollicite le plus vivement l'examen de mes idées et son opinion. Vous etes celui, de qui l'oracle prononcé est le plus rêveré par moi» $\frac{14}{26}$ февр. 1824. О письмѣ Мордвинова съ сочиненіемъ, отправленнымъ *Бентаму*, мы скажемъ ниже.

въ ней открыты новые виды, нигдѣ еще по учрежденіи банковыхъ заведеній не существовавшіе, то она и была поводомъ одному *изъ знаменитѣйшихъ писателей* по части политической экономіи къ изданію своихъ замѣчаній на это сочиненіе» [1]).

Думаемъ, что этихъ данныхъ достаточно, чтобы опредѣлить мѣсто Мордвинова въ развитіи экономическихъ понятій въ Россіи.

Чтобы закончить нашъ обзоръ дѣятельности Мордвинова за 1816 и 1817 годы, намъ остается упомянуть о нѣкоторыхъ его мнѣніяхъ, касающихся другихъ вопросовъ, подвергавшихся тогда обсужденію въ государственномъ совѣтѣ.

1) Въ декабрѣ 1817 года въ совѣтѣ разсматривался вопросъ: Кто ближайшій наслѣдникъ благопріобрѣтеннаго имущества—единоутробный или двоюродный братъ? Мордвиновъ, основываясь на началахъ естественнаго права, подалъ мнѣніе въ пользу перваго (30 декабря 1817 года). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ высказался, въ своемъ мнѣніи, за необходимость обширной поземельной собственности, смотря на дворянство, какъ государственную силу въ Россіи,—взглядъ, образовавшійся у него подъ вліяніемъ англійскаго государственнаго устройства, другія черты котораго намъ еще прійдется встрѣчать въ дальнѣйшихъ его мнѣніяхъ [1]).

2) 8 апрѣля 1817 года Мордвиновъ отправилъ особое мнѣніе къ статсъ-секретарю комитета министровъ, Марченку, по поводу назначенія военныхъ чиновниковъ въ гражданскій судъ, при сужденіи дворянъ Волынской губ. за укрывательство дезертировъ. Указавъ на ужасы военныхъ судовъ, господствовавшихъ при Кромвелѣ и во время террора французской революціи, Мордвиновъ заключаетъ: «При сужденіи гражданина, военный чиновникъ дѣлается истцомъ и судьею, что противно началамъ какъ гражданскаго, такъ и военнаго судопроизводства, и противно разуму существующихъ узако-

---

1) Чтен. Моск. общ. ист., 1860, I, смѣсь, 49.

2) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IV.

ній». Голосъ Мордвинова оказался единственнымъ противъ формы такого суда [1]).

3) Въ началѣ 1817 года въ государственномъ совѣтѣ разсматривалось дѣло о коммиссаріатскихъ офицерахъ, судившихся за утраченныя вещи, причемъ нѣкоторые члены находили приговоръ аудиторіата слабымъ и требовали увеличить наказаніе. Тогда Мордвиновъ подалъ особое мнѣніе (18 марта), въ которомъ говоритъ:

«Адмиралъ Мордвиновъ соглашается съ приговоромъ аудиторіата, потому что *противно было бы разуму законодательнаго сословія увеличивать казнь*, судебнымъ мѣстомъ изреченную, по правиламъ и порядку для уголовныхъ дѣлъ устроенному. По мнѣнію его же, не можетъ быть правильнаго сужденія и законнаго приговора тамъ, *гдѣ подсудимый оправдывать себя не можетъ*. Въ такомъ случаѣ и малѣйшее увеличеніе казни есть, по истиннымъ началамъ правосудія, величайшая несправедливость, причастная и даже равная оскорбленію невинности. *Одно принадлежитъ закону, другое судьѣ*. На семъ воспріялъ начало благой обычай облегчать судьбу приговореннаго къ казни въ высшихъ мѣстахъ, куда и подсудимый лично призванъ быть не можетъ». Наконецъ, указавъ на шестилѣтнее заключеніе въ крѣпости настоящихъ подсудимыхъ до приговора суда, Мордвиновъ говоритъ: «Такое продолжительное время страданія могло изъ сердецъ ихъ изгладить слѣды преступленія и на судѣ правды явить достойными милосердія» [2]).

3) По дѣлу Сенявина, который обвинялся, по жалобѣ крестьянъ, въ насиліи, Мордвиновъ высказался (29 августа 1817 года) противъ преданія его уголовному суду, такъ какъ дѣло это возникло спустя 17 лѣтъ послѣ указаннаго происшествія, и потому устранялась возможность возстановить полную достовѣрность факта; къ этому аргументу не разъ

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IV.
[2]) Ibid., т. VI.

обращается Мордвиновъ въ своихъ мнѣніяхъ по судебнымъ искамъ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ предлагалъ учредить надъ имѣніемъ Сенявина опеку [1]).

Приводя эти мнѣнія Мордвинова, мы имѣли въ виду указать собственно его взгляды на означенные вопросы, а потому не касаемся подробностей самыхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, давно оставленный нами крестьянскій вопросъ разрабатывался путемъ частныхъ мнѣній и снова вышелъ на свѣтъ, когда стихли грозныя битвы европейской войны.

---

[1]) Собр. мнѣній Мордвинова, т. VII.

ГЛАВА VI.

Желапіе правительства улучшить бытъ крестьянъ въ Россіи вызвало обширпую литературу частпыхъ мнѣпій, клонившуюся преимущественно къ отрицательному рѣшепію этого вопроса [1]). Вскорѣ послѣ возбуженія его въ правительственной сферѣ, явился трудъ извѣстпаго польскаго экономиста, графа Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», переведенный, въ 1809 г. Анастасевичемъ на русскій языкъ (Вильна, in 8°). Авторъ его старался доказать, какъ путемъ легальныхъ условій возможно достигпуть улучшенія быта крестьянъ, и, какъ па результатъ этого, указывалъ на увеличепіе населенія, развитіе земледѣлія и промышленности,

¹) Здѣсь мѣсто упомянуть о двухъ проектахъ, поданныхъ независимо отъ обстоятельствъ, излагаемыхъ нами далѣе. Мы говоримъ о проектахъ гр. Стенбока и Берга, написанныхъ, на французскомъ языкѣ, въ 1809 году. Первый изъ нихъ предлагалъ раздѣлить хлѣбопашныя земли на фермы и раздать ихъ по контрактамъ крестьянамъ, съ тѣмъ чтобы вознагражденіе за нихъ производилось помѣщику не деньгами и не барщиною, а произведеніями земли. Второй допускалъ освобожденіе на началахъ выкупа, но съ тѣмъ, чтобы деньги, собираемыя съ откупающихся на свободу крестьянъ, поступали въ казну, а помѣщики получали бы отъ выкупа опредѣленный процентъ. Записка объ освобожденіи крестьянъ, Н. А. Милютина, въ Девятнадцат. Вѣкѣ, Бартенева, II, 145—146.

и усиленіе народной дѣятельности [1]). Но этотъ трудъ, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ дружный отпоръ въ средѣ, недовольной постановкою самого вопроса. Противъ него выступили: неизвѣстный авторъ возраженій на книгу, сочиненную гр. Стройновскимъ (1811), и извѣстный русскій патріотъ, гр. Ѳ. В. Ростопчинъ. Мотивы, выставленные ими противъ гр. Стройновскаго, настолько замѣчательны, что заслуживаютъ быть приведенными здѣсь, для болѣе обстоятельнаго представленія хода самаго вопроса [2]). Они слишкомъ

[1]) Интересна переписка императора Александра съ извѣстнымъ статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II, В. С. Поповымъ, возникшая по поводу этой книги въ 1811 году: «Чтеніе, появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ, пишетъ Поповъ государю, произвело во мнѣ ужасныя воображенія... Подобныя внушенія были всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ». Онъ указываетъ на примѣръ Франціи и постоянныя смуты въ Россіи до закрѣпленія крестьянъ, и грозитъ, въ случаѣ освобожденія, новыми бѣдствіями. Александръ отвѣчалъ: «Писаніе ваше нахожу совершенно излишнимъ; позвольте мнѣ думать, что я столько же умѣю понимать вещи, какъ и вы. Въ упоминаемой книгѣ ничего похожаго всѣмъ вашимъ опасеніямъ я не нашелъ, и пышныя ваши напоминанія о мѣрахъ, принятыхъ въ прошедшія времена, не могу признать вѣрными. Вообще, не вижу я иного въ подвигѣ вашемъ, какъ охоту прослыть совѣтодателемъ. Я конечно столько же привязанъ къ своему отечеству, какъ и вы». Въ заключеніе государь указываетъ на трудъ Беарде-Делабея, удостоенный (въ 1766 году) при Екатеринѣ II, награды отъ вольно-экономическаго общества за рѣшеніе предложеннаго имъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, которое высказано авторомъ вполнѣ въ пользу послѣдняго (Русск. Арх., 1864 года, 782—784). Сочиненіе Беарде-Делабея, напечатанное въ Трудахъ вольн. экон. общ., 1768, кн. VIII, помѣщено теперь въ Чтен. Моск. общества исторіи, 1862, II, смѣсь, 102—131. Другое сочиненіе на заданную тему было представлено русскимъ законовѣдомъ А. Я. Полѣновымъ (Русск. Архивъ, 1865, 511—540). Но оба они, защищая свободу крестьянъ, требуютъ первоначально приготовить ихъ къ ней, перевоспитать ихъ понятія. Интересныя свѣдѣнія по дѣлу о напечатаніи въ «Трудахъ» сочиненія Делабея сообщены въ Исторіи в.-э. общества, Ходнева, стр. 20 — 30: съ большимъ трудомъ и натяжками общество могло составить большинство голосовъ въ пользу его напечатанія. Всѣхъ сочиненій было подано 160.

[2]) Оба мнѣнія помѣщены въ Чтен. Моск. общ. истор., 1860 г., II, 133—217.

напоминаютъ тѣ возгласы, которые обыкновенно встрѣчаются у людей, враждебно относящихся къ новому движенію, когда несочувственныя имъ идеи готовы перейти въ дѣйствительность. Выставленіе на показъ мнимыхъ опасеній—обыкновенный пріемъ въ этихъ случаяхъ: всѣ реформаціонныя эпохи богаты подобными явленіями. И этотъ пріемъ съ замѣчательною послѣдовательностью проходитъ чрезъ всѣ мнѣнія, относящіяся къ данному вопросу, хотя они, по большей части, высказывались независимо другъ отъ друга.

«Кто намъ ручается, восклицаетъ неизвѣстный авторъ, что графъ Стройновскій, изъ множества своихъ разсчетовъ, предположеній и заключеній, ни въ одномъ нисколько не ошибся. Что все то, что онъ расположилъ, исчислилъ, сравнилъ съ подобными обстоятельствами Россіи, взятое имъ изъ другихъ земель и изъ прошедшихъ временъ, точно справедливо и вѣрно изображено и исчислено. И что когда приступятъ къ началу сего преобразованія, оно точь-въ-точь пойдетъ по начертанію, ни мало ни въ чемъ не отклоняясь отъ онаго? Ибо дѣло идетъ не объ однѣхъ выгодахъ или пользахъ нашихъ, а о цѣлости нашей, всего потомства нашего, о цѣлости государства, *о бытіи или небытіи Россіи!* Кто осмѣлится сказать, что онъ не только разумомъ, или умомъ, но и воображеніемъ обозрѣлъ или хотя гадательно предусмотрѣлъ всѣ могущія произойти отъ сего послѣдствія!... «Но довольно», скажутъ мнѣ со смѣхомъ, «здраваго смысла и разума, чтобы понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ».

«Но развѣ не видѣли мы царствія разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшій на немъ, разрушены вѣра, законы и родство? Развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ нихъ, расторглись всѣ связи и общежитія, пали всѣ узы, соединяющіе людей? Они вошли въ изступленіе и при-

шли въ состояніе звѣрообразныхъ животныхъ, скитающихся по развалинамъ, курящимся собственною ихъ кровью. Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: «Нѣтъ»!..

«Какъ же это случилось во Франціи? Не крестьянамъ, кои опытъ лютаго звѣрства явили всей Европѣ, и не дворянству, которое, по словамъ умствователей, отъ роскоши и развращенія отупѣло: среднему ихъ состоянію не могли растолковать, въ чемъ состоитъ личная и гражданская свобода. Но и они, искупавшись въ крови милліоновъ своихъ соотчичей, всѣ не вняли толкованію ихъ толкователей, доколѣ собственными же ихъ учениками не завоевалъ ихъ тотъ, который, подъ кровомъ и благотворительнымъ призоромъ ниспроверженнаго имъ правительства, вскормленъ былъ на угнетеніе ихъ.

«Нѣтъ, ваше сіятельство! Надобно что нибудь получше придуманное и прозябшее въ головѣ зрѣлой, чтобы склонить на свое мнѣніе правительство... Можетъ быть, что мнѣнія ваши и могли быть полезны *для Польши*, бывшаго вашего отечества, которое уже не существуетъ и которое пылкими головами изобиловало; но *не они ли* и заронили въ немъ искру пожара, который его истребилъ? [1])

«Что мнѣнія приводятъ людей въ изступленіе—это не новое. Мы недавно видѣли въ Россіи такихъ, которые сожигали сами себя на кострахъ, другіе и теперь скопятъ себя; матери дѣлаютъ это надъ дѣтьми своими. Кто, казалось бы, можетъ хотѣть зла себѣ? Но изступленіе увѣряетъ, что это не зло, а благо; *таковое же изступленіе* увѣряетъ и изъ насъ иныхъ, чтобъ согласоваться съ вами и вамъ способствовать, не преступленіе-ли сіе противъ отечества? Вотъ отчего и книга ваша напечатана и выпущена не по оплошности приставленныхъ къ сему надзору, а потому что *у надзора* сего есть люди вѣрно упившіеся сего яду вольнодумства, въ которое и вы обмакивали перо свое».

---

[1]) Замѣчательный упрекъ Польшѣ, какъ виновницѣ пропаганды крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Затѣмъ, разсказавши о своихъ наблюденіяхъ надъ бытомъ крестьянъ въ Швейцаріи, Италіи и Франціи, который авторъ возраженія нашелъ въ гораздо худшемъ положеніи, нежели въ Россіи, онъ приходитъ къ заключенію, что недостатки въ земледѣліи у насъ происходятъ вовсе не отъ состоянія крестьянъ въ крѣпостной зависимости, а, напротивъ, отъ неограниченной свободы разселяться по обширному пространству. На этомъ основаніи онъ желаетъ не освобожденія крестьянъ, а совершеннаго запрещенія «бродить» имъ съ мѣста на мѣсто. Онъ не можетъ себѣ представить, какой хаосъ и замѣшательство должны произойти въ Россіи, если состоится освобожденіе крестьянъ, и въ немъ онъ даже видитъ тайную интригу, направленную изъ Франціи противъ Россіи и лукаво проводимую польскимъ писателемъ. «Не улучшеніе нашего земледѣлія и размноженіе нашего народа озабочиваетъ васъ, а возмущеніе и истребленіе онаго, заключаетъ онъ. Вотъ сокровенная сердецъ вашихъ тайна, но уже проникнутая. Вы не сознаетесь въ ней, и сознаться не можете, ибо вы, графъ, знаете, *чьимъ* она и въ томъ и въ другомъ случаѣ должна вознаградиться».

Такимъ нелогическимъ выводомъ заключается мнѣніе неизвѣстнаго автора, и тѣмъ же характеромъ проникнуто произведеніе гр. Ростопчина, съ добавленіемъ лишь обыкновеннаго паѳоса его пера.

«Я совсѣмъ не знаю сочинителя книги, противъ которой пишу, говоритъ гр. Ростопчинъ. Названіе ея произвело во мнѣ любопытство, а содержаніе удивленіе. Не имѣя никакой причины толковать въ противную сторону и приписывать дурному намѣренію мысли, произведенныя (по словамъ сочинителя) желаніемъ доставить счастіе одному изъ многолюднѣйшихъ государствъ въ свѣтѣ; отдавая даже справедливость похвальному движенію его сердца, жалко, что онъ, предавшись воображенію, недовольно свѣдущъ о настоящемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, и, устремя взглядъ умственно на дурную сторону, не видитъ счастья, коимъ они пользуются, бывъ

совершенно обезпечены *на счетъ голоду, нищеты и нужды*... Но уповать должно, что *разсудокъ возьметъ верхъ надъ мечтою*, и силою привычки, примѣровъ и *почтенія къ старинѣ* воздержитъ простой народъ отъ любопытства дѣлать испытанія милліонами людей по слову одного.

«Давно съ негодованіемъ читалъ я повторяемыя бредни иностранныхъ на счетъ рабства въ Россіи и описанія онаго перомъ презрѣнія. Но какъ книги ихъ писаны на иностранныхъ языкахъ, то и извѣстны въ народѣ быть не могли. Условія же крестьянъ съ помѣщиками писаны россійскимъ подданнымъ. Замѣтя мимоходомъ, что неприлично печатать *наставленія государямъ* и правительствамъ, я намѣренъ опровергнуть мысли г. Стройновскаго истиною замѣчаній моихъ. *Онъ писалъ свою книгу по польски, а я думаю и пишу по русски!* Предоставляя ему желать по своему много счастія счастливыхъ дѣйствительно крестьянъ, и вступать во всѣ права Анахарсиса, Клотца, оратора человѣческаго рода, стану говорить судъ за дворянъ, коихъ достояніе есть награда государей за службу предковъ, или ихъ самихъ, кои, бывъ чувствами вѣрности и благодарности преданы императору, отличаются его довѣренностью и почестями, и посему суть первые его подданые, подпора престола и славы. Генрихъ IV, король французскій, говаривалъ, что онъ первый дворянинъ своего королевства, а императоръ Александръ I еще сильнѣе доказалъ уваженіе къ своему благородному сословію, удостоя быть членомъ дворянскаго собранія въ Москвѣ».

Въ своемъ возраженіи гр. Ростопчинъ касается опредѣленія настоящаго значенія понятія «о вольности», взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, невозможности установленія между ними условій, вредныхъ послѣдствій увольненія крестьянъ и положенія дворовыхъ людей.

По взгляду Ростопчина, свобода немыслима въ человѣческомъ обществѣ, не будучи своеволіемъ и буйствомъ. «Слово вольность или свобода, говоритъ онъ, изображаетъ лестное, но неестественное для человѣка состояніе, ибо

жизнь наша есть безпрестанная зависимость отъ всего. Мы властны въ волѣ нашей, но не въ исполненіи ея, чему предстоятъ всегда моральныя и физическія препятствія. Отношенія и связи общества дѣлаютъ каждаго человѣка зависящимъ отъ другихъ, и для удовлетворенія нашихъ желаній, нуждъ и прихотей, мы всегда прибѣгаемъ къ другимъ... Въ связяхъ общества всѣ сословія нераздѣльны, но права различныя, и могутъ перемѣняться по времени и обстоятельствамъ. Вѣрнаго и вѣчнаго въ жизни нѣтъ, поколѣнія исчезаютъ и другими замѣняются, но цѣпь, связывающая роды людей, хранится въ рукахъ правительства, и сила ея можетъ уничтожиться въ одинъ мигъ, не довольно разрывомъ, но даже перемѣною одного звѣна».

Но стремленіе человѣка къ свободѣ такъ сильно, что онъ нерѣдко становится преступникомъ, чтобы достигнуть осуществленія этой химерической идеи, замѣчаетъ Ростопчинъ. Первое проявленіе его, по его мнѣнію, есть самовольство; второе—непослушаніе; третье—возстаніе противъ властей. Примѣровъ подобнаго рода много въ исторіи. «Но, по несчастью, прошедшее не есть урокъ въ настоящемъ. Въ устахъ проповѣдующихъ свободу—она и счастье суть единомыслены; въ умахъ же съ здравымъ разсудкомъ свобода значитъ бѣдствіе... Время республикъ прошло. Прахъ римлянъ въ землѣ; *дѣла ихъ попались съ ложью въ исторію, а рѣчи въ трагедіи на театръ.* Съ Катономъ кончился духъ вольности. Но память дѣлъ сихъ, названныхъ великими, мужей, произвела чрезъ многіе вѣка возбужденія воскресить древность, для чего многіе изъ нагихъ и голодныхъ писателей, возмечтавъ, что они Камиллы, Фабіи, приступили къ образованію умовъ способомъ вольнодумства. Первый изъ нихъ есть Жанъ-Жакъ-Руссо... Краснорѣчіе его, сожалѣніе къ сумасшествію, спасли отъ заточенія, и, безъ Элоизы и женщинъ, другъ человѣчества лишенъ былъ бы и своей свободы отъ людей, коимъ онъ хотѣлъ принести ее въ даръ. Марая бумагу, онъ не мнилъ, что въ условіи общества (Contrat social) посадилъ

сѣмя французскаго изступленія, называемаго революціею, и если бы съ ней дожилъ, то не долго остался бы зрителемъ, а получилъ бы съ прочими философами и любителями вольности въ награду смерть за ложныя понятія, разрушеніе порядка и доказательство, что свобода есть слово, плѣняющее наши чувства обѣщаніемъ независимости, и столько же опасно для человѣка и для общества, какъ прекрасные на взглядъ плоды, содержащіе въ себѣ жестокій ядъ».

Познакомившись съ историческими основаніями Ростопчина, уже легко понять, какъ онъ долженъ отнестись къ крестьянскому вопросу.

Представивъ вкратцѣ происхожденіе рабскаго класса въ Россіи, онъ показываетъ, какъ вредно отражалось разрѣшеніе ему перехода, даннаго нѣкоторыми князьями, на экономическомъ и нравственномъ бытѣ страны; но, убѣдившись въ этомъ, правительство опять пришло къ счастливой мысли— окончательно закрѣпить крестьянъ. «Изъ сего видно, что вольность крестьянская не есть выдумка. А вредная истина, доказанная вѣками». Затѣмъ графъ Ростопчинъ переходитъ къ настоящему положенію крестьянъ въ Россіи и представляетъ обезпеченное положеніе ихъ подъ эгидою надзора, не забывая при этомъ указать рядъ примѣровъ собственнаго благодушія и злоупотребленія имъ крестьянами. Онъ сознается, что помѣщикъ властенъ отнять все у крестьянина; но этому мѣшаетъ человѣколюбіе, разсудокъ и законъ. «Впрочемъ, и въ такомъ случаѣ число жертвъ помѣщичьяго произвола гораздо меньше жертвъ, погибающихъ въ другихъ земляхъ отъ язвы, холода, наводненій и войнъ». Онъ удивляется, какъ могутъ жаловаться на жестокость помѣщиковъ, когда въ тоже время терпятъ *рабство въ Индіи, торгуютъ неграми* (!).

Вопросъ объ условіяхъ съ крестьянами разрѣшается имъ еще проще. Кто можетъ распоряжаться чужою собственностью? Непривыкшіе же къ ней крестьяне не въ состояніи будутъ и управлять ею. Поэтому произойдетъ неизбѣжный хаосъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Неисполненіе условій, заключенныхъ съ владѣльцемъ, окончательно разоритъ

послѣдняго; а отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе о вредныхъ послѣдствіяхъ увольненія крестьянъ. Земледѣліе вольностью крестьянъ въ Россіи процвѣсти не можетъ, потому что русскій крестьянинъ не любитъ хлѣбопашества и пренебрегаетъ своимъ состояніемъ, *не видя въ немъ для себя пользы»*. Крестьянинъ можетъ работать по принужденію, а потому, лишившись надзора помѣщиковъ, они подпадутъ другому игу—«богатыхъ мужиковъ», которые, незамѣтнымъ образомъ, сдѣлаются новыми помѣщиками. Исходъ же всего этого одинъ—безпрестанныя волненія и неистовства. «Не достанетъ ни судей, ни гербовой бумаги на просьбы, ни остроговъ для помѣщенія должниковъ и ослушниковъ». Чтобы дополнить эту картину, гр. Ростопчинъ указываетъ, наконецъ, на массу дворовыхъ людей, достигшихъ втеченіе вѣковъ $^1/_{15}$ части всѣхъ крестьянъ, которымъ въ случаѣ увольненія будетъ некуда дѣваться, и, не имѣя собственности, имъ придется пропасть съ голоду или увеличить число недовольныхъ.

Но авторъ возраженія неудовлетворяется и этимъ. Онъ нападаетъ даже на то, что уже существовало. «Хотя и у насъ въ Россіи найдется нѣсколько помѣщиковъ, *кои, для собственныхъ выгодъ и по разсчету*, обратили своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, отпустили вѣчно на волю нѣсколько неспособныхъ работать семей, чтобы не платить за нихъ до новой ревизіи подушныя деньги, *но сіи не суть друзья человѣчества, а друзья самихъ себя... Ни одинъ честный и добродѣтельный человѣкъ не захочетъ* отказаться *добровольно* отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ части людей, подъ защитою его живущихъ, и симъ уподобляется въ милосердіи и человѣколюбіи великодушному своему государю, коего воля есть первый законъ вѣрноподданныхъ, предупреждающихъ желаніе его и всегда готовыхъ принести въ жертву ему и отечеству имущество, жизнь и сыновъ. Въ 1806 году государь сказалъ: «Вооружайтесь!» и 630,000 человѣкъ вооружилось подъ начальствомъ 20,000 человѣкъ изъ сословія помѣщиковъ. Пройдемъ съ г-омъ Строй-

новским исторію военныхъ дѣйствій россійскаго оружія, имена предводителей войскъ, исчислимъ падшихъ дворянъ на поляхъ ратныхъ, сравнимъ Россію прошедшаго столѣтія съ Россіею нашего времени, прочтемъ имена мужей въ совѣтѣ, въ верховныхъ судахъ сидящихъ, государя окружающихъ, полководцевъ, воиновъ, всѣхъ знаменитыхъ людей, отечество прославившихъ и прославляющихъ, кто были предки ихъ?—Дворяне. Кто они сами? Потомки ихъ? Кто возвысилъ ихъ въ сіе достоинство?—Цари россійскіе. Кто утвердилъ права ихъ?—Александръ I. И такъ, предоставимъ ему, избраннику божію устраивать счастіе Россіи и, вмѣстѣ съ нимъ, свое благоденствіе; для соучастія въ подвигѣ семъ возьмемъ въ примѣръ дѣла предковъ нашихъ, а не умствованія пагубныхъ мудрецовъ. Оставимъ ихъ въ покоѣ и на мѣстѣ, станемъ лучше больше слушать, чѣмъ говорить, писать и подражать, и кончимъ каждый день молитвою:

«Господи, продли дни царя и мирное житіе наше! Утверди благоденствіе наше навѣки, *и избави насъ отъ лукаваго*».

Другіе шли еще далѣе въ своей регламентаціи крѣпостнаго права. Извѣстный В. Н. Каразинъ, такъ любившій обращаться съ своими совѣтами къ властямъ [1]), не смотря на патріархальную заботливость, съ которою онъ относился къ устройству быта своихъ крестьянъ (заведеніемъ школы, кассы, сельскаго суда, и т. п.) и на сознаніе, что дворовые люди составляютъ родъ пролетаріевъ, которыхъ слѣдуетъ отпустить на свободу и держать у себя не иначе, какъ по найму, въ общемъ взглядѣ на крестьянскій вопросъ стоялъ на самой консервативной точкѣ зрѣнія, благодаря именно патріархальному отношенію къ его рѣшенію. Въ своихъ мнѣніяхъ о немъ, онъ является защитникомъ самой полной полицейской системы [2]). Слѣдуетъ замѣтить, что, возражая въ

---

[1]) См. его наставительныя письма къ императору Александру I, въ «Русской Старинѣ» 1870 года, № XII, и 1871, № I.

[2]) См. его: 1) «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ, или согла-

одномъ изъ нихъ противъ иностранцевъ, онъ постоянно имѣетъ въ виду сочиненіе извѣстнаго Беарде-Делабея. Каразинъ сознается, что еще съ 1792 года онъ занимался этимъ вопросомъ, но тогда его мысли были совсѣмъ другія, чѣмъ теперь (мнѣніе писано въ 1810 году). «Я не убѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началахъ восемнадцатаго вѣка. Обманутое наше воображеніе носилось въ мечтательномъ мірѣ, который никогда не былъ, и, вѣроятно, никогда не будетъ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно достойными вольности неограниченной, и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли... По истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго *изступленія* имѣютъ еще и по нынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ меньшихъ, изъ коихъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя?.. Если давно доказано, что ни въ какомъ случаѣ наемникъ не можетъ быть пастыремъ и приставъ радѣть съ усердіемъ хозяина о добрѣ, въ которомъ онъ лично не участвуетъ, то слѣдуетъ само собою, что казенныя селенія земледѣльцевъ не могутъ подъ вліяніемъ временныхъ, никакими узами несоединенныхъ съ ними начальниковъ, столько содѣйствовать къ благосостоянію монархическаго государства, сколько управляемыя помѣщиками,

---

шеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества. Письмо одного помѣщика Харьковской губерніи къ своему губернатору (Бахтину)», въ Чтен. Моск. общ. ист. 1861, III, 135—176; idem въ Русск. Старинѣ, 1871 г., мартъ, 335—366.

2) «Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23 мая 1816 г., и объ эстляндскихъ постановленіяхъ». Чтенія Моск. общ. ист., 1860, II, 218 - 227.

да и опытъ это подтверждаетъ... Простолюдство, *не бывъ управляемо*, въ самыхъ счастливыхъ климатахъ едва можетъ пріобрѣтать на необходимыя свои нужды... Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть *монархическія же*; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь. И, слѣдовательно, помѣщики, для благоденствія селеній земледѣльческихъ, почти столько же нужны, сколько монархъ для подданныхъ вообще... Помѣщика разумѣю я *наслѣдственнымъ чиновникомъ*, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ, живущихъ на ней... Онъ есть природный покровитель ихъ, ихъ гражданскій судья, посредникъ, ходатай, наблюдатель за правами, однимъ словомъ *генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*». Этого мало. Вся «внутренняя полиція», по мнѣнію Каразина, должна быть ввѣрена дворянству, т. е. помѣщикамъ, которые ему представляются не иначе какъ «*наслѣдственными полицеймейстерами*» государства, за что они должны пользоваться половиною крестьянскаго труда. «Іерархическая зависимость, говоритъ онъ, есть древняя, донынѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнъ въ Россіи уцѣлѣвшая нить, связующая государя съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Но іерархическая нить, скрываясь отъ насъ, еще восходитъ. *Она кончается тамъ, у престола монарха міровъ*...

«Политическія истины наши, заключаетъ Каразинъ, основываются не на парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи, которая несравненно старѣе—на Библіи»...

Зная исходъ крестьянскаго вопроса въ то время, не смотря на постоянныя попытки самого правительства рѣшить его, легко понять, какъ въ этомъ случаѣ должны были вліять на него отступленія отъ прежнихъ взглядовъ такихъ лицъ, какъ Каразинъ. Но и современный историкъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія въ этомъ вопросѣ. Въ своей запискѣ о древней и новой Россіи (1811), Карамзинъ раз-

виваетъ тѣже начала объ исключительномъ правѣ дворянъ на землю, и рисуетъ такими же мрачными красками всѣ послѣдствія, въ случаѣ освобожденія крестьянъ, какъ и авторы мнѣній, приведенныхъ нами выше. Онъ даже считаетъ этотъ вопросъ неразрѣшимымъ, такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить, кто изъ настоящихъ крестьянъ происходитъ изъ древнихъ холоповъ, и кто закрѣпленъ Борисомъ Годуновымъ, очевидно отводя на долю первыхъ уже нескончаемое рабство. Защищая свою идею, онъ, какъ историкъ, непозволительно забываетъ объ историческомъ развитіи, и готовъ обречь соціальный бытъ на вѣчное statu quo. «Въ заключеніе скажемъ доброму монарху, говоритъ онъ: Государь! *Исторія не упрекнетъ* тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (*положимъ*, что неволя крестьянская есть рѣшительное зло), но ты будешь *отвѣтствовать* Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ». Въ запискѣ Карамзинъ говоритъ какъ историкъ-теоретикъ; но въ исторіи онъ искусно обошелъ этотъ вопросъ, помѣстивъ подробности его въ примѣчанія, обыкновенно не читаемыя публикою [1]).

Общественное мнѣніе далеко не было на сторонѣ реформы крестьянскаго вопроса. Ни планъ учрежденій Сперанскаго, ни планъ Новосильцова его не касались [2]), хотя несбывшіеся проекты Сперанскаго неминуемо вели эту реформу за собою. Предоставивъ свободное развитіе крестьянскаго вопроса на началахъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, которое шло въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ [3]), правительство

[1]) Это было указано еще г. Галаховымъ (Карамзинъ, какъ историкъ, въ Вѣстн. Европы).

[2]) См. Обществен. движеніе при Александрѣ I, Пыпина, гл. II и III.

[3]) По оффиціальному сообщенію, съ 1805 по 1820 годъ, на этомъ основаніи было освобождено всего 30,000 крестьянъ, въ томъ числѣ 20,000 князя Голицына, крестьяне котораго откупились, заплативъ его долги. Записки И. Д. Якушкина, стр. 37. По другому же оффиціальному сообщенію, съ 1803 года до настоящаго царствованія, на основаніи указа о хлѣбопашцахъ, всего было освобождено до 140,000 душъ. См. Дѣятельность Я. И. Ростовцева, статья Семенова, Русск. Вѣстн., 1864., XI, 88.

думало однако устроить его на болѣе опредѣленныхъ, общихъ началахъ. Дѣло это началось вскорѣ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій и возвращенія императора въ Петербургъ. Уже 23 мая 1816 года были изданы эстляндскія постановленія, на основаніи которыхъ всѣ крѣпостные люди Эстляндской губерніи переходили въ свободное состояніе постепенно, втеченіе 14 лѣтъ; съ правомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности. Въ первыхъ двухъ инстанціяхъ они подлежали суду своего сословія и подвергались наказанію не иначе какъ по суду. Два года спустя, на такихъ же основаніяхъ получили свободу и курляндскіе крестьяне. Но, не будучи надѣлены землею, тѣ и другіе находились въ тяжелой зависимости отъ помѣщиковъ [1]).

Около этого времени возникла у правительства мысль обезпечить болѣе прочными положеніями и судьбу русскихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого, въ 1818 году, по повелѣнію государя, была составлена Е. Ф. Канкринымъ (генералъ-интендантъ арміи, а впослѣдствіи министръ) «Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости», написанная на французскомъ языкѣ [2]). Изъ приведенныхъ въ ней мыслей, высказанныхъ автору государемъ, видно, что новыя положенія предполагалось составить въ духѣ эстляндскихъ: «слѣдовало бы держаться, говорится въ этомъ желаніи, системы, принятой въ этомъ отношеніи въ Лифляндіи и Эстляндіи, т. е. соразмѣрить и облегчить повинность крестьянъ; оградить ихъ отъ

---

[1]) Богдановичъ, V, 287—289.

[2]) Русск. Арх., 1865, 542—552. Канкринъ препроводилъ ее государю 24 февраля 1818 г. черезъ гр. Нессельроде, которому при этомъ писалъ: «Признаюсь, этотъ предметъ съ давнихъ поръ лежалъ у меня на сердцѣ; *а увидѣвъ въ Москвѣ, какъ вся публика недовольна намѣреніемъ императора освободить крестьянъ, я почерпнулъ въ этомъ новое побужденіе изложить мои мысли*» (Русскій Архивъ, 1866, 126). Вспомнимъ при этомъ свидѣтельство гр. Ростопчина, приведенное нами выше (гл. II), какъ Москва позабыла даже ефимоны, чтобы вполнѣ предаться «брани» надъ Румянцовымъ за мысль его о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

произвола помѣщиковъ, дозволить имъ пріобрѣтать собственность, однимъ словомъ, составить новое, точное и умѣренное законоположеніе относительно крѣпостнаго состоянія[1]). Въ этомъ умѣренномъ желаніи легко замѣтить ту крайнюю осторожность, съ какою думало правительство провести свою прежнюю программу, находясь подъ неблагопріятнымъ для настоящаго вопроса давленіемъ общественной среды. Но авторъ записки принадлежалъ къ защитникамъ его, и потому неудовлетворился этой умѣренностью, хотя и онъ все-таки принадлежитъ къ весьма осторожнымъ политикамъ.

Сначала авторъ представляетъ (въ 16 статьяхъ) рядъ степеней, чрезъ которыя проходилъ крестьянинъ въ Европѣ, начиная отъ полной зависимости до окончательнаго освобожденія съ правомъ поземельнаго владѣльца. Онъ не удовлетворяется ни положеніемъ крестьянина въ Англіи, въ которой, вслѣдствіе весьма ранняго освобожденія и потому необдуманнаго рѣшенія, онъ остался безъ земли, въ качествѣ свободнаго поденщика, ни судьбою его въ другихъ странахъ, въ которыхъ хотя онъ и пользуется землею, какъ фермеръ, но за то прикрѣпленъ къ ней. Затѣмъ авторъ обращается къ настоящему положенію крестьянъ въ Россіи, и находитъ ихъ въ крайне бѣдственномъ положеніи, вопреки увѣреніямъ тѣхъ, мнѣнія которыхъ мы представили выше.

«Естественныя послѣдствія крѣпостнаго состоянія, пишетъ онъ, по самому свойству своему ничѣмъ не ограниченнаго; роскошь и разныя другія причины, въ особенности же не по силамъ предпринимаемыя помѣщиками винокуренныя операціи, необдуманное устройство разнаго рода фабрикъ, тягость подводной повинности, привели наконецъ нашего крестьянина въ ужасающее положеніе. Губерніи, находившіяся нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи, какъ напр. Подольская, разорены до того, что крестьяне лишены тамъ первыхъ потребностей жизни. Богатыя губерніи, Орловская, Курская, Харьковская, и др.,

---

[1]) Ibidem, стр. 548.

далеко не похожи на то, чѣмъ были онѣ двадцать лѣтъ тому назадъ... Земледѣліе нигдѣ не дѣлаетъ у насъ настоящихъ успѣховъ, потому что до сихъ поръ всѣ усилія сельскихъ хозяевъ были обращены не столько къ улучшенію быта крестьянъ, сколько къ ихъ угнетенію. Увеличить поборы съ земледѣльца — единственная цѣль помѣщика. Съ незапамятнаго времени не сдѣлано въ Россіи ни одного шага къ усовершенствованію въ этомъ отношеніи ... Упомянутые факты и много другихъ имъ подобныхъ, а въ особенности справедливыя опасенія, возбуждаемыя идеями, распространяемыми *чрезъ военныхъ, возвратившихся изъ чужихъ краевъ* и имѣющихъ еще возвратиться изъ Франціи, настоятельно требуютъ другаго порядка вещей. Вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно и то, что почти никто не подозрѣваетъ *опасности покоиться на огнедышущей горѣ*, потому что личные интересы съ одной стороны, съ другой — сила обычая, освященнаго вѣками, наконецъ самыя затрудненія, сопряженныя неминуемо со всякой перемѣной, не дозволяютъ и нынѣ правильно смотрѣть на дѣло и успокоиваютъ тревожныя опасенія другихъ. Опасность эта, безъ сомнѣнія, еще не такъ близка отъ насъ, но, для предотвращенія золъ такого рода, слѣдуетъ принимать надлежащія мѣры гораздо ранѣе пагубной развязки».

Тѣмъ не менѣе, авторъ говоритъ, что было бы *несправедливо*, *неосторожно* и даже *невозможно* отпустить разомъ крестьянъ на волю. Несправедливо потому, что многими земля была пріобрѣтена на существующихъ условіяхъ; неосторожно потому, что крестьяне, неприготовленные къ новому порядку, могли бы предаться необузданнымъ порывамъ страстей; невозможно потому, что отъ этой внезапной перемѣны произошли бы экономическія затрудненія въ цѣлой странѣ. Онъ несогласенъ принять за основаніе своихъ положеній эстляндскія постановленія, такъ какъ рядъ крестьянскихъ возмущеній въ тамошнемъ краѣ показываетъ всю несостоятельность новыхъ отношеній. Составленіе же новыхъ постановленій,

которыя, не уничтожая крѣпостнаго права, клонились бы лишь къ точному опредѣленію отношеній обѣихъ сторонъ, равняется увѣковѣченію крѣпостной зависимости. Поэтому авторъ записки представляетъ рядъ мѣръ, которыя постепенно вели бы къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ къ болѣе прочному положенію крестьянъ. Эти мѣры идутъ у него въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Въ 1819 году учреждается секретный комитетъ, для точнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ. 2) Въ 1820 году объявляется, что крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать земли и что дома и движимость ихъ составляютъ неотъемлемую принадлежность. 3) Въ 1822 году вся земля государственныхъ крестьянъ раздѣляется пообщинно, и каждая общинная земля на участки по дворамъ, съ воспрещеніемъ новаго передѣла; излишекъ оставляется для новыхъ дворовъ. Затѣмъ этотъ указъ примѣняется и къ помѣщичьимъ землямъ; а подушная подать замѣняется подворною. 4) Въ 1825 году опредѣляются и уменьшаются повинности крестьянъ, а они сами становятся подъ покровительство лицъ, назначенныхъ отъ правительства. 5) Въ 1827 году опредѣляется право наслѣдованія дворами, а вотчинный судъ ввѣряется отвѣтственнымъ чиновникамъ. 6) Въ 1830 году учреждается право первородства для наслѣдованія имѣніями, отъ 250 душъ, и ниже, во избѣжаніе дробленія земли, вреднаго во многихъ отношеніяхъ. 7) Въ 1835 году устраивается бытъ дворовыхъ людей. 8) Въ 1840 году назначается такса на выкупъ крестьянъ съ земли и безъ нея, съ учрежденіемъ для этого заемнаго банка. Приэтомъ замѣчено, что, «эта мѣра не имѣетъ цѣлью лишить дворянство, опору престола, его собственности». 9) Въ 1845 году совершается перестройка повинностей крестьянъ и вотчиннаго суда, примѣнительно къ новымъ положеніямъ. 10) Въ періодъ отъ 1850—1880 годъ земля объявляется собственностью каждаго семейства, съ несеніемъ извѣстныхъ повинностей, даруется право перехода; судъ ввѣряется исключительно правительству; всѣ повинности личныя могутъ быть выкупаемы. Но авторъ спѣшитъ оговориться: «Мы

назначаемъ тридцатилѣтній срокъ для совершенія дѣла, замѣчаетъ онъ, *но, можетъ быть, эпохи*, нами назначенныя, вообще *слишкомъ близки* одна отъ другой»; хотя вполнѣ сознаемъ, что настоящее положеніе «*противно божескимъ и человѣческимъ законамъ*».

Эта нерѣшительность автора и отдаленіе сроковъ лучше всего показываютъ, какъ трудно казалось открыто взяться за разрѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Та же осторожность видна и въ порученіи императора Александра I гр. Аракчеву (1818) «начертать проектъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, съ тѣмъ чтобы проектъ сей не заключалъ въ себѣ *никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ*, и особенно чтобы мѣры сіи не представляли ничего насильственнаго въ исполненіи со стороны правительства; напротивъ, чтобы онѣ сопряжены были съ выгодою помѣщиковъ и возбудили бы въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать правительству въ уничтоженіи крѣпостнаго сословія въ Россіи».

По мнѣнію Аракчеева, мѣры къ освобожденію крестьянъ въ Россіи могли заключаться только въ пріобрѣтеніи покупкою помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну, по добровольному согласію помѣщиковъ. Съ этою цѣлью Аракчеевъ предлагалъ составить постоянную коммиссію, въ которую могли бы обращаться желающіе продать своихъ крестьянъ и землю. Они могли продать или все имѣніе, или крестьянъ съ участками земли, по 2 десятины на каждую ревизскую душу, оставляя остальную часть земли за собою. Оцѣнку имѣнія полагалось производить специальною коммиссіею. Капиталъ, назначаемый на выкупъ крестьянъ, долженъ былъ состоять изъ 5,000,000 рублей ассигн., ежегодно отпускаемыхъ государственнымъ казначействомъ, а въ случаѣ затруднительнаго состоянія финансовъ—изъ 10,000 ежегодно выпускаемыхъ билетовъ государственнаго казначейства, цѣнностью въ 500 рублей каждый. Въ обращеніи они могли имѣть значеніе денегъ, а со времени выдачи ихъ продавцу

имѣнія—приносили ему по 5%. Составитель проекта полагалъ, что затруднительное экономическое положеніе помѣщиковъ, послѣ огромныхъ пожертвованій страны въ 1812 г., заставитъ ихъ предпочесть этотъ переходъ зависимости отъ долговъ и ростовщиковъ-капиталистовъ.

«Предположенія эти были одобрены государемъ, говоритъ Милютинъ, и конечно получили бы со временемъ свое дѣйствіе, если бы не воспрепятствовали тому политическія обстоятельства и возникшія тогда смуты въ нѣкоторыхъ государствахъ южной Европы, и особенно если бы несчастная исторія Семеновскаго полка не произвела, наконецъ, конечнаго измѣненія въ мысляхъ и намѣреніяхъ государя» [1].

Толки о новыхъ положеніяхъ вызывали мнѣнія, возраженія и наконецъ практическое примѣненіе несбыточныхъ надеждъ. Противъ патріотической рѣчи «о защищеніи права дворянъ на владѣніе крестьянами», написанной въ Москвѣ въ 1818 г., появился отвѣтъ отъ «неизвѣстнаго россіянина», который напалъ на больныя мѣста автора рѣчи. Онъ утверждаетъ, что услуги дворянства престолу не даютъ ему права располагать трудомъ и участью крестьянъ; что величайшею благодарностью за услуги должно быть уваженіе соотечественниковъ, а не награды; что патріархальное управленіе свя-

[1]) Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, II, 146—49. Въ бумагахъ Аракчеева былъ найденъ еще проектъ А. Ѳ. Малиновскаго, составленный также въ 1818 году. Онъ предлагалъ даровать крестьянамъ пока личную свободу, и притомъ только рожденнымъ съ 1812 года и невошедшимъ въ списки 7-й ревизіи, допуская съ теченіемъ времени опредѣлить самыя отношенія ихъ къ владѣльцамъ, сообразно съ обстоятельствами. Неизвѣстный же авторъ французскаго проекта, написаннаго около этого времени, совѣтовалъ объявить помѣщиковъ владѣльцами одной земли; но, въ награду за ихъ патріотическія чувства, обнаруженныя въ 1812 году, признать ихъ земли *ленными помѣстьями*, а владѣльцевъ ихъ *баронами, графами и маркизами*, смотря по величинѣ помѣстья, которыя, кромѣ того, не должны подлежать раздробленію. Девятнадцат. Вѣкъ, II, 150—151. Изъ письма Кочубея къ Сперанскому (22 апрѣля 1819) видно, что въ это время у правительства существовало предположеніе о поочередномъ освобожденіи крестьянъ по губерніямъ (Въ память графа Сперанскаго, 160—161).

занное съ продажею себѣ подобныхъ и мѣною ихъ на собакъ и лошадей, несоотвѣтствуетъ никакому образованному обществу; что привычка съ малолѣтства повелѣвать себѣ подобными, пріучаетъ къ самоуправству и растлѣваетъ нравственность; наконецъ, авторъ указываетъ, что переворотъ во Франціи 1789 года «не имѣлъ другихъ причинъ, кромѣ притѣсненій дворянскаго и духовнаго сословій надъ народомъ». «Если бы, прибавляетъ россіянинъ, при первомъ созваніи генеральныхъ штатовъ, дворянство и духовенство сложило съ себя готическія феодальныя свои преимущества, которыя, впрочемъ, *несравненно слабѣе были* преимуществъ и власти дворянства въ Россіи, то народное негодованіе, подобно пружинѣ сильно натянутой, очень бы ослабилось и не произвело потоковъ крови и тѣхъ ужасовъ, кои теперь должны бы намъ служить наукою и предосторожностью... Кто вкусилъ свободы, тотъ отъ нея не откажется; кто объ ней услышалъ, тотъ за нею погонится, достигнетъ своей цѣли, и—горе противящимся»!... Но, разсуждая такъ, «россіянинъ» боится, чтобы авторъ рѣчи и «нѣкоторые щедродательные члены публики» не надѣлили его именемъ «якобинца»—«симъ, пугалищемъ всякаго честнаго человѣка», и спѣшитъ оговориться, что его желанія вполнѣ согласны съ закономъ божіимъ [1]).

Другіе, среди этихъ толковъ, спѣшили сохранить свои права нѣкоторыми привлекательными, съ виду, уступками. Таковъ проектъ одного изъ смоленскихъ помѣщиковъ, который полагалъ даровать крестьянамъ личную свободу и усадьбы, на которыхъ они живутъ, съ сохраненіемъ правъ помѣщиковъ на землю, которая должна была обрабатываться на добровольныхъ условіяхъ. «Впрочемъ, я готовъ принять всякія постановленія, основанныя *на взаимной пользѣ* крестьянъ и помѣщика и *не лишающія сего послѣдняго его собственности, состоящей въ землѣ*»—заключаетъ онъ [2]).

---

[1]) Чт. Моск. общ. ист., 1859, III, 43—50.

[2]) Русск. Архивъ, 1865, 553—558.

Эти толки проникли и въ массу, но тамъ они отражались по своему. «Въ нашей губерніи, писалъ Сперанскій къ Столыпину изъ Пензы (въ іюнѣ 1818 года), слава Богу, еще все спокойно; хотя и есть нѣкоторое частное броженіе, но степень его еще, по счастью, маловажна. Должно-ли утѣшаться тѣмъ, что не нашу сотню рубятъ»? И здѣсь же, сообщивъ «объ отложеніи» двухъ большихъ деревень Саратовской губерніи (С. С. Уварова и Злобина) отъ повиновенія, Сперанскій замѣчаетъ многозначительно: «Крестьяне сихъ деревень жалуются не на отягощеніе работы или оброка, *какъ то прежде при таковыхъ случаяхъ бывало обыкновенно; но именно утверждаютъ*, что, бывъ вольные, они готовы нанимать землю, *если докажутъ* еще имъ, что сами они не имѣютъ на нее права»! [1])

Въ то время, какъ создавались различные проекты объ улучшеніи крестьянскаго быта, а защитники statu quo увѣряли въ ихъ счастливой судьбѣ, и даже грозили бѣдствіями на случай освобожденія, волненія крестьянъ повторялись ежегодно и независимо другъ отъ друга, на разныхъ концахъ государства, и замѣчательно, что наибольшій процентъ ихъ приходится на земли помѣщиковъ [2]).

---

[1]) Русск. Архивъ, 1871, стр. 437.

[2]) Такъ, въ 1816 году волненія происходили въ губерніяхъ: Симбирской Новгородской, Украинской, Эстляндской, Московской, Курской, Витебской, Тамбовской, Костромской, С.-Петербургской, Черниговской (съ убійствомъ помѣщицы) и Орловской. Въ 1817 году въ губерніяхъ: Пензенской, Эстляндской, Кіевской, Тверской, Лифляндской, Минской, С.-Петербургской, Екатеринославской, Воронежской (съ убійствомъ помѣщика), Оренбургской, Украинской, Витебской, Псковской, Калужской (съ убійствомъ помѣщика) и Бѣлостокской области. Въ 1818 году возмущенія были въ губерніяхъ: Воронежской, Тульской, Саратовской, Оренбургской, Минской, Землѣ войска Донскаго, Тамбовской, Симбирской, Витебской, Тверской, Гродненской, Калужской, Курской, Нижегородской, Волынской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Украинской, Смоленской (съ покушеніемъ на жизнь помѣщика) и Новгородской (съ убійствомъ помѣщика). Въ 1819 году въ губерніяхъ: Симбирской, Курляндской, Лифляндской, Пензенской, С.-Петербургской, Рязанской, Воронежской,

Представивъ подробный очеркъ хода крестьянскаго вопроса во второй періодъ царствованія импер. Александра I, обратимся къ той сферѣ, въ которой приходилось дѣйствовать Мордвинову по тому же вопросу. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ намъ Н. И. Тургеневъ, въ своихъ мемуарахъ [1]).

Воспитанникъ геттингенскаго университета, долго странствовавшій по Европѣ и управлявшій дѣлами у барона Штейна, «Н. И. Тургеневъ пріобрѣлъ глубокія познанія въ финансовой наукѣ и твердыя убѣжденія о законности, свободѣ и равенствѣ людей», и, какъ выражается Гречъ, «помѣшался на мысли, впрочемъ справедливой, о необходимости истребленія рабства въ Россіи и о введеніи въ ней благоустроеннаго управленія» [2]). Тургеневъ возвратился въ Россію въ концѣ 1816 года [3]), и вскорѣ послѣ этого между нимъ и Мордвиновымъ завязались весьма близкія отношенія. Конечно,

Орловской, Тамбовской, Калужской и Пермской. Въ 1820 году, въ губерніяхъ: Олонецкой, Воронежской, Минской, Тульской, Екатеринославской, Землѣ войска Донскаго, Гродненской, Могилевской (съ убійствомъ помѣщика), Рязанской (съ убійствомъ семейства помѣщика), Казанской, Тамбовской, Пермской, Тверской. Въ 1821 году въ губерніяхъ: Симбирской, Орловской, Минской, Херсонской, Ярославской, С.-Петербургской, Воронежской, Казанской, Екатеринославской, Пензенской и Рязанской. Въ 1822 году въ губерніяхъ: Курской, Смоленской, Тверской, Костромской, Саратовской, Витебской, Владимірской, Пермской и Воронежской. Въ 1823 году въ губерніяхъ: Саратовской, Украинской, Казанской, Астраханской, Кіевской, Владимірской, Тверской, Херсонской, Калужской, Пермской, Минской и Тамбовской. Въ 1824 году волненія происходили въ губерніяхъ: Симбирской, Подольской, Минской, Московской и Владимірской; а побѣги, въ обширныхъ размѣрахъ, въ губерніяхъ: Тверской, Рязанской, Тамбовской и Курской. Въ 1825 году встрѣчаемъ извѣстія о волненіяхъ въ губерніяхъ: Ярославской, Нижегородской, Симбирской, Кіевской, Новгородской, Саратовской, Костромской, Черниговской и Пермской (См. Варадинова Исторію министерства внутр. дѣлъ, т. II, ч. 1, стр. 445, 512, 561, 614; т. II, ч. 2, стр. 37, 123, 226, 271, 397, 441).

[1]) La Russie et les Russes, Paris, 1847, I—III.

[2]) Записки Греча, въ Русск. Вѣстн., 1868 г., іюнь, 411, и Tourgueneff, La Russie, etc., I, глав. I—V.

[3]) Ibid., I, 64.

этому много помогло то обстоятельство, что Тургеневъ тогда же (25 августа) занялъ мѣсто помощника статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ [1]). Участіе Мордвинова во многихъ дѣлахъ, требовавшихъ заступничества или смѣлаго заявленія, не могли не обратить вниманія новаго лица, пріѣхавшаго въ Россію съ извѣстными убѣжденіями и предубѣжденіями о ней. Такъ, онъ живо вспоминаетъ произведенное на него впечатлѣніе Мордвиновымъ, когда послѣдній принялся, со «свойственною ему добротою», защищать въ совѣтѣ одного ссыльнаго поляка, осужденнаго въ Сибирь и конфирмованнаго великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, хотя эта защита оказалась напрасною [2]).

Вскорѣ они еще болѣе сблизились. Въ 1818 году Тургеневъ издалъ извѣстный «Опытъ о теоріи налоговъ», вышедшій въ 1819 году вторымъ изданіемъ. Современность вопроса, такъ близко относившагося къ проектамъ правительства и касавшагося интересовъ общества, не могла не обратить на автора общаго вниманія. Трудъ Тургенева, задуманный еще въ Геттингенѣ (1810—1811), былъ дополненъ имъ на основаніи изученія фактовъ. И хотя въ своихъ примѣрахъ авторъ ограничивался фактами, взятыми изъ отношеній западныхъ государствъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ касался Россіи; но его трудъ, какъ проникнутый тенденціей, не замедлилъ раздѣлить читателей и правительственныхъ дѣятелей на два лагеря. Въ основаніе своего «Опыта» Тургеневъ положилъ идею, «что никакая теорія, какъ экономическая или финансовая, такъ и правительственная, не можетъ принести хорошихъ результатовъ, если она не основывается на свободѣ». Говоря о могуществѣ и богатствѣ Англіи, авторъ спѣшитъ указать, что этимъ она обязана своимъ учрежденіямъ. Далѣе, говоря о теоріи налоговъ,

[1]) Списокъ помощн. статсъ-секретарей, у Даневскаго, въ Исторіи образованія государственнаго совѣта, 1859, приложенія, стр. 55.

[2]) La Russie, etc., I, 71.

авторъ позволяетъ себѣ много отступленій, обращаясь постоянно къ области болѣе совершенной политики. Касаясь подушной подати, онъ пользуется случаемъ заговорить о рабствѣ, которое онъ сильно порицаетъ, такъ что въ этомъ отношеніи его книга представляетъ самые сильные аргументы противъ рабства, изъ всего что говорилось и писалось тогда о немъ въ Россіи [1]). Что же касается главнаго вопроса, о видахъ налоговъ, то авторъ стоитъ за равномѣрный и подоходный налогъ (съ дохода, а не капитала). Особую главу (VII) онъ посвящаетъ бумажнымъ деньгамъ, какъ налогу. Касаясь же современныхъ колебаній денежнаго курса и большихъ хлопотъ, причиняемыхъ этимъ правительству въ разсчетахъ по контрактамъ, онъ проводитъ взглядъ, что въ послѣднемъ случаѣ для правительства обязателенъ тотъ курсъ, который существовалъ при заключеніи контрактовъ. Такимъ образомъ, въ основныхъ положеніяхъ своего труда, Тургеневъ сходится съ Мордвиновымъ.

Не смотря на свою тенденцію, книга его не встрѣтила затрудненія со стороны цензуры [2]), и, благодаря современности вопроса, быстро разошлась. Но авторъ ея снискалъ гораздо болѣе враговъ, нежели защитниковъ. Одни изъ нихъ ограничивались нападками въ журналахъ, другіе набрасывали тѣнь подозрѣнія на самого автора и вели тайную интригу.

---

[1]) Замѣчательна также цѣль изданія. На заглавномъ листкѣ книги Тургенева напечатано: «Сочинитель, принимая на себя всѣ издержки печатанія сей книги, предоставляетъ деньги, которыя будутъ выручаться за продажу оной, въ пользу содержащихся въ тюрьмѣ *крестьянъ* за недоимки въ платежѣ налоговъ». Это заявленіе было авторомъ нѣсколько измѣнено — опущеніемъ выраженія о содержащихся въ тюрьмѣ, такъ какъ, по существовавшимъ постановленіямъ, виновные подвергались только заключенію въ рабочемъ домѣ, подъ условіемъ работы (Сынъ Отечества, 1818 г., № XLVIII, письмо Тургенева, 138). Въ Сынѣ Отечества трудъ Тургенева привѣтствовали какъ первую русскую книгу по политической экономіи, не считая учебныхъ книгъ (Ibid., 134).

[2]) Цензоръ только удивлялся смѣлости мыслей автора. Цензуровалъ же ее статскій совѣтникъ И. Тимковскій.

Всѣ удивлялись смѣлости, съ какою выступилъ авторъ въ своемъ разсужденіи о такихъ щекотливыхъ вопросахъ [1]). На одномъ изъ экземпляровъ, бывшемъ въ рукахъ у лица, очевидно враждебнаго автору, была сдѣлана характеристическая замѣтка, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ о положеніи крестьянъ въ Россіи: «N.B. И видно карбонара!» [2]). Интересенъ отзывъ объ «Опытѣ теоріи налоговъ»—Карамзина, вполнѣ обрисовывающій его взглядъ на щекотливые и нелюбимые имъ вопросы. «Тургеневъ (Александръ) рѣже показывается, пишетъ Карамзинъ къ Дмитріеву въ ноябрѣ 1818 г. Видѣлъ ли ты книгу о *налогахъ* его брата, Николая Ивановича? Онъ *страшный либералистъ*, но добрый, хотя иногда и косо смотритъ на меня, потому что я *отъявилъ себя нелибералистомъ*» [3]). Но люди, подобные А. С. Пушкину, ставили книгу Тургенева на ряду съ немногими русскими произведеніями, которымъ суждено пережить свое время [4]).

Нерасположеніе къ книгѣ Тургенева въ высшей сферѣ основывалось на тѣхъ же мотивахъ, которые мы не разъ указывали, касаясь вопроса объ эманципаціи крестьянъ, и только сочувствіе въ то время крестьянскому вопросу со стороны правительства, нѣсколько сдерживало языкъ консерваторовъ. Аракчеевъ ограничился лишь удивленіемъ, что такая книга могла появиться въ то время [5]). Но и въ средѣ высшей государственной іерархіи были люди, которые сочувственно отнеслись

---

[1]) La Russie, etc., I, 75.

[2]) Пыпинъ, Обществ. движеніе при Александрѣ I, 432.

[3]) Письма къ Дмитріеву, стр. 253.

[4]) См. его Записки, изданныя въ Лейпцигѣ, въ собр. сочин. Лучшій разборъ сочиненія Тургенева былъ написанъ тогда извѣстнымъ профессоромъ Куницынымъ (Сынъ Отеч, №№ L и LI), въ заключеніе котораго рецензентъ особенно напираетъ на то, что авторъ желаетъ «согласить систему финансовъ съ народною нравственностью и подчинить правила теоріи налоговъ—*правиламъ человѣколюбія и справедливости*, и возстаетъ противъ тѣхъ сочинителей политическихъ трактатовъ, которые, при торжественныхъ увѣреніяхъ въ ихъ любви къ отечеству, проповѣдуютъ правила, *угнетательныя для ихъ согражданъ*».

[5]) La Russie, etc., I, 75.

къ опыту Тургенева. Членъ государственнаго совѣта, Тутолминъ, принадлежавшій, по своимъ взглядамъ, къ консерваторамъ, высказался, что эта книга можетъ служить руководствомъ для изученія финансовыхъ вопросовъ; канцлеръ Румянцовъ также оказалъ вниманіе ея автору, и особенно восхищался ясностью его изложенія. Но самый радушный пріемъ Опытъ Тургенева встрѣтилъ въ Мордвиновѣ и гр. Потоцкомъ, которые вслѣдствіе этого еще болѣе сблизились съ авторомъ и «почтили» его своимъ довѣріемъ [1]). Притомъ Тургеневъ весьма сочувственно относился къ финансовой системѣ Сперанскаго [2]), и, такимъ образомъ, имѣлъ ближайшую точку соприкосновенія съ лицами, участвовавшими въ ея происхожденіи. Вслѣдъ за этимъ мы встрѣчаемъ его уже въ званіи помощника секретаря при департаментѣ экономіи, гдѣ предсѣдательствовалъ Мордвиновъ и членомъ котораго былъ Потоцкій [3]).

Нѣсколько позже (уже въ концѣ 1819), чрезъ посредство князя Трубецкаго, Тургеневъ вступилъ въ тайное общество, образовавшееся подъ именемъ Союза благоденствія и состоявшее преимущественно изъ офицеровъ гвардіи и молодыхъ литераторовъ. Онъ взялъ на себя пропаганду крестьянскаго вопроса, который не входилъ даже сначала въ программу общества. Самъ онъ немедленно отпустилъ на волю своихъ слугъ; но желаніе его видѣть со стороны членовъ общее стремленіе къ осуществленію настоящаго предложенія было далеко отъ исполненія [4]). Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ поглощалъ

---

[1]) La Russie, etc., 75—76.

[2]) Ibid., II, 271—272.

[3]) Ibid., I, 92.

[4]) «Всѣ декабристы, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ авторъ одной изъ статей о Рылѣевѣ (Е. Я.), признавали необходимость освобожденія крестьянъ... Относительно же способовъ освобожденія, мнѣнія были различны. Одни высказывали самый широкій взглядъ на владѣніе землею (Пестель и нѣкоторые члены южнаго общества), который казался другимъ утопическимъ. Другіе были за личное освобожденіе, и считали освобожденіе съ землею невозможнымъ. Третьи, и въ томъ

все вниманіе Тургенева. «Когда я замѣчалъ въ людяхъ, съ которыми говорилъ, желаніе политической эмансипаціи безъ освобожденія крестьянъ, тогда мною овладѣвало такое негодованіе, что можно было подумать, что я защищаю лишь абсолютную власть. Это рѣдко случалось съ молодыми людьми, которыхъ я всегда успѣвалъ убѣждать; но съ людьми пожилыми, стоящими на верху пирамиды, которые болѣе или менѣе были проникнуты аристократическими принципами и помышляли прежде всего о палатѣ перовъ, преніе становилось страстнымъ, даже ожесточеннымъ, и тогда въ особенности мнѣ приходилось брать на себя защиту тѣхъ выгодъ, какія представляетъ абсолютная власть въ странѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостное право». Видя такую неудачу, Тургеневъ задумалъ было издавать журналъ, который имѣлъ бы цѣлью политическое развитіе русскаго общества; но этотъ планъ не удался, по недостатку сотрудниковъ [1]). Тургеневъ упоминаетъ еще объ одномъ лицѣ, которое, вооружившись всѣми законными средствами, явилось съ своимъ планомъ освобожденія крестьянъ въ Петербургъ и думало привести его въ исполненіе у себя, но его планъ встрѣтилъ противодѣйствіе [2]). Въ государственномъ совѣтѣ большинство было противъ эмансипаціи, и только сочувствіе государя къ положенію крестьянъ измѣняло иногда его рѣшенія въ пользу послѣднихъ [3]).

Послѣ этого понятно то осторожное положеніе, какое

числѣ Муравьевъ (Н. М.) думали, что крестьяне должны получить въ собственность только дома и огороды, остальная же земля должна остаться за помѣщиками или государствомъ (въ экономическихъ и удѣльныхъ имѣніяхъ)». Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, I, 361.

[1]) La Russie, I, 82—85.

[2]) Ibid., I, 92. То былъ, кажется, И. Д. Якушкинъ, подробно разсказывающій объ этомъ дѣлѣ въ своихъ Запискахъ (Лондонъ, 1862, 28—38). Замѣчательно, что гр. Кочубей несочувственно отнесся къ предложенію Якушкина.

[3]) Tourgueneff, ibid., 117. Также относились иногда къ этому вопросу и въ сенатѣ. Нѣкоторымъ казалось, что «желать освобожденія крестьянъ значило желать измѣненія государственнаго порядка». Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу. Лейпцигъ, 1872, 17.

занялъ Мордвиновъ въ рѣшеніи этого вопроса. Въ нашей литературѣ не разъ было высказано мнѣніе, что Мордвиновъ принадлежалъ къ безусловнымъ консерваторамъ по крестьянскому вопросу, и имя его было поставлено рядомъ съ Шишковымъ, Державинымъ, Ростопчинымъ, и др. [1]). Но это ошибка, происшедшая отъ недостаточнаго знакомства съ его мнѣніями и его политическими воззрѣніями. Въ дѣйствительности этотъ вопросъ представляется иначе. Вотъ почему и Тургеневъ, такой строгій обличитель сколько нибудь противоположныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ, во всемъ разсказѣ о Мордвиновѣ постоянно сохраняетъ глубокое уваженіе къ нему. Будучи секретаремъ по департаменту экономіи, Тургеневъ нерѣдко въ засѣданіяхъ имѣлъ бесѣду съ Мордвиновымъ и Потоцкимъ о вопросахъ политическихъ и экономическихъ. Онъ отзывается съ большою похвалою о свѣдѣніяхъ ихъ въ экономической литературѣ, не исключая и новѣйшихъ произведеній. Потоцкій читалъ все и на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, и, какъ новость, однажды принесъ въ засѣданіе сочиненіе Байрона «The Age of Bronze» (Бронзовый вѣкъ), которое было тутъ же прочитано. Относительно общественной реформы Мордвиновъ былъ того мнѣнія, что ее слѣдуетъ начать *съ верху*; между тѣмъ какъ Тургеневъ думалъ вести ее *съ низу*, т. е. съ освобожденія крестьянъ. «Онъ хотѣлъ политической свободы, говоритъ Тургеневъ, съ высшей палатой; онъ возставалъ съ благороднымъ и горячимъ сомоотверженіемъ противъ всякаго произвола. Я же сочувствовалъ неограниченной власти, защищая необходимость ея для освобожденія страны отъ чудовищной эксплуатаціи человѣка человѣкомъ [2]). Не смотря на

---

[1]) Такимъ направленіемъ отличается преимущественно статья о гр. Ростопчинѣ, въ Чтен. Моск. общ. ист., 1861, кн. IV, 167—182, въ которой, съ цѣлью оправданія мнѣній послѣдняго, приводятся въ параллель нѣкоторыя мысли Мордвинова.

[2]) La Russie, I, 93. Исторія убѣдила, кто былъ болѣе правъ въ этомъ случаѣ. Передъ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи Дж. Ст.

то, заключаетъ Тургеневъ, *я увѣренъ, что онъ никогда не отказался бы способствовать освобожденію крестьянъ, если бы правительство рѣшительно того пожелало.* Иногда же, съ обыкновенною своею мягкостью и добротою, онъ подсмѣивался надъ моимъ рвеніемъ въ пользу крестьянъ: «Въ вашихъ глазахъ, говорилъ онъ мнѣ, всѣ рабы святые, а ихъ владѣтели тираны». Почти такъ, отвѣчалъ я ему серьезно.

По поводу освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, Мордвиновъ представилъ (въ мартѣ 1818 года) свой проектъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, назвавъ его только «одною изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости и возбужденія народной дѣятельности» [1]). Въ своемъ мнѣніи онъ стоитъ за постепенное освобожденіе, на началахъ выкупной системы. «Въ природѣ, говоритъ Мордвиновъ, мы видимъ, что всѣ явленія ея суть слѣдствія постоянныхъ причинъ. Тихое и постепенное теченіе времени даетъ жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крутыя же и быстрыя событія въ естествѣ производятъ вѣчно вихри и бури, наводненія, землетрясенія и разрушенія... Народу, пребывшему вѣка безъ сознанія гражданской свободы, даровать ее изреченіемъ на то воли властителя—возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу, даровать законоположеніемъ невозможно. Въ семъ соображеніи, дарованіе свободы тогда только не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ни вредными послѣдствіями, когда располагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностью,

---

Милль писалъ: «Центральная власть очень хорошо выполнила свое назначеніе—перевести народъ черезъ необходимыя посредствующія ступени на высшую; тогда какъ власть представительная, еслибъ была такою на самомъ дѣлѣ, по всему вѣроятію только задержала бы развитіе народа. Въ Европѣ есть еще страны, гдѣ эта работа не кончена, и повидимому только это средство и можетъ ее кончить. Притомъ онъ замѣчаетъ, что «*ничто, кромѣ самодержавной власти*», не можетъ рѣшить *мирнымъ образомъ* крестьянскаго вопроса въ Россіи (Размышленія о представительномъ правленіи, 67).

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1859, III, 51—54, и Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IV.

когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и единовременно, безъ воззрѣнія на степень просвѣщенія и свѣдости всего, что въ гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, но когда благо это представляется въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку; ибо этимъ только ознаменовывается всегда зрѣлость гражданскаго состоянія. *И такъ, одно способствованіе, какое предержащей власти можетъ оказано быть народу въ достиженіи независимаго состоянія безопасно, заключается въ томъ, если мѣра освобожденія отъ зависимости учреждена будетъ закономъ.*

«Мѣра эта должна быть распредѣлена по возрасту получающихъ свободу: она должна отъ 2 до 40 лѣтъ возвышаться, отъ 40 до 60 понижаться. Ниже 2 и выше 60 лѣтъ платы не полагается. Посредствомъ этой мѣры число свободныхъ людей въ Россіи постепенно возрастать будетъ; дѣятельность народная, поощряемая вожделѣнною наградою независимости, распространится; трудолюбивые и предпріимчивые отличатся отъ нерадивыхъ и неспособныхъ. Такой мирный переходъ изъ зависимаго состоянія въ свободное никакому *другому сословію* не навлечетъ непріятностей и потерей. Совершится желаемое безъ насильственнаго расторженія связей, долгимъ временемъ укорененныхъ, безъ потрясенія *правъ наслѣдственныхъ*, какъ бы освященныхъ древностью и пріобрѣтенныхъ куплею. Крестьяне получатъ свободу, помѣщики останутся полными владѣтелями земель своихъ, и съ денежнымъ капиталомъ».

Этотъ способъ освобожденія казался Мордвинову справедливымъ по отношенію къ правамъ помѣщиковъ; съ другой стороны, переходъ крестьянъ онъ считалъ гибельнымъ «въ странѣ, мало населенной и гдѣ денежные капиталы столь еще рѣдки, что едва безъ затрудненія могутъ быть оплачиваемы паханье и посѣвы прежде возвращенія издержекъ жатвою, употребленныхъ на нее». Въ прикрѣпленіи крестьянъ онъ видѣлъ тотъ необходимый феодальный порядокъ,

чрезъ который прошло европейское общество и въ борьбѣ съ которымъ выработало свою свободу. «Въ Европѣ, говоритъ онъ въ другомъ мнѣніи [1]), повсюду было рабство; въ Азіи всегда господствовала личная свобода, и отъ того-то надъ послѣднею тяготитъ и донынѣ всеобщій деспотизмъ. Всѣ тамъ равно независимы другъ отъ друга, и потому, что равные не имѣютъ законовъ, ограждающихъ жизнь и собственность каждаго. Равенство въ правахъ, состояніяхъ и властяхъ представляетъ только дикое общество. Таково состояніе всѣхъ азіятскихъ народовъ»! [2]) Только утвержденію крестьянъ на опредѣленномъ мѣстѣ и уничтоженію перехода Мордвиновъ приписываетъ улучшеніе почвы и выходъ Россіи на путь гражданственности.

Мѣра выкупа, предложенная Мордвиновымъ, состояла въ слѣдующемъ:

Отъ	2 лѣтъ	до	5	плата	назначается	примѣрно	100 р.
»	5 »	»	10	»	»	»	200 »
»	10 »	»	15	»	»	»	400 »
»	15 »	»	20	»	»	»	600 »
»	20 »	»	30	»	»	»	1.500 »
»	30 »	»	40	»	»	»	2.000 »
»	40 »	»	50	»	»	»	1.000 »
»	50 »	»	60	»	»	»	500 » [3]).

[1]) 1833 года; Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IV, стр. 156.

[2]) Здѣсь, разумѣется, Мордвиновъ говоритъ только о первобытномъ равенствѣ, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго примѣчанія, гдѣ мы приводимъ его слова объ идеальномъ равенствѣ.

[3]) Понятно, что здѣсь счетъ идетъ на ассигнаціи, цѣнность которыхъ въ означенное время колебалась между 4 и 3 : 1. Чтобы судить о степени возможности выполненія проекта Мордвинова, приведемъ нѣкоторыя данныя. Въ 1811 году былъ изданъ указъ (№ 24,853), на основаніи котораго *всѣмъ состояніямъ* дозволялось вмѣсто поставки рекрута внести въ казну по 2.000 рублей за каждаго, и этотъ сборъ доставилъ значительную сумму (Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 213). «Но и въ нынѣшнемъ состояніи Россіи, говоритъ Мордвиновъ въ своей антикритикѣ (1818), по поводу сочиненія о банкахъ, если, мы вычислимъ имущество крестьянской семьи, состоящее въ домѣ, скотѣ, орудіяхъ, запасахъ и

Мордвиновъ открыто признавалъ крѣпостное состояніе «рабствомъ» [1]), а уничтоженіе его называетъ «счастливою перемѣною» [2]); онъ не разъ указывалъ на необходимость начать освобожденіе [3]), всегда связывая его съ возбужденіемъ народной дѣятельности и промышленности. Въ 1825 г. онъ включилъ его въ число тезисовъ той программы, отъ исполненія которой онъ ожидалъ улучшенія современнаго состоянія Россіи въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Въ 1833 году Мордвиновъ писалъ: «Со временъ Петра Великаго скорбимъ о судьбѣ рабовъ нашихъ, крестьянъ, и за всѣмъ тѣмъ, *оставляя въ полной своей силѣ рабство*, не испытываемъ ли одну суету заботъ? Всякое предпріятіе *безъ начала никогда не поведетъ къ назидательному успѣху*. Кто не вступаетъ на прямую стезю, тотъ по пути заблуждается и не достигаетъ до своего мѣста. Что бываетъ

разныхъ пожиткахъ, то едва-ли найдемъ столь бѣдное, которое не имѣло бы этихъ вещей на капиталъ, сотни рублей составляющій; большая же часть семействъ представится обладающими достаткомъ, до нѣсколько тысячъ простирающимся» (Сынъ Отечества, 1818 г., №XXX, стр. 160). И Сперанскій, въ письмѣ къ Гурьеву объ успѣхѣ введенія обезпеченныхъ безсрочныхъ долговъ, говоритъ: «Есть капиталы праздные и лежачіе у крестьянъ неторгующихъ, и количество ихъ должно быть значительно. *Рекрутскіе взносы* доказываютъ сіе съ очевидностью; но какъ вызвать, собрать и донести капиталы сіи до коммиссіи погашенія? Никакого нѣтъ средства, и долго еще не будетъ» (Въ память гр. Сперанскаго, 467). Конечно, система Мордвинова, на нашъ взглядъ, страдала тѣмъ, что она касалась только личнаго освобожденія крестьянъ, безъ надѣла землею. По этимъ грѣшила большая часть тогдашнихъ теорій эманципаціи. И въ этомъ вопросѣ (см. Чт. Моск. общества исторіи и древн., 1859, III, 53, смѣсь), и въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, Мордвиновъ представляется почитателемъ англійскаго устройства, хотя онъ признаетъ, что «полная свобода немыслима дотолѣ, доколѣ между людьми будетъ существовать неравенство въ имуществахъ и степеняхъ просвѣщенія». Безъ этого «никакіе законы никогда не сдѣлаютъ равными бѣднаго съ богатымъ или перваго независимымъ отъ послѣдняго».

[1]) Чт. Моск. общ. ист., 1859, III, стр. 53, 55.

[2]) Ibid., стр. 57.

[3]) Въ 1825 и 1833 годахъ; ibid., стр. 55—56, и 1860, I, 35.

съ путешествующими, то случается и въ сужденіяхъ». Но онъ считаетъ несправедливымъ допускать частныя мѣры, и потому не одобрялъ Шишкова за увольненіе крестьянъ отъ оброка, такъ какъ подобныя исключенія могутъ поселять негодованіе и ропотъ въ остальныхъ [1]). Съ другой стороны, предлагая правительству широкую общественную реформу, онъ держался того мнѣнія, что распространеніе промышленныхъ, образовательныхъ и сельско-хозяйственныхъ средствъ развитія должно предшествовать и способствовать освобожденію крестьянъ, а потому совѣтовалъ немедленно приступить къ осуществленію этихъ мѣръ [2]).

Защиту одной личной свободы крестьянъ, въ вопросѣ объ ихъ освобожденіи, со стороны даже либеральныхъ людей, И. Д. Якушкинъ объясняетъ такъ: «*Благомыслящіе люди*, или, какъ называли ихъ, либералы того времени, *болѣе всего желали уничтоженія крѣпостнаго состоянія*, и, *при европейскомъ своемъ воззрѣніи* на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, *хотя и не имѣетъ никакой собственности*. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь, и потому возникшіе вопросы по этому предмету уже впослѣдствіи, тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей» [3]).

Мы видѣли, что и авторъ мнѣнія, самаго расположеннаго въ пользу крестьянскаго вопроса и болѣе близкаго къ настоящему рѣшенію его, не считалъ возможнымъ рѣшить окончательно крестьянскій вопросъ ранѣе 1880 года, и даже опасался за краткость означеннаго срока: такъ было сомнительно наступленіе его. Мордвинову приходилось дѣйствовать въ средѣ, гдѣ борьба интересовъ за это рѣшеніе была

---

[1]) Воспоминанія С. Т. Аксакова, 1870, стр. 550–551.

[2]) Ср. мнѣніе его въ Чт. Моск. общ. ист., 1859, III, 55—56, и 1860, I, 1—60.

[3]) Записки декабристовъ. Лондонъ, 1862, I, стр. 40.

наиболѣе чувствительна, а ни одна борьба не могла быть такъ близка каждому изъ дѣйствующихъ лицъ, какъ настоящая: здѣсь личныя симпатіи и антипатіи могли имѣть наиболѣе мѣста. Быть можетъ, извѣстными уступками въ пользу заинтересованныхъ лицъ, онъ надѣялся на болѣе вѣрный успѣхъ. По крайней мѣрѣ Тургеневъ говоритъ, что своимъ изложеніемъ и мягкостью тона въ дѣлахъ подобнаго рода и жгучихъ финансовыхъ вопросахъ, Мордвиновъ нерѣдко одерживалъ блистательную побѣду въ совѣтѣ и измѣнялъ рѣшенія его [1]).

Впрочемъ, и самые ревностные поборники настоящаго вопроса вскорѣ должны были сознать свое безсиліе. Это какъ нельзя болѣе подтверждается на томъ же Н. И. Тургеневѣ. Въ своей запискѣ о крестьянскомъ вопросѣ, поданной государю въ декабрѣ 1819 года [2]), въ которой онъ по прежнему считаетъ крестьянскій вопросъ основнымъ и безъ рѣшенія котораго, по его мнѣнію, немыслимо было расширеніе политическихъ правъ страны, онъ предлагаетъ уже рядъ постепенныхъ мѣръ для достиженія извѣстной цѣли, какъ-то: ограниченіе чрезмѣрнаго труда крестьянъ, прекращеніе продажи людей безъ земли и отдѣльно отъ семействъ, расширеніе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, предоставленіе крестьянамъ свободнаго перехода [3]), и т. д. Таже умѣренность

---

[1]) La Russie, etc., I, 94, 118.

[2]) Ibid., II, 471.

[3]) Вотъ нѣкоторыя подробности объ этой запискѣ. «Я забылъ сказать тебѣ, писалъ А. И. Тургеневъ своему брату 16 августа 1827 г. (письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 74—76), что вчера, въ первый разъ послѣ Петербурга, прочелъ я статью твою: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», и нашелъ въ ней столько примѣчательнаго, полезнаго по нашему дѣлу, что намѣренъ переписать здѣсь (въ Дрезденѣ) или въ Лейпцигѣ копіи и дать Жуковскому, означивъ годъ сочиненія: 1819, въ декабрѣ. Вѣроятно это та статья, которую ты представлялъ государю черезъ гр. Милорадовича. Нѣкоторыя мѣста должны убѣдить другихъ въ чистотѣ твоихъ намѣреній и согласны съ тѣмъ, что ты говоришь въ своемъ оправданіи. Досадно, что я прежде не вспомнилъ ихъ; но время не пропало. Безпристрастнымъ должны

высказывается и въ запискѣ, препровожденной къ государю 5 мая 1820 г., за подписью М. С. Воронцова, А. С. Меншикова и братьевъ Тургеневыхъ [1]). Подписавшіяся лица хлопотали о составленіи общества, подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, цѣлью котораго было бы «изысканіе способовъ *къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства* какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, вступаю-

---

понравиться и твоя умѣренность, и твое сужденіе о помѣщикахъ и причинахъ вреда для нихъ рабства. Тутъ ясно видѣнъ и твой политическій образъ мыслей относительно Россіи. А бумага писана въ самый пылъ твоего участія въ тайномъ обществѣ, и—этотъ пылъ—холодъ. И здѣсь ты выражаешь ту же мысль, что въ оправданіи: всякое распространеніе политическихъ правъ дворянства было бы неминуемо сопряжено съ пагубою для крестьянъ, въ крѣпостномъ состояніи находящихся. Въ семъ-то смыслѣ власть самодержавная есть якорь спасенія для отечества нашего. Отъ нея, и отъ нея одной, мы можемъ надѣяться освобожденія нашихъ братій отъ рабства, столь несправедливаго, какъ и безполезнаго. Грѣшно помышлять о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны не знаютъ даже и свободы естественной». Еще: «Въ отношеніи собственно къ Россіи, всякое начало улучшенія состоянія крестьянъ, должно исходить отъ правительства. О допущеніи разсужденій въ журналахъ, согласныхъ съ правилами цензуры и съ умѣренностью, даже и самому ужасному антилибералу должно понравиться... И самымъ ультра нашимъ не противно было бы твое «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Ты объясняешь, а не осуждаешь. Предлагаешь улучшенія, а не ниспроверженія».

Въ другомъ письмѣ (изъ Берна, 23 сентября 1827 г., ibid., 164) А. П. Т. замѣчаетъ брату: «Какъ жаль, что ты прежде не увѣдомилъ меня объ отпускѣ Милорадовичемъ хамовъ, *при чтеніи твоей бумаги*, и о вторичномъ чтеніи для Паскевича. Это замѣчательно!» Къ этому мѣсту Н. И. Т. сдѣлалъ въ изданіи писемъ брата слѣдующее объясненіе: «*При слушаніи чтенія моей записки о крѣпостномъ правѣ*, когда входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ его, гр. Милорадовичъ немедленно объявлялъ ему, что онъ *даетъ ему свободу*. Когда во время чтенія пришелъ къ нему Паскевичъ, то графъ попросилъ читать статью съ начала.... Умирая же, Милорадовичъ просилъ государя отпустить его крестьянъ на волю (Историческ. Сборникъ, Лондонъ, II, 151).

[1]) Русская Старина, 1871 г., мартъ, 366.

щимъ въ общество». Сначала императоръ взглянулъ очень благопріятно на этотъ проектъ; но, при второмъ разговорѣ о немъ (съ однимъ изъ его авторовъ), онъ обнаружилъ, очевидно подъ вліяніемъ современныхъ событій, полную холодность къ настоящему предложенію, и проектъ былъ оставленъ [1]).

Такъ завершился второй фазисъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра I.

---

[1]) Пыпинъ, Обществ. движеніе при Александрѣ I, 406.

ГЛАВА VII.

По словамъ Вигеля, императоръ Александръ I, послѣ вторичнаго возвращенія изъ Парижа, въ концѣ 1815 г., и испытанія многихъ политическихъ превратностей, казался скучнымъ и разстроеннымъ. «Никакими восторгами Петербургъ его не встрѣтилъ, говоритъ Вигель. Казалось Россія познала, что наступило для нея время тихое, но сумрачное. Государь началъ показывать себя взыскательнымъ и строгимъ: всѣмъ гвардейскимъ и другимъ военнымъ офицерамъ запретилъ носить гражданское платье, находя это вреднымъ для дисциплины. Вскорѣ потомъ заявилъ онъ себя грознымъ: статсъ-секретарь Молчановъ, столь могучій въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, который заправлялъ дѣлами цѣлаго государства, вдругъ былъ отставленъ и преданъ суду. Этого мало: наряжено слѣдствіе для разсмотрѣнія дѣйствій военнаго министерства и самаго управляющаго имъ, князя Алексѣя Ивановича Горчакова, который вмѣстѣ съ тѣмъ и удаленъ отъ должности» [1]). Дѣло Горчакова, помимо собственнаго интереса (какъ единственный примѣръ въ Россіи преданія министра суду за его управленіе), для насъ важно потому, что въ немъ пришлось принять участіе Н. С. Мордвинову.

---

[1]) Воспоминанія, IV, 174. Мы выписали это мѣсто изъ Воспом. Вигеля, какъ передающее общее впечатлѣніе; о нѣкоторыхъ же фактическихъ его неточностяхъ скажемъ ниже.

Князь Горчаковъ, племянникъ, по матери, фельдмаршала Суворова и участникъ во многихъ его походахъ, былъ назначенъ военнымъ министромъ въ самое тяжелое время—въ 1812 году, въ званіи котораго находился до возвращенія императора въ Россію въ декабрѣ 1815 года [1]). Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ уволенъ за границу для поправленія здоровья. «Во время его отсутствія, говоритъ Шишковъ, возникло на него подозрѣніе, будто бы подъ его начальствомъ, по части снабженія войскъ, произошли многія злоупотребленія въ издержкѣ казенныхъ денегъ» [2]). По словамъ же Мордвинова, эти подозрѣнія были возбуждены безыменною запискою, которою воспользовалась тайная интрига: «Для нанесенія на него хулы, замѣчаетъ Мордвиновъ, нужно было употребить записку, никѣмъ не подписанную, на коей ни число, ни годъ не означены, и которая принята была за ясное доказательство къ обвиненію его, уклоняясь отъ бумагъ, кои содержали оправданіе» [3]). Вслѣдствіе такихъ данныхъ была составлена слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, кн. Д. И. Лобанова-Ростовскаго, которая признала кн. Горчакова виновнымъ въ нанесеніи убытковъ казнѣ. На основаніи ея доклада, кн. Горчаковъ и его подчиненные, по дѣлу снабженія войска, были отданы подъ судъ [4]). Самбурскій, Приклонскій и другіе главные чиновники министра были разсажены по разнымъ гауптвахтамъ столицы, гдѣ и оставались нѣсколько лѣтъ [5]). Но какъ князь Горчаковъ былъ членомъ государственнаго совѣта, то изъ членовъ совѣта была назначена особая коммиссія, для повѣрки злоупотребленій, найденныхъ слѣдственною коммиссіею, и кото-

---

[1]) См. Списки замѣчат. лицъ русскихъ, составл. Карабановымъ и дополн. кн. Долгоруковымъ, Чтен. Моск. общ. ист., 1860, I, смѣсь, 120.

[2]) Записки, II, 74.

[3]) Мнѣніе Мордвинова по дѣлу о князѣ Горчаковѣ, Чтен. Моск. общ. ист., 1860, III, 173.

[4]) Шишковъ, II, 74.

[5]) Вигель, IV, 174.

рая обязана была представить докладъ послѣдней, съ своимъ мнѣніемъ, на заключеніе совѣта. Предсѣдателемъ въ новой коммиссіи былъ избранъ и утвержденъ Мордвиновъ, а членами ея—А. А. Саблуковъ и баронъ В. В. Кампенгаузенъ. Въ это время вернулся изъ-за границы князь Горчаковъ, но, одержимый жестокою болѣзнію, вскорѣ умеръ (12 ноября 1817 года). Не смотря на это, дѣло его продолжалось; но въ то время, какъ Мордвиновъ собралъ матерьялы, для обвиненія слѣдственной коммиссіи въ невѣрномъ представленіи фактовъ, по оффиціальнымъ бумагамъ, онъ былъ уволенъ за границу, а на его мѣсто былъ назначенъ предсѣдателемъ графъ Н. Н. Головинъ, который не хотѣлъ даже представить мнѣнія Мордвинова при дѣлѣ, какъ уволеннаго. Но задержка отъѣзда Мордвинова изъ Россіи и опасенія быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, заставили графа Головина измѣнить свое намѣреніе. Между тѣмъ, коммиссія, подъ его предсѣдательствомъ, признала кн. Горчакова виновнымъ и присудила его къ денежному взысканію [1]).

Обвиненія судной коммиссіи состояли въ слѣдующемъ: 1) «Князь Горчаковъ, управляющій военнымъ министерствомъ [2]), способствовалъ государственному ущербу, понесенному казною въ важныхъ и существенныхъ убыткахъ. 2) Въ представленіи своемъ комитету министровъ, онъ не упомянулъ вовсе о предположеніяхъ генералъ-провіантмейстера; опредѣлилъ Косиковскому (подрядчику), какъ бы произвольно, положительную цѣну, и, сверхъ того, вопреки предположеніямъ генералъ-провіантмейстера, назначилъ прибавить опредѣленные за перевозку запасовъ прогоны, которые могли остаться въ казнѣ. 3) Онъ, князь Горчаковъ, въ представленіи комитету министровъ, вовсе умолчалъ о покупкѣ Лешерномъ въ Витебской губерніи провіантскихъ припасовъ, передъ тѣмъ временемъ

---

[1]) Шишковъ, II, 74—75.

[2]) Кн. Горчаковъ съ мая 1812 по 30 августа 1814 года былъ управляющимъ; а съ 30 августа 1814 по декабрь 1815 года министромъ. Карабановъ, Списки.

произведенной. 4) Въ комитетѣ министровъ разрѣшено было заключить контрактъ съ Косиковскимъ выше еще тѣхъ цѣнъ, какія полагалъ заплатить онъ самъ въ представленіи своемъ. 5) Онъ, управляющій военнымъ министерствомъ, не остановилъ вовсе заключенія съ Косиковскимъ контракта и не предоставилъ заготовленія хлѣба согласно съ Высочайшимъ указомъ, даннымъ витебскому губернатору. 6) Въ самой Ригѣ, заготовленіе провіанта и овса, вмѣсто подряда у Косиковскаго, можно было произвести дешевле, и, сверхъ того, казна сберегла бы издержки, потребныя на доставленіе въ Ригу подряжаемаго у Косиковскаго хлѣба; но, за всѣмъ тѣмъ, заключеніе съ нимъ контракта не остановлено, къ явному для казны отягощенію. 7) Вмѣсто выдачи всей половинной суммы подрядчику, какъ положено было комитетомъ министровъ, предписалъ онъ, управляющій военнымъ министерствомъ, выдать ему, при заключеніи контракта, только 100,000 рублей, а остальную сумму отправить съ чиновникомъ, для выдачи на мѣстахъ дѣйствій его, по мѣрѣ надобности, и таковая перемѣна имѣла цѣлью своею единственно выгоды Косиковскаго, сопряженныя съ явною для казны потерею. 9) Польза казны, при заключеніи съ Косиковскимъ контракта, совершенно не была обезпечена; равнымъ образомъ, впослѣдствіи ни мало она не соблюдалась, и въ пользу подрядчика допущены были отступленія отъ самаго контракта. 9) Контрактъ съ купцомъ Маркеловымъ послѣдовалъ къ явному ущербу казны, котораго и заключать бы вовсе было не должно, отчего произошелъ значительный казенный ущербъ. 10) Отвѣтная записка, поданная, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, комитету гг. министровъ, изложена кн. Горчаковымъ несправедливо». Въ заключеніе доклада, кн. Горчаковъ обвиняется въ злоумышленныхъ намѣреніяхъ и въ дѣлахъ въ высшей степени законопреступныхъ [1]).

---

[1]) Въ мнѣніи Мордвинова, Чтен. Моск. общ. истор., 1860, III, 169—171.

Для уясненія хода этого дѣла, слѣдуетъ обратить вниманіе на обстоятельства, побудившія кн. Горчакова прибѣгнуть къ означенному контракту. «По изгнаніи французовъ изъ Москвы, говоритъ Шишковъ, когда войска наши двинулись вслѣдъ за ними къ Вильно, и далѣе за границу, фельдмаршалъ Кутузовъ, предвидя, что въ тѣхъ губерніяхъ, разоренныхъ отъ непріятеля, не можетъ быть достаточнаго для войскъ продовольствія, писалъ въ Петербургъ, чтобъ имѣющійся въ Новгородской и Тверской губерніяхъ запасный хлѣбъ везти туда на обывательскихъ подводахъ. Приступлено было къ исполненію этого, но получено извѣстіе, что таковая перевозка стоить будетъ жителямъ тѣхъ губерній девять милліоновъ рублей, отчего придутъ они въ крайнее разореніе, и, сверхъ того, хлѣбъ не доходитъ до назначенныхъ мѣстъ, потому что извощики, оставляя лошадей и повозки, разбѣгаются. Военный министръ, кн. Горчаковъ, вошелъ о томъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ. Комитетъ поручилъ ему, не упуская ни малѣйшаго времени, придумать удобнѣйшій способъ въ поставкѣ провіанта. Военный министръ отыскалъ въ Петербургѣ купца Косиковскаго, который подряжался продовольствовать армію за семь милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, разореніе двухъ губерній было отвращено, поставка провіанта съ меньшею цѣною обезпечена и, сверхъ того, хлѣбъ въ новгородскихъ и тверскихъ магазинахъ остался цѣлъ. Комитетъ, одобривъ попеченіе военнаго министра, разрѣшилъ ему сдѣлать немедленно съ Косиковскимъ подрядъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, его обвиняютъ въ томъ, что подрядъ этотъ можно было сдѣлать дешевле въ тѣхъ краяхъ, куда хлѣбъ надлежало поставить» [1]).

При такихъ обстоятельствахъ выступилъ Мордвиновъ въ защиту кн. Горчакова. «Адмиралъ Мордвиновъ, замѣчаетъ по этому поводу Шишковъ, мужъ рѣдкій умомъ и право-

---

[1]) Записки, II, 79.

душіемъ, вникаетъ во всѣ подробности обвиненій, сдѣланныхъ слѣдственною коммиссіею, и находитъ, что всѣ они основаны на несправедливыхъ показаніяхъ, совсѣмъ не согласныхъ съ подлинными бумагами, утверждаясь на которыхъ коммиссія сдѣлала свои заключенія. Онъ написалъ опроверженіе, въ которомъ ясно, изъ самыхъ словъ коммиссіи, сличая ихъ съ подлинными бумагами, доказываетъ, что она тѣхъ бумагъ, по которымъ судила, или не читала, или, увлекаясь желаніемъ обвинить, не такъ понимала... Мордвиновъ не былъ связанъ съ покойнымъ кн. Горчаковымъ ни родствомъ, ни дружбою, ниже пріязнію, но только по любви къ истинѣ защищалъ дѣло его съ великимъ жаромъ и смѣлостью, не взирая на то, что самъ государь казался быть твердо убѣжденнымъ въ бывшихъ тогда злоупотребленіяхъ кн. Горчакова и въ справедливости осужденія его. Можно себѣ представить, что при такомъ убѣжденіи верховной власти, многіе старались сообразжаться съ нею. Но Мордвиновъ, не смотря на малую довѣренность къ себѣ двора, возвышалъ голосъ свой громко» [1]). На безпристрастіе Мордвинова въ этомъ дѣлѣ указываетъ и то, что со своимъ мнѣніемъ въ защиту Горчакова онъ выступилъ уже въ то время, когда подсудимаго не было въ живыхъ.

Въ своемъ мнѣніи Мордвиновъ обратилъ вниманіе на то, что комитетъ министровъ, въ своемъ журналѣ, изъявилъ благодарность кн. Горчакову, мотивируя ее тѣмъ, что онъ своимъ попеченіемъ о столь важномъ дѣлѣ *совершенно соединилъ всѣ возможныя общія пользы въ предложенномъ способѣ*, такъ какъ посредствомъ его арміи обезпечиваются въ полной мѣрѣ продовольствіемъ, иначе обывательскія подводы не дошли бы съ провіантомъ до назначенныхъ мѣстъ и разорили бы тѣ губерніи, на которыя пала бы эта доставка [2]). Но отъѣздъ помѣшалъ Мордвинову быть къ

[1]) Записки Шишкова, II, 75.

[2]) Ibid., 79.

засѣданіи совѣта; поэтому онъ отправилъ къ нѣкоторымъ членамъ его особую записку.

Изложивъ въ началѣ ея обвинительные пункты судной коммиссіи, представленные нами выше, Мордвиновъ говоритъ далѣе: «Всѣ статьи обвиненія, изложенныя въ рѣшительныхъ словахъ, заключаютъ въ себѣ дѣла самыхъ важныхъ уголовныхъ преступленій, и кн. Горчаковъ, военный министръ 1812 года, стоитъ предъ государственнымъ совѣтомъ и законами обреченный достойнымъ, по правдѣ, не менѣе смертной казни. О преступникѣ таковой степени денежное взысканіе есть послѣднее обстоятельство, которое можетъ заслуживать уваженія государственнаго совѣта и которое само собою, послѣ осужденія преступленія его, опредѣлится въ должной мѣрѣ бухгалтерскимъ обыкновеннымъ вычисленіемъ; но и денежное взысканіе есть наказаніе; не доказавъ же предварительно вину, ничѣмъ наказывать не можно.

«Смерть не избавляетъ кн. Горчакова отъ суда въ отношеніи его чести и нравственности дѣяній его, ибо мертвый онъ судимъ былъ, и когда можетъ быть наказанъ лишеніемъ оставшагося послѣ него имѣнія, то равно можетъ быть наказанъ и въ чести, которая равно составляла имущество его и на которую мертвый не теряетъ никогда права своего. Мертвый, безгласный, не могущій охранить свою честь и невинность, равно не можетъ удержать и обличенія, если бы кто посягнулъ съ него снимать ее.

«Въ томъ видѣ, въ которомъ представляетъ коммиссія государственнаго совѣта общему собранію дѣло кн. Горчакова, она оставляетъ каждаго изъ сочленовъ, составляющихъ на этотъ случай уголовный верховный судъ въ Россіи, въ такомъ же невѣдѣніи о существѣ дѣла, сужденію ихъ представленнаго, въ каковомъ они находились при прочтеніи доноса коммиссіи, обвинившей управлявшаго военнымъ министерствомъ. Она не упоминаетъ ни о журналѣ комитета министровъ, ни о высочайшемъ указѣ, данномъ Лешерну, ни о рескриптѣ, писанномъ государемъ кн. Н. Ив. Салты-

кову, ни о донесеніяхъ Лешерна, на счетъ затрудненій и невозможности снабдить провіантомъ въ разоренной непріятелемъ губерніи малаго числа войскъ; умалчиваетъ о всѣхъ тѣхъ бумагахъ, кои даютъ ясное истинное понятіе о дѣлѣ; не оправдываетъ и не порочитъ тѣ статьи и изреченія, кои обращены были къ обвиненію подсудимаго министра; оставляетъ въ неуваженіи всѣ обстоятельства тѣхъ временъ, кои дѣйствовали на мѣры, предпринятыя кн. Горчаковымъ и кои въ истинномъ видѣ могли бы представить поступки его, къ обвиненію или къ оправданію его служащіе. Въ такомъ видѣ, усѣченномъ, недоказанномъ, изслѣдованіе, сдѣланное коммиссіею, недостаточно для положенія безошибочнаго мнѣнія. Кто изъ членовъ можетъ сказать мнѣніе свое, когда не приведено никакое обстоятельство въ ясность?

«Совѣтъ обязанъ выслушать всѣ бумаги, кои касаются до кн. Горчакова, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ за себя говорить, и гласные свидѣтели его суть единыя бумаги.

«Государственному совѣту предстоятъ два сравнительные въ цѣнахъ разсчета: первый, начальный, чего продовольствіе провіантомъ арміи долженствовало бы стоить, если бы выполнено было предписаніе фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленскаго перевозкою на обывательскихъ подводахъ запасныхъ провіантовъ изъ Твери и Новгорода; второй, по предположенному кн. Горчаковымъ способу и принятому комитетомъ министровъ, оставленіемъ тѣхъ запасовъ на мѣстахъ и покупкою новаго провіанта.

«Является третій, по истеченіи многихъ уже годовъ, который коммиссія принимаетъ теперь за основаніе въ сужденіяхъ своихъ. Но первые оставили по себѣ памятники: три записки управлявшаго въ то время военнымъ министерствомъ; журналъ комитета министровъ; высочайшій указъ, данный губернатору Лешерну; высочайшій рескриптъ къ фельдмаршалу кн. Салтыкову; донесенія послѣдняго къ государю императору; всѣ сношенія съ генералъ-провіантмейстеромъ и управлявшимъ военнымъ министерствомъ; донесенія отъ раз-

личныхъ чиселъ отъ губернатора Лешерна провіантскому департаменту и донесенія отъ военнаго губернатора изъ Риги.

«Предложенный княземъ Горчаковымъ способъ продовольствія арміи, одобренный и утвержденный комитетомъ министровъ, въ отмѣну предписаннаго фельдмаршаломъ кн. Кутузовымъ-Смоленскимъ, дорогаго для казны, отяготительнаго и деньгами и ущербомъ въ скотѣ для народа, и неблагонадежнымъ въ выполненіи оказавшагося, оправданъ въ полной мѣрѣ опытомъ. Этотъ же третій, умственный, рѣшительный, но нескромный, останется предъ здравымъ разсудкомъ въ числѣ безчисленныхъ и безпредѣльныхъ соображеній ума, кои не всегда бываютъ вѣрны и удачны и кои не ведутъ ни къ какому вѣрному заключенію, тѣмъ болѣе, когда обстоятельства временъ не согласуются съ ними.

«1812 годъ не былъ въ числѣ тѣхъ, въ коихъ военныя мѣры могли быть основываемы на гаданіяхъ и надеждахъ, выправкахъ и медленныхъ хозяйственныхъ мѣрахъ. Однѣ рѣшительныя мѣры обезпечивали успѣхъ и спасли престолъ и отечество. Кто бы ни присудилъ тогда къ смертной казни того, который иного не имѣлъ бы въ виду, кромѣ сбереженія денегъ! Но кн. Горчаковъ обезпечилъ продовольствіемъ армію и сберегъ при томъ весь запасъ, и тверской и новгородскій.

«Какой бы приговоръ ни произнесли, но останется та непреложная истина, что противъ кн. Горчакова, который управлялъ военнымъ министерствомъ во времена знаменитѣйшихъ и труднѣйшихъ военныхъ событій, для нанесенія на него хулы, нужно было употребить записку, никѣмъ не подписанную, на коей ни число, ни годъ не означены, и которая принята была за ясное доказательство къ обвиненію его, уклоняясь отъ бумагъ, кои содержали оправданіе.

«Если бы былъ живъ кн. Горчаковъ, то отвѣтъ его могъ бы быть въ нижеслѣдующихъ словахъ: «На мнѣ лежала обязанность благонадежно и вѣрно снабдить армію провіантомъ въ то важное для Россіи время, въ которое спасено

было отечество... Я избралъ, для доставленія продовольствія, купца Косиковскаго, какъ имѣющаго пространнѣйшія въ Россіи торговыя связи, испытаннаго въ вѣрности поставокъ многими въ казну подрядами. Онъ выполнилъ обязанность свою и сдѣлалъ съ своей стороны болѣе, нежели обязанъ былъ письменнымъ договоромъ. Я заплатилъ ему дорогою, какъ въ томъ меня обвиняютъ, цѣною; но денежные разсчеты не составляли въ то время главнаго попеченія, хотя способомъ, мною предложеннымъ и употребленнымъ, въ казнѣ и у народа сбережены многіе милліоны рублей и двѣ губерніи отъ разоренія спасены. За этимъ отвѣтомъ другаго уже не даю». Этотъ краткій и единственный отвѣтъ не поразилъ-ли бы молчаніемъ желавшихъ вопрошать его далѣе.

«Что же касается до нижнихъ чиновъ военнаго министерства, то они, не бывъ суждены въ государственномъ совѣтѣ, не могутъ быть подвержены никакому предосужденію. Уголовный уставъ повелѣваетъ вопрошать и выслушивать отвѣты. Только спрошенный и *имѣвшій всѣ способы къ оправданію* своему можетъ справедливо быть признанъ подсудимымъ. Предосужденіе, изрекаемое въ верховномъ судѣ, тѣмъ менѣе согласно съ разумомъ законовъ, что казнь можетъ совершиться на невинномъ въ нижнихъ судахъ, изъ единаго уваженія къ верховной власти, предосудительное мнѣніе свое предварительно огласившей».

Препровождая эту записку къ гр. Аракчееву, какъ докладчику у государя по дѣламъ совѣта, Мордвиновъ присоединилъ приэтомъ слѣдующее письмо (отъ 18 февраля 1818 года [1]):

«Мнѣніе мое по дѣлу покойнаго кн. Горчакова ваше сіятельство удостоили принять благосклонно. Нынѣ оно поступило на рѣшеніе государственнаго совѣта, въ засѣданіи котораго, по случаю моего отъѣзда, не могъ я быть. По

[1]) См. Мнѣн. Н. С. Мордвинова, т. IV, и Чтен. Моск. общ. ист., ib.

свѣдѣнію, которое мнѣ дано, коммиссія совѣта оправдываетъ кн. Горчакова, обвиняя подчиненныхъ, по денежнымъ взысканіемъ наказываетъ его. Я написалъ замѣчанія на общій составъ доклада, которыя, для вашего свѣдѣнія, позвольте мнѣ вамъ сообщить.

«Князю Горчакову не будетъ больно, если бы его несправедливо обвинили, но будетъ тогда больно *чести государственнаго совѣта и русскому правосудію.*

«У него осталось мало имѣнія, а потому присуждаются доплатить бывшіе его подчиненные. За то, что повиновались своему министру, безъ пререканія и съ должнымъ повиновеніемъ въ дѣлѣ, внѣ военной канцеляріи произведенномъ, ни военный уставъ, ни евангеліе не предписываютъ никакого взысканія, послѣдствіемъ котораго можетъ быть нищета или каторга. *Эти безмолвные, болѣе нежели министръ, достойны христіанской любви и защиты въ дѣлѣ, гдѣ стригутъ ихъ до кровавыхъ язвъ, дабы обмыть неосторожно брошенную на нихъ грязь и князей тлѣннаго міра сего оправдать»* [1]).

Затѣмъ Мордвиновъ даетъ такое заключеніе по этому дѣлу:

«Всѣ бумаги, а наиболѣе подлинные акты, которые были въ разсмотрѣніи коммиссіи, по дѣламъ провіантскимъ учрежденной, являютъ непорочность дѣянія, доведеннаго подъ опалу укоризною въ злоумышленномъ совѣщаніи и злонамѣренномъ производствѣ. Да не объиметъ страхомъ такая опала ревностныхъ къ отечеству и престолу, и не удалитъ ихъ служеніе! Да не поколеблетъ довѣріе къ добродѣтели и достойной ея награды! Желать этого требуетъ самая государственная польза, налагая священный долгъ, выставленныхъ на позоръ, отъ обидъ и хулы оградить правосудіемъ, содѣлавъ правду гласною.

«Въ семъ дѣлѣ, знаменитомъ услугою, помраченномъ недо-

---

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1860, III, смѣсь.

статочнымъ вниманіемъ, истина и разсудокъ изрекаютъ оправданіе, справедливость отвергаетъ обвиненіе и укоризну, а благодарность обязываетъ указать на великость усердія и пользы, оказанныхъ однимъ изъ первостепенныхъ въ то время правителей государственныхъ».

Къ судной коммиссіи Мордвиновъ относился съ недовѣріемъ. «Посмотри только на одно то, говорилъ онъ Шишкову, *кто и кого судитъ.* Князь Горчаковъ, служа отечеству и проливая свою кровь, нажилъ себѣ доброе имя. Въ прошедшую войну несъ онъ на себѣ тяжкое бремя снабженія и продовольствія огромнаго числа войскъ. Теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, судятъ его три члена, изъ которыхъ ни одинъ о заслугахъ своихъ ни полслова сказать не можетъ, и которые всѣ ни прежде, ни въ самыя грозныя для Россіи времена никакими трудами въ защитѣ ея не участвовали» [1]). «Но всего чуднѣе въ этомъ дѣлѣ то, говоритъ Шишковъ, что изъ трехъ, составляющихъ коммиссію, членовъ, баронъ Кампенгаузенъ, главнѣйшій обвинитель кн. Горчакова, засѣдалъ самъ въ комитетѣ министровъ, самъ подписалъ разрѣшеніе Горчакову на подрядъ, и теперь съ такою ревностью обвинялъ его за то, не чувствуя, что если находить въ томъ вину, такъ, по здравому суду, скорѣе онъ, какъ разрѣшившій, долженъ быть наказанъ, нежели Горчаковъ, всѣмъ комитетомъ, слѣдственно въ томъ числѣ и имъ разрѣшенный» [2]).

Болѣзнь удержала на нѣкоторое время Мордвинова въ Россіи, но она не позволила ему быть въ томъ засѣданіи совѣта (4 іюня), въ которомъ разсматривался докладъ судной коммиссіи. Поэтому, за нѣсколько дней до засѣданія, онъ написалъ къ Шишкову, какъ члену совѣта, записку слѣдующаго содержанія: «Я сожалѣю, что не могу быть сегодня въ совѣтѣ, потому что рожа на головѣ моей. Надѣюсь, что государственный совѣтъ, засѣдающій въ образѣ верховнаго уголовнаго суда въ Россіи, и въ этомъ видѣ

[1]) Записки Шишкова, II, 76.
[2]) Ibid., 87.

засѣдающій въ первый разъ, не пренебрежетъ обрядомъ, требуемымъ законами отъ самаго нижняго уголовнаго суда; не забудетъ права, дарованныя и тѣсно соединенныя съ высокою должностью подсудимаго, и не дозволитъ предсѣдателю, по прочтеніи приговора коммиссіи, собирать голоса. Я надѣюсь, что члены коммиссіи не будутъ возвышены въ достоинство судей, хотя такое достоинство они на себя и приняли, присвоивъ себѣ власть, которая, точными словами закона, принадлежитъ только общему собранію совѣта, въ коемъ подсудимый министръ засѣдаетъ, доколѣ судъ надъ нимъ производится, и не оставляетъ своего мѣста, какъ только когда судъ оконченъ и слова закона должны быть прочтены. Право это написано въ общемъ министерскомъ уставѣ. Но коммиссія преступила законъ и наложила конфискацію на имѣніе кн. Горчакова. Я надѣюсь, что вы будете судить по точнымъ бумагамъ, которыя остались въ дѣлѣ, а не по сокращеннымъ выпискамъ и заключеніямъ трехъ членовъ, должность которыхъ ограничивалась сочиненіемъ вопросовъ, отобраніемъ отвѣтовъ и приведеніемъ всего производства въ ясность. Я надѣюсь, что происшествія 12 года и всѣ грозныя обстоятельства того времени не будутъ забыты и приняты наравнѣ съ настоящими, которыя не угрожаютъ нашему отечеству гибелью. Я надѣюсь, что если коммиссія осуждаетъ, и умствуетъ, что кн. Горчаковъ могъ бы и лучше, и вѣрнѣе, и дешевле снабдить армію провіантомъ въ тѣ времена, то вы не остановитесь на одномъ мнѣніи коммиссіи и потребуете отъ ней доказательствъ, что мнѣніе ея не ошибочно и что армія предложеннымъ ею способомъ не погибла бы отъ голода въ чужой землѣ или не встрѣтила бы замедленій на пути для спасенія Европы и достиженія до Парижа. Я надѣюсь на многое, для чести и достоинства мѣста, гдѣ имѣю честь быть сочленомъ. Но 10 часовъ (время засѣданій совѣта) приближается. Въ этомъ дѣлѣ не честь и слава кн. Горчакова предстоитъ къ провозглашенію: онъ умеръ и имѣетъ дѣламъ своимъ Судью; но честь совѣта,

честь русскаго правосудія. Вы судите кн. Горчакова, *но есть надъ вами высшій судъ, не только на небесахъ, но и здѣсь, на землѣ, который всегда праведенъ: на улицахъ, на площадяхъ, въ бесѣдахъ домашнихъ, гдѣ умы не прельщаются никакими личными соображеніями*».

«По прочтеніи этой записки, говоритъ Шишковъ, я былъ колеблемъ различными мыслями. Съ одной стороны, хотя я не входилъ съ подробностью въ разсмотрѣніе этого дѣла, однакожь я увѣренъ былъ, что если и были какія либо упущенія кн. Горчакова, то они состояли только въ неточномъ соблюденіи формъ, которыхъ въ тогдашнее время, когда непріятель надъ великою частью Россіи господствовалъ, и наблюдать было невозможно. Я зналъ, что эти упущенія, или лучше сказать необходимыя поспѣшенія, по обстоятельствамъ того времени больше похвальныя, нежели достойныя осужденія, иначе толковались, и, при малѣйшей возможности, выставляемы были съ крайнимъ увеличеніемъ и очерненіемъ. Я зналъ, что участіе лицъ, обвинявшихъ его, сдѣлалось такъ сильно и велико, что одинъ мой малый голосъ ничего не поможетъ и только раздражитъ противъ меня многихъ. Но, съ другой стороны, думалъ я, невозможно не согласиться мнѣ съ ихъ мнѣніемъ, когда я чувствую его несправедливымъ. Въ этомъ расположеніи мыслей поѣхалъ я въ совѣтъ. Прочитали сужденіе коммиссіи, которая съ прежнею слѣдственною коммиссіею почти во всемъ была согласна, и только для вида, въ нѣкоторыхъ маловажныхъ статьяхъ, будтобы съ нею расходилась... О возраженіяхъ адмирала Мордвинова упомянуто было слегка, безъ всякаго противъ нихъ опроверженія, словно какъ бы они ничего существеннаго въ себѣ не содержали. Однакожь, при чтеніи ихъ, привязались къ нѣкоторымъ его словамъ, и, усумнясь въ истинѣ ихъ, потребовали справки изъ комитета министровъ. Это обстоятельство понудило оставить сужденіе до будущаго засѣданія. Между тѣмъ Мордвиновъ уѣхалъ».

Наклонность многихъ членовъ совѣта къ мнѣнію коммиссіи

возбудила въ Шишковѣ сильное негодованіе, и онъ рѣшился выступить съ своимъ мнѣніемъ, въ которомъ поддерживалъ доказательства Мордвинова.

Вотъ какъ описываетъ Шишковъ второе засѣданіе (9 іюня):

«День суда настал. Собраніе было полное. Всѣ съѣхались какъ на битву, съ напряженными умами и мыслями; почти напередъ можно было сказать, кто съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ. Прочитали снова сужденія коммиссіи; прочитали вытребованную изъ комитета справку. По окончаніи чтенія секретарь возвѣстилъ о поданномъ отъ меня особомъ мнѣніи. Стали читать его. Коммиссія и всѣ, державшіе ея сторону, слушали съ торжественною улыбкою, почти безъ вниманія, полагая повидимому навѣрное, что они съ мнѣніемъ моимъ согласны, а другіе сказали, что они также подадутъ свои мнѣнія письменно и къ доказательствамъ моимъ присоединятъ еще свои, новыя. Словомъ, *большинство голосовъ было на моей сторонѣ.* Тогда въ утверждавшихъ противное вскипѣлъ явный гнѣвъ. Коммиссія требовала, чтобы снова прочитать мое мнѣніе, и когда стали перечитывать его, то она съ великимъ жаромъ противъ каждаго моего слова возставала и напослѣдокъ громогласно требовала, чтобы записать это въ журналъ, что она, какъ обиженная, проситъ со мною суда, въ которомъ бы именнымъ указомъ повелѣно было разобрать, она ли не по законамъ судила, или я говорю о ней несправедливо. Тѣмъ это бурное засѣданіе и кончилось».

Въ отвѣтъ на это притязаніе, Шишковъ подалъ въ государственный совѣтъ (16 іюня) новое мнѣніе, изъ котораго видно, въ чемъ состояли главные пункты нападенія коммиссіи на мнѣнія Мордвинова и Шишкова въ послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ. Въ возраженіяхъ противъ Мордвинова, коммиссія, главнымъ образомъ, останавливалась на томъ его доводѣ въ пользу кн. Горчакова, изъ котораго видно было, что комитетъ министровъ изъявилъ одобреніе его способу продо-

вольствія войскъ. Изъ справки коммиссіи въ дѣлахъ комитета министровъ, дѣйствительно оказалось, что послѣдній выразился о предложеніи кн. Горчакова такъ: «Господинъ управляющій военнымъ министерствомъ попеченіемъ о столь важномъ предметѣ совершенно соединилъ всѣ возможныя общія пользы въ представляемомъ имъ способѣ» [1]). Шишковъ въ своемъ мнѣніи показалъ, что провіантъ, заказанный кн. Горчаковымъ, былъ доставленъ на мѣсто вполнѣ; коммиссія возражала ему тѣмъ, что часть провіанта пришла на мѣсто уже послѣ ухода войска, на что Шишковъ теперь замѣчалъ, что этотъ вопросъ относится къ отвѣтственности подрядчика и разслѣдованію причинъ задержки, но никакъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нарушеніе контракта относительно цѣлости провіанта. Затѣмъ коммиссія оскорблялась нареканіями на нее за осужденіе подчиненныхъ кн. Горчакова, когда онъ самъ не можетъ дать отвѣта, насколько они были исполнителями его распоряженій...

Будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ двумя членами коммиссіи, гр. Головинымъ и Саблуковымъ, Шишковъ хотѣлъ прекратить эти пререканія, если они откажутся отъ своихъ требованій судиться съ нимъ. Поэтому членъ совѣта, графъ Литта, настаивалъ на достаточности однихъ частныхъ объясненій между тяжущимися сторонами. Но гр. Головинъ стоялъ за свои требованія, на что Шишковъ отвѣчалъ: «Когда коммиссія не хочетъ этого оставить, такъ и я не хочу». «Въ это время, говоритъ Шишковъ, баронъ Кампенгаузенъ произнесъ довольно громко: «Я на эти объясненія сдѣлаю возра-

---

[1]) Шишковъ говоритъ, что кн. Горчаковъ «былъ уволенъ съ честью отъ званія министра, награжденъ и отпущенъ за границу для поправленія своего разстроеннаго здоровья» (Записки, II, 74) Графъ Комаровскій, близко знавшій кн. Горчакова, также говорилъ, что увольненіе за границу не имѣло никакого отношенія къ дѣлу о провіантѣ, которое возникло послѣ (Зап. гр. Комаровскаго, Русск. Архивъ, 1867, стр. 1288). Слѣдовательно Вигель неправъ, связывая удаленіе кн. Горчакова съ этимъ дѣломъ.

женія». Услыша слова его, я отвѣчалъ еще громче: «А я на ваши сдѣлаю свои, и буду просить, чтобъ мнѣ позволено было вмѣстѣ съ вашими *напечатать*». *Эти слова*, повидимому, произвели на него не малый страхъ, ибо онъ повторилъ нѣсколько разъ: «Напечатать! напечатать!»—и далѣе не продолжалъ. По окончаніи этого засѣданія, въ наступившее потомъ собраніе, при чтеніи журнала, въ которомъ все происходившее было прописано, крайне удивило меня, что въ описаніи этомъ данъ такой оборотъ рѣчамъ, какъ будто бы все общее собраніе государственнаго совѣта почитало себя въ объясненіяхъ моихъ обиженнымъ. Выслушавъ это, я не могъ болѣе обладать собою и съ великимъ жаромъ сказалъ громко: «Гдѣ я? Развѣ можно писать здѣсь что хотятъ?» И, обратясь къ предсѣдателю совѣта (князю Лопухину), продолжалъ: «Я прошу спросить у каждаго изъ господъ членовъ, кто почитаетъ себя обиженнымъ мною, и приказать это записать». Всѣ молчали. Напослѣдокъ, гр. Головинъ, предвидя можетъ быть, что если вопросъ этотъ сдѣлается, то многіе голоса будутъ въ мою пользу, сказалъ: «Ну, пожалуй, это можно выпустить изъ журнала». И когда велѣно было мѣсто это въ журналѣ перемѣнить, тогда я примолвилъ: «Коммиссія можетъ, сколько ей угодно, почитать себя обиженною мною, но общее собраніе, надѣюсь, не захочетъ этого сказать». Такимъ образомъ кончился долговременный и спорный судъ надъ кн. Горчаковымъ. Я, однакожь, зная силу осуждавшей его стороны и видя употребленныя противъ меня хитрыя придирки, опасался, чтобъ, отъ показанія дѣйствій моихъ совсѣмъ въ иномъ видѣ, не произошло какихъ-либо непріятныхъ для меня слѣдствій. Въ этомъ опасеніи, приготовилъ я для поднесенія въ собственныя руки императора другую бумагу».

Мы коснемся ея, насколько она уясняетъ ходъ самаго дѣла. Въ началѣ своего мнѣнія, Шишковъ показываетъ, въ какомъ расположеніи духа относилась коммиссія къ дѣлу кн. Горчакова. «Коммиссія, говоритъ онъ, при чтеніи мнѣній адмирала Мордвинова и моего, оправдывающихъ кн. Горчакова,

изъявила такое негодованіе и гнѣвъ, которые показываютъ, что она признаніе его невиннымъ беретъ къ сердцу и почитаетъ себѣ оскорбленіемъ. Таковая въ сердцѣ горячность чувствъ весьма хороша *при защитѣ человѣка*, но при обвиненіи его показываетъ, что судья или непремѣнно желаетъ обвинить подсудимаго, или самъ внутренно чувствуетъ несправедливость своего суда. Безъ этихъ двухъ обстоятельствъ нѣтъ причины возгораться гнѣвомъ или досадою. Между тѣмъ, человѣколюбіе и законы велятъ на судѣ любить оправданіе, а не обвиненіе, и не иначе дѣлать это послѣднее, какъ съ сожалѣніемъ, и тогда, когда уже нѣтъ никакой возможности оправдать виновнаго. Даже и тогда всякому надлежитъ помнить самого себя. Самъ Спаситель, при осужденіи на смерть уличенной прелюбодѣйки, сказалъ народу: «пусть тотъ изъ васъ броситъ въ нее камень, кто безгрѣшенъ». Такова цѣль всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, вездѣ и всегда твердящихъ: «лучше оставить безъ наказанія десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго». По этимъ правиламъ, столь для правосудія и человѣчества нужнымъ, судья долженъ радоваться, когда оправдываютъ человѣка, а не оскорбляться. *По моимъ чувствамъ*, если бы я осудилъ человѣка, и кто другой оправдалъ его, то я бы возымѣлъ къ нему *почтѣніе*».

Затѣмъ, разсматривая это дѣло въ цѣломъ составѣ его, Шишковъ уже прямо упрекаетъ коммиссію въ томъ, что она судила кн. Горчакова по однѣмъ догадкамъ, самымъ невѣрнымъ и несообразнымъ съ законами. Онъ опирается на то, что кн. Горчаковъ получилъ разрѣшеніе на предложенный контрактъ отъ комитета министровъ, имѣвшаго, въ отсутствіе государя, полную власть. Этотъ способъ спасъ цѣлыя губерніи отъ разоренія и принесъ казнѣ 7 мил. руб. прибыли, сравнительно съ доставкою провіанта подводами. Требованіе Кутузовымъ провіанта изъ Петербурга показываетъ, что запасовъ на мѣстѣ не было, вопреки увѣреніямъ обвинителей и о чемъ свидѣтельствуютъ также разореніе тѣхъ губерній, гдѣ стояли войска, и донесенія фельдмаршала

Кутузова; наконецъ, если цѣны, предложенныя кн. Горчаковымъ, были высоки, то комитетъ министровъ могъ не утвердить ихъ и замѣнить предложеніе кн. Горчакова другимъ способомъ доставки. Кн. Горчакова обвиняли въ томъ, что онъ, не обезпечивъ доставки никакими залогами, велѣлъ выдавать деньги подрядчику. Но изъ дѣла видно, что онъ разрѣшалъ выдачу денегъ только на мѣстѣ, по мѣрѣ надобности, т. е. послѣ доставки, какъ видно изъ слѣдствія. На этомъ же основаніи вопросъ объ обезпеченіи былъ выпущенъ изъ доклада, по требованію д. т. совѣтника В. С. Попова. Наконецъ, кн. Горчаковъ остается безотвѣтнымъ за себя, какъ умершій.

Вотъ сущность бумаги, написанной Шишковымъ для представленія государю. Но, «эта бумага осталась у меня безъ всякаго употребленія, говоритъ онъ, потому что дѣло кн. Горчакова не вышло отъ государя, и, можетъ быть, по той самой причинѣ, что произвело много шумовъ и споровъ, предано забвенію или положено подъ спудъ. Однакожь обѣ вышеозначенныя бумаги мои по этому дѣлу не могли утаиться. Онѣ у многихъ списаны были и ходили изъ рукъ въ руки. Такое распространеніе ихъ, безъ сомнѣнія, вооружило противъ меня тайною ненавистью всѣхъ тѣхъ, которые держали сторону коммиссіи и которымъ не могло быть пріятно, что бумаги мои читаются. Что же касается меня, то хотя и видѣлъ я, что избранный мною путь не ведетъ меня къ выгодамъ и почестямъ сего міра, но утѣшался, перечитывая слова друга моего (т. е. Н. С. Мордвинова): «Помните судьи, что есть надъ вами высшій судъ, не только на небесахъ, но и здѣсь, на землѣ, который всегда праведенъ: на улицахъ, на площадяхъ, въ домашнихъ бесѣдахъ, гдѣ умы не прельщаются никакими личными соображеніями». Я узналъ изъ опыта, что *слова эти справедливы*, и, находя въ томъ награду, не сожалѣлъ о моихъ потеряхъ» [1]).

[1]) Записки Шишкова, II, вообще 74—89.

По другимъ извѣстіямъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя, кн. Горчаковъ былъ оправданъ [1]).

Не менѣе заслуживаетъ вниманія участіе Мордвинова и въ дѣлѣ генералъ-губернатора И. Б. Пестеля, отца извѣстнаго декабриста; но въ этомъ случаѣ ему пришлось выступить не въ качествѣ защитника, а обвинителя.

Управленіе Пестеля Сибирью напоминаетъ собою управленіе тѣхъ римскихъ проконсуловъ, которые, подобно Верресу, оставили по себѣ самую дурную славу въ исторіи. Раздѣленная на три губерніи (Тобольскую, Томскую и Иркутскую), Сибирь находилась тогда подъ управленіемъ одного генералъ-губернатора, которымъ съ 1805 года состоялъ Пестель; но онъ жилъ тамъ всего три года, а затѣмъ, съ 1808 по 1821 годъ, управлялъ Сибирью безвыѣздно изъ Петербурга, подражая въ этомъ случаѣ римскимъ проконсуламъ [2]). Не смотря на два съ половиною вѣка, втеченіе которыхъ Сибирь принадлежала Россіи, она не имѣла ни особенныхъ постановленій, примѣненныхъ къ мѣстнымъ потребностямъ и разнообразному населенію ея, ни учрежденій, соотвѣтствующихъ обширности самой страны. Поэтому, благодаря отдаленности ея отъ центральнаго управленія, тамъ вполнѣ господствовалъ личный произволъ. Выѣхавъ изъ Сибири, Пестель употреблялъ все свое время на преслѣдованіе двухъ бывшихъ губернаторовъ, Хвостова и Кириллова, и управлявшаго тобольскою провіантскою коммиссіею, генералъ-майора Куткина.

Вина всѣхъ ихъ заключалась собственно въ той долѣ самостоятельности, которую они осмѣлились выказать передъ своимъ новымъ начальникомъ. «Втеченіи восьми лѣтъ,

[1]) Записки гр. Комаровскаго, Русск. Архивъ, 1871, стр. 1288.

[2]) Это подало поводъ извѣстной остротѣ гр. Ростопчина. Пестель и онъ обѣдали какъ-то у Государя. Стоя у окна, государь спросилъ: «Что это тамъ, на церкви, на крестѣ черное?» —«Я не могу разглядѣть, замѣтилъ Ростопчинъ, это надобно спросить у Ивана Борисовича, у него чудесные глаза: онъ видитъ отсюда что дѣлается въ Сибири».

говоритъ гр. Корфъ, онъ гналъ ихъ во всѣхъ инстанціяхъ, отъ земскаго суда до государственнаго совѣта, съ такою настойчивостью, которая была непонятна, если бы это дѣло не превратилось въ личную тяжбу, давая Пестелю предлогъ жить въ столицѣ и занимать дворъ и городъ жалобами на силу своихъ враговъ и на мнимую опасность своего положенія»[1]. Девять лѣтъ томилъ онъ Куткина подъ строгимъ домашнимъ арестомъ, и процессъ съ нимъ продолжалъ даже по смерти послѣдняго (1817). Вслѣдствіе этого фабрика Куткина пришла въ разореніе, а его семья лишилась всякихъ средствъ. Сенатъ призналъ его невиннымъ, но только потомъ, по представленію Сперанскаго, семейство Куткина получило вознагражденіе. Подполковникъ Денисьевскій, служившій коммиссіонеромъ при Куткинѣ, содержался подъ арестомъ на гауптвахтѣ втеченіи 11 лѣтъ. Пестель, по словамъ И. И. Дмитріева, уничтожалъ произвольно контракты частныхъ людей съ казною; ссылалъ безъ суда за Байкальское озеро; служащихъ въ одной губерніи отправлялъ за три тысячи верстъ въ другую и отдавалъ подъ судъ тамошней уголовной палаты[2]. Въ отсутствіи Пестеля, главную роль въ Сибири сталъ разъигрывать иркутскій губернаторъ Трескинъ, который, обладая замѣчательнымъ умомъ и энергіей, успѣлъ прибрать въ свои руки самого Пестеля. Постепенно, онъ простеръ свою власть до того, что не исполнялъ ни министерскихъ, ни сенатскихъ предписаній, а съ подчиненными обращался такъ грубо, что даже старшіе чиновники и вице-губернаторъ обязаны были подавать ему шубу, причемъ въ случаѣ неловкости онъ осыпалъ ихъ бранью. Остальные губернаторы (Илличевскій и фанъ-Бринъ) были вполнѣ въ его рукахъ[3].

Сила Пестеля, не смотря на общій ропотъ, объясняется поддержкою его Аракчеевымъ, а ихъ соединяла семья Пукало-

---

[1]) Жизнь гр. Сперанскаго, II, 165.

[2]) Записки Дмитріева, 188.

[3]) Корфъ, II, 164—171.

выхъ, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ на послѣдняго. Съ 1815 года комитетъ министровъ нѣсколько разъ входилъ съ представленіемъ объ отправленіи Пестеля къ мѣсту служенія; но Аракчеевъ каждый разъ задерживалъ журналъ, пока не разошелся съ Пукаловыми [1]). Не разъ тяжба съ Пестелемъ восходила и до государственнаго совѣта, но и тамъ Пестель находилъ поддержку, какъ членъ его [2]). Между тѣмъ, случилось обстоятельство, которое заставило обратить вниманіе на дѣло Пестеля. Говорятъ, какой-то тобольскій мѣщанинъ успѣлъ черезъ Китай пробраться въ Россію, и лично въ Царскомъ Селѣ подалъ просьбу государю. Государь поручилъ разсмотрѣть это дѣло генералъ-губернатору Милорадовичу; но самъ уѣхалъ вскорѣ на ахенскій конгрессъ (1818). Пользуясь этимъ, въ государственномъ совѣтѣ состоялось было рѣшеніе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе самого Пестеля, такъ какъ оно касалось Сибири, но гр. Милорадовичъ, Мордвиновъ и еще два члена возстали противъ этого предложенія, и дѣло пошло въ сенатъ [3]). Въ концѣ ноября 1818 года комитетъ министровъ вошелъ уже съ представленіемъ, подъ которымъ подписался и Аракчеевъ, о необходимости назначить новаго генералъ-губернатора въ Сибирь; а тутъ подоспѣло прошеніе Сперанскаго объ отпускѣ его въ Петербургъ, чего не хотѣли пока разрѣшить, и потому въ маѣ 1819 года состоялось назначеніе Сперанскаго генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, съ предписаніемъ произвесть слѣдствіе по возникшимъ тамъ дѣламъ и представить проекты преобразованія управленія въ Сибири [4]).

Изъ Сибири Сперанскій писалъ кн. Голицыну: «Кратко и въ откровенности вамъ скажу: все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, не только есть истина, но,

---

[1]) Корфъ, II, 172.

[2]) Карабановъ, Списки замѣч. лицъ въ Россіи.

[3]) Былое и Думы, I, 173.

[4]) Корфъ, II, 173.

и это бываетъ рѣдко, — *истина неувеличенная»*. Чтобы показать, какъ привыкли тамъ дѣйствовать произвольно, достаточно указать, что, заслышавъ о ревизіи Сперанскаго, иркутскій исправникъ Лоскутовъ велѣлъ отобрать въ цѣломъ уѣздѣ чернила, перья и бумагу, чтобы недовольные не могли подавать жалобъ; а жители не хотѣли даже вѣрить, когда Сперанскій смѣнилъ его. Сперанскій же, въ письмѣ къ Кочубею, высказывая опасенія за себя, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что Трескинъ, не смотря на всѣ улики, все таки надѣялся удержаться на мѣстѣ [1]).

Мы не станемъ передавать ни описанія положенія дѣлъ въ Сибири, ни проектовъ, представленныхъ Сперанскимъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Замѣтимъ только, что 28 іюня 1821 года былъ составленъ комитетъ изъ графовъ: Кочубея, Гурьева и Аракчеева, кн. Голицына, барона Кампенгаузена и Сперанскаго [2]), для разсмотрѣнія отчета о Сибири, который началъ свои дѣйствія въ началѣ августа, а въ началѣ 1822 года составилось уже постановленіе о лицахъ, привлеченныхъ къ отвѣту. Замѣчательно, что и теперь комитетъ не коснулся Пестеля; но государь возвратилъ докладъ и велѣлъ постановить заключеніе и о немъ. Онъ былъ отставленъ отъ службы и умеръ 1845 г. въ своихъ деревняхъ. Трескинъ былъ преданъ суду и потомъ лишенъ чиновъ, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы. Илличевскій исключенъ изъ службы. Затѣмъ множество лицъ было предано суду въ разныхъ судебныхъ установленіяхъ, и многія изъ нихъ лишились мѣстъ, а нѣкоторыя и правъ на службу. Составъ администраціи измѣнился. Такъ окончилось это печальное дѣло [3]).

---

[1]) Корфъ, II, 201, 207, 248.

[2]) П. С. З., № 28,706.

[3]) Подробности см. у Корфа, т. II, гл. 2; Къ иркутскому лѣтописцу, въ Чт. Моск. общ. ист., 1859, кн. III; Куткинъ и Пестель, ibid., 1864, кн. IV.

Упомянемъ еще объ одномъ дѣлѣ, подвергшемся перерѣшенію по инициіативѣ Мордвинова, по которое рѣшилось въ его бытность за границею. Оно касалось спора о наслѣдствѣ по смерти тайнаго совѣтника Рылѣева [1]). Дѣло это состояло въ слѣдующемъ. Рылѣевъ, умирая, оставилъ послѣ себя дочь и внуку отъ умершаго сына, еще малолѣтнюю, которая была законною наслѣдницею. Передъ смертью, по духовной, онъ отдалъ часть имѣнія своего дочери, впавшей, по его словамъ, въ долги. Спустя же 28 дней послѣ духовной, и тотчасъ по его смерти, появилось вѣрющее отъ него письмо, данное «его человѣку», для совершенія купчей на остальную часть его имѣнія, какъ бы проданнаго имъ дочери за 43 тысячи рублей, полученныя отъ нея. Такимъ образомъ, малолѣтняя внука его была оставлена на произволъ судьбы. Дѣло это производилось въ галицкомъ уѣздномъ судѣ, который доказалъ, что Рылѣевъ не могъ дать въ это время вѣрющаго письма, такъ какъ онъ былъ разбитъ параличемъ и лишился разсудка, а дочь его не могла имѣть подобной суммы. Перейдя въ государственный совѣтъ, оно присуждалось уже въ пользу дочери Рылѣева; но, по требованію Мордвинова, Шишкова и «еще одного члена», и согласно утвержденію государя, было передано на разсмотрѣніе совѣстнаго суда. Совѣстный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу дочери Рылѣева, предоставивъ ей, за полученныя ею слишкомъ 200 душъ, давать лишившейся внукѣ, «изъ великодушія», по десяти рублей въ мѣсяцъ, на воспитаніе. Министръ юстиціи (кн. Лобановъ), согласившись съ этимъ постановленіемъ, внесъ въ такомъ видѣ дѣло въ комитетъ министровъ, который пропустилъ его безпрекословно. Но, при разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ, Шишковъ, вѣрный своему прежнему взгляду, подалъ особое мнѣніе, въ которомъ, доказывая невозможность со стороны Рылѣева лишенія внуки, ничѣмъ передъ нимъ невиновной, слѣдуемаго

[1]) Зап. Шишкова, II, 89—91.

ей наслѣдства, и, въ случаѣ справедливости этого факта, необходимость поправить ошибку дѣла возвратомъ денегъ покупщицѣ, настаивалъ на перерѣшеніи его въ сенатѣ или, по крайней мѣрѣ, въ третейскомъ судѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились только гр. Милорадовичъ и гр. Нессельроде (Мордвиновъ тогда уже уѣхалъ); но оно, не смотря на значительное меньшинство въ пользу его, было утверждено государемъ. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Шишковъ, дѣло это было вновь разсмотрѣно въ общемъ собраніи сената; *но*, повидимому, съ одной стороны оскорбленное самолюбіе, а съ другой угожденіе ему — воспрепятствовали быть услышану гласу истины, и безгласная сирота большинствомъ голосовъ была лишена своего наслѣдства».

Карамзинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для ходатайства о печатаніи своей исторіи, въ началѣ февраля 1816 года, и успѣвшій въ скоромъ времени перезнакомиться съ «боярами» и высшимъ кругомъ петербургскаго общества, уже въ письмѣ къ женѣ отъ 22 февраля говоритъ: «*Мордвиновъ все также добродушенъ и здѣсь очень не въ модѣ*» [1]). Въ этомъ отзывѣ слышится и приговоръ Карамзина Мордвинову за недостатокъ у него того политическаго обращенія, которое тогда же на опытѣ пришлось изучить исторіографу [2]), и ясное свидѣтельство, что уже въ скоромъ времени, послѣ новаго назначенія Мордвинова въ предсѣдатели департамента экономіи (10 января 1816 года), онъ попалъ, въ мнѣніи извѣстнаго кружка, въ число опальныхъ. Есть основаніе полагать, что причиною тому были: прежнее, горячее отношеніе Мордвинова къ состоянію русскихъ финансовъ и его столкновенія съ министромъ финансовъ—Гурьевымъ.

---

[1]) Неизданныя сочиненія Карамзина, 141, 153.

[2]) Объ этихъ отношеніяхъ Карамзина къ гр. Аракчееву и другимъ см. тамъ же и въ письмахъ его къ Дмитріеву.

«Я началъ свою дѣятельность, говоритъ Тургеневъ, въ государственномъ совѣтѣ по департаменту экономіи, гдѣ разсматривались всѣ дѣла по части финансовъ. Члены этого департамента (конечно Мордвиновъ и Потоцкій) находились въ постоянной оппозиціи съ министромъ финансовъ, а потому предлагаемые отъ него проекты почти всегда были подвергаемы разбору, или даже отвергаемы. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта эта оппозиція поддерживалась огромнымъ большинствомъ голосовъ. Адмиралъ Мордвиновъ стоялъ во главѣ оппозиціи противъ мѣръ и системы министра. Случалось, что послѣдній избѣгалъ присутствія въ общихъ совѣщаніяхъ, потому что внутренно онъ чувствовалъ свою несостоятельность, чтобы бороться съ адмираломъ, который, обладая глубокими познаніями въ политической экономіи, соединялъ большую легкость въ выраженіяхъ и замѣчательный талантъ въ изложеніи дѣла [1]). Адмиралъ писалъ часто самъ доклады по дѣламъ о финансахъ. Замѣчательная ясность и правильный, живой, даже краснорѣчивый стиль его обращали вниманіе на эти работы. За неимѣніемъ журналовъ, которые могли бы перепечатывать *мнѣнія* адмирала, представленныя и читанныя въ государственномъ совѣтѣ, дѣлали *сотни копій*, которыя распространялись *во всей публикѣ*. Нѣкоторыя изъ этихъ *мнѣній* или *голосовъ*, какъ ихъ называли въ Россіи, *доставили ему знаменитость и огромную популярность, вполнѣ имъ заслуженную*. Его рѣчи въ собраніи совѣта отличались умѣренностью и чрезвычайною вѣжливостью, но эти пріятныя формы нисколько не лишали ихъ силы и мужества. Мягкость характера соединялась у него съ авторитетомъ разума, что позволяло ему, въ высшей степени, выполнять правило,

[1]) Графъ В. П. Кочубей, въ своемъ письмѣ къ Сперанскому, отъ 22 апр. 1819 г., еще рѣзче характеризовалъ Гурьева въ этомъ отношеніи: «Вы знаете, что Гурьевъ всегда неохотно входилъ въ какія либо сужденія *по трудности удержать разсужденіе*» (Въ память гр. Сперанскаго, стр. 165).

рекомендующее соединять умѣренность съ силою: *suaviter in modo, fortiter in re.*

«Однако, продолжаетъ Тургеневъ, не смотря на ту поддержку, какую оказывало ему несомнѣнное большинство въ государственномъ совѣтѣ, и поддержку со стороны общественнаго мнѣнія, насколько это возможно, адмиралъ необходимо долженъ былъ встрѣтиться въ своей борьбѣ съ противникомъ, который, въ своемъ званіи министра финансовъ, пользовался большимъ вліяніемъ. Главный аргументъ министра состоялъ всегда въ слѣдующемъ: «Если вы мнѣ откажете въ такомъ-то новомъ налогѣ, или въ утвержденіи такой-то новой мѣры, я не въ состояніи буду удовлетворить требованіямъ военнаго министра, для поддержанія арміи въ надлежащемъ состояніи». Вѣроятно онъ употреблялъ такое средство и передъ императоромъ, въ глазахъ котораго подобный аргументъ долженъ былъ быть неопровержимъ. Эти столкновенія между государственнымъ совѣтомъ и министромъ финансовъ не могли имѣть другаго результата, кромѣ отвлеченія серьознаго вниманія совѣта отъ болѣе важныхъ финансовыхъ дѣлъ. Когда министръ хотѣлъ предложить какую нибудь важную мѣру, онъ ее подносилъ прямо государю и потомъ уже вносилъ въ совѣтъ, какъ одобренную государемъ. Такимъ образомъ, занятія государственнаго совѣта ограничивались почти простымъ внесеніемъ въ роспись указовъ о финансахъ... Главные члены департамента экономіи, видя безполезность своихъ усилій, устранялись отъ нихъ; адмиралъ же, бывшій президентомъ, испросилъ себѣ отпускъ за границу, чѣмъ воспользовались, чтобы замѣнить его другимъ. Мѣсто его занялъ гр. Головинъ. Это былъ старый другъ министра финансовъ. Нѣкогда онъ былъ въ большемъ почетѣ при дворѣ; но, не имѣя достаточно ловкости, чтобы удержаться тамъ, онъ удалился, а влѣдствіе этого отъ него отдалились и его друзья... Въ настоящую эпоху графъ опять вошелъ въ милость. Графъ Головинъ былъ далекъ отъ того свѣта и познаній, какими обладалъ его предшествен-

никъ. Онъ былъ вельможа, и имѣлъ всѣ достоинства и недостатки людей подобнаго рода. Тѣмъ не менѣе, онъ не переставалъ протестовать за свою независимость... Вступивъ въ свою должность, онъ былъ порядкомъ заваленъ дѣлами, не будучи такъ опытенъ въ нихъ, какъ старый адмиралъ. Онъ не оказывалъ большаго уваженія къ своимъ членамъ, и главные изъ нихъ оставили департаментъ экономіи, будучи вскорѣ замѣнены другими; но онъ не много довѣрялъ и мнѣ, какъ онъ мнѣ признался, полагая, что я былъ очень близокъ къ прежнему президенту (т. е. къ Мордвинову), котораго онъ не любилъ. Однако, вскорѣ послѣ того, онъ склонился въ мою пользу и сталъ оказывать мнѣ вѣжливость, знаки дружбы и довѣрія. Въ такомъ вельможѣ, какъ онъ, было смѣлостью сказать мнѣ при первомъ серьозномъ дѣлѣ, порученномъ намъ, что онъ ничего не понимаетъ, но что онъ сдѣлаетъ такъ, какъ я ему скажу: «Богъ васъ накажетъ, продолжалъ онъ, если вы введете меня въ ошибку. Отвѣтственность моего мнѣнія и голоса лежитъ на васъ».—«Я принимаю ее на себя, отвѣчалъ я, продолжайте довѣрять мнѣ, и вы не раскаетесь въ этомъ, а все пойдетъ отъ того лучше».

«Въ дѣйствительности, заключаетъ Тургеневъ, текущія дѣла шли, какъ прежде. Что же касается чрезвычайныхъ дѣлъ, каковы государственный бюджетъ, новая организація финансовъ, установленіе новыхъ налоговъ, то и они продолжали также идти по прежнему, т. е. они вносились въ совѣтъ, будучи уже предварительно одобрены государемъ» [1]).

Принимая во вниманіе то значеніе, какимъ пользовался тогда Гурьевъ, легко понять степень неудовольствія противъ Мордвинова. И Шишковъ прямо говоритъ о «малой довѣренности къ нему двора» [2]). Однако, почти втеченіе двухъ

[1]) La Russie et les Russes, I, 94—96.

[2]) Записки, II, 75. Гурьевъ, какъ увидимъ далѣе, имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ и пользовался поддержкою Аракчеева.

лѣтъ, онъ держался въ званіи предсѣдателя департамента экономіи, конечно благодаря своему авторитету въ финансовыхъ вопросахъ. Такое трудное положеніе въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, а также горячая борьба, возникшая у Мордвинова по дѣлу Горчакова, вѣроятно и были причиною, что вскорѣ послѣ назначенія своего въ предсѣдатели департамента экономіи на первое полугодіе 1818 года, онъ былъ уволенъ отъ этого званія (28 января 1818) по прошенію [1]), а затѣмъ отпросился на два года за границу [2]). Въ іюнѣ 1818 года Мордвиновъ уѣхалъ изъ Россіи. Въ бытность свою за границею онъ посѣтилъ Германію, Францію [3]), Англію и, кажется, Италію. Къ этому же, безъ сомнѣнія, времени относится его знакомство съ учеными экономистами, къ которымъ онъ писалъ потомъ по поводу своего сочиненія о банкахъ, о чемъ мы говорили выше.

Вѣроятно, во время настоящаго своего пребыванія за границею, Мордвиновъ свелъ знакомство и съ Бентамомъ. Мы видѣли, что еще въ 1806 году онъ помышлялъ поселиться въ Англіи, а въ письмѣ Бентама къ Мордвинову, отъ 1823 года, есть намекъ на ихъ знакомство [4]), и самая переписка ихъ съ этого времени становится вполнѣ дружественною и откровенною.

---

[1]) Даневскій, Исторія образов. госуд. совѣта; приложенія, 27.

[2]) Шишковъ, II, 75.

[3]) О пребываніи своемъ въ Парижѣ въ 1818 году онъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, о которой намъ прійдется сказать ниже, именно въ разсужденіи о познаніи себя. Собраніе мнѣн., т. IX.

[4]) Упрекая Мордвинова и Сперанскаго за долгое молчаніе, Бентамъ извиняетъ Сперанскаго такъ: «Онъ точно также имѣлъ варварство оставить меня въ томъ же невѣдѣніи. *Правда, я его никогда не видалъ*» (Письмо отъ 1824 года). Вѣстникъ Европы, 1869, апрѣль, 785.

ГЛАВА VIII.

По возвращеніи своемъ изъ за границы (въ началѣ второй половины 1820), до іюня 1821 года Мордвиновъ состоялъ только членомъ государственнаго совѣта; но и въ это короткое время дѣятельность его обнаружилась по многимъ весьма важнымъ вопросамъ.

Мы видѣли, какъ неудачно окончился крестьянскій вопросъ при Александрѣ I въ его общей постановкѣ, не смотря на личное сочувствіе ему императора; но необходимость по крайней мѣрѣ частныхъ преобразованій не переставала сознаваться... Въ октябрѣ 1820 года была представлена въ государственный совѣтъ (министромъ юстиціи, кн. Д. И. Лобановымъ) записка петербургскаго генералъ-губернатора о результатѣ слѣдствія, возникшаго по поводу жалобъ на одиночную продажу крестьянъ и другія злоупотребленія подобнаго рода [1]). Слѣдствіе открыло: 1) что помѣщикъ Лупандинъ продалъ разнымъ лицамъ, по одиночкѣ отъ крестьянскихъ семействъ, 3 вдовы и 17 дѣвокъ, а одну подарилъ; продажу онъ производилъ подъ именемъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей его; 2) что отставной штабсъ-капитанъ Раз-

[1]) Гр. Милорадовичъ настаивалъ на запрещеніи этой продажи. Зап Шишкова, II, 110 и далѣе. Его мнѣніе поддерживалъ гр. Кочубей, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

дершинъ, покупая по одиночкѣ малолѣтнихъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства; 3) что статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой двороваго человѣка съ женой и малолѣтней дочерью, а старшую дочь оставила у себя, и т. п. Государственный совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе вопроса о продажѣ крестьянъ безъ земли и порознь коммиссіи составленія законовъ [1]), которая составила проектъ о пресѣченіи подобнаго зла, написанный братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми [2]). На основаніи устава государственнаго совѣта, проектъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе департамента законовъ (состоявшаго тогда изъ В. С. Ланскаго, Шишкова и бывшаго сибирскаго генералъ губернатора Пестеля), гдѣ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе [3]), причемъ особенною дѣятельностью отличался Шишковъ, мнѣніе котораго департаментъ принялъ на себя. «Въ это время, говорится въ немъ, когда мы слышимъ и видимъ (въ октябрѣ 1820), что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребывало всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя, среди неустройства Европы, тишина, не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ. На что же перемѣны въ законахъ, перемѣны въ

[1]) Эта коммиссія состояла изъ Розенкампфа, Тургенева (А. И.) и Мороза. Шишковъ, II, 130.

[2]) Въ проектѣ доказывалось, что въ русскомъ законодательствѣ (указъ Петра В.) нѣтъ разрѣшенія одиночной продажи, а она утвердилась вслѣдствіе развитія власти помѣщиковъ и злоупотребленій, почему слѣдуетъ воспретить личную продажу крестьянъ, въ какихъ бы то ни было видахъ. Шишковъ, II, 112—117.

[3]) Департаментъ законовъ посмотрѣлъ на указъ Петра, какъ на проектъ, и разъяснилъ остальныя постановленія въ томъ смыслѣ, что они запрещаютъ только продажу крестьянъ съ аукціона и на ярмаркахъ. Шишковъ, II, 117—130.

обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны?—Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума, разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ. При таковыхъ обстоятельствахъ кажется, что если бы и подлинно нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать? [1])

По словамъ Тургенева, на это они (т. е. онъ съ братомъ) отвѣчали, въ запискѣ, составленной отъ коммиссіи, что настоящія перемѣны требовались необходимостью и неясностью закона; что ихъ вовсе нельзя связывать съ революціонными движеніями на западѣ, тѣмъ болѣе, что въ то время эти волненія происходили въ такихъ странахъ (въ Испаніи и Неаполѣ), которыя вовсе не отличаются ни школами, ни образованіемъ [2]). Не смотря на это, департаментъ законовъ отнесся отрицательно къ настоящему вопросу. Въ своемъ представленіи онъ различаетъ право собственности надъ вещами отъ права зависимости людей однихъ отъ другихъ, подъ которое подводитъ крѣпостное состояніе, и, уже

---

[1]) «По выслушаніи этого мнѣнія въ госуд. совѣтѣ, говоритъ Шишковъ, примѣтно было, что оно произвело весьма различныя впечатлѣнія. Нѣкоторые изъ членовъ молчали, другіе съ насмѣшкою улыбались; третьи сидѣли надувшись; иные, при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ, говорили сосѣдямъ своимъ, кто по русски, кто по французски: это фразы! Но многіе однакожъ (по несчастью, *меньше знающіе*), съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали у меня руку, или шептали мнѣ на ухо похвалы. Записки, II, 182.

[2]) Тургеневъ, La Russie, т. II, и Пыпинъ, обществ движен. при Александрѣ I, 406—408. «По прочтеніи этой бумаги, замѣчаетъ Шишковъ, многіе очевидными знаками и словами одобряли оную, что вызвало его на новое возраженіе въ томъ же духѣ. Замѣчательно, что предсѣдатель госуд. совѣта, кн. Лопухинъ, принялъ отвѣтъ Тургеневыхъ на себя и что онъ былъ составленъ даже до окончательнаго заключенія совѣта. Ibid., 133.

выходя изъ этого взгляда, объясняетъ продажу людей, какъ передачу однимъ лицомъ другому права владѣнія этой зависимостью. Департаментъ законовъ не нашелъ въ законодательствѣ прямого запрещенія одиночной продажи или безъ земли, и потому ссылается на посторонніе указы, дозволяющіе такую продажу. Но департаментъ законовъ не находилъ даже нужнымъ изданіе новаго закона, воспрещающего ее, такъ какъ съ возможностью перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому нерѣдко соединяется облегченіе ихъ участи.

Заключеніе департамента законовъ вызвало, въ свою очередь, мнѣніе Мордвинова (4 декабря 1820).

Представивъ сначала мотивы, изложенные департаментомъ законовъ, онъ замѣчаетъ: «Благоразуміе законодателей въ Россіи, или предусмотрѣніе неудобностей, могло удерживать ихъ до нынѣ отъ изданія закона, воспрещающаго продажу по одиночкѣ и безъ земли, но направляло ихъ къ изданію законовъ, ограждающихъ благосостояніе подчиненныхъ или зависимыхъ людей, возбраняя всякія жестокости противъ нихъ строгими за то наказаніями. Сего рода законы издаваемы были въ разныя времена, и число ихъ не мало.

«Должно бы собрать всѣ таковые законы и разсмотрѣть ихъ.

«Если они недостаточны и неопредѣлительны, то надлежало бы пополнить и усовершить.

«Если же найдутся достаточными, то подтвердить генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и дворянскимъ предводителямъ о строгомъ выполненіи оныхъ. Но дабы мѣстныя начальства не могли, по злоупотребленію, притѣснять и помѣщиковъ въ управленіи ихъ крестьянами, то означить именно случаи, въ какихъ помѣщики подвергаются отдачѣ имѣній ихъ въ опеку и самому лишенію оныхъ, по силѣ существующихъ законовъ» [1]).

И Мордвиновъ право собственности надъ вещами отли-

---

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1859, II, смѣсь, 1—5, ср. ibid., III, 55—58.

чаетъ отъ зависимости людей другъ отъ друга, къ которой примѣняетъ и крѣпостное состояніе въ Россіи, какъ онъ хотѣлъ бы его видѣть. И онъ смотрѣлъ на продажу людей безъ земли, какъ на средство, которое нерѣдко спасаетъ крестьянъ отъ бѣдственной участи, и потому считалъ ее необходимою пока существуетъ рабство, но онъ сознавалъ и многія выгоды въ запрещеніи этой продажи, а необходимость начать дѣло освобожденія постоянно включалъ въ число спасительныхъ для Россіи экономическихъ мѣръ! [1])

Но какъ трудно было идти противъ общаго теченія, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Графъ Кочубей, занимавшій въ государственномъ совѣтѣ второе за предсѣдателемъ мѣсто и управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ, что считаетъ необходимымъ новое разсмотрѣніе проекта коммиссіи въ министерствѣ; «между тѣмъ, замѣчаетъ Тургеневъ, Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ нибудь образомъ крѣпостному праву [2]). Быть можетъ, долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, усилія столько же безсильныя и

[1]) Ibid. и т. IX, мнѣніе по поводу проекта о чинахъ.

[2]) По словамъ же Шишкова, Кочубей возражалъ противъ его мнѣнія, защищавшаго представленіе департамента законовъ въ совѣтѣ, и началъ свою рѣчь тѣмъ, что нынѣшнее правительство всегда изъявляло и поддерживало либеральныя идеи, во всей Европѣ принятыя, и что въ нашемъ вѣкѣ нельзя держаться правилъ стараго времени, сдѣлавшихся смѣшными, и проч. Кочубей хотѣлъ подать особое мнѣніе; но когда его спросили о времени подачи, то онъ отвѣчалъ: можетъ быть черезъ два, три, пять или болѣе мѣсяцевъ, а можетъ быть и болѣе. Въ этой проволочкѣ Шишковъ видѣлъ противодѣйствіе его мнѣніямъ. Замѣчательно, что подобнымъ дѣйствіямъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ приписываетъ частыя возмущенія крестьянъ, не рѣдко оканчивавшіяся военными экзекуціями и ссылкою въ Сибирь. «Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, новомысліе, вступясь за человѣчество, отягощало оное бѣдствіями и обагряло кровью»! (Записки, II, 133—134)

безплодныя, сколько они были мало серьозны... Этотъ примѣръ достаточно показываетъ, по какой почвѣ шли тогда въ Россіи люди, которые, даже съ согласія правительства, требовали самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, лишенныхъ всякаго покровительства закона; онъ показываетъ, какимъ подозрѣніямъ, какимъ обвиненіямъ надо было подвергаться, желая принести какое нибудь облегченіе ужасной участи крѣпостныхъ» [1]). Вотъ почему самыя скромныя желанія рѣдко удавались.

Въ 1819 году, у нѣкоторыхъ дворянъ динабургскаго уѣзда пробудилось желаніе дать своимъ крестьянамъ личную свободу. Бывшій бѣлорусскій военный губернаторъ, герцогъ Виртембергскій, донесъ объ этомъ государю, и 3 февраля 1819 года состоялся рескриптъ объ образованіи изъ мѣстныхъ дворянъ особой коммиссіи, которая составила бы положенія по этому предмету, примѣнительно къ существовавшимъ уже положеніямъ объ остзейскихъ крестьянахъ. Но, при разсмотрѣніи составленныхъ правилъ въ общемъ собраніи дворянъ, большинство ихъ ($^2/_3$) отказалось *отъ какихъ либо ограниченій* своихъ правъ на крестьянъ. Въ такомъ видѣ проектъ положеній коммиссіи былъ представленъ государю въ 1824 году, а онъ передалъ это дѣло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта... Но тамъ оно подверглось разсмотрѣнію только въ 1829 и 30 годахъ, затѣмъ снова былъ сдѣланъ запросъ общему собранію дворянъ динабургскаго уѣзда, и снова былъ полученъ тотъ же отвѣтъ. Тѣмъ и кончилось это дѣло [2]).

Между тѣмъ, стали возникать стѣсненія въ тѣхъ правахъ, которыя уже были даны.

Въ январѣ 1823 года Мордвиновъ писалъ: «Крестьяне, получившіе единожды свободу, должны, по существующему закону, оставаться при оной навсегда, и предоставлять имъ на произволъ записываться въ сословіе свободныхъ

---

[1]) La Russie, и у Пыпина, l. c., стр. 407—408.

[2]) Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, II, 155—157. Ст. Н. А Милютина

хлѣбопашцевъ или въ казенные поселяне. Землю же, по несовершенству уступочнаго на оную права, оставить во владѣніи законныхъ наслѣдниковъ. Вѣроятно, что отпущенные на волю крестьяне пожелаютъ остаться на землѣ родины своей и, какъ свободные поселяне, будутъ на добровольныхъ съ владѣльцами земли условіяхъ, нанимающихъ землю. Тогда ознаменуется, на самомъ опытѣ, та непреложная истина, что свобода и недвижимая собственность суть двѣ различныя между собою вещи, суть два отдѣльныя понятія, и свободный крестьянинъ не будетъ вѣчнымъ рабомъ земли, которую пашетъ. Новое сіе въ Россіи свободное сословіе тогда только въ существѣ составится, когда на истинныхъ началахъ учреждено будетъ и *когда отъяты будутъ существующія нынѣ препоны помѣщикамъ освобождать, а крестьянамъ получать свободу»* [1]).

Въ 1825 году Мордвиновъ писалъ противъ стѣсненія казенныхъ крестьянъ въ правѣ пріобрѣтенія земли, которое было даровано имъ указомъ 2 декабря 1801 года. Это отступленіе онъ находилъ «не приличнымъ ни достоинству, ни чистосердечію самаго постановленія, дарующаго словомъ и препинающаго дѣломъ полученіе дара» [2]).

Снова крестьянскій вопросъ вышелъ на свѣтъ въ царствованіе императора Николая I.

Въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, Мордвиновъ, какъ членъ государственнаго совѣта, всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что сенатъ и совѣтъ, какъ высшія, судебное и законодательное, сословія, могутъ только соглашаться съ опредѣленіемъ наказанія низшими инстанціями, или смягчать ихъ, но никакъ не увеличивать. Вслѣдствіе же весьма частыхъ примѣровъ отягощенія участи подсудимыхъ въ сенатѣ, Мордвиновъ не разъ выступалъ на защиту послѣднихъ.

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V.
[2]) Ibid., т. VII.

Такъ, когда сенатъ увеличилъ наказаніе отставному поручику Рыбусову, сравнительно съ приговоромъ екатеринославской уголовной палаты, то Мордвиновъ выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ нижнихъ уголовныхъ судахъ обвиняемый и обвинитель предстоятъ лично: тамъ ихъ вопрошаютъ, повѣряютъ и соображаютъ показанія, открываютъ подсудимому всѣ способы къ оправданію, и не оставляютъ безъ вниманія ни лѣтъ, ни взоровъ, ни душевныхъ его чувствъ. Но въ верховныхъ судилищахъ разсматривается одно дѣлопроизводство нижнихъ инстанцій, самого же подсудимаго судьи не видятъ и не слушаютъ его оправданій. Посему въ другихъ земляхъ, гдѣ уголовные суды болѣе усовершенствованы, первый приговоръ оставляется въ полной его силѣ и никогда не обращается для новаго пересмотра и увеличенія наказанія подсудимому, сколь бы ни было велико его преступленіе или слабо его оправданіе. У насъ же, въ замѣну означеннаго недостатка, сего существеннаго порока въ уголовномъ праведномъ сужденіи, издревле принято было правиломъ не только не отягощать судьбы обвиняемаго увеличеніемъ наказанія въ высшихъ судилищахъ, но смягчать еще приговоры низшихъ инстанцій... Какъ нравы русскаго народа сдѣлались теперь менѣе дикими и менѣе суровыми, нежели они были въ тѣ времена, когда дѣйствующіе нынѣ уголовные законы наши составлялись, то не только нѣтъ никакой достаточной причины къ отмѣнѣ столь человѣколюбиваго правила, которому много лѣтъ слѣдовало правительство, умѣряя строгость закона милосердіемъ, но и самые эти законы, въ сообразность настоящаго просвѣщенія и нравственности народной, предстоитъ ему священный подвигъ уменьшить; ибо извѣстно, что коммиссіи сочиненія законовъ въ особенности высочайше указано обратить вниманіе и дѣятельность свою на уложеніе новаго уголовнаго устава» [1]).

---

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1859, II, смѣсь, стр. 8, мнѣніе отъ 9 ноября 1820 года, и Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IV.

Точно также онъ выступилъ съ защитою по поводу дѣла о губернскомъ секретарѣ Фіалковскомъ, который, за безпорядки по ратушѣ, былъ приговоренъ черниговскимъ генеральнымъ судомъ ко взысканію полугодоваго жалованья и исключенію изъ гражданской службы, а малороссійскій военный губернаторъ полагалъ лишить его чиновъ и, только изъ уваженія къ старости, оставить на мѣстѣ жительства. Мнѣніе Мордвинова, высказанное по этому поводу, весьма замѣчательно по основнымъ мотивамъ.

«Адмиралъ Мордвиновъ, говоритъ онъ, такъ разсуждаетъ. что въ уголовномъ русскомъ правѣ нѣтъ ни одного закона, дозволяющаго высшему лицу или мѣсту отягощать судьбу подсудимаго усугубленіемъ наказанія и дѣлать приговоръ безъ точнаго выполненія всѣхъ правилъ, для судопроизводства указанныхъ; что единое судопроизводство, опредѣляя степень преступленія, можетъ назначить и мѣру наказанія; что цѣль ревизіи въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ, по уголовнымъ дѣламъ, ясно въ законахъ нашихъ опредѣлена; что разумъ и самыя слова уголовныхъ законовъ, древнихъ и новыхъ, клонятся болѣе *къ охраненію невинности, нежели къ наказанію преступленія.* Для утвержденія этого мнѣнія представилъ онъ выписку изъ учрежденій, для производства уголовныхъ дѣлъ постановленныхъ». Въ этой выпискѣ Мордвиновъ помѣстилъ по преимуществу извлеченія изъ наказа Екатерины, въ которыхъ притомъ говорится о громадной отвѣтственности суда передъ обществомъ и необходимость самаго внимательнаго отношенія къ приговорамъ; онъ два раза выписываетъ извѣстное мѣсто наказа, что лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго приговорить къ смерти. «Всѣ эти узаконенія не духомъ мщенія, но милосердія преисполнены. Предъ нами *подсудимый и судья суть люди, подверженные страстямъ,* и слабый и окованный не преданъ на произволъ судьи сильнаго и свободнаго. Всѣ они смиряютъ и укрощаютъ гордость власти и, повторяя часто о невинности, какъ бы опасаются

строгости сужденія... Отступленіе отъ правосудія, по словамъ закона, разрушаетъ цѣлость и здравіе государства, *ибо огорчаетъ умъ народа* и ведетъ за собою пагубныя слѣдствія».

Далѣе Мордвиновъ опредѣляетъ, почему въ отношеніи къ подсудимому необходима болѣе мягкость, нежели строгость судей. «Боязнь слабаго сужденія, говоритъ онъ, могущаго произойти по мягкосердію, или по поводу родственныхъ и дружественныхъ связей, твердаго основанія не имѣетъ, а противна опытности вѣковъ, законодателями уважаемой. Они поставили кореннымъ правиломъ — требовать отъ обвинителей доказательствъ столь ясныхъ, какъ свѣтъ солнца: слова римскаго права, принятыя всѣми европейскими народами, кромѣ турокъ, у которыхъ рубятъ головы безъ судопроизводства. Опасеніе законодателей было справедливое: они исчислили страсти и пороки человѣческіе, каковы: злоба, мщеніе, ненависть, зависть, жестокосердіе, нерадѣніе, легкомысліе, подозрѣніе, предразсудокъ, невѣжество, и проч. Они далеко превосходятъ число нѣжныхъ чувствъ и дѣйствуютъ всегда успѣшно. Поэтому мудрые законодатели и пеклись болѣе объ огражденіи на судахъ невинности, нежели о распространеніи власти судей». Наконецъ, указавъ на установленіе судебныхъ инстанцій Екатериною II, какъ на средство къ уменьшенію произвола судей, и приведя слова императора Александра I: «Я хочу и желаю, чтобъ невинность находила въ самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ своему оправданію» — Мордвиновъ заключаетъ: «Послѣ столь твердой и священной воли, отягощеніе участи подсудимыхъ и увеличеніе въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ наказаній, праведными и законными признаваемы быть не могутъ» [1]).

Оба эти мнѣнія записаны въ журналѣ общаго собранія государственнаго совѣта.

---

[1]) Мнѣніе о неусугубленіи наказаній, 1821 года 27 марта, Чтен. Моск. общ. истр., 1860, IV, 296—301; 1861, III, 211—216, и Собраніе мнѣній, Н. С. Мордвинова, т. V.

Какъ истинный послѣдователь ученія Бентама, Мордвиновъ, при обсужденіи всякаго преступленія и степени виновности преступника, прежде всего обращалъ вниманіе на мотивы, которые привели къ самому преступленію, что такъ рѣдко входило въ соображенія русскихъ юристовъ старой школы. За это время мы имѣемъ два мнѣнія Мордвинова, въ которыхъ вполнѣ обнаружилась упоминаемая сторона его юридическихъ воззрѣній.

Еще въ 1816 году въ Кіевской губерніи происходила поимка разбойниковъ, число которыхъ было такъ велико, что вся земская полиція была отправлена въ лѣса, и потому губернское начальство пригласило тамошнихъ помѣщиковъ оказать съ своей стороны содѣйствіе. На первыхъ порахъ полиціи удалось поймать 277 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и предводитель шайки, Кирдянъ. Временно, преступники были помѣщены въ ближайшихъ селеніяхъ; такимъ образомъ, Кирдянъ достался на долю помѣщика селенія Журжинецъ— Протопопова. Отсюда, сопровождаемый полиціею, Кирдянъ былъ доставленъ сперва въ Звенигородъ, а потомъ въ Кіевъ. На пути у него была отнята нога, по причинѣ обнаружившагося антонова огня. Между тѣмъ, спустя два года, преступники стали жаловаться, что, въ бытность ихъ въ селѣ Журжинцахъ, имъ были ломаны молотомъ руки и ноги, въ погребѣ дома помѣщика Протопопова, и по его приказанію. Земскіе чиновники городничій, штабъ-лекарь и множество свидѣтелей подъ присягою показали, что такихъ истязаній на тѣлѣ они не видали, и ихъ не было. Но плацъ-майоръ, заступавшій мѣсто коменданта въ Кіевѣ, на основаніи показаній Кирдяна, настоялъ на новомъ слѣдствіи. Онъ самъ является слѣдователемъ и судьею по настоящему дѣлу въ селеніи Протопопова; получаетъ отъ его отца, надворнаго совѣтника, 5.000 рублей, который хотѣлъ тѣмъ избавить своего сына отъ непріятнаго слѣдствія; удерживаетъ нѣкоторое время (21 день) эти деньги у себя, а потомъ является обличителемъ противъ Протопоповыхъ въ лиходательствѣ. При

новомъ слѣдствіи, произведенномъ военною коммиссіею, являются новые свидѣтели: инвалиды, рядовые солдаты и цирюльники-евреи, которые утверждаютъ, что два года назадъ были ломаны ноги у Кирдяна, что они это слышали отъ него лично, и что въ этомъ виновенъ помѣщикъ Протоповъ. Сенатъ, утверждая приговоръ надъ нимъ за это преступленіе, въ тоже время постановилъ такой приговоръ объ его отцѣ: «Конечно, сдѣлалъ онъ это по любви родительской къ сыну своему, за что и приговоренъ онъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ Сибирь, предавая судьбу его монаршему милосердію».

Въ такомъ видѣ, въ январѣ 1821 года, это дѣло поступило въ государственный совѣтъ, гдѣ Мордвиновъ высказалъ сначала сомнѣніе въ справедливости приговора сената и самаго дѣла, а 31 января подалъ особое мнѣніе по этому вопросу, въ которомъ онъ является собственно защитникомъ отца Протопопова, но косвенно говоритъ и въ пользу невинности сына и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. «Три слѣдствія, говоритъ Мордвиновъ, одно за другимъ послѣдуемыя; великія настоянія и продолжительное время преслѣдованія; великое довѣріе къ словамъ разбойника и малое къ удостовѣреніямъ и присягѣ чиновниковъ и простолюдиновъ, не уличенныхъ ни въ какихъ прежде злодѣяніяхъ; упорство въ отысканіи свидѣтелей, которые могли бы сказать, что руки и ноги у Кирдяна переломлены, то, что каждый зрячій видѣть самъ могъ; осмотръ рукъ и ногъ цирюльниками, а не лекарями; эти два гражданскія слѣдствія оправдывающія, третье, военное, обвиняющее; отрядъ инвалидовъ, гарнизонныхъ солдатъ и евреевъ, свидѣтельствующихъ о бывшемъ въ отдаленной отъ города деревнѣ, въ 150 верстахъ отстоящей, происшествіи, и чудесное согласіе при допросахъ отвѣтовъ ихъ, иныхъ, упоминавшихъ какъ называютъ деревню, другихъ, какъ называютъ помѣщика ея, и всѣхъ, потому что слышали лично отъ Кирдяна, утверждающихъ, что ломалъ тѣ руки и ноги помѣщикъ Протопоповъ,—не доказываетъ ли

все это нѣчто нескромное, нѣчто невоздержное, тайное, но достаточное къ подозрѣнію: что не убѣдительное краснорѣчіе Кирдяна, не забота о рукахъ и ногахъ его, не состраданіе къ пойманному злодѣю, не ревность къ открытію правды, возбуждали чувство и порождали усердіе къ отысканію великихъ преступниковъ, огорчившихъ и уязвившихъ Кирдяна, котораго если бы и убили на мѣстѣ, то виновниковъ его убіенія едва ли долженствовало отыскивать столь настоятельно и упорно.

«При сужденіи этого дѣла два великія преступленія были приняты въ уваженіе: 1) задержаніе пойманныхъ разбойниковъ 6 дней въ селеніи помѣщика Протопопова; но въ томъ же дѣлѣ написана и причина задержанія: и капитанъ-исправникъ, и вся земская полиція были въ то время въ лѣсахъ и уѣздѣ для поимки разбойниковъ; 2) подозрѣніе къ поступку надворнаго совѣтника Протопопова; но его приговариваютъ за то, что онъ, любя сына своего, хотѣлъ скрыть преступленіе его въ ломаніи рукъ и ногъ у Кирдяна; въ дѣлѣ же, Кирдянъ не говоритъ о переломленныхъ своихъ рукахъ и ногахъ, а говорятъ о нихъ другіе, посторонніе люди, отысканные свидѣтели уже при третьемъ слѣдствіи; и самъ плацъ-майоръ кіевскій, недовольный первымъ слѣдствіемъ, судья при третьемъ, не оказывается по дѣлу лишеннымъ зрѣнія и чувства осязанія, видящій Кирдяна ежедневно, не пишетъ, что у него руки и ноги переломлены, а увѣряетъ только въ томъ, что о томъ подтверждаетъ Кирдянъ, и что это должно открыться по доказательствамъ его.

«Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ, кромѣ многихъ другихъ, кажется, что возможно заключить безошибочно, что ноги и руки Кирдяна не были ломаны, и что Протопоповъ не есть сокрыватель преступленія, для дознанія котораго потребны три слѣдственныя коммиссіи, ничего не открывшія утвердительнаго, но только давшія случай къ лиходательству, для совершенія котораго и не существовало причины.

«Будучи пораженъ произнесеннымъ отъ правительствующаго сената приговоромъ, заключаетъ Мордвиновъ, я не могу почесть его инымъ, какъ предосудительнымъ для правительства въ вѣкѣ и при царствіи августѣйшаго монарха нашего, являющаго любовь и милосердіе къ врученнымъ ему народамъ... Затѣмъ, я заключаю, что надворный совѣтникъ Протопоповъ долженъ быть освобожденъ отъ всякаго наказанія и дальнѣйшаго преслѣдованія, и чувствую изливающуюся слезу сокрушенія надъ огорченіемъ тяжкимъ, семидесятилѣтнему старцу и отцу причиненнымъ». Что же касается сына, то затрудняясь въ разрѣшеніи самаго вопроса, Мордвиновъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что онъ чуждъ той вины, подъ которую его подводятъ, и потому настаиваетъ какъ на прощеніи его, такъ и лицъ, причастныхъ къ этому дѣлу. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ члены государственнаго совѣта, кромѣ двухъ: министра юстиціи (кн. Д. И. Лобановъ-Ростовскій) и адмирала фонъ-Дезина [1]).

Но это мнѣніе важно еще по тѣмъ мыслямъ, которыя высказалъ въ немъ Мордвиновъ о доносахъ и слѣдственныхъ коммиссіяхъ, по поводу разсмотрѣннаго дѣла [2]). Самое дѣло онъ считаетъ возникшимъ по доносу; но «уголовные уставы всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ начинаются прещеніемъ противъ клеветниковъ, и злоумышленный клеветникъ принимается тамъ первымъ въ общежитіи злодѣемъ, какъ нарушитель общаго спокойствія. Такое правило уголовныхъ законовъ утвердилось горестными примѣрами вѣковъ, ибо народы, не оградившіе отъ клеветы невинность, были всегда и повсюду несчастны. Тогда царствовала тайна; обвинитель и обвиняемые судимы были при запертыхъ окнахъ и заклепанныхъ дверяхъ, или при мракѣ ночномъ». Только съ

---

[1]) Чтен. Моск. общ., 1859, I, смѣсь. Мнѣніе адмирала Мордвинова по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи, стр. 14—17, и Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V.

[2]) Ibid. Мы пользуемся спискомъ, напечатаннымъ въ Чтен. Моск. общ. исторіи.

императора Тита было объявлено въ Римѣ запрещеніе доносовъ, и опредѣлены казни доносчикамъ. Отсюда ведетъ свое начало преслѣдованіе клеветниковъ въ европейскихъ законодательствахъ. «Въ Россіи, древній законъ предавалъ доносителей троекратному тѣлесному истязанію, прежде нежели прикасался къ обвиняемому, и хотя такое испытаніе правды было грубо и весьма порочно, свойственно только дикимъ и непросвѣщеннымъ народамъ, но указываетъ уже на справедливое начало, воспрещающее доносы и первую пытку опредѣлявшее доносчику. Но горестнѣйшія времена народовъ были тѣ, когда злобные доносчики не были наказываемы, когда отъ происковъ своихъ они получали награду... Петръ Великій, при самомъ началѣ просвѣщенія Россіи, издалъ строгій указъ противъ доносчиковъ... Этотъ великій благоустроитель Россіи, отъ прозорливости котораго ничто не скрывалось, усмотрѣлъ, что пороки въ правительствахъ, подобно тому какъ и въ частныхъ людяхъ, возрастаютъ и укореняются скоро, если при началѣ не будутъ исправлены, и что они возобладать могутъ надъ всѣми дѣяніями правителей [1]). Онъ призналъ самодержавное правительство, по самому существу и составу своему требующимъ внимательнаго противъ всякаго зла остереженія; что такое правительство есть изъ всѣхъ другихъ слабѣйшее, когда не ограждено на всѣхъ степеняхъ своихъ величіемъ добродѣтелей, отъ которыхъ однѣхъ заимствуетъ и блескъ, и силу, и неизмѣнную власть свою, а потому и не умедлилъ обратить бдительное вниманіе свое на соблюденіе правды въ судахъ, какъ на начало перваго въ обществѣ благоустройства.

«Но зло часто преуспѣваетъ: за доносами назначаются слѣдственныя коммиссіи, коихъ самое назначеніе есть уже

---

[1]) Замѣтимъ къ слову, что Мордвиновъ вездѣ является поклонникомъ Петра Великаго и его реформъ. Это уваженіе къ великому преобразователю Россіи, безъ сомнѣнія перешло къ нему отъ отца его, воспитавшагося подъ вліяніемъ идей Петра и на глазахъ самого преобразователя (см. 1-ую главу настоящей книги). Но и по своему направленію Мордвиновъ долженъ былъ сочувствовать Петру.

отступленіе отъ законнаго порядка и правосудія; назначеніе часто неосторожное тѣмъ, что члены въ этой коммиссіи рѣдко опредѣляются по волѣ правительства, ибо люди честные и кроткіе отъ выбора всегда уклоняются, заступаютъ же ихъ мѣста пронырливые, тѣ, у коихъ личные виды возбуждаютъ желаніе быть въ нихъ членами, и часто становятся ими сочинители доносовъ, тайные наставники доносчика. Достигши своей цѣли и будучи уполномочены отъ высшаго правительства, ничто не претитъ тогда ихъ своевольству. По роду своего служенія, поставя себя внѣ законовъ, предаются они страстямъ, и нерѣдко самые гнусные разсчеты управляютъ ихъ судомъ и расправою... Надобно быть на мѣстахъ, чтобы видѣть какъ смѣло тогда ложь и клевета восходятъ на высокія степени, какъ уловляется невинность и какъ ободряемая дерзость свидѣтельствуетъ на праведнаго беззаконіе. Когда бы донесенія и приговоры слѣдственныхъ коммиссій прошедшаго времени внимательно прочтены были, то познялась бы та истина, что каждая изъ нихъ оставила слѣды внутренней вражды, ябедъ, затруднительнаго разбора и долговременнаго безпокойствія для правительства... Повѣствованіе каждой бывшей коммиссіи есть горестная повѣсть тѣхъ странъ, гдѣ онѣ существовали, передаваемая жителями въ память потомства, какъ зло не единовременное, но нанесшее печальныя слѣдствія и на будущія времена... Въ недавнія времена во Франціи ничего такъ не страшились, какъ возстановленія слѣдственныхъ коммиссій, какъ самаго лютѣйшаго порожденія бывшей кровавой революціи... Такое всеобщее поруганіе чести порождаетъ развратъ въ нравственности, какъ народной, такъ и самаго правительства. Естественное послѣдствіе отъ уваженія доносовъ есть взаимное недовѣріе и отчужденіе любви, хранительницы общественныхъ связей и державы властей. Разумъ благосердныхъ законовъ и мнѣніе всѣхъ народовъ мрачную опустили завѣсу на времена и дѣянія судовъ, вслѣдствіе доносовъ быв-

шихъ, и передали воспоминаніе о нихъ справедливой и всеобщей ненависти.

«Я привелъ всѣ эти общія разсужденія, заключаетъ Мордвиновъ, чтобы показать, какъ зловредны дѣянія доносовъ и какъ легко, при уваженіи ихъ, могутъ возникнуть жесточайшіе приговоры въ судахъ. Правительствующій сенатъ приговариваетъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ Сибирь отца, пекущагося о защитѣ сына, устрашеннаго угрозами доноса, коихъ, вѣроятно, укротить онъ не могъ инымъ способомъ, какъ тѣмъ, *что единое смиряетъ сердца людей, чуждыхъ благости и снисхожденія*. Обвиняемый не скрываетъ, что далъ деньги присланнымъ для новаго слѣдствія, по доносу противъ сына его, будто бы ломавшаго ноги у пойманныхъ имъ съ крестьянами дезертировъ, когда за три года о томъ никто не зналъ и примѣтить того не могъ. Но когда страшные доносы и грозныя предстоятъ послѣдствія, то кто, во спасеніе сердцу близкаго лица, не послѣдовалъ бы внутреннему голосу чувствъ, природою въ насъ вселенныхъ, кои всегда живы въ сердцахъ непорочныхъ и коихъ законы человѣческіе истребить не могутъ и ослаблять не должны? Если бы эти печальныя для всѣхъ частныхъ и общественныхъ добродѣтелей направленія искажены были и воспрещено было бы стражамъ мучительныхъ казней слѣдовать имъ, то не злымъ дѣламъ, но добрымъ положена была бы преграда, и всякому злу было бы дано тогда одобреніе... Власть дозволяющая себѣ испытывать седца, угадывать тайныя ихъ движенія *и подозрѣвать, по волѣ своей, намѣренія*, никогда человѣческихъ дѣлъ не можетъ судить справедливо, ибо можетъ быть всегда обманута, и обману можетъ быть сама причиною. *Предубѣжденіе и мысль, покорная подозрѣнію, могутъ всему дать ложный видъ*».

Преслѣдуя доносы, какъ основаніе юридическихъ показаній, и руководствуясь въ своихъ соображеніяхъ о преступленіи прежде всего его мотивами, Мордвиновъ оставался

вѣренъ этому принципу во всѣхъ процессахъ. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ его защита по дѣлу «объ оскорбленіи величества» [1]).

Дѣло это возникло въ лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и происходило такъ. Между четырьмя татарами шелъ разговоръ о промѣнѣ серебрянаго рубля на мѣдныя деньги, причемъ одинъ изъ нихъ, именно Зябиръ Зяляевъ, въ горячемъ спорѣ, выразился, что серебряный рубль ходитъ въ обращеніи 4 рубля, а въ промѣнѣ берется напрасно лажу 40 копѣекъ, потомъ коснулся вообще отношенія серебряныхъ и бумажныхъ денегъ, и въ пылу гнѣва, какъ показывалъ доноситель, Вахтеръ Абдурахмановъ, произнесъ будто бы ругательства противъ государя. Двое изъ указанныхъ имъ свидѣтелей подтвердили доносъ, третій же, подтверждая ихъ взаимную ссору, отрицалъ главный пунктъ доноса. Самъ подсудимый сознался только въ своемъ сужденіи о качествѣ денегъ, высказанномъ имъ по поводу отказа ему въ размѣнѣ серебрянаго рубля. Лаишевскій уѣздный судъ не рѣшился сдѣлать приговора объ оскорбленіи величества, а потому призналъ за наказаніе восьмидневное тюремное заключеніе подсудимаго, съ присоединеніемъ внушенія—остерегаться впередъ дѣлать «такія неприличныя сужденія». Но казанская уголовная палата, а за нею и сенатъ, признавая подсудимаго достаточно изобличеннымъ двумя свидѣтелями въ показанномъ на него преступленіи, на основаніи указа 1754 года 27 сентября, постановили: «наказать Зяляева, на мѣстѣ преступленія, въ страхъ другимъ, кнутомъ 20 ударами, и, поставивъ знаки, сослать на вѣчную работу въ Екатеринбургъ, на золотые рудники». Этотъ приговоръ былъ утвержденъ департаментомъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта. Но, въ общемъ собраніи совѣта, онъ встрѣтилъ возраженіе со стороны Мордвинова.

[1]) Чтенія Моск. общ. исторіи, 1859, II, смѣсь, 6—7, и 1871, II, 22—25.

Въ мнѣніи своемъ, поданномъ въ совѣтъ 13 декабря 1820 года, Мордвиновъ говоритъ слѣдующее: «Обвиняемый отвергъ сдѣланное противъ него объявленіе и не изъявилъ предъ судомъ ни малѣйшаго признанія въ истинѣ сдѣланнаго на него доноса. Изъ трехъ присутствовавшихъ свидѣтелей, двое обвиняютъ, третій оправдываетъ его. Но оправдывающій, въ началахъ уголовнаго устава, принимается всегда за вѣрнѣйшаго свидѣтеля, ибо *свидѣтельство о невинности должно быть всегда болѣе уважаемо, нежели свидѣтельство о преступленіи*. Но въ произнесенномъ надъ подсудимымъ приговорѣ уважено одно только объясненіе доносителей, никакими обстоятельствами недоказанное, а свидѣтельствующій о невинности его отчужденъ отъ умѣренія наказанія. Самое же обвиненіе заключается въ произнесенныхъ словахъ, которыя слышали двое, а третій, съ ними бывшій, не слышалъ; и за слова подсудимый приговаривается къ кнуту и каторгѣ, наимучительнѣйшему наказанію, какое законы только на злѣйшихъ преступниковъ налагаютъ.

«Четыре татарина, вѣроятно едва знающіе говорить по русски, и менѣе того разумѣющіе силу словъ и приличное соединеніе ихъ, спорятъ о цѣнѣ рубля серебрянаго и бумажнаго, и отъ спора о денежномъ промѣнѣ возникаетъ дѣло высочайшаго оскорбленія. *Самая причина, возбудившая споръ, доказываетъ уже, что въ разговорѣ ихъ не могло существовать ничего злоумышленнаго, ничего злонамѣреннаго, за что только и могутъ законы справедливо наказывать*.

«Если дозволительно провидѣть умственно, кто между обвиняемымъ и доносителями, изъ этихъ трехъ злѣйшій и болѣе опасный, то, вѣроятно, безъ ошибки признать можно таковыми двухъ доносителей, ибо *самый доносъ*, подвергающій мучительнѣйшему наказанію ближняго своего, произнесшаго неосторожно слова или что могло быть услышано худо, доказываетъ въ сердцахъ ихъ *ожесточеніе, пога-*

шеніе послѣдней искры любви, и могло быть дѣйствіе злобы и мщенія, страстей, нерѣдко причастныхъ лжи и клеветѣ. Въ настоящемъ же случаѣ доносители воспалены были гнѣвомъ, споря о промѣнѣ денегъ, а такіе споры производятъ всегда вражду. Но, во всякомъ случаѣ, произнесенное слово можетъ быть преступнымъ, можетъ быть и невиннымъ. Истинный смыслъ каждаго слова зависитъ отъ того, какъ оно въ рѣчи помѣщено бываетъ, и гдѣ стоитъ запятая. Самое даже произношеніе даетъ словамъ различное значеніе: злобный доносчикъ можетъ самое невинное слово обратить въ уголовное преступленіе и подвергнуть невиннаго мученію.

«Если слова будутъ наказываемы наравнѣ съ дѣлами; если безъ ясныхъ доказательствъ два свидѣтеля изустно обвиняющіе достаточны будутъ для обвиненія въ оскорбленіи величества, то кто въ низшемъ и высшемъ состояніи, съ превосходнѣйшими достоинствами и испытанною вѣрностью, безъ опасенія можетъ почесть себя невиннымъ. И какъ скоро можетъ возобновиться страшный голосъ «слова и дѣла», бывъ произносимый въ удовлетвореніе злобы и мщенія, нынѣ счастливо обузданныхъ и за обузданіе которыхъ русскій народъ благословляетъ августѣйшаго виновника мирной и безбоязненной жизни. Милосердный и мудрый государь, при первыхъ дняхъ своего царствованія, презрѣлъ хульныя слова и обратилъ наказаніе на одни преступныя дѣянія. Его императорское величество вступилъ на престолъ, какъ отецъ своего народа, и уничтожилъ тайный судъ, тайный розыскъ и пытки за произносимую безъ злонамѣренія хулу.

«Внимая этой священной волѣ нашего государя, я нахожу, что обвиняемый не можетъ заслуживать мучительнаго наказанія; и какъ онъ былъ преданъ суду по высшему въ законахъ уголовныхъ преступленію, то *страданія его* передъ судомъ и въ тюремномъ содержаніи были велики, и, вѣроятно, искупили уже его словесное прегрѣшеніе, *если онъ и сдѣлалъ его*. Поэтому, не приступая ни къ какому рѣше-

нію, мнѣніемъ своимъ полагаю, предоставить судьбу подсудимаго волѣ его императорскаго величества» [1]).

Съ мнѣніемъ Мордвинова согласились всего пять членовъ, а пять другихъ остались при заключеніи сената, принятомъ департаментомъ гражданскихъ дѣлъ. Высочайшая резолюція состояла въ слѣдующемъ: «Согласенъ съ мнѣніемъ адмирала Мордвинова и присоединившихся къ нему пяти членовъ» (Царское Село, 16 ноября 1821 года). 22 февраля 1822 года это рѣшеніе было сообщено казанскому губернскому правленію и палатѣ уголовнаго суда.

Обращаемся къ другимъ вопросамъ, рѣшеннымъ въ это время при участіи Мордвинова. Въ началѣ 1821 года возникъ важный вопросъ—объ отношеніи государства къ частной собственности. Онъ былъ возбужденъ по поводу представленія Бетанкура (главнаго директора путей сообщенія) о необходимости распоряженія для оцѣнки и отобранія въ казну мельницы, которая по его мнѣнію, необходима была для казны, но за эту мельницу владѣлецъ требовалъ слишкомъ высокую плату. Самое же представленіе Бетанкура основывалось на предписаніи комитету министровъ общаго правила: «пользу государственную предпочитать частной». Между тѣмъ, за нѣсколько времени до того, тотъ же Бетанкуръ и по той же причинѣ отобралъ уже у одного купца часть земли, за которую было уплачено 5.000 рублей, а теперь купецъ прислалъ просьбу о возвращеніи ему отобранной земли, за которую онъ готовъ былъ внести 20.000 рублей [2]). Вслѣдствіе этого возникъ вопросъ о составленіи общихъ правилъ,

---

[1]) Такъ оканчивается мнѣніе Мордвинова, напечатанное въ Чтен. Моск. общ. ист., 1859, кн. II, и въ Собраніи мнѣній Н. С. Мордвинова; въ указѣ же, напечатанномъ въ Чтен. Моск. общ. ист., 1871, II, сказано: «Почему и полагаетъ означенный членъ утвердить заключеніе о подсудимомъ уѣзднаго суда».

[2]) «Сдѣлавшись главнымъ директоромъ путей сообщенія, говоритъ Вигель, мой Бетанкуръ слишкомъ зазнался. Онъ не видѣлъ границъ ни довѣренности къ нему царя, ни покорности первыхъ лицъ въ государствѣ сему послѣднему, и почиталъ все себѣ дозволеннымъ...

на какомъ основаніи и въ какихъ случаяхъ правительство имѣетъ право касаться частной собственности.

При обсужденіи настоящаго вопроса въ департаментѣ законовъ, Шишковъ представилъ особое мнѣніе, въ которомъ онъ выходитъ изъ того положенія, что гражданское спокойствіе возможно только при уваженіи частныхъ лицъ къ правамъ верховной власти и покровительствѣ послѣдней частной собственности. Поэтому онъ находилъ, что составленіе общихъ правилъ можетъ повести только къ произволу. Въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, пришлось бы положить въ основаніе правилъ, при отобраніи частной собственности въ казну,—оцѣнку, произведенную лицами, назначенными казеннымъ вѣдомствомъ, которыя не всегда могутъ соразмѣрять свои взгляды съ побужденіями владѣльца, желающаго сохранить за собою, почему бы то ни было, именно ту, а не другую собственность. Выходя изъ этого взгляда, онъ полагалъ, что гораздо справедливѣе будетъ оградить права частныхъ лицъ неприкосновенностью со стороны казны, которая можетъ прибѣгать къ пріобрѣтенію частной собственности только въ крайнихъ случаяхъ, которые всегда могутъ быть разъяснены верховною властью. «Основываясь на этихъ сужденіяхъ, говоритъ Шишковъ, я не могу согласиться на предложеніе: «составить правила, по которымъ бы можно было отбирать у владѣльцевъ ихъ собственность; ибо почитаю, что правила эти принесутъ болѣе вреда, нежели пользы» (10 мая 1821 года). Въ комитетѣ министровъ это

Россія казалась ему неисчерпаемымъ кладеземъ, и оттого предпріятіямъ его, скажемъ лучше, его строптивымъ затѣямъ не было конца; на все требовалъ онъ милліоны, и гнѣвался на министра финансовъ, который не умѣлъ находить ихъ... Управленіе его шло самымъ безпутнымъ образомъ, и число непріятелей Бетанкура, имъ оскорбленныхъ, въ высшемъ правительственномъ кругу, съ каждымъ днемъ возрастало». Воспоминанія Вигеля, VI, 41.—Говорятъ, что строительное вѣдомство при Бетанкурѣ и морское въ управленіе маркиза де-Траверсе вели всю переписку обыкновенно на двухъ языкахъ: французскомъ и русскомъ. Русскій Архивъ, 1867, стр. 114.

мнѣніе поддерживалъ одинъ министръ юстиціи, Лобановъ[1]), но въ государственномъ совѣтѣ въ защиту частной собственности высказался и Н. С. Мордвиновъ (въ маѣ же 1821 года), основываясь впрочемъ на другихъ соображеніяхъ.

«Древніе, писалъ онъ, вопрошали оракуловъ, когда потребны имъ были наставленія для удачнаго начинанія великихъ подвиговъ, разрѣшенія сомнѣній въ гаданіяхъ о будущемъ и вдохновенія премудрости въ изложеніи законовъ. Тогда жрецы вступали въ сокровенныя и мрачныя пещеры храмовъ, становились на священные треножники, и съ нихъ провозглашали отвѣты боговъ поклонникамъ, умиленно на землѣ поверженнымъ. Это было въ древнія времена. Нынѣ мы, для откровенія и предложенія новыхъ законовъ, обращаемся къ коммиссіи составленія законовъ.

«Но возможно ли присвоивать ей то противное вѣдѣніе, тотъ духъ святыни, которые въ древнія времена приписывали оракуламъ, когда извѣстно, что и отъ нихъ молившіе и вопрошавшіе отходили съ малымъ просвѣщеніемъ и часто съ великимъ обманомъ? По опытамъ, которые мы уже имѣли, я мыслю, что благоразумнѣе будетъ сочиненіе правилъ для отобранія частной собственности въ пользу общественной предоставить другимъ временамъ, и нынѣ умы человѣческіе взираютъ на частную собственность, какъ на единое право, отъ нихъ неотъемлемое, нераздѣльно отъ правъ, уступленныхъ при переходѣ изъ свободнаго, дикаго, въ зависимое, гражданское состояніе... Правительства нынѣшнихъ временъ болѣе или менѣе преклоняются къ самодержавному. При такомъ ихъ расположеніи, заботливость о сохраненіи въ цѣлости частной пользы должна быть кореннымъ для нихъ правиломъ; ибо, съ пренебреженіемъ его, народы легко могутъ возвратиться въ первобытное состояніе, гдѣ все было бы общее, гдѣ свобода была бы безпредѣльна, гдѣ всѣ были

[1]) Записки Шишкова, II, 135.

равны и гдѣ собственность была невѣдома... Право частнаго обладанія и право верховной надъ всѣми власти—суть неразлучны.

«*Законъ прикосновенія къ частной собственности*, для обращенія ея въ общественную, *могъ существовать въ вольныхъ правительствахъ;* тамъ, гдѣ, въ низмѣнныхъ хартіяхъ, личныя права были опредѣлены, гдѣ законы, а не воля одного, или нѣсколькихъ, управляли, гдѣ всякое насиліе было воздержано и гдѣ святость правъ ограждена была силою многихъ и соединенныхъ во взаимномъ согласіи властей.

«Тамъ не было письменныхъ правилъ, означающихъ родъ и мѣру пожертвованій, *но всякій добровольно уступалъ* въ общественную пользу, ибо каждый былъ соучастникъ въ общемъ, и во власти былъ равный всѣмъ. Самодержавной же власти нѣтъ законовъ и правилъ, писанныхъ на тлѣнныхъ хартіяхъ и волею ея сокрушаемыхъ, но суть нетлѣнныя—тѣ, которыя пишутъ на сердцѣ благочестіе, правота и любовь: ими она священна, ими и тверда. Слѣдуя этой власти, дѣйствія ея будутъ всегда благотворны».

По этимъ соображеніямъ Мордвиновъ согласился съ мнѣніемъ Шишкова, признавая, что составленіе правилъ объ отобраніи частной собственности въ казну не только принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, но также, вмѣсто смягченія, разовьетъ самовластіе, и, вмѣсто огражденія, усилитъ притѣсненія частныхъ лицъ [1]).

Съ мнѣніемъ Шишкова и Мордвинова согласился государь; но уже въ 1822 году, при чтеніи въ государственномъ совѣтѣ проекта закона, полагалось правила объ отобраніи частной собственности ввести въ законъ, а потому Шишковъ подалъ другое мнѣніе, представляющее собственно повтореніе тѣхъ же мыслей [2]).

---

[1]) Чтен. Моск. общ. исторіи, 1858, IV, 137—138, и Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V.

[2]) Записки Шишкова, II, 138—140.

Въ томъ же смыслѣ высказался Мордвиновъ въ защиту частной собственности, когда потомъ былъ поднятъ вопросъ о введеніи закона, подвергающаго секвестру и публичной продажѣ имѣнія, которыя дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе [1]), о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, по всѣмъ вопросамъ о частной собственности, Мордвиновъ преслѣдовалъ одну мысль—ея неприкосновенность со стороны казны, несмотря даже на справедливыя иногда притязанія послѣдней, именно во избѣжаніе большихъ золъ, вслѣдствіе невозможности положить точный предѣлъ самому вмѣшательству; безъ чего, по его мнѣнію, мѣсто закона заступилъ бы произволъ. Такимъ же защитникомъ частныхъ интересовъ является Мордвиновъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ интересахъ казны, давали тотъ или другой видъ государственной росписи, не приступая къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, каковы возбужденіе народной дѣятельности и освобожденіе страны отъ излишнихъ тягостей. Руководствуясь этими мотивами, Мордвиновъ, несмотря на то, что онъ не состоялъ въ настоящее время въ департаментѣ экономіи, выступилъ противъ министра финансовъ, по поводу представленной имъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта росписи о доходахъ и расходахъ на 1821 годъ [2]).

Въ своемъ мнѣніи Мордвиновъ разсматриваетъ государственную роспись въ связи съ тѣми вопросами, которые должны быть положены въ основаніе при ея составленіи, и начинаетъ съ «видовъ, въ которыхъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ должна быть разсматриваема».

«Роспись доходовъ и расходовъ государственныхъ, говоритъ онъ, представляя состояніе народа, въ отношеніи обладаемыхъ имъ богатствъ, установляетъ мѣру повинностей.

---

[1]) Чтен. М. общ. ист., 1859, IV, 97—100.

[2]) Мнѣніе объ этомъ, отъ 22 февраля 1821 года, въ Чтен. М. общ. ист., 1859, I, смѣсь, 1—8, и въ Собраніи мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V.

налагаемыхъ на каждаго отдѣленіемъ части изъ стяжаній его въ составъ общественнаго сокровища, которое и долженствуетъ оное направлять на удовлетвореніе *однѣхъ существенныхъ нуждъ* государства, соблюдая притомъ всю правильность въ раздѣленіи доходовъ. Часть, назначаемая изъ стяжаній каждаго, тогда бываетъ умѣренною и справедливою, когда ни у кого не отъемлетъ необходимо потребнаго для собственнаго его благосостоянія, для чего первѣйшимъ предметомъ, при установленіи мѣры повинностей, должно быть предохраненіе, чтобы *частныя хозяйства и капиталы* не могли потерпѣть какого-либо разстройства, а тѣмъ болѣе истощенія. Правило это великой важности, какъ потому, что отъ состоянія частныхъ хозяйствъ и капиталовъ зависитъ и состояніе источниковъ, обогащающихъ общественное сокровище, такъ въ особенности, при настоящемъ времени, когда необыкновенное усматривается между европейскими народами соревнованіе въ стяжаніи другъ передъ другомъ преобладающей силы, надежно обрѣтаемой въ изобиліи денежныхъ запасовъ. При такой дѣятельности европейскихъ народовъ, необходимо нужно, для удержанія себя въ *равновѣсіи съ ними*, пещись не только о сохраненіи капиталовъ въ цѣлости, но и о постепенномъ ихъ приращеніи. Отъ нихъ существенно зависитъ возвышеніе и умноженіе внутреннихъ преимуществъ и способовъ, а внѣ предѣловъ государства—политической власти первенства.

«Затѣмъ, распредѣленіе доходовъ на потребности государственныя тогда можетъ почесться правильнымъ и соотвѣтственнымъ дѣйствительной цѣли, когда, при назначеніи всякаго расхода, *тщательно измѣряются пользы*, имѣющія оттого послѣдовать. Въ сихъ видахъ вездѣ принимается роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, почему и составляетъ она первый финансовый законъ.

«Разсмотрѣніе закона, обнимающаго всѣ сословія народа и непосредственно дѣйствующаго на благосостояніе каждаго и всѣхъ вообще, подвержено вездѣ продолжительному вниманію, ибо вѣрность и правильность росписи зависитъ отъ глу-

бокихъ и безошибочныхъ соображенiй, отъ точности опредѣленiя, что трудами *каждаго сословiя* производится, *отъ способовъ* къ стяжанiю, предоставленныхъ каждому, *отъ изобилiя*, присвоеннаго источникамъ самою природою, *отъ степени просвѣщенiя*, отъ числа и сложности капиталовъ, и отъ мѣры отверстiя дѣятельности *путемъ свободы*. Настоящее мирное положенiе Россiи дозволяетъ и обязываетъ неукоснительно обратить вниманiе на весь ходъ финансовыхъ дѣлъ, на всѣ статьи доходовъ и расходовъ государственныхъ, и каждую изъ нихъ, приведя въ ту соразмѣрность, которая бы согласна была съ естественнымъ, гражданскимъ и политическимъ состоянiемъ государства, отъ всего тѣла и отъ частей его устранить препятствiя, воспрещающiя ходу, и дать ему успѣшное и быстрое теченiе къ достиженiю высшей степени своего благосостоянiя, укрѣпляя и направляя естественныя и нравственныя силы ихъ доброты и достоинства».

Послѣ этого общаго вступленiя, Мордвиновъ переходитъ къ частнымъ сторонамъ государственнаго бюджета, но останавливается собственно на одной статьѣ, посвященной *министерству юстицiи*, находя ее *самою неправильнѣйшею*. «Краткое время, говоритъ онъ, предоставленное отъ одного засѣданiя до другаго, не дозволяетъ войти въ подробное разсмотрѣнiе росписи. Едва достаточно оно для поверхностнаго разсужденiя и по одной изъ содержимыхъ статей. На этотъ разъ я избираю ту, которая болѣе другихъ всегда меня поражала.

«Въ представленной отъ министра финансовъ на разсмотрѣнiе государственнаго совѣта росписи доходовъ и расходовъ наступившаго 1821 года, *назначено всего съ небольшимъ 5 милл. рублей на все министерство юстицiи*, на всѣ подвѣдомственные ему департаменты и суды, высшiе и низшiе, коихъ число многое и служенiе важное, бдѣнiю которыхъ предоставлено охраненiе частныхъ и общественныхъ правъ и власть которыхъ обнимаетъ собственность, честь, спокойствiе,

жизнь и всю правду Русской земли—царства наипространнѣйшаго въ мірѣ.

«Въ Европѣ нѣтъ государства самаго малаго, едва могущаго равняться съ одною изъ областей Россіи, которое бы свыше того не оцѣняло *правосудія своего*. Въ Россійской имперіи доходы государственные простираются до 450 милл. рублей; изъ нихъ на содержаніе всѣхъ мѣстъ правосудія и расправы удѣляется съ небольшимъ *одна сотая часть*,—часть малая, но долженствующая дѣлима быть между множествомъ лицъ, и это множество удовлетворять необходимымъ потребностямъ въ содержаніи.

«Признано, что большая половина чиновниковъ суда и расправы получаютъ казеннымъ жалованьемъ меньше, нежели простой работникъ получаетъ отъ своего труда. А какъ несоразмѣрность наградъ за трудъ уничтожаетъ и право на требованіе вѣрности, то правительство, не пекущееся о внутреннемъ довольствѣ чиновника, приставленнаго къ суднымъ дѣламъ, и служителю такой части государственнаго состава, которую почесть должно изъ первыхъ, не дающее достаточныхъ способовъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ человѣка, для выполненія первыхъ обязанностей отца семейства, не можетъ ожидать отъ него, чтобы, исшедъ изъ дома глада и нищеты, съ душею скорбною и негодованіемъ на испытуемую самимъ имъ несправедливость, возсѣлъ онъ на мѣсто свое съ духомъ бодрымъ, и держалъ бы *вѣсы правосудія* рукою твердою и недрожащею.

«Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство, но можно ли почитать его тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, *и можетъ ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ должно быть оправдано и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи?* Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ и всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья—

недостаточны къ доставленію ихъ; слѣдовательно, *что невозможно, того и ожидать не должно.*

«Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей его, то правда не возсядетъ на судѣ; ибо *правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ.* Она не совмѣстна съ нищетою, первое дѣйствіе которой—охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей.

«Производившееся доселѣ у насъ приставникамъ суда и расправы скудное жалованье доказываетъ или недостатокъ въ государственныхъ доходахъ, или неправильное раздѣленіе ихъ. При всемъ быстромъ и великомъ приращеніи государственныхъ доходовъ, отъ 110 милліоновъ (въ 1810 году) до 450 милліоновъ рублей, министръ финансовъ и на нынѣшній годъ показываетъ недостатокъ въ доходахъ».

Мордвиновъ съ порицаніемъ относится къ существовавшей тогда системѣ увеличенія государственныхъ доходовъ.

«Доколѣ, говоритъ онъ, доходы государственные отыскиваемы будутъ то въ пораженіи капиталовъ, то въ ослабленіи правъ собственности, то въ прикосновеніи къ тощимъ доходамъ сельскаго хозяйства, умаляя то, что еще мало, доходы государственные на будущія времена надежно и безвредно возрастать не могутъ». И затѣмъ онъ предлагаетъ свои «способы» обогащенія государственнаго казначейства. По его мнѣнію, только «*способы, обогащающіе народъ, суть единые вѣрные къ увеличенію доходовъ государственныхъ*».

«Я принимаю смѣлость, говоритъ онъ, привести на видъ нѣсколько изъ тѣхъ источниковъ, которые, обогащая народъ, обогатили бы вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное казначейство. Они могутъ быть:

«Въ возстановленіи святости словъ закона: «контрактъ есть святъ и ненарушимъ», и въ пріобщеніи казенныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ въ число полезныхъ служителей государства, вѣрность служенія которыхъ зависитъ отъ самаго правительства, если правильно съ ними поступать будутъ.

«Въ допущеніи свободнаго заведенія частныхъ банковъ, безъ коихъ финансы нигдѣ не процвѣтали, и наши, со всѣми усиліями и противоборствомъ, не въ состояніи управить всѣмъ народнымъ сокровищемъ ни успѣшно, ни полезно: присвоивая себѣ то, что природа отказала и что предоставила она непосредственно дѣйствію одной частной пользы.

«Въ присвоеніи собственному своему рукодѣлію выгодъ, уступленныхъ чужеземному.

«Въ уничтоженіи личныхъ повинностей.

«Въ отклоненіи всего, что можетъ ущерблять капиталы.

«Въ распространеніи торговыхъ и промышленныхъ правъ на всѣхъ лицъ, безъ различія гильдейскихъ раздѣленій.

«Въ учрежденіи третейскаго суда между казною и частными людьми, входящими съ нею въ обязательства.

«Въ возстановленіи древняго закона по дѣламъ суднымъ между казеннымъ имуществомъ и имуществомъ частныхъ людей, апелляціоннымъ производствомъ ихъ, и прочее.

«Отъ этихъ источниковъ хотя и невозможно опредѣлить мѣру стяжанія доходовъ для государственнаго казначейства, но многіе милліоны или сбережены будутъ, или въ непродолжительное время могутъ быть пріумножены. Достовѣрно то, что богатство народное, возрастая отъ благотворнаго дѣйствія означенныхъ здѣсь мѣръ, возраститъ и государственные доходы.

«Но два источника представляютъ возможность непремѣннаго и значительнаго приращенія въ доходахъ.

«*Первый* заключается во *введеніи срочнаго служенія въ войскахъ*, проектъ котораго въ 1811 году принятъ былъ съ уваженіемъ и былъ одобренъ комитетомъ гг. предсѣдателей государственнаго совѣта, но не вошелъ въ дѣйствіе, какъ думать должно, по причинѣ наступившихъ тогда вскорѣ важныхъ обстоятельствъ. Въ томъ проектѣ доказательно изложены были полезнѣйшія послѣдствія отъ уничтоженія безсрочнаго служенія солдатъ, съ отмѣною нынѣ существующаго набора рекрутъ, какъ зла, допущеннаго только по одной

необходимости, и хотя замедляемаго отмѣною, но признаваемаго не иначе, какъ отдѣленіемъ многочисленной части народа, по лѣтамъ, красотѣ и крѣпости тѣлесныхъ силъ, составляющей изящнѣйшій цвѣтъ государства, той части, которая едва составляетъ $3^1/_2$ милліона душъ. За отмѣну нынѣшняго рекрутства съ радостью всѣ ревизскія души заплатятъ по 3 р., что составитъ около 63 милліоновъ рублей; ибо отдача рекрутъ обходится не менѣе 5 рублей съ каждой, не говоря уже о сопряженной вѣчной потерѣ сына, брата, а нерѣдко даже и отца семейства, и остановкѣ сельской внутренней промышленности во все продолженіе рекрутскаго набора [1]).

«Затѣмъ, пока наступитъ то благопріятное для Россіи время, что можно будетъ нынѣ содержимое число войскъ уменьшить до такой мѣры, какую народонаселеніе безъ отягощенія и ущерба выносить можетъ, то *вторымъ* источникомъ, предполагающимъ значительное сбереженіе въ расходахъ, послужить можетъ учрежденіе въ полкахъ *постоянныхъ отпусковъ* въ мирное время *половиннаго числа солдатъ* на цѣлый годъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, чтобы тѣмъ не было сберегаемо болѣе 60 милліоновъ рублей ежегодно.

Но мысль Мордвинова о военной реформѣ и настоятельной необходимости сокращенія войскъ была въ то время неисполнима. Вотъ что разсказываетъ о послѣднемъ предложеніи А. П. Ермоловъ, сдѣлавшій его именно въ 1821 году, по возвращеніи государя изъ Тропау. «Почтенный Ѳ. П. Уваровъ совѣтовалъ Ермолову представить государю необходимость уменьшенія состава нашей арміи, требовавшей огромныхъ издержекъ. Государь, любившій употреблять слова: prépondérance politique, прогналъ отъ себя графа Петра Александровича Толстаго, который рѣшился ему о томъ говорить.

[1]) Подъ названіемъ срочной службы, какъ полагаетъ г. Богдановичъ, Мордвиновъ разумѣлъ введеніе воинской повинности на краткій срокъ. Исторія царств. Александра т. I, VI, 197. Изъ предыдущихъ же мнѣній Мордвинова мы видѣли, въ чемъ должны были состоять главныя положенія о кратносрочной службѣ.

Вслѣдствіе настоятельныхъ совѣтовъ Уварова, говорившаго ему: «хотя государь и не принялъ представленій графа Толстаго, однако онъ тебя всегда выслушаетъ», Ермоловъ навелъ незамѣтно разговоръ на этотъ предметъ, но государь возразилъ на это: «Я съ тобой вполнѣ согласенъ, что надлежитъ уменьшить число войскъ; но ты, вѣроятно, не посовѣтуешь мнѣ сдѣлать это теперь, когда умы еще не совсѣмъ успокоились и армія намъ нужна pour soutenir notre prépondérance politique» [1]).

Послѣ представленныхъ выше «источниковъ значительнаго приращенія государственныхъ доходовъ», Мордвиновъ дѣлаетъ заключеніе, что «совокупностью предложенныхъ мѣръ не только значительно обогатится государственное казначейство, но и избытокъ его можетъ быть обращенъ на все, что полезно государству, и не только вознаградится недостатокъ и возстановится правосудіе въ Россіи, но потечетъ Волга черезъ Донъ въ Средиземное море и совершатся постепенно другія высокія намѣренія и предположенія Петра Великаго, Екатерины II и императора Александра I».

Но пока «Россія далеко еще отстоитъ отъ той высшей степени, на которую сама природа ей указываетъ и безъ достиженія которой благоденствіе многочисленныхъ народовъ ея не можетъ быть сочтено совершеннымъ». Земля богата и по способности къ плодородію, и по сокровищамъ, хранящимся въ ея нѣдрахъ, но они остаются не испытанными; непроходимыя болота и безплодныя степи еще покрываютъ ея поверхность; огромныя рѣки мало служатъ торговлѣ, а эта послѣдняя подавляется заграничною промышленностью. «*Рукодѣліе* вездѣ еще въ младенческомъ состояніи,

[1]) Разсказы Ермолова въ Чтен. Моск. общ. ист.,1863, IV, 231—232. «Разводы, парады и военные смотры были въ это время единственными занятіями; государь заботился тогда о военныхъ поселеніяхъ и устройствѣ большихъ дорогъ по всей Россіи». Записки Якушкина, стр. 15. О преимущественномъ развитіи военной части, почти тѣми же словами говоритъ гр. Кочубей въ письмѣ къ Сперанскому, отъ 22 апрѣля 1819 года. См. «Въ память графа Сперанскаго».

ремеслами и художествами занимается только малая часть народа, желающаго трудиться, но лишеннаго полезныхъ для себя и для общества упражненій. *Науки* не обогатили еще *всѣхъ сословій народа* тѣми знаніями, которыя относятся къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и торговлѣ, и даютъ совершенство произведеніямъ человѣческихъ рукъ; *въ городахъ обитаетъ скудость и скука;* собственность въ зданіяхъ не обезпечена, притѣснена казенными постоями, а страждущая часть жителей въ тюрьмахъ, и одержимые болѣзнями не призрѣны въ той мѣрѣ, *какой бы человѣколюбіе требовало. Сообщенія* на сушѣ и на водахъ еще изрѣдка устроены, мѣстами трудны и медленны, мѣстами преграждены и невозможны. Русскій народъ, способный ко всему, ревнующій отличиться во всѣхъ родахъ издѣлій, преодолѣваетъ многое, но многаго преодолѣть не можетъ безъ пособія отъ правительства, отъ твердой и рѣшительной воли котораго зависитъ устраненіе всѣхъ препятствій къ успѣшному дѣйствію.

«Этотъ быстрый и поверхностный взглядъ, это слабое начертаніе неурядицъ, покрывающихъ пространное лицо Россіи, достаточны уже къ воспламененію желанія и усилій для преобразованія ихъ—и предсказываютъ великіе и полезные подвиги, *которые должны нѣкогда совершиться* и прославить виновниковъ благотворенія, о скорѣйшемъ совершеніи которыхъ наиболѣе должны радѣть ближайшіе совѣтники, составляющіе верховную думу великаго нашего государя»,—т. е. члены государственнаго совѣта [1]).

---

[1]) Не задолго до этого (1820), по поводу предполагавшагося внѣшняго государственнаго займа (заемъ 40 мил. рублей сер. былъ сдѣланъ въ Голландіи), Мордвиновъ представилъ мнѣніе, въ которомъ излагаетъ «правила, на коихъ занимаемыя деньги могли бы съ пользою быть употреблены» (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI). Образованіе спеціальныхъ капиталовъ для полезныхъ предпріятій составляло его любимую мысль въ подобныхъ проектахъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ предлагалъ сдѣлать заемъ въ Англіи 800 мил. руб., изъ которыхъ 400 мил. употребить на истребленіе ассигнацій, съ цѣлью улучшенія денежнаго курса; затѣмъ 240 мил. отдѣлить на

Мнѣніе это, замѣчательное по многимъ вопросамъ, затронутымъ въ немъ, еще болѣе заслуживаетъ вниманія по своему заключенію, изъ котораго видно, какъ понималъ Мордвиновъ свои обязанности, будучи членомъ государственнаго совѣта.

«Я представляю мои разсужденія, говоритъ онъ тамъ, не въ видѣ опорочиванія росписи доходовъ и расходовъ на текущій уже годъ, но только какъ нѣкоторый опытъ разсмотрѣнія, и соглашаюсь на утвержденіе ея, *кромѣ той статьи, которая касается до губерній, на особыхъ правахъ по винокуренію состоящихъ. Какъ не заблагоразсуждено было ни сообщить записки по этому пред-*

уплату долга, а 160 мил. распредѣлить на полезныя предпріятія и учрежденія, въ такомъ порядкѣ: трудопоощрительному банку—20 мил.; вольному экономическому обществу—2 мил.; академіи наукъ—2 мил.; министерству народнаго просвѣщенія, для распространенія народнаго образованія,—4 мил.; на тюрьмы—20 мил.; на пути сообщенія—40 мил.; на общественныя фабрики—10 мил.; на осушеніе болотъ—4 мил.; на заведеніе образцовыхъ усадебъ—4 мил.; на земледѣльческую школу—2 мил.; московскому воспитательному дому—pour la filature (на прядильный заводъ)—4 мил.; на устройство усадебъ для гвардейскихъ полковъ—4 мил.; на больницы—4 мил.; на заведеніе постоялыхъ дворовъ по городамъ—4 мил.; на петербургскую мостовую—2 мил.; для освѣщенія и согрѣванія Петербурга и Москвы (посредствомъ термолампъ)—2 мил. Всего—128 мил. Остальные 32 мил. онъ предназначалъ для ссудъ на всѣ полезныя предпріятія. Твердость принятой системы Мордвиновъ считалъ главнымъ условіемъ для исправленія финансоваго состоянія Россіи; средствами же, необходимыми въ данный моментъ, для приведенія финансовъ въ возможно лучшее состояніе, онъ признавалъ: устройство банка погашенія и частныхъ губернскихъ банковъ; уменьшеніе войскъ и введеніе отпусковъ для солдатъ; заемъ и продажу казенныхъ земель; учрежденіе третейскаго суда между казною и частными лицами; возвышеніе пошлинъ на дорогіе предметы и уравненіе повинностей.

Прибавимъ къ этому, что въ 1822 году былъ сдѣланъ новый заемъ въ Англіи (въ 43.000.000 р. с.). Количество ассигнацій съ 1817—22 годъ уменьшилось на 240 мил. рублей, и оставалось еще на 595.776.300 р.; но со вступленіемъ въ 1823 году въ должность министра финансовъ Канкрина уничтоженіе ихъ прекратилось (Богдановичъ, VI, 197—198).

мету министра финансовъ, ни дать объясненія въ чемъ именно она состояла, а объявлено было государственному совѣту, чтобъ онъ не разсуждалъ, но подписалъ предварительно изготовленный журналъ одобренія, то по этой статьѣ я не могу дать ни мнѣнія, ни согласія моего на нее. Но мыслю, что когда все, касающееся до правъ и одного частнаго лица, подвергаемо бываетъ внимательному сужденію государственнаго совѣта, то прикосновеніе къ совокупнымъ правамъ многихъ и великихъ областей, составляющихъ значительную часть имперіи, не долженствовало бы конечно быть скрыто въ тайнѣ отъ свѣдѣнія государственнаго совѣта» [1]).

Само собою понятно, какъ подобныя отношенія къ проектамъ министра и своимъ обязанностямъ должны были возбуждать противъ Мордвинова людей, не привыкшихъ къ независимости мнѣній и ничего не видѣвшихъ далѣе интересовъ партіи.

Вотъ что писалъ графъ Аракчеевъ въ императору Александру въ отвѣтъ на его письмо по поводу того же мнѣнія Мордвинова (изъ Грузина, 6 апрѣля): «О Мордвиновѣ доложу вамъ, что я съ нимъ знакомъ, *какъ и со всѣми, ему подобными*, и считаю его *пустымъ человѣкомъ*, который, *изъ личности къ министру финансовъ*, подаетъ свои мнѣнія, а выполнить ихъ самъ не въ состояніи; при первомъ удобномъ случаѣ я поговорю съ нимъ по всѣмъ вашимъ, батюшка, замѣчаніямъ, *но напередъ знаю, что добраго ничего не услышу»* [2]).

На это можно замѣтить только, что отрицательные приговоры о лицахъ, даваемые такими людьми, какъ Аракчеевъ, въ большинствѣ случаевъ должны цѣниться гораздо выше, нежели

---

[1]) Чтенія Москов. общ. исторіи, 1859, I, смѣсь, 8.

[2]) Письмо гр. Аракчеева къ импер. Александру I, въ Исторіи царств. импер. Александра I, Богдановича, т. VI; приложенія, стр. 109.

лестные отзывы самихъ доброжелателей тѣхъ же лицъ. А въ настоящемъ случаѣ иначе и быть не могло. Мордвиновъ и Аракчеевъ, какъ дѣятели разсматриваемой эпохи, представляются какъ бы двуличнымъ Янусомъ, смотрящимъ въ діаметрально-противоположныя стороны.

ГЛАВА IX.

6 іюня 1821 года Мордвиновъ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта [1]. Но это нисколько не освободило Мордвинова отъ прежнихъ столкновеній съ министромъ финансовъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ тоже время состоялъ членомъ финансоваго комитета и комитета министровъ [2]. Въ скоромъ времени, ему пришлось вступить съ нимъ въ борьбу по поводу проекта о новыхъ налогахъ, который, прежде представленія его на окончательное разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ, подвергался пересмотру въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Въ это время состояніе русскихъ финансовъ представлялось все еще далеко неудовлетворительнымъ. Однѣхъ суммъ, выданныхъ, въ разное время, въ займы изъ государственнаго казначейства, набралось болѣе 100.000.000 рублей [3], а между тѣмъ просьбы о вспомоществованіяхъ поступать

---

[1]) Даневскій, Ист. образ. госуд. совѣта; Списокъ членовъ госуд. совѣта, стр. 26.

[2]) Біографія Мордвинова въ изд. Мюнстера.

[3]) Интересное дѣло о выдачѣ 3.000.000 на поправленіе разстроеннаго состоянія князя Браницкаго въ 1805 году, см. въ Чтен. М. общ. ист., 1860, I, 89—96.

не переставали. Такъ, въ это время были выданы въ займы миллiоны рублей князю Р—кому, бывшему посланникомъ въ Вѣнѣ и на разныхъ конгрессахъ, подъ залогъ его имѣнiй. Изъ суммъ, уплаченныхъ Россiи Францiею въ видѣ военной контрибуцiи, значительная часть пошла на закупку сукна въ Англiи для гвардiи и на содержанiе войскъ въ Польшѣ. Вообще, на послѣднiй предметъ Россiя истрачивала ежегодно 17 милл. рублей [1]). При такихъ обстоятельствахъ у министра финансовъ возникла мысль о введенiи новыхъ налоговъ.

Зная Тургенева, какъ человѣка занимающагося финансовою наукою, и притомъ служащаго секретаремъ при департаментѣ государственной экономiи, Гурьевъ предложилъ ему составить проектъ новыхъ налоговъ, сообщивъ притомъ много матерьяловъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ работъ по этому вопросу, но преимущественно французскихъ, и обѣщавъ разсмотрѣть съ нимъ новый проектъ въ отдѣльной коммиссiи. Сущность проекта, составленнаго Тургеневымъ, состояла въ переложенiи подушнаго оклада на подоходный, въ привлеченiи къ этому налогу всѣхъ, имѣющихъ собственность, и въ предложенiи образованiя губернскихъ комитетовъ, для устройства новаго порядка и раскладки повинностей, сообразно съ мѣстными условiями. На этомъ основанiи онъ

---

[1]) Въ 1820 году въ приходѣ всего было 671,123,105 р. асс.; въ расходѣ—499,804,043 р., въ числѣ которыхъ по военному министерству 197,770,936 р. ассигн. Въ 1821 году въ приходѣ было 624,609,189 р.; въ расходѣ—482,319,283 р.; по военному министерству—182,339,010 р. Въ 1822 г. въ приходѣ 592,444,270 р., въ расходѣ — 456,471,199 р; по военному министерству — 185,889,354 р. Въ 1823 г. въ приходѣ 599.398,857 р., въ расходѣ 479,148.147 р.; по военному министерству 195,555,909 р. Въ 1824 г. въ приходѣ—528,060.414 р, въ расходѣ—417,026,876 р.; по военному министерству—157,235,876 р. Въ 1825 г. въ приходѣ числилось 529,714,236 р., въ расходѣ 413,459,817 р., по военному министерству—155,202,151 р. (Богдановичъ, VI, 196—199). Изъ этого перечня видна стоимость тогдашняго военнаго министерства, а это даетъ особенную цѣну тѣмъ заявленiямъ, какiя были сдѣланы въ то время, по поводу военнаго бюджета Мордвиновымъ и Ермоловымъ.

раздѣлилъ свой проектъ на двѣ части. Въ одной изъ нихъ онъ обозначилъ предметы налога, оставивъ пробѣлы на случай, если бы была удержана подушная раскладка; въ другой же части онъ представилъ новые способы раскладки повинностей. Министръ не удовлетворился такою работою, заявивъ, что онъ не понимаетъ цѣли этихъ дополненій. Онъ не исполнилъ и своего обѣщанія—разсмотрѣть проектъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ, а ограничился лишь пересмотромъ его въ кругу своихъ близкихъ. Это заставило Тургенева устраниться отъ занятій въ департаментѣ экономіи, что повредило ему потомъ въ мнѣніи министра. Между тѣмъ, министерство финансовъ выработало свой проектъ налоговъ, который и былъ представленъ въ государственный совѣтъ. «Въ основаніи, говоритъ Тургеневъ, онъ не отличался отъ того, который былъ выработанъ мною; но пошлины въ немъ были значительно возвышены; предметы, подлежащіе налогамъ, увеличены, и строгость, при взысканіи послѣднихъ, доведена до чрезвычайности; кромѣ того прибавлено было нѣсколько фискальныхъ мѣръ, внесенныхъ послѣднимъ редакторомъ. Напрасно говорить, что оставленные мною пробѣлы были заполнены безъ труда и что не было оставлено ни одного изъ дополнительныхъ вопросовъ, которые я сдѣлалъ въ своемъ проектѣ» [1]). Съ нѣкоторыми частностями министерскаго проекта мы познакомимся далѣе, а теперь обратимся къ самому ходу дѣла до представленія проекта на окончательное разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ.

«Спустя нѣкоторое время послѣ моего выхода изъ министерства финансовъ, говоритъ Тургеневъ, проектъ о налогахъ былъ представленъ въ совѣтъ. Я поспѣшилъ заявить президенту и членамъ комитета, въ которомъ онъ долженъ былъ разсматриваться, что я не могу имѣть ни отношенія къ этому дѣлу, ни вмѣшиваться въ него какимъ бы то ни было образомъ. Я представилъ имъ мотивы, которые побу-

---

[1]) Tourgueneff, La Russie, etc., I, 100—112.

дили меня оставить министерство финансовъ, и, предвидя, что проектъ министра не будетъ благосклонно принятъ комитетомъ (соединенныхъ департаментовъ) и, въ частности, президентомъ его, адмираломъ Мордвиновымъ (проектъ разсматривался въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ дѣлъ и экономіи, подъ предсѣдательствомъ Мордвинова), я объявилъ, что такъ какъ министерскій проектъ заключаетъ въ себѣ тѣ же основанія, какія были въ моемъ, то тѣмъ менѣе могу я принимать участіе въ преніяхъ лицъ, которыя намѣрены разбирать его...

«Мордвиновъ вполнѣ понялъ причину моего отказа и объявилъ, что онъ позаботится самъ составить рапортъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, посвященныхъ чтенію и довольно поверхностному разсмотрѣнію проекта, онъ былъ отвергнутъ. Комитетъ въ своемъ журналѣ, представлявшемъ мотивированное мнѣніе, былъ за полное отверженіе проекта во всѣхъ его частяхъ. Адмиралъ не могъ нападать на принципъ гербоваго налога и внесеніе его въ роспись, такъ какъ этотъ налогъ уже существовалъ; но онъ горячо напалъ на увеличеніе налоговъ, на распространеніе налога на предметы, до тѣхъ поръ изъятые отъ него, и особенно на способъ взиманія, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ ужасный характеръ. Въ своей критикѣ онъ не ограничился предѣлами одного проекта, и напалъ на всю систему финансовой администраціи, которой слѣдовалъ министръ. Его нападеніе отличалось силою и даже краснорѣчіемъ. Слушая чтеніе этого возраженія, нельзя было не удивляться столь мягкому и почтенному старцу, возставшему съ благороднымъ и сильнымъ негодованіемъ противъ неопытности министра. Другіе члены комитета пристали къ его мнѣнію. Одинъ графъ Потоцкій, находя, что адмиралъ иногда заходилъ слишкомъ далеко въ своей критикѣ, не хотѣлъ подвергнуться всѣмъ непріятностямъ, какія могли постигнуть комитетъ, и составилъ особое мнѣніе. Онъ старался смягчить разборъ финансовой системы вообще, отвергая все таки проектъ, какъ содержащій статьи,

слишкомъ усердствующія казнѣ. Это мнѣніе, написанное по французски, гр. Потоцкій просилъ меня перевесть на русскій языкъ, желая приложить его къ протоколу; но я считалъ долгомъ отказать ему въ этой маленькой услугѣ, желая оставаться совершенно чуждымъ хода настоящаго дѣла» [1]).

Обратимся къ самому мнѣнію Мордвинова, составляющему собственно докладъ соединенныхъ департаментовъ [2]).

«Соединенные департаменты, говоритъ Мордвиновъ, выслушавъ внимательно записку министра финансовъ о предположенныхъ имъ новыхъ налогахъ, а также и представленные при ней уставъ и учрежденіе для сбора этихъ налоговъ, нашли нужнымъ изложить сперва сущность предположеній министра финансовъ, а потомъ уже приступить къ подробному ихъ разбору.

«Министръ финансовъ вводитъ налогъ *наслѣдства*, начиная взимать его съ первой степени родства, и возвышаетъ пошлину на дальнѣйшія степени.

«Не допускаетъ правъ владѣнія и распоряженія наслѣдственными имѣніями, доколѣ отъ наслѣдника не будетъ министру финансовъ объявленія о количествѣ, достающагося въ наслѣдіе, имѣнія какъ движимаго, такъ и недвижимаго, и доколѣ не будетъ внесена пошлина, и только этимъ очищеніемъ законный наслѣдникъ будетъ вводимъ во владѣніе. На подачу этого объявленія и заплаты пошлины дается годовой срокъ, для раздѣла же имѣнія между наслѣдниками полагается двухгодовой срокъ.

«По духовнымъ завѣщаніямъ, положенную въ 1812 году пошлину на тѣхъ, которые не состоятъ въ прямомъ и непосредственномъ отъ завѣщателя наслѣдствѣ, министръ финансовъ распространяетъ на дѣтей, на родителей, на мужа, на жену; опредѣляетъ эту пошлину выше наслѣдственной и под-

---

[1]) Tourgueneff, La Russie, etc., I, 111—113.

[2]) Чтен. Моск. общ. исторіи, 1859, IV, смѣсь, 1—18; Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V.

вергаетъ духовныя завѣщанія тѣмъ же правиламъ для вступленія во владѣніе и тѣмъ же строгимъ взысканіямъ за несоблюденіе ихъ.

«По крѣпостнымъ актамъ находитъ пошлину, нынѣ платимую по 6%, затрудняющею обращеніе движимыхъ и недвижимыхъ капиталовъ, и уменьшаетъ ее до 4%, но притомъ возвышаетъ цѣну продаваемаго имѣнія отъ 200 р. за душу, повелѣнныхъ нынѣ въ крѣпостяхъ, платить по 500 рублей.

«Въ число простой гербовой бумаги 50 к., одного и двухъ рублей, вводитъ новую, въ три рубля цѣною; двухрублевую помѣщаетъ тамъ, гдѣ была до сихъ поръ употребляема 50-копѣечная; трехрублевую же назначаетъ вмѣсто мелкихъ канцелярскихъ сборовъ, которые отмѣняетъ, притомъ даетъ ей пространное употребленіе.

«По вексельной бумагѣ налагаетъ пошлину не только на капиталы, принадлежащіе Россіи, но и на иностранные, обращающіеся во внѣшней торговлѣ.

«Возвышаетъ пошлину на купеческія, маклерскія и нотаріальныя книги; не допускаетъ крестьянъ къ торгамъ безъ уплаты за нихъ, и не признаетъ никакія домашнія записки и счеты частныхъ людей, если не внесены они въ гербовыя книги.

«Пошлину на паспорты купцовъ и крестьянъ возвышаетъ; не дозволяетъ обоимъ этимъ состояніямъ отлучаться безъ паспортовъ отъ домовъ своихъ далѣе 30 верстъ разстоянія, а пойманныхъ безъ нихъ, или съ просроченными, велитъ отсылать въ полицію.

«Для вѣрности сбора гербовыхъ пошлинъ поощряетъ доносы наградою половины изъ штрафовъ; за всякую утайку и ошибку въ написаніи акта на бумагѣ не того рода, которая предписана, строго наказываетъ.

«Министръ финансовъ обнадеживаетъ, что предполагаемыми имъ пошлинами на гербовую бумагу, онъ возвыситъ 16 милліоновъ рублей, нынѣ получаемыхъ, до 27 милл. рублей.

«Для сбора наслѣдственныхъ, крѣпостныхъ, торговыхъ

и всѣхъ гербовыхъ пошлинъ, министръ финансовъ находитъ нужнымъ учредить 578 новыхъ правленій; представляетъ штаты чиновниковъ, и на содержаніе ихъ назначаетъ ежегодно по 1.646.050 р., кромѣ расходовъ на переѣзды ихъ для свидѣтельствованія вѣрности въ содержаніи книгъ и взиманія пошлинъ, на наемъ домовъ, отопленіе и освѣщеніе ихъ и на канцелярскіе расходы необходимыхъ.

«Министръ финансовъ объясняетъ, что вводитъ онъ новые налоги: 1) потому, что они справедливы, 2) что возвышеніемъ цѣны на существовавшія пошлины болѣе откроется въ нихъ постепенность, 3) что они порядочнѣе разчислены, 4) что они соотвѣтственнѣе важности въ употребленіи и 5) что они значительно умножаютъ казенный доходъ».

На основаніи этихъ предположеній министра финансовъ, соединенные департаменты приступили къ обсужденію какъ самаго вопроса о новыхъ налогахъ, такъ и способовъ взиманія ихъ, и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ.

I. О пошлинахъ съ наслѣдства.

«Дань государю за наслѣдіе, говоритъ Мордвиновъ въ своемъ докладѣ, первоначально была установлена *императоромъ Августомъ, въ тѣ времена самовластнаго правленія, когда римскій народъ, потерявъ свою свободу, подвергся рабству;* когда жизнь и собственность не были уважаемы; когда имперія управлялась доносчиками и наполнялись сокровища властелина. Но и въ эти тяжкія и горестныя времена, властолюбивый и стяжательный Августъ не осмѣлился посягнуть на право первой степени родства, и освободилъ отъ этого налога дѣтей, получающихъ наслѣдіе послѣ отца или матери, и обратно, а также избавилъ отъ него и всѣхъ людей бѣднаго состоянія.

«Но сколь ненавистенъ былъ этотъ налогъ и при начальномъ учрежденіи его въ Римѣ, это видно изъ похвальной

рѣчи Плинія Траяну. Онъ говоритъ: «Ясно видѣли, съ какимъ негодованіемъ граждане будутъ переносить, а можетъ быть и не перенесутъ, когда у нихъ отнимется часть того достоянія, которое они получили по праву крови, родоначалія и святыни, которое всегда почитали не чуждымъ благомъ, не на чаяніи основанномъ, но собственнымъ и долженствующимъ перейти изъ рода въ родъ. Отецъ твой, Нерва, освободилъ и всѣхъ покоренныхъ державѣ его народовъ, не получившихъ даже правъ римскаго гражданства, отъ дани, платимой за право наслѣдства въ первой степени родства. Онъ почиталъ противнымъ закону, природѣ и самымъ чувствованіямъ сердца помѣщать между именами отца и сына имя мытаря, и расторгать священнѣйшія узы родства данью, какъ бы нѣкотораго рода преградою. Но нѣтъ такой дани, для которой можно было бы дѣлать чуждыми другъ другу дѣтей и родителей. Столько благотворилъ онъ... Ты, государь, освободилъ и вторую степень родства, повелѣвъ, чтобы братъ отъ сестры, сестра отъ брата, дѣдъ и бабка отъ внуковъ, внуки отъ дѣда и бабки, получая наслѣдіе, свободны были отъ дани... Недостойнымъ казалось тебѣ, какъ я думаю, когда отъ человѣка просятъ того, что боги уже даровали».

«Такъ мыслили объ этой дани въ древнія времена.

«Сказанное древнимъ писателемъ повторено знаменитымъ въ наши времена, *по изложенію истинныхъ началъ государственнаго хозяйства, Адамомъ Смитомъ*. Онъ называетъ налогъ на наслѣдство: cruel, oppressive (жестокимъ, притѣснительнымъ), «ибо, при раздѣленіи имѣнія, каждый наслѣдникъ получаетъ менѣе, нежели когда оно было въ совокупности, и дѣти часто лишаются того, что родитель ихъ получалъ отъ пожизненнаго владѣнія, отъ наградъ за службу, лично ему дарованныхъ, отъ промысла, которымъ онъ удачно занимался... Всѣ налоги, падающіе на перемѣщеніе собственности всякаго рода, такъ какъ уменьшаютъ капиталъ той собственности, то клонятся къ уменьшенію

способовъ, употребляемыхъ на содержаніе прибыльной работы. Они болѣе или менѣе неудобны, когда составляютъ доходъ государя, который рѣдко издерживаетъ ихъ на полезныхъ работниковъ, съ ущербомъ того капитала, который въ рукахъ народа всегда обращенъ бываетъ на прибыльное производство.

«Министръ финансовъ, продолжаетъ Мордвиновъ, предлагая налогъ, опороченный народнымъ мнѣніемъ и доказательствами мудрыхъ людей, восходитъ къ временамъ феодальнымъ и подкрѣпляетъ справедливость своего предположенія тѣмъ, что иногда взимаема была пошлина съ наслѣдственныхъ имѣній. Но что было въ дикія и непросвѣщенныя времена и что дѣлаютъ нынѣ у турокъ для собиранія съ народа денегъ—не можетъ быть то вожделѣннымъ примѣромъ для вновь издаваемыхъ въ Россіи законовъ, хотя и противное тому министръ финансовъ изъясняетъ въ словахъ, что никакая другая подать не можетъ быть справедливѣе этой».

Сказавъ затѣмъ о прекращеніи взиманія этой подати при Екатеринѣ II и отмѣнѣ ея при Александрѣ I, Мордвиновъ говоритъ:

«При всей такой справедливой и благодѣтельной отмѣнѣ этой подати, министръ финансовъ предлагаетъ ея возстановленіе, но, въ изложеніи новыхъ для того правилъ, несообразность является столь великою, что о долгахъ на имѣніяхъ лежащихъ, въ уставѣ ничего не сказано, и пошлина налагается на все цѣлое, въ какомъ бы уменьшительномъ достоинствѣ оно ни досталось наслѣднику. Но въ получаемомъ имѣніи заимодавцы суть соучастники въ наслѣдіи, и часто только малая часть достается наслѣднику, родственнику. Въ Россіи же всѣ дворяне, будучи государственнымъ постановленіемъ обречены на военную или гражданскую службу и получая весьма скудное жалованье, или, слѣдуя неразсчетливо обычаю своихъ предковъ въ гостепріимствѣ,

обременяютъ достоянія свои долгами и передаютъ, по большей части, въ наслѣдство имѣнія съ великимъ ущербомъ.

«Строгая же справедливость требуетъ въ обремененіи дворянскихъ имѣній новыми податями соблюдать крайнюю осторожность и внимательность: дворянскія имѣнія платятъ уже высокую дань государю и обществу. Если доходы, получаемые помѣщиками, оцѣнить въ сложности по 30 рублей съ души, какъ это дѣйствительно и есть, и когда достовѣрно то, что крестьяне ихъ издерживаютъ на казенныя подати и на общественныя повинности не менѣе же 30 рублей съ души, а часто и болѣе, то изъ доходовъ дворянской собственности отнимается уже половина и составляетъ 50%. Но когда приложить въ разсчетъ и рекрутскіе наборы съ тою осторожностью, съ которою они производятся, причемъ нерѣдко съ великимъ трудомъ и издержками отыскивается человѣкъ и лѣтами, и ростомъ, и красотою соотвѣтствующій требованію, и когда это требованіе бываетъ повторяемо, то такую дань невозможно ограничить и 70%, кромѣ косвенныхъ налоговъ ими платимыхъ наравнѣ со всѣми состояніями.

«Министръ финансовъ не освобождаетъ отъ этого и движимаго даже имущества, полученнаго по наслѣдію, сколько бы ни было кратковременно пользованіе имъ, и требуетъ вѣрнаго объявленія всему наслѣдству; за утайку же полагаетъ строгое наказаніе, а за умедленіе въ подачѣ объявленій беретъ имѣніе въ опеку.

«Съ этимъ новымъ ущербомъ имущества, съ наказаніемъ, возлагаемымъ до сихъ поръ только за законопреступныя дѣла и поступки, и съ угрозою допросовъ, уставъ гербовыхъ пошлинъ, начертанный министерствомъ финансовъ, явится въ числѣ русскихъ кроткихъ узаконеній несовмѣстнымъ и крайне огорчительнымъ. Вводимыя имъ въ семейныя дѣла доносы возмущаютъ нѣжнѣйшія чувства человѣка. Одинъ изъ семейства или ближайшій изъ друзей можетъ только знать истинную цѣну наслѣдства и подробное ему описаніе. Возму-

щать вѣрность друзей, любовь родственниковъ, покорность подчиненныхъ—запрещаютъ священныя связи и взаимныя обязанности другъ къ другу миролюбныхъ согражданъ. Награду, обѣщанную такимъ доносчикамъ, отвергаютъ законы духовные и свѣтскіе, существенная цѣль и основаніе которыхъ есть—благость нравовъ.

«Министръ финансовъ для большаго убѣжденія въ принятіи предлагаемаго налога на наслѣдство, приводитъ въ примѣръ Пруссію и Францію. Но первая приняла этотъ налогъ, какъ пишетъ министръ финансовъ, 20 ноября 1810 года. Этотъ самый годъ свидѣтельствуетъ уже, что въ 1821 году принимать его не должно въ Россіи. Россія не находится ни у какого народа въ порабощеніи, но, можно сказать, она владычествуетъ надъ всѣми сама. Что же касается до Франціи, долголѣтно испытавшей разстройство финансовъ своихъ и вовлеченной оттого во всѣ лютости кровавой революціи, и заплатившей въ послѣднія времена побѣдителямъ дань, то эта держава ни въ какомъ отношеніи не можетъ служить образцомъ; но и во Франціи нынѣ, если налогъ на наслѣдство не отмѣненъ, то уже уменьшенъ, и это уменьшеніе, при [illegible]днительномъ еще состояніи державы, доказываетъ, что [illegible] будетъ и вовсе отложенъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ пасквилей противъ правительства, тамъ писанныхъ, горчайшіе были тѣ, которые касались пошлинъ съ наслѣдства.

«Англія, которая, можно сказать, истощила всю роспись возможныхъ налоговъ, не коснулась до наслѣдственныхъ имѣній. Она обложила податью и свѣтъ солнца, и собакъ, но знала, что всему есть мѣра и предѣлъ, и видѣла въ налогѣ на наслѣдство оскорбленіе святыни родственныхъ правъ и тѣ живыя народныя огорченія, которыя потрясаютъ и самыя твердыя правительства. Желая много, и искусная во взиманіи денегъ, она не посмѣла идти на могилу умершаго съ родственниками его и вопрошать что̀ онъ по себѣ имъ оставляетъ.

«Бываютъ времена народной опасности или чувствительнаго огорченія чести и достоинства, въ которыя правительства могли быть принужденными переступить черту умѣренности и возложить налоги, предосудительные мирнымъ временамъ, и, при долговременномъ взиманіи, въ послѣдствіяхъ пагубные, но такіе налоги никогда не были признаваемы справедливыми, ни учреждаемы постоянными и вѣчными.

«Вообще, налоги, тяжкіе или по своему количеству, или по причиняемому огорченію, должны быть облегчаемы во взиманіи ихъ; но предлагаемые нынѣ налоги министръ финансовъ вооружилъ стражею повсемѣстно, обезпечилъ доносчиками, размножилъ чиновниковъ, ему подвластныхъ, уполномочилъ ихъ не допускать къ распоряженію наслѣдствомъ, и присвоилъ своему министерству всю власть надъ частною собственностью, доколѣ она не будетъ искуплена изъ рукъ финансоваго чиновника.

«Въ начертанной министромъ финансовъ росписи наслѣдства, никто не исключается отъ уплаты устанавливаемой имъ дани; онъ не щадитъ ни сына, ни дочери, ни отца, ни матери, ни вдовы, ни вдовца, ни даже бѣдностью удрученнаго человѣка, какого бы онъ состоянія ни былъ. Всѣхъ онъ ставитъ на черту повинности и вручаетъ своимъ чиновникамъ безъ различія въ преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ.

«Достовѣрно можно сказать, что еслибы пошлина на наслѣдство была принята, то она произвела бы чувствительнѣйшее огорченіе и всеобщее негодованіе, ибо она поражаетъ и оскорбляетъ законъ, вдохновленный природою между кровными.

«По всѣмъ этимъ уваженіямъ департаменты отвергаютъ налогъ, во всѣхъ его постепенностяхъ, какъ противный мудрости и благочестію августѣйшаго нашего самодержца».

II. О пошлинѣ съ духовныхъ завѣщаній.

«Всѣ изложенныя выше разсужденія о пошлинѣ на наслѣдство, говоритъ Мордвиновъ, касаются и до пошлины,

налагаемой на духовныя завѣщанія; ибо права наслѣдственныя по дару отъ пріобрѣтателя или получаемыя по закону суть одинаковаго свойства. Но министръ финансовъ эти послѣднія отдѣляетъ отъ нихъ, и, быть можетъ, потому, что возвышаетъ на нихъ пошлину.

«Первоначальное учрежденіе въ Россіи на духовныя завѣщанія возникло въ 1812 году, въ томъ году, когда 20 народовъ, ополченныхъ на Россію, стояли на ея границѣ и когда спасеніе отечества требовало великихъ напряженій и великихъ налоговъ... Но и при всей готовности русскаго народа ко всякому пожертвованію, этотъ налогъ установленъ былъ только на тѣхъ, кто не состоитъ въ прямомъ отъ завѣщателя наслѣдствѣ. Нынѣ, въ 1821 году, министръ финансовъ находитъ справедливымъ всѣхъ вообще наслѣдниковъ, получающихъ имѣніе по завѣщанію, подвергнуть платежу крѣпостной пошлины, распространяя ее на дѣтей и родителей, на мужа и жену, и отвергаетъ то мудрое въ нашихъ законахъ различіе, которое существуетъ по родовому и по благопріобрѣтенному имѣніямъ. Различіе въ правахъ собственности по тому и другому имѣніямъ первая усмотрѣла Екатерина Великая, и оказала тѣмъ высокое дарованіе свое въ начертаніи законовъ на началахъ, измѣняемыхъ въ правдѣ и основаніи ихъ.

«Самъ министръ финансовъ духовное завѣщаніе называетъ лестнымъ правомъ, но чрезъ сугубую пошлину, имъ налагаемую, дѣлаетъ отъ лица правительства право это продажнымъ... *Но такимъ соображеніямъ, и этотъ новый налогъ на духовныя завѣщанія соединенные департаменты отвергаютъ*».

III. О пошлинахъ съ совершенія крѣпостныхъ актовъ.

«Пошлину, платимую нынѣ по 6% съ цѣны, переходящаго по крѣпостнымъ актамъ, имѣнія, министръ финансовъ уменьшаетъ на 4%.

«Такое уменьшеніе въ пошлинѣ дѣлаетъ онъ потому, говоритъ Мордвиновъ, что она затрудняетъ обращеніе движимыхъ и недвижимыхъ капиталовъ; что уменьшеніемъ пошлины движеніе ихъ сдѣлается свободнѣе и быстрѣе, будетъ способствовать оживленію разныхъ отраслей народной промышленности, равно какъ и уменьшенію недвижимыхъ имѣній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находитъ необходимо нужнымъ сдѣлать измѣненіе въ опредѣленіи цѣны, переходящихъ по крѣпостнымъ актамъ, имѣній, и узаконенную нынѣ цѣну съ 200 руб. за душу, возвышаетъ до 500 рублей.

«Въ	4-хъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянскаго сословія, и въ Грузіи оставляетъ прежнюю цѣну въ	200	р.
»	4-хъ губерніяхъ опредѣляетъ цѣну въ . .	250	»
»	8 » » » » . . .	300	»
»	5 » » » » . . .	350	»
»	18 » » » » . . .	400	»
»	2 » Московской и С.-Петербургской	500	»

«Въ прочихъ губерніяхъ опредѣляетъ пошлину съ 15 лѣтней сложности доходовъ.

«По этимъ измѣненіямъ, пошлина, нынѣ взыскиваемая по 6%, дѣйствительно увеличена.

4 губерніи воспользуются уменьшеніемъ пошлины.

8 губерній платить будутъ нынѣшніе 6%.

5 губерній должны будутъ платить 7%.

18 губерній будутъ платить 8%.

2 губерніи, Московская и Петербургская, 10%.

«Но истинное количество процентовъ, замѣчаетъ Мордвиновъ, при переходѣ имѣнія изъ однѣхъ въ другія руки, тогда только открылось бы ясно, когда будутъ присоединены и гербовая бумага, на которую пошлина противъ нынѣшняго увеличивается, и пошлина, распространяемая нынѣ министромъ финансовъ, по оцѣнкѣ на все движимое имѣніе, переходящее къ покупщику съ недвижимымъ, и всѣ расходы на вновь

учреждаемыя объявленія, росписи и записки въ книги, сообщенія, свидѣтельства и разрѣшенія отъ новыхъ финансовыхъ правленій; расходы, извѣстные, по узаконенію, и еще увеличивающіеся тайными, по злоупотребленію, но все же, прежде вступленія во владѣніе купленнымъ имѣніемъ, долженствующіе быть выплаченными сполна.

«Здѣсь нельзя не вспомнить *знаменитаго законовѣдца Іереміи Бентама*, который разсуждаетъ: «Продажа имѣній рѣдко происходитъ отъ доброй воли и хозяйственныхъ разсчетовъ, но по большей части отъ разстроеннаго состоянія, отъ бремени долговъ, отъ постигающихъ кого либо несчастій. Взыскиваемая при такихъ случаяхъ пошлина казною падаетъ всегда на страждущую сторону, на человѣка угнетеннаго уже судьбою, ибо тогда нужнѣе продающему продать, нежели покупающему купить». Онъ спрашиваетъ: «Подать на переломленную руку, на вывихнутую ногу, на горячку, на сумасшествіе, почему бы была болѣе предосудительна, нежели взимаемая при переходѣ имѣнія отъ одного къ другому? Напротивъ того, тѣлесныя болѣзни страждущаго человѣка доставили бы болѣе доходовъ въ казну, нежели смерть и слезы осиротѣвшихъ, или несчастные случаи обѣднѣвшихъ».

«Было ли, продолжаетъ Мордвиновъ, въ министерствѣ финансовъ сдѣлано вышеприведенное на видъ исчисленіе, показывающее истинную мѣру пошлины, какую покупщики имѣній должны будутъ дѣйствительно платить—департаментамъ неизвѣстно; но для нихъ достовѣрно то, что пошлина на крѣпостные акты не уменьшена, но чрезмѣрно увеличена, и что платящіе пошлину могутъ усомниться въ чистосердечіи объявляемаго министромъ облегченія для нихъ.

«Въ этомъ послѣднемъ случаѣ одно, по мнѣнію департаментовъ, дозволительное и сообразное съ достоинствомъ правительствъ въ положеніи податей средство состоитъ въ откровенномъ изъявленіи воли своей, которой платящіе повинуются безмолвно, изъ добродушнаго довѣрія, что новый налогъ необходимъ и употребленъ будетъ на общественную пользу;

напротивъ того, всякое нечистосердечіе, а тѣмъ болѣе когда объявляютъ малое, а взыскиваютъ многое, каждаго оскорбляетъ и раздражаетъ чувствительно.

«Съ дѣйствительнымъ же возвышеніемъ пошлины на недвижимое имущество и со вновь учреждаемою на движимыя имѣнія, департаменты не усматриваютъ, чтобы обращеніе капиталовъ сдѣлалось свободнѣе и быстрѣе, и чтобъ съ большимъ ихъ ущербомъ оживилась народная промышленность и улучшились недвижимыя имѣнія.

«Соединенные департаменты, признавая разсужденія министра финансовъ на счетъ пользъ, могущихъ послѣдовать отъ уменьшенія крѣпостной пошлины, совершенно согласными съ истинными началами управленія государственными финансами, попеченіе котораго должно быть особенно обращено на сохраненіе цѣлости частныхъ капиталовъ, на открытіе имъ способовъ къ приращеніямъ и на отклоненіе всего, что можетъ причинять имъ ущербъ, взимая государственные доходы не изъ капиталовъ, но изъ доходовъ, отъ нихъ получаемыхъ, и усматривая, что 6%, нынѣ платимыхъ, отнимаютъ неумѣренную часть (что самое министерство финансовъ признаетъ) изъ главныхъ источниковъ народнаго обогащенія, соединенные департаменты находятъ правильнымъ и необходимо нужнымъ, какъ для существенныхъ пользъ народа, такъ и для самаго казначейства, не только уменьшить платимыя нынѣ съ крѣпостныхъ актовъ пошлины, но и совсѣмъ ихъ уничтожить. Но какъ этимъ уничтоженіемъ можетъ открыться въ государственныхъ доходахъ недостатокъ, то, мнѣніемъ полагаютъ— *предоставить министру финансовъ войти въ государственный совѣтъ съ проектомъ новыхъ налоговъ, могущихъ вознаградить отмѣняемую пошлину, какъ порочную, другою — справедливѣйшею и болѣе согласною съ началами, изложенными министромъ финансовъ*».

IV. О простой гербовой бумагѣ.

«Министръ финансовъ находитъ, что, по нынѣшнему назначенію употребленія гербовой бумаги, цѣною въ 50 коп., въ одинъ и въ два рубля, не соблюдена достаточная постепенность, и вводитъ новую гербовую бумагу въ три рубля цѣною. Онъ находитъ удобнѣйшимъ установить трехрублевую гербовую бумагу для такихъ актовъ, по которымъ, по большей части, прежде положено было взыскивать мелкіе канцелярскіе сборы. Эти сборы, кромѣ одного рубля, положенные на вѣрющія письма, состоятъ въ копѣйкахъ.

«Но, возражаетъ Мордвиновъ, указавъ то, что̀ трехрублевая бумага можетъ замѣнить въ сборахъ, министръ финансовъ присвоиваетъ ей и важнѣйшія употребленія, которыя ежедневно необходимы какъ по домашнимъ, такъ и по купеческимъ дѣламъ. Старую гербовую бумагу полагаетъ распредѣлить такимъ образомъ, чтобъ 50-копѣечная употреблялась въ первыхъ инстанціяхъ, однорублевая во вторыхъ, а двухрублевая въ высшихъ, и чтобы на каждой страницѣ простой гербовой бумаги писать не болѣе 30 строкъ обыкновеннымъ письмомъ, и заключаетъ тѣмъ, что цѣна бумаги будетъ соотвѣтствовать важности процессовъ и доходъ казны значительно умножится. *Соединенные департаменты не могутъ признать правильнымъ обремененіе правосудія налогами, и отклоняютъ предположеніе министра финансовъ, отыскивающаго новые доходы въ мѣстахъ, поставленныхъ для огражденія личныхъ правъ отъ всякаго къ нимъ прикосновенія и гдѣ всякаго рода лихва крайне предосудительна, а общими законами недозволительна. По этимъ уваженіямъ, департаменты не могутъ одобрить ни предполагаемаго распредѣленія старой гербовой бумаги, ни утвердить введеніе трехрублевой.*

Относительно статей о крѣпостной бумагѣ, о бумагѣ для векселей, о торговыхъ книгахъ, о паспортахъ и отвѣтственности, Мордвиновъ говоритъ: «Всѣ статьи этихъ отдѣленій состоятъ вообще въ строгихъ взысканіяхъ, въ неумѣренныхъ наказаніяхъ, въ лишеніи правъ иска и правъ собственности, въ отнятіи высокими процентами значительной части движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, въ стѣсненіи свободы во владѣніяхъ, въ обращеніи капиталовъ по торгамъ и промышленности, въ поощреніи доносовъ и въ распространеніи чрезъ мѣру власти министерства финансовъ надъ всѣми вообще сословіями: дворянскимъ, купеческимъ, мѣщанскимъ и крестьянскимъ, и надъ всѣми присутственными мѣстами. *Всѣ такія присвоенія власти министерствомъ финансовъ—департаменты рѣшительно отвергаютъ*».

Затѣмъ, указавъ на параграфы [1]), которые обратили особенное вниманіе департаментовъ, онъ продолжаетъ: «Всѣ они заключаютъ въ себѣ строгія взысканія и неумѣренныя наказанія; но, по сбору гербовыхъ пошлинъ, департаменты разсудили, что самое высшее преступленіе можетъ состоять въ утайкѣ истинной цѣны, за какую бываетъ продано имѣніе; такая же утайка не можетъ быть почтена, въ *нравственномъ смыслѣ*, въ числѣ великихъ преступленій. Человѣкъ, долженствующій платить несправедливую пошлину, естественно, что уклоняется отъ нея, и самый строгій наблюдатель правды, безъ угрызенія совѣсти, часто находитъ себя въ правѣ удержать часть изъ того, что внутренно сознаетъ предосудительнымъ въ требованіи правительства, оскорбительнымъ лично для себя и вреднымъ для общества. Поэтому рѣдкіе вносятъ въ казну полную крѣпостную пошлину. Со стороны правительства, справедливость и благоразуміе удерживали его до сихъ поръ отъ принятія противъ такой

[1]) Именно: 88, 91, 92, 96, 101, 108, 109, 111, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 121, 125, 127, 130, 147, 152, 154, 190, 194, 204, 207, 208, 209, 210, 211, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, и проч.

утайки строгихъ мѣръ. Но утайка часто бываетъ и необходимымъ послѣдствіемъ несостоятельности къ уплатѣ. Пошлина составляетъ значительную сумму, которую рѣдкіе имѣютъ въ наличности и часто находятся въ невозможности отыскать ее.

«Утайка еще болѣе дѣлается вынужденною, когда, за неплатежъ въ срочное время пошлины, наслѣдственное имѣніе берется въ опеку, и когда, какъ всѣмъ извѣстно, казенная опека всегда разстраиваетъ имѣнія, находящіяся подъ временнымъ ея управленіемъ. Въ этомъ же уставѣ не одна утайка, но и самыя ошибки и неосторожность наказываются лишеніемъ собственности и, сверхъ того, тяжкою пенею.

«Уставъ гербовыхъ пошлинъ, внесенный министромъ финансовъ, ближе *можетъ быть названъ уголовнымъ, нежели финансовымъ*, какъ состоящій большею частью изъ статей, не относящихся къ оспариванью учрежденнаго налога, но или полагающихъ наказанія, или причиняющихъ стѣсненіе въ частной собственности. Вѣроятно, что при сочиненіи его была предусматриваема неизбѣжная народная ненависть къ исполненію, и потому сочтено нужнымъ оградить его многочисленностью наказаній и преслѣдователей, число которыхъ, состоящее въ новыхъ назначенныхъ для того финансовыхъ чиновникахъ, простирается до 4,522.

«Еще въ 1812 году, государственный совѣтъ замѣтилъ, сколь несовмѣстно съ пользами государства препоручить одному лицу то, что должно быть раздѣляемо между многими, и въ этомъ соображеніи тогда еще заключилъ своимъ мнѣніемъ—отдѣлить отъ министерства финансовъ управленіе казначействомъ и коммиссіею погашенія долговъ; но съ того времени это министерство, постепенно возрастая, *распространяло свою власть*, прямо или косвенно, почти на всѣ части государственнаго управленія. А съ предполагаемымъ вновь учрежденіемъ о сборѣ гербовыхъ пошлинъ, съ многочисленностью новыхъ правленій и новыхъ подвластныхъ чиновниковъ—всѣ прочія гражданскія присутственныя мѣста

и всѣ гражданскія права, нашлись бы въ полной мѣрѣ зависимыми отъ министерства финансовъ.

«*При чтеніи этого устава, соединенные департаменты не могли не возчувствовать крайняго негодованія, котораго и не скрываютъ они, но еще болѣе священнымъ долгомъ своего служенія, заключающемся въ зрѣломъ обсужденіи дѣлъ и предложеній министровъ, возбуждены были объявить свое мнѣніе, не косвенно, но прямо, и согласно съ чувствами, ихъ преисполнявшими*».

Наконецъ, Мордвиновъ переходитъ къ разсмотрѣнію «управленія крѣпостными и гербовыми сборами».

Для сбора всѣхъ родовъ гербовой пошлины, говоритъ онъ, министръ финансовъ учреждаетъ 576 новыхъ управленій. Этимъ великимъ числомъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ онъ ограждаетъ вѣрность сбора и предупреждаетъ недосмотры или злоупотребленія отъ чиновниковъ; находящихся не подъ его вѣдомствомъ. Но департаменты опасаются *большаго злоупотребленія* отъ финансовыхъ чиновниковъ, которые по таможеннымъ, виннымъ и солянымъ сборамъ не могли еще оправдать довѣренности, которую имъ особенно присвоиваетъ министръ финансовъ.

«Ежели и могла происходить трата гербовыхъ бумагъ, при ввѣреніи ихъ другимъ присутственнымъ мѣстамъ, то во 1-хъ, потеря отъ того въ пошлинахъ едва можетъ простираться за 10.000 рублей въ годъ; а 2-хъ, повѣрку этихъ бумагъ, разсылаемыхъ повсемѣстно отъ министерства финансовъ, всегда можно легко произвести и взыскать съ утратившихъ ихъ; но чтобы, для отвращенія того и другаго, учреждать новыя правленія, и на содержаніе ихъ терять ежегодно по 2 милліона рублей, разумѣя въ этомъ числѣ и приложеніе къ штатамъ 1.646.050 рублей всѣхъ неопредѣленныхъ расходовъ, то это едва ли можетъ быть соотвѣтственнымъ хозяйственному управленію финансовъ».

Вычисливъ, что стоимость новаго управленія будетъ

равняться не 6%, какъ показываетъ министръ финансовъ, а 18%, и что новые гербовые сборы дадутъ прибыли всего 9 милліоновъ, а не 11 (за исключеніемъ расходовъ по сборамъ для этихъ 11 милліоновъ), т. е. 1/50 всѣхъ доходовъ, доставляемыхъ казенными палатами, Мордвиновъ приходитъ къ заключенію, что для такой ничтожной суммы не стоитъ создавать новыхъ правленій. «Министръ финансовъ, говоритъ онъ, сравниваетъ назначаемые имъ вновь расходы съ сѣменами, брошенными для произведенія богатѣйшей жатвы; но департаменты мыслятъ, что безъ этихъ расходовъ министръ финансовъ можетъ отыскать богатую жатву въ каждой части *пространнаго своего министерства*, когда онъ обратитъ *строгій надзоръ*, когда будутъ *истреблены злоупотребленія*, и по каждой изъ частей, ему подвластныхъ, будетъ введено *хозяйственное управленіе*. По нѣкоторымъ частямъ онъ можетъ отыскать не 9 милліоновъ рублей, но далеко превосходнѣйшее число. *Департаменты признаютъ, что умноженіе доходовъ и уменьшеніе расходовъ суть одно и тоже въ отношеніи обогащенія казначейства, и какъ послѣдній способъ есть удобнѣйшій, то и долженствовалъ бы быть предпочтенъ первому.* Употребленіе этого способа тѣмъ болѣе предпочтительно, что *умѣренность въ налогахъ*, послѣдствіе хозяйственнаго управленія доходами, *есть та добродѣтель, которую желаютъ видѣть и предпочтительнѣе другихъ требуютъ подданные отъ своихъ правителей.* Она, можно сказать, заключаетъ и всѣ другія добродѣтели. Умѣренность въ прикосновеніи частной собственности, охраняя бережливо первое право общества, обнадеживаетъ, что будутъ уважены властью и всѣ прочія права.

«Но если дѣйствительно въ государственныхъ доходахъ оказывается недостатокъ, и этотъ недостатокъ, какъ вѣроятно, происходитъ отъ часто повторяемыхъ займовъ, которые въ короткое время обременили Россію великими долгами, требующими великихъ суммъ для уплаты процентовъ, то эту разорительную систему должно отложить и принять другую,

согласную съ истинными началами управленія государственными финансами.

«Долги, дѣлаемые правительствами, рѣдко бываютъ уплачиваемы. Они остаются вѣчнымъ бременемъ на потомствѣ. Они не только никогда не уменьшаются, но время отъ времени еще болѣе возрастаютъ, ибо, платимые за нихъ проценты, уменьшая всегда доходы государства, заставляютъ этотъ ущербъ всегда вознаграждать новыми долгами. Подтвержденіе этой истины, испытанной всѣми другими народами, мы имѣемъ въ собственномъ примѣрѣ. Малый долгъ въ Голландіи, сдѣланный при императрицѣ Екатеринѣ II, уже обращенъ въ невозвратный; наложенный на Россію огромный долгъ въ предшествовавшее малое число лѣтъ, тѣмъ неизбѣжнѣе останется вѣчнымъ, и, при первыхъ непріязненныхъ обстоятельствахъ, потребуетъ новыхъ займовъ и за ними тяжкихъ налоговъ. Банки погашенія долговъ, по многимъ опытамъ, признаны недостаточнымъ оплотомъ противъ этого необходимо возрастающаго зла. Наиболѣе же это случается при небреженіи началъ хозяйственнаго управленія народнымъ имуществомъ.

«Учреждаемые вновь министромъ финансовъ налоги *лежатъ на капиталахъ*. Сколь невыгодно и опасно къ нимъ прикасаться, ближайшимъ примѣромъ служитъ Франція. Она взимала государственные доходы болѣе изъ капиталовъ, нежели изъ доходовъ частныхъ людей, и, слѣдуя этому порочному управленію финансовъ, менѣе получала доходовъ отъ двойнаго числа народа, нежели Англія съ половиннаго. Такая система была истинною причиною оказывавшагося тамъ всегда недостатка въ государственныхъ доходахъ, который наконецъ довелъ Францію до всеобщаго внутренняго разстройства и до лютѣйшаго изъ всѣхъ бывшихъ гдѣ либо народныхъ возстаній противъ правительства.

«*Налоги всегда порочны и нехозяйственны, когда бываютъ взимаемы не изъ доходовъ, получаемыхъ частными людьми, но изъ капиталовъ, приносящихъ имъ*

доходы; ибо цѣлость частныхъ капиталовъ увеличиваетъ и общее богатство народа, а съ оскудѣніемъ ихъ, естественно, что и государственное казначейство не можетъ почерпать впредь своихъ доходовъ въ изобильномъ количествѣ. Подобные налоги и самую цвѣтущую, и богатыми жатвами покрытую землю превращаютъ въ дикую и безплодную пустыню; поля и города древней Греціи преобразуютъ въ удѣлы, принадлежащіе теперь турецкому владычеству.

«Обращаюсь къ государствамъ, приведеннымъ въ примѣръ министромъ финансовъ. Извѣстно, что въ Пруссіи, долголѣтно страдавшей подъ игомъ лютаго чужеземнаго владыки, истощившей всѣ древнія свои сокровища; въ Австріи, нѣсколько разъ раздробленной на части; во Франціи, претерпѣвшей внутреннее разстройство всего ея состава и заплатившей великую дань многимъ державамъ съ 1814 года, во всѣхъ этихъ трехъ земляхъ, болѣе 20 лѣтъ терпѣвшихъ великій уронъ въ народѣ и ущербъ въ богатствѣ, многіе налоги отмѣнены, по многимъ приняты мѣры къ уничтоженію ихъ, долги частью уплачены; бумажная монета или приведена въ равенство съ серебромъ и золотомъ, или отъ упадка ея на 15, возведена въ достоинство $2^1/_2$, и на этой мѣрѣ постоянно утверждена. И весь ходъ ихъ финансовыхъ дѣлъ обнадеживаетъ, что благосостояніе всѣхъ вообще должно впредь возрастать.

«Но Россія представляетъ новое и безпримѣрное событіе въ финансовой исторіи. Пользуясь въ мирное время всѣми военными налогами, она ежегодно взимаетъ съ народа новые, дѣлаетъ огромные долги, и ежегодно въ казначействѣ является недостатокъ въ доходахъ, постепенно все возрастающій; бумажная монета стоитъ въ своей низкой цѣнѣ; иностранный курсъ упадаетъ и увлекаетъ серебро и золото за границу; торговые капиталы въ количествѣ своемъ уменьшаются, и, при займѣ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей, истреблено ассигнацій только на 192 милліона, какъ обнародовано

въ газетахъ. Такому во всѣхъ частяхъ разстройству финансовъ не видно и предѣла.

«Изъ этого крайняго и угрожающаго вредными для блага имперіи послѣдствіями, департаменты заключаютъ, что необходимо нужно, не медля, обратить строгое вниманіе на такое состояніе государственнаго казначейства и принять дѣятельныя мѣры къ удержанію возрастающаго зла.

«Но министръ финансовъ продолжаетъ требованіе новыхъ налоговъ, и, кромѣ налоговъ, не находитъ иныхъ способовъ къ пополненію недостатка въ государственныхъ доходахъ, *о дѣйствительности котораго департаменты не могутъ знать, ибо предъ государственнымъ совѣтомъ министръ финансовъ съ 1812 года, по управленію его, наблюдаетъ тайну, и всю отвѣтственность принялъ на одного себя.*

«При этомъ требованіи, какъ и при всякомъ сужденіи о налогахъ, прежде всего представляется вопросъ: необходимы ли они, и на какое употребленіе предназначаются? *По совершенному невѣдѣнію государственнаго совѣта о настоящемъ состояніи нашихъ финансовъ, соединенные департаменты не могли разрѣшить этого вопроса, но мыслятъ, что, при правильномъ распредѣленіи получаемыхъ нынѣ доходовъ и при хозяйственномъ ихъ управленіи, не долженствовалъ бы существовать недостатокъ въ нихъ, побуждающій къ новымъ налогамъ. Но если бы и дѣйствительно существовалъ, то благо государства требовало бы изслѣдовать предварительно причину его, и при всемъ томъ не иначе приступать къ возвышенію налоговъ для пополненія этого недостатка, какъ дознавъ дѣйствительную мѣру его и избравъ родъ налоговъ самый безвреднѣйшій и справедливѣйшій*».

Принимая все это въ соображеніе, Мордвиновъ заключаетъ: «*Соединенные департаменты, не нашедъ въ представленномъ уставѣ о гербовыхъ пошлинахъ и въ*

учрежденіи для сбора ихъ предполагаемый ими родъ налоговъ, не могли приступить къ утвержденію ни устава, ни учрежденія для исполненія его» [1]).

Такимъ образомъ, и въ этомъ мнѣніи Мордвиновъ остается вполнѣ вѣренъ своимъ основнымъ положеніямъ объ управленіи финансами, которыя онъ проводитъ отъ начала до конца. Строгая и постоянная бережливость, сокращеніе государственнаго долга до возможнаго minimum'а, отчетность въ управленіи финансами и защита частной собственности и здѣсь составляютъ его главныя положенія [2]). Но здѣсь же онъ указываетъ на необходимость подоходнаго налога, какъ единственно правильнаго, и такимъ образомъ вполнѣ сходится съ основнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ Тургенева, хотя требованія ихъ въ то время были совершенно неприложимы. Мы не говоримъ уже о внутреннихъ достоинствахъ самаго мнѣнія, замѣчательнаго какъ по основной мысли, такъ и возраженіями противъ тѣхъ искусственныхъ мѣръ взиманія новыхъ налоговъ, которыми министръ финансовъ думалъ поддержать свою систему.

Въ такомъ видѣ мнѣніе Мордвинова поступило въ государственный совѣтъ на окончательное заключеніе. Вотъ какъ описываетъ Тургеневъ его дальнѣйшій ходъ. «День преній въ государственномъ совѣтѣ наступилъ, и министръ финансовъ былъ приглашенъ туда. Онъ не могъ уклониться отъ нихъ. Въ общемъ собраніи протоколы каждаго департамента обыкновенно читаетъ статсъ-секретарь или исправляющій его должность, по принадлежности своего департамента. Я

[1]) Это мнѣніе въ рукописяхъ Мордвинова помѣчено сентябремъ 1822 года; но, какъ видно изъ самаго мнѣнія, дѣло идетъ о 1821 годѣ. Печатный текстъ, въ Чтен. Моск. общ. исторіи, за 1859 годъ, т. IV, вполнѣ вѣренъ.

[2]) На предложеніе министра финансовъ—не полезнѣе-ли остающіеся отъ 1822 года 32 милліона рублей, вмѣсто сожженія ассигнацій, употребить на выкупъ долговъ, — Мордвиновъ представилъ мнѣніе въ защиту первой мѣры (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI).

могъ бы легко замѣнить себя кѣмъ нибудь изъ своихъ товарищей; но, будучи совершенно нейтральнымъ во время разсмотрѣнія проекта въ комитетѣ, я не хотѣлъ болѣе казаться, что я боюсь читать передъ министромъ, хоть и немного горькую, критику его управленія. Я прочелъ докладъ. Послѣ чтенія, во время котораго министръ очевидно былъ въ дурномъ настроеніи, онъ попробовалъ было проговорить нѣсколько замѣчаній. Но гнѣвъ, болѣе нежели неспособность, не позволилъ ему произнесть болѣе двухъ-трехъ несвязныхъ фразъ; тѣмъ не менѣе, онъ не забылъ въ концѣ бросить колкое слово на счетъ революціонныхъ принциповъ, которые все болѣе распространяются въ Европѣ и заставляютъ содержать многочисленныя арміи, которыя, въ свою очередь, требуютъ новыхъ средствъ, чтобы поддерживать ихъ на почтительной ногѣ... Когда министръ окончилъ, или лучше сказать произнесъ съ трудомъ нѣсколько словъ, потому что послѣдняя его фраза такъ и осталась не оконченною, сталъ говорить Мордвиновъ, который въ своей рѣчи, полной проницательности и умѣренности, сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ мнѣнію комитета. Наконецъ собрали голоса. Большинство совѣта отвергло проектъ». . .

Послѣ этого дѣло было представлено государю, и онъ приказалъ немедленно составить особый комитетъ изъ министра финансовъ, гр. Аракчеева, государственнаго контролера (Кампенгаузена), Сперанскаго и нѣкоторыхъ другихъ, не изъ числа членовъ совѣта. Этотъ комитетъ долженъ былъ пріискать новыя средства доходовъ. «Насколько я помню, замѣчаетъ Тургеневъ, проектъ снова подвергся разсмотрѣнію и потомъ былъ обращенъ въ законъ. Однако онъ возбудилъ неудовольствіе, и въ концѣ концовъ былъ измѣненъ» [1]).

Дѣйствительно, 24 ноября 1821 года состоялся именной указъ сенату о гербовомъ и крѣпостномъ сборахъ, на нача-

[1]) La Russie, I, 113—115.

лахъ, предложенныхъ министромъ финансовъ, а 21 декабря того же года этотъ указъ былъ опубликованъ для падлежащаго исполненія [1]).

Независимо отъ этого, Мордвиновъ въ тоже время входилъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о замѣнѣ личнаго отбыванія казенныхъ повинностей крестьянами—подрядами на нихъ (въ сентябрѣ 1821 года [2]), а въ комитетъ министровъ съ предложеніями: 1) по поводу проложенія новой дороги между Бронницами и Новгородомъ,—о необходимости приступить къ осушенію болотъ (19 декабря 1822 года [3]); 2) о залогахъ, требуемыхъ при поставкахъ казною (17 марта 1823 года). По его мнѣнію, требованіе залоговъ отражается на стоимости поставляемыхъ товаровъ, а при взаимномъ недовѣріи между казною и поставщиками, цѣна на предметы, необходимые для казны, еще болѣе поднимается. Такимъ образомъ, по разсчету Мордвинова, казна потеряла въ годъ до 50 милліоновъ рублей [4]). Какъ видно, мнѣніе Мордвинова, высказанное въ комитетѣ министровъ, было представлено Аракчеевымъ передъ государемъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Мы видѣли, что разъ онъ уже объяснялъ государю, что вмѣшательство Мордвинова въ финансовые вопросы исходитъ изъ личныхъ отношеній послѣдняго къ министру финансовъ. Такое же объясненіе, какъ можно заключить, было представлено имъ и по настоящему вопросу.

---

[1]) Полн. собр. зак., № 28,814.

[2]) Требуя такой замѣны, онъ указывалъ на неизбѣжность произвола, неразлучнаго съ отбываніемъ личныхъ повинностей крестьянами, и чтобы подвинуть этотъ вопросъ къ рѣшенію, онъ предлагалъ, взамѣнъ этой повинности, брать съ крестьянъ легкій взносъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на отмѣнѣ работъ крестьянъ по управленію путями сообщенія, тѣмъ болѣе, что еще съ 1812 года эта повинность была замѣнена денежнымъ сборомъ (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V).

[3]) Ibid., т. V.

[4]) Ibid., т. VI.

Но въ настоящемъ случаѣ государь потребовалъ объясненія отъ самого Мордвинова.

«Страхи мои, писалъ Мордвиновъ Аракчееву по этому поводу, проистекаютъ отъ доказанной опытами всѣхъ народовъ и вѣковъ истины, что по управленію государственному первое изъ всѣхъ золъ есть—недостатокъ въ государственномъ казначействѣ, изъ году въ годъ оказывающійся. Въ остереганіяхъ же моихъ никакая личность не имѣетъ и не можетъ имѣть мѣста. *Всевышній Создатель не сотворилъ меня равнодушнымъ къ общественному благу, и всякое побужденіе къ личнымъ выгодамъ и собственнымъ пользамъ исторгъ изъ мысли и сердца моего*. Я ничего другаго не желаю, какъ только того, чтобы всемилостивѣйшій государь нашъ позналъ радостное удовольствіе видѣть себя освобожденнымъ отъ всѣхъ препонъ и стѣсненій, ежечасно имъ встрѣчаемыхъ, когда мыслитъ онъ о благѣ имперіи своей. *Сіе желаніе не ослабѣетъ во мнѣ никогда, даже и въ горькіе часы жизни, нерѣдко со мною встрѣчавшіеся, и занимало меня всегда болѣе, нежели собственная участь*.

«Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ по предмету финансовъ сочиненій, не случилось мнѣ начитать *столь разумно* изложенныхъ повѣствованій древнихъ и новѣйшихъ о зловредныхъ послѣдствіяхъ, отъ разстроеннаго состоянія государственныхъ финансовъ происходящихъ, какъ въ Essai politique sur la revenu publique des peuples de l'antiquité, du moyen âge et des siècles modernes, 2 v., *Ганиля* [1]). Сочиненіе сіе заслуживаетъ, чтобы при настоящемъ нашемъ положеніи обращено было на оное *особенное вниманіе*» [2]).

Чтобы вполнѣ обрисовать тогдашнее положеніе финансовыхъ дѣлъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшую характеристику самого министра финансовъ—Гурьева.

«Гурьевъ, говоритъ Вигель, былъ всегда чрезвычайно

---

[1]) О немъ см. выше, гл. V.

[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

искателей и угодителей [1]). Онъ случайно познакомился съ однимъ молодымъ, женоподобнымъ милліонеромъ, графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, внукомъ роднаго брата Екатерины I, отправлявшимся за границу. Гурьевъ умѣлъ ему полюбиться, и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ. Этотъ молодой Скавронскій, какъ говорятъ, былъ великій чудакъ: никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи; всему предпочиталъ онъ музыку; самъ сочинялъ какую-то ералашь, давалъ концерты, и слуги его не иначе имѣли дозволеніе съ нимъ говорить, какъ речитативами. Когда Скавронскій воротился въ Петербургъ, всѣ молодыя знатныя дѣвицы стали искать его руки, а онъ о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ, самъ князь Потемкинъ пожелалъ выдать за него свою племянницу Энгельгардтъ, сестру гр. Браницкой и кн. Голицыной. Одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, и стараніями его бракъ состоялся. По ходатайству Потемкина, скоро онъ получилъ камеръ-юнкерство, и сверхъ того отъ Скавронскаго три тысячи душъ, въ знакъ памяти и вѣрной дружбы. Молодость, иностранная образованность, придворный чинъ, богатство, все это позволяло ему думать о выгодной партіи: только новость его имени все еще мѣшала ему получить права гражданства въ аристократическомъ мірѣ; онъ скоро пріобрѣлъ ихъ, женившись на графинѣ Салтыковой.

«Гурьевъ не даромъ путешествовалъ за границей; онъ тамъ усовершенствовалъ себя по части гастрономической. У него въ этомъ родѣ былъ дѣйствительно геній изобрѣтательный, и, кажется, есть паштеты, есть котлеты, которые носятъ его имя. Онъ давалъ обѣды знатнымъ, новымъ роднымъ своимъ, и домъ его сталъ почитаться однимъ изъ лучшихъ» [2]).

---

[1]) Это мы видѣли и на отношеніяхъ его къ Сперанскому.

[2]) На основаніи этихъ мѣстъ «Воспоминаній» Вигеля составлена характеристика Гурьева въ Истор. импер. Александра I, соч. Богдановича, т. I, стр. 84—85. Гурьевская каша дѣлалась на мозгахъ изъ говяжьихъ костей. Записки гр. Толстаго, Рус. Стар., 1873, февраль.

«При первомъ учрежденіи министерствъ, Гурьевъ умѣлъ какъ-то припутаться къ партіи Новосильцовыхъ, Кочубеевъ, Чарторижскихъ, и попалъ въ товарищи министра финансовъ. Въ тоже время онъ управлялъ кабинетомъ его величества, т. е. карманными его деньгами. Когда въ 1805 году Трощинскій вышелъ въ отставку, онъ сдѣланъ былъ сверхъ того министромъ удѣловъ; удѣлы, какъ извѣстно, почитаются министерствомъ заурядъ, и въ отношеніи къ другимъ тоже самое, что Марокская имперія къ имперіи Австрійской или Россійской.

«Послѣ кончины гр. Васильева, онъ надѣялся быть его преемникомъ; но управляющимъ министерствомъ сдѣлали Голубцова, и Гурьеву, старѣе его чиномъ, нельзя было оставаться его товарищемъ» [1]). Однако Гурьевъ выждалъ, и, по словамъ Державина, происками достигъ своей цѣли (1 января 1810 года), заручившись напередъ покровительствомъ Сперанскаго [2]). Въ бытность свою товарищемъ двухъ министровъ, Гурьевъ постоянно несоглашался съ ними [3]), а утвердившись самъ въ министерствѣ финансовъ, и съ паденіемъ Сперанскаго—сталъ противодѣйствовать его системѣ, но, почувствовавъ снова его силу, прежде другихъ обратился за его совѣтомъ. Домъ Гурьева считался изъ первыхъ въ Петербургѣ, гдѣ собиралось высшее общество, и его жена умѣла поддерживать значеніе мужа [4]). Въ управленіи финансами онъ держался строгой тайны, въ своихъ планахъ отличался темнотою, притомъ былъ тяжелъ для подчиненныхъ [5]); а его финансовыя операціи, даже людямъ не особенно расположеннымъ къ его противникамъ, по вникавшимъ

[1]) Вигель, ч. III, 88—90.
[2]) Записки Державина (академ. изд.), 820.
[3]) Ibid.
[4]) Tourgueneff, La Russie, etc., I, 111.
[5]) Вигель, ч. VI, 49.

въ дѣла, казались «волшебными» и «мало полезными въ настоящемъ положеніи финансовъ» [1]).

Между тѣмъ, финансы Россіи приходили все болѣе въ затруднительное состояніе. Вотъ что писалъ о нихъ, въ маѣ 1822 года, баронъ Кампенгаузенъ [2]) (одинъ изъ членовъ финансоваго комитета), къ гр. Аракчееву: «Былъ опять комитетъ финансовый. Министръ финансовъ изложилъ новыя надобности и нужды, и что остатки, на весь годъ предназначенные для экстраординарныхъ расходовъ, въ первыхъ

---

[1]) Карамзинъ, Письма къ Дмитріеву, стр. 212, 217. Графъ Ѳ. П. Толстой разсказываетъ, что когда была назначена перечеканка мѣдной монеты и опредѣленъ срокъ ея промѣна, то Гурьевъ не озаботился даже напередъ узнать можетъ ли монетный дворъ приготовить необходимое къ тому времени количество новой монеты, отчего произошло неизбѣжное замѣшательство (Русская Старина, 1873 г., февраль 129) Въ интересахъ усиленія государственныхъ доходовъ и облегченія народа, въ 1819 году было введено казенное управленіе питейными сборами (въ 29 великорусскихъ губерніяхъ). Управленіе ими въ губерніяхъ сосредоточивалось въ казенныхъ палатахъ, прямыми начальниками которыхъ были: *вице-губернаторы*. Винокуренные же заводчики должны были заключать контракты съ казною, поставлять вино въ казенные магазины и не продавать его иначе, какъ съ завода. «Въ сущности, измѣненія состояли въ томъ, что откупщики замѣнялись нѣкоторымъ образомъ чиновниками. Неизвѣстно, какое приращеніе дохода получила отъ этого казна; но народу было кажется не легче... Въ это время, при сборахъ какого-либо губернатора въ Петербургъ, говорили обыкновенно, что онъ ѣдетъ проситься въ *вице-губернаторы*» (Путята, Обозрѣніе царств. импер. Александра I, Девятнадц. Вѣкъ, I, стр. 474).

Канкринъ объ этомъ управленіи говоритъ такъ: «Доходъ дѣйствительно усилился (превысивъ откупной сборъ на 10 милліоновъ рублей въ годъ); но казенное управленіе впослѣдствіи показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по сей части обращаются въ упрекъ правительству, сословіе чиновниковъ развращается, а публика приписываетъ нынѣшнее затруднительное время (писано въ 1826 году) и дешевизну хлѣба отмѣнѣ откуповъ» (Записка, представленная импер. Николаю I, Сбор. свѣдѣн. и матерьяловъ по вѣдом. министерства финансовъ, т. I, кн. II, стр. 62).

[2]) О немъ сохранились свѣдѣнія, какъ о весьма строгомъ государственномъ контролерѣ. Воспоминанія Булгарина, въ Библіот. для Чтенія, 1848 года, іюнь, и Русская Старина, 1871 года, ноябрь, стр. 521.

уже мѣсяцахъ съ излишествомъ израсходованы. Въ сей крайности предлагалъ онъ *послѣднее средство*, а именно: полученные въ 1818 году департаментомъ удѣловъ изъ коммиссіи погашенія долговъ билеты, за долгъ казначейства, продать, а удѣльному департаменту выдать новые билеты изъ коммиссіи, съ новымъ обезпеченіемъ со стороны казначейства слѣдуемаго по нимъ непрерывнаго дохода, на счетъ же казначейства; а чтобы, между тѣмъ, внезапная продажа на биржѣ столь значительныхъ долговыхъ билетовъ не уронила ихъ курса, то большею частью купить ихъ на наличныя деньги коммерческаго банка, который затѣмъ распродастъ ихъ мало по малу. Вотъ новый источникъ, котораго я не догадался при началѣ нашего комитета. Я объяснилъ, что хотя я согласенъ на него, такъ какъ дѣлать нечего, но что я не могу скрыть отъ комитета, что если и впредь этой системѣ послѣдуютъ, то откроется путь къ безконечнымъ долгамъ, которые также подѣйствуютъ, какъ на выпускъ ассигнацій, съ тою только разницею, что за эти послѣднія процентовъ не платятъ, ибо спустя шесть мѣсяцевъ можно вновь данные департаменту билеты тоже продать на биржѣ и дать ему новые, чрезъ нѣсколько затѣмъ мѣсяцевъ еще разъ, и такъ далѣе. Министръ финансовъ увѣрялъ, что онъ самъ эту опасность предвидѣлъ, побожился, что далѣе никогда этого способа не предложитъ» [1]).

При всемъ томъ, Гурьевъ не всегда могъ сопротивляться тамъ, гдѣ частныя отношенія требовали отъ него содѣйствія, не смотря на ихъ очевидное противорѣчіе съ общественною пользою. «И такъ, мало надежды, чтобы домъ твой продался, пишетъ Карамзинъ Дмитріеву въ маѣ 1823 года. Никогда не жаловались столько на недостатокъ въ деньгахъ и дворяне и купцы; а между тѣмъ сколько еще роскоши! А. Л. Нарышкинъ отдалъ имѣніе сыновьямъ, выбралъ попечителей,

---

[1]) Изъ Аракчеевской переписки, Вѣстникъ Европы за 1870 годъ, сентябрь, 89—90.

кн. Якова Ив. Лобанова и Столыпина, для заплаты долговъ, болѣе пяти милліоновъ, и хотѣлъ, чтобы на первый случай казна купила у него дачу за 700 тысячъ рублей; объ этомъ трактовали въ комитетѣ министровъ, и всѣ согласились на покупку, не исключая и министра финансовъ; заспорилъ одинъ Кампенгаузенъ, и государь съ нимъ согласился, *къ удовольствію друзей государственной бережливости»* [1]).

Въ борьбѣ съ своими противниками, Гурьевъ держался Аракчеевымъ, но когда Гурьевъ потерялъ въ немъ поддержку, то паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ (въ апрѣлѣ 1823). «Преемникъ ему давно уже былъ приготовленъ Аракчеевымъ, говоритъ Вигель [2]). То былъ извѣстный Канкринъ; но Гурьевъ сохранилъ за собою кабинетъ и удѣлы» [3]). Причиною паденія Гурьева считаютъ его медленность въ отправкѣ денегъ въ губерніи, пораженныя голодомъ, или, еще вѣрнѣе, совершенную невозможность удовлетворить въ этомъ отношеніи желаніямъ императора [4]). Это былъ голодъ Бѣлорусскаго края, по поводу котораго также писалъ Мордвиновъ [5]).

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, 349.

Займы въ то время были слишкомъ часты между дворянствомъ. Въ сентябрѣ 1822 года государственный совѣтъ разсуждалъ даже объ упраздненіи заемнаго банка. «*Всѣ, кромѣ меня и Гурьева*, были противъ него, говоритъ Кампенгаузенъ, *хотя я считаю вреднымъ дворянству способъ безпрестанно занимать деньги*, исключая дѣйствительныя нужды, но не менѣе того, я чувствую, сколько дѣло это будетъ непріятно русскому дворянству, и потому въ концѣ своего мнѣнія указалъ на одинъ способъ, коимъ однимъ, по мнѣнію моему, можно было бы сіе дѣло сладить». Аракчеевская переписка, Вѣстн. Евр., 1870, IX, 92.

[2]) Еще 22 апрѣля 1819 года Кочубей писалъ Сперанскому: «Гурьевъ ненавидитъ гр. Аракчеева, и, *по прежнимъ своимъ привычкамъ, представилъ его своимъ непріятелемъ, точно такъ, какъ вы таковымъ же партіею его были знаменованы*, и какъ объявленъ былъ имъ Новосильцовъ, и проч. Аракчеевъ ненавидитъ также Гурьева; но ни тотъ, ни другой не могутъ большаго вреда сдѣлать другъ другу» (Въ память гр. Сперанскаго, 165).

[3]) Воспоминанія, VI, 47—48.

[4]) Tourgueneff, La Russie, etc., I, 102.

[5]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859, III, 29—36, и Собраніе мнѣній

«Никогда, говоритъ гр. Канкринъ въ своей запискѣ объ освобожденіи крестьянъ (1818), никогда Бѣлоруссія не была доведена до такой степени бѣдствія, въ какой она находится въ настоящее время; этому содѣйствовало пагубное вліяніе многочисленнаго еврейскаго населенія и событія послѣдней войны» [1]). По словамъ Мордвинова, еще до войны 1812 года, Бѣлоруссія страшно пострадала отъ повѣтрія и мора, когда погибли многія тысячи народа. Тогда смертность была такъ велика, что самъ Мордвиновъ потерялъ 1,000 душъ крестьянъ. Въ 1812 и 1813 годахъ бѣлорусскія губерніи пожертвовали всѣми запасами, за которые имъ обѣщано было удовлетвореніе; но до времени голода была отдана только незначительная часть его. «Милліоны рублей, говоритъ Мордвиновъ, доводящіеся имъ за отданный для войскъ хлѣбъ въ полцѣны, за справками, повѣрками и неторопливостью казенныхъ мѣстъ въ расплатѣ съ частными людьми, и по сіе время остаются удерживаемы въ государственномъ казначействѣ». Помѣщикамъ предписано было кормить крестьянъ; но когда запасы вышли, а крестьяне продолжали ожидать помощи, то комитетъ министровъ предписалъ смотрѣть за ихъ работою земской полиціи, что конечно не могло помочь бѣдствію. Тогда губернаторы и предводители дворянства вошли съ ходатайствомъ о выдачѣ пособія отъ правительства. Для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ былъ посланъ сенаторъ Барановъ, который донесъ, что «денежное и хлѣбное пособіе не должно доставлять дворянскимъ имѣніямъ», а, напротивъ, слѣдуетъ употребить противъ владѣльцевъ всю строгость законовъ. Дѣло объ этомъ восходило до департамента гражданскихъ дѣлъ, гдѣ Мордвиновъ выступилъ въ защиту мѣстныхъ интересовъ. Прилагая

П. С. Мордвинова, т. VI.—Еще въ 1800 году, о бѣдственномъ положеніи Бѣлоруссіи, по причинѣ голода и эксплуатаціи населенія евреями, писалъ Державинъ. Сочин. Державина, издан. Гротомъ, VII, 229—329.

[1]) Русскій Архивъ, 1865, стр. 545.

при своемъ мнѣніи замѣчаніе неизвѣстнаго лица о состояніи тамошняго края, онъ говоритъ: «Предсѣдатель гражданскаго департамента прилагаетъ къ своему мнѣнію замѣчанія, сдѣланныя въ январѣ текущаго года такою особою, которая не имѣетъ въ Бѣлоруссіи ни одной сажени земли, и между тамошними помѣщиками ни брата, ни сестры, но которая знаетъ злосчастное состояніе обитателей ея, и наблюдательнымъ окомъ изыскивала причины сего состоянія. Она не признаетъ, чтобы строгости, употребляемыя противъ помѣщиковъ, могли быть полезны хотя въ малѣйшей мѣрѣ и послужили бы къ спасенію борющихся съ голодною смертію, въ числѣ, превышающемъ милліонъ народа. Замѣчанія этой сострадательной къ человѣчеству особы [1]) совершенно согласуются и съ донесеніями мѣстныхъ начальствъ, и съ воплями всего дворянскаго сословія. Одинъ только сенаторъ Барановъ изъявилъ противоположное тому заключеніе. Почему предсѣдатель гражданскаго департамента считаетъ обязанностью не умолчать передъ комитетомъ министровъ о такой страшной противоположности, и признаетъ необходимо нужнымъ, чтобы въ дѣлѣ такой важности, когда двѣ губерніи страждутъ и многимъ тысячамъ народа предстоитъ смерть, повелѣно было изслѣдовать въ Бѣлоруссіи поступки и дѣйствія сенатора Баранова и удостовѣриться въ полной мѣрѣ оправдалъ ли онъ свой санъ и довѣренность, ему сдѣланную»?

Обращаясь къ дѣйствіямъ распорядительной власти, Мордвиновъ говоритъ, что принужденія ни къ чему не приведутъ: «къ сему потребны будутъ войска, пули, ядра и штыки, которые увеличатъ только бѣдствіе, но никого не

[1]) Кажется Мордвиновъ разумѣлъ подъ этою особою гр. Канкрина, слова котораго о состояніи Бѣлоруссіи мы привели выше. Послѣ 1815 года Канкринъ долгое время проживалъ въ мѣстечкѣ Шкловѣ (Могилевской губ.), и даже отсюда препроводилъ къ Нессельроду, разсмотрѣнную нами въ своемъ мѣстѣ, записку о крестьянскомъ вопросѣ, для поднесенія ея государю (1818). Русскій Архивъ, 1866, 120.

прокормятъ. Спасительнѣйшею изъ мѣръ онъ считаетъ обсѣяніе полей, которое одно можетъ предотвратить бѣдствіе на будущее время. «При великихъ бѣдствіяхъ, говоритъ онъ, потребны и сильныя мѣры и нескудныя пособія. Сохраняя два или три милліона рублей отказомъ нуждающимся, на будущій годъ правительство не пожалѣетъ, можетъ быть, и десяти милліоновъ, но они могутъ тогда оказаться менѣе успѣшны въ благотворительности своего дѣйствія». Онъ совѣтовалъ, вмѣсто выдачи денегъ помѣщикамъ, закупить необходимое количество хлѣба на счетъ казны и отправить его какъ для устраненія голода, такъ и для посѣва. «Упорное сопротивленіе и всякое возраженіе со стороны блюстителей государственной казны не могутъ при настоящемъ случаѣ быть уважены. Трудно повѣрить, чтобы казна доведена была до такой уже степени истощенія, что не можетъ купить хлѣба двумъ голодающимъ губерніямъ, безъ коего многіе должны умереть. А если государственное казначейство и дѣйствительно дошло до столь несчастнаго разстройства, то, въ предупрежденіе могущихъ отъ того послѣдовать дальнѣйшихъ бѣдствій, должно немедленно вывести его изъ сего предосудительнаго уничиженія. Присвоеніе же казнѣ по дешевымъ цѣнамъ недвижимыхъ имѣній въ Бѣлоруссіи, при всеобщемъ голодѣ и бѣдственномъ состояніи всей земли, явится крайне неблаговиднымъ, и можетъ исполнить всѣхъ удивленія, что такое пріобрѣтеніе частной собственности, во дни всеобщаго тамъ злоключенія, дѣлается отъ лица государя императора, отца своихъ подданныхъ».

Кромѣ обсѣянія полей (на которое Мордвиновъ совѣтовалъ отправить въ обѣ губерніи 600.000 р.), онъ предлагалъ разсрочить взысканія за невзносъ податей и налоговъ, а также по займамъ помѣщиковъ; уменьшить на половину подушныя подати и казенные сборы на пять лѣтъ; отпускать каждый годъ по два милліона рублей для устройства сообщеній, вслѣдствіе недостатка которыхъ жители терпятъ въ торговлѣ и затрудняются въ пріисканіи заработковъ; выдавать без-

денежно, втечепіи двухъ лѣтъ, паспорты для крестьянъ и облегчить выдачу ихъ на короткіе сроки; наконецъ, отправить въ обѣ губерніи по 100.000 рублей, для раздачи хлѣба неимущей шляхтѣ [1]).

Вслѣдствіе голода, постигшаго Бѣлоруссію, тамошнимъ помѣщикамъ открытъ былъ кредитъ въ заемномъ банкѣ [2]), а мѣстному начальству поручено было заняться изысканіемъ средствъ къ улучшенію состоянія жителей, причемъ оказалось, что тамошніе крестьяне обыкновенно питались *пушнымъ хлѣбомъ* (съ примѣсью мякины, соломы или коры); но представленіе объ этомъ генералъ-губернатора, кн. Хованскаго, министру внутреннихъ дѣлъ, ни къ чему не привело, такъ какъ было высказано мнѣніе, что противъ привычки ничѣмъ нельзя пособить, хотя и было заявлено о злоупотребленіяхъ въ этомъ случаѣ помѣщиковъ [3]).

Такъ окончилось министерское правленіе Гурьева [4]).

Передадимъ еще нѣсколько замѣчаній о первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ состояніемъ финансовъ, по вступленіи въ должность новаго министра. «Вы пишите, сообщалъ Канкрингаузенъ Аракчееву въ іюнѣ 1823 года, что два мѣсяца тому назадъ гр. Гурьевъ представилъ намъ, когда мы судили о смѣтѣ, подробный разсчетъ о положеніи казначейства. По немъ мы дали часть послѣдняго займа казначейству, и тѣмъ казалось все пополненнымъ на нынѣшній годъ. Засимъ новый министръ финансовъ *увѣряетъ, что все это невѣрно, что казначейство приближается къ банкротству и требуетъ разрѣшенія взять* деньги изъ коммиссіи погашенія, изъ банковъ, и проч. Прошедшее воскресенье курьеръ его въ полночь меня разбудилъ съ извѣщеніемъ—

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859, III, стр. 29—36.

[2]) Полн. собр. закон., т. XXXIX, № 30,141.

[3]) Богдановичъ, VI, 88—90.

[4]) 12 декабря 1819 года онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, и умеръ въ 1825 году. Notice sur les principales familles de la Russie, par pr. Dolgorouky, p. 85.

собраться на другой день для трактованія у гр. Кочубея о важнѣйшихъ дѣлахъ. Тутъ онъ просилъ насъ тотчасъ же рѣшить по одной запискѣ, собственною его рукою весьма кратко написанной, объяснивъ, что *онъ никому изъ своихъ подчиненныхъ не вѣритъ, потому что они все пересказываютъ гр. Гурьеву*. По запискѣ своей онъ объяснялъ, что система и операціи предмѣстника его основаны совершенно на невѣрныхъ началахъ, что казначейство приближается къ банкротству, что доходы совсѣмъ такъ не поступаютъ, какъ предмѣстникъ его полагалъ». Между тѣмъ, Гурьевъ и теперь еще сидѣлъ надъ финансовыми планами, въ числѣ которыхъ былъ одинъ «объ окончательномъ кругѣ дѣйствій кредитныхъ установленій, по коему они въ 12 лѣтъ должны всѣ свои операціи заключить» [1]).

Послѣ всего сказаннаго понятно кто былъ правъ—Гурьевъ или Мордвиновъ [2]). Но обратимся къ дѣятельности послѣдняго по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

---

[1]) Изъ Аракчеевской переписки, 99—102.

[2]) Въ 1823 году, въ день рожденія импер. Александра (12 декабря), Мордвиновъ получилъ андреевскую звѣзду (Списки замѣчат. людей, Карабанова, Чт. Московск. общ. ист., 1860, I, 172; ср. Записки декабриста Розена, Лейпцигъ, 1870, 44).

ГЛАВА X.

Мордвиновъ, какъ послѣдователь Бентама, былъ также у мѣста на предсѣдательскомъ креслѣ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, какъ Мордвиновъ, послѣдователь Адама Смита, предсѣдателемъ департамента экономіи. Въ это время онъ былъ самый ревностный изъ русскихъ почитателей Бентама. Ихъ отношенія поддерживались самымъ задушевнымъ сочувствіемъ другъ другу. Въ 1823 году Бентамъ прислалъ Мордвинову и Сперанскому собраніе своихъ произведеній, на что Мордвиновъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ, исполненнымъ глубокаго уваженія, письмомъ: «Вы были столь добры, что прислали мнѣ въ прошломъ году библіотеку вашихъ произведеній, которыя ученый міръ почитаетъ, *а я изучаю съ усердіемъ ученика, удивляющагося всему, что выходитъ изъ подъ пера его учителя*. Мнѣ случалось *подкрѣплять свои аргументы*, въ важныхъ процессахъ, вашими просвѣщенными сужденіями, въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ; теперь же я предстою предъ вами съ скромнымъ сочиненьицемъ (здѣсь разумѣется переводъ сочиненія о частныхъ банкахъ въ Россіи), которое я считалъ долгомъ написать въ то время, которое казалось мнѣ благопріятнымъ, чтобы обратить вниманіе моихъ соотечественниковъ на учрежденія, которыя могли бы принести имъ пользу и безъ которыхъ народы

не могутъ процвѣтать. Благоволите пробѣжать его, чтобы просвѣтить меня на пути къ пользѣ отечества» ($^5/_{17}$ мая 1824 года [1]).

Бентамъ, съ своей стороны, отвѣчалъ на это Мордвинову длиннымъ шутливымъ письмомъ, въ которомъ вполнѣ обрисовываются и ихъ близость другъ къ другу, и тѣ общіе интересы, которые такъ долго соединяли ихъ. «Я оканчиваю теперь *конституціонный кодексъ*, писалъ Бентамъ, имѣющій цѣлью исправить этотъ испорченный міръ, покрывъ его *республиками*. Я сообщаю вамъ это извѣстіе изъ чистаго великодушія, чтобы вы, по своему мѣсту, какъ président pour les affaires civiles et ecclésiastiques, которое мнѣ пріятно видѣть занятымъ вами, хотя бы только для одной Россіи,—чтобы вы, въ этомъ качествѣ, могли заблаговременно устроить санитарный кордонъ вокругъ владѣній вашего повелителя, такой прочный, какой найдетъ нужнымъ вашъ фельдмаршалъ...; впрочемъ, скажу вамъ по довѣренности, этотъ кордонъ будетъ совершенно безполезенъ противъ экземпляровъ, которыми я начиню бомбы и буду стрѣлять черезъ этотъ кордонъ. Но отчего, любезный мой другъ, вы такъ жестоко запоздали извѣстить меня о томъ, что получили кучу всякой всячины, которую я вамъ послалъ? Я уже предполагалъ, что или вы нашли для нея употребленіе въ вашей печкѣ, или что васъ сослали въ Сибирь за то, что она была къ вамъ адресована.

---

[1]) «Vous avez eu la bonté de m'envoyer l'année passée une bibliothèque de vos ouvrages, que le monde savant révére, et que j'étudie avec le zèle d'un écolier, qui admire tout ce qui sort de la plume de son maître. J'ai eu l'occasion d'appuyer mes arguments, dans des procès graves, par vos sentences luminieuses, en ma qualité de président de Conseil d'Etat pour les affaires civiles et ecclésiastiques — je me présent à vous avec un humble opuscule, que je cru devoir écrire au moment, qui me paraissait favorable pour porter l'attention de mes compatriotes, vers des etablissements, qui pourraient leur devenir utiles et sans lesquels les nations ne prospérent pas. Daignez le parcourir à m'éclairer dans la voie de me rendre utile à ma patrie». 5 (17) мая 1824 года (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI).

«Это приводитъ меня къ Сперанскому, къ которому я въ тоже время послалъ тѣ же вещи. Онъ точно также имѣлъ варварство оставить меня въ томъ же невѣдѣніи. Правда, я никогда его не видалъ; но также правда и то, что его мнѣнія относительно моихъ вещей извѣстны мнѣ изъ его письма къ Дюмону, которое я храню какъ святыню, и, когда бываю въ хвастливомъ расположеніи духа, показываю иногда нѣкоторымъ *молодымъ друзьямъ*: сюда прибавится теперь и *ваше письмо*.

«Я радъ слышать, что *вы и Сперанскій въ хорошихъ отношеніяхъ между собою*, чего не бываетъ обыкновенно (какъ я читалъ это въ какой-то книгѣ) между товарищами въ такихъ правленіяхъ, какъ ваше, не говоря о другихъ правленіяхъ.

«Я забылъ, кому изъ васъ я послалъ, вмѣстѣ съ своимъ хламомъ, и свою покорнѣйшую просьбу прислать мнѣ экземпляръ того, что было у васъ оффиціально опубликовано относительно состоянія законовъ, съ тѣхъ поръ какъ учреждено было вѣдомство для этой цѣли. Я полагаю, что два такихъ могущественныхъ человѣка, какъ вы и онъ, придумали бы между собою средство украсть для этой цѣли одинъ экземпляръ, не подвергая себя быть высѣченнымъ. Или, что если великодушный (т. е. государь) будетъ настолько великодушенъ, что пришлетъ мнѣ это? Я не возвратилъ бы ему этого, какъ возвратилъ перстень. Мнѣ незачѣмъ его перстней. Но мнѣ было бы для чего имѣть его законы. Что касается Розенкампфа,—онъ, какъ я слышу, is gone to the dogs. Я думаю, онъ не могъ найти лучшаго употребленія.

«Что касается до злоупотребленій, открытыхъ имъ, я разумѣю Сперанскимъ, а не Розенкампфомъ (т. е. въ Сибири), то конечно было бы весьма любопытно имѣть о нихъ какія нибудь свѣдѣнія; хотя впрочемъ, если прискорбная польза составляетъ весь ихъ вредъ, я могъ бы прислать взамѣнъ неоспоримо вѣрное указаніе въ двѣнадцать разъ болѣе прискорбной пользы, добытой въ то же количество времени

здѣсь, хотя болѣе безопасными и непреодолимыми средствами. Но, серьозно, я былъ бы въ совершенномъ отчаяніи, если бы въ моемъ конституціонномъ кодексѣ не нашлось, въ томъ или другомъ мѣстѣ, мѣръ, примѣнимыхъ съ такою же выгодой въ вашей монархіи, какъ и въ моей Утопіи...

«Я посылаю вамъ съ этимъ случаемъ небольшой республиканскій пасквиль, avant-courrier моего кодекса. Онъ можетъ послужить къ тому, чтобы развеселить глубокомысліе какого нибудь изъ тѣхъ совѣтовъ, которые пользуются вашимъ предсѣдательствомъ. Я боюсь, что вашъ повелитель слишкомъ серьозенъ, чтобы смѣяться такимъ вещамъ. Онъ, быть можетъ, скорѣе склоненъ написать брату Георгу, чтобы тотъ остановилъ публикацію» [1]). Есть основаніе полагать, что республиканскій пасквиль Бентама, упомянутый въ письмѣ, есть его «Leading principles of a Constitutional Code for any state», напечатанное въ 1823 году [2]).

Само собою разумѣется, что послѣдователи Бентама въ Россіи не могли удовлетворяться тою формою суда, какая господствовала въ ней тогда и сохранялась до послѣдняго царствованія. Н. И. Тургеневъ составилъ было проектъ образованія новаго судебнаго порядка въ Россіи, основаннаго на гласности, институтѣ присяжныхъ и совершенно иныхъ взглядахъ на преступленія, на тѣхъ взглядахъ, представителемъ которыхъ служилъ тогда въ Европѣ Бентамъ [3]). Свой планъ Тургеневъ читалъ Мордвинову, который вполнѣ одобрилъ его [4]).

---

[1]) Works, X, 542 — 543; Пыпинъ, Русскія отношенія Бентама, Вѣстникъ Европы, 1869, апрѣль, 785—86.

[2]) Въ Pamphleteer, № 24; Works, II, 269. См. ibid.

[3]) Tourgueneff, La Russie, etc., II, 223—242.

[4]) Вотъ примѣръ отношенія Мордвинова къ тогдашнему судопроизводству. Говорятъ, въ одномъ судебномъ мѣстѣ зашла рѣчь о томъ, чтобы поставить въ немъ приличный мѣсту образъ. Слушая разные толки объ этомъ, Мордвиновъ наконецъ перебилъ ихъ словами: «Да, образъ необходимо поставить, только Христа, распятаго на крестѣ, съ надписью: «Отче, отпусти имъ — не вѣдятъ бо что творятъ» (*Сообщено*).

Ихъ взаимныя добрыя отношенія продолжались по прежнему, такъ что когда Мордвиновъ былъ назначенъ председателемъ департамента гражданскихъ дѣлъ, то и Тургеневъ перешелъ къ нему. Судебныя тяжбы, проходившія чрезъ департаментъ гражданскихъ дѣлъ и поступавшія въ государственный совѣтъ, принадлежали къ дѣламъ первой важности, которыя, до образованія совѣта, обыкновенно восходили отъ сената на усмотрѣніе государя, или которыя требовали объясненія закона и разрѣшенія недоразумѣній. Поэтому, и въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ, для Мордвинова было много такихъ занятій, въ которыя онъ готовъ былъ вложить все свое сочувствіе. Впрочемъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, Мордвиновъ былъ замѣщенъ княземъ Куракинымъ (Алексѣемъ, братомъ бывшаго посланника при Наполеонѣ), но потомъ онъ снова является въ этой должности [1]. Тургеневъ говоритъ, что они представляли громадный контрастъ между собою: Мордвиновъ отличался гуманностью и просвѣщеніемъ; Куракинъ былъ лишенъ этихъ качествъ; но онъ обладалъ внѣшнимъ лоскомъ и свѣтскостью. Не смотря на это, въ своемъ департаментѣ, куда поступало много дѣлъ по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ, кн. Куракинъ всегда подавалъ свой голосъ въ пользу крестьянъ, и государь соглашался съ нимъ, не смотря на большинство въ государственномъ совѣтѣ. «Но, замѣчаетъ Тургеневъ, я былъ бы болѣе доволенъ видѣть въ этой должности Мордвинова, нежели Куракина, такъ какъ основаніе, которымъ руководствовался послѣдній въ вопросѣ объ освобожденіи, состояло въ желаніи угодить... Придворный преобладалъ въ немъ надъ человѣкомъ... Вступивъ въ департаментъ гражданскихъ дѣлъ, я нашелъ нѣсколько

---

[1]) Во всякомъ случаѣ это замѣщеніе было непродолжительно, такъ какъ князь Куракинъ даже не помѣщенъ въ спискѣ председателей означеннаго департамента, а Мордвиновъ показанъ председательствующимъ въ немъ съ 6 іюня 1821 года по 19 декабря 1838 г. См. Истор. образов. государственнаго совѣта, Даневскаго; прилож., стр. 26.

рѣшеній по этому вопросу, предназначенныхъ для представленія въ государственный совѣтъ, подъ которыми въ числѣ другихъ была подпись и Мордвинова; но мнѣ легко удалось убѣдить его въ томъ, что онъ былъ обманутъ, отвергая освобожденіе несчастныхъ, домогавшихся того. Тогда онъ въ полномъ собраніи совѣта, когда я доложилъ дѣла, всталъ и сознался въ своемъ заблужденіи; затѣмъ, назвавъ того, кто убѣдилъ его въ противномъ, онъ окончилъ свое заявленіе выраженіемъ мнѣнія, противнаго прежнему. Объясненія такого человѣка, представленныя съ благородною свободою не могли не склонить къ убѣжденію большинства совѣта, и несчастные крестьяне наконецъ выиграли свое дѣло... Въ дѣлахъ чисто гражданскихъ и тяжебныхъ, а также въ уголовныхъ процессахъ, князь-Куракинъ бывалъ обыкновенно суровымъ судьею; но «адмиралъ Мордвиновъ и гр. Потоцкій были и здѣсь наилучшими защитниками обвиненныхъ, къ которымъ присоединялся на помощь и благородный Александръ Салтыковъ, по крайней мѣрѣ при голосованіи», говоритъ Тургеневъ [1]).

«Мордвиновъ, продолжаетъ онъ, душа котораго была исполнена состраданія и доброты, не переставалъ поддерживать то мнѣніе, что государственный совѣтъ не можетъ измѣнять рѣшеній сената болѣе скромно, какъ смягчая наказанія, и что увеличивать ихъ было бы дѣломъ не только несправедливымъ, но даже нелѣпымъ». Тургеневъ же, въ бесѣдахъ съ Мордвиновымъ, настаивалъ на одномъ исключеніи въ этомъ отношеніи, которое клонилось противъ помѣщиковъ; но Мордвиновъ и въ этихъ дѣлахъ держался того же взгляда! [2])

Въ бытность предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствованіе императора Александра I,

[1]) Гр. А. Салтыковъ былъ также послѣдователь Бентама. См. Русскія отношенія Бентама, Пыпина, Вѣстн. Европы 1869 года апрѣль, 780.

[2]) Tourgueneff, La Russie, I, стр. 116—121, 392—395.

Мордвинову пришлось высказаться по самымъ разнообразнымъ процессамъ. Постараемся изложить его мнѣнія въ нѣкоторой системѣ.

Прежде всего намъ слѣдуетъ упомянуть о его мнѣніяхъ, высказанныхъ по поводу тяжебъ о наслѣдствѣ и завѣщаніяхъ. Мы не станемъ касаться подробностей этихъ дѣлъ, такъ какъ въ настоящее время они не имѣютъ уже своего значенія. Дѣла этого рода были слѣдующія: 1) Процессъ по имуществу Беровъ въ Курляндіи. Сенатъ, руководствуясь фамильнымъ договоромъ, заключеннымъ между представителями двухъ линій этой фамиліи въ 1608 году, присудилъ спорное имущество въ безраздѣльное владѣніе Филиппа Бера; Мордвиновъ же, на основаніи существующей практики и завѣщанія, стоялъ за раздѣлъ имущества между Филиппомъ и Іоганномъ Берами (августъ, 1821). 2) Тяжба по завѣщанію графа Ворцеля, на основаніи котораго его имущество присуждалось сенатомъ дѣвицѣ Крушевской и воспитаннику Станиславу Спротѣ; но Мордвиновъ подалъ отъ департамента гражданскихъ дѣлъ протестъ, въ которомъ отстаивалъ права на наслѣдство Ворцеля дочерей его: граф. Дульской и Радзивиллъ и жены его, графини Ворцель (декабрь, 1821). 3) Дѣло графини Потоцкой съ пасынкомъ, начатое въ 1809 году, касалось правъ послѣдняго на часть имѣнія, доставшуюся ему по завѣщанію отца. Мачиха его, совмѣстно съ сыномъ своимъ Юріемъ, обличала пасынка въ подлогѣ; но Мордвиновъ, какъ предсѣдатель департамента гражданскихъ дѣлъ, подалъ мнѣніе въ защиту правъ пасынка (декабрь, 1821 [1]). 4) И въ комитетѣ министровъ (27 февраля 1823), и въ государственномъ совѣтѣ (іюнь, 1825) Мордвиновъ защищалъ права наслѣдниковъ Турчанинова на его заводъ (по завѣщанію), противъ горнаго правленія и чиновниковъ, управлявшихъ заводомъ и требовавшихъ пособія въ первый годъ

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. V.

1.300.000 и во второй годъ 443.000 рублей. Вслѣдствіе этихъ столкновеній, на заводѣ возникли безпорядки, такъ какъ чиновники не допускали туда хлѣба, стараясь возбудить неудовольствія противъ наслѣдниковъ. 5) По вопросу о пермскихъ казенныхъ заводахъ, Мордвиновъ стоялъ за отдачу ихъ въ частныя руки, такъ какъ съ этимъ всегда связывается усовершенствованіе издѣлій и способовъ выдѣлки матерьяла (введеніе паровыхъ машинъ, каменнаго угля, и т. п.), Этимъ же отчасти объясняется и его защита правъ наслѣдниковъ Турчанинова [1]).

Въ приговорахъ, влекшихъ за собою осужденіе, Мордвиновъ стоялъ всегда за принципъ смягченія наказанія. Такъ, вслѣдствіе приговора сенатомъ шляхтича Волынской губерніи, Новаковскаго, къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь, за воровство не свыше 100 рублей, Мордвиновъ, выставляя на видъ и побужденія голода, часто влекущія къ преступленію, и необходимость равенства въ наказаніяхъ, указывалъ, что людей простаго происхожденія, за подобное преступленіе, законъ опредѣляетъ въ работу, а потому въ настоящемъ случаѣ онъ соглашался съ мнѣніемъ губернатора и стоялъ противъ увеличенія наказанія сенатомъ (20 ноября, 1822 года [2]). Въ мартѣ 1824 года разсматривалось замѣчательное дѣло о приговорѣ къ смертной казни коммиссіонера 12 класса, Требинскаго, конфирмованномъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Вслѣдствіе неудовлетворительной сдачи мундирныхъ вещей въ Бѣлоруссіи, Требинскій былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и ссылкѣ въ Сибирь; но онъ бѣжалъ изъ крѣпости, и потому былъ приговоренъ къ смерти. Мордвиновъ, въ своей защитѣ, опирался на хорошій отзывъ о немъ военнаго министра, графа Татищева, и продолжительное заключеніе (5 лѣтъ), причинившее уже виновному много страданій (въ заключеніи же у виновнаго нашли

[1]) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI и VII.
[2]) Ibid., т. V.

вольнодумную записку, что и послужило предлогомъ къ его бѣгству), а потому предлагалъ замѣнить приговоръ наказаніемъ виновнаго только на годъ въ солдаты, присоединяя при этомъ просьбу представить самое дѣло на усмотрѣніе государя [1]). Какъ мы видѣли, виновный былъ приговоренъ къ ссылкѣ.

Даже дѣла объ убійствѣ не останавливали Мордвинова въ требованіи смягченія наказанія, если у него раждалось сомнѣніе въ самомъ фактѣ, или мотивы преступленія приводили его къ иному заключенію. Будучи противникомъ оставленія подсудимыхъ въ подозрѣніи, и въ преступленіяхъ по убійству онъ держался того же принципа [2]). Въ дѣлѣ объ убійствѣ прапорщика Есипова, обольстителя дочери помѣщицы Чагиной, Мордвиновъ, принимая во вниманіе тѣ исключительные мотивы, которые здѣсь могли дѣйствовать (борьбу страстей и страхъ, заставившій виновныхъ скрываться), согласился съ большинствомъ сената оправдать убійцъ (20 ноября, 1822 года [3]). Приведемъ еще примѣръ, интересный по мотивамъ преступленія, какъ передаетъ его Тургеневъ, по которому также пришлось высказаться Мордвинову. «Дѣло касалось, говоритъ Тургеневъ, человѣка, который, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, во время обѣда, за которымъ присутствовало много родственниковъ, взялъ ножъ и пронзилъ имъ грудь своей сестры, сидѣвшей почти возлѣ него. Онъ сознался въ своемъ преступленіи, не давъ однако никакого объясненія. Сенатъ приговорилъ его, какъ убійцу. Но когда дѣло перешло въ государственный совѣтъ, то почтенный адмиралъ Мордвиновъ, который всегда желалъ спасти всякаго, невиннаго и виновнаго, непремѣнно захотѣлъ измѣнить приговоръ сената. Составляя рѣшеніе департамента, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, я приводилъ съ большими похва-

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.
[2]) Ibid., т. VI, ноябрь, 1823 года.
[3]) Ibid., т. V.

лами статьи закона, толкуя ихъ всѣми способами. Эго рѣшеніе было утверждено государемъ, и убійца былъ заключенъ, какъ помѣшанный [1]).

Образцомъ разбора Мордвинова мотивовъ въ сомнительныхъ случаяхъ можетъ служить дѣло о смерти предсѣдателя калужской палаты, Гурьева, возникшее въ 1818 году. Смерть его случилась послѣ ужина, бывшаго по поводу выбора предводителя дворянства въ Калугѣ [2]). Выходя изъ вечерняго собранія, Гурьевъ свалился на помостъ передъ домомъ; затѣмъ онъ былъ положенъ слугою въ сани и отвезенъ домой, гдѣ вскорѣ умеръ. Его похоронили. Между тѣмъ, слуга его, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, гдѣ жилъ братъ Гурьева, капитанъ Гурьевъ, разсказалъ послѣднему о насильственной смерти его брата. «Поэтому было назначено слѣдствіе, въ донесеніяхъ о которомъ мнѣнія членовъ врачебной управы совершенно расходились съ показаніями чиновниковъ министерства юстиціи, настаивавшихъ на насильственной смерти Гурьева. Вслѣдствіе этого, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, сдѣлалъ представленіе государю о необходимости перевести изъ Калуги предсѣдателей и оберъ-секретаря, а это подало поводъ министру юстиціи, кн. Лобанову, утверждать, что министръ внутреннихъ дѣлъ хотѣлъ устранить ихъ отъ показаній. Гр. Кочубей вынужденъ былъ оправдываться въ этомъ дѣлѣ передъ государемъ и просить даже заступничества у сильнаго тогда Аракчеева. Въ письмѣ къ послѣднему гр. Кочубея, отъ 3 ноября 1823 года, читаемъ: «Никогда не воображалъ я, чтобъ едва оставивъ С.-Петербургъ, могъ я быть

[1]) Tourgueneff, La Russie, II, 218.

[2]) Дѣло это мы относимъ къ настоящему времени потому, что послѣдніе выборы предводителя дворянства въ Калугѣ, въ царствованіе импер. Александра I, были въ 1818 году (Ист. мин. внутр. дѣлъ, Варадинова), а слѣдствіе о немъ происходило подъ конецъ министерства Кочубея, который былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ 1819—23 г. (Списки Карабанова, въ Чт. Моск. общ. ист.).

тамъ предметомъ самыхъ неосновательныхъ и даже оскорбительныхъ толковъ, по какому-то письму министра юстиціи, князя Лобанова, въ коемъ онъ обвиняетъ меня пристрастіемъ по дѣлу о чиновникахъ его, переведенныхъ изъ Калужской губерніи; родственники мои и жены моей естественно огорчены чрезмѣрно были обстоятельствами, въ коихъ съ такою подлостью хотѣли помрачить честь мою. Поставляя оную выше всего, я осмѣлился нынѣ писать къ его императорскому величеству и просить гласнаго изслѣдованія, а къ вашему сіятельству, какъ имѣющему главное управленіе дѣлъ комитета министровъ, и къ человѣку, который, цѣня честь, оказывалъ мнѣ всегда дружескія расположенія, обращаюсь въ надеждѣ, что вы изволите принять внимательное участіе въ дѣлѣ семъ. Я истинно не зналъ, что точно писалъ кн. Лобановъ къ государю императору, ибо мнѣ извѣстна только общая молва городская; но ваше сіятельство, зная меня, согласиться изволите, что я, кромѣ точнѣйшаго исполненія повелѣній его величества, ни въ какія дѣла, до меня не принадлежащія, никогда не мѣшался, и что самимъ министромъ юстиціи, кн. Лобановымъ, я столь же мало занимался, какъ и вы сами, радуясь только иногда, какъ пустое и шумное многоглагольствіе хотя окончаніемъ комитета или совѣта прекращалось... Какъ бы то ни было, я не унижу себя до того, чтобы упоминать о тѣхъ побужденіяхъ, кои вѣроятно дѣйствовали въ семъ случаѣ; да мнѣ они и не нужны для показанія правоты моей» [1]).

По этому поводу состоялось повелѣніе, объявленное комитету министровъ, въ которомъ требовалось опредѣлить степень вѣроятія въ двухъ противоположныхъ показаніяхъ министерствъ, и обратить вниманіе на случай смерти помѣщика Гурьева, о которомъ пришлось высказать свое мнѣніе и Мордвинову.

---

[1]) Изъ Аракчеевской переписки, Вѣстн. Евр., 1870, сентябрь, 112.

Разсмотрѣвъ ходъ всего дѣла, Мордвиновъ обращаетъ вниманіе, что служащіе обоихъ министерствъ основывались на данныхъ, сообщенныхъ имъ, и потому вопросъ о достовѣрности представленныхъ ими свѣдѣній сводится на вопросъ о вѣроятности того или другаго показанія. Онъ обращаетъ вниманіе, что о насильственной смерти показалъ одинъ лишь слуга брата Гурьева—Шанталовъ; остальные же говорятъ противное. Затѣмъ Мордвиновъ переходитъ къ самымъ показаніямъ.

Показаніе Шанталова состоитъ въ томъ, «что когда покойный Гурьевъ вышелъ изъ дверей на лѣстницу, то онъ взялъ его подъ лѣвую руку и, шедши двумя ступенями впередъ, пособлялъ, по большой его толстотѣ, сходить съ лѣстницы. Когда уже онъ, Шанталовъ, стоялъ одною ногою на площадкѣ, а другою на послѣдней ступенькѣ, и когда Гурьевъ съ третьей ступеньки сходилъ на вторую къ той же площадкѣ, то въ сіе время услышалъ онъ, что кто-то бѣжитъ съ верху лѣстницы, и, набѣжавъ на Гурьева, ударилъ его рукою по лѣвому виску, и, проскочивъ мимо на дворъ, скрылся; но было-ли что въ его рукѣ, то онъ, Шанталовъ, не знаетъ. Кто же онъ такой—не знаетъ, а при слабомъ освѣщеніи могъ только замѣтить, что былъ безъ шапки и безъ шляпы. Между тѣмъ, покойный, полученнымъ ударомъ будучи вышибленъ у него изъ рукъ, обернувшись—упалъ на площадку лѣстницы навзничь, мертвый. Тогда онъ, Шанталовъ, увидѣлъ, что изъ носа, рта и раны льется кровь, которая была видна на немъ и на площадкѣ. Онъ же, положивъ покойнаго, съ помощью другихъ лакеевъ, въ сани, повезъ домой. Привезши въ домъ, положилъ его на полъ, на который изъ уха и раны лилась кровь. Когда же пріѣхалъ штабъ-лекарь Гошевскій вмѣстѣ съ подлекаремъ Киселевымъ, то они платяными щетками растирали руки и ноги покойному, и потомъ подлекарь Киселевъ изъ обѣихъ рукъ пустилъ ему кровь, которой вышло не болѣе половины чайной чашки. А по пріѣздѣ въ Москву, въ концѣ послѣдней зимы,

господинъ его, капитанъ Гурьевъ, братъ покойнаго, дозволилъ ему, Шанталову, разсказать себѣ о бывшемъ происшествіи».

Жандармъ Иванъ Филимоновъ, знавшій Гурьева, показалъ, что «когда онъ, во 2-мъ или 3-мъ часу ночи, выходилъ изъ собранія, то онъ, Филимоновъ, отперъ ему дверь, и замѣтивъ, что Гурьевъ былъ крѣпко хмѣленъ, сказалъ ему: «держитесь крѣпче на ногахъ, ваше высокоблагородіе», на что Гурьевъ ничего не отвѣчалъ, а затѣмъ случилось происшествіе, но изъ собранія въ это время никто не выходилъ. Возвращаясь оттуда, жандармы только говорили между собою, что Гурьевъ пьяный упалъ». Кучеръ Гурьева показалъ, что о причинѣ смерти онъ ни отъ кого не слышалъ. Доктора, бывшіе при поданіи помощи, свидѣтельствовали, что раны они не замѣтили, а лицо умершаго было вспухшее и темно-красваго цвѣта. О самомъ же происшествіи никто имъ не говорилъ.

Когда стало извѣстнымъ подозрѣніе въ насильственной смерти, то были призваны, для произведенія изслѣдованія, три члена врачебной управы, которые, вынувъ тѣло изъ могилы, нашли кости черепа проломленными, но на наружной кожѣ раны не было. Поэтому они пришли къ заключенію, что проломъ совершился отъ удара тупымъ твердымъ тѣломъ, а нанесенъ-ли онъ былъ Гурьеву, или тотъ расшибся, упавъ на полъ, они не дали рѣшительнаго отвѣта. Послѣ этого было допрошено множество лакеевъ, кучеровъ, дворянъ и чиновниковъ. Всѣ они единогласно засвидѣтельствовали, что собраніе было веселое, что пили много шампанскаго, били даже рюмки и забавлялись пляскою цыганокъ; но никто не показалъ, чтобы былъ въ этомъ собраніи какой нибудь споръ или ссора. Даже братъ Гурьева, жившій тогда съ нимъ въ одномъ дворѣ, не нашелъ на его лицѣ кровавой раны, и никакого подозрѣнія тогда не имѣлъ; онъ самъ хлопоталъ у губернатора, чтобы тѣло его брата не

было анатомировано, дабы не огласилось, что онъ умеръ отъ излишне выпитаго имъ вина.

Всѣ эти показанія убѣждали Мордвинова въ прямомъ противорѣчіи происшествія съ разсказомъ Шанталова, тѣмъ болѣе, что онъ не считалъ нужнымъ объявить о нанесеніи удара на мѣстѣ преступленія, а потомъ не въ состояніи былъ назвать кого нибудь виновнымъ. По этимъ соображеніямъ, Мордвиновъ находилъ, что «можно съ достаточнымъ основаніемъ заключить, что донесеніе чиновниковъ, состоящихъ подъ вѣдомствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ болѣе права на вѣроятность, нежели донесеніе чиновниковъ, зависящихъ отъ министерства юстиціи». Затѣмъ онъ предлагаетъ передать донесеніе по оконченному слѣдствію въ палату уголовнаго суда, для постановленія приговора и дальнѣйшаго рѣшенія. Представленіе же министра внутреннихъ дѣлъ о переводѣ предсѣдателей и оберъ-секретаря, по его мнѣнію, не даетъ права заключать о желаніи скрыть преступленіе, утверждаемое Шанталовымъ, которое подверглось, кромѣ слѣдствія, произведеннаго губернаторомъ, новому переизслѣдованію по распоряженію сената и съ согласія управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [1]).

Таковы были пріемы Мордвинова въ разбирательствѣ юридическихъ показаній. Письмо его къ статсъ-секретарю Оленину (отъ 21 мая 1825 года), по дѣлу гр. Каменскаго съ поваромъ его, французомъ Карономъ, показываетъ, какъ относился Мордвиновъ къ порядку производства дѣлъ и способу обсужденія ихъ въ государственномъ совѣтѣ [2]).

«Подписавъ журналъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ по сему предмету, говоритъ Мордвиновъ, и имѣя на моей сторонѣ всѣхъ членовъ общаго собранія, кромѣ предсѣдательствующаго (кн. А. Б. Куракина) и гр. Маркова, я не нахожу иного дополненія нужнымъ, какъ

---

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1860, IV, 302—307.
[2]) Ibid., 1861, IV, смѣсь, 164—166.

только то, что не могутъ существовать два рода правосудія: *одно для повара Карона, другое для гр. Каменскаго*; что побочныя обстоятельства къ сужденію дѣлъ законами воспрещены; что судья не можетъ быть ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ; что оскорбительныя слова не совмѣстны съ равнодушіемъ праведнаго судьи, что они тѣмъ менѣе дозволительны, когда отнесены могутъ быть къ судьямъ противнаго мнѣнія; ибо когда дѣло гр. Каменскаго гнусно, то единогласное рѣшеніе правительствующаго сената, мнѣніе какъ департамента, такъ и общаго собранія государственнаго совѣта подходятъ подъ тоже наименованіе; что приговоръ палаты основанъ на ложномъ толкованіи закона, требующаго доказательствъ отъ истца, а не отъ отвѣтчика; что, допустивъ въ государственномъ совѣтѣ такое искаженіе закона, откроется слѣдъ ко всѣмъ обманамъ и несправедливымъ требованіямъ, и не будетъ въ Россіи законовъ.

«Затѣмъ, какъ я вижу изъ отношенія къ вашему превосходительству, что кн. Алексѣй Борисовичъ оскорбился, въ лицѣ предсѣдателя, замѣчаніемъ моимъ, что онъ напрасно назвалъ дѣло гр. Каменскаго *гнуснымъ*, когда въ дѣлѣ, предлежащемъ сужденію, *никакія обстоятельства* не изображаютъ его въ семъ видѣ, честь имѣю объяснить:

«Государственный совѣтъ есть, въ моемъ разумѣ, не что иное, какъ совѣщаніе людей государственныхъ, опредѣленныхъ по особой высочайшей волѣ, дабы дѣла, разсмотрѣнію сего сословія порученныя, въ истинномъ ихъ достоинствѣ государю императору представлены были.

«Никакое совѣщаніе по дѣламъ безъ взаимныхъ примѣчаній въ разсужденіяхъ, по обстоятельствамъ оныхъ, существовать не можетъ.

«Нимало не желая оскорбить господина предсѣдательствующаго и будучи въ чистомъ благонамѣреніи, я старался замѣчаніемъ моимъ обратить вниманіе его сіятельства на то только извѣстное и признанное общее правило, что въ дѣлахъ къ сужденію предложенныхъ невозможно назвать

дѣло *гнуснымъ*, когда обстоятельства онаго такимъ его не открываютъ, и что самое выраженіе сіе, могущее оскорбить тѣхъ, которые были противнаго мнѣнія, непозволительно въ верховномъ собраніи. Личное же убѣжденіе г. предсѣдательствующаго, что извѣстный ему родъ жизни гр. Каменскаго невыгоденъ въ его мнѣніи, не перемѣняетъ, смѣю сказать, существа дѣла, а обнаруживаетъ только обстоятельство, которое вовсе дѣлу непричастно.

«Позвольте повторить вашему превосходительству, что, по совѣсти моей, никакого намѣренія къ оскорбленію г. предсѣдательствующаго не имѣлъ я, и, въ доказательство того, самое замѣчаніе мое сдѣлалъ я со всею скромностью, произнеся оное весьма тихо, такъ что мои слова едва-ли кому были слышны.

«Впрочемъ, руководствуясь высочайшимъ образованіемъ государственнаго совѣта, я не вижу той статьи, которая бы запрещала члену сего верховнаго сословія прибѣгнуть къ приличному замѣчанію, для обращенія вниманія предсѣдателя государственнаго совѣта на истинное положеніе дѣла, потому болѣе, что въ § 10 сего образованія именно повелѣвается: Всѣ разсужденія обращать къ лицу предсѣдателя.

«Въ заключеніе сего моего объясненія, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, въ случаѣ нужды, довести сіе объясненіе до свѣдѣнія государя императора, предъ которымъ всегда открыта душа моя».

Въ P. S. Мордвиновъ еще прибавляетъ: «Я долженъ въ заключеніе сего повторить, что я отнюдь не возражалъ на мнѣніе кн. А. Б. Куракина, но единственно ему замѣтилъ, изъ уваженія къ его сіятельству, что слово *гнусное* не можетъ быть употреблено безъ ясныхъ доказательствъ».

Какъ предсѣдатель департамента, въ которомъ разсматривались и духовныя дѣла, Мордвиновъ оставилъ послѣ себя также мнѣнія по духовнымъ дѣламъ, которыя проникнуты тѣмъ же гуманнымъ взглядомъ, и въ которыхъ виденъ тотъ же, незатемненный юридическими формами взглядъ

на вещи. Укажемъ для примѣра на мнѣнія Мордвинова о бракѣ Полуектовыхъ и бракѣ д. ст. сов. Фукса.

Нѣкто Штенгеръ, женясь на дѣвицѣ Насѣкиной, вскорѣ послѣ брака отвезъ свою жену къ ея брату, а самъ, уѣхавши, болѣе 11 лѣтъ не давалъ о себѣ никакого извѣстія ни ей, ни ея родственникамъ; между тѣмъ, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени его отлучки, она получила отъ служившихъ съ Штенгеромъ офицеровъ письма, въ которыхъ извѣщалось, что онъ, въ бытность свою въ походахъ за границею, умеръ. Послѣ этого она вступила во второй бракъ съ подпоручикомъ Полуектовымъ, жила съ нимъ болѣе 15 лѣтъ и имѣла отъ него пятерыхъ дѣтей. Спустя нѣкоторое время, Штенгеръ, взявъ изъ метрическихъ книгъ выпись о вѣнчаніи жены своей съ Полуектовымъ, въ 1818 году просилъ псковскую духовную консисторію объ уничтоженіи перваго его брака и дозволеніи ему вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ. Псковская консисторія, съ утвержденія епархіальнаго архіерея (Евгенія, бывшаго съ 1822 года митрополитомъ кіевскимъ), разрѣшила дѣло, признавъ твердость втораго брака съ Полуектовымъ и предоставивъ дѣло о вступленіи во второй бракъ Штенгера разсмотрѣть лютеранскому духовному вѣдомству, такъ какъ Штенгеръ былъ лютеранинъ. Но синодъ отмѣнилъ рѣшеніе консисторіи, опредѣливъ расторгнуть бракъ съ Полуектовымъ по той причинѣ, что жена его вышла за него при жизни перваго мужа. Въ такомъ видѣ это дѣло поступило въ государственный совѣтъ, которому Мордвиновъ, въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, представилъ свое мнѣніе.

«При всемъ благоговѣніи къ мнѣніямъ священныхъ пастырей церкви нашей, говоритъ онъ, я не могу не признать мнѣнія, утвержденнаго бывшимъ псковскимъ архіепископомъ Евгеніемъ, ближе согласующимся съ духомъ христіанской вѣры, которая милуетъ грѣшниковъ, снисходитъ человѣческимъ слабостямъ, и началомъ и основаніемъ своихъ правилъ заповѣдала любовь. Спаситель нашъ не осудилъ на смерть и

жены-блудницы; здѣсь же дѣло шло не о блудницѣ, но о сочетавшейся съ мужемъ через бракъ, совершенный церковью по всѣмъ ея правиламъ. Жена же, если и погрѣшила ускореніемъ выхода въ другое замужество, ибо не выждала узаконенныхъ не только семи, но и пяти лѣтъ послѣ того, какъ первый мужъ ея, будучи въ отсутствіи, оставилъ ее безъ всякаго увѣдомленія; но письма, которыя дошли до нея отъ сослуживцевъ его о смерти, если не могутъ совершенно оправдать ее, то по крайней мѣрѣ, принимая въ соображеніе тогдашнюю молодость ея и незнаніе точныхъ правилъ порядка, служатъ важнымъ поводомъ къ снисходительному извиненію поспѣшности ея поступка».

Далѣе, указавъ на одно изъ правилъ Василія Великаго, извиняющее женъ, вышедшихъ замужъ за отсутствіемъ ихъ мужей, и наложеніе на Полуектову семилѣтней эпитиміи псковскимъ архіепископомъ, Мордвиновъ продолжаетъ: «Затѣмъ, да будетъ мнѣ позволено коснуться обоихъ браковъ въ сравнительномъ на нихъ взглядѣ. Первый изъ нихъ былъ бездѣтный, чуждый совмѣстной жизни въ продолженіи 15 лѣтъ, и на возстановленіе котораго ни одна изъ сторонъ не изъявляла никакого желанія; Штенгеръ же просилъ именно уничтожить его и дозволить ему вступить въ другой бракъ. Второй же, сверхъ освященія его предъ алтаремъ церкви, освятился и долголѣтнимъ выполненіемъ отъ супруговъ всѣхъ, возлагаемыхъ на нихъ церковью, обязанностей, прижитіемъ пятерыхъ дѣтей и объявленіемъ отъ обоихъ супруговъ неизмѣннаго ихъ желанія остаться неразлучными.

«Въ расторженіи послѣдняго брака не предстояло и не предстоитъ ни одному лицу какого либо добра, или существенной пользы; напротивъ того, по множеству прикосновенныхъ къ нему лицъ, оно влечетъ за собою много безполезнаго зла, печали и огорченія. Болѣе всего дѣти (совершенно невинныя), чрезъ расторженіе послѣдняго брака, подвергаются опасенію быть лишенными отцовскаго имени, наслѣдія и всѣхъ правъ сословія; становятся, при живыхъ отцѣ

и матери, сиротами, лишающимися всѣхъ выгодъ общежитія, къ которому приготовлены были хорошимъ воспитаніемъ и образованіемъ, и подверженными всеобщему презрѣнію... Но даже, если бы Штенгеръ могъ просить о расторженіи послѣдняго брака, то и въ такомъ случаѣ самый законъ, повелѣвающій дѣла, не бывшія втеченіи десяти лѣтъ гласными, предавать вѣчному забвенію, не допустилъ бы исполненію такого желанія.

«Этотъ законъ есть непреложное правило для всѣхъ сословій, всѣхъ чиноначалій и присутственныхъ мѣстъ въ государствѣ. Правительствующій сенатъ не изъятъ изъ повиновенія ему во всей точности. *Святѣйшій синодъ, равное сенату правительственное мѣсто, долженъ равномѣрно руководствоваться имъ въ своихъ рѣшеніяхъ, потому что мы признаемъ одну самодержавную власть, какъ надъ гражданскими, такъ равно и надъ духовными мѣстами и лицами*».

По этимъ соображеніямъ, Мордвиновъ согласился съ мнѣніемъ, утвержденнымъ псковскимъ архіепископомъ, какъ болѣе сообразнымъ съ обстоятельствами дѣла и духомъ христіанскаго ученія. Наконецъ, онъ заключаетъ такъ: «Къ предпочтенію его я убѣждаюсь также и нравственными понятіями о неизгладимыхъ въ сердцѣ человѣческомъ нѣжныхъ чувствахъ къ дѣтямъ своимъ, напечатлѣнныхъ въ немъ закономъ самой природы; ибо расторженіе брака, существовавшаго въ любви и добромъ согласіи 15 лѣтъ и укрѣпленнаго пятью рожденными отъ него дѣтьми, какъ противное естественнымъ уставамъ, не могло бы даже достигать и своего исполненія, развѣ при совершенномъ отнятіи отъ супруговъ гражданской ихъ свободы, безъ чего точное послѣдованіе тому не иначе представляло бы отца и мать этихъ дѣтей, какъ неимѣющими въ сердцахъ своихъ ничего благодушнаго и какъ бы извергов природы; а потому можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы отецъ и мать рѣшительно оставили своихъ дѣтей по доброй волѣ, чтобы не имѣли совмѣстнаго надъ ними призрѣнія и

попеченія и чтобы для сего не жили вмѣстѣ и не продолжали связей своихъ.

«*Такимъ образомъ, разрывъ духовною властью подобныхъ браковъ служилъ бы только къ явному умноженію числа преступниковъ отъ непослѣдованія въ точности тому, что на самомъ дѣлѣ есть неудобоисполнимо*» [1]).

Другой, подобный же примѣръ представляетъ дѣло о разводѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фукса (1823), женатаго сначала на Луизѣ Едовской, которую онъ оставилъ за прелюбодѣяніе (по праву иновѣрца). Вторично Фуксъ вступилъ въ бракъ съ Аничковою, и имѣлъ отъ нея шестерыхъ дѣтей, причемъ даже принялъ православіе. Не смотря на это, по притязаніямъ первой его жены, духовное начальство рѣшило развести его со второю женою, какъ расторгшаго первый бракъ. Но съ этимъ не согласился департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, отъ котораго Мордвиновъ представилъ въ совѣтъ особое мнѣніе, опираясь въ немъ на приведенные выше факты [2]).

Изъ этого видно, что и въ своей дѣятельности по духовнымъ вопросамъ, Мордвиновъ держался того же взгляда, какъ и въ дѣлахъ гражданскихъ, и въ требованіяхъ своихъ смягченія рѣшеній синода былъ не менѣе настойчивъ, какъ и въ требованіяхъ смягченія приговоровъ, постановленныхъ сенатомъ.

Мы видѣли, что въ проекты Мордвинова входило и улучшеніе тюремъ; усиленіе бюджета на нихъ онъ также считалъ настоятельно необходимымъ. 12 іюня 1825 года онъ подалъ мнѣніе объ улучшеніи тюремнаго содержанія, настаивая приэтомъ на запрещеніи лишенія пищи заключенныхъ [3]).

По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, коммиссія законовъ, находившаяся съ 1812 года подъ управленіемъ князя

---

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859 г., III, 25—28.
[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.
[3]) Ibid., т. VII.

Лопухина и совѣта, во главѣ котораго стоялъ Розенкампфъ, снова перешла въ его вѣдѣніе (въ іюлѣ 1821). За это время она успѣла окончить проектъ третьей части уложенія, подготовленной еще Сперанскимъ; напечатала прежніе проекты торговаго и уголовнаго уложенія и сводъ указовъ къ двумъ первымъ частямъ гражданскаго уложенія. Но Сперанскій нашелъ эти работы далеко неудовлетворительными, и въ приговорѣ его, по замѣчанію гр. Корфа, вовсе не было преувеличенія. Недостатокъ системы, темнота въ изложеніи и противорѣчія — составляли отличительныя свойства этихъ работъ [1]).

По предложенію Сперанскаго, состоявшаго также членомъ государственнаго совѣта, государь согласился, чтобы всѣ эти проекты поступили на разсмотрѣніе совѣта, откуда, съ замѣчаніями на нихъ, представлялись бы уже ему Сперанскимъ. Для разсмотрѣнія этихъ проектовъ, въ совѣтѣ былъ назначенъ постоянный день—четвергъ. Этотъ пересмотръ тянулся безостановочно до конца 1822 года (38 засѣданій), но ни къ чему существенному не привелъ, такъ какъ масса передѣлокъ (721 параграфа), ощутительная потребность въ измѣненіи судопроизводства и т. п. причины, заставили самого Сперанскаго хлопотать о пріостановкѣ далеко неоконченнаго дѣла законодательной реформы. Въ письмѣ къ московскому генералъ-губернатору, кн. Д. В. Голицыну, онъ сознавался, что «составъ коммиссіи законовъ весьма слабъ и людьми, и матерьялами, и что онъ не видитъ возможности удовлетворить требованіямъ, для которыхъ нужны люди съ другимъ образомъ мыслей и другими понятіями».

Въ мартѣ 1823 года, по заявленію министра финансовъ о необходимости новаго торговаго устава и коммерческаго

---

[1]) «Многимъ старожиламъ вѣрно памятно, говоритъ гр. Корфъ, какъ однажды изъ надписи на доскѣ надъ воротами коммиссіи выпала буква с, и весь Петербургъ нѣсколько времени читалъ: «Коммиссія *оставленія* законовъ». Жизнь гр. Сперанскаго, II, 270 (примѣч.).

судопроизводства, государственному совѣту велѣно было возобновить занятія по этому предмету. Но проектъ торговаго устава былъ возвращенъ коммиссіи, для исправленія. По словамъ Тургенева, Сперанскій былъ тогда плохаго мнѣнія о совѣтѣ: «Всѣ разсужденія въ совѣтѣ, говорилъ онъ, одна формальность. Эти господа ничего тутъ не понимаютъ. Вы да я обработаемъ дѣло, какъ найдемъ лучшимъ. Я нисколько не раздѣлялъ пренебреженій Сперанскаго къ совѣту, въ которомъ было нѣсколько членовъ нимало не уступавшихъ ему въ свѣдѣніяхъ, въ особенности же не раздѣлялъ его дерзкой самоувѣренности. Я, напротивъ, желалъ преній, считая ихъ, во многихъ отношеніяхъ, весьма полезными», прибавляетъ Тургеневъ.

Тѣмъ не менѣе, 11 августа 1824 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы государственный совѣтъ поспѣшилъ съ окончаніемъ работъ по представленнымъ проектамъ. Дѣло отъ этого, однако, не подвинулось. Но 18 августа того же года, въ совѣтъ былъ уже внесенъ проектъ уголовнаго уложенія, изъ котораго, втеченіи 5 мѣсяцевъ (по 26 января 1825 года), были разсмотрѣны пять первыхъ главъ, которыя содержали въ себѣ коренные и главные вопросы уголовнаго кодекса [1]).

Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ важны для насъ потому, что разбора ихъ касался Мордвиновъ.

Быть можетъ ни одно изъ предыдущихъ мнѣній не обрисовываетъ намъ въ такой степени гуманный, просвѣщенный и основанный на истинныхъ началахъ науки взглядъ Мордвинова на систему наказаній, какъ серія его мнѣній, посвященная вопросамъ «о неклейменіи лица у преступниковъ», «о кнутѣ, какъ орудіи наказанія», и «о смертной казни» [2]).

Еще въ 1817 году, по высочайшему повелѣнію, было внесено въ государственный совѣтъ предложеніе,

[1]) Гр. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 269—279.

[2]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859 года, IV, стр. 20—36, и Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI. Всѣ они напечатаны,

въ которомъ выражалось желаніе, чтобы кнутъ, вырываніе поздрей и клейменіе лица у преступниковъ не были употребляемы какъ предосудительныя наказанія. Вырываніе поздрей было тотчасъ же отмѣнено; а объ уничтоженіи кнута и клейменія лица предоставлено было государственному совѣту вступить въ разсужденія, когда будетъ въ немъ разсматриваться новый уголовный уставъ. Но это счастливое время наступило только въ 1824 году, хотя и оно не принесло тогда существеннаго результата.

Вотъ какъ разсуждалъ Мордвиновъ о кнутѣ: «Съ того знаменитаго для человѣчества и правосудія времени, когда европейскіе народы отмѣнили пытки, они истребили и орудія, которыми были производимы мученія. Одна Россія сохранила у себя кнутъ, орудіе, бывшее въ употребленіи при пыткахъ, одно названіе котораго поражаетъ ужасомъ русскій народъ и даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи, безъ просвѣщенія и нравственныхъ понятій о *человѣкѣ, существѣ въ высшей степени чувствительномъ*.

«Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, метаетъ по воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣка; мученіе, лютѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ, ибо всѣ другія, сколь бы болѣзненны они ни были, всегда менѣе бываютъ продолжительны, тогда какъ для 20 ударовъ кнутомъ нуженъ цѣлый часъ, и когда извѣстно, что, при многочисленности ударовъ, мученіе несчастнаго преступника, иногда невиннаго, продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца.

«При кровавомъ, а еще болѣе отвратительномъ, зрѣлищѣ такого мученія, пораженные ужасомъ зрители бываютъ приводимы въ то изступленное состояніе, которое не дозволяетъ ни мыслить о преступникѣ, ни разсуждать о сдѣланномъ имъ преступленіи. Каждый зритель видитъ лютость мученія, невольно соболѣзнуетъ о страждущемъ, себѣ подобномъ. Его пораженіе было бы въ меньшей степени, менѣе

лютѣйшимъ нашелъ бы онъ наказаніе, когда бы онъ видѣлъ острый ножъ въ рукахъ палача, которымъ бы тотъ разрѣзывалъ человѣческое тѣло на полосы, вмѣсто того, что онъ просѣкаетъ полосы ударами терзающаго кнута. При наказаніи кнутомъ многіе изъ зрителей плачутъ, многіе даютъ наказанному милостыню, многіе, если не всѣ, трепещутъ, негодуютъ на жестокость мученія.

«Кнутъ, по своему составу, по долговременности своего дѣйствія, по глубокимъ язвамъ и по преданію преступника на волю палача, въ умѣренности или жестокости наказанія, не долженствовалъ бы быть орудіемъ исправительнаго наказанія. Онъ былъ и есть орудіе мученія, которое донынѣ было частымъ и особымъ зрѣлищемъ для русскаго народа, и которое потому только существовало, что высшія правительственныя лица никогда не присутствовали при этихъ безчеловѣчныхъ и предосудительныхъ для вѣка нашего истязаніяхъ.

«Доколѣ кнутъ будетъ существовать въ Россіи, втунѣ мы будемъ заниматься уголовнымъ уставомъ. Съ употребленіемъ кнута напрасны будутъ уголовные законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи наказанія. Дѣйствіе законовъ, исполненіе приговора и мѣра наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который ста ударами сдѣлаетъ наказаніе легкимъ, десятью—жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ.

«Какъ сила наказанія зависитъ отъ палача, то обыкновенно онъ торгуется съ присужденнымъ къ нему, и требованія его всегда бываютъ велики. Есть примѣры, что платили ему до 10 тысячъ рублей, чтобы не изувѣчить или сдѣлать наказаніе менѣе мучительнымъ.

«Законъ христіанскій, исповѣдуемый нами, возбраняетъ мученія, научаетъ кротости и милосердію, и началомъ всѣхъ добродѣтелей ставитъ любовь къ ближнему, къ *человѣку*, который носитъ на себѣ печать величія и благости Творца.

«Адмиралъ Мордвиновъ предполагаетъ *уничтожить навсегда кнутъ*, орудіе наказанія, несоотвѣтственное *настоя-*

щей степени просвѣщенія высшихъ сословій въ нашемъ отечествѣ *и общему благонравію* русскаго народа. Онъ предлагаетъ замѣнить кровавое зрѣлище кнута поставленіемъ у столба преступниковъ, съ различіемъ обложенныхъ на нихъ цѣпей, одежды и другихъ, приличныхъ преступленію, изображеній и видовъ.

«При наказаніяхъ, чувства зрителей должны быть возбуждаемы къ презрѣнію преступника, къ отвращенію отъ злодѣяній и къ познанію пагубныхъ отъ законопреступленія послѣдствій, безъ *ожесточенія сердецъ зрителей*, привыкающихъ всегда *слѣдовать тому, что правительство такъ часто представляетъ ихъ глазамъ.*

«И для чего терзать тѣло того, кто лишается свободы, осуждается вѣчно на тяжкую работу, съ потерею всѣхъ гражданскихъ правъ и съ расторженіемъ всѣхъ семейственныхъ и родственныхъ связей; изъ человѣка, которому природа предопредѣлила наслажденіе жизни, какъ бы превращается въ природномъ своемъ составѣ въ существо, сокрушенное духомъ и тѣломъ, уже страждущее и на вѣчное страданіе осужденное?

«Всѣ просвѣщенные народы оставили мучительныя зрѣлища; и для насъ наступило время отмѣнить ихъ, при кроткомъ царствованіи Александра I, чадолюбиваго отца подданныхъ своихъ, да скажутъ бытописанія всѣхъ народовъ, что сіявшій добродѣтелью великій монархъ, положившій конецъ страданіямъ чуждыхъ и отдаленныхъ странъ, еще болѣе ознаменовалъ милосердіе и величіе души въ своемъ отечествѣ».

Но надежды Мордвинова на скорое исполненіе такой важной отмѣны въ системѣ наказаній, оказались поспѣшными. Въ извѣстномъ уголовномъ процессѣ надъ виновниками убійства любовницы Аракчеева, Настасьи Шумской (въ концѣ 1825 года), до 20 лицъ были наказаны кнутомъ отъ 45—175 ударовъ, вслѣдствіе чего двое изъ главныхъ виновныхъ, Василій и Прасковья Антоновы, умерли на мѣстѣ (первый былъ наказанъ 175, вторая 125), а третья, Елена

Ѳомина (наказанная 50 ударами), умерла спустя нѣкоторое время [1]).

Въ связи съ вопросомъ о кнутѣ, Мордвиновъ ставитъ и уничтоженіе клейменія лица у преступниковъ.

«Лицо человѣка говоритъ онъ, Творецъ оживотворилъ *чувствами души и знаменіями ума.* Эта одушевленная часть тѣла не долженствовала бы быть мѣстомъ поруганія, тѣмъ болѣе, когда однажды положенное пребываетъ неизгладимымъ. Люди, понесшіе наказаніе, бываютъ *иногда невинно пострадавшими,* принявшими мучительную казнь, непорочность которыхъ, въ послѣдствіи времени, бываетъ признаваема въ полной мѣрѣ правосудіемъ; но съ клеймами на лицѣ, въ глазахъ каждаго, они остаются на вѣкъ ознаменованы преступниками, и правительство лишаетъ себя возможности исправить *горестную свою ошибку.*

«*Истинные же преступники суть также люди, существа нравственныя, одаренныя совѣстью и раскаяніемъ, и эти свыше вдохновенныя возбужденія нерѣдко въ величайшихъ злодѣяхъ возраждаютъ чувства добродѣтели и дѣлаютъ ихъ достойными небесной благодати, призывающей и грѣшниковъ въ соборъ праведныхъ.*

«И не должны ли мы этому всесовершеннѣйшей благости уставу благоговѣйно покоряться, и нашъ уставъ, насколько возможно, на законѣ божіемъ учредить?

«Но если клейменіе осужденныхъ преступниковъ найдено будетъ необходимо нужнымъ, то возможно было бы допустить его по примѣру другихъ народовъ, на рукѣ или на плечѣ. *Откровеннѣе скажу, что нашъ уголовный уставъ былъ бы, по мнѣнію моему, согласнѣе съ нашимъ вѣкомъ, если бы клейма были совсѣмъ отмѣнены.* Многіе народы оставили это напоминаніе и призракъ древней лютости, который, при бдительномъ и *благоустроенномъ правитель-*

---

[1]) Убійство любовницы Аракчеева, Настасьи Шумской, Русская Старина, 1871, сентябрь.

ствѣ, не нуженъ, а потому, что не нуженъ и безполезенъ, то и *предосудителенъ въ уголовномъ уставѣ*. Извѣстно, что преступники-злодѣи отыскиваютъ способы къ уничтоженію клеймъ, пострадавшіе же невинно смиренно повинуются страдальческой своей участи и остаются на вѣкъ со знаками мученія» (12 декабря 1824 года).

Но и это мнѣніе не возъимѣло тогда своего дѣйствія, и почти годъ спустя, по тому же дѣлу объ убійствѣ Настасьи, главный виновникъ, Василій Антоновъ, былъ приговоренъ (5 октября 1825 года), кромѣ кнута, наложенію указаннаго клейма на лицѣ [1]).

Мнѣніе Мордвинова о смертной казни, поданное въ государственный совѣтъ 23 октября 1824 года, было написано по поводу предполагавшагося внесенія ея въ новый уголовный уставъ.

«Прошло болѣе 70 лѣтъ, говоритъ въ немъ Мордвиновъ, какъ смертная казнь отмѣнена въ Россіи и вмѣсто нея назначена вѣчная каторжная работа.

«Императрица Екатерина II, въ своемъ наказѣ, относительно сочиненія уголовнаго устава, писала о смертной казни, что она могла бы быть допущена единственно при безначаліи и недѣйствіи законовъ, рѣшительно признавъ неумѣстность и безполезность ея тамъ, гдѣ существуютъ власти и дѣйствуютъ законы. Она при этомъ поставляла образецъ всѣмъ земнымъ владыкамъ императрицу Елисавету, какъ пріобрѣвшую себѣ наибольшую славу тѣмъ, что первая отмѣнила въ Россіи смертную казнь.

«Императоръ Павелъ I, въ 1799 году, призналъ, что

---

[1]) Русская Старина, 1871 года, сентябрь, стр. 285. Далѣе, въ одномъ изъ мнѣній Мордвинова мы увидимъ, что причиною неисполненія надеждъ его на уничтоженіе клейменія и кнута была послѣдовавшая вскорѣ смерть императора Александра I, который искренно желалъ уничтоженія этихъ наказаній. По словамъ же князя Волконскаго, самое чтеніе бумагъ о грузинскомъ происшествіи имѣло вліяніе на исходъ болѣзни государя (смотри письмо его къ А. А. Закревскому, въ Русскомъ Архивѣ, 1870, 623).

запрещеніе смертной казни въ исторіи Россійской существуетъ по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній.

«Когда благодѣтельными самодержцами Россіи отмѣнена смертная казнь, *то возстановленіе ея въ новоиздаваемомъ уставѣ, при царствованіи императора Александра I, невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе. Я не дерзаю и помыслить*, что казнь эта, при благополучномъ его величества правленіи, сдѣлалась нужнѣе, нежели въ тѣ времена, когда она была отмѣнена. Могъ бы допустить ее тотъ единственный случай, *если бы было доказано, что русскій народъ сдѣлался злонравнѣе* и дерзновеннѣе на всякія преступленія. Достовѣрно сказать можно, что *при настоящей степени благочинія, при усовершенствованіи гражданскихъ законовъ и учрежденій, при сближеніи всѣхъ сословій въ правахъ и взаимныхъ нуждахъ и обязанностяхъ*, при внутренней стражѣ и сильнѣйшей дѣятельности правительства, которому, какъ бы всевидящему оку, отверзты нынѣ движенія всѣхъ и каждаго ежечасно и повсемѣстно, заговоры, возмущенія и бунты менѣе опасны, нежели за полвѣка тому назадъ они могли быть.

«*Нѣкоторые изъ законовѣдовъ* хотя и находятъ какое-то достоинство въ полнотѣ росписи казней, но *умѣреннѣйшіе* изъ нихъ довольствуются *меньшимъ числомъ наказаній, а знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни, приводя въ примѣръ всѣмъ другимъ народамъ—Россію.*

«Собственные опыты нашего государства утвердили основательность такого ихъ мнѣнія. *Минихъ*, обезглавленный, не поступилъ бы вновь на службу престолу и отечеству. *Казнь, надъ Волынскимъ* произведенная, еще не оправдана потомствомъ, но извѣстно, что императрица Анна смущалась въ мысляхъ до самой своей кончины. *О казни Искры* тяжко соболѣзновалъ Петръ I, и потомку этого Искры не былъ вмѣненъ въ преступленіе дерзкій упрекъ, что «голова

не карнизъ», но за такую правду онъ былъ еще вознагражденъ императрицею Екатериною. Такіе разительные примѣры не ясно ли доказываютъ, какъ опасно возобновлять такую мѣру наказанія?

«Въ этомъ мнѣніи я наиболѣе убѣждаюсь тѣми послѣдствіями, которыя неминуемо должны проистечь отъ возстановленія вновь казни, втеченіе 70 лѣтъ изгладившейся уже изъ народной памяти. Въ огорченномъ духѣ русскихъ не возникнетъ ли всеобщій вопросъ: «для чего это сдѣлано»?

«Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни, самое благоговѣніе мое, никогда къ особѣ его величества неумолкавшее, меня не допускаетъ».

Допуская же, что «при изданіи новаго уголовнаго устава непремѣнно нужно, чтобъ въ немъ противъ каждаго рода преступленій означена была и мѣра наказанія», Мордвиновъ соглашается, чтобы противъ случаевъ *покушенія на жизнь государя, или кого либо изъ императорской фамиліи*, а также возбужденія къ *бунту* и народному *возмущенію*, «была бы поставлена самая высшая казнь, какія въ разрядѣ наказаній исчислены, *кромѣ смертной казни*, или нельзя ли будетъ противъ этихъ преступленій написать въ общихъ словахъ, что, по примѣру бывшихъ въ царствованіе Екатерины II чрезвычайныхъ случаевъ, назначаемы будутъ чрезвычайные суды, которые опредѣлятъ и казнь, выходящую изъ предѣловъ общихъ мѣръ наказанія».

Въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе Мордвинова о смертной казни вызвало продолжительные дебаты. Противники его доказывали, что указъ о ней 1754 года не отмѣнялъ казни за государственныя преступленія, и потому значительное большинство совѣта склонялось ко внесенію смертной казни, за означенныя преступленія, въ новый уголовный кодексъ. Съ мнѣніемъ Мордвинова согласились только князь Голицынъ и Шишковъ [1]). Вслѣдствіе этого онъ предста-

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

вилъ дополнительныя статьи къ своему мнѣнію (помѣченныя 13 января 1825 года), изъ которыхъ видно также, въ чемъ состояли возраженія защитниковъ смертной казни [1]).

«Человѣкъ, разсуждаетъ Мордвиновъ, будучи существо *подвластное страстямъ и подверженное ошибкамъ ума, можетъ ли, по природѣ своей, имѣть право отнять у подобнаго себѣ* то, чего, при раскаяніи, не въ силахъ онъ возвратить?

«Человѣкъ, *неодаренный всесовершенствомъ*, поступаетъ ли согласно съ правотою своей *совѣсти*, когда присвоиваетъ себѣ то право, которое только одному Всевышнему существу принадлежитъ?

«Когда въ судѣ Всевышняго изречена смерть на родъ человѣческій, и положенъ, по особымъ законамъ природы, предѣлъ жизни каждаго человѣка, то не слѣдуетъ-ли изъ того, что *никто* изъ обреченныхъ *не можетъ подобнаго себѣ осуждать на насильственную смерть*, и совершать надъ нимъ ее?

«Судья, приговаривающій къ смерти *себѣ подобнаго человѣка*, чувствуетъ невольное содраганіе. Это чувство не обращаетъ ли его къ самому себѣ, и не есть ли врожденное напоминаніе совѣсти, что онъ принимаетъ на себя ему не принадлежащее?

«Нравственный и всеобщій законъ, возбраняющій убивать *безоружнаго*, измѣняется ли въ своей правотѣ въ приложеніи къ обществу?

«Окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, *по невозможности его быть вреднымъ, не есть ли жертва безполезная и невинная?*

«Дѣйствія, зависящія отъ воли каждаго человѣка, доброй или злой, могутъ ли сдѣлаться исключительнымъ *правомъ общества?*

---

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1859 года, IV, смѣсь, 29—36, и Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

«Примѣры нѣкоторыхъ народовъ, имѣющихъ смертную казнь, могутъ ли служить оправданіемъ ея, когда *само-убійство* нигдѣ не оправдывается?

«Эти вопросы не суть ли *убѣжденія*, что смертная казнь не должна быть въ числѣ узаконяемыхъ наказаній?

«Императоръ Леопольдъ, въ 1787 году, уничтожилъ въ Тосканѣ навсегда смертную казнь. Этотъ вѣнценосный послѣдователь императрицы Елисаветы не долженъ, при сочиненіи уголовнаго устава, остаться въ забвеніи. Государь этотъ, при уничтоженіи смертной казни, провозгласилъ:

«*О исправленіи преступника никогда сомнѣваться не должно; не должно лишать себя надежды возвратить нѣкогда государству полезнаго гражданина*, оставившаго прежнія свои заблужденія».

«По всему великому пространству владѣній Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ смертная казнь уничтожена.

«Справедливо, что императрица Екатерина, въ общихъ своихъ разсужденіяхъ о казняхъ, въ 79 статьѣ говоритъ, что «смертная казнь есть нѣкоторое лекарство больнаго общества», и этимъ изреченіемъ, кажется, какъ бы она допускала смертную казнь даже за гражданскія преступленія.

«Но когда великая государыня приступаетъ къ рѣшительному вопросу: «смертная казнь полезна-ли и нужна-ли въ обществѣ»? (статья 209), то, излагая свое мнѣніе, какъ высокая наставница въ законахъ, и слѣдуя внутреннему убѣжденію, отвѣтствуетъ такими словами: «Если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества; гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ быть никакой нужды въ томъ, чтобы отнимать жизнь у гражданина».

«Въ статьѣ 212: «Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать отъ беззаконія, нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своей сво-

боды». Затѣмъ Мордвиновъ приводитъ еще статьи 211 и 214, и продолжаетъ такъ:

«Мнѣніе императрицы Екатерины о смертной казни не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Она рѣшительно отвергаетъ эту казнь, при существованіи законовъ и при правленіи, утвержденномъ соединенными желаніями всего народа.

«Не менѣе тверды мнѣнія и воля государя императора Павла, торжественно признавшаго, что запрещеніе смертной казни въ Россіи существуетъ.

«*Толковать слова указа можно, но мнѣніе народное не подвержено произвольнымъ опредѣленіямъ. Оно остается неизмѣннымъ, когда однажды бываетъ принято.*

«*Ни годъ, ни день не будутъ скрыты отъ исторіи, когда въ Россіи была возстановлена смертная казнь, если въ новомъ уголовномъ уставѣ она будетъ включена между наказаніями. Эта мысль меня наиболѣе тревожитъ и сокрушаетъ...*

«Мнѣніе народа могло быть ошибочное, но оно было общее и существовало втеченіи 70 лѣтъ. Толкованіе о разумѣ, изданнаго въ 1754 году, указа останется въ тайнѣ, а слова «смертная казнь» будутъ гласны и болѣзненны для невинно, но радостно заблуждавшихся до нынѣ.

«Къ этимъ мыслямъ я присоединяю *мнѣніе лучшихъ законовѣдовъ и знающихъ человѣческое сердце*, которые *единогласно* утверждаютъ, что лишеніе свободы, гражданскихъ правъ и каторжная работа, составляютъ наказанія, удерживающія людей отъ преступленій болѣе, нежели смертная казнь.

«Ту же мысль можно отнести и къ самоубійству. Самоубійцы предаютъ себя смерти, но никто еще не предавалъ себя каторгѣ.

«*Гдѣ такъ часто казнятъ*, тамъ день казни, для развратныхъ, бываетъ днемъ удачнаго мошенничества и не служитъ для порочныхъ исправленіемъ; но каторжныхъ въ

Сибири называютъ *несчастными*, ибо знаютъ что страданія ихъ велики. По всѣмъ путямъ сопровожденія ихъ, до мѣста ссылки, во всѣ часы жизни, при безпрерывно продолжающемся наказаніи, всѣ взираютъ на нихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, и множество народа живымъ примѣромъ наказанія воздерживается отъ преступленій.

«*Лишеніе свободы, имущества, почестей и другихъ гражданскихъ правъ, могли быть въ числѣ наказаній; но какъ мысль о смертной казни возродилась и стала на ряду гражданскихъ казней — того понять невозможно.*

«Мысль несовмѣстная, кажется, съ ежечасными событіями, когда умираютъ невинные младенцы, благонравные юноши, мужи несостарѣвшіеся и украшенные добродѣтелями, и притомъ, когда безбожникъ, соблазнитель невинности, коварный хищникъ, вѣроломный предатель достигаютъ до глубокихъ лѣтъ старости. Когда смерть есть всеобщая и неминуемая участь человѣка, безъ различія праведныхъ или злыхъ дѣлъ, *то какъ можно поставлять ее, вопреки природѣ, въ число казней?*

«Въ этомъ смыслѣ извѣстно изреченіе мудреца Сократа. Когда пришли возвѣстить ему, что судьи приговорили его къ смерти, онъ отвѣчалъ: «Они забыли, что я уже осужденъ на нее отъ самаго моего рожденія».

«Я приведу на видъ два важные въ Россіи случая о подсудимыхъ: Мировичѣ и Пугачевѣ, дѣйствія которыхъ синодъ, признавая въ высшей степени злодѣйскими, отказался отъ приговора ихъ къ смерти.

«Я умалчиваю о многочисленныхъ доводахъ, которые *знаменитыми писателями и великими законодателями* о ненадобности и безполезности смертной казни представляемы были, какъ уже извѣстные всѣмъ, упражняющимся въ законахъ.

«Но когда преступленіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и окажется чрезвычайнымъ событіемъ, то для чего приговоръ наказанія не предоставить разуму того времени и

особому соображенію обстоятельствъ преступленія? Мудрость въ начертаніи наказанія не есть исключительное право настоящаго времени: она есть вдохновеніе и дарь Всевышняго всему роду человѣческому, настоящаго и будущихъ вѣковъ.

«Счастливо то государство, гдѣ смертная казнь есть событіе рѣдкое, страшное не по мгновенному вѣдѣнію ея, но по распространяющемуся неожиданно о ней слуху, повсемѣстно поражающему народъ и въ памяти долго остающемуся.

«Указъ императрицы Елисаветы 1754 года, отмѣняющій смертную казнь, изложенъ въ нижеслѣдующихъ словахъ: «Подлежащимъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, ставить на лбу В, на щекахъ: на одной О, а на другой Р, а осужденнымъ на политическую смерть чинить наказаніе кнутомъ съ вырываніемъ ноздрей, и, по учиненіи имъ того, заклепавъ въ кандалы, ссылать до указа въ тяжкую работу».

«Въ семъ достопамятномъ указѣ означены *два рода казней: натуральная смертная казнь и политическая смерть*. Смыслъ первой ясно заключаетъ въ себѣ отнятіе у преступника жизни, къ чему законы, до толѣ существовавшіе, его присуждали. Смыслъ второй казни, т. е. политической смерти, опредѣленъ уже всеобщимъ о ней понятіемъ и указомъ 1753 года, мая 25. Эта казнь не лишаетъ жизни.

«Обѣ казни отличены были и особыми ознаменованіями ихъ исполненія. Для первой предписано было: «Чинить жестокое наказаніе кнутомъ, вырывать ноздри и клеймить лицо»; для второй: «Чинить наказаніе кнутомъ и вырывать ноздри». Для обѣихъ же: «Заклепавъ въ кандалы, ссылать въ тяжкую работу».

«Это различіе въ исполненіи наказанія и точныя слова: «подлежащимъ натуральной смертной казни», *ясно доказываютъ, что тѣмъ указомъ отнятіе у преступника*

жизни отмѣнено было, и никакое толкованіе не можетъ затмить ясность словъ и волю законодательницы.

«По этому самому, всеобщее мнѣніе объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи и было постояннымъ втеченіи 70 лѣтъ.

«Да въ чемъ же и могъ состоять столь знаменитый и всѣми народами прославленный уголовный законъ, если бы онъ не касался до уничтоженія смертной казни? И какъ могло существовать до нынѣ всеобщее неразумѣніе такого знаменитаго указа и могла такъ долго существовать всеобщая ошибка?

«Клеймы зависѣли отъ воли законодательницы; настоящее толкованіе буквъ В. О. Р. не можетъ ни измѣнить, ни ослабить смысла изреченій, которыя составляютъ сущность указа, отмѣняющаго до толѣ существовавшую натуральную смертную казнь, отличную отъ политической, *которая одна указомъ 1754 года назначена была впередъ за всѣ роды преступленій*, съ усиленіемъ только наказаній для подлежавшихъ, по законамъ того времени, лишенію жизни.

«Клеймы В. О. Р. ставятъ: на оскорбителей величества, разбойниковъ, убійцъ, зажигателей и дѣлателей фальшивой монеты, но не ставятъ ихъ на воровъ, похитителей чужаго имущества, а потому эти три буквы и не могутъ быть приняты въ приписываемомъ имъ значеніи и служить къ объясненію смысла указа 1754 года.

«Хотя *въ журналахъ государственнаго совѣта*, заключаетъ Мордвиновъ, указъ 1754 года представленъ былъ въ томъ видѣ, какъ бы онъ не отмѣнялъ смертной казни *за государственныя преступленія*, а отмѣнилъ ее за одни гражданскія, и знаки В. О. Р. растолкованы были значущими: воръ, *но слово воръ, въ истинномъ значеніи русскаго языка, не значитъ просто того, кто крадетъ, похищаетъ чужое имущество. Оно имѣетъ пространнѣйшій смыслъ: значитъ злодѣя.* Древнее наименованіе вора было тать; не говорятъ святотатство—святоворовство, но татьба. Воровать, въ старинномъ употребленіи, значитъ

подлогъ или обманъ. Въ уложеніи, 10 главы 91 страница, написано: «которыя такія крѣпости учнутъ писать воровствомъ за очи». Въ лѣтописяхъ выраженія: «пустить войско на воровъ»—значило пустить на грабежъ. Слово воръ больше означало хищеніе, грабежъ, нежели покражу».

Отсюда ясно, какъ широко понималъ Мордвиновъ значеніе указа 1754 года, о смертной казни, и насколько онъ возвышался, во взглядахъ на преступленія и наказанія, надъ своими современниками.

Но тогда желаніямъ Мордвинова не суждено было исполниться. «Какъ эти именно главы проекта уголовнаго уложенія, говоритъ гр. Корфъ, содержали въ себѣ всѣ коренные и главные вопросы, а онѣ, бывъ представлены государю, остались въ его кабинетѣ безъ дальнѣйшаго рѣшенія, то совѣтъ не могъ продолжать своихъ занятій по этому проекту. Вскорѣ затѣмъ императоръ Александръ скончался, и трудамъ по части законодательной дано было новое, совсѣмъ иное направленіе» [1]).

Замѣчательно однако, что свою записку объ указѣ 1754 года Мордвиновъ подалъ государю *22 декабря 1825 года* [2]).

Но и среди занятій весьма сложными вопросами, входившими въ кругъ дѣятельности Мордвинова, какъ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и члена государственнаго совѣта, его не переставали интересовать дѣйствія министерства финансовъ, находившагося уже въ новыхъ рукахъ [3]).

---

[1]) Жизнь гр. Сперанскаго, II, 279.

[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI, примѣч.

[3]) Замѣтимъ также, что Мордвиновъ вообще не упускалъ случая предложить свой совѣтъ, если находилъ его почему нибудь полезнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, въ 1824 году, по поводу различныхъ мѣръ, предлагавшихся для обезпеченія Петербурга послѣ бывшаго наводненія, онъ представилъ государю записку, въ которой указывалъ на успѣхъ опытовъ Франклина надъ дѣйствіемъ масла на морскія волны (Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI). Мы только заносимъ фактъ.

ГЛАВА XI.

Мы видѣли, что на мѣсто Гурьева, въ апрѣлѣ 1823 года, былъ назначенъ Е. Ф. Канкринъ [1]). Получивъ образованіе въ гиссенскомъ и марбургскомъ университетахъ, гдѣ онъ преимущественно изучалъ законовѣдѣніе и политическую экономію, Канкринъ желалъ поступить на службу въ своемъ отечествѣ, Гессенѣ, но, не успѣвъ въ томъ, отправился, въ 1799-мъ году, въ Россію, къ отцу своему (Францу Людвигу), бывшему тогда директоромъ старорусскихъ соляныхъ промысловъ [2]). Въ 1800 году, будучи 26 лѣтъ, онъ былъ назначенъ въ помощники къ отцу своему, а съ 1809 года состоялъ инспекторомъ иностранныхъ колоній Петербургской губерніи. Въ это время онъ составилъ нѣсколько записокъ о русскихъ финансахъ, а въ 1810 году сошелся

---

[1]) Дѣдъ его, по словамъ Вигеля, Канкринусъ, былъ раввиномъ, но потомъ принялъ реформатское исповѣданіе (Воспоминанія, VI, 48). Другіе опровергаютъ это извѣстіе, говоря, что предки Канкрина принадлежали къ нѣмецкому дворянству, служили въ военной службѣ, и были пасторами (Очеркъ жизни гр. Е. Ф. Канкрина, Русск. Архивъ, 1866, 114).

[2]) По словамъ гр. Безбородко, отецъ Канкрина былъ очень свѣдущъ въ этой области (Русск. Архивъ, 1864, 918). Кромѣ того, онъ извѣстенъ и какъ писатель по соляной, строительной и монетной частямъ (Русск. Архивъ, 1866, 114).

съ военнымъ министромъ, Барклаемъ-де-Толли, и написалъ проектъ «О средствахъ продовольствія большихъ армій», что обратило на него вниманіе императора Александра и послужило къ его быстрому возвышенію [1]). Въ 1812 году, состоя генералъ-интендантомъ 1-ой арміи, Канкринъ былъ переименованъ въ генералъ-майоры, а съ 1813—15-й годъ занималъ должность генералъ-интенданта всей русской арміи, дѣйствовавшей въ Германіи и Франціи, и въ 1816 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. По окончаніи войны, онъ съ большимъ успѣхомъ ликвидировалъ всѣ дѣла съ союзными государствами по продовольствію русскихъ войскъ за границею. Въ 1820 году онъ написалъ (на нѣмецкомъ языкѣ) сочиненіе: «О военной экономіи во время войны и мира и о вліяніи ея на дѣйствія войскъ» (3 т., С.-Пб., 1820—1823), доставившее автору почетное имя въ Европѣ [2]). Но онъ занимался не одними предметами, входившими въ кругъ его дѣятельности. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, любилъ вести бесѣды о музыкѣ и писалъ объ архитектурѣ (Ueber das Schöne in der Baukunst). Не смотря на его плохое изъясненіе по русски, рѣчь его отличалась ясностью и даже осязательностью, о чемъ бы онъ ни говорилъ, въ противоположность туманности и путаницѣ въ понятіяхъ его предшественника [3]). Но его непомѣрное самолюбіе и упорство въ собственныхъ мнѣніяхъ были часто причиною ошибокъ по его управленію. Принявъ отъ своего предшественника значительный дефицитъ въ финансахъ, онъ нерѣдко впадалъ въ другую крайность и прибѣгалъ къ

---

[1]) На Канкрина указалъ государю генералъ Пфуль, преподававшій тактику послѣднему. Когда же государь потребовалъ о Канкринѣ справку, то Вольцогенъ отвѣчалъ: «Многознающій, дѣятельный человѣкъ, но немного жестокъ» (Рус. Архивъ, 1866, 159).

[2]) Богдановичъ, Истор. царств. императора Александра I, т. VI, 397—398. Въ 1821 году, въ Мюнхенѣ появилось его сочиненіе (на нѣмецкомъ же языкѣ): «Всемірное богатство и государственное хозяйство» (Русск. Архивъ, 1866, 121).

[3]) Вигель, VI, 49.

мѣрамъ, дурно дѣйствовавшимъ на народную нравственность (введеніе винныхъ откуповъ и продажа питей въ большемъ числѣ мѣстъ), или стѣснявшимъ даже безспорно полезныя предпріятія. Подробнѣе его дѣятельности намъ еще прійдется коснуться далѣе, а теперь обратимся къ тѣмъ вопросамъ, по которымъ ему пришлось имѣть отношеніе къ Мордвинову въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I.

Уже по поводу отчета Канкрина о финансахъ, представленнаго въ 1823 году, вскорѣ по вступленіи его въ должность министра, Мордвиновъ, съ своей стороны, передалъ ему записку, которая, по его мнѣнію, должна была лечь въ основаніе программы дѣятельности новаго министерства [1]). Вотъ тѣ пункты, которые входили въ записку Мордвинова. Для улучшенія финансоваго состоянія Россіи онъ и теперь считалъ необходимымъ: 1) сокращеніе расходовъ по военному вѣдомству; 2) введеніе подоходнаго налога; 3) оживленіе торговли и промышленности; 4) возстановленіе довѣрія къ казнѣ по подрядамъ и контрактамъ; 5) возвышеніе ассигнаціоннаго курса; 6) устройство банка погашенія; 7) возстановленіе заемнаго банка; 8) учрежденіе коммерческаго банка; 9) продажу вина на болѣе нравственныхъ началахъ; 10) продажу казенныхъ оброчныхъ статей; 11) уничтоженіе личныхъ повинностей; 12) введеніе временной военной службы; 13) переселеніе казенныхъ крестьянъ изъ малоземельныхъ мѣстъ; 14) устройство частныхъ банковъ; 15) основаніе товариществвъ; 16) привлеченіе въ Россію англійскихъ капиталовъ и мастеровыхъ; 17) уничтоженіе гильдейскихъ разрядовъ, 18) учрежденіе въ приморскихъ и пограничныхъ городахъ порто-франко [2]); 19) упрощеніе способовъ взиманія пошлинъ; 20) распространеніе машиннаго производства; 21) сокраще-

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

[2]) До сихъ поръ существовало порто-франко только въ Одессѣ, основанное въ 1819 году. Очеркъ царств. императора Александра I, Путяты, въ Девятнадцат. Вѣкѣ, Бартенева, I, 475.

ніе иностраннаго ввоза [1]); 22) осушеніе болотъ; 23) распространеніе оспопрививанія; 24) образованіе спеціальныхъ капиталовъ для полезныхъ предпріятій; наконецъ, 25) сокращеніе расходовъ *съ цѣлью употребленія остатковъ ихъ на улучшеніе путей сообщенія и распространеніе народнаго просвѣщенія.*

Далѣе, обращаясь къ управленію финансами прежняго министра, Мордвиновъ говоритъ: «Обманы, притѣсненія, присвоеніе казнѣ частной собственности—не обогатили казначейства... Прежній министръ финансовъ не зналъ иныхъ правилъ, иного способа, какъ повсюду ослаблять, истреблять капиталы, почему и оставилъ по себѣ нищету въ государственномъ казначействѣ, истощеніе въ частныхъ имуществахъ и всеобщее уныніе и негодованіе подданныхъ къ правительству. Преемника-жь своего поставилъ въ тяжелое и затруднительное положеніе, изъ коего возможно выйти только временемъ, по паче добрымъ между всѣми государственными правителями согласіемъ и взаимною другъ къ другу довѣренностью». Въ примѣръ новому министру онъ ставитъ Сюлли и Кольбера; а заемъ, сдѣланный у Ротшильдовъ, совѣтуетъ отдать въ оборотъ, на основаніи 20-лѣтняго банка.

Въ своемъ же мнѣніи (февраля 1824 года), по поводу обложенія высокими налогами горныхъ заводовъ, Мордвиновъ настаиваетъ на уменьшеніи налоговъ вообще, такъ какъ это можетъ послужить къ возвышенію государственныхъ доходовъ [2]).

Свою записку о средствахъ улучшенія финансовъ въ Россіи, переданную Канкрину, Мордвиновъ читалъ и въ финансовомъ комитетѣ. Такимъ образомъ, она стала извѣстною

[1]) Въ 1820 году былъ сдѣланъ опытъ тарифа на началахъ свободной торговли: разрѣшался ввозъ всѣхъ, прежде запрещенныхъ товаровъ, результатомъ чего было паденіе многихъ фабрикъ и заводовъ въ Россіи. Девятнадцатый Вѣкъ, I, 475. 489.

[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI.

государю, который, чрезъ министра финансовъ, заявилъ автору ея желаніе—имѣть болѣе подробное мнѣніе по этому предмету. Мордвиновъ усердно занялся составленіемъ подробной записки, и 31 октября (1825) отправилъ государю въ Таганрогъ «мнѣніе о причинахъ нынѣшняго разстройства финансовъ нашихъ, и о мѣрахъ, могущихъ способствовать къ отсѣченію сихъ причинъ и къ постепенному улучшенію народнаго благосостоянія и государственныхъ доходовъ» [1]).

Въ письмѣ къ императору Александру, отправленному вмѣстѣ съ мнѣніемъ, Мордвиновъ между прочимъ говоритъ: «Мелочные способы, служащіе къ замѣненію только ежегодно оказывающихся въ доходахъ недостатковъ, никогда не послужатъ *къ народному обогащенію (отъ коего единственно и зависитъ богатый избытокъ въ государственномъ казначействѣ)*, но даже и источники, дающіе доходы, проведутъ они въ скудость и истощеніе.

«Сіе самое испытываемъ мы въ продолженіи уже 15 лѣтъ: каждый годъ пополняемъ недостатокъ, и каждый годъ недостатки возрастаютъ, стѣсняя безпредѣльно всѣ высокія предположенія и благонамѣренные виды вашего императорскаго величества.

«Да совершатся они въ полнотѣ, въ услажденіе сердца государя и въ утвержденіе повсемѣстнаго благоденствія пространнѣйшей въ мірѣ имперіи.

«Сіе желаніе изъявляетъ 72-лѣтній старецъ, приближаясь къ концу жизни, и едва-ли не послѣдній разъ разглагольствуетъ о пользахъ государственныхъ столь пространно, передъ лицемъ всемилостивѣйшаго государя своего, благоговѣя къ священной особѣ его въ глубинѣ души».

Дѣйствительно, съ императоромъ Александромъ Мордвиновъ бесѣдовалъ въ послѣдній разъ «о пользахъ государ-

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1860, I, смѣсь, 1—60, и Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VII.

ственныхъ», такъ какъ 19 ноября государя уже не стало [1]); но еще не разъ Мордвинову приходилось бесѣдовать о нихъ съ преемникомъ Александра I, и обнаруживать, не смотря даже на болѣе преклонныя лѣта, ту же свѣтлость мыслей и то же увлеченіе дѣломъ.

Настоящее мнѣніе Мордвинова во многомъ представляетъ сводъ его прежнихъ частныхъ записокъ и мнѣній по вопросамъ государственной экономіи, приведенныхъ лишь въ систему, иногда съ указаніемъ результатовъ прежнихъ стараній, а потому мы не будемъ касаться здѣсь тѣхъ подробностей его, которыя уже были разсмотрѣны нами выше.

«Какъ главнѣйшій составъ доходовъ казначейства, говоритъ онъ, основанъ на сборахъ съ народа, прямыхъ и косвенныхъ, и какъ народъ ощутительно и повсемѣстно почти обѣднѣлъ, то естественно, что не употребивъ всемѣрныхъ усилій къ изведенію народа изъ настоящей бѣдности, но продолжая исчерпывать и послѣдніе остатки имуществъ его, конечно близко можетъ быть то время, что ущербятся народные сборы на цѣлую треть, и даже на половину, и далѣе. Тогда чѣмъ сему, столь пагубному и вмѣстѣ неминуемому злу пособить можно будетъ»?

Указавъ на общій недостатокъ всѣхъ сословій въ необходимыхъ средствахъ, Мордвиновъ обращаетъ особенное вниманіе на положеніе крестьянъ. «Министръ финансовъ, говоритъ онъ, видя сіи ущербы и имѣя предъ собою роспись государственныхъ расходовъ, принужденъ дѣлать строгія предписанія губернаторамъ о взысканіи недоимокъ; послѣдніе, находясь подъ отвѣтственностью, вынуждены, при семъ взысканіи, употреблять жестокость, которая, причиняя даль-

[1]) Во время своихъ переѣздовъ въ Крыму, императоръ Александръ I посѣтилъ, въ концѣ октября и дачу Мордвинова. Богдановичъ, Истор. царств. Александра I, т. VI, 515. Le monarque eut à franchir une haute montagne pour arriver aux propriétés des Mordvinof (nom, qui lui rappelait de chers, mais douloureux souvenirs), говоритъ Шницлеръ. Hist. intime de la Russie, I, 121.

нѣйшее разстройство платящимъ, доведетъ, наконецъ, цѣлое Государство къ всеобщему изнеможенію».

Но «*упадокъ доходовъ казенныхъ есть тоже самое, что и упадокъ доходовъ народа*», а потому необходимы коренныя реформы, которыя подняли бы экономическое состояніе послѣдняго.

Далѣе Мордвиновъ указываетъ на причины подобнаго состоянія Россіи и средства, которыя, по его мнѣнію, могли бы вывести ее изъ этого состоянія.

Онъ отказывается исчислить «всѣ причины народнаго обѣднѣнія», потому что это было бы «и трудно, и пространно», а останавливается на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Эти причины, по его мнѣнію, суть слѣдующія: 1) раздѣленіе между частною и казенною пользами; 2) введеніе двухъ родовъ собственности—частной и казенной; 3) присвоеніе казною монополіи въ торговлѣ (затрудненіями при поставкахъ, отстраненіемъ торговыхъ людей отъ поставокъ, отчужденіемъ ихъ отъ участія въ внѣшнемъ торгѣ, и т. п.); 4) устраненіе правительственными сословіями многихъ полезныхъ предпріятій, изъ опасенія ущерба для казны; 5) излишнія усилія управлять частную пользу уставами и регламентами; 6) стѣсненіе внутренней торговли и промышленности 7) повсемѣстное истощеніе частныхъ капиталовъ; 8) разрѣшеніе въ 1816 году ввоза иностранныхъ издѣлій; 9) крайнее обѣднѣніе людей земледѣльческаго класса; 10) нецвѣтущее состояніе городовъ; 11) несуществованіе постоянныхъ ссудъ на полезныя предпріятія; 12) непринятіе мѣръ къ привлеченію иностранныхъ капиталовъ, по недостатку внутреннихъ, для содѣйствія обогащенія Россіи; 13) уклоненіе отъ выполненія въ точности обязательствъ, обнародованныхъ манифестомъ, къ возвышенію достоинства ассигнацій; 14) непоощреніе правительствомъ заведенія частныхъ по губерніямъ и торговымъ городамъ банковъ; 15) непринятіе достаточныхъ мѣръ къ умноженію населенія, пресѣченіемъ болѣзней, губящихъ милліоны душъ, и 16) неправильное распредѣленіе налоговъ.

Обращаясь къ первому вопросу, Мордвиновъ замѣчаетъ, что до сихъ поръ лица, стоящія во главѣ управленія, преслѣдовали одни казенные интересы, забывая, что они неразрывно связаны съ частными. Этотъ способъ дѣйствій доходилъ до того, что и въ сомнительныхъ пунктахъ контрактовъ, изреченія послѣднихъ «всегда толковались въ пользу казны и никогда въ пользу частныхъ людей, сколько бы ни великій, по строгой справедливости, изреченія тѣ заключали въ себѣ перевѣсъ на сторону послѣднихъ». Правила о разсчетахъ съ казною до того стѣснительны, что ими разрушается «всеобщій кредитъ». Казна же отыскиваетъ свои участки, не смотря на владѣніе ими даже свыше срока, положеннаго закономъ о давности. Мордвиновъ требуетъ отмѣны указа 19 августа 1799 года, какъ нарушавшаго единство суда и исковъ по частной и казенной собственности [1]).

Казна предпочитаетъ закупать необходимыя вещи чрезъ своихъ чиновниковъ, разсылаемыхъ во всѣ мѣста (коммиссіонеровъ), устраняя, такимъ образомъ, необходимую конкурренцію между производителями; но, даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ казна допускаетъ подряды и поставки, она обусловливаетъ какъ торги (массою переторжекъ), такъ и расплату съ поставщиками многими формальностями и затрудненіями, которыя лишаютъ ее

[1]) Вотъ что писалъ баронъ Штейнгель къ императору Николаю I, 11 января 1826 года, по поводу указанныхъ фактовъ за послѣднія 10 лѣтъ: «Къ крайнему изумленію всѣхъ, дѣйствія министерства финансовъ въ послѣднія 10 лѣтъ, были, можно сказать, ужасныя. Въ 1815 году правительство убѣдило винныхъ откупщиковъ, при главномъ посредствѣ Гурьева и Пестеля (сибирскій генералъ-губернаторъ), сдѣлать весьма важную наддачу. Естественнымъ сего слѣдствіемъ была несостоятельность, и они разорились въ конецъ, особенно Злобинъ, оказавшій многія услуги отечеству, и Перетцъ. Въ преслѣдованіяхъ сихъ откупщиковъ, а потомъ поставщиковъ провіантскихъ, были случаи, что они представляли къ разсчету свои на казну претензіи; но министръ предписывалъ съ нихъ взыскивать, а имъ предоставить вѣдаться особо,—распоряженіе, имѣвшее характеръ полной несправедливости». Историческ. Сборн., I, 106.

лучшихъ поставщиковъ и способствуютъ стачкамъ. Мало этого. Нарушеніемъ условій казна приводитъ нерѣдко поставщиковъ въ разореніе, а требованіе залоговъ возвышаетъ цѣну на поставки. Въ предотвращеніе этого, Мордвиновъ совѣтуетъ принять способъ, введенный нѣкоторыми державами и состоящій въ томъ, что казна напередъ объявляетъ о необходимыхъ поставкахъ и срокѣ заявленій для поставщиковъ, которые присылаютъ отъ себя записки (закрытыя) съ объявленіемъ цѣны и условій. Въ назначенный же день, при открытыхъ дверяхъ, распечатываются присланныя записки, и подрядъ признается за тѣмъ, кто объявилъ наиболѣе выгодныя условія. Мордвиновъ ссылается на примѣръ черноморскаго флота, гдѣ были приняты эти основанія, и казна втеченіе короткаго времени пріобрѣла значительныя выгоды. Затѣмъ, онъ указываетъ на необходимость примѣненія уже извѣстныхъ намъ предложеній—объ уничтоженіи залоговъ и введеніи третейскаго суда между казною и частными людьми, о которомъ «еще въ 1811 и 1812 годахъ происходили сужденія въ государственномъ совѣтѣ, но, за послѣдовавшими военными обстоятельствами, *предложенія совѣта по сему предмету остались неоконченными*», замѣчаетъ Мордвиновъ.

Далѣе, онъ входитъ въ большія подробности о винной торговлѣ, нелишенныя интереса, какъ въ историческомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

«Прежде существовавшіе винные откупа, говоритъ онъ, сколь ни вредны были по тѣмъ дѣйствіямъ, какія происходили отъ ихъ содержателей къ извлеченію прибытковъ отъ размноженія пьянства въ народѣ, но откупа, по крайней мѣрѣ, имѣли ту полезную черту, что каждый откупщикъ, въ кругу дѣйствія своего, составлялъ лицо, способствовавшее къ обращенію денегъ въ народѣ и многія отрасли сельскаго хозяйства и городскихъ промысловъ въ движеніе приводившее; но когда казна сдѣлалась общимъ, во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, откупщикомъ (съ 1819 года), то,

съ такою перемѣною, знатнѣйшій торговый классъ людей сдѣлался уже чуждымъ участія въ торговлѣ. Правительство, замѣнивъ ихъ чиновниками, не могло предполагать, что прибытки сихъ послѣднихъ оставаться будутъ въ ихъ рукахъ, по опасенію изобличенія въ злоупотребленіяхъ».

Вслѣдствіе этого Мордвиновъ рекомендуетъ такія мѣры: 1) *Продажу вина, наравнѣ съ прочими промыслами, сдѣлать свободною*, и тогда не будетъ *ни откупа, ни откупщиковъ*. 2) Взимать въ казну отъ продажи частный доходъ. 3) Отвратить пьянство, происходящее отъ излишняго употребленія народомъ вина. 4) Не стѣснять винокуренія, въ интересахъ улучшенія вина. 5) Учредить этотъ промыселъ безъ изданія на него устава; *ибо испытано, что подобные уставы производятъ одни только затрудненія и неудобства. Сочинители уставовъ, имѣя всегда въ виду личную себѣ награду, стараются оные сдѣлать огромными. а потому и всегда вредными общественной и казенной пользамъ*. 6) Вывести изъ употребленія слово кабакъ или питейный домъ, и замѣнить оное лавкою продажнаго вина. Затѣмъ, отъ 7—15 параграфа у него идутъ статьи, касающіяся способа продажи вина (о которыхъ мы упоминали выше: запрещеніе распивать вино въ кабакахъ, устраивать въ нихъ сборища, и т. п.) и казеннаго сбора. И здѣсь Мордвиновъ настаиваетъ на свободномъ вывозѣ вина за границу. 15) Цѣна продажнаго вина должна быть свободная. 16) Казенныя винокурни лучше отдавать въ наемъ частнымъ промышленникамъ.

Отъ этихъ мѣръ Мордвиновъ ожидалъ, что «казна будетъ имѣть постоянный доходъ, безъ расходовъ и хлопотъ; что армія винныхъ чиновниковъ упразднится, и нравственность ихъ не будетъ развращаться; что съ ограниченіемъ способовъ продажи вина и улучшеніемъ его качества уменьшится пьянство; что винокуреніе сдѣлается выгоднымъ промысломъ, особенно при сбытѣ вина за границу. Правительство, *съ уничтоженіемъ откуповъ и казенной монополіи*, уничто-

житъ и винный уставъ, имѣющій цѣлью размноженіе пьянства въ Россіи, какъ это свидѣтельствуютъ правила, изложенныя въ немъ; причемъ правительство избавится тѣхъ, несообразныхъ съ высокимъ его достоинствомъ, упрековъ, коимъ само же оно подвергало частныхъ откупщиковъ, за употребляемыя ими предосудительныя дѣйствія при томъ состояніи винной торговли, въ какомъ она нынѣ находится.

«Вино будутъ пить трезвые люди, а не пьяницы; *съ трезвостью же всѣ статьи государственныхъ доходовъ получатъ достовѣрное въ итогахъ своихъ приращеніе.*

«*Съ акцизомъ* учредится всеобщій надзоръ одного заводчика за другимъ. *Сей контроль вѣрнѣе казеннаго.*

«*Злоупотребленія будутъ, какъ они всегда въ человѣческихъ дѣлахъ бываютъ; но чѣмъ проще всякое дѣло, тѣмъ менѣе можетъ послѣдовать отъ онаго злоупотребленій».*

Вотъ почему Мордвиновъ является такимъ противникомъ мелочныхъ уставовъ и регламентовъ, которыми думаютъ направлять частную пользу. «По уставу самой природы, говоритъ онъ, никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество, не могутъ процвѣтать *безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода есть единственное вѣрное и надежное руководство къ успѣхамъ дѣятельности народной.* Уставы нерѣдко содержатъ въ себѣ противорѣчія и недоразумѣнія, коими и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ ниспровергается; вообще же они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, но къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Предоставляя частной пользѣ свободу дѣйствовать, *правительство можетъ только съ своей стороны способствовать распространеніемъ хозяйственныхъ и искусственныхъ всякаго рода свѣдѣній, обнародованіемъ новыхъ изобрѣтеній, усовершенствованіемъ по какимъ либо частямъ хозяйства и искусствъ, умноженіемъ всеобщаго просвѣщенія въ земледѣліи, ботаникѣ, минералогіи, металлургіи, технологіи, химіи, физикѣ и др. подоб-*

ныхъ знаніяхъ, открытіемъ новыхъ источниковъ къ стяжанію богатствъ, введеніемъ удобнѣйшихъ машинъ и лучшихъ орудій и инструментовъ, размноженіемъ и улучшеніемъ путей сообщенія, поощреніемъ всякаго общеполезнаго труда, размноженіемъ числа производителей въ разныхъ ремеслахъ и художествахъ, равно какъ и людей, способныхъ къ управленію хозяйствами и многоразличными заведеніями, и, наконецъ, усиленіемъ мѣръ, чтобы свобода въ дѣйствіяхъ, равно какъ и принадлежность каждаго трудящагося, ограждены были отъ всякаго непріязненнаго къ нимъ прикосновенія, въ томъ, никакому сомнѣнію не подверженномъ, соображеніи, что частная польза и частное обогащеніе суть основанія и богатство казны, и что безъ первыхъ казенная польза прочною быть не можетъ».

Тотъ же принципъ Мордвиновъ прилагаетъ и къ торговлѣ. Занятіе тѣмъ или другимъ ремесломъ или промысломъ должно быть свободно; гильдіи, имѣвшія цѣлью вызвать въ Россіи уваженіе къ торговымъ занятіямъ и доставить доходъ казнѣ, не должны болѣе существовать, такъ какъ только въ свободныхъ городахъ водворяется богатство, только съ свободою торговли и ремеслъ развиваются промышленныя силы страны, а это развитіе безъ сомнѣнія дастъ болѣе значительный доходъ казнѣ, чѣмъ гильдейскій сборъ. Указывая на бѣдность русскихъ городовъ, Мордвиновъ желаетъ, чтобы они были распредѣлены по разрядамъ (5), и мѣщане платили бы подати сообразно съ состояніемъ городовъ.

Въ статьѣ объ истощеніи капиталовъ, приведя цѣлый рядъ обстоятельствъ, способствовавшихъ тому (войны, упадокъ бумажной монеты, тяжелые налоги, пошлины не съ приращеній капиталовъ, строгія взысканія недоимокъ, притѣсненія поставщиковъ, стѣсненія промысловъ и торговли, и т. п.), Мордвиновъ совѣтуетъ привлекать иностранные капиталы поощреніемъ распространенія фабрикъ,

заводовъ, путей сообщенія, осушенія болотъ и т. п. полезныхъ предпріятій.

Въ интересахъ развитія внутренней промышленности, Мордвиновъ предлагаетъ снова ввести запретительный тарифъ на тѣ произведенія, которыя выдѣлываются въ Россіи, по содѣйствуя въ тоже время развитію ремеслъ и художествъ въ странѣ. Затѣмъ онъ допускаетъ дозволить частную выписку домашнихъ издѣлій изъ за границы, съ разрѣшенія министра финансовъ; на предметы, непроизводимые въ Россіи, наложить незначительную пошлину, освободить отъ пошлины русскіе товары, отправляемые за границу (причемъ онъ снова настаиваетъ на свободномъ вывозѣ изъ Россіи напитковъ, лошадей и монеты [1]). Въ Россіи онъ совѣтуетъ обратить вниманіе на выдѣлку суконъ, шалей, ковровъ, шелковыхъ матерій, бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, желѣзныхъ вещей, инструментовъ, посуды и разведеніе нѣкоторыхъ растеній (каковы: марена, индиго, сандалъ, хлопчатая бумага, шелковичное дерево, свекловица, оливки). Правительство, съ своей стороны, должно способствовать учрежденію по губернскимъ городамъ вольныхъ экономическихъ обществъ, а петербургскому и московскому обществамъ оказать достаточныя пособія.

Затѣмъ Мордвиновъ обращаетъ вниманіе на земледѣльческій классъ въ Россіи, и находитъ, что онъ составляетъ несоразмѣрный процентъ въ общемъ населеніи (а именно $^{8}/_{10}$); тѣмъ болѣе, что послѣ разорительныхъ войнъ на западѣ, продолжительныхъ голодовъ и т. п. обстоятельствъ, тамъ обратили вниманіе на земледѣліе и менѣе стали нуждаться въ русскомъ хлѣбѣ, сбытъ котораго притомъ стѣсняется плохими путями сообщенія. «Народъ, просто земледѣльческій,

[1]) Еще 18 ноября 1824 года, Мордвиновъ подалъ записку о разрѣшеніи вывозить изъ Россіи лошадей, съ цѣлью развитія коннозаводства, но взялъ ее назадъ, такъ какъ государемъ было сказано «повременить» Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VI

всегда бываетъ бѣденъ, говоритъ онъ, и, въ случаѣ неурожаевъ, не имѣетъ даже способовъ избавляться отъ голода. Притомъ же, безъ умноженія ремеслъ, рукодѣлій, разнообразной промышленности и торга, поселянинъ пашетъ землю худымъ орудіемъ, работаетъ клячею, худо удабриваетъ свою ниву, продаетъ свои произведенія дешево, нужное ему покупаетъ дорого, теряетъ много времени на проѣзды до торговыхъ сборищъ, и ничто не поощряетъ его труда и дѣятельности *и не раскрываетъ умственныхъ способностей*. Можно, не обинуясь сказать, что Россія отстала отъ прочихъ народовъ въ обогащеніи потому, что предпочитала доселѣ сельскія занятія городской промышленности».

Между тѣмъ, сельское сословіе наиболѣе отягощено государствомъ: оно несетъ и казенные налоги, и личныя повинности, и рекрутскіе наборы, а съ 1810 года еще обременено продажею дорогихъ зачетныхъ квитанцій, потому что, освобождая однихъ отъ рекрутства, онѣ падаютъ на то же сословіе, только на тѣхъ изъ него, кто не въ состояніи откупиться. Положеніе казенныхъ крестьянъ, которые ѣдятъ макину, и скотъ которыхъ ѣстъ солому, еще хуже. «Какое нелѣпообразное великой части имперіи состояніе!» восклицаетъ Мордвиновъ [1]). Чтобы пособить этому горю на первыхъ порахъ, онъ совѣтуетъ освободить всѣхъ крестьянъ отъ личныхъ повинностей (дорожныхъ и другихъ работъ), замѣнивъ ихъ наймомъ, а крестьянъ казенныхъ отъ всякихъ побочныхъ поборовъ, разрѣшивъ имъ, въ тоже время, свободно переходить въ ремесленное, торговое и мѣщанское состоянія, по одному объявленію казенной палатѣ.

---

[1]) О положеніи казенныхъ крестьянъ, Сперанскій, въ своей запискѣ 1826 года, говоритъ: «Земскіе исправники суть тѣже помѣщики, съ тою токмо разностію, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но, взамѣнъ того, сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочатъ (Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, II, Исторія увольненія крестьянъ, 164).

Но, чтобы выйти Россіи изъ представленнаго экономическаго положенія и сравняться съ западными государствами, — ей необходимо перейти отъ земледѣльческаго быта къ промышленному, а этому можетъ способствовать лишь развитіе городской жизни. Городскіе жители всегда болѣе дѣятельны и болѣе просвѣщенны; сближеніе людей въ городахъ способствуетъ изобрѣтеніямъ и предпріимчивости; безъ городовъ народное просвѣщеніе и пріобрѣтеніе богатствъ не имѣютъ успѣховъ. Но у насъ города не могли развиться по многимъ причинамъ. Они всегда были отягощены непомѣрными налогами, а частныя городскія зданія обыкновенно становятся жертвою постойной повинности (которую Мордвиновъ предлагаетъ замѣнить *наймомъ квартиръ* для солдатъ и офицеровъ). Въ интересахъ же процвѣтанія городовъ въ Россіи, Мордвиновъ совѣтуетъ выдавать ссуды па частныя постройки и общественныя зданія, распространять въ пограничныхъ и приморскихъ городахъ порто-франко; большія казенныя селенія, у которыхъ уже мало земли, обращать въ города. «Симъ средствомъ, могущимъ уменьшить до значительной степени земледѣльческій классъ, тѣмъ непродолжительнѣе достижено было бы желаемое народоуравненіе по различнымъ упражненіямъ, между различными сословіями народа».

«Но дабы тѣмъ успѣшнѣе города наши населяться могли, *то важнѣйшимъ вспомогательнымъ къ тому средствомъ послужить могло бы предоставленіе помѣщичьимъ крестьянамъ права откупаться отъ помѣщиковъ своихъ за установленную цѣну, и, по полученіи такимъ образомъ свободы, переселяться съ своими семействами въ города*. Излишне было бы объяснять здѣсь, сколь благодѣтельное вліяніе па весь классъ крѣпостнаго у насъ сословія возымѣла бы подобная мѣра, со стороны усугубленія въ ономъ трудолюбія и дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со стороны распространенія государственныхъ пользъ отъ преуспѣянія

городовъ нашихъ въ населенности и обогащеніи промыслами и торговлею».

При этомъ Мордвиновъ прилагаетъ уже извѣстное намъ мнѣніе, содержащее «одну изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ рабства и возбужденія народной дѣятельности», и прибавляетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ доходы государства значительно увеличатся, такъ какъ городскіе жители пріобрѣтаютъ въ большомъ количествѣ такія произведенія, которыя оплачиваются пошлиною въ казну, но въ которыхъ не имѣютъ надобности крестьяне.

Указывая на *недостатокъ частнаго кредита*, какъ результатъ необезпеченности капитала, тяготѣнія казны надъ частнымъ имуществомъ и недостатка правосудія въ случаѣ уклоненія должника отъ уплаты долга, что вредно дѣйствуетъ на весь родъ промышленности, Мордвиновъ снова предлагаетъ учредить *специальные капиталы* для полезныхъ предпріятій, напоминаетъ о своемъ проектѣ *трудопоощрительнаго банка* и указываетъ на праздно лежащіе капиталы въ коммиссіи погашенія (подъ названіемъ запаснаго), въ заемномъ и коммерческомъ банкахъ; на капиталъ, предполагавшійся для учрежденія страховой конторы (предоставляя открытіе страховыхъ обществъ частнымъ лицамъ); на суммы, въ случаѣ продажи казенныхъ земель и оброчныхъ статей; наконецъ, на необходимость усиленія разработки золота, въ интересахъ же увеличенія полезныхъ капиталовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мордвиновъ совѣтуетъ, для изученія почвы страны, употреблять въ мирное время піонерные полки, работы которыхъ могли бы послужить матерьяломъ для составленія *подземной карты Россіи*. Такое поощреніе со стороны правительства частныхъ предпріятій могло бы въ скоромъ времени вывести на свѣтъ частные капиталы и возбудить частную дѣятельность. Въ примѣръ своему времени, Мордвиновъ ставитъ Петра Великаго, который, заводя казенныя фабрики, всегда старался отдавать ихъ въ частныя

руки, притомъ за ограниченный взносъ въ казну; Фридриха II, который, выдавая ссуды подъ фабрики и заводы въ Силезіи, въ скоромъ времени привелъ эту страну въ благосостояніе, не смотря на разореніе ея въ семилѣтнюю войну. Мордвиновъ совѣтуетъ при ссудахъ отдавать предпочтеніе тѣмъ фабрикамъ, гдѣ введены машины. Но если бы и указанныхъ источниковъ оказалась мало, то для столь полезнаго дѣла слѣдуетъ сдѣлать заемъ за границею, въ 100—200 милліоновъ рублей, и преобразовать въ то же время коммерческій банкъ, на началахъ болѣе выгодныхъ для заемщиковъ и внутренняго производства [1]).

Въ интересахъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ съ промышленною цѣлью, Мордвиновъ предлагаетъ отмѣнить присягу на подданство для иностранцевъ, пріобрѣтающихъ земли, и постановленіе о припискѣ къ гильдіямъ и цехамъ—иностранцевъ, открывающихъ фабрики и заводы, или занимающихся ремеслами, и т. п. Изобрѣтеніе *пароходовъ* дастъ возможность улучшить сообщенія Россіи съ Любекомъ, Англіею, Шотландіею и Франціею. Но и заведеніе пароходовъ мало поможетъ, если будутъ существовать прежнія *стѣсненія на таможняхъ и по осмотру паспортовъ*. Плохое состояніе русской торговли и промышленности есть главная причина того явленія, что даже, вслѣдствіе погашенія извѣстной части ассигнацій, денежный курсъ почти не улучшился; но это не должно останавливать правительства отъ обѣщаннаго манифестомъ постояннаго извлеченія бумажныхъ денегъ изъ народнаго обращенія; только, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на развитіе промышленныхъ предпріятій въ странѣ, при помощи указанныхъ выше средствъ.

---

[1]) Онъ былъ учрежденъ еще въ министерство Гурьева (1817), но на началахъ весьма стѣснительныхъ. Сборн. свѣдѣн. и матерьяловъ по вѣдомству министерства финансовъ, III, кн. XI и XII, стр. 96.

Для полнаго же торжества предлагаемой системы, Мордвиновъ считаетъ необходимымъ приступить, въ возможной скорости, къ учрежденію *частныхъ по губернскимъ городамъ банковъ*; *къ предотвращенію смертности въ народѣ* (вслѣдствіе которой едва одинъ сынъ изъ семьи достигаетъ полнаго возраста) посредствомъ заведенія *больницъ* (которыхъ не существуетъ даже по городамъ) и искорененія въ народѣ французской болѣзни и оспы. «Когда оспопрививаніе введено будетъ во всеобщее употребленіе, то можно навѣрное полагать, что втеченіе 20 лѣтъ число народа *удвоится*, а слѣдовательно и доходы государственные, какъ прямые, такъ и косвенные, возрасли бы». Для этой же цѣли понадобилось бы всего 108.000 рублей въ годъ на 54 губерніи [1]). Наконецъ необходимо обратить вниманіе на существующую систему налоговъ въ Россіи. Выходя изъ того начала, что только налогъ съ чистаго дохода и есть налогъ справедливый, Мордвиновъ указываетъ на тяжелое положеніе въ Россіи особенно мѣщанъ и крестьянъ, на которыхъ падаютъ всевозможные налоги. Такіе налоги уменьшаютъ производство вещей въ странѣ и возвышаютъ цѣну на нихъ. Понятно, что Мордвиновъ въ дальнѣйшемъ разсужденіи стоитъ за *подоходный налогъ*, а въ отношеніи крестьянъ за основаніе для такого налога принимаетъ тягла, «дабы, вмѣсто душъ, обложена была податьми земля».

Но для достиженія означенныхъ результатовъ, необходимо, чтобы, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, въ государственномъ казначействѣ оставалось по крайней мѣрѣ 50 милліоновъ рублей. Отъ сокращенія же росписи расходовъ ожидать этого нельзя, такъ какъ, по многимъ статьямъ, не только нельзя сократить ихъ, но еще существуетъ недостатокъ. Единственное средство помочь въ этомъ—*сокращеніе*

---

[1]) Въ ноябрѣ 1824 года Мордвиновъ подалъ мнѣніе о необходимости собиранія статистическихъ свѣдѣній, какъ полезныхъ для руководства правительства (Собраніе мнѣній, т. VI).

расходовъ по военному вѣдомству, которое стоитъ странѣ половины всѣхъ государственныхъ доходовъ, не считая, можно сказать, другой, такой же половины, отбываемой натурою (постоемъ, подводами, и т п.). Между тѣмъ, расходъ на войска никогда не долженъ превышать $^1/_5$ всѣхъ доходовъ, а всѣ прочія европейскія державы истрачиваютъ на этотъ предметъ всего $^1/_7$ и $^1/_9$, «зная твердо, что та держава можетъ почесться сильнѣйшею, которая, при грозныхъ обстоятельствахъ, можетъ отъ своего народа потребовать податей, соразмѣрныхъ тогдашнимъ государственнымъ нуждамъ».

Съ этого слѣдуетъ начать исправленіе государственной росписи, переходя постепенно къ другимъ статьямъ, когда откроются новые виды на возможность ихъ исправленія. Россія представляетъ собою обширнѣйшее государство въ мірѣ и богатое произведеніями по всѣмъ царствамъ природы, но при всемъ томъ она получаетъ менѣе доходовъ, нежели Англія, которая, вмѣстѣ взятая съ Шотландіею и Галліею, едва составляетъ $^2/_3$ Вологодской губерніи, и менѣе нежели Франція, едва равняющаяся двумъ нашимъ губерніямъ. Такое состояніе Россіи не есть однако ея постоянный удѣлъ. Но «благолѣпное преображеніе великой имперіи, заключаетъ Мордвиновъ, зависитъ единственно отъ рѣшительной воли монаршею довѣренностью облеченныхъ лицъ, *которыя бы, не убоясь затрудненій, смѣло приступили къ раскрытію новаго, свѣтлаго ея вида, отвращая тщательно все, что затмѣваетъ оный, и что всеобщему благоденствію расцвѣсть воспрещаетъ*».

Но это мнѣніе Мордвинова не получило не только своего дѣйствія, но даже и дальнѣйшаго хода, такъ какъ, въ непродолжительномъ времени, по полученіи его, императоръ Александръ скончался. Тѣмъ не менѣе, оно остается какъ матерьяломъ для оцѣнки экономическаго состоянія Россіи въ исходѣ царствованія Александра I, такъ и памятникомъ

всесторонняго пониманія тогдашнихъ нуждъ Россіи Мордвиновымъ.

Мы видѣли, какъ прямо и открыто отказывался Мордвиновъ отъ своихъ мнѣній, когда обнаруживалось, что они были высказаны имъ ошибочно, или не приводили къ полезнымъ результатамъ. Дѣло Госпера, въ которомъ такую печальную роль игралъ Шишковъ, старый пріятель Мордвинова, показываетъ, что послѣдній также далекъ былъ и отъ поддержки близкихъ къ нему людей, если онъ находилъ, что дѣла, защищаемыя ими, не заслуживаютъ сочувствія.

Госперовское дѣло, интересное по своимъ подробностямъ, которыхъ мы не коснемся однако, такъ какъ оно относится къ нашему предмету лишь отчасти, замѣчательно, какъ эпизодъ изъ періода реакціи, проявившейся во вторую половину царствованія Александра I, въ которомъ такъ или иначе обрисовываются лица, уже не разъ встрѣчавшіяся намъ въ настоящей монографіи.

Характеризуя «образъ мыслей и дѣйствій Александра I» въ этотъ періодъ, историки обыкновенно говорятъ: «Александръ видимо томился подъ бременемъ государственнаго правленія. Душа его, измученная постоянною борьбою, потрясенная громадными событіями, запечатлѣнными его именемъ, но унесшими, конечно, важную долю его нравственныхъ силъ, усталая, разочарованная, искала покоя и молитвы; въ минуты же особеннаго внутренняго смятенія, онъ старался забыться въ вихрѣ необыкновенно быстрой ѣзды и безпрестанныхъ путешествій. По камеръ-фурьерскому исчисленію, онъ изъѣздилъ въ жизнь свою неимовѣрное пространство, а именно около 200,000 верстъ. Онъ совершенно оставилъ празднества, выходы, избѣгалъ общества, отвергъ всякаго рода придворную пышность, избѣгалъ даже шумной столицы, проводя время въ Царскомъ Селѣ, одинокій, гуляя въ уединенныхъ аллеяхъ сада; иногда посѣщалъ Юрьевъ монастырь,

близъ котораго были расположены военныя поселенія, и тамъ бесѣдовалъ и молился вмѣстѣ съ извѣстнымъ архимандритомъ Фотіемъ. Воображеніе его было раздражено и настроено къ впечатлительности. Умъ встревоженъ. Подозрительность и недовѣріе возрастали, и, къ сожалѣнію, имъ часто пользовались во вредъ другимъ. Духъ австрійской политики, олицетворяемый тогда Меттернихомъ, и полное господство Аракчеева—налагали свою печать на весь ходъ государственнаго управленія»[1]).

Если 1812 годъ представляетъ собою тотъ моментъ, съ котораго усиливается умственное движеніе русскаго общества въ разсматриваемый періодъ[2]), то, съ другой стороны, съ этого же момента начинаютъ въ правительственной сферѣ пробиваться консервативные элементы, которые окончательно пріобрѣтаютъ силу около 1820 года. Извѣстно, какое просвѣтительное значеніе придавалъ императоръ Александръ I въ отношеніи къ себѣ 1812 году, событія котораго, по его словамъ, направили его на путь правый. Въ характерѣ Александра было много задатковъ, которые съ того времени должны были усилить его мечтательность и склонность къ мистицизму. Почувствовавъ этотъ поворотъ, за нимъ пошло все, что считало своимъ долгомъ подражать. Этотъ переломъ въ общественныхъ мнѣніяхъ непосредственно за 1812 годомъ, какъ нельзя лучше изображенъ въ письмѣ гр. С. С. Уварова къ барону Штейну, отъ 18 ноября 1813 года[3]).

«Путешествіе за границу есть тайная надежда, давно лелѣянная мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и, между прочимъ, дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими здѣшними занятіями (какъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа). Нѣтъ ничего *неблагодарнѣе*, или точнѣе,

---

[1]) Ковалевскій, «Графъ Блудовъ и его время», гл. VII, и Богдановичъ, 1 с., т. VI.

[2]) Записки Якушкина, стр. 1—9.

[3]) Русскій Архивъ, 1871, II, стр. 129—134.

невозможнѣе ихъ. Я не мечтатель, какъ вы знаете: я люблю дѣла, и находился при нихъ, такъ сказать, съ самаго моего дѣтства; вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; не смотря на все это, я доведенъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на томъ пути, который я себѣ начерталъ и отъ коего никогда не отступлю не жертвуя тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ: честью, здоровьемъ, убѣжденіями, вещественнымъ благосостояніемъ. Не думайте, чтобы въ моихъ словахъ было *хотя малѣйшее преувеличеніе*. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня *отчаяніе*. *Состояніе умовъ* теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ *просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который бы не жегъ*; другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу *Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа*, бредни Ш... (Шишкова?) и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: *религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франъ-масонъ, фанатикъ, и т. п. Словомъ, полное безуміе*. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какого глубокаго невѣжества находишься вынужденнымъ работать надъ зданіемъ, подкопаннымъ у основанія и со всѣхъ сторонъ близкимъ къ паденію. Это, соглашаюсь въ томъ, печальное и тягостное признаніе; но вѣрьте, что все сказанное мною *совершенная правда*. Мнѣ нужно отвести душу, и я могъ бы на этотъ счетъ написать цѣлую книгу. На дняхъ у насъ было пререканіе, самое соблазнительное, между архіепископомъ и ректоромъ духовной академіи, въ коемъ оба были неправы; и это изъ-за плохой книги Ансильона. Право, было бы нужно, чтобы

этотъ споръ сдѣлался извѣстнымъ въ истинномъ его свѣтѣ, ибо я убѣжденъ, что императоръ, если и узнаетъ объ этомъ, то весьма отрывочно. Наконецъ, все разсказать было бы слишкомъ длинно. *Animus meminisse horret.* Жду лишь благопріятнаго обстоятельства, чтобы вырваться изъ этого хаоса, который душитъ и давитъ меня невыразимымъ образомъ. Мнѣ нужны болѣе чистый воздухъ и покой. Здоровье мое страдаетъ; самыя нравственныя мои способности слабѣютъ. Никто не скажетъ, чтобы я слишкомъ легко предался унынію. У меня также было много надеждъ и иллюзій, но ихъ разрушили *три года опыта*».

Мы видѣли, что еще до 1812 года вліяніе графа Аракчеева на дѣла стало замѣтнымъ. Но когда императоръ Александръ, послѣ столь тяжелаго для Россіи времени, всею душою предался иностранной политикѣ [1]), выразившейся въ цѣломъ рядѣ конгрессовъ, на которыхъ окончательно сформировалась обще-европейская реакція, внутреннее управленіе мало-по-малу стало сосредоточиваться въ рукахъ Аракчеева.

«Съ начала 1816 года, говоритъ близкій къ нему статсъ-секретарь, В. Р. Марченко, Аракчеевъ сталъ все по маленьку прибирать къ рукамъ, отвѣчая однако всякому, что никакой отдѣльной части не имѣетъ, а займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла совѣта рѣшительно къ нему поступили; по комитету министровъ началъ также докладывать онъ, а министрамъ было назначено столько предметовъ, по коимъ входить съ представленіями въ комитетъ, что инымъ ничего

---

[1]) О наклонности императора Александра еще въ началѣ своего царствованія къ внѣшней политикѣ, говоритъ гр. Ростопчинъ въ письмѣ къ кн. Цыціанову (въ іюлѣ 1806 г.): «Конференціи о положеніи дѣлъ въ Европѣ начались; не знаю выйдетъ-ли что нибудь дѣльное. Государь тратитъ много времени на разъѣзды», и т. д. См. переписку гр. Ростопчина въ Девятнадцат. Вѣкѣ, Бартенева, II, 112 Это, между прочимъ, и было причиною неудовольствія въ средѣ, которая полагала, что, вслѣдствіе частаго отсутствія государя, терпитъ внутренній порядокъ. Mémoires de Michel Oginski, Paris, 1827, IV, 156.

не оставалось къ личному докладу государю» [1]). Даже Карамзинъ до тѣхъ поръ не получилъ пособія на изданіе своей исторіи, пока не сдѣлалъ визита Аракчееву [2]). Отказываясь отъ всякихъ наградъ, Аракчеевъ довольствовался своимъ могуществомъ. Но, выставляя себя въ этомъ отношеніи безкорыстнѣйшимъ изъ смертныхъ, онъ умѣлъ отлично устроиться въ Грузинѣ, назначая хорошія справочныя цѣны для артиллеристовъ, завѣдовавшихъ строительною частью въ военныхъ поселеніяхъ, и называлъ «дураками» тѣхъ, кто представлялъ экономію [3]).

Когда императоръ Александръ все болѣе утрачивалъ вѣру въ людей, его окружавшихъ, то ему естественно было остановиться на лицѣ, преданномъ исключительно его особѣ, и «безъ лести преданный» какъ нельзя болѣе подходилъ къ этому настроенію государя. Извѣстны слова Аракчеева, сказанныя имъ въ отвѣтъ Шишкову и Балашову, когда они совѣтовали ему убѣдить государя (1812) оставить армію и ѣхать въ Москву, чтобы спасти тѣмъ отечество: «Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь при арміи»? [4])

---

[1]) Изъ записокъ Марченка, у графа Корфа, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 113.

[2]) Воспоминанія Бороздина, въ книгѣ «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», стр. 2.

[3]) Воспоминанія Бороздина, 6.

[4]) Записки графа Комаровскаго, Русскій Архивъ, 1867 года, 774. Графъ Комаровскій замѣчаетъ при этомъ: «Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева были совершенно *царедворца* и чужды любви къ отечеству». Точно также и его дружба къ императору Александру была лишена чувства гуманности и сердечной привязанности. Когда случилось убійство любовницы Аракчеева въ Грузинѣ, онъ засыпалъ государя письмами «о потерѣ *вѣрнаго друга* и разстройствѣ собственнаго разсудка»; отказался отъ дѣлъ, сталъ подпускать инсинуаціи на счетъ «политическихъ замысловъ» («дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ», писалъ онъ), уѣзжалъ въ Новгородъ, «ближе къ Фотію», и съ злорадствомъ извѣщалъ даже, что «добрый П. А. Клейнмихель занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ почти всѣхъ дворовыхъ людей» (Богдановичъ, т. VI, прилож., 130—131).

«Дѣйствую вашимъ умомъ», отвѣчалъ онъ обыкновенно, низко кланяясь, когда государь спрашивалъ его мнѣнія [1]). Забирая постепенно въ свои руки всѣ отрасли управленія, и дѣйствуя именемъ государя, Аракчеевъ сталъ единственнымъ двигателемъ государственной машины, и когда переѣзжалъ въ Грузино, то всѣ, не исключая и высшихъ сановниковъ, спѣшили туда на поклонъ. Понятно, что, при такихъ отношеніяхъ, министры становились уже не болѣе какъ докладчиками *перваго министра*. «Явишься, бывало, къ какому нибудь министру, говоритъ Гречъ, требуешь если не правосудія, то объясненія, отвѣта. Наконецъ добьешься: «ступайте къ графу Алексѣю Андреевичу». А этотъ былъ неприступенъ, какъ китайскій богдыханъ [2]).

А когда, по причинѣ важныхъ дѣлъ, уже больной, государь вызывалъ его въ Таганрогъ, то онъ уклонился отъ этого приглашенія; онъ не поѣхалъ туда и послѣ вторичнаго «приказанія», между тѣмъ для него было приготовлено тамъ комфортное помѣщеніе. Этотъ поступокъ, по словамъ Тарасова, унизилъ Аракчеева, какъ въ общемъ мнѣніи, такъ и въ глазахъ государя (Записки лейбъ-хирурга Тарасова, Русская Старина, 1872 года, августъ, 120—122). Впослѣдствіи, князь Волконскій, по поводу кончины императора Александра, такъ писалъ о всемъ этомъ къ А. А. Закревскому: «Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ; ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей *губитъ Россію и погубитъ государя*, который узнаетъ всѣ его неистовства, *но поздно*» (Русскій Архивъ, 1870 года, 629). Между тѣмъ, вскорѣ послѣ того «добрый П. А. Клейнмихель успѣлъ доказать графу Аракчееву и невѣрность его *вѣрнаго друга*» (Русская Старина, 1871 года, февраль, 244). Аракчеевъ съ Фотіемъ присоединились къ печальному кортежу Александра I только на границѣ Новгородской губерніи (Записки Тарасова, ibid., 136).

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, II, 113.

[2]) Записки Греча, Русскій Архивъ, 1868 года, стр. 1412. Само собою понятно, что подобныя отношенія не могли не отражаться на общемъ теченіи дѣлъ. Вотъ какъ изображаетъ наступившій порядокъ вещей гр. Кочубей, въ своемъ письмѣ къ Сперанскому отъ 22 апр. 1819 года:

Но среди такого полновластія, Аракчеевъ могъ еще встрѣтить противовѣсъ въ лицѣ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, кн. Голицына, друга дѣтства государя, близость котораго если не могла быть для него опасною, то, по крайней мѣрѣ, могла служить помѣхою его господству. Мистическое настроеніе Голицына какъ нельзя болѣе шло къ лич-

---

«Никто съ системою дѣлами управленія не занимается, писалъ онъ. Главною цѣлью полагаютъ исполнители—очищать сколь возможно болѣе бумагъ, и непрестанно открываются противорѣчія... Интригъ никогда не было болѣе... Я часто давалъ себѣ отчетъ о причинахъ, заставляющихъ держать васъ въ удаленіи отсель, и всегда терялся въ заключеніяхъ моихъ. Сомнѣнія никакого нѣтъ, чтобъ расположенія его величества не были къ вамъ самыя благопріятныя. Онъ, какъ слышу я, всегда отзывается объ васъ съ большою похвалою, и отдаетъ имъ полную справедливость. При таковыхъ чувствахъ *и при недостаткѣ способныхъ людей*, какъ бы, казалось, не отыскивать ихъ вездѣ; но *тутъ-то* и большая загадка, *тутъ-то* всѣ и теряются. Иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями, *дабы не относимо было имъ что либо по управленію или инымъ мѣрамъ*. Государь знаетъ людей совершенно и понимаетъ ихъ точно такъ, какъ понималъ всегда; напр. Гурьева разумѣетъ онъ по прежнему, и знаетъ, кто именно у него занимаетъ мѣсто министра финансовъ (кажется, графъ Ламбертъ, какъ видно изъ того же письма), но способности подчиненныхъ ему не непріятны; однимъ словомъ, тутъ есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно, а посему я крайне сомнѣваюсь, чтобы и безъ непріятелей вашихъ рѣшились васъ здѣсь употребить. *Любопытна тактика* всѣхъ настоящихъ дѣльцовъ; всѣ въ глаза говорятъ: наставьте насъ, мы ничего не знаемъ, вы лучше насъ понимаете, и проч... С.. нынѣ облегчаютъ себя тѣмъ, что все относятъ на государя.

«*Внутреннее правленіе идетъ столь слабо, какъ, напротивъ, военная часть усовершается болѣе и болѣе до удивительной степени.* Не видно, чтобы къ исправленію перваго предстояли какія либо близкія мѣры, кромѣ одного раздѣленія на округи... Государственныя установленія наши все въ той-же *запутанности*... Одно, что чрезмѣрно не нравится мнѣ, это *равнодушіе*, болѣе или менѣе преодолѣвшее. Мало кто думаетъ хорошо или дурно идетъ какая нибудь часть, что нужды, говорятъ: *лишь бы какъ нибудь шла*. Даже производство дѣлъ, въ коемъ такъ старались ввести систему и слогъ, перемѣнилось... Прежде о семъ старались, опасаясь тонкаго вкуса государя; нынѣ говорятъ: что нужды, государь читать бумаги не будетъ; онъ увидитъ только меморію.

нымъ наклонностямъ государя, и потому еще болѣе связывало ихъ; но Аракчеевъ неспособенъ былъ увлекаться чувствительными теоріями. Сначала онъ сдѣлалъ было попытку завербовать Голицына въ число своихъ, но когда это не удалось—паденіе министра было рѣшено. Орудіемъ для его низверженія Аракчеевъ избралъ извѣстнаго фанатика, своего

«Безпокойство на счетъ вольности крестьянъ, коего вы были въ продолженіи многихъ лѣтъ свидѣтелемъ, не уменьшается... Но существуетъ ли предположеніе сіе или нѣтъ, *я тѣхъ мыслей*, что несравненно бы лучше произвести съ надлежащими осторожностями *общую* въ государствѣ *перемѣну*, въ разсужденіи крестьянъ, нежели возбуждать ежеминутно новые толки и новыя неудовольствія...

«Въ сенатѣ ничто почти не оканчивается, я какъ установленія не иначе заключаютъ достоинство, какъ по роду занятій своихъ, то *совѣтъ упалъ въ совершенное небреженіе*» (Въ память гр. Сперанскаго, 155—167).

Даже Гурьевъ сознавалъ необходимость приведенія въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ. «Нѣтъ случая, чтобы я не напоминалъ, сколько ваше присутствіе здѣсь необходимо», писалъ онъ Сперанскому 8 марта 1820 года. «Состояніе дѣлъ въ Европѣ таково, что намъ болѣе нужно, *нежели когда нибудь, заняться со всѣмъ вниманіемъ учрежденіемъ внутренняго порядка въ государствѣ*. Ежели *труды ваши* обратить на сіе великое дѣло, тогда, *безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени* мы достигнемъ желаемой цѣли. Мы еще можемъ отвратить безпорядки, преградивъ пути къ большему водворенію у насъ зла, когда прочія правительства, употребивъ послѣднія свои средства къ противодѣйствію духа анархіи, столь сильно у нихъ укоренившагося, близки уже къ своему разрушенію» (Ibid., 280). На эту практическую сторону реформы указывалъ и Кочубей, въ другомъ письмѣ къ Сперанскому (3 апрѣля, 1820 года), выражаясь, что «теперь слѣдуетъ думать уже не о томъ, какъ 50 лѣтъ назадъ, что событія въ Испаніи и Германіи поучительны для всѣхъ, и что необходимо примѣниться *къ направленію умовъ и вѣка*», прибавляя притомъ, что «молодыхъ людей множество заражено полупонятіями о законодательствѣ» (Ibid., 294—295).

Гурьевъ, мечтавшій о себѣ почти какъ о геніальномъ министрѣ финансовъ, въ тоже время сознавалъ, что «юстиція и полиція отстали на нѣсколько вѣковъ, и еще какая-то посторонняя сила домогается обратить ихъ *къ состоянію кочующихъ*» (Ibid., 169).

Козодавлевъ въ то-же время писалъ Сперанскому: «Князь Лопухинъ въ голосѣ своемъ полагаетъ сенатъ; но я до коронныхъ чиновниковъ по губерніямъ не большой охотникъ; они только подкрѣ-

близкаго сосѣда, архимандрита Юрьевскаго монастыря, Фотія, который съ дерзкою хвастливостью разсказываетъ о своемъ віяніи на перемѣну мыслей императора въ пользу преслѣдованія мнимыхъ враговъ церкви [1]). Но имъ нуженъ былъ человѣкъ, который могъ бы достойнымъ образомъ занять мѣсто Голицына. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ добродушнаго старца, А. С. Шишкова [2]). Аракчеевъ сблизился съ

пляютъ *таканіемъ* самовластіе мѣстныхъ начальниковъ. Лучше, кажется, выборные, коихъ интересъ собственный привязываетъ къ интересу земли... Я бы желалъ, чтобы нигдѣ *военныхъ* начальниковъ надъ администраціею не было. Дай Богъ, чтобъ у насъ было большинство голосовъ на сторонѣ образованныхъ и граматныхъ. Кажется, что и сихъ послѣднихъ число *не весьма успѣшно умножается*... Вы пишете, что въ Сибири, ничего не читая, можно заржавѣть. Сіе въ Сибири такъ, какъ и вездѣ. Здѣсь многіе, *и весьма многіе*, заржавѣли» (Ibid., 176—179).

О подобной же апатіи и въ литературѣ, С. С. Уваровъ писалъ Сперанскому такъ (1 декабря 1819 года): «Вообще *литература бѣднѣетъ каждый день. Политика все поглощаетъ*; всѣ умы устремлены къ предметамъ, входящимъ въ ея кругъ» (Ibid., 233).

[1]) До какой степени могутъ мириться въ фанатикѣ самыя, по видимому, непримиримыя понятія, лучшимъ примѣромъ можетъ служить тотъ же Фотій. Выставляя себя, вовсе не въ духѣ христіанскаго смиренія, чуть-ли не единственнымъ защитникомъ правовѣрія въ это время, онъ льстилъ Аракчееву до низости. «О, подлость величайшая»! говоритъ Марченко въ своихъ запискахъ: «Архимандритъ Фотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная (т. е. любовница послѣдняго) поступила въ сонмъ великомученицъ» (Разсказъ очевидца о 14 декабря 1825 года, стр. 9, и Воспоминанія Бороздина, стр 7). Аракчеевъ же послѣ этой катастрофы забылъ все, даже государя, и спѣшилъ только къ своему Фотію: «Весьма мнѣ хочется уѣхать изъ Грузина, писалъ онъ императору 27 октября 1825 года, но по сіе время еще не можно было онаго сдѣлать, а теперь хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи, *ближе къ Фотію*». Письма Аракчеева, см. въ прилож. къ VI т. Ист. Александра I, Богдановича, стр. 130—132.

[2]) «Для препровожденія времени, говоритъ Вигель, Голицыну оставленъ почтовый департаментъ, подъ именемъ главнаго управленія или министерства... Чтобы посадить на его мѣсто, вырыли изъ забвенія полумертваго Шишкова. Тріумвиры (Аракчеевъ, Фотій и Магницкій) взяли его къ себѣ въ опеку и, изъ видовъ корысти, личнаго мщенія,

нимъ еще въ эпоху 1812 года, когда они вмѣстѣ хлопотали объ отъѣздѣ изъ арміи императора. Вотъ какъ передаетъ Шишковъ о своемъ вступленіи въ званіе министра народнаго просвѣщенія.

«Назначеніе меня, говоритъ онъ, на мѣсто предмѣстника моего, князя Голицына, министромъ народнаго просвѣщенія произошло по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Нѣкто монахъ Фотій, человѣкъ еще не старый, пылкій, защитникъ правовѣрія, долгое время былъ въ связи и частомъ сношеніи съ кн. Голицынымъ, въ намѣреніи, какъ сказываютъ, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его, выпускались къ поколебанію нашей вѣры; но, не получа въ томъ успѣха, рѣшился, *не смотря на сильную его довѣренность у государя*, употребить надъ нимъ духовную строгость. Съ симъ намѣреніемъ пригласилъ онъ его въ домъ графини Орловой, гдѣ, поставя налой и положа на немъ евангеліе и крестъ, приготовился его встрѣтить. Когда князь вошелъ въ комнату и хотѣлъ, по обыкновенію, принять отъ него благословеніе, то онъ остановилъ его и сказалъ, что прежде не дастъ ему благословенія, покуда онъ не отречется отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, покровительствуя иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ церкви и престола. Князь сперва отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствовалъ по волѣ государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздно уже воз-

---

одинъ—Магницкій, по врожденной злости, именемъ его стали преслѣдовать зло, но, противодѣйствуя ему, творили ужасныя несправедливости. Изъ четырехъ министровъ—троимъ, военному (Татищевъ), юстиціи (Лобановъ) и внутреннихъ дѣлъ (В. С. Ланской), было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру народнаго просвѣщенія—около 80. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностью... Министръ Шишковъ былъ не что иное, какъ трупъ, гальванизированный Магницкимъ (Воспоминанія Вигеля, VI, 52—53; VIII, 5). И у морскаго министра, по словамъ Вигеля, нептуновъ трезубецъ совершенно выпадалъ изъ слабѣющихъ отъ старости рукъ» (Ibid., IV, 47).

вращаться назадъ; но когда Фотій грознымъ гласомъ возразилъ ему: «Поди къ царю, стань предъ нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и его вводилъ въ заблужденіе»,—тогда князь разсердился и спросилъ у него: какое право имѣетъ онъ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ? «Право служителя алтаря божія, отвѣчалъ ему Фотій, могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію»! —Князь, послѣ словъ сихъ, вспыхнулъ гнѣвомъ, и, сказавъ ему: «Увидимъ, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій вслѣдъ ему кричалъ громко: «Анаѳема! Да будешь ты проклятъ!» и тотчасъ послѣ сего произшествія, въ точности описавъ какъ свой поступокъ, такъ и отвѣты князя, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: «Въ собственныя его величества руки». Вскорѣ государь позвалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ ему съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя его не только неприличнымъ, но даже и несообразнымъ съ христіанскою кротостью, однакожь, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва. Въ тожь время подоспѣло госнеровское дѣло. Сіи два обстоятельства были главною причиною перемѣны министерства просвѣщенія, къ которому присоединены были еще двѣ части, а именно: управленіе иностранныхъ вѣроисповѣданій и наши духовныя дѣла; но сія послѣдняя часть, при сей перемѣнѣ, была отдѣлена; князь Голицынъ остался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ» [1]). Переводъ книги Госнера (Толкованіе на евангеліе Матѳея), о которой здѣсь идетъ рѣчь, былъ застигнутъ еще до выпуска изъ типографіи, въ мартѣ 1824 года, благодаря проискамъ Магницкаго, предавшагося тогда на сторону Аракчеева и съумѣвшаго черезъ своихъ агентовъ добыть корректурные листы перевода [2]).

---

[1]) Записки Шишкова, II, 246—47.

[2]) Записки Греча, Русск. Архивъ, 1868, 1405.

Такимъ образомъ, назначеніе Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія предвѣщало наступленіе религіозной реакціи въ умственной сферѣ. «Записка о крамолахъ враговъ Россіи», составленная однимъ изъ дѣятелей новаго министерства (какъ полагаютъ, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ [1]), весьма наглядно свидѣтельствуетъ, въ чемъ видѣли опасность защитники указанныхъ стремленій и какихъ перемѣнъ они желали. Подъ заглавіемъ: «Основаніе могущества Россіи», составляющимъ вступленіе въ записку, читаемъ: «Россія всегда была и есть сильна и непоколебима въ своемъ могуществѣ твердымъ пребываніемъ въ вѣрѣ православной и безпредѣльною покорностью своимъ государямъ самодержавнымъ. Доколѣ она будетъ православно бояться Бога отцевъ своихъ и благоговѣйно чтить самодержавныхъ государей, дотолѣ будетъ и пребудетъ въ страхъ народамъ Европы, шаткимъ въ своихъ вѣрованіяхъ въ Бога, буйнымъ и дерзкимъ противъ своихъ государей». И такъ, страхъ отъ современныхъ европейскихъ движеній, основанный на одной религіозной оцѣнкѣ политическихъ явленій, составляетъ исходную точку зрѣнія названной записки. Неудивительно, что начало зла авторъ ея видитъ въ реформѣ Петра, со времени которой въ Россію стали свободно проникать послѣдователи «разныхъ иностранныхъ исповѣданій»; но особенно оно усилилось въ царствованіе Екатерины II, во время вліянія «иллюминатовъ, масоновъ, Вольтера и его единомышленниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *софистовъ нечестія*, стремившихся разрушить алтари божіи и ниспровергнуть престолы царей». Тутъ же, въ примѣръ настоящему, авторъ указываетъ на сожженіе книгъ и преслѣдованія представителей этихъ мнѣній при Екатеринѣ II и Павлѣ I, и затѣмъ переходитъ къ изображенію настоящаго положенія вещей. Въ современныхъ общественныхъ явленіяхъ авторъ видитъ систематическій планъ «къ погубленію

[1]) Русск. Архивъ, 1868, 1329—1391.

Россіи». Сюда онъ относитъ: библейскія общества, попытки къ соединенію церквей, распространеніе масонскихъ ложъ и вредныхъ книгъ мистическаго содержанія, преподаваніе вольномыслія въ университетахъ [1]). Чтобы судить о степени доказательствъ автора записки, достаточно указать, что въ распространеніи библіи въ народѣ онъ видитъ стремленіе ослабить въ немъ религіозныя чувства; въ замѣнѣ въ церковныхъ книгахъ выраженія: «Рождество еже по плоти Господа, Бога и Спаса нашего Христа»—выраженіемъ: «Рождество Спасителя нашего Іисуса Христа»—стремленіе къ соціализму и раціонализму; въ дешевизнѣ священнаго писанія, сравнительно съ другими книгами, желаніе унизить достоинство библіи, и т. п. «Много и премного вышло съ 1817 по 1824 годъ (министерство Голицына) книгъ, говоритъ онъ, въ которыхъ, въ разныхъ видахъ, подъ разными заглавіями, одно другаго благовиднѣйшими и обольстительнѣйшими, проповѣдалось ученіе, направленное къ развращенію ума и сердца, къ отвращенію отъ вѣры и церкви православной, къ возбужденію презрѣнія и неуваженія къ пастырямъ и учителямъ церкви, ко всякой святынѣ, чтимой православными христіанами, къ неуваженію власти и начальства, къ отверженію закона и порядка общественнаго и церковнаго». Въ преслѣдованіяхъ Магницкимъ университетской науки, авторъ видитъ надежное противуядіе распространенію ложныхъ теорій въ обществѣ, а въ закрытіи библейскаго общества, строгой цензурѣ и преслѣдованія книги Госнера—вѣрное ручательство за возстановленіе религіозной чистоты.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія 15 мая 1824 года, Шишковъ читалъ уже 25 мая того же года свою записку государю, въ которой предлагалъ свои

---

[1]) Намекъ на бывшее не задолго передъ тѣмъ такъ называемое «дѣло петербургскаго университета». О немъ см. Чтен. Моск. общ. истор., 1866, III, смѣсь, 61—164; Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при Александрѣ I, Сухомлинова, и Истор. царствованія Александра I, Богдановича, т. VI.

услуги къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени *карбонарства*, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось [1]). А вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ стать главнымъ дѣятелемъ въ судьбѣ книги Госнера. Послѣ полицейскаго слѣдствія, дѣло о ней поступило на разсмотрѣніе комитета министровъ (3 іюня), который предалъ виновныхъ въ переводѣ и пропускѣ ея суду. Книга Госнера, если судить о ней по тѣмъ отрывкамъ, которые выставлены Шишковымъ, разбиравшимъ ее по порученію комитета и безъ сомнѣнія выбравшимъ изъ нея самыя непозволительныя мѣста, не имѣетъ въ себѣ того крайне-ужаснаго характера, какой приписываетъ ей Шишковъ. Все, что заключаетъ въ себѣ характеристическаго эта книга, разсчитано болѣе не религіозное чувство, нежели на буквальное толкованіе евангельскихъ мѣстъ, и потому испещрено картинами, метафорами, а не рѣдко сравненіями евангельскихъ истинъ съ ежедневными явленіями. Но вѣдь для Шишкова и переводъ славянскихъ текстовъ въ катихизисѣ Филарета казался ни чуть не меньшимъ униженіемъ высоты священнаго писанія [2]). Католическій патеръ Госнеръ, пріѣхавшій въ Россію изъ Германіи, имѣлъ огромный успѣхъ, какъ проповѣдникъ, и потому книга его возбудила интересъ въ людяхъ, настроенныхъ къ религіозной мечтательности. За переводъ ея взялся сначала генералъ-майоръ Брискорнъ, почитатель Госнера, въ чемъ ему содѣйствовали профессоръ казанскаго университета Яковкинъ и чиновникъ Трескинскій, а по смерти Брискорна оканчивалъ переводъ и поправлялъ его В. М. Поповъ, служившій директоромъ департамента въ министерствѣ народ-

---

[1]) Записки, II, 163—164. Для правильной оцѣнки религіознаго піэтизма, какъ стремленія къ болѣе духовному пониманію религіи, и его крайнихъ послѣдствій - слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду то разграниченіе, которое дѣлаетъ между ними Геттнеръ въ своей Исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка, т. I, гл. I.

[2]) Записки Шишкова, II, 188—208.

наго просвѣщенія, что было важнымъ обличеніемъ для враговъ павшаго министра. Къ суду были привлечены и цензоры, фонъ-Поль и Бируковъ, и содержатели типографій—Гречъ и Край. Поповъ, по своему званію, былъ преданъ суду въ сенатѣ; Трескинскій и оба цензора въ уголовной палатѣ; типографщики въ надворномъ судѣ. Госнеръ высланъ за границу [1]).

Шишковъ сильно хлопоталъ, чтобы поразить враговъ религіи, обнаруженныхъ по дѣлу Госнера. Онъ, можно сказать, засыпалъ своими бумагами и государя, и Аракчеева, бывшаго ему важнымъ пособникомъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ его бумаги клонились къ охужденію прежняго министерства и выставленію опасностей отъ него въ настоящемъ. «Главнѣйшее и сильнѣйшее потрясеніе царства, говоритъ онъ, производится стремленіями къ разрушенію господствующей въ немъ вѣры»—вотъ общій мотивъ его мнѣній. Онъ требовалъ преслѣдованія Попова, котораго обвинялъ, не болѣе и не менѣе, какъ «въ заговорѣ и возстаніи противъ алтаря и престола» [2]). Въ виду предохраненія отъ этого, онъ рекомендовалъ устройство высшаго цензурнаго комитета изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, который бы надзиралъ не только за иностранными и русскими книгами, но даже за преподаваніемъ въ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ, профессора которыхъ должны читать не по своимъ запискамъ, а по извѣстнымъ книгамъ, чтобы такимъ образомъ «не могли обучать учениковъ не общимъ, но своимъ правиламъ и мыслямъ» [3]).

Въ половинѣ мая 1825 года состоялся судъ надъ Поповымъ въ сенатѣ [4]), въ которомъ рѣзко обозначились два

[1]) Записки Греча. Переводъ же его книги, въ числѣ 3,000 экземпляровъ, былъ сожженъ 10 сентября 1824 года, въ печахъ кирпичнаго завода Александро-Невской лавры, за что дано трудящимся 25 рублей. Жгли три часа въ 20 печахъ. См. Русскія книжныя рѣдкости, библіографическій указатель, составл. Геннади, Спб., 1872, 138.

[2]) Записки Шишкова, II, 170, 173.

[3]) Ibid., 204.

[4]) Ibid., 241—242.

противоположныя мнѣнія по этому дѣлу: сенаторовъ Сумарокова и Муравьева-Апостола. Первый изъ нихъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, восходитъ къ временамъ французской революціи и свободныхъ мыслителей, которыхъ называетъ «стаей людей, явно порицавшихъ правовѣріе», куда подводитъ и Попова, какъ участника въ книгѣ Госнера, выписывая при этомъ самыя строгія наказанія за отступничество, начиная съ уложенія (опредѣлявшаго сожженіе); послѣ чего соглашается съ пятью сенаторами 1 отдѣленія 5 департамента сената, приговорившихъ Попова къ заключенію въ монастырь [1]). Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ, выходя изъ того, что исправленныя Поповымъ мѣста едва равняются 57 части всего сочиненія, что исправленія его касались лишь слога, что онъ принялся за книгу уже тогда, когда значительная часть ея была одобрена цензурою, и даже напечатана, что онъ былъ убѣжденъ въ христіанскихъ правилахъ Госнера и что тогда подобныя книги не считались противузаконными, не согласился съ заключеніемъ департамента, но призналъ Попова неспособнымъ къ занимаемой имъ должности [2]). Въ общемъ собраніи сената, по словамъ Шишкова, «о мнѣніи Сумарокова говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ, тогда какъ мнѣніе Муравьева Апостола превозносили похвалами, и большая половина сенаторовъ къ нему пристала» [3]). По словамъ Греча, докладная записка по этому дѣлу, будучи напечатана, разошлась въ публикѣ и возбудила всеобщее негодованіе, вслѣдствіе чего государь

---

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859, IY, 43 - 48.

[2]) Ibid., 37 - 42.

[3]) Записки, II, 249 — 250. Слѣдовательно Гречъ неправъ говоря: «Всѣ сенаторы пристали къ сторонѣ сильнаго Аракчеева, всѣ, кромѣ одного, Ивана Матвеевича Муравьева Апостола» Впрочемъ, далѣе онъ даетъ понять, что онъ говоритъ собственно о департаментѣ разсматривавшемъ дѣло, но тогда онъ неправильно приписываетъ возникновеніе названныхъ двухъ мнѣній въ департаментѣ. Русскій Архивъ, 1868, 1410—1411.

пожелалъ узнать «правду» и назначилъ Муравьеву-Апостолу тайное свиданіе въ одной изъ аллей Каменнаго острова. «Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но не изъявилъ своего мнѣнія, а вскорѣ потомъ уѣхалъ онъ въ Таганрогъ» [1]).

Въ рѣшеніи сената Шишковъ увидѣлъ «новомысліе и духъ угожденія сильнѣйшей партіи»! И когда въ такомъ видѣ это дѣло поступило въ государственный совѣтъ [2]), онъ заявилъ желаніе написать подробный разборъ мнѣнія Муравьева-Апостола, въ которомъ дѣйствительно построчно разобралъ его, вездѣ опираясь на близкія сношенія Попова съ Госперомъ и умышленное участіе въ переводѣ книги. Въ заключеніе, министръ народнаго просвѣщенія обращается къ выраженію Муравьева-Апостола: «*не пріемля въ уваженіе господствующій тогда духъ въ нашей литературѣ*», и замѣчаетъ: «что выраженіе *господствующій духъ въ нашей литературѣ* не долженствовало бы употребляться въ государственныхъ бумагахъ, ибо когда въ нихъ признаваться будетъ *господство духа*, тогда *власть и законы* потеряютъ свое господство, ибо *два господина* вмѣстѣ быть не могутъ» [3]).

Въ государственномъ совѣтѣ эту бумагу читалъ самъ Шишковъ. «При каждой статьѣ, говоритъ онъ, я останавливался и ждалъ противорѣчія. Казалось, всѣ согласны были со мною, но, когда послѣ чтенія начали отбирать голоса, тогда оказалось, что *многіе* члены совѣта, равно какъ и въ сенатѣ, были на сторонѣ сенатора Муравьева. Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что зная напередъ силу неправды, хотя и пристаютъ къ ней, но въ

---

[1]) Русскій Архивъ, 1868, 1411.

[2]) Въ департаментѣ *гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ* государственнаго совѣта, куда поступило на предварительное заключеніе дѣло Попова, *всѣ члены* (слѣдовательно и Мордвиновъ) согласились съ *мнѣніемъ сенатора Муравьева-Апостола*, какъ говоритъ самъ Шишковъ.

[3]) Записки Шишкова, 250—263.

тихомолку, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее. Къ голосу Муравьева пристали: Голицынъ, Нессельроде, Карцовъ, Татищевъ, Болотниковъ, Салтыковъ, Тутолминъ, *Сперанскій, и, кто бы могъ подумать*, прибавляетъ Шишковъ, *Милорадовичъ*, *Васильчиковъ и Мордвиновъ*» [1]).

Но Мордвиновъ, въ своемъ мнѣніи, шелъ далѣе. Указывая на полное сознаніе Попова, облегчающее вину, и несуществованіе запрещенія директору департамента народнаго просвѣщенія исправлять въ книгахъ дурной слогъ на хорошій, онъ предлагалъ предать это дѣло полному забвенію [2]).

Тогда Шишковъ снова принялся за него, написавъ письмо къ государю, въ которомъ указываетъ уже на дѣйствительные результаты буйнаго духа времени, каковы—часто повторяющіяся воровства, грабежи, убійства, распространеніе раскола и неуваженіе къ духовенству, которое подтверждалъ даже такимъ аргументомъ, какъ распространеніе въ народѣ молвы «о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ къ нему приросла». Но императоръ Александръ вскорѣ умеръ въ Таганрогѣ. Тогда Шишковъ (въ январѣ 1826 года) представилъ другое письмо, уже новому государю, въ которомъ, къ прежнимъ мотивамъ по дѣлу Госнера (!), счелъ необходимымъ прибавить и замѣчаніе о недавнемъ политическомъ заговорѣ, какъ выраженіи того же духа времени. Процессъ по дѣлу Госнера тянулся до 1828 года, но окончился не по желанію Шишкова. «Письмо мое, говоритъ онъ, не имѣло успѣха. Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе края» [3]).

---

1) Записки Шишкова, II, 263—264.

2) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XI.

3) Записки Шишкова II, 264—280, и Записки Греча, Русск. Арх., 1868, 1412 Въ литературѣ реакціонные элементы этого періода нашли достойное изображеніе въ извѣстной сатирѣ Воейкова и комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума».

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ дѣятельности Мордвинова, какъ члена государственнаго совѣта, комитета министровъ и финансоваго комитета, въ царствованіе, императора Александра I; но этимъ еще не исчерпывается его дѣятельность за тотъ же періодъ времени.

ГЛАВА XII.

Одновременно съ предсѣдательствомъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, Мордвиновъ предсѣдательствовалъ и въ кавалерской думѣ ордена св. Владиміра, причемъ заявилъ такое же расположеніе къ коллегіальному порядку, какъ нѣкогда при вступленіи въ управленіе министерствомъ морскихъ силъ. Такъ, въ это время онъ представлялъ государю проектъ о баллотированіи думою тѣхъ чиновниковъ, въ наградѣ которыхъ орденомъ св. Владиміра было отказано по прежнимъ росписаніямъ. Но въ этомъ ходатайствѣ Мордвинову было отказано именнымъ указомъ, объявленнымъ ему графомъ Аракчеевымъ [1]). Въ то-же время мы встрѣчаемъ Мордвинова въ числѣ почетныхъ членовъ академіи наукъ. 14 января 1823 года онъ присутствовалъ на торжественномъ собраніи академіи, въ которомъ читали: Карамзинъ—объ убіеніи царевича Димитрія и вступленіи на престолъ Годунова; Гнѣдичъ:—изъ 2-й пѣсни Энеиды, переведенной Жуковскимъ, и поэмы Воейкова: «Искусства и Науки» (эпизодъ о Ломоносовѣ); Соколовъ:—Тита-Ливія (разсказъ о взятіи Рима галлами); Шаховской—отрывокъ изъ своего «Аристофана». Въ этомъ засѣданіи были присуждены

---

[1]) Полн. собраніе закон.. № 30,117.

золотыя медали: Крылову и И. И. Дмитріеву [1]). Состоя членомъ академіи, Мордвиновъ, какъ мы видѣли, хлопоталъ объ увеличеніи ея средствъ. Но, безъ всякаго сомнѣнія, ни на одномъ изъ постороннихъ поприщъ Мордвиновъ не выказалъ такого сочувственнаго участія къ общимъ интересамъ учрежденія, какъ въ своей дѣятельности по вольно-экономическому обществу.

Мордвиновъ давно былъ извѣстенъ по своимъ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, за усовершенствованіемъ котораго онъ слѣдилъ постоянно [2]), и въ этомъ отношеніи онъ былъ поклонникомъ англійской системы. Въ 1802 году вольно-экономическое общество наградило автора сочиненія «О лучшемъ и скорѣйшемъ способѣ отдѣленія молока и устройства для этого маслобойной машины», Нау, изъ Ашафенбурга, медалью въ 30 червонцевъ, назначенною Н. С. Мордвиновымъ [3]). Мордвиновъ состоялъ постояннымъ членомъ общества, а 1823 году былъ избранъ и его президентомъ.

Вотъ что передаютъ современники Мордвинова объ избраніи его въ предсѣдатели вольно-экономическаго общества и первыхъ его дѣйствіяхъ въ этомъ званіи. «5 мая 1823 года общество имѣло торжественное годовое собраніе, для празднованія дня своего учрежденія въ присутствіи 46 членовъ. Собраніе открыто было, по обыкновенію, прочтеніемъ высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ этому обществу. Потомъ президентъ его, митрополитъ римскихъ церквей въ Россіи, Сестренцевичъ, сказалъ приличное привѣтствіе, а секретарь общества, Джунковскій, произнесъ рѣчь и прочелъ отчетъ занятій общества. Послѣ этого почтенный старецъ (Сестренцевичъ), обремененный лѣтами и трудами, сложилъ съ себя званіе президента, носимое имъ болѣе 10 лѣтъ, и предложилъ на свое мѣсто трехъ кандидатовъ: адмирала

---

[1]) Переписка Карамзина съ Дмитріевымъ, примѣч. 155.

[2]) Storch, Russland unter Alexander dem Ersten, III Liefer., 363.

[3]) Ходневъ, Исторія вольно-экономическаго общества, 395.

Н. С. Мордвинова, дѣйст. ст. сов. С. П. Хитрова и вице-адмирала Г. А. Сарычева. Единогласное, безусловное избраніе перваго изъ нихъ въ президенты общества, показало удовольствіе, съ какимъ одобренъ этотъ счастливый выборъ мужа, извѣстнаго въ просвѣщенномъ свѣтѣ своими обширными свѣдѣніями въ политической и сельской экономіи». Затѣмъ вольно-экономическое общество собиралось два раза подъ предсѣдательствомъ Мордвинова (12 и 19 мая), для установленія новаго порядка въ дѣйствіяхъ. Онъ предложилъ учредить постоянный комитетъ, раздѣливъ его на три отдѣла: *ученый*, для разсмотрѣнія представляемыхъ и напечатанныхъ сочиненій; *хозяйственный*, для наблюденій за суммами, принадлежащими обществу, и *практическій*, для производства опытовъ и изслѣдованія новыхъ открытій по сельскому хозяйству и домоводству. Между прочими занятіями засѣданія 12 мая, Мордвиновъ представилъ обществу выписку изъ 37 № «Отечественныхъ Записокъ», въ которой сообщалось, что въ онежскомъ уѣздѣ кормятъ коровъ болотнымъ мхомъ. Общество положило разыскивать этотъ мохъ въ окрестностяхъ Петербурга, а для удостовѣренія о качествахъ его—снестись съ архангельскимъ губернаторомъ. 19 мая общество занималось разсмотрѣніемъ гидрометра и машины, предназначенной для предохраненія отъ излишняго броженія виноградныхъ винъ [1].

Въ 1824 году, по ходатайству Мордвинова, общество пріобрѣло для своего музея машины и модели, относящіяся къ земледѣлію и хозяйству и находившіяся до тѣхъ поръ въ департаментѣ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, а именно: модель машины для взноса кирпичей на строенія; модель ткацкаго станка, пріуроченнаго къ новѣйшимъ усовершенствованіямъ; тотъ же станокъ въ настоящую величину; модель шотландской молотильной машины, приводимой въ дѣйствіе лошадьми; модель шотландской вѣтряной

[1]) Отечественныя Записки 1823 года, т. XV, стр. 133—144.

мельницы; усовершенствованную прялку и модель машины для выдѣлыванія черепицы и изразцовъ, на подобіе кирпичей, для солодовень, присланныя изъ Англіи; модель машины для мытья льна и пеньки, изъ Христіаніи; модель машины для мытья льна, изобрѣтенной Нибе; модель молотильной машины, приводимой въ дѣйствіе вѣтромъ, изобрѣтенной Маховымъ; модель крыла къ вѣтряной мельницѣ, его же; модель молотильной машины, приводимой въ дѣйствіе лошадьми, изобрѣтенной подполковникомъ Станкевичемъ; машину для кошенія травы; орудіе для посѣва полезныхъ растеній; лампу для освѣщенія угольныхъ ямъ, изобрѣтенную извѣстнымъ химикомъ Дэви, и тринадцать земледѣльческихъ орудій Фалленберга [1]). Въ 1825 году это собраніе моделей пополнилось 50-ю новыми: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ химическимъ приборомъ Папина; экономическою кухнею отъ великаго князя Михаила Павловича; двумя сохами, простой конструкціи, каткомъ, для укатыванія земляныхъ полей, и грохотомъ, для очищенія зерноваго хлѣба, отъ самого Мордвинова [2]). Мордвиновъ же выписалъ изъ Одессы грохотъ (или вѣяльню), употреблявшійся тамъ для очищенія пшеницы, и принесъ его въ даръ обществу. Этотъ грохотъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ два человѣка могли просѣять въ день отъ 120 до 150 четвертей, и притомъ чище, нежели на всѣхъ, до тѣхъ поръ извѣстныхъ, не исключая и англійскихъ [3]).

Съ самаго начала своего существованія, вольно-экономическое общество озаботилось изданіемъ полезныхъ сочиненій по оспоприванію; но, съ февраля 1824 года, оно взяло на себя и постоянныя хлопоты о распространеніи оспопрививанія въ помѣщеніи общества, вслѣдствіе чего при немъ было открыто особое отдѣленіе, подъ названіемъ: *попечи-*

---

[1]) Отеч. Зап., 1824, XX, 336—340.

[2]) Ходневъ, l. a., 501.

[3]) Отеч. Зап., 1824, XX, 341—242.

тельнаго о сохраненіи здоровья, человѣческаго и всякихъ домашнихъ животныхъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ д. ст. сов. Голынскій. 29 февраля того же года, послѣдній пожертвовалъ обществу, для этой цѣли, 5.000 рублей. Доводя до свѣдѣнія общества объ этомъ пожертвованіи, Мордвиновъ выразился, что «подвигъ этотъ можетъ послужить началомъ великой для отечества нашего услуги», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ обществу отдѣлить изъ его капиталовъ 10.000 рублей, а изъ ежегодныхъ доходовъ 2.000 рублей, для составленія постояннаго оспеннаго капитала, пожертвовавъ отъ себя 1.000 рублей единовременно и 1.000 рублей ежегодно. Его примѣру послѣдовали и другіе члены общества. Такимъ образомъ, уже въ 1824 году оспенный капиталъ состоялъ изъ 28.200 рублей и ежегоднаго взноса въ 5.600 рублей. Вслѣдъ за этимъ общество приступило къ приведенію въ исполненіе предпринятаго имъ дѣла. Желая, по возможности, содѣйствовать распространенію свѣдѣній объ оспоприviваніи и способахъ его, вольно-экономическое общество пріобрѣло отъ медико-филантропическаго комитета императорскаго человѣколюбиваго общества 2,500 экземпляровъ изданнаго имъ въ 1805 году наставленія подъ заглавіемъ: «Способъ избавиться совершенно отъ оспенной заразы», и напечатало сочиненіе доктора Ремана: «О важности и пользѣ предохранительной оспы», въ числѣ 5,000 экз., и 12,000 экз. краткаго наставленія о прививаніи предохранительной оспы, составленнаго членомъ общества, докторомъ Кильвейномъ. Далѣе, общество изготовило до 1,000 ланцетовъ и болѣе 7,000 стеклышекъ, съ оспенною матеріею и безъ нея, и 11,000 экземпляровъ сочиненія, напечатаннаго по этому предмету, съ объясненіемъ пользы оспопрививанія, и отправило ихъ во всѣ губернскіе оспенные комитеты. Оно сдѣлало распоряженіе о выдачѣ во всякое время изъ воспитательнаго дома оспенной матеріи, подъ надзоромъ главнаго доктора. По ходатайству Мордвинова, императрица Марія Θеодоровна разрѣшила взять, на счетъ общества, четырехъ

воспитанниковъ воспитательнаго дома, для распространенія прививанія предохранительной оспы въ селеніяхъ С.-Петербургской губерніи и для обученія другихъ этому искусству, которые съ 26 сентября 1824 года по 31 января 1825-го привили оспу въ двухъ уѣздахъ (с.-петербургскомъ и ораніенбаумскомъ) 1879-ти младенцамъ, и научили прививать ее 73 человѣка. 9 февраля 1825 года, по представленію же Мордвинова, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства обществу 25.000 рублей, спеціально назначенныхъ на распространеніе оспопрививанія, изъ которыхъ общество отправило въ 26 губерній по 500 рублей, съ тѣмъ чтобы оспенные комитеты, увеличивъ эту сумму частными подписками, положили основаніе постояннымъ оспеннымъ капиталамъ. Въ томъ же году, по представленію нѣкоторыхъ губернскихъ оспенныхъ комитетовъ, были назначены обществомъ разнымъ лицамъ, за успѣхи по прививанію оспы, золотыя и серебряныя медали. До 1826 года, общество разослало въ разныя губерніи до 53,000 стеклышекъ, 142,000 прививальныхъ иглъ, 6,532 книжки о пользѣ прививанія оспы, и болѣе 80,000 краткихъ наставленій. Въ одной Петербургской губерніи за это время привита оспа 10,252 младенцамъ и выучены оспопрививанію 308 человѣкъ.

Извѣстно, какъ губительно дѣйствовала оспенная зараза на населеніе. Въ Англіи, вслѣдствіе введенія оспопрививанія, населеніе почти удвоилось: съ 9 милліоновъ оно возрасло на 17 милліоновъ. Дѣйствуя такъ настойчиво въ пользу распространенія оспопрививанія, Мордвиновъ ссылался на собственный примѣръ. Въ его деревняхъ, гдѣ строго наблюдалось за оспопрививаніемъ, въ 20 лѣтъ населеніе умножилось болѣе чѣмъ 25-ю процентами; между тѣмъ какъ въ деревняхъ, въ которыхъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оно не было введено вполнѣ, населеніе едва увеличилось 5-ю процентами [1]).

[1]) Исторія вольно-экономическаго общества, 298—301; Отечественныя Записки, 1825, XXI, 339—346.

Впрочемъ, не только по предмету оспопрививанія, но и вообще въ заботахъ о народномъ здравіи, вольное экономическое общество съ особеннымъ стараніемъ начинаетъ дѣйствовать съ 1824 года. «Болѣе правильное и постоянное участіе общества въ распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній въ народѣ начинается съ 1824 года, когда при обществѣ было открыто особое попечительное отдѣленіе о сохраненіи здоровья», говоритъ профессоръ Ходневъ [1]). Этой стороны дѣятельности общества мы коснемся въ слѣдующемъ періодѣ біографіи Мордвинова, когда оно полнѣе проявило свое вліяніе.

Мордвиновъ хлопоталъ и о распространеніи вліянія вольнаго экономическаго общества внѣ круга его прямой дѣятельности. Такъ, въ 1824 году онъ предложилъ совѣту общества, для распространенія изданій послѣдняго, плохо расходившихся въ публикѣ, снестись съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о снабженіи этими изданіями университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается сельское хозяйство [2]). Втеченіе длиннаго періода, со времени основанія общества до президентства въ немъ Мордвинова, о публичныхъ лекціяхъ упоминается всего разъ, въ 1788 году, по поводу чтеній по ботаникѣ, доктора Соболевскаго, да и то, кромѣ уступки лектору залы общества, участіе послѣдняго ничѣмъ не проявилось въ этомъ дѣлѣ; но съ 1825 года общество постоянно участвовало въ открытіи публичныхъ лекцій не только помѣщеніемъ, но и своими средствами. Въ 1825 году общество пріобрѣло для раздачи 40 билетовъ на лекціи физики профессора Соловьева за 1.000 рублей. Съ тѣхъ поръ публичныя лекціи въ зданіи общества читались почти ежегодно [3]), причемъ расходы по нимъ нерѣдко бралъ на себя Мордвиновъ. Втеченіе 1823—1825 годовъ, общество издало слѣдующія сочиненія: 1. Описаніе земледѣльческой машины, служащей для облегченія и

[1]) Исторія вольно-экономическаго общества, 315.
[2]) Ibid., 100.
[3]) Ibid., 278.

ускоренія работъ при переноскѣ земли на отдаленныя или возвышенныя мѣста (1823, 1 томъ); 2. Фландрское сельское хозяйство въ нынѣшнемъ его состояніи (1823, 1 т.); 3. О приготовленіи фарфора, Нассе, переводъ съ нѣмецкаго, (1823, 1 т.); 4. Описаніе землеподъемной машины, Ротари, (1823, 1 т.); 5. Auszug aus den Verhandlungen über die Veredlung der Schafe und Wolle, v. Spick (1825, 1 т.); 6. Наставленіе о прививаніи предохранительной оспы, Ремана, (1824, 1 т.); 7. Protocole de la séance, tenue le $^{8}/_{20}$ Août par un comité centrale de la Societé Jmp. Econ. de St.-Pétersbourg (1825, 1 т.); 8. О саранчѣ и способахъ истребленія ея, (1825, 1 т.); 9. Хозяйственная ботаника, Щеглова (1825 — 1828, 3 т. [1]).

Мордвиновъ обратилъ серьозное вниманіе и на увеличеніе капиталовъ общества. До 1 января 1824 года капиталъ общества состоялъ изъ 51.000 рублей, въ билетахъ заемнаго банка; но, втеченіе 1824 года, къ нему прибавился капиталъ въ 31.500 рублей, а всего, съ процентами на эту сумму, до 1825 года состояло 98.000 рублей. Въ 1825 году капиталъ общества возросъ до 114.000 рублей. Это возбудило общую благодарность Мордвинову со стороны членовъ общества; и онъ снова былъ избранъ единогласно въ президенты его [2]). По уставу общества, президентъ избирался ежегодно; но Мордвиновъ удостоивался этого избранія вплоть до 1840 года, когда онъ добровольно сложилъ съ себя это званіе [3]). Дальнѣйшую дѣятельность Мордвинова, какъ президента вольнаго экономическаго общества, мы разсмотримъ въ слѣдующемъ періодѣ его жизни.

---

[1]) Исторія вольно-экономическаго общества, 144.

[2]) Мордвиновъ хлопоталъ также передъ правительствомъ о безденежной пересылкѣ по почтѣ писемъ и посылокъ вольнаго экономическаго общества, и о пособіи обществу, черезъ министра финансовъ, Канкрина, и лично, жалуясь въ послѣднемъ случаѣ на тугость Канкрина въ такомъ дѣлѣ (7 сентября 1825 года. Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, тт. VI и VII).

[3]) Отеч. Зап., 1825, т. XXI, стр. 347—48.

Просвѣщенная дѣятельность такихъ лицъ, какъ Мордвиновъ, на поприщѣ народнаго хозяйства, была настоятельно необходима, когда въ значительномъ большинствѣ общества существовало убѣжденіе, что «хлѣбопашество въ Россіи усовершенствовано быть не можетъ, потому что у насъ другая почва и другой климатъ, чѣмъ на западѣ; что машины, изобрѣтенныя тамъ, негодятся для Россіи» [1]). Мордвиновъ, по общему сознанію знатоковъ сельско-хозяйственнаго дѣла въ Россіи, стоялъ во главѣ его, какъ по своему научному взгляду на предметъ, такъ и по постоянному стремленію къ приложенію его. Съ его именемъ тѣсно связано возникновеніе въ 1820 году Московскаго общества сельскаго хозяйства, въ дѣятельности котораго также нерѣдко проявлялось его вліяніе [2]), о чемъ мы будемъ имѣть случай сказать далѣе.

Личность Мордвинова въ это время уже настолько обращала вниманіе образованнаго общества, что одинъ изъ извѣстныхъ тогда академиковъ-художниковъ (Соколовъ) почтилъ его бюстомъ, который былъ поставленъ академіею художествъ, въ числѣ другихъ замѣчательныхъ произведеній искусства, на академической выставкѣ, въ сентябрѣ 1824 года. Вотъ общее впечатлѣніе о бюстѣ Мордвинова, оставленное намъ однимъ изъ посѣтителей ея: «Скульпторъ выразилъ все, что могъ бы только выразить живописецъ, говоритъ онъ. Всѣ черты кротости и привѣтливости, черты генія, скрывающаго величіе свое въ добродѣтели, выражены на лицѣ *русскаго Катона*. Можно видѣть, что чело его убѣлено сѣдинами; можно видѣть, что волосы его столь же мягки, какъ сердце, исполненное любовью къ ближнимъ, и что столько же твердъ его умъ, непоколебимый къ пользамъ отечества» [3]). Такъ смотрѣли на Мордвинова современники,

---

[1]) Замѣчаніе Н. Н. Муравьева (Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, Маслова, стр. 11).

[2]) Ibid., стр. VI, 1—2, 286 287; описаніе юбилея 24 25.

[3]) Отеч. Зап., 1824, XX, 319.

не руководившіеся воззрѣніями аракчеевскихъ сторонниковъ.

Обращаемся къ общественнымъ отношеніямъ Мордвинова.

По прежнему, Мордвиновъ любилъ общество ученыхъ и литераторовъ; но теперь въ его кружкѣ встрѣчаются новыя лица, не имѣющія ничего общаго съ прежними. Воейковъ, авторъ извѣстной сатиры «Домъ сумасшедшихъ», пользовался большимъ расположеніемъ Мордвинова; и въ то время, когда ѣдкіе сарказмы сатирика противъ нѣкоторыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, возбудили въ нихъ негодованіе къ автору, Мордвиновъ открыто заявлялъ расположеніе къ Воейкову, и даже, по желанію Аракчеева, незатронутаго впрочемъ въ сатирѣ, представилъ ему автора [1]). Петръ Николаевичъ Семеновъ, авторъ шуточной трагедіи «Митюха Валдайскій» и другихъ шуточныхъ пьесъ, былъ хорошимъ знакомымъ Н. С. Мордвинова [2]). Воейковъ былъ очень друженъ съ Тургеневыми, и называлъ ихъ не иначе, какъ «тремя братьями Гракхами». Вмѣстѣ съ ними читалъ онъ Ѳукидида, Геродота, Тита Ливія, Дидро, Вольтера, Гельвеція; а съ однимъ изъ нихъ, Николаемъ Ивановичемъ, какъ мы видѣли, Мордвиновъ стоялъ на интимной ногѣ. Эти отношенія сохранялись между ними до самаго выѣзда Тургенева изъ Россіи, въ 1824 году. Въ то время Тургенева считали даже послѣдователемъ Мордвинова. «Тургеневъ, говоритъ Гречъ, имѣлъ глубокія познанія въ финансовой наукѣ, и писалъ по русски, какъ нынѣ, конечно, никто не пишетъ. Живя и служа долго въ чужихъ краяхъ, онъ увлекся очень легко понятіями о законности, о свободѣ и равенствѣ людей, и точно помѣшался на мысли, впрочемъ справедливой, о необходимости истребленія рабства въ Россіи и о введеніи въ ней благоустроеннаго управленія. *Въ совѣтѣ онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ благороднаго, но пылкаго мечтателя, Н. С.*

[1]) Колбасинъ, Литературные дѣятели прежняго времени, стр. 251, 260.

[2]) Библіографическія Записки, III, 449.

Мордвинова, одного изъ достойнѣйшихъ людей, родившихся на неботатой ими русской почвѣ» [1]). Но если Мордвиновъ оказывалъ извѣстное вліяніе на Тургенева, то и послѣдній, въ свою очередь, вліялъ на него своею неуклонною настойчивостью въ нѣкоторыхъ вопросахъ.

Съ возвращеніемъ Сперанскаго изъ Сибири и вступленіемъ его въ члены государственнаго совѣта, между нимъ и Мордвиновымъ возникли прежнія близкія отношенія, засвидѣтельствованныя признаніемъ самого Мордвинова Бентаму. Въ то же время мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ и семейство Столыпина. Вскорѣ послѣ появленія въ рукописи комедіи «Горе отъ ума», авторъ ея сблизился со Столыпинымъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, въ 1825 году, собирался ѣхать служить на Кавказѣ. Но смерть Столыпина разрушила это предпріятіе. Вотъ что писалъ объ этомъ Грибоѣдовъ къ Степану Никитичу Бѣгичеву (18 мая 1825 года): «Ты уже вѣрно изъ газетъ знаешь, что Столыпинъ, съ которымъ я въ путь собирался, умеръ. Мы бы его похоронили, и все тутъ, но вдова его (дочь Мордвинова, Вѣра Николаевна) — ангелъ, а не женщина, одно утѣшеніе находитъ—быть со мною. Это съ ея стороны довольно мечтательно, но ихъ полъ не то, что мы; сама она же говоритъ, что всякая женщина, какъ плющъ, должна обвиваться вокругъ кого-нибудь, и безъ опоры погибнетъ. Отъ меня слишкомъ бы жестоко было лишать ее (хоть это и не можетъ продлиться) моего присутствія въ ту самую минуту, въ которую оно ей необходимо, и я покуда остаюсь. Бѣдное человѣчество! Что наши радости и что печали? Какъ бы то ни было, я недолго замѣшкаюсь. Ее со всѣмъ семействомъ отецъ, Н. С. Мордвиновъ, перевезетъ къ себѣ на дачу [2]); тогда и я свободно помчусь

---

[1]) Записки Греча, Русскій Вѣстникъ, 1868, іюнь, 411.

[2]) Это была дача жены Мордвинова, на 5 верстѣ отъ Петербурга къ Ораніенбауму (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII, письмо отъ 25 іюня, 1841 года).

наконецъ». Далѣе, передавъ о своемъ намѣреніи примирить Кюхельбекера со Львомъ Пушкинымъ, предполагавшихъ драться на дуэли, и о своихъ стараніяхъ пристроить Кюхельбекера, Грибоѣдовъ пишетъ: «Нынѣшній вечеръ играютъ въ школѣ приватно, безъ дозволенія цензуры, мою комедію. *Я весь день вѣроятно проведу у Мордвиновыхъ*, а часовъ въ девять явлюсь посмотрѣть на мое чудо, какъ его станутъ коверкать» [1]).

Въ 1824 году Мордвиновъ сблизился съ Рылѣевымъ, уже заявившимъ себя на поприщѣ литературы. «Изъ-за желанія помочь несчастнымъ, при тогдашнемъ судопроизводствѣ, Рылѣевъ промѣнялъ военное поприще на мѣсто судьи въ петербургской уголовной палатѣ, какъ сдѣлалъ и другой декабристъ — Пущинъ, надѣясь своимъ примѣромъ побудить другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей и тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ» [2]). Рылѣевъ, какъ и Мордвиновъ, былъ поклонникомъ Бентама. «У меня, говоритъ Кропотовъ, былъ въ рукахъ, экземпляръ Бентама, во французскомъ переводѣ, принадлежавшій Рылѣеву, со множествомъ помѣтокъ, писанныхъ его рукою» [3]).

Изъ уголовной палаты Рылѣевъ перешелъ правителемъ дѣлъ въ Американскую компанію. «Занятія Рылѣева по Американской компаніи доставили ему возможность сблизиться со многими лицами, имѣвшими вліяніе на государственныя

---

[1]) Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву, стр. 25—27.

[2]) Воспоминанія о Рылѣевѣ князя Оболенскаго, Девятнадцатый Вѣкъ, I, 313. Какъ увидимъ далѣе, и Мордвиновъ былъ того же взгляда на этотъ предметъ, настаивая на уничтоженіи гражданскихъ чиновъ и преимуществъ военной службы.

[3]) Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ, Русскій Вѣстникъ, 1869, мартъ, 235.

дѣла и извѣстными по своему высокому просвѣщенію. Такимъ образомъ, по случаю передачи, на основаніи заключеннаго тогда трактата, основанной русскими въ Калифорніи колоніи, Россъ С.-Американскимъ Штатамъ, Рылѣевъ познакомился съ членами государственнаго совѣта, Н. С. Мордвиновымъ и М. М. Сперанскимъ, и пріобрѣлъ ихъ благосклонность къ себѣ [1]). Отношенія этихъ двухъ сановниковъ къ Рылѣеву до такой степени выходили изъ ряда оффиціальныхъ, что въ то время разнеслась въ обществѣ молва, будто Мордвиновъ и Сперанскій, задолго до 14 декабря, знали о политическихъ замыслахъ декабристовъ». Въ обществѣ Рылѣева бывали: профессоръ петербургскаго университета Плисовъ, извѣстный своими протестами по дѣлу о преслѣдованіи въ 1821 году профессоровъ петербургскаго университета [2]), съ которымъ Рылѣевъ цѣлые вечера проводилъ въ бесѣдахъ о политической экономіи, и извѣстный знатокъ русской исторіи Строевъ, послѣдователь скептика Каченовскаго [3]).

Въ 1825 году Рылѣевъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Думы» [4]), которыя посвятилъ

---

[1]) Рылѣевъ былъ противъ передачи колоніи, находя, что она могла бы быть твердой опорной точкой для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ, столь прославившихся впослѣдствіи. Онъ жилъ тогда въ домѣ компаніи, гдѣ и собирался близкій ему кружокъ. За свои дѣйствія по управленію компаніи, Рылѣевъ получилъ отъ послѣдней въ подарокъ дорогую енотовую шубу (въ 700 рублей). Воспоминанія о Рылѣевѣ кн. Евг. Оболенскаго, въ Собраніи соч. Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 49—50, и Девятнадцатомъ Вѣкѣ, Бартенева, т. I.

[2]) Подробности объ этомъ дѣлѣ см. въ Чтен. Моск. общ. истор., 1866, III, смѣсь 61—164, и Матерьялы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе императора Александра I, Сухомлинова.

[3]) Кропотовъ, Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ, Русск. Вѣстн., 1869, мартъ, 237—38, и Воспомин. кн. Оболенскаго, 315.

[4]) Сюда вошли: Вѣщій Олегъ, Ольга при могилѣ Игоря, Святославъ, Святополкъ, Рогнѣда, Боянъ, Мстиславъ Удалой, Михаилъ Тверской, Дмитрій Донской, Глинскій, Курбскій, Смерть Ермака, Борисъ Годуновъ, Дмитрій Самозванецъ, Иванъ Сусанинъ, Богданъ Хмѣльницкій, Артемонъ Матвѣевъ, Петръ Великій въ Острогожскѣ, Волынскій, Наталья Долгорукова и Державинъ. Въ 1861 году Думы

Мордвинову, а примѣчанія къ нимъ были сдѣланы тѣмъ же П. М. Строевымъ. Но, кромѣ этого, Рылѣевъ написалъ восторженную оду, подъ заглавіемъ «Гражданское мужество», уже прямо обращенную къ Мордвинову и проникнутую глубокимъ уваженіемъ къ его дѣятельности. Для полной характеристики ихъ отношеній, приводимъ ее здѣсь:

«Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, стройный станъ,
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой,
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?
«Не ты-ль, о мужество граждан,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила думъ свободныхъ,
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ.
«Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ,
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ ареопагу.

Рылѣева были изданы въ Лейпцигѣ, въ полномъ собраніи его сочиненій, и отдѣльно, а въ 1872 году и въ Петербургѣ, дочерью Рылѣева, подъ редакціею Ефремова.

«Ты, ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукой;
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И былъ столпомъ Екатерины.
«Великъ, что честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ сталъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ,
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.
«Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь, сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ,
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—
Ничто предъ доблестью гражданской.
«Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы,
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы! Аттилъ, Наполеоновъ,
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чрѣдой:
Они являлися толпой. .
Но много-ль было Цицероновъ?

«Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?
«О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье.
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ—
Онъ наступилъ ему на выю.
«Вотще неправый гласъ страстей,
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя:
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ *въ совѣтахъ и судѣ*,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.
«Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ:
Вкругъ бури, градъ, и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый» [1]).

[1]) По подлин. рукоп. Рылѣева, сообщ. Якушкинымъ, Русск. Стар., 1871, XI, 562—565; см. также лейпц. и петербургск. изд. соч. Рылѣева

Такое же расположеніе питалъ Рылѣевъ и къ семейству Николая Семеновича. По поводу смерти супруга Вѣры Николаевны Столыпиной, Аркадія Алексѣевича, о которой упоминалъ выше Грибоѣдовъ, Рылѣевъ посвятилъ Вѣрѣ Николаевнѣ слѣдующее стихотвореніе:

«Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя, ты—мать,
Священный долгъ передъ тобою—
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ,
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой,
Пусть въ сонмѣ юныхъ исполиновъ,
На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
И смѣло скажемъ: знайте, имъ
Отецъ—Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ» [1]).

И въ этомъ, по видимому, случайномъ наброскѣ проглядываетъ тотъ же мотивъ [2]).

Вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ, Рылѣевъ написалъ извѣстную пѣсню: «Ахъ, гдѣ тѣ острова» [3]), въ которой двѣ строфы посвящены уже Мордвинову и Сперанскому [4]).

---

[1]) Русская Старина, 1872, февраль, 280, и Сочиненія Рылѣева, въ лейпцигскомъ и петербургскомъ изданіяхъ.

[2]) Въ собраніи сочиненій Рылѣева, изданныхъ въ Петербургѣ, интересны для характеристики послѣдняго, какъ поэта, письма его къ Пушкину, въ которыхъ опредѣляется значеніе поэта, какъ гражданина. Почти каждая изъ его «думъ» затрогиваетъ также какой нибудь изъ гражданскихъ мотивовъ, а дума о Державинѣ опять посвящена изображенію поэта-гражданина. Эта особенность поэзіи Рылѣева, въ оцѣнкѣ его произведеній, безъ сомнѣнія составляетъ характеристическую черту времени.

[3]) Лейпцигъ, 1861, 331; петербургск. изданіе, стр. 208—209.

[4]) Александръ Бестужевъ извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Марлинскаго. Не задолго до извѣстной катастрофы, онъ познакомился съ Грибоѣдовымъ, что подало потомъ поводъ послѣднему хлопотать черезъ своего родственника, Паскевича, о переводѣ А. Бестужева изъ Сибири на Кавказъ (Письма Бестужева къ Полевымъ, въ Русск. Вѣстн. за 1861 годъ). А. Бестужевъ, кромѣ литера-

Молодые литераторы и веселое петербургское общество собирались тогда въ домѣ Всеволожскихъ. Этотъ кружокъ былъ извѣстенъ подъ именемъ общества «Зеленой Лампы». Пушкинъ поручалъ Всеволожскимъ хлопоты объ изданіи и продажѣ своихъ сочиненій. Около 1835 года, онъ задумалъ было написать романъ изъ современной русской жизни, подъ заглавіемъ «Русскій Пеламъ», въ подражаніе Пеламу Бульвера. Этотъ романъ до того занималъ Пушкина, что онъ вскорѣ написалъ планъ его и общую характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Главное мѣсто въ романѣ Пушкина предназначалось дому Всеволожскихъ; около него были сгруппированы самыя выдающіяся личности петербургскаго общества двадцатыхъ годовъ. Вотъ что говорится объ этомъ въ планѣ Пушкина: «Домъ Всеволожскихъ—Котляревскій—Мордвиновъ, его общество—X...—*общество умныхъ* (И. Долгоруковъ, С. Трубецкой, Никита Муравьевъ [1]). Изъ этого виденъ взглядъ Пушкина на Мордвинова. Лица же, поставленныя въ скобкахъ, безъ сомнѣнія декабристы, изъ которыхъ одинъ, И. А. Долгоруковъ, былъ освобожденъ потомъ отъ суда, но былъ въ числѣ основателей Союза благоденствія [2]), а Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ нихъ.

Это насъ приводитъ къ вопросу, въ какой степени имѣлъ къ нимъ отношенія Мордвиновъ? Лучшими свидѣтелями въ

туры, любилъ и научныя занятія. Такъ, онъ спеціально изучалъ исторію одеждъ и оружія, былъ знакомъ съ твореніемъ Адама Смита, и, уже съ Кавказа, просилъ Полеваго прислать ему Римскую исторію Нибура. Онъ былъ неумолимый противникъ исторіи Карамзина (Письма А. Бестужева къ Полевымъ, Русск. Вѣстн. 1861 года, февр., 292, 249, 286, 333; апрѣль, 430.—А. Бестужевъ на Кавказѣ, ibid., 1870, іюнь, 506). Ему были хорошо извѣстны произведенія древнихъ и новыхъ классиковъ, а также произведенія Франклина, Гумбольдта, Паррота и Араго. Въ литературѣ онъ былъ поклонникомъ Байрона. (А. Бестужевъ въ Якутскѣ, Русск. Вѣстн., 1870, май; Встрѣча съ Бестужевымъ Грибоѣдова, Отечеств. Записки, 1860, V).

[1]) Библіогр. Записки; I, 7, 11, 48, 104, 105, 112; II, 146.

[2]) Розенъ, Записки декабриста, Лейпцигъ, 1870, стр. 181.

этомъ случаѣ могутъ быть, конечно, тѣ лица, которыя стояли ближе всего къ сценѣ дѣйствія. Но ихъ показанія разъясняютъ намъ только одну сторону вопроса—взглядъ этого кружка на Мордвинова, не позволяя дѣлать дальнѣйшихъ заключеній [1]).

«12 декабря, вечеромъ, говоритъ Розенъ [2]), я былъ приглашенъ на совѣщанія къ Рылѣеву и кн. Оболенскому: тамъ засталъ я главныхъ дѣйствователей 14 декабря. Постановлено было, въ день, назначенный для новой присяги, собраться на сенатской площади и вести туда сколько возможно будетъ войска, подъ предлогомъ поддержанія правъ великаго князя Константина». Затѣмъ, говоря о толкахъ, происходившихъ на совѣщаніи на счетъ временнаго правленія, онъ замѣчаетъ, что при этомъ упоминались имена Сперанскаго и Мордвинова. Фонъ-Визинъ же, подтверждая тоже, далѣе говоритъ: «Обоимъ имъ извѣстно было существованіе тайнаго общества; они знали лично нѣкоторыхъ членовъ и удостоивали ихъ своего благорасположенія» [3]). Объ этомъ знакомствѣ, конечно, можно сказать тоже, что и о многихъ другихъ. Самъ императоръ Александръ, какъ уже доказано, зналъ о существованіи тайнаго общества въ Россіи, получая ежедневныя донесенія объ этомъ, но продолжалъ оказывать свое довѣріе нѣкоторымъ изъ его членовъ [4]).

Князь С. П. Трубецкой, говоря, что общество имѣло въ виду составить проектъ государственнаго уложенія, сокра-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы только касаемся означенныхъ отношеній; подробности же самаго вопроса уже достаточно разъяснены въ нашей литературѣ, въ трудахъ гг. Богдановича и Пыпина, а также въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ помѣщены какъ записки, относящіяся сюда (см. особенно записки Басаргина, въ Девятнадцатомъ Вѣкѣ, Бартенева, т. I), такъ и отдѣльные разсказы и замѣчанія на нихъ (см. вообще Русскій Архивъ, Русскую Старину и Русскій Вѣстникъ).

[2]) Записки Розена, 86.

[3]) Записки фонъ-Визина, Лейпцигъ, 1861, 164.

[4]) Богдановичъ, Исторія царств. Александра I, т. VI.

тить военную службу до 15 лѣтъ и освободить крестьянъ, въ томъ же духѣ, какъ и приведенныя выше извѣстія, упоминаетъ о Мордвиновѣ, Сперанскомъ и Ермоловѣ. При этомъ онъ указываетъ на посредничество Батенкова [1]). Далѣе мы увидимъ, на чемъ основывались заключенія объ этомъ посредничествѣ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются извѣстія о подозрѣніяхъ, существовавшихъ противъ этихъ лицъ. По словамъ Трубецкаго, князь А. Н. Голицынъ (бывшій министръ народнаго просвѣщенія и членъ слѣдственной коммиссіи) вступилъ въ бесѣду съ нимъ и Рылѣевымъ, причемъ передавалъ имъ, какъ дѣло извѣстное, о «предположеніяхъ» заговорщиковъ на счетъ Сперанскаго [3]), Мордвинова и Ермолова [4]). Слѣдуетъ однако полагать, что скорѣе сочувствіе Сперанскаго и Мордвинова реформамъ прошлаго царствованія и ихъ дѣятельность, нежели самыя отношенія, были причиною означенныхъ «предположеній». Кромѣ того, есть извѣстія, что подобнаго рода подозрѣнія, основанныя на слухахъ, ходившихъ тогда въ обществѣ, касались и нѣко-

---

[1]) Записки Трубецкаго, Лондонъ, 1863, 89—80.

[2]) Пущинъ, упоминая о Мордвиновѣ и Сперанскомъ,—Ермолова замѣняетъ сенаторомъ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ (см. его Записки, 144). Изъ этого можно заключить о разнорѣчіи толковъ.

[3]) Погодинъ, въ своей монографіи о Сперанскомъ, говоритъ: «Дѣятельное участіе въ обществѣ принимало много людей, ему знакомыхъ, а одинъ изъ главныхъ, Батенковъ, жилъ у него въ домѣ. Имя его часто повторялось членами, вмѣстѣ съ именами Ермолова и Филарета. Подозрѣніе падало и на него» (т. е. Сперанскаго). Русскій Архивъ 1871 года, стр. 1291.—Біографъ Сперанскаго, графъ Корфъ, говоритъ о недовѣріи къ нему сначала новаго императора, оправдывавшаго потомъ это недовѣріе *наговорами и клеветами*. Жизнь графа Сперанскаго, II, 299 309

[4]) Записки Трубецкаго, 37, 42, 53; Записки Якушкина, 69—70. Подозрѣнія, существовавшія противъ Ермолова, подтверждаются и изданными въ настоящее время донесеніями о немъ Дибича, относящимися уже къ 1827 году. См. Русскую Старину 1872, сентябрь, 380.

торыхъ другихъ лицъ, хотя они не имѣли за собою даже и такихъ отношеній, на какія мы указали выше [1]).

Изъ записокъ Шишкова видно, что, при опредѣленіи наказаній виновнымъ, мнѣнія членовъ верховнаго уголовнаго суда (въ который вошли члены государственнаго совѣта,

[1]) Записки Басаргина и Розена. Само собою понятно, что, при многочисленности недоброжелателей, эти извѣстія должны были сильно тревожить и Мордвинова, и Сперанскаго. Говорятъ, что первый изъ нихъ опасался даже непріятностей (Tourgueneff, La Russie et les Russes, I, 275). Нѣкоторые простерли было свою вражду до того, что старались разузнать о его частныхъ отношеніяхъ и знакомствахъ. Самъ Мордвиновъ, въ письмѣ къ императору Николаю, отъ 14 апрѣля 1841 года, жалуясь на постоянныя *клеветы и обиды* со стороны враговъ, говоритъ, между прочимъ, что по ихъ милости, вслѣдствіе событій 14 декабря, нѣкоторые позволили себѣ обращаться за свѣдѣніями объ его отношеніяхъ къ его людямъ (Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, томъ XIII). Спустя нѣкоторое время, объ этомъ ходили самые фантастическіе разсказы, нашедшіе себѣ мѣсто въ иностранныхъ журналахъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Le comte Mordvinoff (Nicolas), amiral, est aussi *recommandable par ses vertus, que par ses vastes connaissances.* Lors des troubles de 1825 des agens de police viennent saisir ses papiers, Mordvinoff se transporte lui même au palais impérial. «Vous avez une constitution, que vous aves composée», lui dit l'empereur. «Oui, Sire, j'en ai même trois, et les voici, répondit Mordvinoff. Elles ont été composées par ordre de feu l'empereur Alexandre, et voici les corrections que ce prince a fait de sa propre main». Nicolas a élevé Mordvinoff à la dignité de comte». (Iconographie instructive par A. I. Mancy, Paris, imprimé chez Paul Renouard, 1828). Ср. Записки Давыдова, стр. 38 На это замѣтимъ, что существованіе въ рукахъ Мордвинова какого нибудь проекта учрежденій не могло быть странностью въ царствованіе императора Александра I. На обертке подлиннаго мнѣнія Державина о сенатѣ, хранящагося въ сенатскомъ архивѣ, сдѣлана кѣмъ-то слѣдующая приписка: «Трое ходили тогда съ конституціями въ карманѣ—Державинъ, гр. П. Зубовъ, съ своимъ изобрѣтеніемъ, и гр. Никита Петровичъ Панинъ съ конституціею англійскою, передѣланною на русскіе нравы и обычаи. Новосильцову стоило тогда большаго труда наблюдать за царемъ, чтобы не подписалъ котораго либо изъ проектовъ». При всей невѣрности самаго факта, отвергаемаго г. Гротомъ, это извѣстіе интересно, какъ указывающее на общее настроеніе, господствовавшее тогда въ высшей сферѣ (Соч. Державина, изд подъ ред. Грота, VII, 341). Проектъ общихъ учрежденій для Россіи, составленный, по

сената и синода) были различны. Одни настаивали на казни, другіе, за высшую мѣру наказанія, назначали вѣчную каторгу, нѣкоторые ограничивались болѣе или менѣе продолжительнымъ срокомъ работъ. Самъ Шишковъ былъ за возможное смягченіе участи подсудимыхъ [1]). Онъ подалъ даже особое мнѣніе, въ которомъ, на основаніи математическаго разсчета голосовъ, участвовавшихъ въ приговорѣ, выводилъ, что, осужденные на вѣчную каторгу, должны подлежать ссылкѣ на 13 лѣтъ [2]).

«Мы слышали отъ Дм. Арк. Столыпина, говоритъ Погодинъ, что Сперанскій высказался противъ смертной казни; онъ выразилъ свое мнѣніе такъ, что смертная казнь хотя была вписана въ законѣ, но законъ этотъ не приводился въ исполненіе, а что всякій законъ, который продолжительное время не примѣняется, а замѣняется другими, тѣмъ самымъ теряетъ свою силу» [3]). Мнѣніе Мордвинова о духѣ закона

желанію императора Александра I, Сперанскимъ,—напечатанъ въ 3-мъ томѣ сочиненія Тургенева «La Russie». Но авторъ приведеннаго выше французскаго разсказа, о пожалованіи Мордвинова за смѣлый отвѣтъ графомъ, очевидно не зналъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ: графскій титулъ послѣдній получилъ только *въ 1834 году*, и совсѣмъ за другія заслуги.

[1]) По этому поводу замѣчаютъ: (Histoire d'Alexandre I, par Golovine, Leipzig, 1859, p. 231): «Rilefeff l'a surnommé (т. е. Мордвинова) le héros civique. *Ce serait lui faire tort que de mettre Chychkoff à coté de lui*». На счетъ себя Тургеневъ о Шишковѣ говоритъ: «Un des amis de Mordvinoff, mais qui était loin d'être le mien, le vice-amiral Chichkoff, ayant manqué à une des séances du tribunal suprême, vint à la séance suivante présenter un vote en faveur de l'absent» (La Russie, etc., I, 275).

[2]) Записки Шишкова, II, 281—284. Ср. также статью Погодина о Сперанскомъ.

[3]) Русскій Архивъ 1871 года, стр. 1220. Это извѣстіе подтверждается другимъ свидѣтельствомъ, будто Сперанскій вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ ходатайствовалъ у императора о милости (Записки Трубецкаго, 54). Сперанскій былъ редакторомъ донесенія верховнаго уголовнаго суда и участвовалъ съ двумя членами въ поднесеніи государю рѣшенія суда. Но Погодинъ замѣчаетъ: «Безъ сомнѣнія, старые враги устроили ему это тяжелое порученіе, понимая, каково ему

1754 года намъ уже извѣстно; въ подписи же приговора верховнаго уголовнаго суда ему участвовать не пришлось.

На журналѣ государственнаго совѣта, отъ 14 декабря, о принятіи великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ императорскаго достоинства, подписано 23 члена, въ числѣ которыхъ Мордвиновъ подписался четвертымъ, а Сперанскій послѣднимъ [1]). Есть также указаніе, что, во время преній

было исполненіе онаго» (Русскій Архивъ, 1871, стр. 1220). Графъ Корфъ говоритъ: «Дочь пишетъ, въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и со слезами на глазахъ, и что онъ покушался даже совсѣмъ оставить службу» (т. II, 309). На что Погодинъ опять справедливо замѣчаетъ: «Трагическое положеніе! Но каково было ему просить отставки, ему, заподозрѣнному и даже имѣвшему противъ себя нѣкоторыя улики, т. е. близкое отношеніе къ нему Батенкова? Значило бы подавать на себя оружіе новымъ врагамъ, смѣнившимъ старыхъ, какъ бы уклоняться отъ суда и почти сознаваться въ своей винѣ»... (Русскій Архивъ 1871 года, 1220—21). Въ какихъ положеніяхъ приходилось быть Сперанскому, когда ему было предоставлено уже сводить счеты, можетъ служить свидѣтельствомъ слѣдующее мѣсто изъ письма А. И. Тургенева къ своему брату, Н. И., по поводу приговора надъ послѣднимъ: «Нѣтъ, не ты лжецъ и преступникъ предъ Судьею судей; но тотъ, кто, за минуту до приговора (т. е. Сперанскій) говоритъ судьямъ твоимъ о недоказанности вины твоей, *убѣждаетъ ихъ обвинить тебя въ одной неявкѣ,—и* въ то же время, устрашенный злобою другихъ, бросаетъ *имъ* жертву, осуждаетъ тебя на смерть и каторгу (*впрочемъ*, кажется, онъ во 2-ю категорію тебя поставилъ, но первымъ), *зная*, что за неявку къ суду нѣтъ наказанія въ нашихъ законахъ»! (Письма А. И. Тургенева, Лейпцигъ, 1872 года, 16—17). И Ник. Ив. Тургеневъ дѣйствительно слишкомъ жестоко отзывается объ отношенія Сперанскаго къ его дѣлу (La Russie, I, 274—275). Но одинъ изъ осужденныхъ, въ слѣдующемъ задушевномъ отзывѣ передаетъ свое впечатлѣніе на счетъ Сперанскаго въ самый день объявленія приговора: «Въ той сторонѣ, говоритъ онъ, гдѣ досталось мнѣ стоять, сидѣлъ за столомъ М. М. Сперанскій. Онъ былъ знакомъ съ моимъ батюшкой и со всѣмъ нашимъ семействомъ. Я самъ раза два былъ у него, когда былъ въ Петербургѣ. Мнѣ показалось, что онъ грустно взглянулъ на меня, опустилъ голову, и какъ будто слеза выпала изъ глазъ его» (Записки Басаргина, Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, I, стр. 108).

[1]) Корфъ, Возшествіе императора Николая I, 1857, 132.

въ государственномъ совѣтѣ, по смерти императора Александра I, о завѣщаніи послѣдняго на счетъ престолонаслѣдія, мысль о первоначальной присягѣ Константину Павловичу была высказана Милорадовичемъ и Мордвиновымъ [1]).

Вотъ все, что извѣстно намъ объ отношеніи Мордвинова къ указаннымъ событіямъ и лицамъ.

Уже послѣ ссылки осужденныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Никита Михайловичъ Муравьевъ, женатый на графинѣ Чернышевой, прибывшей въ Сибирь, и братъ которой (графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ) находился также въ ссылкѣ, графъ А. П. Чернышевъ заявилъ свои права на майоратъ, единственнымъ наслѣдникомъ котораго былъ графъ З. Г. Чернышевъ; но онъ получилъ отказъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ противъ этого возражалъ Н. С. Мордвиновъ. Это рѣшеніе было утверждено государемъ, и, такимъ образомъ, имѣніе и графскій титулъ съ фамиліею перешли къ Кругликову, который женился на старшей сестрѣ осужденнаго, графинѣ Софіи Григорьевнѣ [2]).

---

[1]) Записки Трубецкаго, 71—72.

[2]) Записки Розена, 221. Въ этомъ имѣніи считалось 14,000 крестьянъ (Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre I et Nicolas I, par J. H. Schnitzler, Paris, II, p. 57). Но мнѣнія по этому вопросу нѣтъ въ полномъ собраніи мнѣній Н. С. Мордвинова. Быть можетъ оно было вызвано самыми преніями въ государственномъ совѣтѣ, и, какъ изложенное устно, вошло только въ протоколъ засѣданія. Мы указываемъ на этотъ фактъ, основываясь на означенныхъ источникахъ.

ГЛАВА XIII.

Въ новое царствованіе направленіе дѣятельности Н. С. Мордвинова нисколько не измѣнилось. Онъ остался предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ (до конца 1838 года) и членомъ финансоваго комитета и комитета министровъ; по прежнему онъ былъ президентомъ вольно-экономическаго общества, (до конца 1840 года), и вездѣ оставилъ слѣды своей неутомимой дѣятельности, съ замѣчательною настойчивостью проводя свои завѣтныя убѣжденія.

И въ новое царствованіе экономическое и финансовое состояніе Россіи занимало Мордвинова болѣе всего. Но, какъ въ царствованіе императора Александра I, дѣятельность его, въ этомъ отношеніи, сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на борьбѣ съ финансовою системою графа Гурьева, такъ въ царствованіе Николая I—критика системы, принятой Канкринымъ, стоитъ у него на первомъ планѣ, а Канкринъ былъ министромъ финансовъ почти до самой смерти Мордвинова [1]).

---

[1]) Канкринъ былъ министромъ финансовъ до начала 1844 года, и хотя, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, ѣздилъ въ 1840—1841 и 1843 годахъ за границу, но въ его отсутствіе управлялъ министерствомъ Вронченко (потомъ министръ), по составленной Канкринымъ инструкціи. Мордвиновъ умеръ въ мартѣ 1855 года, а Канкринъ въ сентябрѣ того же года, издавъ не задолго до того въ Штутгардтѣ сочиненіе: «Экономія человѣческихъ обществъ» (1845). Русскій Архивъ, 1866, 124.

Сдѣлавъ въ своемъ мѣстѣ нѣсколько необходимыхъ замѣчаній о появленіи графа Канкрина на финансовомъ поприщѣ, намъ необходимо теперь ознакомиться съ сущностію его финансовой системы, чтобы тѣмъ яснѣе опредѣлить и самое отношеніе къ ней Мордвинова.

Графъ Канкринъ находилъ большую параллель между государственнымъ и частнымъ хозяйствомъ, и потому, въ основаніе своей теоріи, онъ полагалъ чисто практическіе выводы, извлеченные имъ изъ ежедневной жизни. Застигнутый на первыхъ порахъ въ свѣтѣ недостаткомъ, онъ стоически переносилъ всѣ неудобства, соединенныя съ нимъ. Въ молодости онъ самъ чинилъ себѣ платье и сапоги, и нерѣдко отказывался отъ куренья табаку. Отсюда онъ вынесъ привычку къ лишеніямъ, и даже въ позднѣйшіе годы крайняя простота и умѣренность въ образѣ жизни составляли отличительныя черты его характера. Уже министромъ видали его дома почти постоянно въ солдатской шинели и съ сигарой русскаго производства. Онъ даже не держалъ стакана въ кабинетѣ, а пилъ воду какъ попало. Старомодные серебряные часы свои онъ цѣнилъ выше всякихъ другихъ, и даже завѣщалъ ихъ, какъ драгоцѣнность, пастору Муральту. Конверты бумагъ и писемъ, къ нему приходившихъ, всегда распечатывались тщательно и сберегались: «они на что нибудь пригодятся», говаривалъ Канкринъ. «Бѣдность пріучила меня съ неохотою отдавать деньги, и потому я теперь нарочно не записываю своихъ расходовъ, чтобы не раздражаться ихъ обширностью. Въ *государственномъ, какъ и въ частномъ быту*, необходимо помнить, что разориться можно не столько отъ капитальныхъ расходовъ, какъ отъ ежедневныхъ мелочныхъ издержекъ. Первые дѣлаются не вдругъ, по зрѣломъ размышленіи, а на послѣдніе не обращаешь вниманія, между тѣмъ копѣйки растутъ въ рубли». Однако, когда императоръ Николай опредѣлилъ выдавать на воспитаніе его двухъ сыновей по 1.000 рублей, то Канкринъ

отказался, прося предоставить эту сумму болѣе нуждающимся [1]).

Пройдя въ молодости школу нужды и закаливъ себя въ спартанскихъ привычкахъ, а, съ другой стороны, достигнувъ настоящаго высокаго положенія благодаря собственной дѣятельности и упорному труду, Канкринъ слишкомъ привыкъ уважать свои личныя воззрѣнія и дорожить собственной инициативой въ каждомъ дѣлѣ, касавшемся близкихъ ему предметовъ. «Съ обширными, многосторонними, хотя и не съ равно глубокими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, съ изумительною дѣятельностью и способностью къ быстрой работѣ, съ дальновидностью и необыкновенно практическимъ умомъ, онъ соединялъ въ себѣ чрезвычайный даръ находить простую и легчайшую развязку самыхъ сложныхъ и щекотливыхъ вопросовъ», говоритъ графъ Корфъ. «Въ его рѣчахъ, не смотря на странный нѣмецкій ихъ складъ, и еще болѣе странный выговоръ, всегда было нѣчто *пластическое*, осязательное, доступное для всякихъ умовъ и понятій. Когда неудавалось ему достигнуть своей цѣли убѣжденіемъ, онъ призывалъ на помощь иронію, и даже площадную шутку, которая шла къ лицу лишь ему одному и не рѣдко исторгала согласіе на его предложенія силою возбужденнаго имъ гомерическаго смѣха: «Однако же его поль-де-кокщина никогда не мѣшаетъ ему быть государственнымъ человѣкомъ», сказалъ о немъ однажды великій князь Михаилъ Павловичъ. Если избранныя имъ средства иногда были ошибочны, если его финансовая система находила многихъ и сильныхъ порицателей, если, сдѣлавъ многое, онъ не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать по своимъ способностямъ, то причину тому должно искать не столько въ заблужденіяхъ его ума, сколько въ *недостаткахъ его характера*, коего отличительными чертами были: безмѣрное тщеславіе, непреклонная самонадѣянность, упорное противобор-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1866, 116—117.

ство всему, что не исходило отъ него самого. Одаренный сердцемъ вообще расположеннымъ къ добру, онъ не искалъ привязать къ себѣ равныхъ и пренебрегалъ мнѣніемъ общества; а грубость его обращенія увеличивала то, что было противнаго, отталкивающаго въ его нескрываемомъ самолюбіи. Кромѣ того, его непонятное упрямство въ нѣкоторыхъ предметахъ и какъ бы умышленное бездѣйствіе въ другихъ, не рѣдко подавали благонамѣреннымъ людямъ поводъ сомнѣваться въ самой привязанности *нѣмца*, какъ называли его въ публикѣ, къ Россіи. Наконецъ злой, ничего не щадившій языкъ Канкрина возстановилъ противъ него многихъ, отвѣчавшихъ ему оружіемъ столь же страшнымъ у насъ, какъ и во Франціи—оружіемъ насмѣшки, которая часто сама собою вызывалась его причудами» [1]).

Наши экономисты [2]) время управленія министерствомъ финансовъ гр. Канкрина считаютъ эпохою въ исторіи финансовъ русскихъ, не столько впрочемъ по глубинѣ и достоин-

---

[1]) Изъ Записокъ графа М. А. Корфа, у Богдановича, въ его Исторіи царствованія Александра I, т. VI, 398—399. Подъ старость причуды Канкрина сдѣлались еще эксцентричнѣе. Когда Арендтъ прописалъ ему колхикумъ и назначилъ пріемъ, Канкринъ сталъ принимать втрое На замѣчаніе доктора о вредѣ, онъ отвѣчалъ: «полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину, и что мнѣ вредно и что полезно». За границею (1840) докторъ Кипе о немъ отзывался: «Онъ вообще непріятенъ въ обращеніи—rude, comme un rustre; онъ грубъ, неуклюжъ, какъ старый нѣмецъ... Видно, что онъ всю жизнь болѣе дѣлалъ, нежели говорилъ, Все время здѣсь онъ былъ не въ привычной сферѣ, былъ сердитъ и брюзгливъ отъ нечего дѣлать»... «Онъ такъ дурно одѣтъ, замѣчаетъ о немъ русскій путешественникъ за границею, сюртукъ его такъ изношенъ, брюки безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ нѣмцевъ». Его брила женщина (Изъ Записокъ П М. Языкова, Русскій Архивъ, 1867 года. 392—395).

[2]) П. Х. Бунге, въ статьѣ: «Мысли графа Канкрина о бумажныхъ деньгахъ», Русскій Вѣстникъ 1864 года, сентябрь; С. С. Муравьевъ: «Графъ Канкринъ и его финансовая система», Отечественныя Записки 1865 года, т. CLXI.

29

ству его предпріятій и распоряженій, сколько по установленію общихъ началъ управленія, надолго опредѣлившихъ духъ и направленіе финансовой системы въ Россіи.

Въ основу финансовой системы Канкрина легли начала, высказанныя имъ въ сочиненіи «О всемірномъ богатствѣ и государственномъ хозяйствѣ» (1821) и повторенныя снова въ послѣднемъ его сочиненіи «Объ экономіи человѣческихъ обществъ» (1845): такъ неизмѣнны были его теоретическія воззрѣнія, которымъ онъ неуклонно слѣдовалъ на практикѣ. Благосостояніе каждаго въ частности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода, должно быть задачею управленія, по мнѣнію Канкрина. Умѣренный достатокъ народа, а не огромный итогъ доходовъ, при которомъ половина населенія нищенствуетъ—его идеалъ. Но богатство въ частной жизни пріобрѣтается обыкновенно на счетъ другихъ; такъ бываетъ и въ иностранной торговлѣ. Народы обогащаются и возвышаются надъ другими хитростью и силою, а потому богатыя торговыя государства опасны. Отсюда опасенія Канкрина на счетъ Англіи и его страсть къ тарифамъ и протекціонной системѣ. «Независимое обезпеченное существованіе есть главная цѣль народа, говоритъ Канкринъ, и этой цѣли должно служить и народное богатство».

Передъ вступленіемъ Канкрина въ должность министра финансовъ, уже втеченіи многихъ лѣтъ существовалъ дефицитъ. Поэтому онъ на первыхъ порахъ приступилъ къ предотвращенію его на будущее время. Издержки на военное министерство онъ значительно сократилъ; затѣмъ постепенно были сокращены и издержки другихъ министерствъ; а въ 1826 году онъ предложилъ уже государю введеніе питейнаго откупа, отлично впрочемъ сознавая весь вредъ его, какъ увидимъ далѣе. Затѣмъ онъ всѣми мѣрами содѣйствовалъ введенію запретительнаго тарифа и установилъ акцизъ

съ табаку. Наконецъ онъ положилъ начало военному капиталу [1]).

Благодаря введенію порядка въ финансахъ и экономіи въ расходахъ, Канкрину удалось, въ первые четыре года своего управленія, постепенно уменьшить годовой расходъ на $^1/_7$ часть и скопить къ 1827 году 160.300.000 р. ассигн. (около 42.600.000 рублей серебромъ). Большія надежды полагалъ Канкринъ на винный откупъ. Дѣйствительно, главнѣйшее увеличеніе доходовъ произошло по откупной части (на $23^1/_2$ милліона); но увеличившійся доходъ казны по этой статьѣ держался только до тѣхъ поръ, пока не истощились скудныя средства низшихъ сословій, и вскорѣ упалъ болѣе, нежели на 20% [2]), не говоря уже о нравственномъ убыткѣ, нанесенномъ ею странѣ, который «трудно и опредѣлить въ настоящее время, потому что нельзя вычислить, сколько именно высосано откупами изъ народа его кровныхъ денегъ, которыя отчасти были растрачены совершенно непроизводительно, а отчасти сосредоточились въ рукахъ очень немногихъ искусныхъ спекулянтовъ» [3]).

Возстановленіе металлическаго обращенія, упроченіе денежной единицы и созданіе для ассигнацій размѣннаго фонда составляютъ, по признанію экономистовъ, величайшія изъ финансовыхъ событій, совершившихся при графѣ Канкринѣ. Но для замѣны ассигнацій, этой Сциллы и Харибды прежняго министерства, онъ избралъ кредитные билеты, которые, при неумѣренномъ выпускѣ, должны были привести къ тѣмъ же результатамъ, какъ и первыя. «Новые кредитные билеты, съ размѣномъ на монету, оставили систему бумажныхъ денегъ неприкосновенною со всѣми ея опасностями и со всѣми ея аномаліями. Графъ Канкринъ, понимая

---

[1]) Но Н. Х. Бунге замѣчаетъ: «Основаніемъ капитала на случай войны, графъ Канкринъ способствовалъ развитію пагубной системы казенныхъ капиталовъ». Русскій Вѣстникъ, 1864, ноябрь, 363.

[2]) Богдановичъ, l. c., VI. 400.

[3]) Муравьевъ, Отеч. Зап., 1865, CLXI, 95.

первыя, не давалъ себѣ яснаго отчета о способѣ устраненія послѣднихъ». Далѣе. Изъ банковыхъ вкладовъ, уплачиваемыхъ по востребованію, онъ сдѣлалъ такой рессурсъ, который не требовалъ выпуска бумажныхъ денегъ въ то время, когда имъ пользовались, но дѣлалъ этотъ выпускъ необходимымъ впослѣдствіи, при значительномъ востребованіи капиталовъ, внесенныхъ въ кредитныя установленія вкладчиками. Самъ Канкринъ совѣтовалъ пользоваться этими средствами осторожно; но онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что экономическая неразвитость Россіи дѣлаетъ ихъ пригодными, при умѣренномъ пользованіи [1]).

Первоначально операція изъятія и обращенія звонкой монеты шла очень быстро и удачно: она была совершена въ весьма непродолжительное время, въ которое успѣлъ составиться значительный металлическій фондъ. Но успѣхъ системы гр. Канкрина былъ эфемерный: она продолжалась не болѣе 25 лѣтъ (полагая съ 1843 года, 1 іюня, когда вышелъ манифестъ объ окончательномъ уничтоженіи кредитныхъ ассигнацій и замѣнѣ ихъ кредитными билетами); съ 1859 года начинается паденіе цѣнности кредитнаго рубля, которое продолжалось до послѣдняго времени [2]). Во время управленія Канкрина дефицитъ обнаруживался пять разъ (въ 1823, 1834, 1835, 1840 и 1842 годахъ) и, по большей части, онъ покрывался займами изъ государственныхъ банковъ; но въ 1841 году, вслѣдствіе этого обстоятельства, правительство, для поддержанія довѣрія къ своимъ учрежденіямъ, вынуждено было выпустить на 30 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Въ 1824 году Канкринъ прибѣгнулъ даже къ рекрутскимъ квитанціямъ (въ 2.000 рублей), хотя и самъ не одобрялъ этой спекуляціи [3]).

По общему духу своему, финансовая система Канкрина

---

[1]) Н. Х. Бунге, l. c., 363—364.
[2]) Муравьевъ, l. c., 109
[3]) Ibid., 94—96.

была охранительнаго свойства. Какъ видно, научныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ молодости, не пополнялись новыми фактами, а самъ онъ былъ даже противникомъ кабинетныхъ работъ въ дѣлѣ финансоваго управленія. «Можно полагать не безъ основанія, говоритъ Н. Х. Бунге, что гр. Канкринъ имѣлъ очень неопредѣленныя понятія не только о кредитныхъ учрежденіяхъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, но и о финансовомъ устройствѣ первостепенныхъ державъ». Считая Россію страною крайне отсталою и изолированною отъ образованнаго міра, онъ допускалъ относительно ея такія мѣры, которыхъ даже самъ не одобрялъ. Въ прямыхъ окладныхъ податяхъ, втеченіе своего управленія, онъ не сдѣлалъ никакихъ существенныхъ улучшеній. Онъ былъ ревностный протекціонистъ и противникъ общественной предпріимчивости, какъ въ области кредита, такъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Онъ признавалъ полезными только государственныя кредитныя учрежденія, и то чисто изъ финансовыхъ цѣлей; теперь подобные банки уже отжили свой вѣкъ. По мнѣнію Канкрина, въ настоящее время даже нѣтъ необходимости въ кредитныхъ орудіяхъ обращенія; онъ полагаетъ, что дѣйствительная потребность въ нихъ можетъ явиться черезъ тысячелѣтія, только тогда, когда количество благородныхъ металловъ сдѣлается недостаточнымъ, и когда употребленіе металлическихъ денегъ будетъ представлять существенныя неудобства. Желѣзныя дороги, по его мнѣнію, выраженному уже въ 1845 году, просто *болѣзнь времени*, и могутъ привести, при сооруженіи ихъ, только къ одному полезному результату—раздробленію накопленнаго металла въ рукахъ народныхъ массъ. И въ своемъ послѣднемъ сочиненіи онъ жестоко подсмѣивается надъ воззрѣніями современныхъ ему финансистовъ. Онъ слишкомъ много придавалъ значенія вліянію толковъ и гласности на государственный кредитъ, и потому полагалъ, что въ вопросѣ о бюджетѣ и состояніи финансовъ страны лучше держаться *тайны*, нежели гласности. Даже упадокъ цѣнности ассигнацій въ Россіи онъ

приписываетъ болѣе всего гласному объявленію ихъ государственнымъ долгомъ (по манифесту 1810 года [1]). Онъ смотрѣлъ на государственное хозяйство и финансы точно такъ, «какъ смотритъ на свое богатый негоціантъ, ведущій обширныя дѣла» [2]). Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію Н. Х. Бунге, «неподвижность составляла характеристическую черту финансоваго управленія 1823 — 44 годовъ. Впрочемъ, эта неподвижность была скорѣе произведеніемъ общественной жизни и той среды, въ которой дѣйствовалъ гр. Канкринъ» [3]).

Изъ этого очерка финансовой системы Канкрина видно, что въ ней были отчасти черты, сочувственныя планамъ Мордвинова (каковы: сокращеніе расходовъ по военному вѣдомству; образованіе военнаго капитала на случай войны, хотя Мордвиновъ связывалъ съ спеціальными капиталами и другое значеніе; нѣкоторыя стороны тарифа; общій порядокъ въ распредѣленіи финансовъ; признаніе, по указу 1-го іюня 1839 года, главною монетою серебряной монеты и обязательность заключенія сдѣлокъ на серебро); но общій духъ его системы (неподвижность) и многія капитальныя стороны ея (отрицаніе общественнаго кредита, откупа, система налоговъ, тайна бюджета) были въ рѣзкой противоположности съ воззрѣніями послѣдняго: отсюда вытекала у Мордвинова борьба противъ системы Канкрина, не менѣе настой-

---

[1]) Н. Х. Бунге, въ статьѣ: «Мысли графа Канкрина о бумажныхъ деньгахъ», Русскій Вѣстникъ, 1864, ноябрь.

[2]) С. С. Муравьевъ, въ Отечественныхъ Запискахъ, 1865 года, CLXI, 92.

[3]) Бунге, l. a., 364. Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности графа Канкрина можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin, 2Bd, (съ портретомъ), Брауншвейгъ, 1865; Encyclopedie des gens du monde, IV, 2-me partie; Шиповъ, «Графъ Канкринъ», въ Библіотекѣ для Чтенія. Отчеты Канкрина о его управленіи за все время министерства напечатаны въ означенномъ нѣмецкомъ изданіи и Сборникѣ свѣдѣній по министерству финансовъ, 1865. II, февраль; 1866, III, мартъ.

чивая, чѣмъ съ его предшественникомъ, но поддерживаемая вдобавокъ тѣми свойствами характера Канкрина, которыя уже хорошо намъ извѣстны.

Мы видѣли, что обширное мнѣніе Мордвинова «о причинахъ разстройства нашихъ финансовъ» не получило дальнѣйшаго хода по случаю смерти императора Александра I; но, вскорѣ по вступленіи на престолъ его преемника, Мордвиновъ представилъ уже (въ 1826 году) новую записку «объ исправленіи финансовъ», основныя положенія которой отчасти напоминаютъ его прежнія мнѣнія, отчасти представляютъ новые виды, въ интересахъ болѣе полнаго развитія экономическихъ силъ Россіи. Въ этой запискѣ Мордвиновъ настаиваетъ уже на уменьшеніи расходовъ по военному министерству до 80 милліоновъ; далѣе, онъ ставитъ на видъ уменьшеніе податей торговаго класса, уничтоженіе налога съ капиталовъ (съ замѣною его подоходнымъ налогомъ), и другія статьи, уже извѣстныя намъ изъ мнѣнія, отправленнаго въ Таганрогъ (какъ освобожденіе городовъ отъ постоевъ, и т. п.). Съ цѣлью развитія фабричнаго дѣла въ Россіи, онъ совѣтуетъ основать спеціальный банкъ для заводчиковъ. Для улучшенія путей сообщенія онъ рекомендуетъ уже не только соединеніе рѣкъ каналами, но и *желѣзныя дороги*. И прежде Мордвиновъ жаловался на недостаточность средствъ, отпускаемыхъ на министерство народнаго просвѣщенія; теперь, для увеличенія средствъ на народное образованіе и торговыя предпріятія, онъ предлагаетъ усилить разработку золота. Для развитія промышленности и торговли, онъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ распространенію орудій и машинъ, при посредствѣ петербургскаго и московскаго экономическихъ обществъ; употребить въ дѣло праздно лежащіе капиталы погашенія; обратить вниманіе на развитіе азіятской торговли; устроить порто-франко на Таврическомъ полуостровѣ и въ приморскихъ городахъ; установить запретительный тарифъ на иностранную мануфактуру; *особенно же увеличить средства министерства народнаго просвѣщенія, имѣя притомъ въ*

виду именно просвѣщеніе массы [1]); изслѣдовать подземныя богатства Россіи и нанести ихъ на карту; заняться раскопкою каменнаго угля; устроить фабрики машинъ; портовымъ городамъ даровать права *вольныхъ городовъ*. Съ цѣлью увеличенія средствъ казны, необходимыхъ на полезныя предпріятія, Мордвиновъ предлагаетъ сократить расходы по министерскимъ канцеляріямъ и на излишнее бумаговодство (что, по его разсчету, должно было дать казнѣ, по крайней мѣрѣ, милліонъ рублей). Положеніе казенныхъ крестьянъ онъ считалъ гораздо худшимъ, нежели помѣщичьихъ, а потому предлагаетъ раздать ихъ частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ одного рабочаго дня, но оставивъ за ними право немедленнаго выкупа по установленной цѣнѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ предлагалъ ввести плодоперемѣнную систему. Для уменьшенія въ народѣ пьянства—замѣнить винокуреніе *пивовареніемъ*. Наконецъ, онъ полагалъ необходимымъ уничтожить подушную подать и прямые налоги, съ тѣмъ чтобы основать государственные доходы на косвенныхъ налогахъ [2]).

Этими средствами Мордвиновъ думалъ кореннымъ образомъ исправить финансовую систему Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудить экономическія силы страны, безъ чего, по его мнѣнію, немыслимо было и полное исправленіе самой системы.

Новое царствованіе возбуждало въ немъ надежду на возможность исполненія его плановъ. Поэтому 1826 годъ богатъ проектами Мордвинова относительно экономическаго быта Россіи. Сюда относятся:

1. «Начертаніе мѣръ, коими постепенно возможно было бы улучшить народное благосостояніе и государственные доходы» (марта 1826 года [3]). Въ основаніе этого мнѣнія

[1]) Замѣчательно, что даже Пушкинъ, въ представленной имъ императору Николаю *«Запискѣ о народномъ воспитаніи»*, говоритъ только о существующихъ училищахъ и вовсе не касается просвѣщенія *народа* (Девятнадцатый Вѣкъ, II, 209—218).

[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VII.

[3]) Ibid., т. VIII.

положена мысль о необходимости измѣнить самую систему финансовъ, опиравшуюся до сихъ поръ на налогахъ, а не на экономическомъ развитіи страны. Повторяя въ немъ, по большей части, главныя положенія своихъ прежнихъ мнѣній, касающихся финансоваго устройства Россіи [1]), Мордвиновъ особенно ударяетъ на нѣкоторыя изъ нихъ, или полнѣе развиваетъ ихъ. Такъ, онъ настаиваетъ на введеніи *свободнаго винокуренія*, предоставляя казнѣ сборъ пошлинъ (акцизъ) и заботы *о предотвращеніи пьянства въ народѣ*; на уничтоженіи гильдій, уже отжившихъ свой вѣкъ, и замѣнѣ ихъ свободною торговлею, допуская пока для купцовъ, дорожащихъ извѣстными правами, установленіе шести почетныхъ степеней, съ платою за нихъ отъ 5 — 300 рублей; на раздѣленіи городовъ на 5 разрядовъ, съ различіемъ налога по степени ихъ процвѣтанія; на освобожденіи крестьянъ отъ личныхъ повинностей, съ замѣною ихъ вольнымъ наймомъ; *на облегченіи перехода крестьянъ въ торговые и городскіе классы*; *на опредѣленіи закономъ цѣны для выкупа крестьянъ отъ помѣщиковъ*; на облегченіи займа денегъ, съ промышленною цѣлью, изъ банка; на необходимости, въ интересахъ умноженія населенія, обратить вниманіе *на гигіеническія условія быта* крестьянъ въ

---

[1]) Каковы: охраненіе частной собственности противъ притязаній казны; уничтоженіе указа 19 августа 1799 года и уравненіе правъ казны съ частными лицами по тяжбамъ; замѣна поставокъ въ казну черезъ коммиссіонеровъ подрядами; введеніе третейскихъ судовъ съ казною; отмѣна излишнихъ регламентовъ, стѣсняющихъ народную дѣятельность; привлеченіе иностранныхъ капиталовъ для развитія фабрикъ и промышленности; запретительный тарифъ; освобожденіе городовъ отъ постоевъ; частные банки. Такъ какъ значеніе этихъ требованій уже достаточно выяснено предыдущими мнѣніями Мордвинова, то мы здѣсь замѣтимъ только, что постоянно повторяющіяся возраженія его противъ коммиссіонерскихъ поставокъ вполнѣ понятны по той славѣ, какую впослѣдствіи пріобрѣлъ коммиссаріатъ. Мѣткая характеристика его, между прочимъ, сдѣлана въ сатирическомъ стихотвореніи Ѳедотова «Майоръ» (Русская Старина, 1872, августъ, стр. 213).

деревняхъ и селахъ (именно на пищу, воду, жилища, одежду) и заведеніи въ городахъ и селахъ больницъ (имѣя въ виду особенно искорененіе французской болѣзни и оспы); на введеніи подоходнаго налога и правильнаго распредѣленія государственной росписи, назначая остатки на удовлетвореніе народныхъ нуждъ.

2. По поводу просьбъ, поданныхъ эстляндскими депутатами (въ февралѣ 1826 года), вслѣдствіе закрытія въ Ревелѣ порта (по причинѣ розысковъ по контрабандѣ), повлекшаго за собою упадокъ ассигнацій, гр. Канкринъ считалъ необходимымъ, въ интересахъ поднятія тамошней торговли, удѣлить городу 10% изъ таможеннаго дохода, предпринять соединеніе Чудскаго озера съ Балтійскимъ моремъ, допустить береговую мѣновую торговлю съ Финляндіею и отпустить на эти нужды 500.000 рублей. Мордвиновъ вполнѣ согласился съ нимъ, но, въ своемъ мнѣніи, присоединилъ къ этому еще статьи объ ограниченіи для Ревеля казеннаго долга 3%, о снятіи съ города военной повинности (въ 180.000 рублей), или выдачѣ ему пособія деньгами, и объ учрежденіи въ немъ порто-франко, предлагая пока ввести тотъ же тарифъ, какой существовалъ для Петербурга [1]).

3. 21 марта 1826 года, по поводу предложенія о введеніи 30-копѣечнаго сбора на пути сообщенія, Мордвиновъ представилъ мнѣніе о необходимости отмѣнить сначала личную повинность крестьянъ, полагая, что тогда этотъ налогъ не будетъ такъ тяжелъ для нихъ, а удобство его еще скорѣе примиритъ съ нимъ народъ.. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мордвиновъ настаиваетъ на переложеніи подушнаго оклада на тягла, и снова высказывается противъ гербоваго сбора и паспортовъ для крестьянъ [2]).

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII. Изъ предложенныхъ мѣръ была утверждена только первая, о предоставленіи Ревелю 10% съ таможеннаго сбора. Полн. собран. закон., царствованіе императора Николая I, т. I, № 552 (24 августа, 1826 года).

[2]) Ibid., т. VIII.

4. Въ іюлѣ 1826 года Мордвиновъ подалъ особое мнѣніе объ уничтоженіи гильдій [1]). Выходя изъ мысли, что только свобода занятій устанавливаетъ правильное отношеніе между ними, и доказывая это историческими примѣрами, безъ чего немыслимо и улучшеніе промышленнаго состоянія Россіи, онъ восклицаетъ: «Гдѣ водворяется богатство, какъ не въ свободныхъ городахъ? Примѣры быстраго обогащенія сихъ городовъ должны были убѣдить къ послѣдованію онымъ и на всемъ пространствѣ Россійской имперіи». Учрежденіе гильдій было необходимо для образованія купеческаго сословія и установленія торговаго сбора, но теперь торговыя отношенія должны быть установлены на другихъ основаніяхъ. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ временъ, говоритъ Мордвиновъ, сдѣлались богаты отъ торговли и промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, сковала свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, ожидая отъ народа великихъ себѣ доходовъ, само поражаетъ то, отчего бы и народъ и казначейство могли бы стяжать великія богатства». Въ заключеніе, Мордвиновъ совѣтуетъ обратить вниманіе на развитіе городовъ въ Россіи, замѣчая, что безъ того она останется позади другихъ государствъ. Для освобожденія же городовъ отъ постойной повинности, онъ предлагаетъ установить процентный сборъ со стоимости городскаго имущества.

Между тѣмъ, приближалось время коронованія императора Николая I. Государь предложилъ комитету министровъ указать, что можетъ быть внесено въ манифестъ, приготовляемый къ этому дню, и Мордвиновъ, какъ членъ комитета, изложилъ свои мысли, представивъ ихъ на усмотрѣніе государя при особомъ письмѣ (мая 1826 года). Сославшись въ немъ на обѣщаніе государя даровать благоденствіе народу, высказанное имъ 14 декабря 1825 года, и указавъ на примѣръ императора Александра I, обѣщавшаго, при вступленіи на

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

престолъ, царствовать по духу Екатерины II, давшей права губернскимъ городамъ, издавшей наказъ, и т. п., Мордвиновъ предлагаетъ оградить точными правилами раздѣленіе властей: законодательной, судебной и исполнительной, какъ сдѣлалъ императоръ Александръ I, но которое, по разнымъ «видамъ занимающихъ высшія степени въ правительствѣ лицъ, почти потеряло благодѣтельную цѣль свою».

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Мордвиновъ, что Россія находится въ страдательномъ положеніи, и всѣ состоянія ея испытываютъ тягостнѣйшую скудость и бѣдствуютъ». Чтобы устранить эту скудость, онъ предлагаетъ даровать дворянству—ограниченіе процентовъ заемному банку по долгамъ, вмѣсто 8-ми $5^1/_2{}^0/_0$, съ дозволеніемъ уплаты ихъ по частямъ, и снять налоги съ его капиталовъ (за совершеніе купчихъ, записей, и т. п.); для купечества—ввести свободу торговли, уничтожить гильдіи, снять пошлины съ отпуска за границу товаровъ, ввести тарифъ и снять пошлины съ иностранныхъ промышленниковъ; для мѣщанъ—установить налоги соразмѣрно съ населенностью и богатствомъ городовъ; для крестьянъ—уничтожить личныя повинности, доставлять работу черезъ департаментъ путей сообщенія, отпуская на это ежегодно по 5 милліоновъ рублей, и даровать свободный переходъ въ городскіе классы; для солдатъ—ввести срочную службу. Вообще—оставивъ гербовую бумагу только 50-копѣечнаго достоинства («это наивеличайшая тягость, лежащая на народѣ», замѣчаетъ Мордвиновъ), уменьшить пени за долги, отмѣнить постойную повинность, содѣйствовать заведенію частныхъ банковъ; наконецъ, уничтожить клейменіе и кнутъ, «согласно человѣколюбивымъ намѣреніямъ покойнаго императора Александра I, *принятымъ уже и въ новомъ уголовномъ уставѣ, разсматриваемомъ государственнымъ совѣтомъ*» [1]).

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII. Въ декабрѣ 1826 года Мордвиновъ препроводилъ къ государю другое письмо, въ которомъ снова настаивалъ на поднятіи торговли въ Россіи указанными

Не всѣ предложенія Мордвинова вошли въ манифестъ, изданный 22 августа 1826 года [1]).

Ознакомившись съ основными проектами Мордвинова, касающимися экономическаго состоянія, уже легко понять, какъ онъ долженъ былъ относиться къ системѣ гр. Канкрина. Лучшимъ матерьяломъ въ этомъ отношеніи могутъ служить его замѣчанія на росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, ежегодно разсматривавшіяся въ государственномъ совѣтѣ.

Рядъ замѣчаній Мордвинова на государственныя росписи въ царствованіе императора Николая I, открывается обозрѣніемъ росписи на 1828 годъ, которое и было препровождено имъ, при особомъ письмѣ, государю императору (отъ 12 декабря 1827 года). Свои замѣчанія на нее онъ начинаетъ съ вопроса о сокращеніи арміи, по крайней мѣрѣ до 400,000; затѣмъ указываетъ на необходимость сокращенія расходовъ вообще (на 50 милліон. рублей), безъ чего, по его мнѣнію, неминуемо долженъ послѣдовать застой въ развитіи промышленныхъ силъ страны. Сбереженный такимъ образомъ капиталъ, съ присоединеніемъ къ нему займа, который онъ считалъ необходимымъ сдѣлать въ Англіи, Мордвиновъ предлагалъ употребить исключительно на улучшеніе благосостоянія страны. Сюда входятъ: a) города (освобожденіе отъ военной повинности, городскіе банки, умноженіе населенія, порто-франко); b) пути сообщенія и желѣзныя дороги; c) свобода внутренней торговли; d) снятіе податей съ капиталовъ; e) привлеченіе иностранныхъ капиталовъ; f) уничтоженіе кабаковъ въ деревняхъ и отмѣна личной повинности крестьянъ; сельскіе вспомогательные банки, умноженіе посѣвовъ; g) отмѣна высо-

средствами и на улучшеніи крестьянскаго состоянія, а также на отпускѣ за границу хлѣба. Ibid., т. IX.

[1]) Въ числѣ льготъ, по случаю коронованія императора Николая, изъ мѣръ, предложенныхъ Мордвиновымъ, упоминается именно введеніе съ 22 августа 1826 года дѣлопроизводства по паспортной части для крестьянъ и мѣщанъ на простой бумагѣ вмѣсто гербовой. Полн. собран. закон., царствованіе Николая I, № 543; манифестъ 22 августа 1826 года, подъ № 540.

кихъ процентовъ за ссуды изъ банковъ; преобразованіе коммерческаго банка, въ интересахъ русской промышленности; h) уплата государственнаго долга посредствомъ займа; истребленіе бумажной монеты; i) пересмотръ тарифа и отмѣна стѣсненій для иностранныхъ промышленниковъ (каковы стѣснительные осмотры товаровъ и видовъ); k) отдача казенныхъ фабрикъ частнымъ лицамъ; l) геологическое изслѣдованіе Россіи; m) отдѣленіе государственнаго казначейства отъ министерства финансовъ, въ интересахъ болѣе состоятельнаго дѣйствія перваго; n) введеніе подрядовъ безъ залоговъ; o) преобразованіе торговаго судопроизводства и суда между казною и частными лицами; p) дозволеніе вывоза монеты за границу; q) увеличеніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія; r) увеличеніе жалованья по министерству юстиціи; s) сокращеніе таможенныхъ формальностей; t) введеніе подоходнаго налога; u) выкупъ крестьянъ изъ рабства; v) введеніе пивоваренія вмѣсто винокуренія (хлѣбной водки), для предотвращенія въ народѣ пьянства.

Изъ письма Мордвинова къ государю, написаннаго по поводу настоящаго мнѣнія, видно, что онъ тогда не пользовался особенною близостью [1]).

При разсмотрѣніи государственной росписи въ декабрѣ 1829 года (на 1830-й годъ), Мордвиновъ представилъ свои pia desideria, въ которыхъ говоритъ, что въ основаніе росписи доходовъ и расходовъ должны быть положены статьи по министерству народнаго просвѣщенія и департаменту путей сообщенія, такъ какъ отъ удовлетворенія этихъ потребностей наиболѣе зависитъ благосостояніе народа. Министерство народнаго просвѣщенія получаетъ всего $3^1/_2$ милліона рублей, а должно бы получать $5^0/_0$ изъ 400 милліоновъ государственнаго дохода [2]). Въ другомъ мнѣніи, по поводу той же росписи [3]), онъ не удовлетворяется казеннымъ характеромъ росписи, состав-

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.
[2]) Ibid., т. IX.
[3]) Ibid.

ленной въ министерствѣ финансовъ; по его же мнѣнію, государственная роспись должна быть зерцаломъ дѣйствительнаго состоянія страны.

На мнѣніе Мордвинова о росписи 1831 года, въ которой онъ указываетъ на скудость доходовъ, какъ результатъ экономическаго состоянія Россіи, было замѣчено, что въ немъ видно одно лишь «опорачиваніе министерства финансовъ». Отъ него пожелали объясненій. Но, въ своемъ отвѣтѣ на это (30 декабря 1831 года), Мордвиновъ повторилъ прежнее. Въ своемъ же представленіи государю, онъ говоритъ о способѣ комплектованія войскъ, объ учрежденіи товариществъ, о замѣнѣ коммиссіонерскихъ поставокъ подрядами, о возстановленіи общественнаго кредита, и въ особыхъ мнѣніяхъ: a) объ учрежденіи различныхъ товариществъ и обществъ (для проведенія каналовъ, открытія торговыхъ предпріятій, разработки каменнаго угля, и т. п.) и b) о комплектованіи войскъ (повтореніе мнѣнія 1811 года, о которомъ мы уже упоминали [1]). Къ этому же времени относится проектъ Мордвинова объ учрежденіи общества сельскаго хозяйства и промышленности, основаннаго на акціяхъ (на 10.000.000 р.), въ которомъ имѣли бы право принимать участіе всѣ классы общества и никто изъ членовъ котораго не могъ бы имѣть

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX. Около этого времени въ государственномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о введенія строгихъ мѣръ для предотвращенія побѣговъ солдатъ, причемъ Мордвиновъ назвалъ эти мѣры прямо «жестокими», указавъ на тогдашнее положеніе солдатъ, какъ на главную причину побѣговъ, въ подтвержденіе чего онъ привелъ данныя о сильной смертности въ войскахъ. Замѣчанія его вызвали было неудовольствіе... Но въ своемъ оправдательномъ мнѣніи онъ снова говоритъ: «Адамовы дѣти, голыя, всякаго цвѣта и росту, по всѣмъ членамъ и составамъ тѣла, и глазами и ощупью испытуются, какъ вещество грубое, лишенное всякихъ чувствъ и познанія *достоинства человѣка*». Онъ желалъ реформы въ самомъ способѣ пріема рекрутъ. «Слово «лобъ» есть смертельный приговоръ»! восклицаетъ онъ (Ibid., тт. X и XI). Существуетъ также весьма характеристическій разсказъ о Мордвиновѣ по поводу распространенія (1827 воинской повинности на евреевъ.

свыше 500 акцій (считая каждую въ 200 рублей), дающихъ 4% преміи. Общество могло бы устраивать лотерейные розыгрыши своихъ произведеній и пріобрѣтать земли, для усовершенствованія на нихъ хозяйства, съ цѣлью перепродажи [1]).

По поводу разсмотрѣнія государственной росписи на 1835 годъ, Мордвиновъ снова препроводилъ письмо къ государю [2]), приложивъ при немъ свое мнѣніе о росписи 1821 года (замѣчательное, какъ мы видѣли, по своему прямому отношенію къ министерству Гурьева). Онъ указываетъ на него, какъ на программу дѣятельности для министерствъ, до сихъ поръ еще невыполненную, но пока не потерявшую своего значенія (см. въ нашей монографіи, гл. VIII). Въ своемъ же мнѣніи о росписи 1836 года, онъ указываетъ уже на новые виды дѣятельности министерствъ. Такъ, изъ суммъ военнаго министерства онъ предлагаетъ отдѣлить 40 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 10 милліоновъ назначить на развитіе торговли; 6 милліоновъ на учрежденіе министерства сельскаго хозяйства; 4 милліона на вольное-экономическое общество; 10 милліоновъ на водвореніе трезвости въ народѣ; 10 милліоновъ на пути сообщенія. Министерство народнаго просвѣщенія должно обратить вниманіе на народное образованіе; министерство внутреннихъ дѣлъ на статистику государства, изданіе подземной карты Россіи, и т. п.; министерство юстиціи—на межеваніе и сокращеніе процессуальной части; министерство финансовъ, въ интересахъ же торговли и промышленности, должно озаботиться устройствомъ путей сообщенія, пароходовъ, и т. д.; государственное казначейство отмѣнить гильдейскіе разряды, паспорты, гербовую бумагу до 50 копѣечнаго достоинства; умножить рудокопство и золотые пріиски и освободить Бѣлорусскія губерніи на 4 года отъ казенныхъ повинностей [3]). Уже въ это время Мордви-

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX.

[2]) Ibid., т. XII.

[3]) Ibid.

новъ обращалъ серьозное вниманіе *на желѣзныя дороги.* Въ особомъ мнѣніи по этому поводу онъ предлагаетъ ежегодно отдѣлять изъ суммъ, назначаемыхъ на военное министерство, по 50 милліоновъ рублей, пока не составится капиталъ въ 300 милліоновъ рублей, который употребить на означенное предпріятіе [1]). На требованіе составить смѣту доходовъ и расходовъ на 1838 годъ, Мордвиновъ представилъ отъ себя отдѣльную записку, въ которой, не смотря на свои постоянныя столкновенія по этому предмету, онъ, съ обычною своею горячностью, настаивалъ на искорененіи пьянства въ народѣ, на уничтоженіи паспортовъ, на отмѣнѣ личныхъ повинностей крестьянъ и процентнаго сбора съ дворянства, на образованіи запасныхъ капиталовъ, на улучшеніи путей сообщенія, на открытіи трудопоощрительнаго банка, на расширеніи дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и преобразованіи войска (по прежнимъ его планамъ). При этомъ онъ предлагалъ избрать для опыта одну изъ губерній за образцовую (Тверскую), чтобы на дѣлѣ повѣрить результаты его преобразовательныхъ плановъ. Но это мнѣніе встрѣтило противодѣйствіе со стороны Канкрина и всего финансоваго комитета [2]). Однако Мордвиновъ возражалъ имъ, препроводивъ свои бумаги, при особомъ письмѣ, къ государю. Въ письмѣ къ императору Николаю, Мордвиновъ называетъ

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII.

[2]) Впослѣдствіи, въ мнѣніи комитета Мордвиновъ узналъ «перо» Сперанскаго, а дѣло объ ажіо (о лажѣ на монету), обсуждавшееся въ концѣ 1838 года въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи, подъ председательствомъ Сперанскаго, и въ государственномъ совѣтѣ, причемъ Сперанскій нѣсколько отступилъ отъ прежняго взгляда въ пользу противнаго мнѣнія—еще болѣе ихъ раздѣлило. Въ концѣ января 1839 года, Мордвиновъ отправилъ даже къ Сперанскому письмо, съ выраженіемъ неудовольствія, но отвѣта отъ него уже не получилъ, такъ какъ Сперанскій вскорѣ умеръ. Уничтоженіе лажа послѣдовало 1 іюля 1839 года, согласно съ предложеніемъ Канкрина, мнѣніе котораго восторжествовало (Полное собраніе законовъ, № 12,498; Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII; Графъ Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 358—360).

возраженія противниковъ «произвольными мечтами, чуждыми исторіи истинныхъ понятій финансовой науки», а представленіе своихъ мнѣній о финансахъ, подаваемыхъ въ финансовый комитетъ и государственный совѣтъ, потерей времени, и настаиваетъ даже на «необходимости употребить власть, чтобы умолкли вымыслы, потемняющіе правду». Наконецъ, онъ снова ссылается на «сочиненіе Ганиля, о государственныхъ доходахъ, который вывелъ отъ самой глубокой древности до позднихъ временъ, что всѣ потрясенія происходили отъ недостатка государственныхъ доходовъ». Въ заключеніе, для примѣра, Мордвиновъ сравниваетъ управленіе финансами въ Норвегіи съ управленіемъ ими въ Россіи. Письмо это было представлено государю 25 ноября 1837 года [1].

Дополненіемъ къ мнѣніямъ Мордвинова, посвященнымъ разбору государственныхъ росписей, могутъ служить нѣкоторыя изъ мнѣній его, касающіяся отдѣльныхъ финансовыхъ вопросовъ. Таковы его мнѣнія: 1) въ пользу просьбы Россійско-Американской компаніи, ходатайствовавшей о дозволеніи ввоза въ Россію безпошлинно съ острова Гаити колоніальныхъ продуктовъ (на 10 лѣтъ), поданное Мордвиновымъ въ комитетъ министровъ въ январѣ 1827 года. Въ немъ Мордвиновъ ссылается на примѣръ Англіи, всевозможнымъ образомъ поощряющей торговыя предпріятія. 9-го же мая того же года онъ представилъ въ государственный совѣтъ другое мнѣніе [2], въ защиту компаніи противъ петербургскихъ купцовъ, торгующихъ сахаромъ, которые подали просьбу черезъ Канкрина въ совѣтъ о недозволеніи Американской компаніи означеннаго предпріятія. 2) По поводу проекта Американской компаніи о проложеніи дороги отъ Якутска къ Охотскому морю, Мордвиновъ совѣтовалъ заселить ее сибирскими жителями и неважными преступниками, по семейнымъ, съ извѣстными льготами. Въ другомъ мнѣніи (марта, 1838

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII.
[2]) Ibid., т. VIII.

года), онъ высказался вообще за заселеніе Сибири, для чего предлагалъ объявить продажу тамъ земель, чтобы такимъ образомъ эта страна «перестала быть отверженною страною преступниковъ» [1]. 3) Еще 24 ноября 1826 года Мордвиновъ хлопоталъ о заведеніи страховыхъ конторъ, чтобы тѣмъ самымъ прекратить страхованіе въ иностранныхъ обществахъ; но при этомъ онъ настаивалъ на свободномъ учрежденіи ихъ, чтобы лишить ихъ такимъ образомъ казеннаго характера. Дѣйствительно, по его иниціативѣ, было учреждено, 22 іюня 1827 года, русское страховое общество, а 10 февраля 1829 года Мордвиновъ читалъ первый отчетъ его [2]. 4) Мнѣніе

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, тт. X и XI.

[2]) Ibid., тт. VII и IX. Открытіе дѣйствій страховаго общества было ускорено знаменитымъ пожаромъ въ Або (4 сентября 1817 года), уничтожившимъ весь городъ. Уставъ страховаго общества былъ одобренъ государемъ въ іюнѣ, но обнародованъ только 15 сентября. Основателями этого общества были: Мордвиновъ, гр. Литта, графъ Потоцкій, баронъ Штиглицъ, къ которымъ примкнули многіе богатые негоціанты; открытіе же его было встрѣчено въ Петербургѣ всеобщею симпатіею и вскорѣ дало обществу многихъ членовъ-акціонеровъ. (Histoire de la vie et du règne de Nikolas I-er, par Paul Lacroix, Paris, 1866, III, 139 — 140). Будучи основателемъ общества, Мордвиновъ слѣдилъ за дѣйствіями пожарной команды въ Петербургѣ. Вотъ что просилъ онъ сообщить по этому поводу А. Х. Бенкендорфу: «Скоро весь Петербургъ сгоритъ, если не возстановятъ прежній порядокъ управлять пожарною командою. При Эртелѣ и Горголіѣ полиція не допускала горѣть болѣе одного дома загорѣвшагося и половины сосѣдняго, гдѣ пожаръ и оканчивался. Нынѣ горятъ десятки домовъ; начинаютъ горѣть сотни». Причиною того Мордвиновъ считалъ отступленія отъ прежнихъ строгихъ инструкцій и порядка. Въ прежнихъ пожарныхъ правилахъ были помѣщены даже физическія и химическія свѣдѣнія объ огнѣ и водѣ. «Но преемники Горголи, продолжаетъ онъ, напечатанную имъ инструкцію нашли слишкомъ ученою, нашли, что ученіе для пожарной команды не нужно, что выкрашенныя яркимъ цвѣтомъ трубы и нарядныя лошади, гордымъ шагомъ идущія, составляютъ красу и прелесть хозяевъ, коихъ дома горятъ, и что временный смотръ пожарной команды есть наука, достаточная для дѣйствій противъ огня». Мордвиновъ замѣчаетъ, что, по случаю бывшаго пожара въ Петербургѣ, за 20 домовъ страховымъ обществомъ заплачено полмилліона рублей, а сгорѣло 200 домовъ. «При такихъ порядкахъ, заключаетъ онъ, офицеры

объ употребленіи 800 милліоновъ, лежащихъ въ заемномъ, коммерческомъ и воспитательныхъ домовъ банкахъ, на развитіе путей сообщенія и промышленности [1]). 5) О необходимости запретительнаго тарифа (въ маѣ 1833 года), на извѣстныхъ уже намъ основаніяхъ [2]). 6) Мнѣніе противъ запрещенія продолжительнаго пребыванія за границею (апрѣль 1834 года), предложеннаго съ финансовою цѣлью [3]). 7) Предложеніе о замѣнѣ ассигнацій—билетами, основанными на серебряномъ рублѣ (1 р. с.=4 р. ас.), выпустивъ ихъ сначала на 10 милліоновъ и постепенно уничтожая ассигнаціи [4]). 8) Объ исправленіи монеты умноженіемъ доходовъ (1834). и 9) Возраженіе Канкрину на его мнѣніе противъ единства монеты [5]).

Но въ ряду частныхъ мнѣній Мордвинова, касавшихся отдѣльныхъ статей системы финансовъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе мнѣнія, высказанныя имъ по поводу введенія откуповъ и питейнаго сбора, какъ государственнаго дохода.

Въ 1826 году, по повелѣнію императора Николая I, Канкринъ представилъ особую записку «о разныхъ способахъ для взиманія питейнаго дохода», обѣщая въ ней «изложить выгоды и невыгоды каждаго изъ нихъ, со всевозможнымъ безпристрастіемъ» [6]). Свое обозрѣніе Канкринъ начи-

полиціи будутъ, по древнему, бывшему въ мои юныя лѣта (60 лѣтъ тому назадъ), обычаю, рапортовать главному начальнику: «*Все благополучно, ваше превосходительство: сгорѣло 200 домовъ, объ убитыхъ и раненныхъ справку дѣлаютъ*». Въ двухъ другихъ мнѣніяхъ по тому же предмету (сентября 1832 года), Мордвиновъ говоритъ о необходимости обязать хозяевъ имѣть предохранительныя средства отъ пожаровъ (Собраніе мнѣній, т. X).

[1]) Ibid., т. X.

[2]) Ibid., т. XI.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid., т. X.

[5]) Ibid., т. XII.

[6]) Сборникъ свѣдѣній по вѣдомству министерства финансовъ 1866 года, т. I, кн. 2, февраль.

наетъ съ существовавшей въ то время системы казеннаго управленія.

«Казенное управленіе, говоритъ онъ, было введено въ 1819 году, наиболѣе по замѣченнымъ тогда разнымъ неудобствамъ откуповъ и для усиленія дохода. Доходъ дѣйствительно усилился, и даже теперь, не смотря на упадокъ продажи, еще выше послѣдняго откупнаго до 10 милліоновъ рублей въ годъ; но казенное управленіе впослѣдствіи показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по сей части обращаются непосредственно въ упрекъ правительству, сословіе чиновниковъ развращается, а публика приписываетъ нынѣшнее затруднительное время и дешевизну хлѣба отмѣнѣ откуповъ». И онъ признаетъ, что вообще слѣдуетъ желать уменьшенія въ народѣ пьянства (до одной чарки въ день), но затѣмъ переходитъ къ откупамъ.

«Противъ нихъ, говоритъ онъ, наиболѣе возродились возраженія, по причинѣ трудныхъ разсчетовъ, возникшихъ послѣ 1812 года. Откупщиковъ называли властью въ государствѣ; случались жалобы и безпорядки; казна, хотя приняла видъ попеченія отвращать оныя бдительнымъ надзоромъ, но не всегда въ томъ успѣвала. Весьма важное и существенное затрудненіе состояло въ томъ, что правила объ отвѣтственности залоговъ на весьма продолжительное время отдаляли удовлетвореніе казны, и что случались важные убытки; но также и введеніе строжайшихъ правилъ представлялось невозможнымъ, изъ опасенія, что не отыщется потребнаго количества залоговъ.

«Нынѣ публика полагаетъ, что возобновленіемъ откуповъ оживилась бы внутренняя промышленность; многіе могли бы поправить разстроенное свое состояніе законнымъ образомъ; корчемство уменьшилось бы надзоромъ откупщиковъ; вредный классъ винопродавцевъ, поглощающій вмѣстѣ съ чиновниками вѣроятно до 24.000.000 рублей въ годъ, уничтожился бы, тогда какъ прибытки откупщиковъ всегда были умѣреннѣе, и доставались въ руки, могущія употребить

капиталы свои съ лучшею пользою». Онъ замѣчаетъ, что откупа выгодны, когда народное благосостояніе находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ данный моментъ, а если оно еще ухудшится, то можно опасаться, что откупщики будутъ неисправны. Съ другой стороны, если они не сдѣлаютъ значительной наддачи, а положеніе страны затѣмъ улучшится, то выгоднѣе было бы оставить казенное управленіе. Онъ полагаетъ, что казенное управленіе и откупа могутъ служить повѣркою другъ друга, и потому ихъ можно съ пользою чередовать между собою. Наконецъ, о выгодѣ или невыгодѣ откуповъ, для введенія ихъ въ 29 великороссійскихъ губерніяхъ, можно будетъ составить мнѣніе по предстоящимъ торгамъ на откупа въ сибирскихъ и привилегированныхъ губерніяхъ.

Канкринъ вполнѣ признаетъ, что болѣе всего было бы желательно «замѣнить питейный сборъ другими налогами, но *ни одинъ изъ нихъ не можетъ дать столько, сколько даетъ казнѣ питейный доходъ*, а увеличеніе существующихъ налоговъ можетъ вызвать большія неудовольствія. Между тѣмъ, казенная винная монополія, при всей своей неблаговидности, имѣетъ ту важную выгоду, что, при весьма умѣренномъ числѣ существующихъ питейныхъ домовъ (10,000), дороговизна напитковъ уменьшаетъ въ массѣ пьянство».

Далѣе Канкринъ переходитъ къ акцизу.

«Слово акцизъ, говоритъ онъ, на первый взглядъ имѣетъ нѣчто привлекательное; но, разсматривая въ подробности существо и послѣдствія акциза, каковаго у насъ почти вовсе не существуетъ, нельзя легко рѣшиться на введеніе онаго. Извѣстно, что значитъ акцизъ (excise) въ Англіи, соединенныя пошлины (droits réunis) во Франціи, бывшій въ Пруссіи акцизъ и подобныя финансовыя учрежденія въ другихъ земляхъ: они почитаются величайшимъ, но неизбѣжнымъ зломъ; и, къ сожалѣнію, сказать должно, что финансы вообще и вездѣ не малою частью основаны на такихъ дохо-

дахъ, кои въ существѣ своемъ тягостны, неблаговидны и сопряжены съ непріятнымъ фискальствомъ, коимъ бы лучше не быть, но безъ коихъ нельзя обходиться, при необходимости столь огромныхъ расходовъ, коихъ нынѣ требуетъ существованіе государствъ. Таково несовершенство дѣлъ человѣческихъ».

На случай замѣны казеннаго управленія акцизомъ, Канкринъ считалъ необходимымъ «учредить повсемѣстно вольную продажу вина и оставить этотъ промыселъ совершенно свободнымъ и неограниченнымъ, безъ чего не можетъ быть акциза, и учредить казенное акцизное управленіе». Но введеніе акциза, по его мнѣнію, заставитъ большую часть помѣщиковъ искать главнаго дохода въ шинкарствѣ, породитъ «всеобщее пьянство», не дастъ такого дохода, какой даетъ монополія, потребуетъ слишкомъ подробныхъ правилъ и бдительнаго надзора противъ корчемства, что заставило отложить акцизъ и для привилегированныхъ губерній; заставитъ дѣлать снисхожденія для дворянства; возбудитъ ненависть въ послѣднемъ, служа для обогащенія чиновниковъ, и, не давъ помѣщикамъ возможности поправить свое состояніе, на что они надѣются при введеніи откуповъ, наконецъ потребуетъ сравнять въ этой повинности всѣхъ, что невозможно при существующихъ мѣстныхъ привилегіяхъ.

Устранивъ, такимъ образомъ, по многимъ причинамъ, введеніе акциза на вино въ Россіи и отдавъ значительныя преимущества откупамъ передъ казеннымъ управленіемъ, Канкринъ замѣчаетъ, что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса слѣдовало бы составить особый комитетъ, «и тогда, сверхъ сей записки, внесъ бы онъ и дальнѣйшія подробности *на счетъ откуповъ*, кои нужны для окончательнаго заключенія», ясно указывая куда склоняется онъ самъ [1]).

[1]) Въ своей запискѣ Канкринъ разсматриваетъ еще способъ *гуртоваго платежа по губерніямъ*, состоящій въ раскладкѣ настоящаго питейнаго дохода на губерніи и обращеніи его изъ косвеннаго налога въ прямой. Въ такомъ случаѣ веденіе этого дѣла пришлось бы воз-

Съ 1 января 1827 года откупа были уже введены, и съ тѣхъ поръ постоянно утверждались на каждые четыре года. Экономическія и нравственныя послѣдствія ихъ для народа хорошо извѣстны: это было, можно сказать, вторичное закрѣпощеніе его, отъ котораго онъ освободился также въ настоящее царствованіе. Достаточно замѣтить, что по условіямъ на откупа [1]), полиція являлась самымъ ревностнымъ блюстителемъ интересовъ откупщиковъ, и такъ было на дѣлѣ; что въ судахъ дѣла по откупамъ должны были разсматриваться даже не въ очередь, и что отвѣтчикъ могъ поплатиться за свою вину всѣмъ своимъ достояніемъ. Понятно, что и въ высшей сферѣ далеко не всѣ сочувствовали этой системѣ, въ зловредности ея не разъ сознавался и самъ Канкринъ. «Многіе изъ членовъ государственнаго совѣта, говоритъ Богдановичъ, возставали противъ дохода, основаннаго на возбужденіи народа къ пьянству; но Канкринъ, по необходимости, отстаивалъ его. «Я согласенъ съ вами, *батушки*,—говорилъ онъ противникамъ своимъ, и готовъ отказаться отъ питейнаго сбора, если только вы укажете мнѣ, въ замѣну его, столь же изобильный источникъ доходовъ» [2]).

Вотъ почему справедливы упреки Канкрину, что онъ хорошо сознавая и вредъ откупной системы, и сравнительныя достоинства акциза, не сдѣлалъ перехода къ этому послѣднему [3]), и, главнымъ образомъ, потому, что «первый и вто-

---

ложить на дворянство. Но, помимо самой трудности раскладки, Канкринъ видитъ затрудненіе и въ неудобствѣ такого дѣла для дворянства. «Если, говоритъ онъ, у насъ дворянское управленіе почитается лучше казеннаго, то сіе происходитъ именно отъ того, что на оное невозложены затруднительныя, интересныя *и маркія дѣла*. Люди всегда одинаковаго свойства; названіями ничто не поправляется, и нерѣдко случалось, что *предводители просились въ вице-губернаторы*» (которые завѣдовали питейнымъ сборомъ при казенномъ управленіи). Это черта нравовъ...

[1]) Второе Полное собраніе законовъ, годы: 1826, 1830, 1834 и 1838.

[2]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, 400.

[3]) Муравьевъ, въ статьѣ «Гр. Канкринъ и его финансовая система».

рой способы испытаны, третій же остается еще въ кругу разсужденій» [1]). И здѣсь вполнѣ выразился консерватизмъ системы Канкрина, нерѣшившагося испытать того, что еще не было испытано. Но Мордвиновъ полагалъ, что и въ государственномъ управленіи необходимы опыты, необходимы и ошибки, безъ которыхъ часто прійдется стоять на одномъ мѣстѣ [2]), что и «казенная копѣйка должна горѣть, какъ и всѣ другія».

Мнѣнія Мордвинова о винокуреніи въ Россіи намъ уже хорошо извѣстны по тѣмъ замѣткамъ, которыя приходилось дѣлать въ разныхъ мѣстахъ настоящей монографіи. Онъ стоялъ за полную свободу этого производства, какъ и остальныхъ промысловъ; онъ настаивалъ на свободномъ вывозѣ русскаго вина и водокъ за границу, чтобы дать исходъ избытку хлѣба въ Россіи и тѣмъ самымъ содѣйствовать усовершенствованію винодѣлія; наконецъ, онъ хотѣлъ всѣми мѣрами ограничить укоренившееся пьянство въ народѣ, начиная съ запрещеній и оканчивая распространеніемъ въ немъ лучшихъ сортовъ вина и замѣномъ, въ извѣстной степени, куренія водки—пивовареніемъ. Въ отношеніи финансовомъ онъ полагалъ, что доходъ, основанный на этой статьѣ, не можетъ быть названъ нравственнымъ, и что, дѣйствуя на улучшеніе нравственности народа искорененіемъ пьянства, тѣмъ самымъ доставляется государству доходъ болѣе значительный, такъ какъ улучшеніе народной нравственности неминуемо отразится на народной дѣятельности, а слѣдовательно и на государственныхъ доходахъ. Такимъ образомъ, взглядъ Мордвинова на питейный доходъ можно назвать вполнѣ экономическимъ; между тѣмъ какъ его противники

---

[1]) Сборн. свѣдѣній по министерству финансовъ, 1866, февраль, 71.

[2]) Въ своемъ «начертаніи мѣръ, коими постепенно возможно было бы улучшить народное благосостояніе и государственные доходы» (Собр. мнѣній, т. VIII), онъ, между прочимъ, высказывается, что необходимо приступить къ разнымъ полезнымъ предпріятіямъ для улучшенія промышленности, хотя бы они и были пока вредны для казны.

имѣли воззрѣнія на этотъ предметъ болѣе фискальныя. Но обратимся къ мнѣніямъ Мордвинова, посвященнымъ спеціально настоящему предмету.

Вскорѣ по вступленіи Канкрина въ должность министра финансовъ, въ своей запискѣ, поданной 12 іюля 1823 года по поводу отчета министра, Мордвиновъ указывалъ уже на необходимость устройства винокуренія въ Россіи «на началахъ нравственности» [1]). Въ 1834 году, по поводу толковъ объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства (о чемъ намъ прійдется сказать ниже) Мордвиновъ писалъ: «Усовершенствованіе хозяйства избавило бы *отъ откупной статьи*, лежащей гибельнымъ пятномъ на росписи и омрачающей всѣ прочія ея достоинства» [2]). Въ замѣчаніяхъ же своихъ на роспись 1837 года, говоря о винной статьѣ, онъ намекаетъ «на лесть противниковъ», мѣшающую правильному взгляду на дѣло, а о кабакахъ выражается такъ: «кабаки, переименованные нынѣ въ питейные дома, при новомъ семъ достоинствѣ остаются тѣмъ же сборнымъ мѣстомъ для разбойниковъ, убійцъ, хулителей дѣлъ божескихъ и невѣрныхъ служителей царю» [3]). Наконецъ, въ 1838 году, въ виду предстоявшаго контракта для питейнаго откупа на новое четырехлѣтіе (1839—1842), Мордвиновъ внесъ въ государственный совѣтъ особое мнѣніе, которое скорѣе можно назвать патетическимъ обращеніемъ, такъ близко онъ принималъ этотъ вопросъ къ своему сердцу.

«Во всю мою жизнь, пишетъ онъ, я пламенѣлъ желаніемъ зрѣть въ полномъ счастіи отечество мое и въ немерцающей славѣ всеавгустѣйшихъ монарховъ моихъ. Если бы пламень сихъ чувствованій, когда уже стою я при дверяхъ гроба, *имѣя 84 года*, и могъ погаснуть, и оставалась бы одна только искра прежней моей горячности, то и тогда я

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.
[2]) Ibid., т. XI.
[3]) Ibid , т. XIII.

не умолчалъ бы высказать правду предъ тѣмъ, коего твердой волѣ предвѣчныя судьбы предоставили, на пространнѣйшей площади шара земнаго, устроить благоденствіе многочисленнѣйшаго народа.

«Сколь торжественно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ, стоящемъ за винною стойкою, невольное покушеніе на обманъ и злоухищреніе: ибо само правительство побуждаетъ его на сіи пороки, предоставивъ ему право пользоваться только каплями, падающими изъ чарки, держимой дрожащею рукою пьющаго пьяницы;—видѣть въ цѣловальникѣ представителя власти . . . . предавшей ему за деньги такое право; видѣть въ каждомъ человѣкѣ, выходящемъ изъ кабака, упоеннаго огненнымъ напиткомъ, съ тѣломъ разслабленнымъ и съ духомъ, уготованнымъ на всякое злодѣяніе; видѣть умирающаго человѣка отъ излишняго упоенія симъ гибельнымъ напиткомъ; видѣть погрязшими въ семъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемымъ къ тому; *видѣть тощіе доходы, государственнымъ казначействомъ получаемые, и знать, что главною причиною сего существеннаго недостатка для блага имперіи есть винный уставъ, поощряющій ежегодно распространеніе пьянства въ народѣ,—все сіе возбраняетъ мнѣ утвердить подписью моею то, что я нахожу совершенно вреднымъ и для милліоновъ народа и для всего государства»* [1]).

Но и этимъ Мордвиновъ не ограничился. 30 марта 1838 года онъ отправилъ къ гр. Бенкендорфу особую записку, съ сильными настояніями объ искорененіи пьянства («начать должно, ибо безъ начала нѣтъ конца») и проповѣдью противъ пьянства одного священника, для представленія ихъ государю. Государь изъявилъ свое одобреніе на предложеніе

---

[1]) Мнѣніе это напечатано въ Чтен. Мос. общ. исторіи, 1859, IV, 19—20.

Мордвинова, но выразился, что приступать къ исполненію его пока весьма затруднительно, и въ такомъ дѣлѣ необходимо дѣйствовать весьма осторожно (7 апрѣля 1838 года [1]).

Тѣмъ не менѣе, записка Мордвинова, 1838 года, по питейному откупу, какъ онъ самъ говоритъ, была причиною неудовольствій противъ него нѣкоторыхъ лицъ, что отразилось даже на его служебныхъ отношеніяхъ [2]).

Понятно, что, при извѣстномъ нравѣ Канкрина, трудно было ожидать необходимыхъ уступокъ въ томъ дѣлѣ, которое онъ самъ создалъ. Иначе относился въ подобныхъ случаяхъ къ своимъ ошибкамъ Мордвиновъ. Еще въ ноябрѣ (24-го) 1824 года состоялось утвержденіе дополнительныхъ статей къ правиламъ о внутренней торговлѣ [3]), которыя отличались строгою регламентаціею торговыхъ правъ, какъ по гильдіямъ, такъ и въ отношеніи мѣщанъ и крестьянъ. Дозволяя каждому изъ этихъ классовъ заниматься торговлею только извѣстныхъ предметовъ, и на извѣстную сумму, новыя постановленія стѣсняли ихъ еще множествомъ обременительныхъ формальностей, съ которыми связано было разрѣшеніе самой торговли. Разсмотрѣнныя въ комитетѣ министровъ, эти правила были утверждены и подписаны, въ числѣ прочихъ членовъ, и Мордвиновымъ. Но они возбудили общее негодованіе, и потому жалобы на стѣсненія не переставали поступать къ правительству, а 15 апрѣля 1826 года противъ нихъ выступилъ и самъ Мордвиновъ [4]).

«Опытъ повсемѣстно доказалъ, писалъ онъ, что изданныя въ 1824 году дополнительныя статьи по внутренней торговлѣ произвели существенное разстройство въ ней и поставили новую преграду успѣшному дѣйствію промышленности, обогащавшей народъ; онѣ причинили оптовому торгу

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII.

[2]) Ibid.,

[3]) Полн. собраніе закон., № 30,115.

[4]) Чтен. Моск. общ. истор., 1864, IV, смѣсь, 186—187, и Собр. мнѣній Н. С Мордвинова, т. VIII.

косвенный вредъ, мелочной же торгъ вездѣ почти разорили. Отъ всѣхъ предѣловъ Россіи поступили къ правительству прошенія объ отмѣнѣ ихъ; принесенныя жалобы должно было признать основательными и справедливыми, вслѣдствіе чего сдѣланы отъ министра финансовъ толкованія на недоразумѣнія, объясненія на противорѣчія, наставленія на исполненія, запрещенія, воспрещенія противъ оказавшихся злоупотребленій. Огромность предписаній, превышающая почти самыя изложенія устава, убѣждаетъ, сколько статьи его неудобопонятны, между собою противорѣчащи, многочисленны, притѣснительны для народа и злоупотребительны при исполненіи; онѣ суть такого рода, что благоденствіе торговаго и промышленнаго народа требуетъ немедленной отмѣны ихъ и оставленія, для пользы внутренней торговли, того малаго числа статей, которыя уменьшаютъ, лежавшіе прежде на капиталахъ, проценты, и тѣхъ, которыя отмѣняютъ пошлину съ торговыхъ книгъ.

«По всѣмъ изложеннымъ здѣсь обстоятельствамъ, заключаетъ Мордвиновъ, я соглашаюсь съ мнѣніемъ генералъ-губернатора о предоставленіи въ губерніяхъ Сибири, ввѣренныхъ его управленію, полныхъ по торговлѣ правъ, дарованныхъ жителямъ того края древними граматами. *Къ этому мнѣнію я приступилъ тѣмъ рѣшительнѣе и охотнѣе, что я былъ въ числѣ утвердившихъ, предположенныя отъ министра финансовъ, вышеупомянутыя дополнительныя статьи, и что при этомъ случаѣ могу сдѣлать откровенное признаніе въ неосмотрительной и крайне-предосудительно учиненной со стороны моей погрѣшности*».

Точно также Мордвиновъ не признавалъ и тѣхъ крайнихъ средствъ, которыми думали обезпечить казенный интересъ, если они въ своемъ примѣненіи могли вести къ нарушенію не менѣе законныхъ частныхъ интересовъ. Вначалѣ новаго царствованія возникъ вопросъ «о введеніи закона, подвергающаго секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кото-

рыя дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ взысканіе». Мордвиновъ отвѣчалъ на него въ особомъ мнѣніи, представленномъ въ государственный совѣтъ въ мартѣ 1827 года [1]).

Указавъ на древній русскій законъ, который не полагаетъ различія въ правахъ между мужскимъ и женскимъ родомъ и между казною и частными лицами, Мордвиновъ замѣчаетъ, что «*единство правъ составляетъ совершенство этого закона*»; измѣненіе же его въ настоящее время, когда привыкли слѣдовать ему вѣками, можетъ показаться народу «тяжкимъ огорченіемъ» и привести «къ притѣснительнымъ и вреднымъ послѣдствіямъ». «Опытъ показалъ, продолжаетъ онъ, что изданіе указа 1799 года, когда коренной законъ о равной силѣ правъ собственности въ одномъ только судебномъ разбирательствѣ получилъ измѣненіе съ большимъ преимуществомъ на сторону казны, послѣдовали величайшія неудобства: тогда открылась возможность дѣлать постоянныя притязанія къ частной собственности и отнимать ее, подъ многоразличными причинами и видами, не смотря ни на какіе законы, охраняющіе послѣднюю».

Поставивъ, такимъ образомъ, на одинаковую степень уваженія закономъ и казенную, и частную собственность, Мордвиновъ высказываетъ желаніе, чтобы, въ интересахъ огражденія ихъ, «былъ изданъ законъ общій, а не отдѣльный, для одной казны». Затѣмъ, обращаясь къ настоящему проекту, разсуждаетъ такъ: «Нельзя не согласиться въ томъ, что передача имѣнія отъ мужа женѣ не всегда бываетъ изъ побужденій предосудительныхъ, порочныхъ, но чаще могутъ быть къ тому причины нравственныя, почтенныя. Грозный же новый законъ всѣхъ женъ безъ исключенія подводитъ подъ неминуемое наказаніе... Охраненіе казеннаго имущества должно зависѣть отъ другихъ дѣйствительнѣй-

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859, IV, смѣсь, 97—100, и Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

шихъ мѣръ, какъ то: не ввѣрять его одному лицу, имѣть частую повѣрку, а притомъ тюрьма, ссылка въ Сибирь, каторга—неужели недостаточны къ охраненію въ цѣлости казенной собственности»?

Новый законъ, по его мнѣнію, приведетъ къ тому, что владѣльцы недвижимой собственности, находящіеся на государственной службѣ, предпочтутъ обратить свою собственность въ денежные капиталы, тѣмъ болѣе, что и теперь, по замѣчанію Мордвинова, недвижимыя имѣнія потеряли свою цѣну и каждый старается обратить ихъ въ деньги [1]. Онъ указываетъ на примѣръ торговаго класса, который вслѣдствіе существующихъ стѣсненій, въ значительной степени изъялъ свои капиталы изъ оборотовъ, предпочитая отдавать ихъ въ банкъ за 5%, а число купцовъ въ Россіи уменьшилось на четвертую долю. «Законъ, излагаемый въ общихъ изреченіяхъ, даетъ поводъ къ произвольнымъ толкованіямъ, говоритъ Мордвиновъ. Симъ самымъ не оправдаются-ли пословицы: «не бойся суда, но бойся судьи»; и вторая: «все божіе, да государево». Сколько, впрочемъ, послѣдняя ни справедлива, но она нерѣдко ведетъ къ ложнымъ объ ней понятіямъ и къ отнятію частной собственности въ пользу

[1]) Изъ мнѣній Мордвинова, поданныхъ въ государственный совѣтъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1832 года, видно, что половина имѣній находилась тогда въ долгу у казны. По разнымъ обстоятельствамъ сроки уплаты займовъ постоянно расширялись, начиная съ 8 и до 37 лѣтъ (при императорѣ Николаѣ). Кн. Друцкой-Любецкій весь долгъ казнѣ насчитывалъ тогда до 600 милліоновъ рублей (см. его мнѣнія въ Чтен. Моск. общ. истор., 1863, III, 140—149). Въ это время возникъ было вопросъ о продажѣ имѣній должниковъ, одобренный сенатомъ и департаментомъ законовъ государственнаго совѣта. Но въ общемъ собраніи послѣдняго, кн. Друцкой-Любецкій, указавъ на безполезность этой мѣры для государства, предлагалъ еще отсрочить платежъ долговъ. Мордвиновъ, соглашаясь съ нимъ, считалъ необходимымъ даже помочь должникамъ назначеніемъ пособія. Притомъ онъ сравниваетъ казну съ частнымъ заимодавцевъ и задаетъ вопросъ: «почему она не платитъ своихъ долговъ?» Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова томъ X.

казны, безъ всякаго уваженія къ правосудію и законамъ, созидающимъ народное благосостояніе, а на ономъ основывающимъ и благосостояніе государственнаго казначейства.

«*Частные случаи никогда не должны служить поводомъ къ уничтоженію, или потрясенію общихъ правъ и коренныхъ законовъ*... Законъ долженъ наказывать преступленіе и преступное лицо, но подвергать наказанію то лицо, которое не участвовало въ преступномъ дѣяніи—не будетъ-ли мѣрою закона, самою несправедливою?.. Предупреждать злоупотребленіе, до одной казны касающееся, и умалчивать обо всѣхъ другихъ случаяхъ, до частныхъ людей относящихся, когда сіи послѣдніе чаще и многочисленнѣе бываютъ,—не окажется ли черезъ то новое отдѣленіе казенной пользы отъ частной, отдѣленіе нанесшее уже столь много вреда вообще всѣмъ сословіямъ»?

На этихъ основаніяхъ Мордвиновъ предпочитаетъ остаться при существующихъ положеніяхъ.

Обратимся къ другимъ вопросамъ, относящимся къ экономическому состоянію Россіи и затронутымъ въ то время Мордвиновымъ.

ГЛАВА XIV.

Былъ кругъ дѣятельности, гдѣ инпціатива Мордвинова могла захватывать болѣе широкое поле, хотя нерѣдко и здѣсь онъ встрѣчалъ неизбѣжныя препятствія: то былъ кругъ дѣятельности императорскаго вольно-экономическаго общества.

Мы видѣли, что, вскорѣ по вступленіи Мордвинова въ должность президента общества, дѣятельность послѣдняго получила болѣе широкіе размѣры, и Мордвинову, на первыхъ же порахъ, удалось дать ей болѣе разностороннее направленіе.

И въ этотъ періодъ дѣятельности общества, на первомъ планѣ стоятъ хлопоты Мордвинова по оспопрививанію. Уже въ февралѣ 1826 года Мордвиновъ обратился къ губернскимъ оспеннымъ комитетамъ съ просьбою представить списки оспопрививателей, но, при этомъ выразилъ сожалѣніе о равнодушіи къ такому дѣлу, которое, при всей своей важности для народнаго здравія, требуетъ не болѣе 2.000 рублей ежегоднаго расхода для каждой губерніи. Онъ хвалитъ усердіе, выказанное въ этомъ дѣлѣ комитетами Архангельской, Екатеринославской, Подольской и Калужской губерній, и заявляетъ, что вольное экономическое общество ежегодно разсылаетъ въ оспенные комитеты шести губерній печатныя наставленія, необходимые инструменты и матерію: уже восемь разъ оно дѣлало имъ это пособіе. Въ Петербургѣ къ 1826 году было приготовлено 300 оспопрививателей. Но особенное вниманіе

Мордвиновъ обращаетъ на павловскій уѣздъ Воронежской губерніи, въ которомъ успѣли достигнуть того, что тамъ не было уже ни одного оспеннаго ребенка [1]).

Въ бытность государя императора въ Москвѣ, по случаю коронованія, Мордвиновъ обратился къ нему съ ходатайствомъ (3 августа 1826 года) о пособіи вольному экономическому обществу на оспопрививаніе, утверждая притомъ, что, спустя 20 лѣтъ по введеніи его, населеніе Россіи удвоится. Эта бумага была передана на разсмотрѣніе комитета министровъ, что возбудило въ Мордвиновѣ сомнѣніе на счетъ успѣха самого предложенія, а потому онъ подалъ (27 августа) въ комитетъ министровъ дополнительную записку, въ которой, въ подтвержденіе своихъ доводовъ о приращеніи населенія, приводитъ данныя изъ отчетовъ парижской академіи о процентѣ увеличенія населенія по введеніи оспопрививанія. До того времени, во Франціи, въ два года на 100 родившихся умирало 50 человѣкъ, теперь 38; изо 100 дѣтей до 10 лѣтъ умирало 53, теперь 43; до 70 лѣтъ доживало 15 человѣкъ, а теперь 24. Въ заключеніе своей записки Мордвиновъ испрашиваетъ у комитета по 1.000 рублей на каждую губернію [2]).

Предложеніе Мордвинова было принято. Въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отпускѣ, въ распоряженіе общества, на оспопрививаніе отъ каждой губерніи по 1.000 рублей ассигнаціями втеченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1827 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы тѣмъ изъ лицъ, обученныхъ прививанію оспы въ губерніи, которыя окажутъ наиболѣе усердія, раздавать въ награду золотыя и серебряныя медали на зеленой лентѣ, для ношенія на груди.

Между тѣмъ, въ 1826 году, вольно-экономическое общество распорядилось напечатать 10,000 экземпляр. наставленія о

---

1) Собр. мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.
2) Ibid.

прививаніи оспы, на финскомъ языкѣ, для снабженія ими великаго княжества Финляндскаго, и такое же количество экземпляровъ на языкѣ польскомъ. Тогда же сдѣлано распоряженіе о выпискѣ изъ Англіи 200,000 оспопрививательныхъ иглъ, для разсылки по губерніямъ вмѣсто ланцетовъ. Доставленныя же курляндскимъ губернскимъ комитетомъ, составленныя имъ, по предмету распространенія прививанія предохранительной оспы, правила на нѣмецкомъ языкѣ, были переведены на русскій языкъ и разосланы по губерніямъ. Точно также были разосланы и постановленія рязанскаго и воронежскаго губернскихъ комитетовъ. Четыре воспитанника с.-петербургскаго воспитательнаго дома, состоявшіе на содержаніи общества и занимавшіеся съ 1824 года оспопрививаніемъ въ уѣздахъ Петербургской губерніи, были отправлены въ Могилевскую губернію.

Въ 1827 году, на основаніи ходатайства начальника Кавказской области, было положено отпускать изъ оспеннаго капитала общества, на содержаніе прикомандированныхъ въ Кавказскую область врачей и фельдшеровъ, для распространенія оспопрививанія по 2.000 рублей въ годъ, втеченіи трехъ лѣтъ. Въ томъ же году было отпечатано 200,000 экземпл. краткаго наставленія о прививаніи предохранительной оспы, на русскомъ языкѣ; 10,000 на калмыцкомъ языкѣ и 5,000 на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ; а на заводѣ Полторацкаго было заказано 34,000 иглъ.

Въ 1828 году была учреждена въ Казани особая оспопрививальня, на содержаніе которой общество назначило 750 рублей въ годъ; напечатаны и разосланы постановленія смоленскаго и пермскаго губернскихъ оспенныхъ комитетовъ; напечатано 6,000 краткаго наставленія на татарскомъ языкѣ и 97 человѣкъ награждены медалями. Втеченіе 1828 года разослано: иглъ 154,506; стеклышекъ съ матеріею 1,962, безъ матеріи 21,250 паръ; наставленій: на русскомъ языкѣ 19,713, на грузинскомъ 5,000 и на татарскомъ 2,470.

Въ 1829 году, по сношенію съ оберъ-прокуроромъ синода, на счетъ общества было напечатано составленное, по порученію синода, кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ краткое увѣщаніе о прививаніи предохранительной оспы, которое и разослано синодомъ по всѣмъ приходскимъ церквамъ. По ходатайству наказнаго атамана черноморскаго войска, опредѣленъ туда особый оспопрививатель, съ жалованьемъ отъ общества по 720 рублей въ годъ. Въ Костромскую губернію послано 1.000 рублей для основанія оспеннаго капитала. Въ типографіи корпуса путей сообщенія отпечатано 400,000 экземпляровъ правилъ на русскомъ языкѣ, суммою на 20,000 рублей. Разосланы, для свѣдѣнія и руководства, постановленія объ оспопрививаніи комитетовъ: вологодскаго, ярославскаго, астраханскаго, костромскаго, олонецкаго, тверскаго, витебскаго и иркутскаго; 50 человѣкъ были награждены медалями (изъ нихъ 34 получили отъ общества). Кромѣ того, общество разослало: 14 ланцетовъ, 65,000 иглъ, 514 стеклышекъ съ матеріею, 9,778 паръ—безъ матеріи, 19,600 экземпляровъ наставленій на русскомъ языкѣ.

Въ 1830 году, по ходатайству оберъ-прокурора синода, общество напечатало 1,120 экземпл. увѣщанія о прививаніи оспы на грузинскомъ языкѣ; сообщены по губерніямъ наставленія оспенныхъ комитетовъ казанскаго, калужскаго и костромскаго; 47 человѣкъ награждены медалями (12 отъ общества), и въ томъ же году разослано: 57,000 иглъ, 342 стеклышка съ матеріею, 5,700 паръ безъ матеріи и 11,400 экз. наставленія на русскомъ языкѣ.

Вслѣдствіе такой усиленной дѣятельности вольно-экономическаго общества по оспопрививанію, 26 мая 1831 года государь объявилъ, через Мордвинова, свою признательность членамъ V отдѣленія общества. Въ томъ же году общество выдало 16 медалей за усердіе по оспопрививанію и разослало 140,000 иглъ; 350 стеклышекъ съ матеріею и 6,000 паръ простыхъ, а также 12,000 экземпл. наставленія на русскомъ языкѣ. Въ 1832 году оспенные капиталы тамбовскаго и

калужскаго комитетовъ, по ихъ ходатайству, были увеличены 2.000 рублей, пожертвованными вольно-экономическимъ обществомъ. Въ томъ же году было выдано 37 медалей (8 отъ общества) за оспопрививаніе, и разослано: 35,000 иглъ, 21 стеклышко съ матеріею, 850 паръ безъ матеріи, 750 экземпл. наставленія на русскомъ языкѣ, 500 на грузинскомъ, 150 на армянскомъ и 750 на татарскомъ языкахъ.

Вслѣдствіе неполученія отъ нѣкоторыхъ губерній свѣдѣній о прививаніи оспы дѣтямъ, вольно-экономическое общество просило, въ 1833 году, губернаторовъ употребить стараніе къ поспѣшному доставленію необходимыхъ свѣдѣній. Далѣе, въ томъ же году оно издало наставленія для оспопрививателей, а неудобныя для оспопрививанія иглы положено было замѣнить особаго устройства ланцетами. Въ этомъ году общество разослало: 34 прибора съ ланцетами, 4,000 иглъ, 111 стеклышекъ съ матеріею, 800 паръ простыхъ стеколъ и 2,900 экземпл. наставленія на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, обществомъ предложена была задача «о мѣрахъ къ отвращенію великой смертности дѣтей на первомъ году ихъ жизни» [1]) и выдано 16 медалей за оспопрививаніе. Въ 1834 году снова выдано обществомъ 26 медалей и разослано въ губернскіе комитеты: 966 новыхъ ланцетовъ, 144 стеклышка съ матеріею, 2,700 паръ безъ матеріи, 45,150 экз. наставленія о прививаніи оспы и 7,050 экз. о сниманіи, сохраненіи и употребленіи оспенной матеріи. Въ 1835 году было выдано 26 медалей (11 отъ общества) и разослано по губерніямъ: 145 ланцетовъ, 2,374 иглы, 115 стеклышекъ съ матеріею, и 2,876 паръ безъ матеріи, а также 11,480 экз. наставленія.

Еще въ 1834 году было разсмотрѣно въ обществѣ 53 сочиненія «о мѣрахъ противъ смертности дѣтей»; въ 1835

---

[1]) Тема эта была предложена по инціативѣ Мордвинова, а награда, опредѣленная имъ, состояла изъ 2.000 рублей и медали въ 20 червонцевъ. Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XI.

году вновь разсмотрѣно 31 сочиненіе; наконецъ, по подробномъ обсужденіи достоинства каждаго изъ 84 сочиненій,— пять изъ нихъ были удостоены награды, а нѣкоторыя напечатаны.

Въ 1836 году, по ходатайству общества, была назначена особая сумма изъ земскихъ сборовъ на оспопрививателей и расходы по оспопрививанію въ Восточной Сибири. Въ это время были доставлены отъ русскаго посольства въ Лондонѣ переводы сочиненій (съ англійскаго), подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о сен-панкрасскомъ госпиталѣ, учрежденномъ для страждущихъ натуральною оспою и для прививанія предохранительной оспы» и «Опыты вторичнаго прививанія предохранительной оспы въ виртембергской арміи». Сочиненія эти были напечатаны на счетъ общества и разосланы по губерніямъ. Въ этомъ году было выдано обществомъ—51 медаль (17 отъ общества) и разослано: 230 ланцетовъ, 4,006 иглъ, стеклышекъ съ оспенною матеріею 198; безъ матеріи 1,296 паръ и 5,667 экз. наставленія. Уже къ 1837 году, при содѣйствіи общества, оспа была привита по всѣмъ губерніямъ и областямъ, не исключая и самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, $10^1/_2$ милліонамъ младенцевъ, а искусству оспопрививанія обучено 10,521 человѣкъ; стеклышекъ разослано было около 200,000; иглъ и ланцетовъ болѣе 764,000 и слишкомъ 318,000 экз. разныхъ сочиненій объ оспопрививаніи на языкахъ: русскомъ, польскомъ, эстонскомъ, латышскомъ, финскомъ, калмыцкомъ, армянскомъ, грузинскомъ и татарскомъ.

Но такъ какъ въ 1836 году окончился срокъ пожалованной государемъ обществу суммы (по 1.000 рублей отъ губерніи), то Мордвиновъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ о продолженіи этой выдачи, съ тѣмъ однако, чтобы образовать изъ нея капиталъ въ 250 тысячъ рублей, спеціально предназначенный на оспопрививаніе [1]). Но ходатайство

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII.

Мордвинова было уважено только отчасти, именно продолжена выдача губернскихъ суммъ на новое десятилѣтіе, съ 1837 года. Между тѣмъ, въ этомъ году общество напечатало 1,200 экз. сочиненія доктора Грегори «О предохранительной оспѣ» и разослало его въ губернскіе комитеты; выдало 12 медалей и снабдило: 3.421 ланцетомъ, 186 стеклышками съ оспенною матеріею; 1,280 парами безъ матеріи и 13,897 экз. наставленія. Въ слѣдующемъ году (1838) обществомъ изданъ былъ переводъ сочиненія Гуфеланда: «Добрый совѣтъ матерямъ о воспитаніи дѣтей», съ прибавленіемъ замѣчаній переводчика, доктора Грумма, относительно дѣтскихъ болѣзней, и, по обыкновенію, выдано 50 медалей (17 отъ общества) и разослано: 1,182 ланцета; 211 стеклышекъ съ матеріею, 3,242 пары безъ нея и 21,750 экз. наставленія.

Въ 1839 году членомъ V отдѣленія, докторомъ Никитинымъ было переведено на русскій языкъ сочиненіе доктора Лихтенштедта «О причинахъ большой смертности дѣтей на первомъ году ихъ жизни и о мѣрахъ къ ея отвращенію». Вновь выдана 31 медаль (6 отъ общества) и разослано: 910 ланцетовъ, 199 стеклышекъ съ матеріею, 6,939 паръ безъ нея и 16,000 экземпляровъ наставленія.

Въ 1840 году членами V отдѣленія были составлены краткія наставленія о распознаваніи и леченіи дѣтскихъ повальныхъ болѣзней. Эти наставленія, напечатанныя въ 20,000 экз., были разосланы губернаторамъ для безденежной раздачи. Въ этомъ же году было выдано: 63 медали (19 отъ общества) и разослано: 5,414 ланцетовъ, 354 стеклышка съ матеріею, 2,050 паръ безъ нея и 6,000 экз. наставленія.

Этимъ годомъ заключается президентство Мордвинова въ вольно-экономическомъ обществѣ; но, разъ направленная дѣятельность общества по столь важному вопросу народнаго здравія, продолжала развиваться съ прежнимъ характеромъ [1]).

[1]) Съ 1824 года по 1847 число младенцевъ, которымъ была привита оспа, простиралось уже до 23 милліоновъ; занимавшихся оспопрививаніемъ считалось за этотъ періодъ 15,000 человѣкъ, а обще-

Въ президентство Мордвинова было обращено вниманіе и на другіе вопросы народнаго здравія. Въ октябрѣ 1830 года, по поводу развитія холеры, Мордвиновъ обращался съ письмомъ къ графу Бенкендорфу, въ которомъ указывалъ, что хлористая вода въ аптекахъ продается по 1 рублю 60 коп. за бутыку, между тѣмъ какъ она стоитъ всего 4 коп., а также просилъ его принять мѣры къ очищенію воздуха [1]). Въ 1838 году экономическое общество напечатало, въ видѣ таблицъ, на русскомъ, финскомъ и польскомъ языкахъ 20,000 экз. наставленія, какъ спасать жизнь мнимо-умершихъ [2]). Для характеристики Мордвинова замѣтимъ здѣсь, что онъ былъ поклонникъ гомеопатіи. Такъ, въ 1831 году онъ издалъ разсужденіе о гомеопатіи, на французскомъ языкѣ, въ защиту которой приводитъ примѣръ изцѣленія гомеопатическимъ леченіемъ жены своей, Генріэты Александровны, а вслѣдъ за тѣмъ онъ представилъ проектъ введенія гомеопатическаго леченія въ Россіи [3]). Ссылаясь на двухлѣтній опытъ въ своемъ семействѣ, Мордвиновъ предлагалъ выписать для этой цѣли лекарей изъ Германіи, послать учениковъ къ Ганеману, открыть школу гомеопатическаго леченія въ госпиталяхъ и казенныхъ заведеніяхъ, составлять сравнительныя таблицы леченія гомеопатіей и обыкновеннымъ способомъ, переводить статьи изъ нѣмецкихъ журналовъ, прилагать способы гомеопатіи, особенно къ леченію сифилиса въ народѣ, учредить общество гомеопатовъ изъ людей, чуждыхъ составу медицинскаго факультета, и составить капиталъ для распространенія гомеопатическаго леченія въ Россіи. Въ интересахъ же огражденія европейскихъ государствъ отъ распро-

ствомъ было разослано: 916,000 ланцетовъ и иглъ; болѣе 157,000 стеклышекъ; 367,000 экз. наставленія на 12 языкахъ и до 40,000 увѣщанія митрополита Евгенія; золотыхъ и серебряныхъ медалей выдано 814. Подробности см. въ Исторіи вольно-экономическаго общества, профессора Ходнева, 1865, 301—311.

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX.

[2]) Ходневъ, Исторія вольно-экономическаго общества, 316.

[3]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, тт. IX и X.

страненія заразительныхъ болѣзней изъ Турціи, Мордвиновъ предлагалъ правительству (въ сентябрѣ 1836 года) войти въ сношенія съ другими державами, чтобы заставить Турцію устроить постоянные карантины [1]).

Какъ опытный сельскій хозяинъ и членъ экономическаго общества, Мордвиновъ неуклонно слѣдилъ за ходомъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Онъ обратилъ вниманіе на кошеніе ржи по способамъ Абашева и Муравьева; вслѣдствіе чего при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя Д. В. Голицына, много содѣйствовавшій распространенію этихъ способовъ, а также введенію аносовскихъ косъ съ златоустовскихъ заводовъ [2]). Мордвиновъ же обратилъ вниманіе вольно-экономическаго общества на статьи зарайскаго помѣщика М. И. Титова, помѣщенныя въ Земледѣльческомъ Журналѣ, и на введеніе имъ плодоперемѣннаго хозяйства, съ травосѣяніемъ, кошеніемъ ржи и усовершенствованныхъ орудій, которыя онъ самъ выдѣлывалъ, а также на распространеніе этихъ способовъ въ сосѣднихъ владѣніяхъ и усадьбахъ (до 30 помѣщиковъ приняли его способъ), которое дало блестящій результатъ (а именно — содѣйствовало умноженію скотоводства, безъ луговъ и пастбищъ, и улучшенію породъ домашняго скота), вслѣдствіе чего общество наградило Титова золотою медалью [3]). Самъ Мордвиновъ издалъ нѣсколько статей, посвященныхъ сельскому хозяйству: 1) въ 1829 году онъ напечаталъ брошюру «О невыгодахъ трехпольнаго хлѣбопашества, о пользѣ земледѣлія плодосмѣннаго и о необходимости нынѣ введенія сего послѣдняго въ Россіи»; 2) въ

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XII.

[2]) Масловъ, Историческое обозрѣніе дѣйствій общества сельскаго хозяйства въ Москвѣ, 40. Косы эти дѣлались изъ литой мягкой стали, ibid., 172.

[3]) Масловъ, ibid., стр. 88—90. По предложенію же Мордвинова былъ награжденъ золотою медалью и П. И. Прокоповичъ, за свою школу пчеловодства. Ibid., 287.

1834 году «Нѣкоторыя замѣчанія для управителей земледѣльческихъ помѣстій» и 3) «О причинахъ скудости луговъ и способахъ къ улучшенію оныхъ». Причинами плохаго состоянія земледѣлія въ Россіи Мордвиновъ считалъ недостаточное знакомство крестьянъ съ условіями почвы и первобытные способы ея обработки не менѣе первобытными орудіями. Чтобы устранить эти недостатки, онъ даетъ полезные научные и практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. Въ 1840 году Мордвиновъ издалъ эти статьи подъ общимъ заглавіемъ: «О причинахъ всегда скудныхъ и часто совершенныхъ неурожаевъ въ Россіи, какъ хлѣба, такъ и корма для скота» [1]), считая распространеніе ихъ полезнымъ въ виду постоянныхъ неурожаевъ, постигавшихъ Россію втеченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Вопросъ о плодопеременномъ хозяйствѣ постоянно занималъ вольно-экономическое общество. Втеченіи 1804 — 1830 годовъ по этому предмету предлагались конкурсныя задачи. Правительство съ своей стороны хлопотало о введеніи той же системы, а потому статья Мордвинова о введеніи плодопеременнаго хозяйства, по его предложенію, была отпечатана обществомъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и разослана, въ 1835 году, въ губернскія библіотеки и разныя заведенія. Вопросъ о плодоперемѣнномъ хозяйствѣ былъ вновь возбужденъ вольно-экономическимъ обществомъ въ 1861 году [2]).

Еще въ іюлѣ 1825 года прибылъ въ Россію извѣстный саксонскій овцеводъ, Шпекъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ правительству. По этому поводу были возбуждены пренія сначала въ вольно-экономическомъ обществѣ, а потомъ въ особомъ комитетѣ, членомъ котораго былъ Мордвиновъ. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно вслѣдствіе смерти императора Александра, дѣло это не получило надлежащаго теченія, и сношенія со Шпекомъ ограничились потомъ присылкою въ

---

[1]) С.-Петербургъ, 1840, типографія Алипанова.

[2]) Ходневъ, l. a., 168.

общество образцовъ шерсти. Но въ 1826 году Мордвиновъ поднялъ въ обществѣ вопросъ о выпискѣ изъ Моравіи трехъ овцеводовъ на счетъ общества, для улучшенія овцеводства (мериносовъ) въ южной Россіи и обученія хорошихъ пастуховъ. Общество же согласилось взять на себя и выписку овчаровъ, для желающихъ имѣть ихъ на свой счетъ [1]).

Съ цѣлью распространенія въ обществѣ полезныхъ хозяйственныхъ орудій и приготовленія моделей и машинъ, въ 1824 году было рѣшено обществомъ устроить свою мастерскую, но до 1828 года она существовала только по имени. Тогда, по предложенію Мордвинова, было положено дать мастерской болѣе широкое назначеніе и ассигновать на этотъ предметъ 10.000 рублей. 4 февраля 1829 года мастерская была устроена, и уже въ томъ же году въ общество поступило такъ много заказовъ, что трудно было удовлетворить ихъ. Между тѣмъ и музей общества значительно пополнился: новыя модели поступили отъ великаго князя Михаила Павловича, изъ гидрографическаго депо и отъ Мордвинова. Тогда рѣшено было расширить помѣщеніе музея, а для завѣдованія имъ былъ опредѣленъ механикъ Утгофъ [2]). Предсѣдатель III отдѣленія вольно-экономическаго общества, А. А. Саблуковъ, съ одобренія Мордвинова, доставилъ московскому обществу сельскаго хозяйства модели мордвиновскаго рухлителя, плужка, скоропашки и катка, одноконнаго и двухъ парныхъ плуговъ съ двойнымъ гриделемъ, рѣзцы которыхъ были устроены по образцу мордвиновскаго плуга, и другія модели машинъ и орудій, находившихся въ вольно-экономическомъ обществѣ [3]). По предложенію же Саблукова, вольно-экономическое общество вступило въ сношенія съ разными германскими обществами, и отправило въ Вѣну и Лейпцигъ, для тамошнихъ земледѣльческихъ обществъ, по одному экземпляру нѣкоторыхъ моделей, и въ

[1]) Ходневъ, 218—220.
[2]) Ibid., 246—247.
[3]) Масловъ, l. c., 91—92.

томъ числѣ одноконнаго плуга, парнаго плуга съ передкомъ и такого же плуга безъ передка съ рѣзцами, изобрѣтенными Мордвиновымъ [1]).

Въ 1826 году членомъ общества, т. с. Кикинымъ, былъ поднятъ вопросъ—почему общество не издаетъ журнала? («Труды» общества были прекращены въ 1821 году и не выходили до 1842 года). Мордвиновъ возражалъ на это тѣмъ, что записки общества вообще плохо расходятся, и потому полезнѣе издавать время отъ времени отдѣльныя сочиненія по экономическимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Такъ, обществомъ были изданы сочиненія: «О градоотводахъ», «Объ истребленіи саранчи», «Объ осушеніи болотъ» Элькингтона, и др. Затѣмъ общество приступило къ переводу «Земледѣльческой химіи» Дэви и «Сельскаго устава» Синклера; сочиненія «О шелководствѣ по системѣ Дандоло», и др. Въ 1833 и 1835 годахъ были изданы и «Труды» общества, но въ видѣ отдѣльныхъ статей, а не журнала. Въ президентство Мордвинова, за разсматриваемый періодъ, были изданы еще слѣдующія сочиненія: Систематическое изложеніе способовъ обезводненія болотистой почвы (1827 года); О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности, Щеглова (1828); О рафинированіи сахара (его же, 1829); О выгодахъ воздѣлыванія свекловицы и о добываніи изъ нея сахара (его же); О воздѣлываніи бороздами рѣпы (его же); Объ употребленіи хлористыхъ соединеній, для предохраненія отъ заразительныхъ веществъ (его же, 1830); Наставленіе о винодѣліи, Стойковича (1830); Руководство къ винокуренію, Неймана (1832); О предохранительныхъ трубахъ для винокуренныхъ приборовъ, Паррота (1833); Руководство къ практическому земледѣлію, Шверца, перев. съ нѣмецкаго (1834); Руководство къ сукнодѣлію, Гюэ (1835); Курсъ земледѣлія, Усова (1837); О воздѣлываніи крапа, Гартуха (1837), и др.

---

[1]) Ходневъ, 89. Въ Земледѣльческомъ Журналѣ на 1840 годъ Мордвиновъ помѣстилъ описаніе изобрѣтенной имъ печи для котловъ.

Кромѣ того, общество покупало нѣкоторыя сочиненія и подписывалось на многія полезныя изданія по сельскому хозяйству, химіи (Розе), механикѣ (Дюпена) и другимъ отраслямъ наукъ, входившихъ въ кругъ его дѣятельности, которыя нерѣдко, вмѣстѣ съ своими изданіями, разсылало безденежно не только по Россіи, но и въ славянскія земли [1]. Въ 1840 году, по предложенію Мордвинова, общество постановило издавать ежегодно по 5,000 экземпл. краткихъ сочиненій, для безденежной раздачи. Но оно не упускало и другаго, не менѣе важнаго способа вліянія на общество—публичныхъ лекцій. Такъ, въ протоколахъ вольно-экономическаго общества за 1830 годъ сказано: «*По прежнему*, читались безплатно лекціи по части физики, химіи и лѣсоводства; *число посѣтителей было такъ велико*, что зала общества, при всей обширности, иногда не вмѣщала ихъ». Лекціи по сельскому хозяйству начались съ 1832 года. Ихъ читалъ лѣсничій Перелыгинъ; но онѣ посѣщались не многими. Съ 1835 года эти лекціи читались уже профессоромъ Усовымъ. Лекціи по физикѣ, въ 1831 году, читалъ извѣстный Парротъ, на французскомъ языкѣ, и сборъ съ нихъ былъ назначенъ въ пользу глазной лечебницы и осиротѣвшихъ по случаю холеры [2].

Публичныя лекціи Мордвиновъ принималъ весьма близко къ своему сердцу. Передъ открытіемъ лекцій по сельскому хозяйству онъ самъ произнесъ рѣчь, и затѣмъ раздалъ присутствовавшимъ свою книжку о плодопеременномъ хозяйствѣ [3]. Плохое состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи даже возмущало его. Онъ постоянно твердилъ о необходи-

---

[1] Замѣчательно, что въ 1838 году вольно-экономическимъ обществомъ было куплено и «слово противу пьянства», для распространенія въ народѣ (Ходневъ, 283), конечно то самое, которое представлялъ Мордвиновъ государю вмѣстѣ съ своими предложеніями противъ распространенія пьянства.

[2] Ходневъ, 100—101, 142—149; 282—283, 288.

[3] Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. X.

мости министру финансовъ озаботиться развитіемъ земледѣлія; онъ скорбѣлъ, что нѣтъ земледѣльческаго класса въ Россіи, въ достойномъ смыслѣ этого слова; нѣтъ профессоровъ земледѣлія, а помѣщики вовсе не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, предпочитая «играть въ карты, или разводить псарни для охоты за зайцами» [1]). И мы увидимъ далѣе, что съ именемъ Мордвинова у насъ связано возведеніе сельскаго хозяйства на степень науки и открытіе каѳедръ по этой наукѣ.

Понятно, что при такомъ взглядѣ на вещи, Мордвиновъ не упускалъ изъ вида ни одного изъ средствъ, которое могло бы поднять Россію въ экономическомъ отношеніи. Въ 1830 году у него созрѣлъ уже планъ распространенія въ Россіи полезныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній посредствомъ публичныхъ библіотекъ; но этотъ планъ замѣчателенъ и въ общемъ отношеніи, такъ какъ посредствомъ нихъ Мордвиновъ думалъ способствовать развитію въ Россіи общественнаго мнѣнія и духа общественности. Въ интересахъ этого дѣла, онъ, какъ президентъ вольнаго экономическаго общества, обратился, 23-го апрѣля 1830 года, къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, А. А. Закревскому, съ «мнѣніемъ объ учрежденіи публичныхъ библіотекъ въ Россіи» (за № 222) слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Арсеній Андреевичъ!

«Зная изъ многихъ случаевъ, что народное просвѣщеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и народная, въ особенности же земледѣльческая промышленность, весьма много замедляются у насъ въ своихъ успѣхахъ, отъ коихъ зависитъ усовершеніе общежительности и возрастаніе народнаго богатства,—недо-

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. X.

статкомъ по россійскимъ губерніямъ средствъ къ полученію *основательныхъ о наукахъ и искусствахъ разнаго рода свѣдѣній*, ибо таковыя средства находятся доселѣ только въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, гдѣ заведены публичныя библіотеки для чтенія, и гдѣ всякій небогатый человѣкъ можетъ, по крайней мѣрѣ за небольшую плату, пользоваться *всѣми сочиненіями и журналами на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ*, императорское вольно-экономическое общество, пекущееся о усовершеніи народной промышленности, поручило мнѣ отнестись къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изыщете-ли вы средствъ, чрезъ сношеніе съ начальниками губерній и предводителями дворянства, къ заведенію публичныхъ библіотекъ, въ коихъ бы *всѣ жители оныхъ* могли пользоваться чтеніемъ книгъ, выходящихъ по крайней мѣрѣ на русскомъ языкѣ, и въ коихъ могли бы составляться общія подписки на полученіе россійскихъ литературныхъ и ученыхъ журналовъ, подобно тому, какъ сіе заведено въ Одессѣ. Общество обѣщаетъ съ своей стороны, для положенія основанія такимъ библіотекамъ, доставить въ оныя *по два экземпляра всѣхъ изданныхъ имъ доселѣ сочиненій и переводовъ безденежно*, да и впредь доставлять такимъ же образомъ всѣ печатаемыя имъ книги. Оно не сомнѣвается, что примѣру его послѣдуютъ и всѣ прочія россійскія ученыя общества, и даже многіе частные сочинители и издатели, какъ это доказано уже примѣромъ одесской библіотеки.

«Для начальнаго обзаведенія таковыхъ библіотекъ помѣщеніемъ, мебелью и другими потребностями, безъ сомнѣнія потребуются небольшія суммы, кои дворянскія и градскія общества не укоснятъ пожертвовать на пользу общую.

«Я увѣренъ, что ваше высокопревосходительство, по любви вашей ко всему полезному для отечества, не оставите безъ уваженія сіе желаніе вольно-экономическаго общества: ибо исполненіе онаго чрезвычайно много можетъ способствовать народнымъ улучшеніямъ во всѣхъ родахъ и будетъ,

безъ сомнѣнія, не только эпохою въ семъ отношеніи, но и великимъ памятникомъ счастливаго и благодѣтельнаго царствованія его императорскаго величества и памятникомъ исполнителей благихъ намѣреній его.

«*Извѣстно, что богатые люди у насъ большею частью почти ничего не читаютъ и не слѣдуютъ за успѣхами наукъ и промышленности*, а средняго состоянія и недостаточные граждане не имѣютъ возможности пользоваться книгами и періодическими сочиненіями, кои бы знакомили ихъ *съ ходомъ и успѣхами просвѣщенія*; ибо, при теперешнемъ положеніи городовъ нашихъ, всякій долженъ покупать для себя книги и журналы, ежели хочетъ пользоваться ими, *а сіе требуетъ въ годъ болѣе 500 рублей издержекъ даже на однѣ россійскія, сколько нибудь замѣчательныя книги* (таковы были требованія Мордвинова!), издержки же сего рода для немногихъ возможны. Съ учрежденіемъ публичныхъ библіотекъ не только прекратится препятствіе народному просвѣщенію, ибо всякій, за пожертвованіе на содержаніе библіотеки одного рубля, или даже гораздо менѣе, въ состояніи будетъ пользоваться полезнѣйшими и россійскими, и даже иностранными сочиненіями и журналами, но и откроются *многіе другіе способы къ народнымъ улучшеніямъ*.

«Съ этимъ учрежденіемъ: *во первыхъ, возродится въ городахъ нашихъ духъ общественности и взаимныхъ совѣтовъ у жителей, кои нынѣ не имѣютъ общаго мѣста для встрѣчи и разсужденій о дѣлахъ, касающихся успѣховъ просвѣщенія и промышленности*; *во вторыхъ*, откроется большой *сбытъ для хорошихъ сочиненій* по части наукъ и промышленности, кои *доселѣ у насъ почти не имѣютъ хода*, а чрезъ то многіе изъ ученыхъ людей обратятся *къ изданію полезныхъ книгъ*; *въ третьихъ*, откроются мѣста, въ кои могутъ посылать *для обнародованія* сочинители, изобрѣтатели машинъ и усовершенствованныхъ способовъ промышленности и предприниматели раз-

ныхъ нововведеній—свои проекты, разсужденія, программы, описанія, модели и рисунки разныхъ изображеній; *въ четвертыхъ*, откроется возможность черезъ мѣста сіи *собирать разныя статистическія свѣдѣнія*, коихъ недостатокъ столько чувствителенъ въ Россіи, и проч., и проч.

«Всѣ сіи выгоды столь важны *въ государственномъ отношеніи*, что, мнѣ кажется, сіе дѣло совершено быть можетъ однимъ усердіемъ дворянскихъ и градскихъ обществъ, ежели начальники губерній примутъ въономъ должное участіе.

«Съ истиннымъ почтеніемъ», и проч. [1]).

Вотъ какихъ результатовъ ожидалъ Мордвиновъ отъ столь полезнаго учрежденія, широкая программа котораго и до сихъ поръ, можно сказать, не устарѣла, не смотря на множество библіотекъ, заведенныхъ съ тѣхъ поръ въ Россіи. Посмотримъ, однако, какъ отнеслись къ предложенію Мордвинова въ то время.

Министръ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительно обратился съ циркуляромъ къ издателямъ журналовъ и многимъ литераторамъ [2]). Но только двое изъ нихъ отвѣчали подробными письмами, вполнѣ обрисовывающими личныя и литературныя достоинства обоихъ писателей. Это были — Полевой и Булгаринъ. Полевой увидѣлъ въ предложеніи Мордвинова и министра «споспѣшествованіе отечественному просвѣщенію» и «патріотическое дѣло», и потому тогда же принесъ въ даръ предполагаемымъ библіотекамъ по 50 экземпляровъ всѣхъ своихъ изданій, не исключая и журнала «Московскій Телеграфъ». Но Булгаринъ, со свойственною ему меркантильностью, взглянулъ на это дѣло иначе. Онъ заговорилъ въ письмѣ о необходимости упрочить сначала без-

---

[1]) Сборн. Рус. истор. общества, II, 413—415.

[2]) Губернаторамъ же поручено было снестись съ предводителями дворянства, директорами гимназій и любителями книжнаго дѣла для обсужденія плана Мордвинова. Варадиновъ, Истор. м. вн. д., т. III, ч. 1, 309.

бѣдное существованіе литераторовъ, а потомъ уже обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ, и увѣрялъ, что редакціи потеряютъ отъ пожертвованій болѣе, нежели по 30.000 руб., а литераторы, участвующіе въ его журналѣ, даже онъ самъ вмѣстѣ съ Гречемъ, лишатся куска хлѣба, и т. п. Между тѣмъ, предложеніе вольнаго экономическаго общества не имѣло вовсе принудительнаго характера и выходило скорѣе изъ сознанія равнодушія остальнаго общества, а тѣмъ болѣе ничего не читавшихъ лукулловъ. Но Булгаринъ не ограничился и тѣмъ. Въ своемъ письмѣ онъ напалъ на самого Мордвинова, упрекалъ его въ пожертвованіи чужаго добра, въ разладѣ его мнѣній съ дѣломъ (опять относительно пожертвованій), и въ заключеніе обозвалъ его даже «любимцемъ фортуны» [1]).

Не смотря на подобное отношеніе къ одному изъ достойнѣйшихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, мы не станемъ распространяться здѣсь въ защиту Мордвинова; мы замѣтимъ только, что имъ былъ пожертвованъ значительный капиталъ на изданіе «Сельской Библіотеки», которая не менѣе того заслуживала поддержки, и были сдѣланы другія пожертвованія, о которыхъ намъ прійдется сказать ниже.

Говорятъ, что распространеніе холерной эпидеміи помѣшало на первыхъ порахъ осуществленію предложенія Мордвинова. Прежде же другихъ на него отозвалось орловское дворянство, обратившись въ вольно-экономическое общество за высылкою изданій послѣдняго, послѣ чего (въ 1833 году) была открыта публичная библіотека въ Орлѣ. Въ 1833 году библіотеки были открыты во Псковѣ, Тулѣ и Харьковѣ, также получившія изданія вольно-экономическаго общества.

[1]) Письма Полеваго и Булгарина, отъ 17 и 19 іюля 1830 года. На письмѣ послѣдняго сдѣлана, вполнѣ заслуженная имъ, приписка А. А. Закревскаго: «Не ожидалъ отъ него такого отвѣта, а тѣмъ болѣе съ укоризною другихъ; могъ просто отказаться, и тѣмъ дѣло кончено, но давать нравоученія не его дѣло. *Очень сожалѣю, что къ нему писалъ*». 25 іюля 1830. Сборникъ Русск. истор. общества, II, 415—418.

Тогда же общество снабдило книгами осташковскую общественную библіотеку [1]). 29 мая 1834 года государь утвердилъ постановленіе комитета министровъ о разрѣшеніи тамбовскому дворянству образовать капиталъ на акціяхъ въ 50.000 рублей, для устройства публичной библіотеки въ Тамбовѣ (въ нѣсколько тысячъ томовъ); но съ тѣмъ, чтобы каталогъ русскихъ книгъ былъ представленъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, а списокъ иностранныхъ сочиненій—на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія, причемъ послѣднему были подчинены всѣ публичныя библіотеки [2]). Въ 1836 году публичныя библіотеки были открыты въ Уфѣ, Черниговѣ и Симферополѣ; въ 1839 году—въ Кунгурѣ, Красноярскѣ; въ 1847 году—въ Орловѣ, Ревелѣ, Томскѣ, Иркутскѣ и Тифлисѣ; въ 1859 году—въ Устьсысольскѣ и Новгородѣ, и т. д. [3]). Впрочемъ, даже по открытіи этихъ библіотекъ, не слѣдуетъ имъ придавать слишкомъ широкаго общественнаго значенія: такъ, въ Симбирскѣ, хотя принялись за составленіе библіотеки немедленно послѣ министерскаго предписанія, но до 1848 года въ ней было не болѣе 20—30 книжекъ, случайно пожертвованныхъ, и только въ этомъ году, при содѣйствіи мѣстныхъ дворянъ, особенно братьевъ Языковыхъ, составъ библіотеки былъ доведенъ до 4,000 томовъ, и она была открыта подъ име-

---

[1]) Ходневъ, 289—290. Въ 1833 году было дано *разрѣшеніе* на открытіе библіотекъ въ Астрахани, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Екатеринославѣ, Иркутскѣ, Орлѣ, Новгородѣ, Полтавѣ, Кам.-Подольскѣ, Перми, Петропавловскѣ, Харьковѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, Томскѣ, Осташковѣ, Рязани, Могилевѣ, Калугѣ и Саратовѣ; кромѣ того, предположено было открыть библіотеки въ Нижнемъ Новгородѣ, Пензѣ и Ревелѣ. Но многія изъ этихъ библіотекъ остались только на бумагѣ. Въ Казани министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ 2 раза въ недѣлю посѣщать университетскую библіотеку. Варадиновъ, Ист. мин. внутр. дѣлъ, т. III, ч. 1, 309.

[2]) Второе Полн. собран. закон., царств. импер. Николая I, т. IX, ч. 1, № 7,125.

[3]) Ходневъ, 290.

немъ Карамзинской [1]). Не смотря однако на всю шаткость и медленность этого дѣла, почипъ въ повсемѣстномъ распространеніи публичныхъ библіотекъ въ Россіи, безъ сомнѣнія принадлежитъ Мордвинову и вольно-экономическому обществу.

Вопросъ объ улучшеніи земледѣлія въ Россіи былъ все таки подвинутъ впередъ, по другимъ способомъ, о которомъ намъ предстоитъ сказать теперь.

Мордвиновъ не разъ хлопоталъ передъ правительствомъ объ увеличеніи средствъ вольно-экономическаго общества, указывая приэтомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность общества значительно расширится. Съ этою цѣлью онъ не разъ представлялъ даже программу дѣятельности общества, или указывалъ на какіе предметы необходимо употребить испрашиваемыя имъ суммы. Такъ, въ письмѣ отъ 13 марта 1828 года, онъ ходатайствовалъ у государя о назначеніи вольно-экономическому обществу на 50 лѣтъ дохода изъ оброчныхъ статей въ 100.000 рублей, и представилъ приэтомъ выписку изъ журнала вольно-экономическаго общества 1824 года о необходимости расширенія его круга дѣятельности. Общество предполагало назначать награды за рѣшеніе задачъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности, производить опыты по сельскому хозяйству и пробу сельскихъ орудій, распространять машины, снабжать моделями, заводить ремесленныя и земледѣльческія школы, печатать извѣстія о новыхъ открытіяхъ и поддерживать постоянныя сношенія съ иностранными учеными [2]).

Но Канкринъ, при своей тугости на подобные расходы, не счелъ нужнымъ поддержать предложеніе Мордвинова. Въ другой разъ комитетъ министровъ отказалъ Мордвинову въ 50.000 рубляхъ, которые онъ испрашивалъ на улучшеніе

---

[1]) Библіографическія Записки, II, 159.

[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

земледѣлія. Но разрѣшеніе тѣмъ же комитетомъ 7-ми милліоновъ на постройку театра и лавокъ въ Петербургѣ, вызвало Мордвинова, въ 1833 году, на заявленіе о такомъ противорѣчіи въ распоряженіяхъ комитета, по двумъ столь противоположнымъ предложеніямъ.

Вотъ что писалъ по этому поводу Мордвиновъ въ комитетъ министровъ, какъ президентъ вольно-экономическаго общества: «Лесть громко твердитъ, что Россія во всемъ преуспѣваетъ, *и ходъ ея въ просвѣщеніи гораздо быстрѣе въ сравненіи съ другими народами.* Не говоря уже о противномъ тому, куда мы ни обратимся по внутреннимъ ея дорогамъ, стоитъ только выѣхать изъ воротъ Петербурга и Москвы, то должны будемъ убѣдиться, что Россія находится и нынѣ въ дикомъ, неблагообразномъ, древнемъ ея видѣ. Первая процвѣтавшая въ Россіи фабрика была парчевая. За пятьдесятъ лѣтъ назадъ мы выливали зеркала той величины, какой ни одна роскошнѣйшая въ Европѣ страна не имѣла; дѣлали фарфоровыя вазы, огромностью, живописью и позолотою удивлявшія иностранцевъ, но не было у насъ ни хорошихъ для оконъ стеколъ, ни глиняной посуды, необходимо нужныхъ для каждаго дому; гранили хрусталь на подобіе драгоцѣнныхъ камней, но не имѣли бутылокъ; имѣли столы съ преузорочною на нихъ наклейкою изъ разноцвѣтныхъ деревъ, но топорами въ лѣсахъ обдѣлывали доски и домашнюю утварь; построили въ Ямбургѣ огромнѣйшія зданія для суконной фабрики, а на овцахъ нашихъ росла простая, грубая шерсть, и обширныя степи наши лежали впустѣ, безъ овечьихъ стадъ; кареты наши не уступали англійскимъ, но на торговыхъ площадяхъ нашихъ видимъ чухонскія двухколесныя телѣжки; носимъ московскаго произведенія тафту, гродетуръ и атласъ, а полотна на рубашки наши покупаемъ у голландцевъ и англичанъ; вышиваемъ золотыми нитками блестящіе уборы, льняныя же нитки сучимъ на веретенахъ, помачивая оныя слюною, при лучинѣ, на верстакѣ свѣтящей; украшаемъ дома наши

позлащенною бронзою собственнаго рукодѣлія, а мѣдь очищаемъ не иначе, какъ очищали ее въ другихъ странахъ за 80 лѣтъ назадъ; дѣлаемъ отличные ланцеты и хирургическіе инструменты, а серпы, косы, ножи и вилки выписываемъ изъ чужихъ краевъ; имѣемъ великолѣпный с.-петербургскій ботаническій садъ, со всѣми рѣдкими произрастаніями отдаленнѣйшихъ странъ міра, но на поляхъ нашихъ повсемѣстно существуетъ паренина, изнуряющая скотъ; имѣемъ огромныя и многочисленныя зданія, но нѣтъ у насъ ни одного малаго дома *для школы взаимнаго обученія*; С.-Петербургъ, великолѣпнѣйшій въ мірѣ городъ, окруженъ болотами, какъ драгоцѣнный брилліантъ, въ свинцѣ обложенный; всѣ почти мы говоримъ и пишемъ по французски, *а своего природнаго русскаго языка не знаемъ*... Стоитъ обратить взоры на мѣста ремесленныя, промышленныя и торговыя карты россійской — какая откроется пустота и безобразіе на великомъ ея пространствѣ! Не благополезно ли при такомъ нашемъ состояніи повторять: *начинайте съ начала*»? [1])

Но 1833 годъ, памятный въ хозяйственныхъ лѣтописяхъ Россіи, какъ одинъ изъ самыхъ бѣдственныхъ, неурожайныхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, заставилъ подумать о болѣе серьозныхъ мѣрахъ для улучшенія сельскаго хозяйства, нежели отдѣльныя, частныя предположенія. И вотъ, среди заботъ, которыми было занято по этому поводу правительство осенью 1833 года, снова раздался откровенный и правдивый голосъ Н. С. Мордвинова. Ознакомившись уже съ достаточною полнотою со взглядами Мордвинова на причины экономической несостоятельности Россіи, понятно, «что онъ не могъ удовлетвориться даже и тѣми энергическими мѣрами и тою обширною системою всякаго рода пособій, къ которымъ прибѣгало правительство, чтобы помочь нуждающимся населеніямъ. Мордвиновъ видѣлъ въ посѣтив-

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XI.

шемъ Россію бѣдствіи только *неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ отсталыхъ системъ хозяйства, которыя господствовали на всемъ ея пространствѣ*, и потому считалъ необходимымъ лечить зло въ самомъ его корнѣ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился обратить вниманіе самого государя на причины неудовлетворительнаго положенія тогдашняго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, и указать на тѣ средства, которыя, по мнѣнію его, могли бы содѣйствовать радикальнымъ образомъ постепенному измѣненію этого положенія, въ надеждѣ, что правительство приступитъ, по крайней мѣрѣ, хотя къ испытанію нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ» [1]).

23-го сентября 1833 года, Мордвиновъ представилъ государю по этому предмету особую записку, при письмѣ, въ которомъ онъ настоятельно говоритъ, что «время помыслить о скудныхъ доходахъ государственнаго казначейства», что «природа щедро наградила Россію, но народъ не богатъ, болѣе нуждающійся», что онъ «утверждаетъ свою надежду въ достиженіи успѣха на единой высочайшей волѣ», такъ какъ до сихъ поръ онъ испытывалъ «однѣ только отсрочки и отказы въ ходатайствахъ и представленіяхъ», между тѣмъ «время уходитъ и исчезаетъ невозвратно» [2]).

Въ запискѣ Мордвиновъ писалъ: «Признано за непреложную истину, что начало богатства, а съ нимъ и благосостояніе народа, возникаютъ отъ плодовъ, землею произращаемыхъ. Но изобиліе и качество плодовъ зависятъ *отъ степени просвѣщенія въ наукѣ сельскаго хозяйства*; сія же наука, полезнѣйшая въ составѣ всѣхъ другихъ, мало еще извѣстна въ Россіи, ибо *ни въ одномъ учебномъ заведеніи не преподается.* Отъ сего существеннаго, при воспитаніи юношества, недостатка, государственные доходы остаются и до нынѣ въ скудномъ ихъ состояніи, не соот-

---

[1]) Вешняковъ, Комитетъ 1833 года, объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, Русск. Вѣстн., 1869, іюль, 286—287.

[2]) Ibid., 289—290.

вѣтствующемъ ни пространству обладаемой земли, ни многоразличнымъ угодьямъ ея, ни числу народа... Крестьяне пашутъ, сѣютъ, жнутъ, какъ пахали, сѣяли и жали *за сто лѣтъ тому назадъ*. Паренина вездѣ существуетъ; треть пахатной земли ежегодно остается безплодною; жатва вообще едва ли приноситъ *четыре зерна, вмѣсто 15 и 20* при усовершенствованномъ хозяйствѣ; да и сіи скудныя зерна суть обыкновенно рожь, овесъ, греча, малоцѣнныя *и болѣе истощающія* землю.

«Не выведя изъ бѣдности земледѣльца, будетъ неминуемо *бѣденъ городской житель*, и сія бѣдность распространяется на *всѣ сословія* народа. Дворяне, обладатели земель, обреченные на службу военную и гражданскую, не живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, а притомъ *и мало просвѣщенные въ сельскомъ хозяйствѣ*, предоставляютъ заурядъ обработываніе полей старостамъ, бургомистрамъ, не знающимъ ни употребленія усовершенствованныхъ орудій, облегчающихъ работу, ни присвоенныхъ каждому роду земли особыхъ сѣвооборотовъ, отъ коихъ зависятъ богатые урожаи, ни посѣва травъ, питательныхъ для скота и дающихъ съ десятины отъ 500 до 1000 пудовъ сѣна, вмѣсто нынѣшнихъ 50-ти, накашиваемыхъ съ дикихъ, обыкновенныхъ луговъ, на коихъ часто растетъ кислая, тощая, а иногда даже и ядовитая трава. Чтобы замѣнить невѣжество искусствомъ, наставить и научить тому, что другіе просвѣщенные въ Европѣ народы ввели въ употребленіе по сельскимъ хозяйствамъ съ безчисленными выгодами, Россія не имѣетъ еще *особаго сословія*, занимающагося наукою усовершенствованнаго земледѣлія, изъ котораго избираемы были бы управители искусные и опытные».

Исходя изъ этихъ основаній, Мордвиновъ, какъ президентъ вольно-экономическаго общества, единственнаго въ то время центральнаго сельско-хозяйственнаго, хотя и не правительственнаго органа, имѣвшаго цѣлью «созидать народное богатство, стяжаемое изъ трехъ источниковъ: земли, руко-

дѣлія и промышленности», ходатайствовалъ о дарованіи обществу 78.000 руб. ассигн., для распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, посредствомъ обученія молодыхъ людей практической агрономіи въ Россіи и за границей, продажей дешевыхъ популярныхъ руководствъ по сельскому хозяйству, приготовленіемъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, учрежденіемъ одного новаго экономическаго общества, одного земледѣльческаго института и образцовой усадьбы.

Въ заключеніе, Мордвиновъ заявляетъ, что онъ хлопочетъ не о нуждахъ и выгодахъ вольно-экономическаго общества, но о пользахъ государства: «Стяжать богатство или вѣчно бороться со скудостью—о семъ предлежитъ вопросъ», говоритъ онъ. «Благословенъ будетъ Россіею часъ разрѣшенія сего вопроса: съ нимъ возникнетъ благосостояніе 40 милліон. народа, живущаго въ селахъ и деревняхъ» [1]).

Записка Мордвинова была принята государемъ благосклонно и передана Канкрину для доклада.

---

[1]) Записка Мордвинова во Втор. полн. собр. закон. (1833, № 6567), въ приложеніи къ высочайше утвержденному 14-го ноября 1833 года положенію комитета министровъ, объ усиленіи способовъ в.-э. общ., состоявшемуся вслѣдствіе разсмотрѣнія означенной записки (Русск. Вѣстн., 1869, іюль, 287). Распредѣленіе суммы Мордвиновъ полагалъ сдѣлать такимъ образомъ: 10.000 р. назначить на земледѣльческій институтъ; 8,000 р. на четырехъ студентовъ, обучающихся за границею; 24.000 р. на пособіе помѣщикамъ, желающимъ обучить крестьянъ сельскому хозяйству въ московской земледѣльческой школѣ и школѣ гр. Строгоновой (всего на 80 чел.); 6.000 рублей на продажу дешевыхъ книгъ; 6.000 рубл. на заведеніе экономическихъ обществъ въ губерніяхъ; 4.000 р. на составленіе подземной карты Россіи; 6.000 р. на устройство усовершенствованныхъ орудій. Кромѣ того, онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи обществу займа въ 200.000 р. на заведеніе образцовой усадьбы возлѣ Петербурга, со внесеніемъ 14.000 р. процентовъ изъ суммы (78.000), просимой на усиленіе способовъ в.-э. общества. (См. также Собран. мнѣн. Мордвинова, т. XI). Тверскую губернію Мордвиновъ предлагалъ сдѣлать образцовою по земледѣлію, каковы были Норфолькская область въ Англіи, нѣкоторыя селенія во Франціи и ростовскіе огородники съ Петра В. въ Россіи.

«Графъ Канкринъ, говоритъ авторъ статьи о земледѣльческомъ комитетѣ 1833 года, наслѣдовавшій отъ своего предшественника государственные финансы далеко не въ блистательномъ положеніи, и въ виду неблагопріятныхъ условій, созданныхъ неурожаемъ 1833 года и вызванныхъ имъ чрезвычайныхъ расходовъ, не могъ, конечно, принять съ большимъ сочувствіемъ предложеніе Мордвинова, объ открытіи новаго кредита вольно-экономическому обществу въ 78.000 рублей. Поэтому понятно, что, соглашаясь, повидимому, съ общею мыслію записки адмирала Мордвинова, графъ Канкринъ старался ослабить производимое ею впечатлѣніе посредствомъ тѣхъ *громкихъ и лестныхъ* для національнаго самолюбія, *хотя и мало заключавшихъ въ себѣ истины, фразъ,* къ которымъ нерѣдко любитъ прибѣгать *бюрократическая рутина,* когда она возстаетъ противъ какой либо новой мѣры или предложенія» [1]).

Таковъ былъ духъ доклада Канкрина, представленнаго государю 6-го октября 1833 года, въ отвѣтъ на записку Мордвинова. Но, чтобы хоть сколько нибудь умѣрить жаръ Мордвинова въ такомъ дѣлѣ, Канкринъ предложилъ выдавать обществу ежегодно по 20.000 р. ассигнац. на новыя его нужды (посылку молодыхъ людей за границу, и т. п.), а записку Мордвинова—передать въ комитетъ министровъ. Въ этомъ послѣднемъ записка президента вольно-экономическаго общества была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ; только комитетъ министровъ полагалъ, что, для подробнаго обсужденія предложеній Мордвинова, необходимо образовать спеціальный комитетъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ. Мнѣніе это было одобрено государемъ, и въ томъ же году уже былъ учрежденъ *комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи,* изъ семи членовъ: графа Канкрина, министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова, адмирала Мордвинова, д. т. сов. князя В. П. Кочубея, графа

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1869, іюль, 290.

И. В. Васильчикова, егермейстера Д. В. Васильчикова и обергофмаршала К. А. Нарышкина [1]). Председательство въ комитетѣ принадлежало по старшинству адмиралу Мордвинову, а дѣлопроизводствомъ его занимался директоръ канцеляріи министра финансовъ, д. ст. сов. А. М. Княжевичъ, бывшій впослѣдствіи министромъ финансовъ.

Болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ провелъ комитетъ въ своихъ занятіяхъ по означенному вопросу, и пришелъ къ заключенію о необходимости: а) изданія особой земледѣльческой газеты, по возможно-дешевой цѣнѣ; b) учрежденія нѣсколькихъ земледѣльческихъ заведеній съ опытными хуторами, доступныхъ для крестьянъ и разнаго званія людей, и с) устройства механическаго заведенія для приготовленія орудій съ отдѣльными депо въ губерніяхъ, для продажи ихъ (при школахъ, а также въ Кіевѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Тамбовѣ). Расходъ на ежегодное содержаніе каждой школы вычисленъ былъ въ 125.000 р. асигнац., а единовременный, на устройство ихъ, въ 575.000 рублей. На механическое заведеніе единовременно и ежегодно полагалось по 25.000 рублей. Для успѣшнаго веденія этого дѣла и постояннаго надзора за новыми и прежними сельско-хозяйственными учрежденіями, комитетъ полагалъ учредить должность главнаго директора земледѣльческихъ заведеній и центральное управленіе при немъ, съ постояннымъ штатомъ въ 68.000 рублей. Директору предполагалось дозволить присутствовать, съ правомъ совѣщательнаго голоса, въ комитетѣ министровъ и департаментѣ экономіи государственнаго совѣта. «Земледѣльческій департаментъ» Мордвиновъ полагалъ подчинить вѣдѣнію министерства финансовъ; но Канкринъ, ссылаясь на множество занятій, отклонилъ отъ себя эту честь.

Журналъ комитета, съ отдѣльными проектами по указаннымъ предметамъ, былъ представленъ государю 7 февраля

---

[1]) Журн. комит. мин. и высоч. утвержд. положеніе комитета, 14-го ноября 1833 года, во Втор. полн. собран. закон. (1833, № 6567).

1834 года, а 23 февраля возвращенъ министру финансовъ для внесенія въ государственный совѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ внесенъ въ совѣтъ и проектъ манифеста, составленный Мордвиновымъ, который хотѣлъ придать этою санкціею особенное значеніе дѣятельности комитета. Предположенія послѣдняго разсматривались сначала въ департаментѣ экономіи, а потомъ въ общемъ собраніи (журналы 23 марта и 6 и 27 апрѣля 1834 года, а также 2 февраля и 11 марта 1835). Но и совѣтъ нашелъ проекты комитета отчасти рановременными, отчасти недостаточно разработанными, и особенно не соглашался на ассигнованіе значительной суммы, въ виду затруднительнаго положенія казначейства. «Такимъ образомъ, цѣль графа Канкрина была достигнута... Сочувствіе, выраженное имъ, было чисто формальное, заявленное болѣе изъ приличія; для осуществленія же проектовъ нашлось столько препятствій, что можно было считать это дѣло почти совершенно погибшимъ. Не таковъ былъ бы исходъ, если бы графъ Канкринъ и по личному своему авторитету, и по участію въ работахъ комитета 1833 года, и по званію министра финансовъ, принялъ на себя трудъ отстаивать предложенія комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, и заявилъ, что найдетъ средства для ихъ осуществленія» [1].

Но Мордвиновъ не остановился передъ препятствіями. Въ 1834 году онъ обратился въ совѣтъ (въ маѣ), съ просьбою поддержать предложенія комитета по усовершенствованію хозяйства; онъ указывалъ, что усовершенствованіе послѣдняго избавило бы государственную роспись «отъ гибельнаго пятна—откупной статьи», и къ прежнимъ своимъ желаніямъ присоединялъ уже новыя: онъ заявлялъ о необходимости ассигновать 460.000 рублей на открытіе каѳедръ по агрономіи въ учебныхъ заведеніяхъ, 60.000 рублей на публичныя лекціи въ городахъ по сельскому хозяйству и 60.000 рублей на лекціи по естественнымъ наукамъ, 1 милліонъ рублей на заведеніе земледѣльческихъ школъ, нако-

[1]) Русскій Вѣстникъ 1869, іюль, 297.

нецъ по 10.000 рублей на каждую изъ 60 губерній, для устройства экономическихъ обществъ [1]). Дѣлая подобныя настоянія, Мордвиновъ справедливо полагалъ, что полумѣры ни къ чему не приведутъ...

Потерпѣвъ пораженіе въ своихъ планахъ, Мордвиновъ попытался еще разъ обратиться къ государю. Дѣйствительно, императоръ Николай не утвердилъ мнѣнія государственнаго совѣта и потребовалъ отъ министра финансовъ заключенія, какимъ образомъ онъ находитъ возможнымъ «приступить къ сему полезному дѣлу, не отлагая безъ крайней нужды» [2]). Между прочимъ, въ письмѣ къ императору Николаю, отъ 2 апрѣля 1835 года, Мордвиновъ писалъ: «Я не могу убѣдиться, чтобы въ настоящеее время Россія дошла уже до того изнеможеннаго состоянія, которое лишило бы ее всѣхъ способовъ отыскать нѣсколько милліоновъ рублей, числомъ малыхъ, и чтобы важнѣйшій подвигъ для преумноженія доходовъ, коихъ требуетъ самая необходимость, отлагаемъ былъ еще на дальнѣйшее время». Указавъ далѣе, что деньги всегда были находимы, когда было нужно, Мордвиновъ заключаетъ свое письмо такъ: «Въ настоящемъ же случаѣ *министръ финансовъ имѣлъ деньги въ готовности*, и, внося въ государственный совѣтъ предположенія комитета, ожидалъ только разрѣшенія на употребленіе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, при утвержденіи вашимъ величествомъ тѣхъ предположеній, какъ ведущихъ къ устроенію счастливой судьбы имперіи вашей и къ доставленію государственному казначейству изобильныхъ доходовъ, деньги найдены будутъ и недостатка въ оныхъ не явится» [3]).

Видя главную помѣху такому полезному дѣлу въ Канкринѣ, Мордвиновъ уже пересталъ щадить его взгляды на

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XI.

[2]) 25 іюня 1834 года Мордвиновъ былъ возведенъ даже въ потомственное достоинство графа Россійской имперіи, что не обошлось однако безъ интригъ.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1869, іюль, 298—299.

этотъ предметъ. Онъ замѣчалъ ему, что «если обсужденіе этого дѣла встрѣтитъ въ совѣтѣ возраженія, то прійдется согласиться, что отъ существующихъ въ Россіи университетовъ, гимназій, академій, корпусовъ, лицеевъ, государство не пріобрѣло никакой пользы, и что расходы на нихъ истрачены напрасно, а затѣмъ прійдется признать и другую истину, что въ учебныхъ заведеніяхъ полезно намъ имѣть профессоровъ танцованія, вольтижированія, но намъ вовсе не нужны ни учители сельскаго хозяйства, ни просвѣщенные и искусные управители въ деревняхъ» [1]).

Такимъ образомъ, 1834 годъ прошелъ безъ всякаго успѣха, не смотря на постоянныя увѣренія Канкрина передъ Мордвиновымъ, «что онъ не перестанетъ настаивать о необходимости улучшенія у насъ сельскаго хозяйства въ совокупности съ лѣсною частью» (въ письмѣ отъ 5 апрѣля 1835 года). Въ государственномъ совѣтѣ онъ не доказалъ этого сочувствія, и расположеніе его къ «отрицательному рѣшенію совѣта не подлежитъ сомнѣнію». Ему удалось устранить вопросъ о необходимости учрежденія особаго управленія по земледѣлію; но, вслѣдствіе настоянія государя объ осуществленіи предположеній комитета 1833 года, онъ «рѣшился, съ искусствомъ ловкаго государственнаго человѣка, разработать нѣсколько частныхъ предложеній комитета», пожертвовавъ на это изъ государственнаго казначейства нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Такимъ образомъ, въ 1835 году уже было пріискано мѣсто для открытія казенной земледѣльческой школы, въ оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, а въ 1836 году приступлено къ ея устройству (открытіе же ея состоялось 15 августа 1840 года). На ежегодное содержаніе школы было опредѣлено по 135.000 рублей (38.580 рублей серебромъ) и въ распоряженіе ея отдано казенное Горыгорѣцкое имѣніе, съ оброчными статьями и 2,735 душъ крестьянъ. Въ 1836 году,

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1869, іюль, 300.

при технологическомъ институтѣ въ Петербургѣ, было устроено небольшое заведеніе для приготовленія моделей разныхъ земледѣльческихъ орудій и разсылки ихъ по губерніямъ, съ цѣлью составленія образцовыхъ коллекцій при казенныхъ палатахъ. Еще въ 1835 году, графъ Канкринъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе на отпускъ московскому обществу сельскаго хозяйства 210.000 рублей ассигнац. единовременно, для отстройки земледѣльческой школы и хутора, и по 44.000 рублей ассигнац. ежегодно на содержаніе этихъ заведеній. Вольное экономическое общество также почувствовало на себѣ щедрость министерства финансовъ. Съ 1837 года ему назначено было, втеченіе четырехъ лѣтъ, отпускать по 10.000 рублей ассигнац. на содержаніе учениковъ общества въ земледѣльческой школѣ графини Строгоновой, или въ другихъ заведеніяхъ, независимо отъ постояннаго пособія въ 20.000 рублей, дарованныхъ ему въ 1833 году. Кромѣ того, въ 1836 году была разрѣшена изъ государственнаго казначейства ссуда 70.000 рублей ассигнац. безъ процентовъ, московскимъ фабрикантамъ земледѣльческихъ орудій, братьямъ Бутенопъ, на распространеніе незадолго передъ тѣмъ основаннаго ими заведенія.

Понятно, что Мордвиновъ, постоянно лелѣявшій мысль о широкомъ развитіи сельско-хозяйственныхъ познаній въ Россіи, не могъ удовлетвориться этими уступками. Уже въ 1836 году онъ напоминалъ Канкрину о недостаточности ихъ, и заявлялъ, что и «назначеніе 10 милліоновъ рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства никогда не было бы излишнимъ», что этимъ средствомъ можно было бы поднять доходы самаго казначейства, а «таковая статья расхода преукрасила бы роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ и прославила бы на вѣчныя времена имя его сіятельства, какъ перваго виновника, положившаго залогъ къ благоденствію россійскаго народа» [1]).

[1]) Бешняковъ, Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, Русск. Вѣстн., 1869, іюль.

Въ связи съ дѣятельностью земледѣльческаго комитета 1833 года стоятъ слѣдующія мѣры: распоряженіе объ учрежденіи при дерптскомъ университетѣ казенныхъ стипендій по агрономіи и посылка молодыхъ ученыхъ за границу; основаніе каѳедръ и систематическихъ публичныхъ курсовъ по сельскому хозяйству; изданіе (съ 1834 года) и безденежная разсылка Земледѣльческой газеты губернаторамъ, предводителямъ дворянства, духовному вѣдомству и волостнымъ правленіямъ; изданіе книжекъ и статей по сельскому хозяйству. Въ 1839 году въ Казани было учреждено общество сельскаго хозяйства и открыты лекціи по агрономіи, химіи и физикѣ; на обязанности же общества лежало распространеніе усовершенствованныхъ орудій полеводства и садоводства, а также опредѣленіе темъ для рѣшенія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ [1]).

При образованіи, въ 1837 году, новаго управленія для завѣдованія государственными крестьянами и имуществами, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ отведено было и скромное мѣсто завѣдованію дѣлами по развитію и поощренію земледѣльческой промышленности. Отсюда вышелъ цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ развитію агрономическаго образованія въ разныхъ слояхъ населенія, къ возбужденію духа соревнованія между земледѣльцами путемъ выставокъ, конкурсовъ, премій, наградъ, и т. п., къ изученію состоянія разныхъ отраслей промышленности и средствъ для ихъ развитія. Но не всѣ эти средства были полезны. «Многія изъ этихъ мѣръ, говоритъ г. Вешняковъ, были несомнѣнно полезны, но большая часть ихъ не достигала своей цѣли, что зависѣло не только отъ недостатка организаціи учрежденій, но также и отъ духа того времени и той среды, въ которыхъ они дѣйствовали. Характеръ всей вообще админи-

[1]) Варадиновъ, Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III, ч. 2. На изданіе Земледѣльческой газеты было ассигновано 46.000 рублей ежегодно, а подписная цѣна на нее была опредѣлена въ 2 рубля серебромъ за годовое изданіе. Масловъ, l. a., 74.

страціи прежняго времени отличался преимущественно тѣмъ, что большая часть принимаемыхъ ею мѣръ истекала не изъ непосредственнаго наблюденія нуждъ и потребностей народныхъ, не изъ желанія удовлетворить заявленнымъ требованіямъ, а преимущественно изъ теоретическихъ и апріористическихъ соображеній, что можетъ и должно быть полезно, причемъ нерѣдко слишкомъ большое подражаніе иностраннымъ образцамъ играло не послѣднюю роль» [1]). Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что также нерѣдко формализмъ и предпочтеніе внѣшняго совершенства внутреннимъ достоинствамъ подавляли самыя, повидимому, хорошія предпріятія, какъ это видно на земледѣльческомъ же училищѣ удѣльнаго вѣдомства [2]).

Обращаясь къ дѣятельности Мордвинова по вольно-экономическому обществу въ связи съ возбужденнымъ имъ вопросомъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь Мордвиновъ дѣйствовалъ уже вполнѣ самостоятельно. Еще съ 1834 года общество рѣшило ежегодно содержать въ земледѣльческой школѣ гр. Строгоновой 50 воспитанниковъ; но въ 1837 году, по ходатайству Мордвинова, обществу было ассигновано на этотъ предметъ по 10.000 рублей на четыре года, и въ томъ же году общество имѣло уже въ школѣ Строгоновой на своемъ иждивеніи 65 воспитанниковъ. Въ 1836 году двое изъ учениковъ общества были отправлены на два года за границу. Графиня Строгонова истратила на свою школу 1.300.000 р. ассигнац., воспитавъ такимъ образомъ многихъ сельскихъ хозяевъ для Россіи. Мордвиновъ обратилъ вниманіе общества на столь полезную дѣятельность графини Строгоновой, и въ 1837 году ей былъ поставленъ въ залѣ общества бюстъ. Въ 1838 году, по предложенію Мордвинова, съ цѣлью распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ Россіи,

[1]) Русскій Вѣстникъ 1869, іюль, 314.

[2]) Воспоминанія петербургскаго старожила, Русскій Вѣстникъ 1872 года.

общество обратилось къ содѣйствію сельскихъ лицъ духовнаго званія. Въ томъ же году общество наградило помѣщика Титова золотою медалью за примѣръ человѣколюбія въ расположеніи женскихъ сельскихъ работъ, а въ 1837 году разсматривало разсужденіе своего члена, Приклонскаго, о пользѣ образованія помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1838 году графу С. Г. Строгонову была выдана золотая медаль въ 30 червонцевъ, за открытіе имъ на свой счетъ школы рисованія для ремесленниковъ. Мордвиновъ принималъ самое близкое участіе въ основаніи экономическаго общества въ Казани, написавъ для него уставъ, а вольно-экономическое общество ассигновало на его учрежденіе, въ 1839 и 1840 годахъ, по 4.000 рублей. Съ своей стороны, графъ Мордвиновъ предлагалъ начальникамъ нѣкоторыхъ губерній озаботиться открытіемъ такихъ же обществъ у себя, *«изъявляя при этомъ готовность пожертвовать для каждаго изъ нихъ по 3.000 рублей ассигнац. изъ собственныхъ своихъ денегъ»*. Результатовъ этого предложенія въ дѣлахъ общества не видно. Въ 1839 году Мордвиновъ обратилъ вниманіе вольно-экономическаго общества и на дѣятельность общества сельскаго хозяйства южной Россіи, вслѣдствіе чего вице-президенту его, Стурдзѣ, была поднесена золотая медаль въ 30 червонцевъ, а онъ самъ избранъ членомъ вольно-экономическаго общества [1]).

Мы видѣли, какъ настойчиво хлопоталъ Мордвиновъ о средствахъ общества. Можно сказать, что это было одною изъ главныхъ и постоянныхъ его заботъ, какъ президента общества. Но мы видѣли, что эти хлопоты ему не всегда удавались, не говоря уже о томъ, что самый широкій изъ его

[1]) Ходневъ, 78, 262, 354, 361—362, 656—657. Дѣятельность Мордвинова, въ свою очередь, обратила на него вниманіе другихъ экономическихъ обществъ. Такъ, въ 1828 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства, въ 1333 году московскаго общества улучшеннаго овцеводства; въ 1839 году—комитета сахароваровъ въ Москвѣ. Масловъ, 272, 282, 283.

плановъ по настоящему предмету не вполнѣ удался. Еще въ 1824 году ему не удалось исходатайствовать 30.000 рублей, въ заемъ обществу, для застройки мѣста, выходившаго къ дворцу; въ 1839 году ему было отказано и въ зданіи, выстроенномъ на мѣстѣ, принадлежавшемъ прежде обществу, но занятомъ потомъ штабомъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Еще въ 1801 году обществу было пожаловано мѣсто на Петровскомъ островѣ; въ 1830 году оно было отдано обществомъ для застройки разнымъ лицамъ. Съ тѣхъ поръ островъ принялъ новый видъ: болота были осушены; дикія мѣста обратились въ сады, и т. п., такъ что, при страхованіи, постройки на усадьбѣ общества были оцѣнены въ 100.000 рублей. Въ октябрѣ 1836 года Петровскій островъ былъ взятъ въ удѣльное вѣдомство, какъ древнее достояніе царской фамиліи, а владѣніе имъ замѣнено ежегодною выдачею вольно-экономическому обществу по 6.000 рублей. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, Мордвинову удалось въ 1836 году исходатайствовать обществу на 50 лѣтъ казенныя оброчныя статьи Казанской губерніи, для управленія которыми было учреждено особое при обществѣ отдѣленіе (VI-ое), предсѣдательство въ которомъ взялъ на себя Мордвиновъ. Однако эта статья ввела общество въ затрудненіе: Мордвиновъ испрашивалъ оброчныхъ статей на 200.000 рублей, а обществу было пожаловано ихъ только на 60.000 рублей, изъ которыхъ притомъ, даже къ 1843 году, поступило всего на 16.000 рублей. Доходъ съ нихъ казнѣ былъ значительно повышенъ обществомъ; между тѣмъ недостатокъ правильнаго надзора на мѣстѣ и напрасная переписка съ лицами, бравшими эти статьи у общества на срокъ, и съ разными вѣдомствами, только оттягивали время поступленія ихъ въ завѣдованіе общества, и, въ концѣ концовъ, общество должно было приплатиться за нихъ въ казну и отказаться отъ нихъ ранѣе срока [1]).

[1]) Ходневъ, 518, 547—549, 550—564.

Тѣмъ не менѣе, президентство Мордвинова принесло обществу существенную пользу въ его экономіи. Заботы Мордвинова о пожертвованіяхъ со стороны правительства и частныхъ лицъ, а также его собственные вклады быстро увеличили средства общества. Чтобы почтить память жертвователей, онъ предложилъ устроить залу, въ родѣ пантеона, для постановки въ ней бюстовъ тѣхъ особъ, которыя значительными пожертвованіями усилятъ средства общества. На устройство этого пантеона графъ Мордвиновъ пожертвовалъ отъ себя 12.855 рублей ассигнац., но, по цѣли своего назначенія, пантеонъ могъ украситься со временемъ бюстомъ только самого основателя его, такъ какъ подобныхъ пожертвованій не было сдѣлано другими. Потомъ въ немъ были помѣщены бюсты президентовъ общества (графа Ангальта, А. А. Нартова и Сестренцевича), а также графини Строгоновой. Въ 1838 году, по предложенію Мордвинова, заведена была обществомъ особая книга для записыванія пожертвованій на изданіе «Сельской Библіотеки». Въ этомъ году было собрано по ней 14.000 рублей, въ числѣ которыхъ 3.000 были пожертвованы Мордвиновымъ. Эти пожертвованія послужили основаніемъ такъ называемому «мордвиновскому капиталу», назначенному обществомъ на изданіе сельской и сельскохозяйственной библіотеки. Въ 1842 году онъ былъ пополненъ Мордвиновымъ до 50.000 рублей ассигнац., съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ наросталъ до 100.000 рублей, а затѣмъ проценты его употреблялись бы на печатаніе сочиненій для составленія Сельской Библіотеки. До послѣдняго времени мордвиновскій капиталъ выполнялъ свое назначеніе. Вообще, съ 1823 — 1841 годъ, т. е. въ президентство Мордвинова, не смотря на нѣкоторыя неудачи въ оборотахъ общества (каковы: оброчныя статьи, похищеніе, по ложнымъ подписямъ, канцеляристомъ Япценомъ 63.000 рублей, присланныхъ по почтѣ въ разное время въ общество), капиталъ его возросъ съ 51.000 рублей ассигнац. до 230.000 рублей серебромъ, въ числѣ которыхъ слишкомъ

60.000 рублей ассигнац. были пожертвованы графомъ Мордвиновымъ. 21 декабря 1840 года, Мордвиновъ, по преклонности лѣтъ, сложилъ съ себя званіе президента; но, желая поставить общество въ возможно-выгодныя условія, онъ предложилъ ему—просить принять президентство принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, который въ концѣ того же года и сдѣлался президентомъ. Вице-президентомъ былъ избранъ А. С. Грейгъ [1]). Оставляя президентство, Мордвиновъ поднесъ обществу собраніе своихъ мнѣній и проектовъ, написанныхъ имъ по дѣламъ общества, которое хранится въ архивѣ послѣдняго.

Съ другой стороны, когда въ 1841 году распространились слухи о паденіи Канкрина, Мордвиновъ предлагалъ государю назначить министромъ финансовъ князя Друцкаго-Любецкаго, бывшаго министра финансовъ въ Царствѣ Польскомъ (это предложеніе онъ дѣлалъ и ранѣе того, единовременно съ дѣйствіями комитета 1833 года), а членами финансоваго комитета назначить: принца Ольденбургскаго, графа П. А. Толстаго, князя А. Н. Голицына, адмирала Грейга и графа А. П. Толстаго, предлагая приэтомъ и свои услуги. Этотъ комитетъ долженъ былъ составлять постоянный совѣтъ при министрѣ финансовъ, представляя собою коллегіальное учрежденіе. Всѣ его распоряженія должны были объявляться *не указами, но манифестами*, форма которыхъ напоминала собою времена Сперанскаго: «Внявъ мнѣнію комитета финансовъ», и т. д. [1]).

Сложивъ съ себя президентство въ вольно-экономическомъ обществѣ, Мордвиновъ продолжалъ однако заниматься дѣлами VI отдѣленія, подъ управленіемъ котораго состояли оброчныя статьи, до октября 1842 года. Между тѣмъ, въ январѣ 1841 года, А. Н. Яковлевъ пожертвовалъ вольно-экономи-

---

[1]) Ходневъ, 590—596; 604—607; 645,655—556.

[2]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII. Чт. Моск. общ. ист., 1863, III, смѣсь, 151.

ческому обществу 20.000 рублей ассигнац. вслѣдствіе письма Мордвинова, извѣщавшаго его, что общество рѣшилось обратить Тверскую губернію въ разсадникъ усовершенствованнаго земледѣлія. Мордвиновъ же присоединилъ отъ себя къ этой суммѣ 10.000 рублей. Такъ составился «яковлевскій капиталъ» общества; но переписка Мордвинова съ начальникомъ Тверской губерніи ни къ чему не привела, а потомъ общество ограничилось выдачею небольшихъ пособій на улучшеніе хозяйства въ Тверской губерніи [1]). За всѣ труды Мордвинова по развитію дѣятельности вольно-экономическаго общества, послѣднее почтило его мраморнымъ бюстомъ [2]).

Дѣятельность Мордвинова, какъ представителя сельско-хозяйственной науки въ то время въ Россіи, оцѣнена по достоинству, и нѣкоторые изъ извѣстныхъ дѣятелей по этой отрасли считаютъ его своимъ наставникомъ, въ научномъ смыслѣ этого слова [3]). Но желанія Мордвинова далеко не исполнились. Они и не могли совершиться вполнѣ, если взять во вниманіе даже одно изъ препятствій къ тому, на которое нерѣдко указывалъ Мордвиновъ: «безъ денегъ, какъ главной дѣйствующей силы, никакія усилія человѣческія недостаточны къ достиженію предположенной цѣли» [4]), говоритъ онъ. Извѣстный же экономистъ, Мишель-Шевалье, въ своемъ предисловіи къ отчетамъ экспертовъ о парижской выставкѣ 1867 года, указавъ, что земледѣліе изъ всѣхъ отраслей промышленности оказывается самою отсталою, при этомъ замѣтилъ, что въ Европѣ есть страны, даже весьма обширныя, въ которыхъ пріемы хозяйства мало разнятся до сихъ поръ отъ тѣхъ пріемовъ, какіе описаны были 2000 лѣтъ тому

---

[1]) Ходневъ, 605—608.

[2]) Біографія Мордвинова, въ изданіи Мюнстера.

[3]) Таковы отзывы Маслова, см. его Ист. обозр. труд. моск. общ сельскаго хозяйства (рѣчи).

[4]) Рѣчь Мордвинова въ обществѣ, Ходневъ, 592.

назадъ въ сочиненіи Колумеллы [1]). «Едва-ли мы ошибемся, замѣчаетъ на это авторъ статьи о земледѣльческомъ комитетѣ 1833 года, сказавъ, что Мишель-Шевалье имѣлъ при этомъ въ виду Россію. Подобная характеристика русскаго хозяйства безъ сомнѣнія слишкомъ груба, но упрекъ, сдѣланный М.-Шевалье вообще всѣмъ народамъ за недостаточное вниманіе, оказываемое ими интересамъ земледѣлія, можетъ быть, конечно, отнесенъ къ намъ съ большею справедливостью, нежели къ какому либо другому народу» [2]).

Но само собою понятно, что свободный трудъ, народная школа и просвѣщенное содѣйствіе земства, въ своей совокупной дѣятельности, должны современемъ принести болѣе плодотворные результаты, нежели одиночная, и, въ сравненіи съ ними, слишкомъ узкая дѣятельность вольно-экономическаго общества.

Въ связи съ разсмотрѣнною нами серіею экономическихъ вопросовъ, въ обсужденіи которыхъ такое близкое участіе принималъ графъ Мордвиновъ, намъ слѣдуетъ сказать еще о ходѣ крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Николая I.

Уже 6 декабря 1826 года былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, спеціальный комитетъ для разсмотрѣнія многихъ весьма важныхъ предположеній касательно улучшенія разныхъ отраслей государственнаго устройства, въ который были переданы и прежніе проекты по крестьянскому вопросу. Эти проекты намъ уже извѣстны. Изъ новыхъ же на себя обращаютъ вниманіе — проектъ статсъ-секретаря Муравьева и записка Сперанскаго, бывшаго членомъ того же комитета. Первый изъ нихъ предлагалъ, чтобы при новыхъ надѣлахъ служилаго сословія землями, даровать пожалованнымъ лицамъ одни права на землю, предоставляя имъ входить въ

---

[1]) Exposition universelle de 1867. Introduction, par M. Chevalier, Paris, 1868, pp. 223—224.

[2]) Русскій Вѣстникъ, 1869, іюль, 313—314.

соглашеніе съ крестьянами, подъ условіемъ, однако, назначенія послѣднимъ извѣстнаго количества земли. Выгоды этого порядка, по мнѣнію автора, должны были бы убѣдить и остальныхъ помѣщиковъ даровать свободу своимъ крестьянамъ. Сперанскій разсмотрѣвъ исторію и юридическія основанія крѣпостнаго рабства, вполнѣ сознаетъ бѣдственное положеніе крестьянъ, особенно же дворовыхъ людей; но, чувствуя необходимость, въ случаѣ освобожденія, перестроить всѣ финансовыя и юридическія отношенія, установившіяся при рабствѣ крестьянъ, онъ ограничивается пока заявленіемъ необходимости запретить продажу крестьянъ безъ земли, и признать ихъ крѣпкими землѣ, а не лицамъ. Затѣмъ онъ совѣтуетъ постепенно перейти къ освобожденію крестьянъ на слѣдующихъ основаніяхъ: a) допустить договоръ между помѣщиками и крестьянами; b) озаботиться устройствомъ казенныхъ крестьянъ; c) совершивъ это переустройство, примѣнить его къ положенію помѣщичьихъ крестьянъ; наконецъ, d) устранить всѣ препятствія, мѣшающія переходу крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы и полученію ими личной свободы. Но комитетъ стоялъ болѣе за точную регламентацію правилъ противъ нарушенія помѣщиками своей власти, оставаясь такимъ образомъ на старой точкѣ зрѣнія. Въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія по сему предмету были различны, и дальнѣйшему ходу этого дѣла помѣшала іюльская революція во Франціи и возстаніе Польши [1]).

Изъ мнѣнія, представленнаго Мордвиновымъ въ государственный совѣтъ «по рабству крестьянъ», въ 1833 году, видно однако, что пренія объ этомъ вопросѣ продолжались. Выходя изъ того взгляда, что «отъ горькаго корня не

---

[1]) Записка Н. А. Милютина о проектахъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи, Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева, т. II. Весьма интереснымъ дополненіемъ къ этой статьѣ, о ходѣ крестьянскаго дѣла въ царствованіе имератора Николая, можетъ служить книга: Матерьялы для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, составленная по отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за 1836 — 1856 годы. Berlin, 1873.

будетъ плода сладкаго» и «на рѣдькѣ не выростетъ ананасъ», авторъ этого мнѣнія говоритъ: «Доколѣ рабство между крестьянами нашими существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиночкѣ должна быть допущена. Она необходима, и часто для проданнаго бываетъ благотворна: часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосерднаго господина, отъ скудной и тощей своей нивы переселяется на ниву пространную и плодотворную... Со временъ Петра Великаго мы скорбимъ о судьбѣ рабовъ, нашихъ крестьянъ, и за всѣмъ тѣмъ, оставляя въ полной своей силѣ рабство, не испытываемъ ли только одну суету заботъ? *Всякое предпріятіе безъ начала никогда не поведетъ къ назидательному успѣху*. Кто не вступаетъ на прямую стезю, тотъ на пути заблуждается. Что бываетъ съ путешествующими, то самое случается и въ сужденіяхъ».

Указавъ на исторію прикрѣпленія крестьянъ въ Европѣ («нѣкто сказалъ, что сей единый есть путь къ свободѣ»), Мордвиновъ заключаетъ, что и въ Россіи освобожденіе должно совершиться; но, чтобы достигнуть его естественнымъ путемъ, необходима экономическая реформа страны. «Потерпимъ еще нѣсколько, и рабство само собою исчезнетъ въ Россіи, если обращено будетъ вниманіе къ постепенному уменьшенію необходимости содержать крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они живутъ. Сіе необходимо послѣдуетъ, когда исчезнетъ на пахатныхъ земляхъ нашихъ паренина; когда земледѣліе помѣстится въ число наукъ; когда въ городахъ нашихъ признаютъ за зданіями право собственности; когда употребимъ дѣятельныя мѣры къ возстановленію естественнаго порядка между раждающимися и умирающими; не будемъ считать числа тяголъ или брачныхъ на половину противу всего населенія, и отъ каждаго брака будемъ имѣть по 2 и по 4 ребенка живыми, и когда помѣщикъ будетъ изобиловать денежнымъ капиталомъ, доста-

точнымъ къ тому, чтобы принимать работниковъ для посѣва и жатвы» [1]).

Понятно, что при той системѣ экономической реформы, какая была предложена Мордвиновымъ (начиная отъ измѣненія системы земледѣлія до сельскихъ школъ и больницъ), такіе результаты въ экономическомъ бытѣ народа не заставили бы себя долго ждать, а потому желаніе Мордвинова «счастливой перемѣны» въ крестьянскомъ быту, т. е. отмѣны крѣпостнаго рабства, можно считать вполнѣ искреннимъ. Но, не предвидя такого исхода этого дѣла, онъ приложилъ къ настоящему мнѣнію и мнѣніе 1818 года, о свободномъ выкупѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ, какъ «одну изъ мѣръ» уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи [2]).

Съ 1839 по 1848 годъ было еще пять *секретныхъ комитетовъ* по крестьянскому дѣлу. Но и въ нихъ всѣ пренія главнымъ образомъ вращались на отдѣльныхъ частностяхъ и регламентаціи вотчинныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, или на установленіи полицейскаго надзора за ними (мнѣнія графа Киселева и сенатора Шипова [3]). Болѣе существеннымъ изъ результатовъ этихъ преній считается законъ 1842 года, объ обязанныхъ поселянахъ, но и онъ, «исключая нѣсколькихъ помѣщичьихъ имѣній», не имѣлъ «никакого примѣненія» [4]).

Въ заключеніе настоящаго отдѣла, намъ остается привести нѣкоторыя изъ «мыслей» Мордвинова, значительно дополняющія разсмотрѣнныя нами выше его мнѣнія и проекты. Прежде всего упомянемъ здѣсь о «степеняхъ торговыхъ обманщиковъ, противъ которыхъ должно принять

---

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1859, III, 55—58.

[2]) Ibid., 58.

[3]) Записка Милютина, Девятнадцатый Вѣкъ, т. II.

[4]) Семеновъ, Дѣятельность Я. И. Ростовцева, Русскій Вѣстникъ, 1864, ноябрь, 88.

мѣры, для водворенія честности и довѣрія въ торговлѣ, безъ коихъ она, съ свойственнымъ ей успѣхомъ, процвѣтать не можетъ». Такимъ элементомъ въ торговомъ классѣ Мордвиновъ считаетъ: цыганъ, модныхъ продавицъ, московскихъ и петербургскихъ лавочниковъ, биржевыхъ маклеровъ, евреевъ, разносчиковъ. Въ числѣ вредныхъ условій дурнаго хозяйства въ Россіи, Мордвиновъ считаетъ «порочное воспитаніе дворянъ, которыхъ нерѣдко учатъ *всему, кромѣ сельскаго хозяйства*». На вопросъ—почему въ Россіи государственное казначейство получаетъ малые доходы? онъ говоритъ: «*отъ взиманія ихъ съ лицъ, и лицъ бѣднаго состоянія, какъ-то: крестьяне и мѣщане*». Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается: «*Просвѣщеніе есть начало народнаго богатства*. Не руки человѣка даютъ плодородіе землѣ; не ими процвѣтаютъ художества, торговля, промышленность; не ими умножаются и возрастаютъ денежные капиталы: *умъ и наука суть орудія богатства*».

Причинами, препятствующими распространенію просвѣщенія въ Россіи, Мордвиновъ называетъ: 1) скудость средствъ, назначаемыхъ на министерство народнаго просвѣщенія (необходимый процентъ ихъ въ общемъ бюджетѣ былъ уже указанъ выше); 2) невниманіе къ распространенію въ обществѣ положительныхъ наукъ и плохое преподаваніе ихъ, не основанное на опытахъ, а также недостатокъ «открытыхъ для народа каѳедръ»; 3) исключеніе изъ круга наукъ сельскаго хозяйства; 4) недостатокъ книгъ и библіотекъ по городамъ; 5) недостатокъ типографій; 6) несуществованіе сельскихъ и деревенскихъ школъ; 7) пренебреженіе къ системѣ взаимнаго обученія; 8) раннее поступленіе молодыхъ людей на службу; 9) принадлежность чинамъ особенныхъ льготъ и уваженія и обратное отношеніе къ безчиновнымъ; 10) дороговизна книгъ; 11) недостатокъ учителей, учебныхъ заведеній и публичныхъ лекцій; 12) численное преобладаніе крестьянскаго сословія [1]).

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX, стр. 290, 305, 341, 353.

Смотря на дѣло образованія въ такомъ широкомъ смыслѣ, Мордвиновъ справедливо находилъ тогда несоотвѣтствіе въ названіи министерства народнаго просвѣщенія съ его назначеніемъ и дѣйствительнымъ состояніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи [1]).

Въ набросках «мыслей» Мордвинова видно иногда дальнѣйшее развитіе тѣхъ плановъ, которые были предложены имъ въ его проектахъ и мнѣніяхъ. Такъ, по поводу вопроса о введеніи сельскаго хозяйства въ кругъ народнаго образованія, онъ дѣлаетъ рядъ замѣчаній о необходимости учрежденія въ Россіи «экономическихъ училищъ»; о заведеніи по городамъ экономическихъ обществъ; о распространеніи школъ взаимнаго обученія; объ изданіи дешевыхъ книгъ по земледѣлію; о заведеніи въ Россіи земледѣльческаго института на нѣсколько сотъ человѣкъ (это было написано до открытія Горыгорѣцкаго института); о каѳедрахъ агрономіи, публичныхъ лекціяхъ и библіотекахъ; объ устройствѣ образцовыхъ фабрикъ; объ основаніи банковъ по образцу шотландскихъ; объ установленіи пароходныхъ сообщеній съ другими странами, и т. п. Далѣе, Мордвиновъ замѣчаетъ, что въ Россіи Земледѣльческій Журналъ (въ 10 рублей), втеченіи 10 лѣтъ разошелся въ 950 экземплярахъ; во Франціи же Journal des connaissances usuelles имѣетъ 60,000 подписчиковъ въ годъ, а въ примѣръ дѣятельности по сельскому хозяйству онъ ставитъ дѣятельность англійскаго и американскаго правительствъ. Въ основаніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, Мордвиновъ совѣтуетъ положить мысли Кювье, развитыя имъ въ сочиненіи «Sur les progrès des sciences», и снова повторяетъ: *«народное просвѣщеніе есть первое начало стяжаемаго богатства»*.

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XI, 274. Говоря о народномъ образованіи, Мордвиновъ иногда вдается въ самыя мелкія подробности, какъ напр.: «объ учрежденіи общества переводчиковъ полезныхъ книгъ для женщинъ и дѣтей». Ibid, т. X, 245 sqq.

Онъ высказываетъ мысль объ употребленіи въ дѣло народнаго хозяйства учениковъ и учениц воспитательныхъ домовъ. Онъ предполагаетъ уже устроить въ селахъ особые трудопоощрительные банки, проектъ которыхъ набросанъ имъ въ тѣхъ же «мысляхъ». Затѣмъ читаемъ: «*просвѣтить 40 мил. народа, незнающаго читать, писать и считать*», причемъ излагается планъ развитія народной дѣятельности. «Но сіи великіе подвиги, говоритъ Мордвиновъ, не предпріемлются, равнодушно на нихъ взираютъ; паче равнодушно взираютъ на страждущее состояніе всѣхъ сословій народа, и государственное казначейство испытываетъ недостатокъ въ потребныхъ для блага имперіи доходахъ» (намекъ на графа Канкрина).

Мордвиновъ обращалъ вниманіе и на заведеніе купеческаго флота; онъ указываетъ на время своего министерства, когда онъ разрѣшилъ офицерамъ и матросамъ поступать на купеческіе корабли; онъ совѣтуетъ учредить торговыя школы въ портовыхъ городахъ. «*Болѣе 40 мил.* душъ народа, прибавляетъ онъ, составляютъ *рабовъ казны и дворянскому сословію* въ собственность принадлежащихъ. *Умъ и руки рабовъ неспособны къ порожденію богатства. Свобода, собственность, просвѣщеніе и правосудіе суть существенные и единственные источники онаго*». Думаемъ, что отъ этихъ словъ не отказался бы и самый крайній противникъ крѣпостнаго рабства. Но Мордвиновъ продолжаетъ: «*Въ Россіи просвѣщеніе и богатство находятся въ рукахъ малаго числа людей, нищета и невѣжество—у многочисленной части народа*». Поэтому онъ считалъ необходимымъ способствовать образованію средняго сословія [1]).

---

[1]) Мордвиновъ, какъ мы видѣли, былъ постояннымъ защитникомъ передачи казенныхъ учрежденій въ частныя руки. Здѣсь онъ высказываетъ мысль о передачѣ казенныхъ имѣній въ частное владѣніе. Въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ въ защиту этого слѣдующій примѣръ: За двѣ мельницы, построенныя на рѣкѣ Битюгѣ, казна

Мордвиновъ былъ противникомъ какихъ бы то ни было стѣсненій въ экономической дѣятельности, что онъ такъ ясно высказалъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: «*Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка; предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ его Богъ сотворилъ, и не отнимайте что кому природа особенно даровала. Мѣра свободы есть мѣра пріобрѣтаемаго богатства. Учредите общественную пользу на частной*» [1]). И когда онъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что Турція, съ цѣлью развитія промышленности, даровала свободу торговли Самосу, то онъ, поставивъ NB, приписалъ: «Мордвиновъ впродолженіи 30-ти лѣтъ не успѣлъ убѣдить въ пользѣ предлагаемыхъ здѣсь мѣръ. Можетъ быть другіе научатъ насъ, какъ должно *управлять финансами* [2]). А. онъ былъ защитникомъ свободы внутренней торговли.

Полагаемъ, что эти извлеченія полнѣе обрисовываютъ намъ личность Мордвинова, какъ общественнаго дѣятеля и представителя извѣстнаго направленія, которое сложилось въ немъ въ такой опредѣленный типъ. Замѣтимъ также, что экономическіе вопросы не переставали интересовать его до конца жизни [3]).

Послѣ всего сказаннаго, намъ остается прослѣдить дѣятельность Мордвинова за тотъ же періодъ, въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

выручала 72 р. въ годъ; но когда онѣ достались Мордвинову, то ему предлагали 3.000 р., а онъ выручалъ даже по 6.000 рублей!!! Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX, 353.

[1]) Ibid., т. III, 281.

[2]) Это мѣсто находится въ памятныхъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ XIII т. Собранія мнѣній, стр. 313.

[3]) Такъ, когда было издано въ 1843 году, въ Парижѣ, сочиненіе одного русскаго писателя: «Духъ политической экономіи», то Мордвиновъ прочелъ его «съ восхищеніемъ». Записки Ив. Головина, 88.

ГЛАВА XV.

Мы не станемъ разсматривать дѣятельность Мордвинова по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ съ прежнею подробностью, такъ какъ основныя воззрѣнія его по юридическимъ вопросамъ намъ уже хорошо извѣстны; мы укажемъ только на содержаніе его мнѣній по дѣламъ, относящимся къ этой категоріи, и сдѣлаемъ необходимыя замѣчанія о томъ, какъ относился къ постановкѣ и рѣшенію ихъ Мордвиновъ.

Въ ряду его мнѣній по означеннымъ вопросамъ, первое мѣсто, по числу дѣлъ, занимаютъ мнѣнія, касающіяся вопроса о наслѣдствѣ и завѣщаніяхъ. Сюда относятся:

1. Мнѣніе, отъ 8 марта 1826 года, по поводу тяжбы о наслѣдствѣ гр. Дульской и кн. Радзивиллъ съ дѣвицею Крушевскою, любовницею гр. Борцеля. Мордвиновъ возражалъ по поводу формальностей, служившихъ задержкою для рѣшенія самаго дѣла: такъ, просьбы истицъ были поданы на имя короля (какъ слѣдовало по статуту), а отца своего онѣ назвали предкомъ [1]). Это мнѣніе было вызвано продолженіемъ тяжбы, по поводу которой, какъ мы видѣли, Мордвиновъ подавалъ мнѣніе еще въ декабрѣ 1821 года.

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

2. Мнѣніе въ защиту наслѣдственныхъ правъ жены Жуковскаго послѣ дѣтей (въ Литвѣ), отъ іюня 1826 года, вызванное также формальными отступленіями: завѣщаніе было засвидѣтельствовано на дому и не заявлено во время. Въ государственномъ совѣтѣ съ мнѣніемъ Мордвинова согласился одинъ адмиралъ фонъ-Дезинъ.

3. Мнѣніе по завѣщанію купца Глазунова, отъ января 1829 года, вызванное тяжбою о ложномъ завѣщаніи, по которому завѣщатель отдавалъ наслѣдство зятьямъ и лишалъ послѣдняго дѣтей умершаго сына, любимаго имъ. Департаментъ гражданскихъ дѣлъ настаивалъ на передачѣ дѣла въ сенатъ, для рѣшенія его совѣстнымъ судомъ. Но Мордвиновъ, выходя изъ очевидныхъ противорѣчій завѣщателя между чувствами его къ сыну и жестокостью ко внукамъ (къ которымъ онъ заявлялъ притомъ расположеніе при жизни), признавалъ подложность завѣщанія и требовалъ перенести дѣло прямо въ государственный совѣтъ. Тѣмъ не менѣе, это дѣло тянулось со свойственною тогдашнему судопроизводству медленностью, такъ что новое мнѣніе о немъ Мордвиновъ читалъ въ совѣтѣ только 12 декабря 1832 года. Изъ него видно, что имущество Глазунова доставляло тогда 200.000 рублей дохода [2]).

4. По поводу завѣщанія д'Арбиньи (въ маѣ 1832 года) и тяжбы братьевъ Гритли съ наслѣдницею гр. Брюсъ, Мусиной-Пушкиной (въ 1836 году), Мордвиновъ возражалъ противъ стѣснительности постановленій 1831 года, затруднявшихъ выдачу за границу имущества, находящагося въ Россіи. По этому поводу былъ поданъ рядъ мнѣній въ государственный совѣтъ; но это не остановило Мордвинова, который, по своему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, не ограничился однимъ возраженіемъ, а присоединилъ къ нему

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

[2]) Оба мнѣнія въ Собраніи мнѣній Н. С. Мордвинова, тт. IX и X.

нѣсколько нравственныхъ замѣчаній, касающихся сущности самаго вопроса [1]).

5. Мнѣніе о тяжбѣ между Коростовцевыми, претендовавшими на имѣніе по наслѣдству, и Кристофовичемъ, купившемъ его,—заслуживаетъ особеннаго вниманія. Сенатъ присудилъ отдать землю наслѣдникамъ, а департаментъ законовъ—къ отчужденію. Въ такомъ видѣ это дѣло было перенесено въ государственный совѣтъ, гдѣ Мордвиновъ, указавъ на заселеніе и другія улучшенія, сдѣланныя въ имѣніи покупщикомъ, настаивалъ на отведеніи Кристофовичу другаго участка. «L'extrême justice n'est pas justice. L'équité est la suprême vertu»! заключаетъ онъ при этомъ [2]).

Въ мнѣніяхъ, высказанныхъ по поводу тяжбы гр. Строгонова съ башкирами и кн. Мадатова съ кавказскими горцами по землевладѣнію, Мордвиновъ основывался на граматахъ, выданныхъ владѣльцамъ оспариваемыхъ участковъ, оставаясь вѣрнымъ своему взгляду, что землевладѣніе должно опираться на документальныя основанія [3]).

Мнѣнія Мордвинова по вопросу о правахъ незаконнорожденныхъ заслуживаютъ вниманія по своей гуманности. Такъ, дѣло о бракѣ Баташова съ крѣпостною дѣвкою, благодаря «хитрому софисту» Зубову (какъ выражается Мордвиновъ), лежавшее въ государственномъ совѣтѣ съ 1802 года по декабрь 1829-го, было рѣшено, при его участіи, въ смыслѣ признанія дѣтей Баташова, служившихъ уже солдатами и писарями, въ дворянскомъ достоинствѣ [4]). Въ Подольской же губерніи былъ слѣдующій случай. Сынъ ротмистра Турчанинова, Петръ Турчаниновъ, усыновленный имъ, былъ

[1]) Собраніе мнѣній, тт. X и XII.

[2]) Ibid., т. X (мнѣніе 26 октября, 1832 года).

[3]) Ibid., тт. VIII и XI. Отобраніе имѣній у Мадатова, кажется, находилось въ связи съ паденіемъ Ермолова на Кавказѣ и нерасположеніемъ къ нимъ обоимъ князя Паскевича. Записки Давыдова, 55, и замѣтки въ Русской Старинѣ, 1872, декабрь, 699.

[4]) Ibid., т. IX.

утвержденъ въ своихъ правахъ императоромъ Александромъ I, между тѣмъ, по смерти его отца, вслѣдствіе притязаній на наслѣдство родственниковъ послѣдняго, Воейковыхъ, Стаховичей и Турчаниновыхъ, было возбуждено слѣдствіе по этому дѣлу, причемъ права владѣльца не подтвердились ни церковными данными, ни отставкою отца. Въ такомъ видѣ это дѣло дошло до государственнаго совѣта, гдѣ Мордвиновъ представилъ свое мнѣніе, въ которомъ, указывая на то обстоятельство, что Турчаниновъ дослужился уже до офицерскаго чина, просилъ не лишать подсудимаго дарованныхъ ему правъ, а сестрѣ его предоставить избрать свободное состояніе [1]). Точно также, въ вопросѣ о подкидышахъ, которыхъ принимаютъ жены солдатъ и которые обыкновенно зачислялись въ военныя сиротскія отдѣленія, Мордвиновъ поддерживалъ мнѣніе одного сенатора [2]), о предоставленіи воспитательницамъ права приписывать подкидышей къ тому состоянію, къ какому онѣ пожелаютъ.

Мы уже не разъ упоминали какъ далекъ былъ Мордвиновъ отъ безусловныхъ приговоровъ, обращая всегда вниманіе на обстоятельства, вызвавшія преступленіе. Въ настоящемъ періодѣ въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его мнѣнія по дѣламъ о взяткахъ, причемъ, въ приговорѣ надъ коллежскимъ совѣтникомъ Дьяковымъ, онъ разошелся даже съ своимъ департаментомъ. Въ мнѣніи по этому дѣлу, представленномъ въ совѣтъ въ октябрѣ 1826 года, Мордвиновъ говоритъ: «Законы повелѣваютъ, чтобы въ уголовныхъ судахъ обвиненія были столь ясны, какъ свѣтъ солнца, и чтобы въ оныхъ словамъ подсудимаго даваемо было больше вѣры, нежели словамъ доносителя или обвинителя». На этомъ основаніи Мордвиновъ считалъ уже достаточнымъ для оправданія Дьякова то обстоятельство, что не было свидѣ-

---

[1]) Собраніе мнѣній, т. X.

[2]) Мнѣніе Мордвинова, отъ 7 февраля 1826 г., въ VIII т. Собранія его мнѣній.

телей его преступленія, а самъ виновный объявилъ, что деньги были взяты имъ въ долгъ. По поводу же обвиненія во взяткахъ оберъ-секретаря Спасскаго, въ дополнительномъ объясненіи къ журналу департамента гражданскихъ дѣлъ (въ мартѣ 1827 года), Мордвиновъ замѣчаетъ, что судить строго за взятки, пока содержаніе служащихъ совершенно неудовлетворительно, несправедливо: «Голодный и нагой не могутъ почесться преступниками въ лихоимствѣ, по точному о семъ преступленіи изреченію слова», замѣчаетъ онъ... «Наконецъ, Мордвиновъ не могъ, заключаетъ онъ, пройти молчаніемъ и о томъ, что *доколѣ будетъ существовать у насъ тайное производство дѣлъ, судьи не будутъ излагать мнѣній и заключеній своихъ при открытыхъ дверяхъ, и доколѣ честолюбіе, свойственное каждому человѣку и сильнѣе всѣхъ другихъ страстей на него дѣйствующее, не будетъ подвержено сужденію народнаго мнѣнія съ похвалою или укоризнами, что лихоимство трудно искоренить, ибо тайный судъ влечетъ за собою удобно и тайныя злоупотребленія, а тяжущіеся, по самой необходимости, вынуждаются быть лиходателями»* [1]).

Такъ понималъ Мордвиновъ значеніе гласнаго судопроизводства, постоянно контролируемаго общественнымъ мнѣніемъ.

Не менѣе замѣчательно отношеніе Мордвинова къ дѣламъ, въ которыхъ такъ или иначе затрогивался казенный интересъ. Такъ, въ сентябрѣ 1829 года, Мордвиновъ защищалъ губернатора Бухарина, исходатайствовавшаго у Варвація 5.000 рублей на окраску перилъ возлѣ канала, а потомъ употребившаго эту сумму въ пользу бѣдныхъ [2]). Въ ноябрѣ 1830 года Мордвиновъ подалъ мнѣніе въ защиту купца Очкина, обанкротившагося при поставкѣ хлѣба въ

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

[2]) Ibid., т. IX.

казну. Указывая на его прежнюю добросовѣстность, Мордвиновъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему пособія [1]).

Обвиняемые находили защиту Мордвинова на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія. Такъ, въ мнѣніи, поданномъ въ январѣ 1830 года, по дѣлу политическаго преступника Пининскаго, Мордвиновъ поддерживалъ рѣшеніе сената, что переписка подсудимаго изъ крѣпости, черезъ капитана Богданова, не имѣла преступнаго значенія, такъ какъ виновный не зналъ о существованіи постановленія, воспрещающаго переписку; притомъ его письма имѣли чисто семейный характеръ, а подозрѣвать то, что не доказано, никто не имѣетъ права [2]). Въ 1834 году Мордвиновъ подалъ въ государственный совѣтъ замѣчательный рефератъ отъ департамента гражданскихъ дѣлъ, составленный имъ самимъ, по дѣлу о велижскихъ евреяхъ, обвиненныхъ (числомъ 42 чел.) въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, для отправленія своихъ религіозныхъ обрядовъ. Обвинителями въ этомъ преступленіи были женщины, притомъ отчасти перешедшія изъ еврейскаго исповѣданія въ христіанство; и замѣчательно, что обвиненіе въ этомъ случаѣ настойчиво поддерживалъ бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, князь Хованскій. Мордвиновъ, напротивъ, не допускаетъ даже мысли о возможности подобнаго преступленія, а происхожденіе самаго обвиненія онъ объясняетъ отчасти корыстною цѣлью, отчасти религіознымъ фанатизмомъ. Въ заключеніе же своего мнѣнія онъ ходатайствуетъ не только объ освобожденіи подсудимыхъ, но даже о вознагражденіи ихъ, какъ потерпѣвшихъ убытки; а доносительницъ предлагаетъ сослать въ Сибирь, чтобы устранить такимъ образомъ на будущее время самую возможность подобныхъ обвиненій [3]). Но, обращая постоянное вниманіе на обстоятельства преступленія, какъ основаніе для пра

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., т. XII.

вильной оцѣнки послѣдняго, Мордвиновъ не могъ не придавать большаго значенія сознанію преступника. И въ такихъ случаяхъ его гуманность всегда брала верхъ надъ остальными побужденіями въ отношеніи къ преступнику. Такъ, онъ стоялъ за смягченіе участи подсудимаго Рязанскаго (предлагая замѣнить лишеніе правъ опредѣленіемъ въ солдаты съ выслугою), приговореннаго за похищеніе денегъ, но сознавшагося и возвратившаго ихъ по принадлежности (январь 1835 года [1]). Но если сознаніе подсудимаго оказывалось вынужденнымъ, и тѣмъ болѣе вреднымъ для послѣдняго, между тѣмъ какъ обстоятельства дѣла не подтверждали такихъ показаній, то Мордвиновъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы оградить интересы подсудимаго. Интересно въ этомъ отношеніи мнѣніе Мордвинова по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиненной въ смерти своего мужа [2]).

Дѣло это обсуждалось въ государственномъ совѣтѣ 5-го марта 1834 года; но оно возбудило тамъ сильное разногласіе. Вслѣдствіе этого, какъ председатель департамента гражданскихъ дѣлъ, Мордвиновъ представилъ объяснительную записку, которая была прочитана въ совѣтѣ 12 марта, но она не могла быть присоединена къ журналу государственнаго совѣта. Это обстоятельство побудило его представить свое объясненіе государю императору, «въ томъ душевномъ убѣжденіи, какъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ, что департаментъ, въ разрѣшеніи судьбы подсудимыхъ, поступилъ со всею осмотрительностью, слѣдуя тѣмъ высокимъ чувствованіямъ, кои въ узаконеніяхъ нашихъ изображены на подобные случаи.

«Показаніе подсудимой Тоузаковой предъ слѣдователемъ Бутурлинымъ, виновною въ смерти мужа своего, нельзя принять за истинное, продолжаетъ Мордвиновъ; ибо, при первыхъ трехъ изслѣдованіяхъ, равно и въ оренбургскихъ

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XII.

[2]) Ibid., т. XI, и Чтен. Моск. общ. истор., 1859, IV, смѣсь, 101—104.

судебныхъ мѣстахъ, она отвергла даже самое подозрѣніе на нее взводимое; да и въ казанскихъ судебныхъ мѣстахъ, также на двухъ священническихъ увѣщаніяхъ, и въ просьбѣ въ правительствующій сенатъ, она постоянно утверждала, что не причастна сему злодѣянію, что она невинна.

«Скороспѣшное погребеніе Тоузакова могло послѣдовать и отъ предразсудка, въ народѣ существующаго, что душа покойника мучится въ тѣлѣ, доколѣ къ нему не прикоснется земля, отчего и произошелъ обычай родственникамъ первымъ бросать землю на гробъ, опущенный въ могилу. Таковое мнѣніе могъ имѣть Тоузаковъ. Оно, можетъ быть, было поводомъ завѣщать женѣ своей похоронить его въ день смерти. Самое безвинное побужденіе и покорность жены выполнить волю мужа своего, дали подозрѣніе въ учиненіи ею тяжкаго преступленія. Она и другіе съ нею пятый годъ томятся въ тюремномъ заключеніи съ убійцами. Сіе жестокое страданіе достаточно искупило уже провинность Тоузаковой въ показаніи себя предъ слѣдователемъ Бутурлинымъ убійцею и въ оговорѣ соучастниками другихъ. Всѣ обстоятельства дѣла свидѣтельствуютъ противное тому и защищаютъ подсудимыхъ. Они должны быть чужды сему преступленію. Совѣсть и крайнее разумѣніе убѣждаютъ меня, что наведеніе на себя Тоузаковою обвиненія не могло быть искреннимъ и по чувствамъ. Я осмѣливаюсь мыслить, что когда подсудимые невинны предъ Богомъ, то таковыми они явятся и предъ всеавгустѣйшимъ своимъ монархомъ».

Далѣе слѣдуетъ самое мнѣніе Мордвинова.

«Еслибы, говоритъ онъ, по настоящему уголовному дѣлу, гражданскій департаментъ въ мнѣніи своемъ о подсудимыхъ и ошибся, то онъ поступилъ осторожно, и осторожность свою основалъ на законахъ.

«Петръ Великій повелѣлъ: «Собственнаго подсудимыхъ признанія не уважать, когда оно убѣдительными обстоятельствами не подкрѣплено».

«Екатерина Великая подтвердила древній россійскій

законъ: «Лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить».

«Александръ Благословенный начерталъ: «Если я хочу, чтобы преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, то еще болѣе желаю, чтобы невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ своему оправданію».

«Нынѣ царствующій императоръ, даровавшій Россіи сводъ законовъ, призываетъ: «обнаруживать преступленія не признаками вѣроятностей или подозрѣній, но доказательствами достовѣрными»...

«Гражданскій департаментъ, при первомъ прочтеніи сего огромнаго, многолѣтняго и различно изслѣдованнаго дѣла о помѣщицѣ Тоузаковой, и прочихъ, не поспѣшилъ осудить на каторгу, правосудію его преданныхъ. Онъ слышалъ, съ одной стороны, обвиненія, съ другой—оправданія, и первоначально приступилъ къ открытію причинъ, кои могли бы побудить къ совершенію столь великаго злодѣянія, каково есть умерщвленіе женою мужа своего, и притомъ такого мужа, который много лѣтъ велъ жизнь отшельническую, который крѣпостнымъ актомъ передалъ въ полную власть женѣ своей все имѣніе свое, который устранилъ себя отъ всѣхъ дѣлъ семейныхъ, дабы ничто не могло отвлекать его отъ служенія Богу, который прожилъ съ женою 30 лѣтъ въ мирѣ и добромъ согласіи, о чемъ онъ, приготовляясь къ смерти, въ разительныхъ изреченіяхъ засвидѣтельствовалъ письменно, и что подтвердили многіе сосѣди его. Притомъ же департаментъ усумнился, можетъ ли любострастіе въ женѣ 60-тилѣтней, кривой, безъ руки, сочетавшей два раза бракомъ названнаго любовникомъ ея, прежде съ воспитанницею своею и потомъ съ дочерью помѣщика Кар...ина, доказано быть *психологіею*, и любовникъ быть указанъ пастухомъ, слабоумнымъ, не знающимъ сосчитать своихъ пяти пальцевъ? Менѣе того департаментъ могъ убѣдиться, чтобы любовница въ здравомъ умѣ могла называть любовника своего соучаст-

никомъ въ убійствѣ, и сіе обстоятельство могло быть принято за доказательство любви. Между тѣмъ, департаментъ усмотрѣлъ въ обвинителѣ *корыстолюбивые виды* и алчность завладѣть имѣніемъ подсудимыхъ безъ всякихъ законныхъ правъ, въ чемъ изобличенъ онъ предъ гражданскимъ судомъ.

«Департаментъ, видя въ дѣлѣ обстоятельства, одно другому противорѣчащія, сравнивая достоинства свидѣтелей съ одной и другой стороны, взвѣшивая обвиненія съ оправданіями, признанія съ отреченіями, правдоподобіе съ здравымъ разсудкомъ, воздержался отъ скоропѣшнаго приговора, по терпѣливо и многократно со всѣмъ вниманіемъ выслушивалъ дѣло: *въ семи засѣданіяхъ* обсуживалъ и совѣщался по оному, дабы не дать торжества клеветѣ, подстрекаемой на пагубу ближнихъ корыстолюбіемъ, и не подвергнуть невинность хулѣ и тягчайшему въ законахъ нашихъ наказанію, когда каждое обстоятельство дѣла требовало особеннаго вниманія и разсужденія.

«Сіе краткое объясненіе, я, въ лицѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, за обязанность почелъ изложить, для оправданія въ нареканіи предъ общимъ собраніемъ государственнаго совѣта, что мнѣніе департамента по настоящему дѣлу *не есть юридическое, а адвокатское*.

«Я дополняю, что еслибы мнѣніе сіе и дѣйствительно могло быть принято въ такомъ родѣ, то департаментъ почитаетъ всегда за священный для себя долгъ *ограждать невинность, когда нѣтъ для осужденія убѣдительныхъ* причинъ; онъ строго наблюдаетъ законы, какъ въ обвиненіи преступниковъ, такъ и въ оправданіи невинныхъ, *и, къ прискорбію, чаще подвергается первымъ, нежели послѣднимъ случаямъ*».

Въ другомъ случаѣ Мордвиновъ выступилъ противъ рѣшенія сената—дать выговоръ тверскому губернатору, графу Толстому, за облегченіе участи подсудимаго Жеребцова. По

мнѣнію Мордвинова, такого выговора заслуживалъ самъ сенатъ [1]).

Но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ начипатели исковъ очевидно нарушали законъ и дѣло являлось въ формѣ ябеды, Мордвиповъ былъ неумолимъ. Таково его мнѣніе по дѣлу камергера Всеволожскаго. Послѣдній паслѣдовалъ имѣпіе послѣ дяди своего, купленное имъ въ 1773 году у барона Строгонова въ Пермской губерніи. Всѣми законными основапіями оно было укрѣплено за Всеволожскимъ; но въ 1817 году противъ послѣдняго былъ объявленъ искъ управляющимъ казенными богословскими заводами, не смотря даже на новое обмежеванie спорныхъ земель, подтвердившее права владѣльца. Министръ финансовъ далъ ходъ иску, и оно прошло, безъ всякаго опредѣленія, по всѣмъ инстанціямъ, до государственнаго совѣта, гдѣ оно разсматривалось уже въ январѣ 1827 года. «Излишне было бы, говоритъ Мордвиновъ, приводить здѣсь права, утверждающія неприкосновенность собственности Всеволожскаго», такъ какъ они подтверждены какъ письменными свидѣтельствами, такъ и обстоятельствами дѣла, которыхъ не могъ опровергнуть истецъ. Но онъ указываетъ на другую сторопу дѣла. «Министръ финансовъ, замѣчаетъ Мордвиновъ, первоначально являетъ себя защитникомъ казеннаго достоянія, а потомъ ходатайствуетъ за графиню Шувалову; въ первомъ случаѣ, какъ государственному правителю, не надлежало принимать доноса, пе подтверждаемаго никакими законными доводами, и тогда бы частное лице пе имѣло безпокойствъ и убытковъ, а впослѣдствіи и того меньше предлежалъ правильный поводъ къ защитѣ графини Шуваловой, когда законы и обстоятельства дѣла со всею разительною ясностію преградили ей всякое право на искъ.

«Никакая власть, кромѣ самодержавпаго государя, не можетъ измѣнить твердости законнаго порядка: выполненіе

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XII.

его составляетъ благоденствіе подданныхъ, какъ, напротивъ, нарушеніе причиняетъ имъ наичувствительнѣйшія оскорбленія. Чѣмъ можно вознаградить Всеволожскаго за всѣ убытки, кои понесены имъ впродолженіи многихъ лѣтъ чрезъ произвольное дѣйствіе внѣ законовъ? Но сіе, повидимому, столь необыкновенное и примѣрное дѣло Всеволожскаго не можетъ почесться первымъ: подобнаго рода дѣла нерѣдко повторялись. Они начали возрождаться и доходить до государственнаго совѣта съ тѣхъ поръ, какъ предмѣстникъ нынѣшняго министра финансовъ взялъ на себя право быть управляющимъ и судьею по всѣмъ казеннымъ дѣламъ. Отъ такого смѣшенія двухъ совершенно различныхъ занятій, потеряли право судьи, законный ходъ и право частной собственности — свою непоколебимость. Тогда, для личной корысти, распространился духъ ябеды, доносы умножились, тогда отдѣлилась польза казенная отъ частной, долженствующія быть нераздѣльными для общаго ихъ благосостоянія».

По этимъ соображеніямъ, Мордвиновъ считалъ несправедливымъ даже продолжать самый искъ судебнымъ порядкомъ, и, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ быть остановленъ и уничтоженъ. Съ другой стороны, управляющаго казенными заводами, за ложный доносъ и ябеду, слѣдовало бы предать всей строгости уголовныхъ законовъ, но, въ силу всемилостивѣйшаго манифеста, отъ 26 августа 1826 года, онъ предлагалъ освободить его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія [1]).

Мордвиновъ не пренебрегалъ и формальными сторонами дѣла, если онѣ могли послужить въ пользу его разъясненія. Такъ, когда въ сенатѣ судили одного выѣхавшаго изъ Россіи, то Мордвиновъ предложилъ, прежде постановленія рѣшенія, сдѣлать ему три формальныхъ вызова [2]).

1 февраля 1827 года Мордвиновъ подалъ мнѣніе въ

---

[1]) Собраніе мнѣній, т. VIII. Чт. Моск. общ. истор., 1861, I, смѣсь. 209—212.

[2]) Записки Ив. Головина, 83.

комитетъ министровъ, въ защиту подачи жалобъ государю на рѣшенія высшихъ судебныхъ мѣстъ. Идеалъ суда, по его мнѣнію, есть судъ присяжныхъ; но такъ какъ этого института тогда не было въ Россіи, то обжалованіе высшихъ судебныхъ мѣстъ предъ государемъ онъ считалъ необходимымъ допустить. Онъ ссылается на авторитетъ Монтескье, указывающаго, что справедливые приговоры въ общихъ собраніяхъ часто бываютъ на сторонѣ меньшинства, и приводитъ въ примѣръ фактъ изъ русской практики: такъ, бывали случаи, что изъ сената по одному дѣлу поступало до 8 и болѣе мнѣній; «былъ примѣръ, что отъ 10 сенаторовъ послѣдовало 11 голосовъ». Мордвиновъ требуетъ строгаго надзора за судебными мѣстами и высшею администраціею. За принятіе судебными мѣстами доносовъ онъ предлагаетъ налагать штрафы, а духовный судъ подчинить общимъ основаніямъ, такъ чтобы дѣла съ заключеніями синода поступали въ государственный совѣтъ. «*Иначе*, говоритъ онъ, *является двѣ власти: одна самодержавнаго императора, а другая духовная—синодальная*» [1]). Изъ этого видно, какою широтою взгляда на этотъ предметъ отличался Мордвиновъ, даже въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ современныхъ канонистовъ и органовъ печати, видящихъ въ подчиненіи духовенства общему суду чуть-ли не догматическое отступленіе.

Мордвиновъ радовался появленію свода законовъ, какъ установленію положительнаго законодательства въ Россіи [2]), но желалъ, чтобы руководящею мыслію въ манифестѣ по этому дѣлу были человѣколюбивыя изреченія наказа Екатерины II [3]). Въ своихъ же замѣткахъ, по поводу тогдашнихъ

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

[2]) Онъ былъ отпечатанъ въ 15 томахъ къ концу 1832 г. и обнародованъ манифестомъ 31-го января 1833 года. См. Жизнь графа Сперанскаго, т. II, гл. 2.

[3]) Мнѣніе о сводѣ законовъ, отъ января 1833 года, и мысли о сводѣ законовъ въ Собраніи мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XI.

законодательныхъ работъ, Мордвиновъ писалъ: «Судъ и расправу учредить при открытыхъ дверяхъ; сдѣлать правосудіе скоро исполнительнымъ; 50 огромныхъ томовъ законовъ нашихъ [1]), *заключить въ 2 умѣренной величины*: одного, содержащаго гражданскій уставъ, другаго—уголовный уставъ» [2]).

Этими pia desideria въ области юридической реформы заканчиваемъ мы обозрѣніе дѣятельности Мордвинова въ званіи президента департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

---

19 декабря 1838 года окончилось предсѣдательство Мордвинова въ означенномъ департаментѣ [3]), и, какъ кажется, эта перемѣна находилась въ связи съ неудовольствіемъ на Мордвинова по поводу, указанной нами выше, записки о питейномъ откупѣ, поданной имъ въ 1838 году. Но отъ того же времени сохранилось еще нѣсколько его мнѣній, относящихся къ государственному управленію.

Мы уже упоминали, что вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Николая I былъ учрежденъ специальный комитетъ для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ, названный, по дню его образованія, комитетомъ 6 декабря 1826 года. Онъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, изъ князя А. Н. Голицына, графа Дибича, графа П. А. Толстаго, И. В. Васильчикова и Сперанскаго. Комитету было поручено разсмотрѣть: бумаги, найденыя въ кабинетѣ императора Александра I, и пересмотрѣть существующее государственное управленіе, съ цѣлью пополненія и измѣненія его. Новаго матерьяла для указанной цѣли въ бума-

---

[1]) Полное собраніе законовъ, оконченное печатаніемъ къ 17 апр. 1830 года, было издано въ 45 огромныхъ томахъ, въ 48 частяхъ in 4. Жизнь графа Сперанскаго, II, 316.

[2]) Собраніе мнѣній, т. IX, стр. 280.

[3]) Даневскій, Истор. образов. госуд. совѣта, прилож., стр. 26.

гахъ покойнаго государя не оказалось, и потому комитетъ занялся пересмотромъ существующихъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, была возобновлена мысль о правительствующемъ и судебномъ сенатѣ и вновь пересмотрѣнъ проектъ этого учрежденія, составленный въ 1811 году. Само собою понятно, что главнымъ двигателемъ въ этихъ работахъ снова сталъ Сперанскій. Онъ составилъ и программу для дальнѣйшей дѣятельности комитета. Въ нее вошли: 1) обозрѣніе учрежденій государственныхъ (совѣта, сената и министерствъ) и губернскихъ, со стороны ихъ исторіи, послѣдовательныхъ измѣненій, настоящаго положенія и необходимыхъ улучшеній; 2) обозрѣніе разныхъ частей управленія (финансовъ, законовъ о собственности, о состояніяхъ и о порядкѣ судопроизводства); 3) разборъ прежнихъ проектовъ и порядокъ введенія ихъ въ дѣйствіе. Въ своей программѣ Сперанскій стоялъ за необходимость системы въ работахъ и самомъ примѣненіи ихъ. Но изъ всѣхъ этихъ плановъ былъ приведенъ въ исполненіе одинъ законъ *о выборахъ и собраніяхъ дворянства*, обнародованный 6 декабря 1831 года (Полное собр. зак., № 4,989). Сверхъ того, въ 1830 году поступилъ въ государственный совѣтъ, выработанный въ комитетѣ, проектъ новаго постановленія *о состояніяхъ* (о порядкѣ гражданской службы, объ уничтоженіи чиновъ, и. т. п.; о дворовыхъ людяхъ; объ ограниченіи раздробленія населенныхъ имѣній). Всѣ эти предположенія были разсмотрѣны въ совѣтѣ въ мартѣ и апрѣлѣ 1830 года (въ 15 засѣданіяхъ). Они возбудили горячія пренія, но все таки прошли значительнымъ большинствомъ голосовъ, съ частными перемѣнами и исправленіями. Въ засѣданіи 26 апрѣля присутствовалъ самъ государь, причемъ вновь были прочтены всѣ проекты. Государь же заявилъ, чтобы «члены со всею откровенностью и по долгу присяги изъявили свои мнѣнія на тѣ части, кои считаютъ неудобными, имѣя въ виду, что его величество желаетъ одной только пользы государству». И «хотя нѣкоторыя возраженія, говоритъ графъ Корфъ, сдѣ-

данныя вслѣдствіе этого вызова нѣсколькими членами, были тутъ же отклонены всѣми другими, и затѣмъ всѣ проекты совѣтъ поднесъ къ окончательнай конфирмаціи въ одобренномъ большинствомъ видѣ, однако самое дѣло умерло тогда безъ результатовъ. Должно ли это приписать весьма сильнымъ возраженіямъ, представленнымъ отъ цесаревича Константина Павловича, къ которому проекты были пересланы въ Варшаву, или замѣчаніямъ, слышаннымъ въ совѣтѣ, или собственному убѣжденію императора Николая I, что предметъ еще не достигъ надлежащей зрѣлости, или, наконецъ, вліянію неожиданно разразившихся въ это самое время революцій, французской и бельгійской, только проекты остались неутвержденными и совѣту не было объявлено по нимъ никакого дальнѣйшаго повелѣнія. Государь, сосредоточивъ все свое вниманіе на наступившихъ, въ то время, важныхъ политическихъ переворотахъ, охладѣлъ къ этому дѣлу; комитетъ, не бывъ формально закрытъ, ослабилъ и потомъ совсѣмъ прекратилъ свои занятія, и всѣ его проекты были переданы въ 1-ое отдѣленіе государственной канцеляріи *для храненія*» [1]).

Этимъ окончилось продолженіе дѣла, начатаго Сперанскимъ при императорѣ Александрѣ I. Впослѣдствіи, по поводу одной неудачи, Сперанскій такъ отзывался о своихъ работахъ: «Я уже слишкомъ старъ, чтобы сочинять и отстаивать сочиненное, а всего тяжелѣе то, что сочиняешь съ увѣренностью не дожить до плода своихъ трудовъ» [2]).

Понятно, что Мордвиновъ, такъ много ратовавшій прежде вмѣстѣ со Сперанскимъ въ пользу кореннаго преобразованія устарѣлыхъ формъ управленія въ Россіи, не могъ не отозваться какъ на дѣятельность комитета 6 декабря, такъ и при обсужденіи проектовъ послѣдняго въ государственномъ совѣтѣ. Будучи противникомъ «одноличнаго управленія»,

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, II, 331—337.

[2]) Ibid., II, 341.

онъ уже 1 іюня 1827 года представилъ императору Николаю свое «мнѣніе о коллегіальномъ и министерскомъ управленіи въ Россіи» [1]).

«Россія, пишетъ онъ тамъ, со времени образованія ея Петромъ Великимъ, около столѣтія управляема была коллегіями.

«Но когда предѣлы сего царства получили обширнѣйшее пространство, и когда народъ россійскій вошелъ въ новыя нужды и достигъ той степени просвѣщенія, при которыхъ коллегіальное управленіе признано было останавливающимъ дальнѣйшіе успѣхи его усовершенствованій, необходимо нужные, какъ для общаго благосостоянія, такъ и для частныхъ соотношеній и пользъ, то блаженной памяти императоръ Александръ I уничтожилъ коллегіи и учредилъ министерства, дозволивъ имъ отступать отъ законовъ, но только отвѣчать за послѣдствія. Съ тѣхъ поръ въ правленіи Россіи не всегда слѣдовали законамъ, а большею частью оно стало производиться по министерскимъ *мнѣніямъ*, кои государь императоръ утверждаетъ, и мнѣнія часто замѣняли законы.

«Сколь ни уважительна была для такой перемѣны причина и сколь, повидимому, ни полезнымъ казалось учрежденіе министерствъ, но уничтоженіе власти, исполняющей свято законы и замѣщеніе оной другою, ничѣмъ не ограниченною и свободною, по умозаключеніямъ своимъ дѣйствующею, могло сдѣлать управленіе Россіи нетвердымъ, часто измѣняемымъ, часто произвольнымъ, всегда зависящимъ отъ умственныхъ способностей и душевныхъ качествъ правителей. Но Сюлли, Кольберты и Питты рѣдко являются, а потому не всегда можно одному лицу, безъ нѣкоего опасенія предоставлять право отклоняться отъ законовъ и измѣнять оные.

«Отъ ослабленія же силы законовъ и постояннаго ихъ

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII; печатный текстъ въ Чтен. Моск. общ. истор., 1864, III, смѣсь, 154—160.

дѣйствія послѣдовали въ государственномъ благоустройствѣ многія неудобства.

«Неудобства еще болѣе начали возникать, когда министры успѣли отклонить отъ себя возложенную на нихъ учрежденіемъ *отвѣтственность*. Она единая могла воздержать самовластіе, остеречь въ предпріятіяхъ, остановить самонадѣянность, оградить права личныя и относящіяся къ собственности подвластныхъ имъ людей, увеличить ихъ заботливость и доставленіе каждому и всѣмъ вообще высшей степени благосостоянія.

«Но министры, дабы выйти изъ такой отвѣтственности, которая могла быть для нихъ тягостною, открыли легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи *комитета министровъ*. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а наконецъ всѣ безъ изъятія, и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ сословіемъ министровъ и утверждено высочайшею властію, до нихъ лично коснуться не можетъ.

«Сему самому начали слѣдовать и всѣ подчиненныя имъ лица и мѣста, такимъ образомъ, что ни одинъ чиновникъ и никакое присутственное мѣсто не могутъ быть закономъ преслѣдуемы.

«Директоры же, правители главныхъ частей государственнаго состава, сдѣлались безмолвными исполнителями воли министровъ и равно безотвѣтными по ихъ управленію. Хотя они долженствовали бы быть совѣтниками начальниковъ своихъ, но осмѣлиться на сіе не могутъ, будучи во всегдашнемъ опасеніи встрѣтить противное ихъ мнѣнію и чтобы откровенностью своею не огорчить того, кому совершенно предана судьба ихъ, а съ нею и личное ихъ благосостояніе.

«Въ такомъ положеніи правительства, не только не могъ ускориться ходъ дѣлъ, но каждое дѣйствіе встрѣтило новое

препинаніе, и предполагаемая поспѣшность въ исполненіи замѣнилась *сочиненіемъ бумагъ.* Они размножились повсемѣстно до безконечности, и дѣло, которое могло бы, при твердомъ соблюденіи законовъ, разрѣшиться капитанъ-исправникомъ или городничимъ, проходитъ по разнымъ высшимъ инстанціямъ, и оставляется безъ исполненія продолжительное время; а когда получается разрѣшеніе, то нерѣдко бываетъ, что оно несогласно съ случаемъ и неудобоисполнительно по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

«Сколь ни велики, съ учрежденія министерскаго управленія, оказывались разстройства по разнымъ государственнымъ частямъ, правосудіе наиболѣе потерпѣло, и сему причиною бывало то, что измѣнился коренной судебный порядокъ, и въ комитетъ министровъ начали входить дѣла тяжебныя, кои, по свойству своему, должны необходимо подлежать разсмотрѣнію и разрѣшенію однихъ судебныхъ мѣстъ. Комитетъ министровъ, составляя власть исполнительную, не можетъ никакихъ тяжбъ разсматривать съ подробностію, заниматься судебнымъ долголѣтнимъ производствомъ, отдѣлять побочныя обстоятельства отъ самаго существа дѣла и безошибочно, въ сложной и часто хитро затѣянной тяжбѣ увидѣть правду, и, сообразно съ оною и приличными законами, основать свое мнѣніе.

«Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что *раздѣленіе властей* составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой...

«Между европейскими державами почитается худшимъ правленіемъ—турецкое, потому что тамъ не судья судитъ, но паша. Онъ рѣшаетъ дѣла тяжебныя о собственности и казнитъ виновныхъ не по приговору судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своему произволу.

«*Такое нераздѣленіе властей* въ турецкомъ правитель-

ствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ *не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно же водворилась дикость, уныніе и нищета.* Нынѣ въ Аѳинахъ живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы, *тамъ кружатся съ крикомъ дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми.* Столь пагубно смѣшеніе властей, поставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ земныхъ.

«Но дабы согласить пользу, могущую проистекать отъ умозрѣнія правителей, одаренныхъ превосходными способностями и движимыхъ рвеніемъ къ отечественному благу (что было въ виду при учрежденіи министерствъ), съ единообразнымъ и твердымъ исполненіемъ законовъ, доколѣ они верховною властію не измѣнятся или не уничтожатся, то не безполезно было бы *оставить министерское управленіе съ возстановленіемъ коллегій*, на слѣдующемъ основаніи:

«Коллегіи управляютъ по существующимъ законамъ.

«Министръ представляетъ государю императору доклады отъ коллегій, излагая при оныхъ свое мнѣніе, когда находитъ что нибудь или полезнымъ къ отмѣнѣ, или потребнымъ къ усовершенствованію.

«Всѣ дѣла приводятся въ исполненіе указами отъ коллегіи.

«Рѣшенія коллегіи сообщаются министру прежде исполненія ихъ.

«Министръ присутствуетъ въ коллегіи, когда усматриваетъ въ томъ надобность.

«Журналовъ онъ не подписываетъ, но предоставляетъ оные исполнять, когда соглашается съ рѣшеніемъ коллегіи»...

Наконецъ, въ подтвержденіе превосходства коллегіальнаго управленія, Мордвиновъ приводитъ рядъ изреченій Петра Великаго изъ духовнаго регламента, въ которыхъ онъ дока-

зываетъ превосходство «соборнаго правленія» передъ «одноличнымъ». Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Во первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина *соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ*... Случается, что въ нѣкоей трудности усмотритъ тое человѣкъ простой, чего не усмотритъ книжный и остроумный.

«А яко извѣстнѣе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла, понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ *приговоръ соборный, нежели единоличный* указъ.

«Еще же и се важно есть, что въ единомъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію. *Инако въ правленіи соборномъ*...

«Но сіе наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста *пристрастію, коварству, лихоимному суду*... Се же наипаче, егда коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ согласиться, сіе есть, аще будутъ лица *разнаго чина и званія*.

«И се томужъ подобно, что коллегіумъ *свободнѣйшій духъ* въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва, сильныхъ боится...

«Наконецъ, въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая *школа правленія*; ибо отъ сообщенія многихъ различныхъ сужденій, и совѣтовъ, и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частныя дѣла требуютъ, всякъ отъ сосѣдателей удобно можетъ научиться и повседневнымъ искусствомъ навыкнути, какъ бы лучше управить возмогъ».

«Такъ мыслилъ и убѣждалъ Петръ I, заключаетъ Мордвиновъ. Онъ изложилъ въ семъ уставѣ не единую самодержавную волю свою, но укрѣпилъ ее пользою государства, проистекающею отъ превосходства совѣщательнаго сужденія... Но какъ прошло уже болѣе столѣтія отъ образованія чиноначалія въ Россіи, и многія дѣйствительно послѣдовали пере-

мѣны въ степени просвѣщенія и нуждахъ народа, то, при такомъ уже состояніи, ближайшимъ было бы средствомъ для благоденствія его соединить вмѣстѣ оба рода правленія: одно, которое бы исполняло въ точности законы, а другое, которое бы, при усмотрѣніи въ оныхъ недостатка, заботилось о потребномъ ихъ дополненіи и усовершенствованіи».

Въ предыдущемъ мнѣніи Мордвиновъ разсматриваетъ характеръ высшаго управленія въ Россіи, со времени реформы его въ началѣ XIX вѣка, и указываетъ на тѣ недостатки, которые произошли въ немъ вслѣдствіе отступленій отъ первоначальныхъ положеній одного изъ основныхъ учрежденій въ общей системѣ означенныхъ реформъ.

Обсужденіе другихъ вопросовъ, возбужденныхъ комитетомъ 6 декабря, также вызвало Мордвинова на особыя мнѣнія. Вотъ что писалъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ «на присвоеніе чинамъ должностей», по поводу преній о чинахъ, проектъ о которыхъ разсматривался въ государственномъ совѣтѣ въ апрѣлѣ 1830 года:

«Адмиралъ Мордвиновъ, признавая разумное учинить полезнымъ, разсуждаетъ притомъ, что вѣчное будетъ существовать *препинаніе просвѣщенію въ Россіи, доколѣ чинамъ, а не уму и способностямъ* присвоены будутъ мѣста и почести, сопряженныя съ ними при начальномъ учрежденіи чиновъ и раздѣленіи ихъ на классы. Было время, въ которое никто не принималъ на себя охотно никакой служебной должности. Тогда всякій способъ, побуждающій къ служенію, былъ хорошъ. Ненужно было тогда разсуждать о послѣдствіяхъ дальнѣйшихъ и временахъ не настоящихъ. При грубомъ состояніи народа, начальныя познанія наукъ, для первыхъ подвиговъ вводимаго просвѣщенія, почтены быть могли достаточными, и дитя, обученное складамъ, ариѳметикѣ и простой геометріи, могло назваться ученымъ. Нынѣ иное, и многое потребно, чтобы быть знающимъ и существенно полезнымъ. Но нынѣ, для полученія чина, юноши 14-лѣтніе *оставляютъ ученіе*, опредѣляются къ

мѣстамъ, восходятъ на степени, и на высшихъ степеняхъ судятъ и правятъ часто, *съ просвѣщеніемъ 14-лѣтнихъ дѣтей.* Изъ чиновъ же вредными почесться должны отъ 14 до 10 класса, ибо они предоставлены въ надѣленіе юношей недоученныхъ, не достигшихъ познаній. Законъ вѣчнаго служенія давно уже отмѣненъ. *Современный оному о чинахъ, должно бы, для вещей пользы, отмѣнить и возвратить права уму и наукамъ, коихъ они донынѣ лишены.*

«Чины могутъ принадлежать мѣстамъ, соотвѣтственно важности возлагаемыхъ должностей, а не мѣста чинамъ... Питту первый чинъ въ Россіи былъ бы коллежскаго регистратора; въ Англіи его чинъ былъ—министра, первенствующаго въ государственномъ совѣтѣ и верховномъ правленіи, и сіе потому, что до 24 лѣтъ онъ усовершался въ кембриджскомъ университетѣ» [1]).

И въ другомъ мнѣніи, по поводу преній о чинахъ [2]) Мордвиновъ снова высказывается за совершенное уничтоженіе ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ касается и другихъ вопросовъ, бывшихъ предметомъ обсужденія въ совѣтѣ и возбужденныхъ тѣмъ же комитетомъ. Здѣсь онъ возражаетъ противъ заповѣдныхъ имѣній, преимуществъ военной службы, стѣсненія отпуска крестьянъ на волю требованіемъ уплаты помѣщику податей до новой ревизіи; противъ запрещенія брать рекрутъ изъ дворовыхъ людей и въ дворовые люди изъ крестьянъ, въ случаѣ раздробленія имѣній [3]). На запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли онъ все таки смотритъ какъ на отягощеніе для нихъ, хотя сознаетъ и многія выгоды этого запрещенія. Въ заключеніе этого

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. VIII.

[2]) Ibid., т. IX.

[3]) Въ особомъ мнѣніи Мордвиновъ развиваетъ мысль, что служеніе въ домѣ господъ *не унижаетъ человѣка*, если оно основано на *добровольномъ* согласіи служащихъ. Оно написано по поводу преній о дворовыхъ людяхъ. Собраніе мнѣній, т. IX.

мнѣнія Мордвиновъ особенно указываетъ на недостатокъ въ новыхъ законоположеніяхъ опредѣленія личныхъ и гражданскихъ правъ, а также на закрѣпленіе крестьянъ.

Но въ одномъ изъ своихъ мнѣній, по поводу преній о чинахъ, Мордвиновъ выразился: «Не о томъ болитъ сердце русскаго народа». Противъ этихъ словъ государь императоръ собственноручно написалъ: «Весьма буду благодаренъ адмиралу Мордвинову, если сообщитъ мнѣ свои мысли и виды, какимъ образомъ вывести Россію изъ того положенія, въ которомъ ее нынѣ находитъ?» На этотъ вызовъ Мордвиновъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Съ перваго году царствованія государя императора Александра I, до самой кончины его, и при царствованіи вашего императорскаго величества, я рачительно излагалъ, по управленію финансами, мои мысли, основанныя на тѣхъ истинныхъ началахъ, кои могъ я познать *въ продолженіи 60 лѣтъ прилежнаго и всегда постояннаго изученія науки финансовой*. По тому рвенію, какое я употреблялъ, она должна была созрѣть и твердо укорениться въ понятіи моемъ, тѣмъ болѣе, что неизмѣнныя истины ея прилагалъ я всегда къ состоянію и ходу дѣлъ въ Россіи. Не теоріи въ мнѣніяхъ моихъ я излагалъ, но описывалъ настоящую болѣзнь, причины оной и способы излеченія. Но то были совѣты, а совѣты, сколько бы полезны ни являлись, всегда будутъ тщетными, когда нѣтъ для нихъ исполнителя свѣдущаго и ревностнаго. При всѣхъ соревнованіяхъ и различныхъ видахъ, всѣ мои предложенія оставались недѣйствительными. Я испытывалъ гоненія и былъ удаляемъ; но никакая скорбь, никакія непріязненныя встрѣчи, не могли погасить ревности и непоколебимой любви моей къ августѣйшимъ моимъ монархамъ, и я продолжалъ писать. Въ многочисленныхъ бумагахъ моихъ, *въ продолженіи 30 лѣтъ* подаваемыхъ, я истощилъ уже все мое знаніе. Теперь остается мнѣ заключить ихъ единою мыслію, но существенно

полезнѣйшею, единою, могущею водворить въ Россіи спокойствіе и доставить всеобщее благоденствіе.

«Я осмѣливаюсь изложить мою мысль двумя простонародными пословицами, ибо въ нихъ заключается великая и благотворная истина.

«Первая: *Не купи село, купи прикащика.*

«Вторая: *Ложка дегтю въ бочкѣ меду всю сладость испортитъ.*

«Всевышній Творецъ одарилъ Россію необыкновеннымъ богатствомъ: и по пространному лицу ея, и въ нѣдрахъ, и въ небесахъ, распростертыхъ надъ нею, готовыхъ уплождать; но *нѣтъ ока видящаго*, объемлющаго сіе изобиліе даровъ, могущаго съ успѣхомъ прикоснуться къ нимъ, и силою ума и радѣнія обратить ихъ на пользу.

«Но и сего для счастливой судьбы вашего императорскаго величества не недостаетъ. Вы имѣете человѣка (князь Ксаверій Францовичъ Друцкой-Любецкій), одареннаго высокими познаніями, теплаго сердцемъ, дѣятельнаго, опытомъ извѣданнаго, каковыхъ вѣка производятъ. Извѣстно, что въ три прошедшіе вѣка считаютъ только трехъ великихъ правителей финансовъ: Сюлли, Кольберта и Питта. Между рожденіемъ каждаго изъ нихъ протекли столѣтія.

«Сравните, государь, царство Польское съ Россіею. Первое: въ малое число лѣтъ, изъ изнеможеннаго, скуднаго въ доходахъ состоянія, стяжало во всемъ изобиліе, частное довольство, а государственное казначейство въ значительномъ избыткѣ. Россія же, при естественномъ ея великомъ богатствѣ, за всѣми обольщеніями, и процвѣтаніи ея, страждетъ въ частныхъ и государственныхъ доходахъ.

«Тщетно будетъ дарованное природою богатство; тщетны будутъ совѣты, доколѣ не будетъ *правителя*, способнаго оными располагать и обращать ихъ на всеобщую пользу.

«Симъ откровеннымъ изложеніемъ чувствъ и мысли моей: «чѣмъ болитъ сердце русскаго народа», чѣмъ, конечно, болитъ и сердце вашего императорскаго величества, я испол-

няю вашу волю, когда удостоили списходящимъ ко мнѣ обращеніемъ, ознаменовывающимъ величіе души вашей» [1]).

Около того же времени состоялось предположеніе о назначеніи въ сенатъ предсѣдателей. Этотъ вопросъ обсуждался въ государственномъ совѣтѣ 11 января 1832 года, а 12-го Мордвиновъ внесъ въ совѣтъ особое мнѣніе. Онъ говоритъ, что прежде предсѣдателемъ сената былъ самъ государь, а потому введеніе предсѣдателей возбудитъ пристрастіе въ сенатѣ, такъ какъ представленіе ихъ будетъ зависѣть отъ министра юстиціи; съ другой стороны, старшинство службы потеряетъ значеніе; *свобода мнѣній* ослабѣетъ чрезъ зависимость членовъ сената отъ предсѣдателей; размѣщеніе сенаторовъ по департаментамъ подвергнется затрудненію отъ честолюбія, свойственнаго присутствующимъ въ сенатѣ. «Можетъ быть дѣла и пойдутъ лучше, заключаетъ Мордвиновъ, но едва ли правды будетъ болѣе на судѣ». 12 марта, журналъ совѣта, подписанный 17 членами, былъ отправленъ къ государственному секретарю. Но въ слѣдующій понедѣльникъ (19 марта), Мордвиновъ, по причинѣ болѣзни, не присутствовалъ въ совѣтѣ, а потому утвержденіе журнала съ новымъ узаконеніемъ состоялось безъ него. Съ его же мнѣніемъ согласились только князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ (управлявшій не задолго передъ тѣмъ министерствомъ юстиціи) и А. П. Ермоловъ.

Это обстоятельство вызвало Мордвинова на новое мнѣніе, въ которомъ онъ полнѣе развиваетъ свою мысль о новой мѣрѣ по устройству сената. Онъ отвергаетъ высказанное нѣкоторыми сравненіе сената съ государственнымъ совѣтомъ. Послѣдній представляетъ собою учрежденіе законодательное, сенатъ—судебное, а потому онъ болѣе нуждается въ *свободѣ*

[1]) Чтен. Моск. общ. истор., 1863, III, смѣсь, 150—152. И въ другомъ мнѣніи, поданномъ 22-го марта 1832 года, о вспомоществованіи должникамъ, въ которомъ онъ соглашается съ мнѣніемъ князя Друцкаго-Любецкаго, Мордвиновъ также хвалитъ его финансовыя познанія и управленіе царствомъ Польскимъ. Собраніе мнѣній, т. X.

мнѣній. Здѣсь уже то представляетъ собою невыгодную сторону, что предсѣдатель можетъ неправильно поставить вопросъ. Тогда можетъ возникнуть борьба двухъ страстей: «съ одной стороны будетъ самовластіе, а съ другой—угодливость и уступчивость». Далѣе онъ говоритъ слѣдующее: «Адмиралъ Мордвиновъ готовъ согласиться, что настоящіе министры наши подобны ангеламъ: сердцемъ праведны, умомъ всевѣдущи, но они смертные, и мѣста ихъ заступить могутъ люди, коимъ страсти и другіе недостатки свойственны. Они могутъ быть властолюбивы, мстительны, угодливы: тогда правосудіе пострадаетъ, тогда честь, свобода, собственность всѣхъ насъ будутъ отданы волѣ министра юстиціи». Вопросы греческихъ софистовъ показываютъ, какъ можно злоупотреблять правдою. «Земская расправа зависѣла прежде отъ воеводъ; нынѣ правосудіе зависѣть будетъ отъ власти предсѣдателей въ верховномъ россійскомъ судѣ... *Направлять и приводить въ заблужденіе*—составляютъ дѣянія столь между собою близкія, что трудно ихъ различать и не быть жертвою невѣжества или хитрости, когда мысли человѣка лишены свободы и разсудку проложена насильственная стезя... Угодливость, уступчивость, равнодушіе, избѣжаніе споровъ, боязнь получить замѣчаніе или упрекъ, сдѣлаютъ сенаторовъ молчаливыми и удаляющимися отъ возраженій и пререканій... *ибо человѣкъ во всякомъ мѣстѣ, во всякое время, вездѣ и всегда одинъ и тотъ же человѣкъ...* По всѣмъ такимъ соображеніямъ, адмиралъ Мордвиновъ считаетъ священнымъ для себя долгомъ объявить съ твердою рѣшимостью, что учрежденіе предсѣдателей въ правительствующемъ сенатѣ и власть имъ предоставляемая къ изложенію вопросовъ, для рѣшенія по нимъ судебныхъ дѣлъ, могутъ нанести существенный вредъ правосудію и измѣнять нравственный и законный составъ сената». Вмѣстѣ съ тѣмъ Мордвиновъ предлагалъ введеніе строжайшей отвѣтственности министра юстиціи и оберъ-прокуроровъ.

Вторая половина того же мнѣнія посвящена разъясненію

причинъ медленнаго и неудовлетворительнаго хода дѣлъ въ сенатѣ. Такими причинами Мордвиновъ признавалъ: 1) назначеніе иногда неспособныхъ сенаторовъ, до старости лѣтъ неупражнявшихся въ гражданскихъ дѣлахъ и даже иногда незнающихъ русскаго языка; 2) неспособность оберъ-прокуроровъ, что случается нерѣдко; 3) лишеніе оберъ-секретарей и секретарей сената права производства въ коллежскіе ассессоры и статскіе совѣтники, вслѣдствіе чего нѣтъ поощренія къ дальнѣйшему движенію по службѣ способныхъ людей; 4) существованіе въ числѣ юрисконсультовъ людей опороченныхъ и изгнанныхъ изъ другихъ мѣстъ; 5) обширность бумаговодства; 6) недостатокъ сужденія въ общихъ собраніяхъ сената, причемъ министры юстиціи рѣдко присутствуютъ въ немъ, вслѣдствіе чего имъ приходится разомъ соглашать разнорѣчивыя письменныя предложенія; 7) недостатокъ особыхъ докладовъ; 8) доставленіе записокъ о предстоящихъ дѣлахъ нерѣдко наканунѣ или въ самый день засѣданія; 9) малочисленность собраній въ департаментахъ сената (всего четыре раза въ недѣлю), наконецъ 10) занятіе сенаторами постороннихъ должностей [1]).

Таковы были заявленія Мордвинова по предполагавшимся реформамъ высшаго управленія въ Россіи. Нельзя не замѣтить, что въ нихъ вѣетъ тотъ же духъ, которымъ были проникнуты люди реформы въ первые годы преобразовательной дѣятельности императора Александра I. Нельзя также не замѣтить, что и въ новое царствованіе Мордвиновъ шелъ, можно сказать, рука объ руку со Сперанскимъ; и хотя на этотъ разъ ихъ надеждамъ не суждено было исполниться, тѣмъ не менѣе, въ исторіи Россіи первой половины XIX вѣка, ихъ стремленіямъ должно быть отведено почетное мѣсто.

Мы привели выше сознаніе Сперанскаго въ неисполнимости пока его проектовъ, выраженное имъ въ откровенной бесѣдѣ графу Корфу; нѣсколько въ другой формѣ, но лишь

[1]) Оба мнѣнія о сенатѣ въ Собраніи мнѣній, т. X.

съ большимъ эмфазомъ, высказалъ такое же сознаніе Мордвиновъ въ бесѣдѣ съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе разсмотрѣннаго нами послѣдняго періода дѣятельности Мордвинова, намъ остается сказать о его новыхъ отношеніяхъ, разныхъ перемѣнахъ его жизни, о фактахъ, дополняющихъ характеристику его личности, наконецъ сдѣлать общее заключеніе о его дѣятельности.

Въ предисловіи мы указали на существованіе обширной переписки Н. С. Мордвинова, изданіе которой, безъ сомнѣнія, прольетъ много новаго свѣта на характеристику его дѣятельности и личныхъ отношеній. Такъ, онъ переписывался съ В. Н. Каразинымъ о состояніи русскихъ финансовъ, въ 1832 году [1]); въ числѣ обширнаго собранія писемъ, адресованныхъ къ извѣстному малороссійскому писателю и собирателю историческихъ матерьяловъ, Маркевичу, встрѣчаются и письма Мордвинова [2]). Со Сперанскимъ, какъ мы видѣли, Мордвиновъ въ послѣднее время разошелся [3]). Въ числѣ людей, близкихъ къ нему въ послѣдній періодъ, были: князь К. Ф. Друцкой-Любецкій и А. П. Ермоловъ.

Князь Друцкой-Любецкій, родомъ полякъ, воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и участвовалъ въ походѣ 1799 года. Съ 1800 года, выйдя въ отставку, онъ служилъ уѣзднымъ и губернскимъ предводителемъ гродненскаго дворянства; потомъ участвовалъ во временномъ управленіи герцогства Варшавскаго и ликвидаціонной коммиссіи, учрежденной на основаніи вѣнскихъ трактатовъ. Въ 1821 году онъ былъ назначенъ министромъ царства Польскаго, въ званіи кото-

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. X. Отвѣтъ В. Н. Каразину о состояніи финансовъ Россіи, отъ 28-го мая 1832 года.

[2]) Библіографическія Записки, II, 288.

[3]) Намъ сообщали, что вообще Сперанскій рѣдко бывалъ тогда у Мордвинова, и, если бывалъ, то болѣе оффиціально.

раго оставался до возстанія 1830 года. Заставъ состояніе финансовъ царства, вслѣдствіе предшествовавшихъ политическихъ событій, въ самомъ плачевномъ положеніи, но обладая свѣтлымъ и нерѣдко оригинальнымъ взглядомъ на вещи, онъ успѣлъ возбудить множество финансовыхъ вопросовъ, и «благодаря раціональнымъ мѣрамъ», принятымъ въ управленіи финансами, ему удалось привести послѣдніе въ весьма удовлетворительное состояніе [1]). Во время возстанія въ царствѣ Польскомъ, князь Любецкій участвовалъ въ депутаціи, отправленной въ Петербургъ генераломъ Хлопицкимъ, съ ходатайствомъ о возстановленіи конституціи 1815 года [2]); по усмиреніи же Польши онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта въ Россіи (въ февралѣ 1832 года [3]). Отзывъ Мордвинова о способностяхъ и управленіи князя Любецкаго финансами въ Польшѣ намъ извѣстенъ. Въ бытность же послѣдняго членомъ государственнаго совѣта, Мордвиновъ считалъ долгомъ совѣтоваться съ нимъ о своихъ финансовыхъ проектахъ [4]) и, какъ мы видѣли, прочилъ его въ министры финансовъ въ Россіи. Къ нимъ примкнулъ и Ермоловъ, назначенный членомъ государственнаго совѣта въ 1831 году [5]). Сближеніе графа Мордвинова съ княземъ Любецкимъ произошло, конечно, вслѣдствіе общихъ имъ занятій финансовыми вопросами; расположеніе Мордвинова къ Ермолову основывалось на личныхъ достоинствахъ послѣдняго и той прямотѣ, которою они оба такъ отличались и которая нерѣдко была проникнута духомъ героизма.

---

[1]) Богдановичъ, VI, 158—160, 185.

[2]) Записки Дениса Давыдова, Русская Старина, іюль 1872.

[3]) Списки членовъ государственнаго совѣта, составленные Карабановымъ, Чтен. Моск. общ. истор., 1860, I, 140.

[4]) Разсказы Ермолова, Чтен. въ Моск. общ. истор , 1863, IV, 230. О графѣ Канкринѣ князь Любецкій говорилъ: «Ce n'est pas un ministre des finances, mais un caissier général». Ibid., 229.

[5]) Списки членовъ государственнаго совѣта, составленные Карабановымъ, стр. 139.

Воспитанный въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, Ермоловъ на 22 году отъ роду былъ уже подполковникомъ, командуя артиллерійскою ротою. Такимъ быстрымъ возвышеніемъ онъ обязанъ былъ своему отцу, состоявшему при генералъ-прокурорѣ Самойловѣ, но вполнѣ управлявшему дѣлами по этой должности. Въ 1795 году А. П. Ермоловъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ русской арміи въ Италіи, а въ 1796 году, подъ начальствомъ Зубова, противъ Персіи. Съ воцареніемъ императора Павла, молодой Ермоловъ былъ арестованъ и сосланъ въ Костромскую губернію, какъ полагаютъ, вслѣдствіе злоупотребленій его отца, который послѣ того навсегда сошелъ со сцены. Только при императорѣ Александрѣ для А. П. Ермолова началось новое поприще. «Со смертію императора Павла, говоритъ онъ, множество несчастныхъ увидѣли конецъ бѣдствій, въ числѣ которыхъ и я получилъ свободу. По справедливости, время сіе могу назвать возрожденіемъ, ибо на 21 году жизни содержался я подъ карауломъ, какъ преступникъ [1]); найденъ невиннымъ и обращенъ на службу; взятъ, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли, вторично, исключенъ изъ списковъ, какъ умершій; заключенъ въ петербургскую крѣпость и впослѣдствіи отправленъ въ ссылку, въ Костромскую губернію, гдѣ начальствомъ объявлено мнѣ вѣчное пребываніе. Всемогущій, во благости Своей, царямъ міра, равно какъ и намъ, положилъ предѣлъ жизни, и мнѣ суждено воспользоваться свободою... Я пріѣзжаю въ Петербургъ, около двухъ мѣсяцевъ ежедневно скитаюсь въ военной коллегіи, наскучивъ всему міру секретарей и писцовъ... Съ трудомъ получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю

[1]) По доносу смоленскаго губернатора Тредьяковскаго, сына піиты, онъ былъ схваченъ въ имѣніи родственника своего, Каховскаго, независимое положеніе котораго не нравилось губернатору. Богатая библіотека, физическій кабинетъ и имѣніе Каховскаго были проданы, какъ обвиненнаго въ заговорѣ (Разсказы Ермолова, 217).

службу георгіевскій и владимірскій ордена, употребленъ былъ въ войнѣ въ Польшѣ и противъ персіянъ, находился въ концѣ 1795 года при австрійской арміи въ приморскихъ Альпахъ. Но сіе ни къ чему мнѣ не послужило, ибо неизвѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ, чуждъ смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени»[1]). Во время смотра въ Вильнѣ артиллеріи гр. Аракчеевымъ (1805 года), Ермоловъ, за смѣлыя возраженія, испыталъ его немилость, отъ которой не могъ освободиться и впослѣдствіи[2]). Тѣмъ не менѣе, кампанія 1805—1807 годовъ выдвинула его впередъ, а въ 1812 году онъ былъ уже начальникомъ главнаго штаба 1-й западной арміи. Съ 1816 по 1827 годъ Ермоловъ управлялъ Грузіей и командовалъ кавказскою арміею[3]).

Во время своего управленія на Кавказѣ, онъ обратилъ вниманіе на проведеніе удобныхъ дорогъ; заботился объ устройствѣ торговыхъ заведеній; успѣлъ сдѣлать значительное сбереженіе въ расходахъ (разъ въ 2 мил., въ другой разъ въ $1^1/_2$ мил. р. ассигнац.), которое однако исходатайствовалъ упо-

---

[1]) Въ ссылкѣ Ермоловъ предался занятіямъ латинскимъ языкомъ, переводя съ него лучшихъ писателей. Тацитъ былъ его настольнымъ авторомъ. Отъ предложеннаго заступничества П. П. Кутайсова онъ отказался, заявивъ, что своимъ освобожденіемъ онъ не желаетъ быть обязаннымъ «цирюльнику». Разсказы Ермолова, 222; Историч. Сборн. II, 245.

[2]) Еще до этого случая, Аракчеевъ постоянно сажалъ ему на голову то отставныхъ, то престарѣлыхъ подполковниковъ. Смотръ ротѣ Ермолова Аракчеевъ сдѣлалъ, не смотря на сильную усталость людей, во время перехода, и когда послѣ этого замѣтилъ ему, что въ артиллеріи важно содержаніе лошадей, то Ермоловъ, въ присутствіи всѣхъ, отвѣтилъ ему двусмысленно: «Жаль, ваше сіятельство, что въ артиллеріи репутація офицеровъ зависитъ отъ скотовъ». Разсказы Ермолова, Чтен. Моск. общ. истор., 1863, IV, смѣсь, 223.

[3]) Отправленію его на Кавказъ также содѣйствовалъ Аракчеевъ, боявшійся его возвышенія, если онъ останется на глазахъ государя. Ibid., 227—228.

требить на выдачу мясной порціи солдатамъ [1]). Проектъ образованія Кавказской области, одобренный Ермоловымъ (1821), по своимъ основнымъ положеніямъ вполнѣ былъ сходенъ съ сибирскимъ проектомъ Сперанскаго. Идея благородства въ кавказскомъ корпусѣ была поставлена весьма высоко, а самъ Ермоловъ, въ отношеніяхъ къ солдатамъ, держалъ себя, подобно Суворову, весьма доступно [2]).

Ермоловъ высоко цѣнилъ достоинства Сперанскаго; онъ настаивалъ передъ императоромъ Александромъ на сокращеніи войска; въ Лайбахѣ онъ предлагалъ государю допустить гласность въ военныхъ судахъ, на что государь отвѣтилъ: «Надо объ этомъ подумать; надо бы допустить гласность и въ гражданскихъ судахъ; здѣсь она могла бы быть еще полезнѣе». Неблагопріятный отзывъ Ермолова о военныхъ поселеніяхъ окончательно охладилъ къ нему Аракчеева [3]). У современниковъ онъ слылъ «за весьма либеральнаго человѣка» [4]), чѣмъ, вѣроятно, и объясняется расположеніе къ нему декабристовъ, въ сношеніяхъ съ которыми его тогда подозрѣвали [5]). Съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ Ермоловъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ [6]). Въ августѣ 1826 года, для наблюденія за дѣйствіями Ермолова былъ отправленъ на Кавказъ генералъ Паскевичъ, а въ февралѣ 1827 года, для устраненія разногласій между ними, графъ Дибичъ, которому были предоставлены полномочныя права. Ермоловъ увидѣлъ въ этомъ недовѣріе къ нему [7]), вслѣдствіе чего возникъ

---

[1]) Замѣтки Ермолова о его молодости, Русск. Архивъ, 1867, 366—376; Записки Ермолова и его переписка въ приложеніяхъ къ нимъ, изд. въ двухъ томахъ Моск. общ. исторіи.

[2]) Графъ Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 280; Историч. Сборн., II, 242.

[3]) Разсказы Ермолова, 231—232, 226.

[4]) Ibid., 225.

[5]) Записки декабриста (Розена), 165.

[6]) См. ихъ переписку въ Запискахъ Ермолова, т. II. Ср. Lacroix, II, 288—289.

[7]) Письмо къ императору Николаю, т. II, приложенія, стр. 244.

рядъ столкновеній между нимъ и его наблюдателями, окончившійся замѣною Ермолова Паскевичемъ [1]). Обвиненія въ жестокостяхъ Ермолова на Кавказѣ далеко не подтвердились (по общему отзыву Дибича и Паскевича); строгость же его къ бекамъ оказалась полезною для низшаго класса населенія, (отзывъ Дибича). Паскевичъ нашелъ упущенія въ выправкѣ и фронтовомъ обученіи войскъ на Кавказѣ; но, по отзыву Дибича, это нисколько не вліяло на дисциплину и духъ солдатъ. Упущенія же въ экономической части заслуживали дѣйствительнаго вниманія, хотя обвиненія въ томъ не относились лично къ Ермолову, но къ отдѣльнымъ начальникамъ, отчего не всѣ части были въ равномъ порядкѣ. Дибичъ приписывалъ излишнюю рьяность въ обвиненіяхъ Ермолова Паскевичемъ предвзятымъ взглядомъ послѣдняго на состояніе управленія на Кавказѣ [2]). Графъ Канкринъ объ управленіи Ермолова выражался такъ: «Хотя Ермоловъ никогда не воображалъ быть администраторомъ, но онъ вникъ въ нужды края, и многое, имъ сдѣланное на Кавказѣ, очень хорошо; не надо было разрушать то, что было имъ сдѣлано, а лишь дополнять» [3]).

Для характеристики Ермолова добавимъ еще слѣдующее. Онъ обыкновенно говаривалъ: «поэты суть гордость націи» [4]); а по поводу смерти Лермонтова выразился такъ: «Ужь я бы не спустилъ этому Мартынову! Если бы я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его: тамъ есть такія дѣла, что можно послать, да вынувши часы считать, черезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужь у меня бы онъ не отдѣлался. Можно позво-

---

[1]) Документы объ этомъ въ Русской Старинѣ, 1872, май и іюль.

[2]) Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ, въ Русск. Старинѣ, 1872, іюль.

[3]) Разсказы Ермолова, 229.

[4]) Такъ, уважая литературный талантъ Грибоѣдова, онъ спасъ его отъ послѣдствій 14-го декабря, дозволивъ ему, передъ осмотромъ его имущества, сжечь то, что могло возбудить подозрѣнія. Грибоѣдовъ служилъ тогда подъ его начальствомъ (Записки Давыдова).

лить убить всякаго другаго человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей (каковъ Лермонтовъ) не скоро дождешься». Все это сѣдой генералъ говорилъ по своему, слегка притопывая ногою [1]). Но когда московскій университетъ хотѣлъ возвести Ермолова въ почетные члены, то онъ отказался, находя себя пока недостойнымъ такой чести и обѣщая современемъ заслужить ее [2]).

Будучи назначенъ въ государственный совѣтъ, но не считая себя способнымъ къ его занятіямъ, Ермоловъ нерѣдко заявлялъ себя тамъ страннымъ способомъ дѣйствій. «Въ званіи члена совѣта, по словамъ великаго князя Михаила Павловича, онъ могъ, при своемъ умѣ и своей опытности, поставить себя на виду и поддержать прежнюю репутацію, хотя бы, пожалуй, особыми мнѣніями, sans être pour cela frondeur. Вмѣсто того, онъ сталъ въ совѣтѣ не только молчать, но и просто спать, увѣряя, что ничего не понимаетъ въ нашихъ дѣлахъ, что не можетъ давать голоса по такимъ вопросамъ, которыхъ не разумѣетъ, все съ какими-то arrières pensées, и наконецъ продѣлки свои заключилъ худообдуманнымъ письмомъ, въ которомъ уже слишкомъ перехитрилъ» [3])...

Въ вопросѣ о назначеніи предсѣдателей въ сенатѣ, Ермоловъ былъ на сторонѣ Мордвинова, находя, что облеченные въ это званіе могутъ имѣть въ виду лишь одно—угождать

---

[1]) Записки Погодина о Ермоловѣ, въ Русск. Вѣстн. 1864, кн. VIII, стр. 229. Записки Хвостовой, приложенія, 251.

[2]) Письмо Ермолова къ ректору университета, Чт. Моск. общ. ист., 1871, II, 159. Извѣстно, что историкъ Устряловъ поддался господствовавшему тогда мнѣнію о неспособности Ермолова, какъ полководца, о чемъ не затруднился заявить и въ своей книгѣ (Царств. императора Николая I). Отвѣтъ на это Ермолова помѣщенъ въ Историч. Сборн. (Лондонъ) и Русск. Старинѣ за 1872 годъ (сентябрь). Впрочемъ, сынъ Устрялова, въ оправданіе своего отца, заявилъ недавно (Спб. Вѣдомости, 1872, № 260), что Устряловъ написалъ такъ, не имѣя права опровергать сообщенныя свѣдѣнія.

[3]) Записки Погодина, Русск. Вѣстн., 1864, V, 259.

министру юстиціи [1]). Съ другой стороны, имя Ермолова было настолько авторитетнымъ для Мордвинова, что когда послѣдній не могъ бывать по болѣзни въ засѣданіяхъ совѣта и ему приносили на домъ бумаги для подписи, то онъ спрашивалъ всякій разъ у секретаря: «Подписалъ-ли это Алексѣй Петровичъ?» и послѣ удовлетворительнаго отвѣта тотчасъ подписывалъ ихъ безъ дальнихъ объясненій. «Престарѣлый адмиралъ очень любилъ Ермолова, и потому повѣрялъ ему свои финансовыя соображенія, прося его показать ихъ отъ себя князю Друцкому-Любецкому». Въ Мордвиновѣ Ермоловъ цѣнилъ «человѣка высокихъ свѣдѣній и замѣчательнаго ума»; съ княземъ Любецкимъ онъ былъ знакомъ съ молодости, служа съ нимъ въ одномъ, Низовскомъ полку [2]).

Говоря объ отношеніяхъ Мордвинова въ послѣдній періодъ его жизни, слѣдуетъ замѣтить, что его связи съ Бентамомъ сохранились до смерти послѣдняго (1 іюня 1832 года [3]). Послѣднее письмо Бентама въ Россію, изъ помѣщенныхъ въ его біографіи, адресовано было къ Мордвинову въ 1830 году. Бентамъ рекомендовалъ Мордвинову генерала Сантандера, бывшаго президента южно-американской республики Венезуэлы, который долженъ былъ удалиться изъ Америки вслѣдствіе диктатуры Боливара, путешествовалъ тогда по Европѣ и отправлялся въ Петербургъ. Сантандеръ принадлежалъ также къ поклонникамъ Бентама, сочиненія котораго были запрещены въ Венезуэлѣ съ утвержденіемъ господства Боливара. Вотъ что писалъ Бентамъ къ Мордвинову, рекомендуя ему Сантандера:

«Любезный адмиралъ! Я живъ, хотя уже перешелъ за 82 года, все еще въ добромъ здравіи и хорошемъ расположеніи духа, и кодифицирую, какъ драгунъ. Я надѣюсь тоже слышать и о васъ; но такъ какъ слышать это отъ васъ самихъ нѣтъ надежды при множествѣ занятій, на

[1]) Разсказы Ермолова, Чтен. Моск. общ. ист., 1863, IV, 229.

[2]) Разсказы Ермолова, 229—230, 217.

[3]) Convers.-Lexicon Мейера, т. III.

которыя вы жалуетесь, то я поручилъ моему другу, генералу Сантандеру, который, я надѣюсь, доставитъ вамъ это письмо,—постараться собрать удовлетворительныя доказательства *факта*,—столько желательнаго для блага Русской имперіи,—и извѣстить меня объ этомъ...

«Что касается цѣли Сантандера въ посѣщеніи вашей столицы, то, сколько я могу понимать, въ ней нѣтъ ничего политическаго. Нашей Темзы, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, онъ не поджигалъ, или (я положительно думаю) даже не пробовалъ этого, и я не полагаю, чтобы Нева могла отъ него опасаться чего нибудь. Будучи хорошо обезпеченъ (тиранъ не осмѣлился конфисковать его собственности), онъ намѣренъ, я полагаю, ни больше-ни меньше, какъ развлечься наблюденіемъ общества, представляющаго такой контрастъ съ тѣмъ, къ которому онъ всего больше привыкъ,—и путешествовать до тѣхъ поръ, пока прійдетъ извѣстіе, что тиранъ-узурпаторъ раздѣлилъ участь Иртубе, псевдо-императорской памяти» [1]).

Вѣсть объ іюльской революціи и паденіи Карла X во Франціи, подала поводъ Мордвинову написать «Разсужденіе о познаніи себя и людей» (на французскомъ языкѣ), въ которомъ онъ высказывается, что основою такого познанія должна быть *наука*. Петръ Великій, проникнутый просвѣщенными цѣлями своей реформы, можетъ служить нагляднымъ примѣромъ правителя, глубоко понимавшаго людей и среду, его окружавшую; Карлъ X—примѣромъ правителя, непонимавшаго людей и потому потерпѣвшаго неудачу въ ихъ выборѣ. Въ примѣчаніи къ своему разсужденію Мордвиновъ говоритъ: «Сіе написано мною при полученіи извѣстія, что король французскій, Карлъ X, изгнанъ съ престола. Виною сего несчастнаго для него происшествія была придворная с....чь, которая окружала его и которая ежедневно ему внушала

---

[1]) Works, XI, 33. Русскія отношенія Бентама, Вѣстн. Европы. 1869, апрѣль, 787.

о контръ-революціи и легкомъ способѣ сдѣлать ее. Таковы всѣхъ бывшихъ при немъ эмигрантовъ понятія и напоминаніе. *Я часто слышалъ о нихъ въ бытность мою въ Парижѣ въ 1818 году.*

«Для всѣхъ царствующихъ лицъ наука Лафатера должна быть первою, при начальномъ воспитаніи ихъ» [1]).

Въ послѣднее время, по такъ называемому «польскому вопросу» у насъ было издано нѣсколько мнѣній, написанныхъ въ разные періоды столкновенія Россіи съ Польшею. Въ мнѣніяхъ Мордвинова есть также наброски «мыслей для манифеста предъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ царство Польское въ 1831 году» [2]), которые будутъ не безъинтересны для исторіи мнѣній по означенному вопросу. Вотъ они:

«Военныя силы мои готовы дѣйствовать противъ васъ. Россійскій народъ стоитъ въ ополченіи казнить упорное вѣроломство. Но прежде нежели я употреблю мечъ и огонь къ сокрушенію вашему, внемлите словамъ отца, не желающаго гибели вашей. Не желаю я проливать кровь ни вашу, ни вѣрноподданныхъ моихъ россіянъ. Отвѣчайте моей откровенности вашею. Объясните мнѣ требованія, причину возстанія и цѣль ожиданія вашего.

«Если были оскорблены какія права и законы, то сіе послѣдовало противъ воли моей, и вы должны сами то знать.

«Справедливость требуетъ злоупотребленія и огорченія противозаконныя исправить. Я обѣщаю ихъ исправить и принять мѣры, дабы впредь права ваши не были нарушаемы и огорченія были предупреждаемы.

«Я не смѣшиваю невинныхъ съ преступниками, и въ такомъ разумѣ и расположеніи мыслей издалъ начальный мой манифестъ, когда вы явились бунтовщиками противъ властей, мною у васъ поставленныхъ, и ознаменовали поступки ваши убійствами, пожаромъ и грабежами.

---

[1]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. IX.

[2]) Ibid., т. IX. Само собою разумѣется, что хотя онѣ написаны въ оффиціальной формѣ, но онѣ принадлежатъ лично Мордвинову.

«Благосостояніе невинныхъ должно быть обезпечено; преступники должны быть наказаны.

«Какъ царь вашъ, противъ котораго лично вы не можете принести ни единой праведной жалобы, повелѣваю:

1. Томящихся у васъ плѣнныхъ освободить.

2. Оружіе изъ арсенала похищенное возвратить.

3. Зачинщиковъ возмущенія—заключить въ тюрьму (но они могутъ избрать изгнаніе изъ земли царства Польскаго).

4. Возмутившіеся полки обезоружить.

5. Предать суду возмутителей и назначить время для выхода ихъ за границу.

6. Возстановить узаконенныя власти.

7. Объявить съ моей стороны прощеніе и примиреніе съ народомъ царства Польскаго».

Въ случаѣ же новыхъ безпокойствъ въ странѣ, Мордвиновъ предлагаетъ усмирить ее оружіемъ, сохранивъ лишь учрежденія и мѣстные законы; польскую администрацію замѣнить русскою; смертной казни не предавать и не дѣлать конфискацій имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считалъ необходимымъ ввести въ употребленіе въ Польшѣ русскую азбуку [1]).

(По поводу возникшихъ въ 1833 году отношеній Россіи къ Турціи, Мордвиновъ представилъ государю (23 февраля) мнѣніе о необходимости освобожденія Іерусалима изъ подъ власти магометанъ, за которое получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ [2]).)

Въ 1833 году Мордвинова снова постигла непріятность, которая еще вначалѣ царствованія Александра I служила для него причиною многихъ безпокойствъ. Не смотря на рѣшеніе государственнаго совѣта 1810 года, утвержденное государемъ, о правахъ его на Байдарскую долину и предо-

---

[1]) Вслѣдствіе возникшихъ затрудненій въ ц. Польскомъ, Мордвинову, вмѣстѣ съ Новосильцовымъ, было поручено вести въ Англіи переговоры о сохраненіи мира въ Европѣ (?). Le Portfolio, IV, № 27, p. 26.

[2]) Собраніе мнѣній, т. XI.

ставленіе татарамъ отыскивать права лишь на тѣ земли, на которыя существуютъ у нихъ положительныя свидѣтельства, новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ Воронцовъ, далъ ходъ новымъ притязаніямъ татаръ на земли въ Байдарской долинѣ, а затѣмъ обратился (26 мая 1833 года) къ Мордвинову съ весьма рѣзкимъ письмомъ на счетъ его правъ. Не обращая никакого вниманія на существовавшіе въ рукахъ Мордвинова и признанные закономъ документы на владѣніе, Воронцовъ отвергалъ въ письмѣ даже права князя Потемкина и его племянника, Высоцкаго, на земли, доставшіяся Мордвинову по купчей отъ послѣдняго, и поддерживалъ мнѣніе таврической казенной палаты, что будто купчая Мордвинова не была предъявлена въ уѣздный судъ, между тѣмъ какъ она была засвидѣтельствована въ судѣ и въ оригиналѣ представлена въ сенатъ.

Такое отношеніе къ дѣлу со стороны графа Воронцова вызвало Мордвинова на «суровый отвѣтъ» (17 октября 1833 года), въ которомъ онъ, прослѣдивъ всю исторію своей тяжбы, на основаніи документовъ доказываетъ свои права на владѣніе, объясняя причины тяжбы прежними возбужденіями стряпчихъ, которые до сихъ поръ не переставали эксплуатировать «добродушіе» татаръ. «Повѣрьте, ваше сіятельство, писалъ Мордвиновъ, что я не пожелаю въ пространномъ моемъ имѣніи остаться одинъ съ бѣлками, прыгающими по деревьямъ, и съ ящерицами, бѣгающими прелестно по землѣ, и имѣть работниками и пахарями волковъ и лисицъ: первыхъ для увеселенія, вторыхъ для обогащенія моего. Когда я купилъ Байдарскую долину, тогда въ оной находилось не болѣе 600 татаръ; новые поселенцы на оную пришли, и нынѣ я ихъ имѣю болѣе $1^1/_2$ тысячи; слѣдовательно татарамъ не тягостно жить у меня». Въ заключеніе всего Мордвиновъ предлагаетъ Воронцову заняться лучше раздачею нуждающимся татарамъ пустыхъ казенныхъ земель, лежащихъ въ окрестностяхъ и ничего не производящихъ [1]).

[1]) Отвѣтъ Мордвинова, въ Чтен. Моск. общ. ист., 1868, III, 126–141.

Въ государственномъ совѣтѣ дѣло Мордвинова велъ Ермоловъ. «Ермоловъ, говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный партизанъ, Денисъ Давыдовъ, защищалъ въ совѣтѣ дѣло Мордвинова о Байдарской долинѣ, купленной имъ у Высоцкаго, которому она досталась въ наслѣдство послѣ князя Потемкина и которую самымъ незаконнымъ образомъ оспаривалъ Воронцовъ, именемъ крымскихъ татаръ» [1]).

«Съ графомъ (потомъ князь) Воронцовымъ (М. С.) Ермоловъ былъ друженъ во все царствованіе Александра I. Они называли другъ друга не иначе, какъ братъ Михаилъ, братъ Алексѣй. Братъ Михаилъ хотѣлъ устроить дачу и выстроить домъ для брата Алексѣя на южномъ берегу Крыма. Но съ возшествіемъ на престолъ императора Николая I ихъ отношенія измѣнились и о дачѣ не было уже помину. Впрочемъ, Ермоловъ писалъ къ нему часто, послѣ того какъ Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа» [2]).

Въ апрѣлѣ 1839 года Мордвиновъ ходатайствовалъ предъ государемъ о пожалованіи внуки его, Екатерины Столыпиной, во фрейлины; а въ іюнѣ 1841 года онъ ходатайствовалъ у Нессельрода о возведеніи американскаго консула Евстафьева въ званіе министра, отзываясь о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ! [3])

Не смотря, однако, на частую поддержку со стороны государя, въ своемъ оффиціальномъ положеніи Мордвиновъ нерѣдко испытывалъ колебанія.

Въ письмѣ къ императору Николаю, вызванномъ тѣмъ, что Мордвиновъ не нашелъ себя въ спискѣ служащихъ, по поводу предстоявшаго торжества бракосочетанія государя наслѣдника, хотя онъ занималъ, по старшинству службы, первое мѣсто въ ряду гражданскихъ и военныхъ чиновни-

---

[1]) Записки Давыдова, Лондонъ, 1863, стр. 38. Ср. Разсказы Ермолова въ Чтен. Моск. общ. ист., 1863, IV, 229—230.

[2]) Погодинъ, Матерьялы о Ермоловѣ, Русскій Вѣстн., 1864, май, стр. 263.

[3]) Собраніе мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII (письма).

ковъ, онъ жаловался на превратности своей судьбы, благодаря клеветамъ, которыя преслѣдовали его постоянно [1]). Такъ, въ 1814 году, онъ былъ обойденъ пожалованіемъ князя Петра Васильевича Лопухина въ первый классъ; затѣмъ его хотѣли помрачить близостью къ декабристамъ. При крещеніи великаго князя Константина Николаевича, въ октябрѣ 1827 года, Мордвиновъ, вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ, былъ назначенъ поддерживать подушку и покрывало у великаго князя [2]); но въ декабрѣ того же года онъ однако не пользовался близостью [3]). Въ 1829 году онъ получилъ алмазные знаки къ ордену Андрея-Первозваннаго [4]); а въ апрѣлѣ 1834 года въ первый классъ былъ пожалованъ графъ В. П. Кочубей [5]), на что указываетъ Мордвиновъ въ своемъ письмѣ 1841 года. Въ іюнѣ 1834 года, въ уваженіе заслугъ по земледѣльческому комитету, Мордвиновъ былъ возведенъ въ графы, причемъ нѣкоторые старались помѣшать ему въ томъ, утверждая предъ государемъ, что это пожалованіе противно желанію Мордвинова. Записка его «о винныхъ откупахъ», 1838 года, дала его врагамъ новый поводъ выставить его предъ государемъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ; но, вслѣдъ затѣмъ, ему обѣщано было сообщать о клеветахъ на будущее время. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1841 года, въ первый классъ былъ пожалованъ князь А. Н. Голицынъ, стоявшій гораздо ниже Мордвинова по времени службы (онъ возведенъ во второй классъ въ 1828 году, а Мордвиновъ въ 1797-мъ). Все это вызвало Мордвинова на вышеупомянутую записку, поданную имъ государю 14 апрѣля 1841 года. Дѣйствительно, въ спискѣ чиновъ перваго класса имя Мордвинова не встрѣчается [6]).

---

[1]) Письмо въ Собраніи мнѣній Н. С. Мордвинова, т. XIII.

[2]) Lacroix, Hist. de la vie et du règne de Nicolas I, t. III, p. 57.

[3]) Письмо къ государю, отъ 12-го декабря 1827 года, при мнѣніи о росписи на 1828 годъ, въ Собраніи мнѣній, т. VIII.

[4]) Біографія у Мюнстера.

[5]) Списки Карабанова, Чтен. Моск. общ. ист., 1860, I, стр. 112.

[6]) Ibidem.

Въ послѣднее время Мордвиновъ часто болѣлъ. Въ концѣ 1842 года онъ оставилъ и дѣятельность по вольно-экономическому обществу. Еще года за два до того онъ подвергся удару, но до послѣдняго времени сохранилъ живую память. Онъ скончался 30 марта 1845 года, имѣя отъ роду 91 годъ (родился 17 апрѣля 1754 года), и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Воспитанный подъ вліяніемъ реформы Петра Великаго и преобразовательныхъ идей первой половины царствованія Екатерины II; проникнутый духомъ англійской науки и гуманныхъ стремленій «вѣка просвѣщенія» — Мордвиновъ представляетъ собою цѣльный и своеобразный типъ извѣстнаго направленія. Невзгоды, постигшія его въ царствованіе императора Павла I, и то широкое поле дѣятельности, которое открылось передъ нимъ со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, со всѣми удачами и неудачами, сопровождавшими его на этомъ поприщѣ, только способствовали выработкѣ въ немъ основныхъ чертъ того же направленія. Его неровности, возбужденные порывы, стоицизмъ въ убѣжденіяхъ и нерѣдко юношеское увлеченіе завѣтной идеей, постоянно переплетающіеся между собою,— результатъ условій, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Какъ оффиціальный дѣятель, онъ поражаетъ насъ свободнымъ отношеніемъ къ дѣлу, нерасположеніемъ къ формализму, господствовавшему въ правахъ русской администраціи добраго стараго времени, и глубокимъ гуманнымъ чувствомъ, которое проявляется во всѣхъ его взглядахъ и стремленіяхъ. Его мнѣнія, которыми онъ создалъ свою славу, какъ общественный дѣятель,—не оффиціальные отчеты или проекты только, но еще болѣе—глубоко-прочувствованныя мысли надъ современнымъ состояніемъ общества, проникнутыя искреннимъ желаніемъ улучшенія ему. Но, въ данный моментъ, помимо этого, для насъ важно, что пройдя почти

вѣковое поприще жизни, среди борьбы всевозможныхъ направленій и взглядовъ, Мордвиновъ остался вѣренъ преданіямъ петровской реформы, и въ лицѣ Петра Великаго не переставалъ видѣть образецъ правителя-реформатора, неуклонно идущаго по своему пути и вооруженнаго знаніемъ людей. Когда ему замѣчали, что у насъ нѣтъ необходимыхъ силъ и дѣятелей, то онъ отвергалъ это и въ примѣръ имъ ставилъ отношенія Якова Долгорукова къ Петру Великому, и Петра Великаго, который выслушивалъ Лефорта, Гордона, Миниха, Шереметева, Долгорукова, Меншикова, а подчасъ и русскаго мужика и голландскаго матроса. Онъ только не слушалъ, говорилъ Мордвиновъ, чернецовъ властолюбивыхъ и ненавидѣвшихъ просвѣщеніе [1]).

Въ то время, когда наше общество, благодаря недавно пережитымъ реформамъ, такъ дружно привѣтствовало двухсотлѣтнюю годовщину великаго преобразователя Россіи, будетъ не лишне припомнить о такомъ глубокомъ пониманіи просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго однимъ изъ предвозвѣстниковъ настоящей эпохи.

Кіевъ, августъ 1872.

---

[1]) Записки Розена, 515. Историческая критика не можетъ, впрочемъ, вполнѣ придавать такого значенія Я. Долгорукову, какое утверждено за нимъ преданіемъ, но для насъ въ этомъ случаѣ важно лишь усвоенное опредѣленіе.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Къ стр. 135, примѣч. 3: Аркадій Алексѣевичъ [1]) Столыпинъ находился временно въ Москвѣ, по порученію правительства, для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ въ сенатѣ (Русск. Арх. 1870 г., с. 882 и 1120).

Къ стр. 190, стр. 22, вмѣсто: законодательнаго сословія и гдѣ частной волѣ... *слѣдуетъ читать:* законодательнаго сословія, гдѣ изреченія законовъ должны быть строго соблюдаемы и гдѣ частной волѣ нашей...

Къ стр. 236: Чтобы судить правильно о политическихъ воззрѣніяхъ Н. С. Мордвинова, слѣдуетъ имѣть въ виду, что на такихъ же основаніяхъ были построены почти всѣ тогдашніе политическіе планы учрежденій, не исключая даже проекта Сперанскаго, хотя авторъ его менѣе другихъ могъ принадлежать къ членамъ аристократіи по своему происхожденію.

Къ стр. 407: Причина вліянія Аракчеева не можетъ быть ясно понята, если судить о немъ по однимъ отрицательнымъ явленіямъ. Безъ сомнѣнія, его трудолюбіе и безусловная исполнительность играли въ этомъ случаѣ важную роль. Такъ, не смотря на свой консерватизмъ, онъ пишетъ, по порученію государя, проектъ освобожденія крестьянъ; Чарторижскій высказываетъ расположеніе къ нему за сочувствіе планамъ императора въ вопросѣ о Польшѣ; извѣстно также, какъ дѣйствовалъ онъ при учрежденіи военныхъ поселеній, причемъ отказывался даже отъ авторства въ нихъ.

Къ стр. 439: Общество «Зеленой Лампы» собиралось именно въ домѣ Никиты Всеволодовича Всеволожскаго (Русская Старина, 1873, апр., 471), извѣстнаго богача (Русск. Архивъ, 1866, 1174).

Къ стр. 444: Окончательное постановленіе надъ пятью главными участниками заговора 1825 года состоялось на основаніи рѣшенія предоставленнаго верховному уголовному суду указомъ 10 іюля (ст. 13), а не по высочайшему повелѣнію (Русск. Стар., 1873, VIII, 243).

Въ «Воспоминаніяхъ петербургскаго старожила» (Русск. Вѣстн. 1872, декабрь, стр. 682—685) находится нѣсколько замѣтокъ о Мордвиновѣ, относящихся къ 1839 году. Онъ жилъ тогда въ собственномъ домѣ,

---

[1]) На этой же страницѣ (стр. 16) онъ ошибочно названъ «Александровичемъ».

противъ Николы Морскаго, «нынѣ домъ статсъ-секретаріата царства Польскаго» [1]).

Вотъ описаніе кабинета Мордвинова: «Меня ввели, говоритъ авторъ «Воспоминаній», въ огромную длинную комнату въ шесть оконъ въ рядъ, всю уставленную столами, на которыхъ находились картонники, съ многоразличными надписями, а именно: «Государственный Совѣтъ», «Вольное эконом. общество», «Благотворительныя учрежденія», «Банки», «Проекты», «Вотчины», «Домашнія дѣла», «Корреспонденція частная», «Корреспонденція родственная», и пр. Стѣны покрыты были шкафами, гдѣ подъ стеклами виднѣлись переплетныя спинки книгъ съ золотыми титлами. Въ промежуткахъ шкафовъ были ландкарты, планы, глобусы, модели разнаго рода, физическіе и астрономическіе инструменты».

Мордвиновъ пожелалъ познакомиться съ авторомъ, по поводу изданнаго послѣднимъ описанія удѣльнаго земледѣльческаго училища. Разговоръ ихъ сосредоточился на разборѣ разныхъ системъ земледѣлія, по поводу чего авторъ замѣчаетъ: «Меня поражала та бодрость слова и ясность мысли, которыми отличался разговоръ этого, повидимому, полуразрушеннаго и одною уже ногою стоящаго въ могилѣ старца».

Во время печатанія нашего труда появились «Воспоминанія объ адмиралѣ, графѣ Н. С. Мордвиновѣ», написанныя дочерью его, гр. Н. Н. Мордвиновой (Спб., 1873, типогр. морск. министер., 107 стр.), которымъ мы пожелали въ нашемъ предисловіи быть напечатанными.

Приводимъ изъ нихъ нѣсколько извлеченій, дополняющихъ нашъ разсказъ:

«При увольненіи отъ службы дѣда моего (отца Ник. Семеновича Мордвинова), государыня (Екатерина II) пожаловала ему богатое имѣніе въ Бѣлоруссіи (съ 2000 душъ), принадлежавшее прежде ордену іезуитовъ» (стр. 6). Оно досталось потомъ Николаю Семеновичу.

Ник. Сем. родился въ селѣ Покровскомъ, Новгородской губерніи. «Съ малолѣтства онъ учился дома, у родителей; французскому языку бралъ уроки въ пансіонѣ, бывшемъ въ то время единственнымъ въ Петербургѣ. Содержатель этого пансіона былъ итальянецъ Вентурини, а помощникомъ его, французъ, отставной сержантъ». За свою любознательность Н. С. нерѣдко платился линейкой по рукамъ (стр. 7).

Мать Н. С. была очень строга; отецъ, напротивъ, слишкомъ добръ (с. 7—8). Около 10 лѣтъ Н. С. былъ взятъ во дворецъ, для воспи-

---

[1]) Въ «Воспоминаніяхъ» дочери (стр. 58) говорится о покупкѣ, около 1815 года, дома на театральной площади.

ганія съ велик. княз. Павломъ Петровичемъ: онъ былъ «любимый его товарищъ, и кротостью своею имѣлъ большое вліяніе на смягченіе характера великаго князя» (с. 8).

«Во время плаванія на англійскихъ судахъ, ему (Н. С.) случалось нѣсколько разъ посѣщать берега Америки и быть въ разныхъ мѣстахъ ея континента, а для большаго ознакомленія съ просвѣщеніемъ европейскихъ народовъ, онъ путешествовалъ по Германіи, Франціи и другимъ западнымъ государствамъ». Лѣто 1777 года онъ провелъ въ одномъ англійскомъ семействѣ, въ Португаліи, въ очаровательной долинѣ Чинтра, гдѣ оправился отъ меланхоліи, постигшей его по смерти отца. Возвратясь въ Россію, онъ взялъ на себя заботы о воспитаніи своихъ сестеръ и брата, Евграфа; самъ выбиралъ имъ книги и даже обращалъ вниманіе на туалетъ сестеръ. Н. С. былъ весьма свѣдущъ въ математикѣ. Кромѣ разныхъ наукъ, вошедшихъ въ кругъ его образованія, онъ зналъ шесть иностранныхъ языковъ: греческій, латинскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій и французскій. *Гомера* прочелъ на древнемъ греческомъ языкѣ (стр. 9—10).

Жена Н. С., Генріэтта Александровна Кобле, родилась въ Англіи, въ 1764 году, а воспитывалась въ Италіи, въ семействѣ старшей сестры, Партриджъ, весьма умной женщины, мужъ которой былъ ученый человѣкъ. Лафатеръ, къ которому, по примѣру многихъ, послали портретъ Генріэтты Александровны, выразился о ней такъ: «Sur ce front se peignent la noblesse, la candeur et la pureté». Н. С. сначала избѣгалъ встрѣчи съ нею, боясь увлечься, но, встрѣтившись случайно съ ея семействомъ въ Пизѣ, сталъ потомъ бывать, увлекшись ея умомъ и красотою. По словамъ знавшихъ ея, «она была удивительная красавица», а Н. С. сравнивалъ ее даже съ Мадонной Сассоферато, находящейся въ знаменитой галлереѣ дворца Питти, во Флоренціи (стр. 11—13). Н. С. женился уже во второй пріѣздъ въ Ливорно, въ 1784 году.

Въ бытность на службѣ въ Херсонѣ, Н. С. встрѣчалъ Екатерину II, во время поѣздки ея на югъ Россіи. Тамъ Мордвиновъ лишился дочери, Софіи, а двѣ сестры, жившія при немъ, вышли замужъ: Екатерина за Ѳеодора Ив. Маркова (адъютанта Суворова), другая, Анна, за бригадира Ник. Ив. Корсакова. Старшая, Елисавета, была фрейлиной. За дѣйствія противъ турокъ въ 1788 году, Мордвиновъ не получилъ Георгія (а Анну 1-й ст.), по проискамъ Рибаса; вотъ почему, когда узнала объ этомъ государыня, то уже въ 1793 году вновь пожаловала Мордвинову Владиміра 1-й ст. *за подвиги въ началѣ послѣдней войны съ турками»*. Въ Херсонѣ у Мордвинова родились: сынъ Николай (вскорѣ умершій) и дочь Надежда, въ 1789 году. Здѣсь Мордвиновъ познакомился съ извѣстнымъ филантропомъ Говардомъ, изучавшимъ тогда состояніе тюремъ. Послѣдній пробылъ въ Херсонѣ нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ на рукахъ Мордвинова. Въ своихъ путешествіяхъ онъ говоритъ, что нигдѣ, во всей Европѣ, онъ не нашелъ

такого порядка и чистоты тюремъ и госпиталей, какъ у Мордвинова. Благоговѣя передъ Екатериною за ея великій умъ, Мордвиновъ не всегда могъ переносить покорность передъ властью ея любимцевъ, и потому разошелся съ Потемкинымъ (стр. 13—17).

Оставивъ Херсонъ, Н. С. отправился въ Москву, гдѣ родилась у него дочь Вѣра (15 дек. 1790 г.), а оттуда въ Бѣлоруссію, гдѣ прожилъ въ большомъ уединеніи около двухъ лѣтъ (въ это время умеръ Потемкинъ). Онъ хотѣлъ ѣхать за границу, и съ этою цѣлью отправился въ Петербургъ, гдѣ встрѣтился съ своимъ пріятелемъ, Поповымъ. Екатерина пожелала, чтобы Мордвиновъ вступилъ въ службу, и онъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы его доклады принимались ею безъ всякаго посредничества. Объ его докладахъ государыня выражалась потомъ: «*Донесенія Мордвинова писаны золотымъ перомъ*». Она подарила ему «Китайскія Записки», составленныя миссіонерами (Les mémoires des Chinois), а вел. князь Павелъ Петровичъ—«Записки Сюлли (Les mémoires de Sully), причемъ сказалъ: «Когда я буду царемъ, ты будешь при мнѣ моимъ Сюлли». Мордвиновъ не любилъ многосложныхъ бумагъ, и, чтобы пріучить къ тому другихъ, онъ возвращалъ прошенія обратно, если они были болѣе одной страницы. Въ бытность свою въ Николаевѣ, Мордвиновъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ докладами въ Петербургъ (18—22).

Въ Николаевѣ у Мордвинова жили двѣ сестры (Елисавета и Анна) съ своими семействами, и братъ жены (Ѳома Александровичъ Кобле), а ежедневными посѣтителями были: мадамъ Гаксъ съ дочерьми, баронесса Боде съ дѣтьми, гр. Александръ Ив. Остерманъ-Толстой, гр. Гейденъ и Гамильтонъ—оба моряки; многіе изъ французскихъ эмигрантовъ, поступившихъ во флотъ. За обѣдомъ у него иногда собиралось 30—40 человѣкъ. Еженедѣльно въ Николаевѣ бывали балы (разъ въ клубѣ, а разъ у Мордвинова), маскарады, и т. п. Въ 1794 году, у Мордвинова родилась дочь Наталья [1]). Изъ Николаева онъ часто ѣздилъ въ Крымъ, а лѣтомъ его семейство жило въ Богоявленскомъ (возлѣ Николаева), или Спасскомъ, на Бугѣ. При раздѣлѣ Н. С. достались: Покровское и бѣлорусское имѣніе; Екатерина II пожаловала ему большую часть Ялтинской долины; импер. Павелъ—1000 душъ въ Воронежской и Тамбовской губ. Пріятель его, Фалѣевъ, завѣщалъ ему свое имѣніе—Качу. Пользуясь дешевизною земель въ Крыму, онъ купилъ ихъ въ Судакѣ и Байдарской долинѣ. Затѣмъ еще купилъ имѣнія въ губерніяхъ: Пензенской, Саратовской и Оренбургской, и въ уѣздахъ: днѣпровскомъ (Черную Долину) и мелитопольскомъ (23—28).

При вступленіи на престолъ, импер. Павелъ назначилъ слѣдствіе надъ Рибасомъ, которое поручилъ Мордвинову, предоставивъ ему

[1]) На стр. 136 (примѣч. I) у насъ сказано: старшая дочь Мордвинова..... слѣдовало сказать: «младшая» дочь..... Она вышла замужъ въ апрѣлѣ 1825 года. См. Воспомин., стр. 74.

право сослать виновнаго въ Сибирь. Мордвиновъ избавилъ Рибаса отъ бѣды, а онъ началъ интриговать противъ него, результатомъ чего были слѣдствія надъ Мордвиновымъ и вызовъ его въ Петербургъ. Въ числѣ недоброжелателей Мордвинова оказывается и кн. Куракинъ. Мордвиновъ успѣлъ оправдаться; но приближенные императора уговорили его—не допускать Мордвинова къ объясненію, чтобы онъ, своею горячностью, не прогнѣвилъ снова государя, а въ сущности боясь его вліянія на послѣдняго. Тогда государь подарилъ ему 1000 душъ и отпустилъ его. Мордвиновъ говорилъ о Павлѣ Петровичѣ, что онъ имѣлъ много благородныхъ качествъ, но его вспыльчивость, мнительность и настойчивость въ требованіяхъ давали возможность приближеннымъ пользоваться минутою для своихъ цѣлей. Для этого у нихъ готовы были въ рукахъ доносы. Однимъ изъ нареканій противъ Мордвинова было—что онъ будто бы не радовался возшествію на престолъ Павла Петровича и скорбѣлъ о кончинѣ Екатерины (29—32).

Въ Николаевѣ (1799) у Мордвинова родился сынъ, Александръ. Затѣмъ, до вступленія на престолъ импер. Александра, онъ прожилъ съ своимъ семействомъ въ Крыму [1]), гдѣ и познакомился съ знаменитымъ Палласомъ. Н. С. былъ весьма точенъ въ распредѣленіи своего времени, и потому каждый вечеръ отдавалъ себѣ отчетъ—съ пользою ли провелъ онъ день, а дѣтей заставлялъ вести журналъ. Дѣтей своихъ онъ велъ такъ, что не только ихъ не наказывали, но даже не бранили. Въ Маѣ 1801 Мордвиновы отправились въ Петербургъ, куда прибыли спустя 4 мѣсяца, причемъ въ Москвѣ Н. С. гостилъ у своего пріятеля, кн. Вяземскаго. Въ Клину Н. С. получилъ приглашеніе отъ государя вступить на службу, и затѣмъ былъ назначенъ вице-презид. адмиралтейской коллегіи. Министерство морскихъ силъ онъ оставилъ вслѣдствіе интригъ, въ которыхъ главное участіе принималъ «бывшій его пріятель», П. В. Чичаговъ, ставшій министромъ въ 1804 году. Въ Петербургѣ Н. С. самъ занимался съ дѣтьми, объясняя имъ физику, астрономію, архитектуру и др. предметы. «Онъ не любилъ педантизма въ женщинахъ, но хотѣлъ, чтобы мы (т. е. дочери) имѣли понятіе о всѣхъ наукахъ». Кромѣ того, онъ любилъ, чтобы дѣти читали и славянскія книги. По выходѣ въ отставку, Н. С. жилъ то въ Бѣлоруссіи, то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, комендантомъ которой былъ братъ его жены. Въ Одессѣ же Н. С. познакомился съ молдавскимъ господаремъ, княземъ Маврокордато, по совѣту котораго онъ уѣхалъ съ семействомъ въ Москву (1806). Тамъ кн. Гагаринъ ввелъ его въ то дворянское собраніе, въ которомъ Н. С. избранъ предводителемъ милиціи. Въ 1807 году Н. С. съ своимъ семействомъ ѣздилъ въ Тамбовскую, Воронежскую и Пензенскую губ., для обозрѣнія имѣній. Въ Москвѣ многіе изъ знатныхъ

---

[1]) Ср. нашей монографіи стр. 25—26.

фамилій селились тогда, чтобы избѣжать придворныхъ интригъ, и Н. С. купилъ домъ въ Басманной улицѣ и Подмосковную, чтобы остаться тамъ. Но, въ концѣ 1809, послѣ посѣщенія государемъ Москвы, Н. С. снова былъ приглашенъ служить (стр. 33—49).

Въ то время въ Петербургѣ жили сестры Мордвинова съ семействами; братъ жены его также пріѣхалъ туда. Воскресенья были назначены для танцевъ. Обѣ императрицы оказывали расположеніе къ Н. С., и Марія Ѳедоровна подарила ему камe всей императорской фамиліи своей работы. «Н. С. былъ очень занятъ дѣлами, и у него собирались комитеты—я не помню какіе, только всегда съѣзжалось много членовъ» (финансовый комитетъ?). Онъ заблаговременно предвидѣлъ нападеніе Наполеона. Весною 1812 года Н. С. съ семействомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ видѣлся съ государемъ. Сначала о немъ не хотѣли доложить, полагая, что онъ въ опалѣ, а послѣ аудіенціи—стали заискивать, но онъ не обратилъ вниманія. Изъ Москвы Мордвиновы переѣхали въ Пензу. Губернаторомъ тамъ былъ тогда кн. Голицынъ.

Обратный переѣздъ Мордвинова въ Петербургъ произошелъ лѣтомъ 1814 года, а не въ 1813 году, какъ сказано у насъ (50—58). Тогда же снова вступилъ въ службу А. А. Столыпинъ.

За-границу, въ 1828 году, Н. С. выѣхалъ съ семействомъ 6 іюня. Путь его лежалъ на Витебскъ, Житоміръ и Лембергъ — въ Вѣну; осень, зиму и весну (1819 года) они провели въ Италіи (Венеція, Падуя, Болонья, Флоренція, Ливорно, Пиза, Римъ и Миланъ). Въ Пизѣ Н. С. познакомился съ профессоромъ Санти; въ Миланѣ сошелся съ Джьойей и потомъ переписывался съ нимъ. Чрезъ Швейцарію Н. С. проѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Лондонъ (15 іюля), гдѣ пробылъ три недѣли и гдѣ часто видѣлся съ Іереміею Бентамомъ. Посѣтивъ затѣмъ Ливерпуль, Н. С. снова прибылъ въ Парижъ. Здѣсь часто посѣщалъ его герц. Ришелье; Н. С. познакомился съ Лоранси, редакторомъ газеты «Constitutionnel», которая ему очень нравилась. Онъ получалъ еще либеральную газету «Drapeau blanc», которую, впрочемъ, не одобрялъ, а равно и ораторовъ лѣвой стороны. Въ августѣ 1820 года, черезъ Дрезденъ и Берлинъ, Н. С. возвратился въ Петербургъ. Онъ любилъ шахматную игру, хотя самъ и не игралъ; съ дамами былъ особенно вѣжливъ... Многіе боялись его откровенности и справедливости. Онъ же часто говаривалъ: «Любовь моя къ царю и отечеству слиты въ одно чувство»; а также: «Бѣда была бы Россіи, еслибы власть находилась во многихъ рукахъ». Его называли русскимъ Аристидомъ (59—74).

Н. С. былъ очень аккуратенъ: самъ велъ счеты; откладывалъ копѣйку на черный день; любя дома убранство, не терпѣлъ излишнихъ украшеній (вазъ на столахъ, и т. п.). Онъ былъ врагомъ какъ кабаковъ, такъ и модныхъ магазиновъ. Н. С. любилъ музыку и живопись, и въ бытность свою въ Италіи, а потомъ и въ Петербургѣ, пріобрѣлъ большое собраніе картинъ знаменитыхъ живописцевъ. Въ мартѣ

1826 года, при торжественной процессіи, сопровождавшей тѣло императора Александра, онъ несъ царскій скипетръ (76—83).

Послѣ 1830 года Н. С. пересталъ выѣзжать на частные балы, кромѣ дома Шишкова. Онъ велъ знакомство съ старинными литераторами: Карамзинымъ, Жуковскимъ; нѣкоторыя сочиненія Пушкина читалъ съ большимъ удовольствіемъ. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, онъ и Н. С., живя 20 лѣтъ въ одномъ городѣ, никогда не ѣздили одинъ къ другому... Н. С. цѣнилъ его умственныя дарованія, но душевныя качества ихъ были различны... Иначе свидѣтельствуетъ Бентамъ (см. у насъ стр. 350). Н. С. содѣйствовалъ распространенію гомеопатіи въ С. Америкѣ, и былъ избранъ почетнымъ членомъ тамошняго общества гомеопатовъ. Н. С. не отказывалъ и въ частной благотворительности: иногда «дарилъ тысячами». Жена Н. С. была живаго характера и отличалась наблюдательностью. Н. С. нерѣдко читалъ ей свои сочиненія и выслушивалъ ея замѣчанія. Въ молодости Н. С. много читалъ французскихъ мыслителей; потомъ, подъ вліяніемъ жены, полюбилъ чтеніе нравственныхъ произведеній, въ англійскомъ духѣ. Метафизики и мистическихъ книгъ никогда не любилъ. Онъ много занимался исторіей; зналъ древнихъ писателей и новѣйшихъ авторовъ; впослѣдствіи же болѣе слѣдилъ за результатами наукъ и современными событіями. Онъ не любилъ, если въ исторіи прославлялись завоеватели какъ великіе люди; онъ называлъ ихъ «разбойниками», которыми просвѣщенная нація не должна гордиться. Географія была извѣстна ему до мельчайшихъ подробностей. Ложась спать, онъ клалъ подъ подушку бумагу и карандашъ, чтобы записывать свои мысли, и до глубокой старости не прибѣгалъ къ услугамъ камердинера. Около 1840 года онъ простилъ всѣ недоимки съ крестьянъ и долги несостоятельныхъ лицъ. Близкіе къ нему находили въ немъ единственный недостатокъ—это вспыльчивость.

Жена Н. С. умерла 16 августа 1843 года. Сынъ былъ женатъ на Анаст. Алексѣевнѣ Яковлевой и граф. Александрѣ Петровнѣ Толстой, и умеръ въ концѣ 1858 года, въ Одессѣ. На выносѣ тѣла Н. С. Мордвинова присутствовали: импер. Николай Павловичъ и великіе князья (84—105).

Составительница «Воспоминаній» отвергаетъ извѣстіе С. Аксакова о присутствіи семейства Мордвинова на итальянскомъ спектаклѣ, данномъ для нихъ у Шишкова, хотя онъ *самъ* (Аксаковъ) ихъ видѣлъ (можетъ быть не все семейство присутствовало?) и знаніе итальянскаго языка дочерьми Н. С., какъ сообщаетъ Аксаковъ.

Составительница «Воспоминаній» удивляется, что «Русская Старина» повторяетъ извѣстіе С. Аксакова объ обыкновеніи Н. С. цѣловаться съ *знакомыми* дамами въ губы. Но Аксаковъ слишкомъ солидный писатель, чтобы навязывать ему выдумку; самый фактъ, въ преклонныхъ лѣтахъ Н. С. (около 60), ничего не представляетъ невѣроятнаго, особенно, когда и сама составительница записокъ нѣсколько разъ говоритъ, какъ интересовались Н. С — чѣмъ именно

дамы, какъ дорожили онѣ его любезностями и какъ слѣдили за его появленіемъ гдѣ бы то ни было (стр. 67, 83). Притомъ фактъ о поцѣлуяхъ вовсе не относится къ области историческаго изслѣдованія, чтобы удивляться повторенію его со словъ такого «очевидца», какъ С. Т. Аксаковъ.

Составительница «Воспоминаній» безусловно отвергаетъ связь выѣзда Н. С. изъ Петербурга съ удаленіемъ Сперанскаго. Но объ этомъ говоритъ не одинъ Вигель, а и близкій пріятель Мордвинова—Шишковъ, хорошо знавшій тогдашнія дѣла; да и сама составительница записокъ говоритъ, что Н. С. считали въ опалѣ, когда онъ явился въ Москву, а это могло отразиться и на первыхъ встрѣчахъ его въ Пензѣ. Есть еще и другія указанія въ этомъ родѣ—Бентама, самого Мордвинова (см. у насъ, стр. 132, 136).

Знакомство Н. С. съ Грибоѣдовымъ отвергается тамъ же потому, что послѣдній не былъ даже представленъ Мордвинову; но Грибоѣдовъ самъ говоритъ о знакомствѣ, въ письмѣ къ Бѣгичеву (см. у насъ, стр. 432—433). О Рылѣевѣ говорится тамъ, что онъ раза два былъ въ домѣ Н. С. (Воспом. стр. 85). Воейкова составительница «Воспоминаній» не помнитъ, но другіе [1]) называютъ его «пріятелемъ» Н. С.

Вообще, относясь съ благодарностью къ изданію «Воспоминаній о Н. С. Мордвиновѣ», слѣдуетъ все таки пожалѣть, что въ нихъ обойдены нѣкоторые факты, важные для его характеристики (хоть бы напримѣръ о разныхъ перемѣнахъ въ жизни Н. С., на которыя онъ самъ указываетъ); о нѣкоторыхъ лицахъ, съ которыми онъ очевидно былъ близокъ, ничего не говорится, напр. о Н. И. Тургеневѣ, и др. Другіе вопросы очень мало затронуты, наприм. объ отношеніяхъ къ крестьянамъ [2]). Такимъ образомъ, и послѣ изданія «Воспоминаній», вопросы, поставленные нами въ предисловіи, остаются въ своей силѣ. Теперь бы слѣдовало уже подумать и объ изданіи переписки и бумагъ Н. С. Мордвинова, какъ это сдѣлано многими другими владѣльцами семейныхъ документовъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и «Русская Старина», и «Русскій Архивъ», и «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», и «Чтенія Московскаго Общества Исторіи».

---

[1]) Колбасинъ, Литературные дѣятели прежняго времени, 251.

[2]) Въ Запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго есть указаніе, что причиною тяжебъ татаръ съ Н. С. за Байдарскую долину было именно несуществованіе письменныхъ документовъ прежнихъ владѣльцевъ - татаръ, почему управитель, Н. С., Платоновъ, позволялъ себѣ даже захваты (Памятн. новой рус. исторіи, III, 418).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Л.

М.

Н.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

*) На 26 стр. (пр. 2) ошибочно стоитъ Шишкинъ.

ERRATA.

стр.	строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
6	3 н*)	Замѣтки	Записки
9	19	*1689*	*1789*
12	18	секретаремъ.	секретаремъ,
14	6н	*Вревской*	*Ржевской*
33	2	словомъ	слогомъ
35	9н	при кото-	изъ кото-
36	2	*начальствомъ*	*начальникомъ*
48	5н	*не оплучать*	*не получаютъ*
49	5н	тѣхъ нихъ	тѣхъ изъ нихъ
64	9—10	*Павелъ Яковлевичъ*	*Павелъ Васильевичъ*
—	16	оффиціальнаго	неоффиціальнаго
66	4н	велѣно	велѣно было
90	7н	выполняется	восполняется
110	16н	*миллiоакровъ*	*милліоновъ акровъ*
114	3	*привьете*	*прольете*
117	13н	приводитъ	проводитъ
122	10—11	*бурнаго*	*дурнаго*
125	3н	гр. *А. Р.* Воронцовъ	гр. *С. Р.* Воронцовъ
129	4н	*истинной*	*интимной*
130	17н	1810 г.	1811 г.
176	6н	той *монеты*	той *системы*
179	16—17	отзывается	отзывался
216	18	выдумка. А	выдумка, а
226	4	сознаемъ	сознаетъ
227	19н	*неумѣстный* же авторъ	*неизвѣстный* же авторъ
238	7	предержащей	*отъ* предержащей
240	10	скорбимъ	*мы* скорбимъ
255	10—11	что повиновались	что повиновались *они*
260	5н	говорилъ	говоритъ
264	12н	*Кириллова*	*Корнилова*
296	12н	и нынѣ	а нынѣ
309	4	двуличнымъ	двулицымъ
310	2н	*Браницкаго*	*Радзивила*
313	12н	и напалъ	а напалъ
320	3	миролюбныхъ	миролюбивыхъ
375	1	исторіи	имперіи
407	4н	уѣзжалъ	уѣхалъ
454	18	іюня	іюля

*) Буквою *н* означены строки снизу

2007081649